

Genre

love_sf

Author Info

Вероника Мелан

Корпорация «Исполнение желаний»

На что вы готовы ради близких людей? Такой вопрос для Шерин Мур не стоял. Узнав о похищении любимого, она решилась пойти на риск и заняла в долг огромную сумму денег у таинственной «Корпорации — Исполнение Желаний». Вот только что же они попросят взамен и когда настанет тот день? Об этом Корпорация поначалу умалчивает...

v 1.0 — созданиеProstoTas

Вероника Мелан

Корпорация «Исполнение желаний»

Глава 1. Вечерний Звонок

Группа высотных зданий, стоящих на правом берегу реки Клэндон, уже поглотила большую часть солнца, и теперь лишь россыпь оранжево-красных лучей золотила крыши коттеджей, раскинувшихся повсюду, насколько хватало глаз — от моста и до самой Вест-Бартон авеню. Машины, словно неугомонные насекомые, все еще продолжали бороздить улицу, но уже не так интенсивно, как в дневные часы, движение стихло почти сразу после закрытия банка на углу. Большая их часть стояла у кафе «Лориан» («Ароматная сдоба — десерты — живая музыка») и у стеклянного трехэтажного мола «Сомерсет», двери которого то и дело распахивались, выпуская наружу запоздавших покупателей с разноцветными пакетами и свертками в руках. Где-то внизу негромко играла музыка. Я отошла от окна и присела на диван. Взгляд рассеянно соскальзывал с одного предмета на другой — вот стоящие на полке над камином часы, маятник бесшумно движется из стороны в сторону, отсчитывая исчезающие в никуда секунды, высокая ваза, декорированная выпуклыми виноградными ягодами, серебряная ложка, подсвечник, фарфоровый заяц...

«Что там делает серебряная ложка?» — Лениво попыталась вспомнить я, но взгляд уже наткнулся на фотографию в рамке, и ложка была мгновенно забыта. Расслабленность исчезла без следа, вернулось тягучее, тоскливое ощущение.

«Алекс-Алекс.... Сколько времени прошло?».

Я подошла к камину и взяла фотографию в руки. Пальцы бережно скользили по знакомым чертам, застывшим на тонкой пластинке черно-белой бумаги. Все то же лицо, та же улыбка, озорное выражение темных глаз. Мне даже не пришлось считать, сколько именно прошло времени, я итак это знала — один месяц и восемнадцать дней. Всего — сорок восемь. Или пятьдесят два, если считать с момента получения Элмером записки.

От этой мысли застывшая память очнулась и попыталась лихорадочно прокрутить все, что случилось тем апрельским вечером, но я резко поставила фотографию обратно на полку и отошла от камина.

«Нет! Не снова. — Переживать этот кошмар в сотый раз не имело смысла. — Это ничему не помогает. Выкуп был заплачен. Он не вернулся. Точка!»

«Может все еще изменится?» — Тихо, с робкой надеждой пропел внутренний голос, и я поняла, что еще несколько секунд и представление повторится снова: разрываемая противоречивыми мыслями голова наполнится тоской и болью, покатятся слезы, отчаяние набросит железные нити и с новой

силой стянет концы.

«Нет. Хватит. Остановись!»

Я судорожно набрала в грудь воздух и задержала дыхание. Нужно остыть, отвлечься, принять пару таблеток тайленола и лечь спать. Завтра будет новый день. И, может быть, что-то изменится.

Осторожно выпустив воздух, я еще какое-то время стояла посреди комнаты, будто прислушиваясь, не вернутся ли сводящие с ума голоса, затем устало потерла лицо ладонями и направилась в спальню.

В это время в гостиной прозвенел звонок.

Серебристая трубка, лежащая на полке, издала вторую пронзительную трель, экран светился голубым.

— Алло. — Нажав кнопку ответа, устало выдохнула я, с тоской поглядывая на дверь спальни.

— Шэрин Мур? — Раздался на том конце приятный, но незнакомый женский голос.

— Да.

— Вас беспокоит Корпорация «Исполнение желаний».

Я вздрогнула и напряглась. «Та-а-ак, время пришло...» — Проплыла в голове единственная мысль.

Женский голос продолжил:

— Заявка N1839920 была подана от вашего имени в начале апреля. Правильно?

Пересилив мимолетное желание солгать, я ответила:

— Все верно.

— Мы бы хотели увидеться с вами и обсудить детали возвращения долга.

— Хорошо. Когда? — Я поежилась, пытаюсь представить, что именно они могут попросить взамен.

— Через час

— Сегодня!? — Возмутилась я, но постаралась удержать себя в руках. — Девушка, но ведь уже почти ночь (каминные часы показывали начало двенадцатого). Может быть, я смогу подъехать к вам с утра, скажем, завтра в девять или десять? Давайте я запишу адрес...

Невозмутимый голос перебил меня, недослушав. Однако интонации неуловимо изменились, теперь казалось, что я говорю с девушкой-роботом.

— Машина придет за вами через пятнадцать минут. Никакие документы вам не понадобятся, достаточно будет сетчатки глаза. Подписанный договор о неразглашении информации будет считаться нарушенным, если вы сделаете хотя бы один телефонный звонок после нашего разговора и до того времени, когда придет машина. Надеюсь увидеть вас в офисе через час. Всего доброго, миссис Мур!

Раздались короткие гудки.

Я оторопело смотрела на трубку.

«Очень вежливая дама, ничего не скажешь. Как приятно с вами вести диалог, дорогая Корпорация»

— язвительные мысли крутились словно пчелы, вот только жалить было уже некого. Оставалось надеяться, что разговор в офисе будет происходить с кем-то другим, одно только воспоминание о девушке-телефонистке вызывало приступ антипатии.

Положив трубку на полку, я прошла в спальню. Время есть только для того, чтобы принять душ и переодеться. Мягкая постель манила сильнее прежнего, но я миновала ее, не задумавшись.

Возможно, еще удастся поспать сегодня, но это будет позже. Сначала нужно выяснить, как именно

придется отдавать долг в размере четырехсот пятидесяти тысяч долларов.

Четыреста пятьдесят тысяч. Неимоверная сумма.

Перед глазами возник образ Алекса.

Смеющееся лицо с черно-белой фотографии.

Темные стекла автомобиля, несущегося по ночным улицам, не пропускали ни единого лучика. Ни отблеска фонарей, ни светящихся витрин — сплошная темнота. Салон освещали несколько тусклых лампочек, встроенных в двери и еще одна — в потолок.

Я усмехнулась.

Конечно, как можно было предполагать, что они покажут дорогу к зданию корпорации? А я даже попросила назвать адрес, всерьез ожидая ответа. Перегородка, отделяющая пассажирскую часть от водителя, позволяла рассмотреть смутный силуэт человека за рулем, но никак ни местность, по которой мы проезжали. Со мной практически никто не разговаривал. Короткое приветствие завершило так и не начавшийся диалог. На то, что машина движется, указывала лишь тихая тряска сиденья. Через какое-то время мое тело подалось вперед и отклонилось назад. Автомобиль встал, но ненадолго. Спустя несколько секунд он снова набрал скорость.

«Светофор» — автоматически отметила я, рассматривая приборную панель с кнопками для изменения температуры салона и положения сиденья. Управление окнами или дверными замками отсутствовало.

Не удивительно.

Ничуть не утратив спокойствия (побег не входил в план с самого начала), я продолжала рассматривать черное непроницаемое стекло.

Корпорация.... В голове прокручивался короткий разговор с дамой-«роботом». Вот и пришло время узнать по каким правилам они играют. Я с самого начала знала с кем связываюсь. Реклама «Dreams LTD» была повсюду: уличные щиты пестрели красивыми слоганами и заголовками — «Проблемы? Нужна помощь? Обращайтесь к нам... номер прост...», с экранов телевизоров вещали элегантно одетые, рассказывающие об удобстве сервиса, накрахмаленные ведущие. Однако нигде не было видно или слышно отзывов людей, воспользовавшихся обозначенным сервисом. И это настораживало. Что-то становилось более или менее ясным после подписания договора о неразглашении информации, но чтобы даже слухов не было? Неужели люди не перешептываются между собой в барах? Не доверяют друг другу на ухо сокровенные тайны лучшие друзья? Не делятся секретами подружки? Все это выглядело, по меньшей мере, странным, если не подозрительным. Но выхода не было.

Когда Элмер сообщил, что Алекс пропал, а потом пришло требование о выкупе, никто не смог бы дать нужную сумму денег. Никто, кроме корпорации «Исполнение Желаний». После нескольких тщетных попыток выведать что-либо у друзей (пользовался ли кто-то? что корпорация просит взамен?), мне не оставалось ничего другого, как поднять трубку, набрать номер и узнать все самостоятельно. Думать, что друзья предают, не хотелось. Но, в то же самое время почему-то не хотелось верить, что никто до этого не пользовался услугами «Dreams».

«Какая теперь разница».

Я снова вспомнила тот день, когда решила сделать звонок.

Узнав, что предоставляя деньги, компания не просит возвращать долг тем же методом, то есть не

ожидает получить четыреста пятьдесят тысяч назад, было принято окончательное решение. Я согласилась. Деньги на счет пришли быстро, почти мгновенно. Никто не упомянул, когда может прозвучать просьба о возвращении долга и чем именно придется его возвращать. Безвыходность ситуации не позволяла спорить. Будучи человеком ответственным, я понимала, что взваливаю на плечи огромную ношу, соглашаясь выполнить любую (или почти любую) ответную просьбу, не ведая, о чем может идти речь. Предательство или даже убийство заставило бы меня серьезно задуматься или даже отступить от выполнения договора, поэтому я хранила надежду, что все обойдется без крайностей.

Да, деньги я получила. Отправила туда, откуда пришло требование о выкупе. Вот только Алекс назад не вернулся.

«Что ж. Это уже не вина корпорации. — Продолжая смотреть в темноту, я стиснула зубы. — И им все равно, вернулся он или нет. Они хотят получить долг».

И это их право.

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула.

Через несколько минут машина остановилась. На этот раз окончательно. Хлопнула водительская дверца, следом распахнулась дверь в салон.

— Миссис Мур? Приехали.

«Приехали» — Мысленно повторила я и вышла из машины.

— Чай, кофе, может быть, просто воды? — Осведомился высокий, но невероятно худой мужчина, поднимаясь из-за стола в знак приветствия. — Алкоголь?

— Нет, спасибо.

Мужчина кивнул. Лицо его было желтоватым и каким-то сухим, возможно, виной тому было освещение в кабинете, а, может, песочного цвета пиджак, что собирался складками при каждом движении, будто был надет не на мужчину, а на швабру или веник.

— Мое имя Скотт. — Представился он, доставая из кармана пачку сигарет и закуривая. — Скотт Брамс. Вы, если я не ошибаюсь — Шерин Мур.

— Не ошибаетесь. — Сухо отрезала я, пытаясь удобнее устроиться в жестком кресле. — И вы сами это знаете.

«Веник» усмехнулся.

— Надеюсь, поездка сюда не доставила вам неудобств...

Я начала раздражаться. Вся эта наигранная вежливость была совершенно ни к чему, мы оба знали, зачем я здесь, однако он знал больше и это нервировало. К тому же усталое тело просило сна.

Кабинет, в котором мы находились, не отличался особыми изысками. Стол, пара кресел, шкаф в углу. Просто и безвкусно.

— Перестаньте, мистер Брамс. Переходите к делу.

— Хорошо, как скажете. Позволю себе напомнить, что вы здесь, потому что обратились в корпорацию выдать вам определенную сумму денег, которая была вами незамедлительно получена. Правильно?

— Да.

— Были ли у вас нарекания по поводу сервиса, скорости обслуживания или другие?

— Нет.

Брамс удовлетворенно кивнул.

— Тогда переходим к делу. Мы надеемся, что ответная просьба не покажется вам чрезвычайно сложной в исполнении и не займет много времени.

— Смогу ответить, только когда услышу ее.

— Конечно. Миссис Мур, мы хотим, чтобы вы доставили вот эту посылку по назначению.

Откуда-то из-под стола на свет появилась картонная коробка, запаянная в пластик. Текста нигде видно не было.

— Как я понимаю, что внутри мне знать не положено? — Нахмурилась я, рассматривая посылку.

— Вы правы. — Радостно подтвердил мужчина, будто услышал невероятно ценное и своевременное замечание. — Вы не можете открывать коробку ни при каких условиях. Терять ее тоже не нужно, как вы сами понимаете.

— Я надеюсь, что это не что-то взрывоопасное?

— Нет. Посылка совершенно безопасна.

— Хорошо, так куда она должна быть доставлена?

Брамс оторвал взгляд от коробки и направил его на меня.

— Это — город. Вам нужно приехать туда, найти нужного человека, передать посылку и на этом ваша миссия заканчивается.

От такой простоты впору было вздохнуть от облегчения. По крайней мере, они не просят убить кого-то. Однако именно простота заставляла насторожиться.

— Если все так просто, почему бы вам самим не доставить посылку?

Губы на узком желтом лице растянулись в подобие улыбки.

— Мы не назывались бы корпорацией, если бы все делали сами.

«Логично, старый сукин сын. Вам нужны такие как я, чтобы бегать».

— Хорошо. Сообщите название города, адрес и имя человека, которому эта коробка предназначена. — Я рвала с места в карьер. Хотелось как можно быстрее начать и закончить. Тем более, пока все выглядело более чем выполнимо.

— Видите ли... — Брамс осторожно прокашлялся. — На деле ситуация не настолько проста. Город имеет название «Ареа 33» и это закрытый город. Адрес человека мы тоже дать не можем, вам придется найти его самостоятельно. А вот имя дадим с удовольствием....

— Подождите... — Перебила я его. — Что вы имеете в виду — «закрытый город»? Если город даже не имеет нормального имени и, к тому же, считается закрытым местом, он, скорее всего, опасен. Так?

— Не буду спорить. — Прищурился Брамс. — Но ведь и четыреста пятьдесят тысяч не маленькая сумма, так?

— Я вижу. — Сдержанно ответила я, прекрасно осознавая, куда он клонит.

Мужчина несколько секунд молчал, выжидая новых всплесков эмоций, затем продолжил.

— Итак, имя человека — Кристофер Ларош. Все, что я могу сказать наверняка — это то, что он в этом городе. Вам придется его найти. Так как в город невозможно попасть просто так, вы будете снабжены необходимыми документами, которые позволят беспрепятственно въехать на его территорию.

— Можете ли вы дать дополнительную информацию об этом месте? Что там происходит? Там

проводят какие-то эксперименты?

— Нет, насколько я знаю, никакие эксперименты там не проводят. Военные действия тоже не ведутся. С остальным вы разберетесь на месте.

Мне показалось, что Брамс пытается проскочить эту тему, как можно скорее, и я всячески старалась его в ней удержать.

— Где она находится? Ваша «Зона 33»? Покажите наглядно. — Я кивнула в сторону висящей на стене карты.

— Хорошо. — Он неохотно поднялся и подошел к карте. — Вот. Здесь.

Крючковатый палец скользнул где-то в окрестностях к юго-западу от Клэндон-Сити.

«Может быть, миль двести, двести пятьдесят. — Прикинула я в голове. — Не очень далеко, но и не близко»

— Выглядит так, как будто там горы и ничего больше.

— Как еще должна выглядеть закрытая зона? — Крякнул Брамс и вернулся к столу. — Может быть, замки нарисовать для привлечения туристов?

Я оставила его сарказм без ответа.

Теперь вся эта затея выглядела не так легко, но все еще выполнимо. Конечно, это займет какое-то время и придется оставить магазин на попечение Линды, но она знает, что делать. Недаром мы проработали бок о бок почти три года.

Я вздохнула и попыталась вытянуть затекшие ноги. Голова гудела от усталости, недостаток информации заставлял беспорядочно кружить мысли. Однако то, что задача усложнилась, принесло чувство некоторого облегчения. Возможно, это было нерационально, но простота миссии пугала гораздо сильнее, чем ее сложность. Если бы эта зона была открытой, обычным городом, то мое недоумение заставило бы искать подвох, скрытый замысел. А так... Возможно, они просто не хотят марать руки о всякие закрытые территории. Неприятно, что теперь это поручено мне, но хотя бы объяснимо.

— Когда я смогу ознакомиться с документами, которые вы предоставите для въезда на территорию?

— Вы получите их непосредственно перед въездом на границу. Еще какие-то вопросы? — Брамс, как ни странно, тоже выглядел уставшим.

— Я хочу ознакомиться с ними сейчас.

— Я не могу предоставить вам такую возможность. Документы сейчас готовятся другим отделом.

Они будут вам отданы перед въездом в город.

«Черт! Ничего не получается от тебя получить»

— Когда мне нужно будет туда ехать?

— На рассвете.

Я почти не удивилась. С одной стороны плохо, что не будет времени собраться, с другой даже хорошо. Если это не займет больше нескольких дней, то хотелось бы отправиться туда как можно скорее. Да, покончить с этим и вернуться. Уже без долгов, без ответственности.

— Есть ли у вас еще вопросы, миссис Мур? — Без энтузиазма осведомился Брамс, доставая новую сигарету.

— Вопросов много. Только сложно сосредоточиться, какой задать первым.

— Отдохните. Потом решите, что спрашивать. Мы предоставим вам комнату на этом этаже, где вы

сможете поспать. Вас накормят, там же есть ванна, если хотите освежиться.

Все это звучало чертовски привлекательно. Особенно образ мягкой постели.

— Хорошо. — Я устало потерла глаза. — Наверное, мне действительно стоит поспать. Но у меня еще много вопросов. Не забывайте об этом.

— Конечно. — Мягко ответил Брамс. — Не забудем.

Он поднял трубку внутреннего переговорного устройства и нажал на кнопку:

— Ли, проводи миссис Мур в комнату отдыха. На сегодня все.

Уже выходя из кабинета и следуя за девушкой в красной юбке, я продолжала думать обо всем, что сказал Брамс. Какой-то город. Нужно попасть, прихватить с собой коробку и записать имя этого Лароша.

«Я забыла взять посылку из кабинета. — Неожиданно вспомнила я, и хотелось было повернуть назад, но тут же успокоилась. — Они не дадут мне без нее уехать. А после сна, на свежую голову, я задам и остальные вопросы».

По-крайней мере, так мне тогда казалось.

Ворочаясь на кровати, я пыталась отыскать наиболее удобное положение, которое бы позволило поскорее заснуть. Комната, в которую меня привели, была простенькая, но уютная, обстановка сильно походила на отель: широкая двуспальная кровать, тумбочка, лампа, три стула и пара картин на стенах. Для полного сходства не хватало только телевизора. Окна были плотно задрапированы, я попробовала было отодвинуть занавески, чтобы выглянуть на улицу, но они оказались прищиплены к стенам. Не прилагая особенных усилий, я отступила. Не хотите показывать, где мы находимся, ну и не надо. Умывшись, я сразу выключила свет и легла спать. Непроницаемая темнота окружила со всех сторон.

В голове крутился прошедший день. С утра в магазин пришла новая коллекция аксессуаров, но мы с Линдой почти все разобрали. Осталось только поставить на учет новый товар. Я сонно подумала, что нужно будет обязательно позвонить ей с утра и предупредить о моем временном отсутствии. Бутик женской одежды я открыла три года назад, за это время он стал приносить небольшой, но стабильный доход. Вести такой бизнес было не сложно, и я наняла всего четырех сотрудников, однако до сих пор наслаждалась находиться там ежедневно, присматривая за работниками, заказывая новые коллекции, продумывая стратегии привлечения новых покупателей. В целом все шло неплохо, и я подумывала об открытии второго магазина. Где-нибудь поближе к дому. Хоть Алекс и забирал меня каждый вечер после работы, я все же хотело иметь возможность прогуливаться до работы и обратно пешком, наслаждаясь теплым летним воздухом.

Незаметно мысли перешли на Алекса. Вспомнилось его улыбчивое лицо, озорные глаза. Правда, в последнее время он улыбался не так часто, а перед исчезновением ходил и вовсе хмурый. Что-то изменилось. Он стал другим. Когда я пропустила этот момент? Видя его постоянный сосредоточенный (и как будто даже испуганный?) взгляд, я старалась не давить с вопросами, поддерживать, быть внимательной, но это не помогало. Из красноречивого парня, Алекс превратился в замкнутого и отчужденного мужчину. Что он знал? Предполагал ли он грядущие неприятности или же просто чувствовал себя неважно из-за разногласий с Элмером?

Элмером. Который получил требование о выкупе. Который отказался его платить.

«Хороший же ты бизнес-партнер. Скотина — Пронеслось в голове, но на настоящую злость сил уже

не хватало. — Ладно, разберемся позже».

В коридоре были слышны чьи-то шаги и приглушенные голоса. Вскоре все стихло, и я провалилась в сон.

Меня подняли в семь утра. Определить это удалось только по стоящим на прикроватной тумбе электронным часам. Комната, из-за плотных занавесок была, как и накануне вечером, погружена во мрак. Болезненно морщась от громких звуков, я потянулась к лампе, зажгла свет и зевнула.

В комнату въехал столик на колесах, уставленный тарелками.

— Завтрак, миссис Мур. — Оповестила та же девушка, что вчера провожала меня в комнату.

«Как ее имя? Ах, да — Ли».

— Спасибо!

Не успела я скинуть одеяло, как тут же снова прижала его к груди. Вслед за Ли в комнату вошли двое мужчин.

— Эй! — Возмутилась я, плотнее кутаясь в простыни. — Может, хотя бы одеться дадите?

— Просим прощения, миссис Мур. Но мы должны сообщить, что у вас на завтрак и сборы есть двадцать минут. Машину уже ждет, нужно срочно отправляться.

Я мгновенно подумала о Брамсе.

— А как же моя утренняя встреча с мистером Скоттом Брамсом? Он обещал ответить на мои вопросы.

Какие именно вопросы я собираюсь спрашивать, сонная голова еще не успела сообразить, но поспешный отъезд мог лишить всякой возможности их задать. Мужчины осторожно переглянулись.

— Брамс еще не приехал в офис. И возможно не появится до полудня. Мы должны успеть доставить вас на автобус, идущий в «Зону 33». Автобус ходит раз в несколько дней, было бы неприятно пропустить сегодняшний рейс.

«Очень даже приятно» — раздраженно подумала я, сетуя на Брамса за отсутствие в офисе.

— Выйдите из комнаты. — Не вполне дружелюбно попросила я. — Мне нужно одеться.

— У вас есть только двадц...

— Помню! К этому времени буду готова!

Мужчины испарились. Вслед за ними вышла Ли, предварительно осведомившись, не требуется ли чего-то еще. После ухода гостей, я вздохнула, скинула простыни и села на кровати.

«Стоит ли пробовать ругаться, чтобы нашли кого-то другого, кто мог бы выдать всю интересующую меня информацию? — Размышляла я. — Эти двое тогда, скорее всего, силком потащат меня к машине. Если автобус и правда ходит раз в несколько дней, мне и самой было неплохо на него попасть. Кому нужны задержки? Ладно, к черту вопросы. Обойдусь как-нибудь».

Спустя двадцать минут, я вышла в коридор. Те двое, что заходили в комнату, теперь ждали прямо за дверью, один из них нетерпеливо поглядывал на часы.

— Все точно, без опоздания. Даже не думайте меня упрекать. — Буркнула я.

— Пойдемте.

Они направились вперед по коридору, я последовала за ними.

Машина ждала в подземном гараже — такая же черная, как и та, что доставила меня в корпорацию.

Усевшись на заднее сиденье, я с сожалением отметила, что через зеркальные окна снова ничего не видно.

«Конспираторы, тоже мне...»

Из развлечений оставалось только менять температуру и двигать вперед-назад кожаное кресло. Такое разнообразие быстро надоело, и, откинувшись назад, я закрыла глаза. Машина набрала скорость. Через какое-то время в салоне запахло влагой и прелыми прошлогодними листьями.

«Снаружи дождь идет. Жаль, что ничего не видно».

В голове возникла картинка, как вместо того, чтобы ехать в непонятном направлении, я могла бы сейчас погулять по улице, посидеть в любимое кафе, купить свежих булочек, а после направиться в свой магазин.

«Как же я забыла!»

Подавшись вперед, я постучала по перегородке, отделявшей меня от водителя. Почти сразу приоткрылось окошко.

— Мне нужен телефон. Позвонить на работу, предупредить, что меня не будет.

Какое-то время царила тишина, затем в окошке показалась рука, держащая складную трубку мобильного.

— Спасибо.

— Только не говорите лишнего. — Предупредил мужчина.

— Как будто я сама не знаю.

Окошко закрылось. Я принялась набирать номер Линды.

После нескольких длинных гудков она ответила.

— Линда? Привет, это Шерин. Я хотела тебе сказать, что уезжаю по делам, когда вернусь, не знаю. Что? Нет, остальных девочек я не предупредила. В общем, все на тебе.... Да. Да. И заказ коллекций тоже. Нет, я же говорю, не знаю, когда вернусь. Позвони в Дивье, попробуй получить скидку, сегодня также должен звонить мистер Оливер, назначь с ним встречу, передай бумаги, что лежат в верхнем ящике стола. Не забудешь?

Я была уверена, что Линда ничего не забудет. Ее пунктуальность и аккуратность порой переходили в занудство, но с этим мириться было куда проще, чем с забывчивостью или, что еще хуже — небрежностью.

Женский голос в трубке продолжал задавать вопросы, я едва успевала отвечать.

«Все-таки это редкая удача — иметь такого работника. — Параллельно думала я. — Хоть об этом не придется волноваться. Нужно будет выдать ей хорошую премию, как вернусь»

— Линда, спасибо, что ты готова взвалить все на свои плечи, и прости, что не предупредила заранее. Я знаю, что ты все сделаешь, как можно лучше. Что? — Я на миг погрузилась. — Нет. Ничего нового от Алекса. Мне тоже жаль.

Мы немного помолчали.

— Ладно, мне пора. Своего телефона у меня пока нет, но как только появится, я дам тебе номер. Хорошо. Тебе тоже удачи! Счастливого.

Я нажала «отбой» и посмотрела в непроницаемое окно. После разговора стало немного грустно. Захотелось домой — заварить кофе, посмотреть свежие журналы, послушать щебет птиц, доносящихся через приоткрытое окно, может, пройтись по бутикам, посмотреть, как другие хозяева освещают стенды и размещают товар.

«Ладно. Раз поездка уже началась, значит, и ее конец стал ближе».

Успокоившись этой нехитрой мыслью, я откинулась назад и закрыла глаза. Быть может, удастся немного поспать, набраться сил перед новыми впечатлениями.

Автобусная станция выглядела неприветливо.

Одноэтажное каменное здание было выкрашено белой краской, во многих местах потрескавшейся и отставшей от стен хлопьями. Может, от сырости, может от времени. Несколько пыльных окон располагались по периметру, но отсутствующее внутри освещение не позволяло разглядеть убранство. На месте двери находился проход, сама же дверь, одиноко ржавея в луже, лежала неподалеку.

Местность, окружающая станцию тоже не радовала глаз: редкие кусты по бокам забетонированной площадки, грязные канавы, куда стекала дождевая вода, серые горы, наполовину скрытые туманом, возвышались в отдалении, на горизонте.

Неся в руках конверт и хлюпая по лужам промокшими кроссовками, я приближалась к станции. Сзади, выдавая равномерное «ш-ш-ш», катилась сумка на колесиках. Всем этим меня снабдили на выходе из машины, указав, что в сумке хранится посылка и кое-какая сумма наличными, а конверт необходимо показать водителю автобуса. Вот и все. Попытка расспросить мужчин, что это за место и как я найду свой автобус, увенчалась коротким: «Это станция, которая тебе нужна. Автобус будет один. Не ошибешься».

Группа людей, большая часть которых сидела на сумках, схожих с моей, состояла из человек тридцати-сорока. Были здесь и мужчины и женщины, кто-то моложе, кто-то старше. Почти все они молчали, дожидаясь автобуса. На мое приближение никто не обратил внимания.

Я устроилась сбоку, спрятала конверт во внутренний карман куртки (при ближайшем осмотре он оказался наглухо запечатан) и стала смотреть на единственную дорогу, уходящую в горы, откуда по моему предположению должен был прийти автобус. Справа от меня, прикрывая от дождя рукой тлеющую сигарету, курил мужчина. Он кинул в мою сторону короткий взгляд и отвернулся. Стараясь не крутить головой, я осторожно рассматривала людей. Одежда обычная, можно сказать походная — штаны, куртки, простая, но удобная обувь, почти у всех рюкзак или сумка. Кто они такие? Работники «Зоны 33»? Если бы не тяжелое молчание, повисшее над головами, можно было бы подумать, что все они возвращаются из отпуска, проведенного дома, на работу. На очень опостылевшую работу, судя по лицам.

— А чего все такие смурые? — Негромко спросила я мужчину, угнетенная тишиной.

Тот как-то странно посмотрел на меня, но ничего не ответил.

Смущенная и немного раздраженная (не хочешь, как хочешь), я стала смотреть в сторону.

— Уж лучше работать там, чем куда-то еще... — Вдруг послышался через какое-то время его голос. — Так ведь?

Не зная, о чем собственно идет речь, я неуверенно кивнула. И зачем-то промычала «Угу».

«Если бы ты еще знала, что там за работа» — отчитала я себя. Поддакиваешь черт знает чему.

— Я тоже думаю, что там лучше. — Добавил сосед и замолчал.

Я тоже замолчала. Поддерживать непонятный диалог не хотелось, авось скажу что-нибудь не то и попаду впросак. А то и проблем наживу раньше времени. А мне еще посылку надо передать....

Сделав вид, что роюсь в сумке, я притворилась занятой.

Не нужны мне больше вопросы. Вот приеду на место и там разберусь что к чему.

Вскоре подошел автобус. Желтовато-бурый, поскрипывающий тормозами. Засуетились, поднимаясь с насиженных мест, люди. Начали выстраиваться в подобие очереди перед фыркающими, с трудом расходящимися в стороны, дверями. Особенной спешки не было. Откуда-то возникли в руках конверты, копия моего, лежащего в кармане куртки. Сосед выкинул недокуренную сигарету в лужу, потянулся к сумке, нашел свой конверт и, пошаркивая подошвами старых ботинок, направился к автобусу.

«Наверное, и мне пора» — Подумала я, провожая его долговязую фигуру глазами.

В это время из дверей показалась лысая голова водителя:

— Заходим по одному, показываем штрих-код, садимся. В темпе, граждане, в темпе!

Те, кто до этого еще сидел на сумках, заторопились. Я последовала их примеру, нащупала бумажный пакет в кармане, подкатила сумку и пристроилась в конце очереди. От долговязого мужчины отделяло человек пять. Один за другим исчезали в салоне люди, не быстро и не медленно. Секунд десять на каждого. Шаг за шагом, переставляя мокрые ноги и подтягивая сумку, я медленно приближалась к дверям. Когда женщина, стоявшая впереди меня, скрылась внутри, настала моя очередь шагнуть на первую ступеньку и протянуть конверт упитанному детине-водителю.

— Штрих-кодом показывать надо. Говорил же! — Недовольно бросил лысый.

Я тут же перевернула конверт, на обратной стороне действительно имелось переплетение черно-белых линий. Подставив сканер, водитель быстро считал информацию, нажал какую-то кнопку, удовлетворенно кивнул и бросил:

— Заходи.

— А долго ехать-то? — Поинтересовалась я, затягивая в салон бряцающую колесами по ступенькам сумку.

— А тебе что, не терпится? — Он неожиданно громко заржал, будто услышав пошлый анекдот. — Садись, говорю! Не задерживай очередь!

Раздосадованная такой реакцией и коря себя за глупые вопросы, я начала нервно протискиваться в салон. Нужно было все-таки раньше очередь занять, теперь почти все места заняты. Да ну и черт с ними. Продвигаясь мимо сидящих по обе стороны от прохода людей, я дошла почти до конца.

«Ооо! Все-таки есть еще свободное место!»

С удвоенной силой дернув на себя сумку (чтобы та перекатилась через чьи-то пожитки, стоящие посередине прохода), я пробралась к сиденью и на секунду закатила глаза.

«Везет, как утопленнику...»

Слева от свободного места сидел мой недавний сосед по площадке.

«Не хватало только дурацких разговоров во время поездки».

Сдерживая досаду, я примостила сумку у ног и плюхнулась на сиденье. Может, если притворюсь спящей, то и диалога не будет. Жалко, что в окно не посмотрю, но ради такого можно и потерпеть. Почти все, кто был на улице, утрамбовались в автобус. Некоторым сидячих мест не хватило — несколько человек возились в проходе, пытаясь найти свободное от поклажи место, куда бы можно было поставить ноги. Как только последний пассажир миновал водителя, взревел двигатель.

Автобус, тяжелый и будто раздувшийся от обилия пищи кит, медленно развернулся на площадке и, поскрипывая рессорами, пополз по дороге в гору.

Я какое-то время просидела с закрытыми глазами. Никто из соседей с разговорами не лез, все ехали

молча. Время от времени слышалось натужное чихание двигателя, будто от непомерной нагрузки автобус готов был сдаться и окончательно встать.

«Придется его тогда толкать всем вместе по грязи...»

Но этого не происходило, автобус полз в гору медленно и неотвратно. Я расслабилась и перестала прислушиваться к двигателю.

Слева зашуршала куртка. Любопытство заставило открыть глаза. Мужчина наклонился к сумке и достал из нее большое красное яблоко. Глянцевое. Спелое. Смачно откусил и принялся жевать. Мой желудок тут же отозвался радостным урчанием, будто это в него сейчас упадет пережеванный кусок. Сосед прекратил жевать и посмотрел на меня. Я тут же отвернулась в сторону и закрыла глаза.

«Кто тебе мешал съесть завтрак? Не хочу — не хочу! Вот и сиди теперь голодная».

Слева снова зашуршало, а через секунду раздалось приглушенное: «Эй!»

Я повернулась на звук — в руке у соседа было второе яблоко (первое, откушенное лежало на коленях).

— Бери.

Я нерешительно посмотрела на яблоко.

— Мытое. — Добавил сосед.

Я взяла яблоко, сказала «спасибо» и тут же вонзила зубы в сладкую кожицу. Мужчина отвернулся и стал смотреть в окно. Мы некоторое время наслаждались каждый своим «обедом». Я изредка поглядывала на его затылок с редкими, песочного цвета волосами. Воинственный антагонистический настрой, что появился после диалога в ожидании автобуса, немного поутих. Яблоко было сладким, бесстыдно вкусным.

Сосед дожевывал свое, достал из сумки мешок с какими-то бумажными пакетиками, вытряхнул их на колени и сложил в мешок огрызок. Потом посмотрел на меня. Я добавила свой огрызок к первому.

— Вкусное, а? Сам растил. — Гордо сказал он.

— Вкусно.

— Я — Тед. — Вдруг представился сосед, и тусклые светло-коричневые глаза под кустистыми песочными бровями живо блеснули.

— Шерин.

Я смотрела, как он ловко запихивает пакет с огрызками обратно в сумку.

— А это что?

Проследив за моим взглядом, мужчина уткнулся взглядом в собственные колени и обнаружил гору пакетиков.

— А-а-а, это! Это семена. Я огород люблю. Вот и подумал, может, будет возможность урвать где кусок земли, так и рассажу. Я еще с детства любил в земле копаться, цветы растил, кусты ягодные, овощи, конечно.

— Понятно. — Потянула я, немного удивленная его увлечением. Хотя, что тут скажешь — каждому свое. Земля-то, пожалуй, везде найдется.

— А еще думаю деревья начать садить. Только не знаю, дадут ли?

— А чего не дадут-то?

— Да кто их знает, я же раньше в Тали не был.

— Тали?

— Ну, город так называется...

Я кивнула, притворяясь знающей. Значит, он тоже первый раз туда едет, много у него не выведаешь.

— Я слышал, что условия там не очень, работать надо много, но, может, и найдется время....

За разговором Тед немного ожил, и поговорить ему, видать, хотелось. Даже вытянутое, покрытое едва заметными морщинками лицо, преобразилось. Но так как сказать мне было особенно нечего, я предпочитала слушать, не перебивая. Пусть треплется, кому от этого хуже? Мое молчание его не угнетало, он принимал его за сдержанный интерес, а я надеялась скоротать путь, слушая восторженное бубнение о растениях и цветах, ожидая ненароком узнать что-нибудь еще о системе города со странным именем Тали.

Так мы ехали еще минут сорок. Горы окружали теперь со всех сторон. Вскоре народ как-то зашевелился, встревожено загудел, многие, словно гуси, повытягивали шеи. Даже Тед замолчал. Причина оживления стала ясна, когда показались зажатые с двух сторон горами, чуть поржавевшие металлические ворота с надписью «Только для сотрудников Area 33 и служебного транспорта». Водитель высунулся в окно, перекинулся парой слов с одетым в военную форму мужчиной, затем что-то ему протянул. Служивый принял предмет (не то бумагу, не то плоскую коробку), коротко кивнул коллеге, что сидел в стеклянной будке, и ворота медленно поползли в сторону.

— Вот и приехали. — В первый раз подала голос женщина справа. Посмотрела на меня грустными глазами и вздохнула. — И когда теперь домой?

Я не нашлась что ответить.

Мы сидели в просторном помещении, которое я мысленно окрестила «граница». Мраморные пошарканные плиты устилали пол, белые унылые стены, ряд пластиковых стульев, на которых сидели, нервно теребя, кто одежду, кто ручки от сумок, люди. В отдалении располагался стол, где офицер в козырьковой фуражке принимал «посетителей». По одному за раз. О чем говорили, слышно не было, но было видно, как он ловко вспарывает канцелярским ножом конверт, а затем выдает что-то на руки и отпускает восвояси. После «пограничного» стола, люди исчезали в узком коридоре в дальнем конце зала. Куда он вел, мне предстояло выяснить после пяти человек, сидящих в очереди передо мной. Время от времени мимо стульев проходили другие военные, с интересом поглядывали на новеньких и исчезали в различных дверях, расположенных по периметру. Эхом разносился звук их жестких подошв по мраморному полу.

Я нетерпеливо ерзала на стуле: хотелось в туалет, и противно кружила нервная мысль — а не проверяют ли сумки? Что лежало в моей, до сих пор оставалось тайной. Но по моим наблюдениям к поклаже никто не прикасался, по крайней мере, до коридора, и это немного успокаивало. Что будет после — могла бы подсказать или гадалка с магическим шаром, или Тед, который уже прошел «таможню». Но ни того, ни другого рядом не было.

Я вертелась и осматривалась до того момента, пока не услышала выкрик собственного имени от усатого офицера, затем быстро поднялась с места и направилась к столу.

— День добрый. — Осторожно поприветствовала я его, усаживаясь на стул. На этот раз даже мягкий.

— Добрый, добрый... — Хохотнул дядька в усы, чем напомнил мне водителя автобуса со странной реакцией. Чем я их так смешу все время? — Давайте конверт.

Приняв из моих рук конверт, усатый «козырек» (с табличкой «Карлос Броцки»). Надо же, какое имя!), ловко вспорол тонкий бумажный бок и достал лист бумаги, что все это время покоился внутри.

«Вот бы мне до тебя его прочитать!»

Броцки быстро пробежал глазами по тексту и глянул на меня (как мне показалось) с уважением.

— Ого! Неплохо-неплохо! А по вам и не скажешь, что такие способности!

Я едва не выпятила грудь и не вскинула подбородок. Хорошую рекомендацию, видимо, выдала Корпорация «Dreams». Хоть стыдно не будет.

— Хакерством, значит, увлекаетесь? — Продолжил офицер, и я едва не поперхнулась.

«Хакерством?!»

— Это занятие высокоинтеллектуальное, грех по заслугам не оценить. — Броцки то ли издевался, то ли всерьез восторгался умениями компьютерных гениев. — Однако, дорога после таких игр всегда одна и в лучшем случае — к нам!

Гордо закончил он, глядя на мою застывшую от недоумения фигуру.

— Да не волнуйтесь вы так. — По-своему расценил мою реакцию усатый. — Ну, доигрались вы, с кем не бывает, зато здесь у нас народ добрый, приветливый, правила пусть строгие, но справедливые....

— Да не игралась я....

Слова вырвались еще до того, как я успела захлопнуть рот.

«Что ты делаешь?! Какая разница, какой документ составила корпорация, лишь бы на территорию пустили, а ты сейчас отпираться начнешь! Защищать доблестную честь, героиня-мать, тоже мне...»

— Ну, понятное дело, что никто не признается. — Разочарованно взмахнул руками Броцки. — Кому хочется виноватым ходить...

— Да, ладно-ладно... было такое... — Тут же сменила тактику я, расслабленно развалившись на стуле, будто и вправду владыка бинарного измерения.

Признай я вину или нет, все равно бы никто отсюда не выпустил. Но чувствовалось, что чистосердечное признание могло изменить мнение сидящего напротив мужчины. И кто знает, чему это могло помочь.

— Во! Молодец! — Тут же воспрянул Броцки. — Зачем же от таланта отказываться? Уважаю! Сам никогда не умел ничего, кроме почты отсылать.

«Та же беда...»

— ... Если бы я все то же умел, сидел бы сейчас тут с утра до вечера?

«Ты бы сидел уже внутри своего собственного города...»

— ... И деньги бы другие совсем имел и думал бы... — Размечтался Броцки. — ...и я бы с самого начала продумал, как не попасться в руки властям.

«Эко тебя понесло. Ну конечно, ты же самый умный...»

Скорчив кислую мину, мол, не все такие «думающие» заранее, я вздохнула. Усатый наклонился и похлопал меня по руке.

— Ну ладно тебе... (И когда мы перешли на «ты»?) Я уж хотя бы жилье тебе получше подберу. Есть еще свободная комната в хорошем комплексе на окраине. Не близко к центру, но воздух почище и мебели побольше. Не часто попадаются такие талантливые злодейки, да и мордашка у тебя симпатичная....

Я поморщилась. Благо, рывшийся в ящике стола офицер, этого не заметил.

— Вот! — На столе появилось сразу несколько предметов. Пухлый палец ткнул в самый левый. — В

этом конвертике ключ от квартиры, сверху адрес, спросишь на остановке, какой тебе взять автобус или покажешь водителю такси. Вот это...

Броцки ткнул в широкий браслет.

— ... ты оденешь еще до выхода из здания. И он будет на тебе, пока тысячу не наберешь.

— Какую тысячу?

— Не перебивай. Браслет этот — твой документ и кредитка, и все прочее. Подробнее прочитаешь в книжке. Теперь следующая вещь... — Усатый постучал по квадратному предмету (коробочка с экраном, на темном фоне которого светилась голубым светом цифра ноль). — Это стационарный счетчик баллов. Будешь хранить его дома. Если надо будет узнать сумму, на браслете есть маленький экран, там и смотри. А то большой, мало ли что, разобьешь еще...

Я практически ничего не понимала, но впитывала, как губка. Такие предметы выдавались каждому, и, вероятно, являлись важной частью системы, которая все больше напоминала тюремную. Чему именно они служили и как ими пользоваться, еще предстояло научиться. Броцки в это время разливался соловьем:

— Книжка тебе пригодится, ты не думай сразу ее в мусорку складывать.

Я бросила взгляд на придвинутую ко мне книгу с гордым названием «Конституция» И ниже мелким шрифтом — «Сборник законов и правил города Тали».

— Вот, вроде бы и все.... — Задумался Броцки. — Ах, да! Баллов-то у тебя еще нет, поэтому вот тебе купоны. Один балл на каждом — на дорогу, да на еду. А там уже сама работать начнешь.

На столе появились пять розовых бумажек.

— Спасибо. — Вежливо отозвалась я, чувствуя, что надо что-то сказать.

— Да ладно. Нечасто такие попадают, все больше криминалы, а тут — хакер! Не убийца же, а это большая разница....

Хотя виновной я являлась не больше, чем сам Броцки, но, все же, подобие чувства благодарности к усатому офицеру возникло.

— Сложно тут жить-то? — Пользуясь моментом и благодушным настроением мужчины, спросила я.

— Да от каждого зависит. Кому-то сложно, кому-то не очень. Ты, давай, забирай вещи, да и иди уже на остановку. Итак, с тобой задержался сильно.

Я быстро сгребла вещи в услужливо предоставленный бумажный пакет, еще раз кивнула усатому в знак благодарности и направилась к коридору.

— Удачи тебе! — Донеслось вслед. — Следующий! Гашер Грин? К столу!

Шагая между узких стен длинного прохода к выходу на обратной стороне, я размышляла, станет ли мне Тали домом? Пусть даже на короткий срок. Но что-то подсказывало, что нет. Слишком много непонятных предметов лежало в пакете, шибко толстой казалась на вид книга-конституция. Если повезет, я уйду отсюда еще до того, как прочту последнюю страницу. Если вообще начну ее читать....

Справив нужду в маленьком обшарпанном туалете, я миновала двух постовых и направилась к выходу из здания. За стеклянными дверями уже сияло солнце, дождь кончился. Вспомнив слова офицера, что браслет нужно надеть до выхода в город, я притормозила, примостила бумажный пакет на сумку и принялась рыться в поисках дармового «украшения». Браслет оказался чуть широковат, но как только две части его сошлись на левом запястье, тут же пикнул и сжался. Стал почти в пору.

«Чудеса электроники!»

Вдоволь налюбовавшись новым аксессуаром (не то чтобы он был особенно красив, но и плохо не смотрелся), покрутив рукой и так и сяк, я снова взяла пакет и покатила сумку к выходу. Ее так и не проверили. Это хорошо. Еще лучше было заглянуть туда самой, но делать этого в туалете не хотелось. Уж лучше по прибытию в апартаменты.

Толкнув стеклянную дверь, я оказалась на залитой солнцем, самой настоящей городской улице. Сзади высилось «пограничное» здание, ведущее с обратной стороны к горным воротам, а впереди расстиралась дорога: несколько песочно-желтых машин с надписью «Tazi» (написание мне показалось странным, но интуитивно понятным) лениво грели бока у обочины. Оглядываясь по сторонам, я пыталась решить, стоит ли сразу взять такси (а правильнее сказать «Тази», которое я тут же окрестила «Тазиком») или же поискать автобусную остановку, которой с этой позиции видно не было. Зелень приятно радовала глаз, в воздухе гудели жучки, носились вокруг, выписывая беззаботные пируэты, птицы.

«А не так здесь и плохо на первый взгляд» — Обрадовалась я, жмурясь от солнца. Несмотря на усталость и желание вздремнуть часок-другой, я все же решила пройтись немного пешком, присмотреться к окрестностям. Хотелось узнать о городе больше: как выглядит изнутри, чем живут и дышат люди....

Миновав водителей с их извечными зазываниями «Такси, девушка, такси. Плата невысокая, куда желаете ехать?», я направилась по дороге, ведущей на холм. Ошибиться с выбором направления было трудно, от здания пограничного контроля и в сторону холма вело только одно, залитое бетоном, узкое шоссе. Бодро переставляя ноги и любуясь цветущими по краям дороги кустами, я быстро продвигалась вперед. А оказавшись на вершине холма, невольно залюбовалась открывшимся видом. И было, признаться, чем залюбоваться.

От самого подножия высившихся на горизонте гор, в ложбине, словно свернувшийся в корзине кот, лежал город. Легкое марево от солнечных лучей поднималось от крыш и дорог, дрожало прозрачной дымкой над зеленью, которой здесь, в затерянном мирке между скал, было предостаточно. Город, казалось, спал. Кое-где по дорогам ползали машины, отсюда они казались маленькими и неуклюжими, а если прищурить глаза, то можно было разглядеть и немногочисленных пешеходов. Тали. Полдень.

Оторвавшись от созерцания долины, я вытерла со лба пот (солнце начало припекать не на шутку) и пошла теперь уже по дороге, ведущей с холма. Под уклон было идти куда легче, о чем я тут же подметила, пробубнив неглубокомысленное «Вниз, не вверх!», колеса сумки подпрыгивали на кумушках, усталость испарилась, уступив место возбуждению.

«Скоро! Уже скоро буду там...»

Так, в приподнятом настроении прошагав еще с полчаса, я, наконец, оказалась на одной из улиц загадочного Тали.

Отсюда, как ни странно, город не казался таким уж радужным, как с вершины холма.

Потрескавшаяся штукатурка зданий, покосившиеся вывески магазинов, тусклые и неброские, будто висящие здесь еще с прошлого столетия, одинокие, спешащие поскорее укрыться в тени от палящего солнца прохожие — все это вызывало ощущение уныния и некоторого запустения.

Свернув на перекрестке направо, я зашагала по проспекту Альпинистов (по крайней мере, так гласил

знак, прибитый под светофором). Проспект был чуть шире предыдущей улицы, но почти такой же пустынный. Несколько раз навстречу попадались пешеходы, три мужчины и одна женщина. Все они смотрели на меня с удивлением или даже с опаской, женщина так вообще обошла по широкой дуге, будто боясь заразиться дурной болезнью. Такое поведение не прибавило мне оптимизма, заставив растеряно оглянуться по сторонам и остановиться. Несколько секунд я подозрительно осматривала окрестности — двухэтажные жилые дома, какое-то обветшалое кафе с пыльными стеклами и скрипучей дверью, но, не заметив ничего странного, снова двинулась вперед. Пройдя два квартала и встретив еще трех пешеходов (с такими же непонятным выражением на лицах — а-ля «Эй! Дома есть кто-нибудь?!»), я уже решила было не забивать голову странностями, когда сзади раздался пронзительный свисток.

Я оглянулась.

Ко мне спешил человек, похожий на полицейского. Синий мундир тесно обжимал плечи, блестящая пряжка ремня вдавилась во внушительных размеров пузо, трясущееся от бега. Человек помахивал длинной темной палкой и постоянно вытирал пот, стекающей из-под темно-синей фуражки.

— Вы что, с правилами не знакомы? — Тяжело дыша и грозно нахмутив кустистые брови, спросил он.

— Простите, а что я, собственно, нарушила?

— Это улица с односторонним движением! — Рыкнул он.

Я непроизвольно посмотрела на дорогу, проходящую посреди улицы. Она была совершенно пуста.

— Хорошо. И что? — Я была удивлена и несколько раздражена, что была остановлена по совершенно нелепой причине.

— Вы что, знака не видите? — Махнул полицейский в сторону знака у обочины.

Я посмотрела на белую стрелку, нарисованную на синем фоне. Затем снова на пустую дорогу. В поле зрения попал еще один двигавшийся навстречу прохожий, который предпочел быстро укрыться в здании, едва завидев фуражку.

— Вижу я знак. — Возмутилась я. — Но у меня в руках даже руля нет! Это же для транспортных средств!

— Это для пешеходов! — Заорал полицейский, сделавшись пунцовым от того, что с ним кто-то решился спорить. — Это дорога с односторонним движением для пешеходов!

От удивления я даже выпустила из рук ручку сумки. Та качнулась и вертикально встала за спиной. Как это может быть «одностороннее движение для пешеходов»? Что за идиотизм? В памяти всплыли прохожие, все как один, двигавшиеся навстречу. Но что с того, что никто не обогнал меня, двигаясь в том же направлении? Скорость я держала приличную, погода жаркая, так что нет причин, по которым бы это могло показаться странным.

Полицейским достал странный прибор и протянул его к надетому на мое запястье браслету. Прибор издал негромкое «п-и-и» и мигнул зеленым. Отсканировал какую-то информацию.

— А-а-а! — Потянул мужчина в мундире, немного успокоившись. — Первый день, значит.

— Первый.

— Повезло тебе в этот раз. Завтра такой возможности уже не будет. Получишь за нарушение полбалла.

Я нахмурилась. И что они все какими-то баллами меряют? Хорошо это или плохо? И сколько это —

полбалла? Много или мало?

— Иди тогда. Легко отделалась. — Прозвучало это, как мне показалось, несколько разочарованно. Мужчина вытер со лба пот и спрятал сканер за тесным ремнем. — Сборник правил почитать не забудь.

Он зашагал прочь, оставив меня стоять на тротуаре. Я некоторое время смотрела ему вслед, досадливо морщась от испорченного настроения.

Куда теперь? Если пойду в том же направлении, то следующий полицейский не замедлит придраться. А потом еще один и еще.... Но не двигаться же назад по улице? Какой в этом смысл? Я с надеждой присмотрелась к знакам на противоположной стороне, может быть, можно перейти проспект и продолжить путь по другой стороне. Но к моему разочарованию белая стрелка стоящего вдалеке знака указывала в том же направлении.

«Тьфу на вас... — Выругалась я мысленно. — Кому на ум пришло создать такое правило?»

Постояв на солнцепеке еще несколько минут, я вдруг увидела неторопливо катящее по дороге «Tazi».

— Эй! — Бросилась я, размахивая свободной рукой. — Стой!

«Не дадут ли мне еще один штраф за слишком громкие выкрики на улице?» — пронеслось в голове, но раздумывать было некогда. Машина уже остановилась у обочины.

— Куда тебе? — Придвинувшись к окну, спросил водитель.

То ли от постоянного пребывания на солнце, то ли в качестве подарка от природы, но кожа на его лице была темной, почти черной, в то время как волосы не вились тугими смоляными колечками (что было бы вполне уместно при подобном оттенке кожи), а торчали коротко-стриженным светлым ежиком.

— Мне... Сейчас... — Я выудила из пакета конверт с ключом, сверху которого был напечатан адрес. — В Бэль-Оук парк.

Я протянула конверт водителю, чтобы он прочитал адрес целиком.

— Вижу. Почти на другой конец города пилить. Садись. — Кивнул на заднее сиденье темнокожий.

— А сколько стоит-то?

— Полтора балла отсюда.

— Что? А не многовато ли? — Возмутилась я, прикинув, что после поездки у меня останется только три с половиной купона, а на них еще нужно купить еду.

— А что ты у меня спрашиваешь? — Возмутился в свою очередь тот. — Цены не я устанавливаю. Мое раздражение мгновенно поутихло.

— Ладно-ладно.... Полтора, так полтора.

Я запихнула сумку в машину и плюхнулась рядом. Теперь меня распирало любопытство.

— А кто цены устанавливает?

— Город.

— То есть все такси по одним и тем же тарифам?

— Ага.

— А тебе процент идет от количества пассажиров в день?

— Нет, я получаю два балла в день. Вот и вся моя зарплата. — Пробубнил он, выворачивая с проспекта Альпинистов на прилежащую улицу. — И не от чего она не зависит, хоть весь день пустой

простою. А ты что, новенькая что ли?

— Первый день здесь.

Водитель коротко глянул на меня в зеркало:

— Ничего. Быстро научишься.

Сил оглядывать окрестности из окна ядовито-желтого Tazi уже не было, поэтому прислонившись лбом к прохладному стеклу, я тут же задремала. Через какое-то время сквозь сон донеслось недружелюбное «Эй!»

Я вздрогнула и подняла голову.

— Приехали. Бэль-Оук парк.

Фыркая на водителя, жару, скрипучее такси и недостаток сна, я выбралась из машины. Отсчитала два купона «за проезд», получила сдачу. Видимо — «полкупона». Значит и такие «купюры» имеются. Не оборачиваясь на звук удаляющегося автомобиля, едва заметно морщась от поднятой колесами пыли, я медленно обводила взглядом окрестности. Это место можно было назвать как угодно — общежитием, окраинным поселком, последним фронтиром, но только никак не парком. Да, действительно, надпись «Бэль-Оук» была криво выдолблена каким-то горе-мастером на широкой, вкопанной в клумбу доске, но на этой же клумбе все достопримечательности «парка» заканчивались. Вспомнилось лицо усатого офицера на границе. Значит — это и есть «хороший комплекс». Что же тогда плохой комплекс? Мне отчего-то думалось, что ответ не заставит себя долго ждать. Вздохнув, я покатила ставшую уже почти родной сумку по направлению к трехэтажному зданию с множеством окон. Белая краска стен, казалось, светилась на солнцепеке. Невысокие кустики, вопреки жаре, не смотрелись особенно чахлыми, видимо исправно поливались раз в сутки или двое. Рядом с входной дверью имелись полоса, засаженная радующими глаз разнообразием желто-розовых оттенков, цветами.

Не встретив никого на пути, я шагнула в прохладную тень подъезда. В широком квадрате солнечного света, льющегося из окна, отыскала конверт с ключом, выяснила, что номер моей комнаты триста четырнадцать (третий этаж, не иначе), огляделась в поисках лифта и не найдя такового разочарованно потащила сумку вверх по лестнице.

Лестница и коридор выглядели вполне опрятно, в проходе имелось подобие ковра непонятной расцветки. Оставалось надеяться, что комната окажется снабжена кондиционером и душем, струящийся по спине пот начинал уже порядком надоедать.

«Это тебе не отель. Скажи спасибо, если хоть кровать и плита будет внутри».

Кровать и плита внутри оказались.

А еще оказалась маленькая кухонька и холодильник, отделенные от гостиной короткой перегородкой, шкаф, два кресла и стул, чистая на вид уборная с ванной, раковиной и унитазом, и даже (вот уж где неожиданность) телевизор. Чистый широкий черный экран, совсем новый на вид. Пульт аккуратно крепился на зажим-держатель, встроенный прямо в стену.

Я удивленно крикнула. Совсем не плохо для начала. Сколько-то здесь продержаться можно будет, не пятизвездочный люкс, конечно, но и не спартанская келья. Кондиционер, к безмерному облегчению, нашелся тоже. Пусть старенький, чуть скрипучий, но исправно дующий холодным воздухом при включении. Кнопки для обогрева не было, что-то мне подсказывало, что с такой проблемой жители Тали не сталкивались.

В приподнятом настроении после осмотра комнаты, я водрузила сумку на кровать и принялась расстегивать замок. Затем остановилась на полпути. Задумалась. Нет, сначала душ — потом сумка. Время у меня есть, ехать больше никуда не нужно, значит можно сначала освежиться, а потом уже извешивать содержимое врученного мне чемодана.

Проверив, что дверь заперта на замок, я отправилась царствовать в ванную комнату.

Холодный душ на время прогнал усталость и наступающий сон. Отыскав на кухне стакан и наполнив его водой из-под крана, я вышла на маленький балкон, что притаился за бежевыми занавесками.

Стоило отворить створки, как дар речи покинул меня. Горы. Настоящее кольцо гор затянутое мерцающим раскаленным от жары воздухом, сложенное из огненно-красного камня, высилось на горизонте. Я поднесла ладонь ко лбу, защищая глаза от резкого света, и присвистнула. Какой же они должны быть высоты, если даже отсюда выглядят столь внушительно? И невероятно красивым должен быть в этом райском уголке закат.

«Мдаа... Райский уголок. Это тебе не отпуск в тропиках. — Укорила я себя. — Иди займись делом».

Войдя в прохладную комнату, я поставила стакан и направилась к сумке. Пришла пора узнать, чем снабдила меня Корпорация. Еще раз проверив, что дверь надежно заперта, я села на кровать и откинула крышку.

Прямо сверху лежал ворох летней одежды: несколько маек, шорты, два топа и одна блузка.

— Как насчет платья для коктейлей? — Пробубнила я, выворачивая обновки в сторону.

Прямо под майками лежала запечатанная упаковка трусов (из серии «Неделька»), несколько пар носков и щетка для волос.

— Замечательно. Кто из вас мерил мой размер и когда? — Продолжала ворчать я, выудив из стопки носок и пытаясь нацепить его на ногу. Носок оказался в пору. Стоило предположить, что нижнее белье тоже подойдет.

Отодвинув носки и «Недельки» к майкам, я, наконец, обнаружила посылку, которую уже вероятно ждал неизвестный мне Ларош и пакет с деньгами.

— Ого! — Я изумленно смотрела на пять тугих пачек, стянутых бумажной лентой. — Сколько же здесь?

Торопливо пересчитав купюры, я констатировала, что являюсь обладательницей пятидесяти тысяч. Много это или мало по местным меркам? Наверное, по мнению корпорации этого должно хватить на дорогу до Лароша и выезд из Тали. Может быть, если что-то останется, то я смогу оставить это на личные нужды? Надо будет это прояснить...

Неожиданно раздавшийся стук в дверь заставил меня поспешно скинуть все обратно в чемодан.

«Куда? Куда?»

Не найдя лучшего укрытия, я пинком задвинула сумку под кровать, поправила покрывало и направилась к двери.

Так как глазка на двери не обнаружилось, я набралась храбрости и открыла замок. На пороге, интенсивно почесывая бок, стояла особа женского пола лет двадцати. Русые волосы до плеч, выдававшая виды майка, серые шорты обтягивали не первой стройности ноги.

— Привет! — Девушка перестала почесываться бок и жадно впиалась в меня глазами. — Ты новенькая, да? Я тебя в окно видела с сумкой.

— Угу. — Подтвердила я, не зная, чего ожидать от визитерши.

— Эти противные мошки всегда кусают куда попало! — Возмущенно пробасила та и снова поскребла грязными ногтями майку. Затем протянула руку и раскованно улыбнулась. — Я — Яни. Или Янка. Твоя соседка, из триста двадцать первой.

Я пожалала ее теплые пальцы.

— Я — Шерин. — И, не зная, что еще добавить, отодвинулась в сторону. — Проходи.

Янка незамедлительно прошлепала босыми ногами в комнату.

— Слушай, ты ведь только приехала, у тебя должен быть полный холодильник, можно я банку с джемом арендую? Так сладкого хочется, умираю!

Я осторожно захлопнула отвисшую от подобной наглости челюсть, но, решив, что соседи могут оказаться полезнее джема, махнула рукой в сторону кухни.

— Бери.

Янка тут же подскочила к холодильнику и стала интенсивно перерывать содержимое полок.

— М-м-м! Вот он — мой любименький! Спасибо... э-э-э...

— Шерин. — Подсказала я ей.

— Да, точно! Шерин! Если что понадобится, то ты стучись. Поговорить, там, или что еще...

Она махнула зажатой в руке банкой и словно гигантская стрекоза радостно выпорхнула за дверь.

Через пять минут, я уже забыла о Янке и о джеме, увлеченно рассортировывая вещи по местам.

Майки были аккуратно пристроены на полке в шкафу, деньги мирно покоились под ними (не лучшей тайник, но другого пока не было), что-то неразборчиво бубнил телевизор. Я прислушалась.

Приятный женский голос извещал о новостях часа.

«... - ферма, на территории которой час назад было организовано восстание якобы из-за несправедливого отношения и маленькой зарплаты, было подавлено силами владельца — Халка Конрада. Как заявил сам Конрад — пострадавших нет, но с каждого бунтаря будет снято от пятидесяти до ста баллов, включая пособие по...»

— Что это за дурацкая система с баллами? — Фыркнула я, неся массажную щетку в ванную комнату. Разложив вещи по местам, я присела на кровать, раздумывая, не поспать ли, когда увидела стоящий в углу пакет.

«Я уже и забыла...»

В пакете ведь лежал стационарный счетчик баллов. Теперь, когда других дел не было, мне захотелось взглянуть на него поближе.

Счетчик оказался черной коробочкой, похожей на будильник, но совершенно без кнопок. Гладкая пластиковая поверхность, матовый темный экран с яркой голубой цифрой ноль посередине. Я задумчиво пощелкала указательным пальцем по экрану. Ничего не изменилось.

Что значит этот ноль? Что нужно сделать, чтобы цифра поменялась, а, главное, зачем? Сколько баллов требуется, чтобы что-то поменялось?

Все ответы, вероятно, крылись в брошюре — сборнике правил, но читать ее сейчас не хотелось.

Гораздо больше хотелось спать.

Я отодвину книгу в сторону, нашла пульт от телевизора и убавила звук. Затем задернула занавески и забралась в кровать. Голова гудела от усталости. Все ответы и Ларош со своей посылкой могут подождать пару часов. Ничего с ними не сделается.

«А вот со мной точно сделается, если не отдохну...»

С этими мыслями, продолжая какое-то время созерцать голубой ноль на темном циферблате счетчика, я погрузилась в сон.

Мне снился Алекс. В то время, когда тень несчастье еще не коснулась нашего дома своим тлетворным крылом, когда казалось, что недавно созданная семья станет теплым уютным очагом для двух любящих друг друга людей. С индейкой и сладкой выпечкой на столе в праздники, с теплым пледом на двоих перед камином в зимние стылые дни.

Сон был ярким, почти осязаемым. Казалось, протяни руку в радужную картинку, и я смогу дотронуться кончиками пальцев до его лица, и он тут же повернет мою руку и нежно поцелует ладонь, как это бывало не раз.

— Я не хочу отпускать тебя от себя. — Звучал его голос где-то близко и одновременно далеко. — Мы будем жить вместе, ты будешь моей. Совсем-совсем. Завтра мы перевезем твои вещи в нашу новую квартиру. Ты ведь не против?

Он сидел напротив меня за столиком в кафе. Темные волосы небрежно растрепаны после быстрой езды в его любимом спортивном авто, ореховые глаза поблескивают озорно и нежно.

— Ты ведь не против?

— Нет... — Прошептала я, смахивая появившуюся в уголке глаза слезинку.

«Нет» — снова прошептала я в полудреме, поднесла ладонь, чтобы вытереть мокрую щеку и, вздрогнув, проснулась.

Картинка таяла так быстро и неумолимо, что я едва не захлебнулась от отчаяния.

— Нет... не уходи. Алекс, не уходи! — Прошептала я полутемной комнате, но яркий сон уже улетучивался, оставляя после себя горькое осознание реальности и тяжелое облако воспоминаний того, что случилось после. Не выдержав, я уткнулась лицом в подушку и разрыдалась.

Почему так? Почему все повернулось так, что спокойная счастливая жизнь осталась в прошлом?

Успокоившись, после нескольких минут отчаянных рыданий, я перевернулась на спину и устав сражаться с собой, предалась воспоминаниям.

В то время я училась на курсах, постигая основы бизнеса и уже всю мечтая создать собственную компанию. О магазине я тогда не думала, хотя отдельные мысли мелькали в наполненной радостными предвкушениями ветреной голове. Я буду хозяйкой своего дела! У меня будут работники и ответственность, будут деньги и новые идеи. Я смогу построить что-то новое, создать что-то свое собственное. От мечтаний об открывшихся возможностях отрасли крылья, я бегала на курсы с таким счастливым видом, будто за каждый урок мне доплачивали в три раза больше, чем я сама отдавала педагогам.

Алекса я встретила незадолго до окончания учебы. В тот промозглый вечер холодный дождь лил, не переставая, я стояла на остановке, прижимая к груди пакет с бумагами, опасаясь, как бы они не промокли и костеря на чем свет стоит свою подругу-сокурсницу. Та обещала подвезти меня до дома, как это обычно случалось, но в последний момент убежала прямо с лекции на встречу с новым дружкой, от которого по ее словам у нее «спирало дыхание и хотелось напиться от счастья». Я лишь хмыкала от такого определения — вероятно любовь вызывает у людей различные эмоции, в том числе желание напиться. Так или иначе, а ее машина осталась на парковке возле здания и теперь уже никак не могла мне помочь.

Стуча зубами от ветра и холодной дождевой воды, что стекала по лицу, я нетерпеливо переступала с

ноги на ноги, дожидаясь автобуса, когда прямо у тротуара остановился голубой Шевроле с откидным верхом. В тот вечер крыша была опущена, мне запомнилось, как дождь стучал по туго натянутой ткани.

Когда дверь машины распахнулась, я осторожно отступила назад. Риск подхватить простуду казался мне более привлекательным, нежели риск повредить здоровье неосмотрительно катаясь с маньяком-водителем.

Но «маньяк» оказался чертовски привлекательным, улыбчивым и сразу располагающим к себе.

— Девушка, не стоит пугаться. Я могу пристегнуть обе руки к рулю, чтобы вы не боялись. Но здесь тепло, а там холодно. Садитесь.

Мой рот нехотя расплылся в улыбке от мысли о пристегнутом водителе.

— А у вас есть наручники?

— Есть. — Он широко улыбнулся. — Вот!

Наручники блеснули в его руке.

— Только не забудьте мне отдать ключи, как приедем. Я не хочу жить в машине.

— Договорились. — Хихикая и содрогаясь от холода, ответила я и юркнула в удобный теплый салон.

Пристегивать водителя мне не пришлось, отчего-то я поняла, что он не опасен. Разговор потек, как по маслу — мужчина представился Алексом, много смеялся и шутил, а как только узнал, что я посещаю бизнес школу, проявил искренний интерес к моему увлечению и даже дал несколько дельных советов. По пути часто поглядывал в мою сторону, и глаза его были серьезны, отчего я смущалась и замолкала.

— Шерин, вы очень красивая. О таких волосах мечтает каждая модель. — Неожиданно произнес он и улыбнулся.

Я залилась краской и провела ладонью по спутавшимся каштановым кудрям.

— Спасибо.

— Нет, правда. Такой шоколадный цвет и зеленые глаза. Вы как с обложки журнала сошли.

Я окончательно покраснела, и, представив, как должно смотреться зеленоглазое лицо в сочетании с пунцовой кожей, тут же отвернулась к окну. Ведьма, не иначе.

Но Алекс только рассмеялся.

— И краснеете просто умильно!

Я едва не пихнула его локтем в бок, подивившись чувству, будто мы знаем друг друга долгие годы.

Как такое возможно, ведь мы познакомились не более получаса назад.

Он подвез до дома, но даже не взял телефон. Чувство горечи, которое меня охватило, я помнила даже сейчас. Получается, все? Вот и все знакомство? Но он позвонил уже на следующий вечер. Сам отыскал номер, сам подъехал к подъезду, чтобы забрать в уютный ресторан на первое свидание. С тех пор мы практически не расставались. Он забирал меня с курсов и увозил домой, где иногда засиживался допоздна, потягивая сваренный мной кофе, советуя, как правильно начинать бизнес, как избежать многих ошибок, свойственных новичкам. К тому времени он уже имел свое дело, но какое именно, долго умалчивал. Я не давила, наслаждаясь тем, как медленно, но верно сближались внутренние миры, предполагая, что со временем он откроется мне полностью. Из слов Алекса, я поняла, что незадолго до нашего знакомства, у него была девушка, но после нескольких лет, что-то так и не сложилось, и они расстались. Иногда в его карих глазах мелькала грусть, в такие моменты

мне особенно сильно хотелось его утешить.

Правда, бывали моменты, (теперь мне было легче об этом судить, чем тогда) когда Алекс вдруг показывал другие стороны своего характера. Например, раздражительность, вспыльчивость, иногда даже злость. Но с подобными вспышками он быстро справлялся, а моя природная терпимость позволяла нам обходиться без ссор и скандалов.

Да, так было тогда.

Оторвавшись от воспоминаний, я вдруг поняла, что устала лежать на кровати и хочу есть.

Задернутые шторы пропускали в комнату желтоватый закатный свет, и, поднявшись, я отодвинула их в стороны и распахнула окно. Маленькое помещение тут же наполнили звуки: шелест травы, качаемой слабым ветерком, стрекот цикад, откуда-то снизу раздавался монотонный голос. По-видимому, диктора телевидения.

Подойдя к холодильнику, я едва обратила внимание на забитые до отказа полки (еще раз спасибо усатому Карлосу), нашла только бутылку минералки, налила полный стакан и, утолив жажду, подумала, что позже захочу чаю.

Спустя несколько минут, грея холодную воду, зашумел чайник. Достав с полок какое-то печенье (едва солоноватое и хрустящее), я принялась жевать его, запивая остатками минералками, постепенно снова уходя в воспоминания.

Он не настаивал на сексе, чему я молчаливо радовалась, так как поспешное перенесение отношений в постель могло означать, что у Алекса ко мне лишь плотский интерес. Я же втайне мечтала, чтобы наш союз креп и из обычного романтического увлечения однажды превратился в настоящую семью. С домашними вечерами, забитыми приятными хлопотами, путешествиями, заведением большой собаки...

Планы-планы...

Через полтора месяца Алекс, наконец, признался, что он — проектировщик новых видов огнестрельного оружия. Меня это несколько ошеломило, но, в то же время, заставило уважать его еще больше. Чтобы разрабатывать новые виды оружия требуется талантливая изобретательная голова, а таковая, по моему мнению, у Алекса имелаась. Иногда я видела его засиживающимся по вечерам над какими-то бумагами, но в подробности он практически никогда не посвящал. Я лишь знала, что Алекс владеет небольшим заводом, на котором производят и выпускают новые образцы, что на заводе работает около сорока человек, а в остальном система автоматизирована. Алекс несколько раз заикался, что был бы не прочь расширить производство, но для этого требовался внушительный капитал, которого у него в распоряжении не было.

А потом появился Элмер. Мужчина с черными редкими волосами, горбатым носом и цепкими глазами. В оружии Элмер разбирался слабо, но зато сразу предоставил капитал, необходимый для покупки нового здания и установки оборудования о котором мечтал Алекс. Конечно, такой вклад в бизнес мгновенно превратил Элмера в совладельца, держащего пятидесяти процентный пакет акций и позволяющий новому партнеру во многих ситуациях давать советы, а иногда и давить на Алекса. Вообще-то ладили они не плохо. Так мне тогда казалось. Алекс во многом по-новому начал относиться к работе, воспрял духом, постоянно ходил окрыленный идеями. К тому времени мы уже переехали в собственную квартиру, и в моей памяти отчетливо отпечатались картинка, как Алекс сидит на краешке стола и рассказывает о прошедшем дне, увлеченно размахивая руками.

Но со временем что-то изменилось.

То ли Элмер начал чрезмерно давить, то ли изобретательность Алекса несколько поугасла (в последнем я, признаться, сомневалась), но все чаще и чаще он стал приходить домой потухшим и молчаливым. На вопросы отвечал через раз, ел молча, зачастую уходил по вечерам в бар. Все мои попытки наладить отношения ни к чему не приводили. Да и где-то в глубине души я была уверена, что причина кроется не во мне, однако от чувства вины полностью избавиться не удавалось.

А потом Алекс пропал.

Элмер сообщил, что получил записку о выкупе и что не верит в ее правдивость, а посему отказывается платить. Я бушевала, как пожар, приехала в его офис и облила потоком такой брани, которой должно было хватить на целый флот матросов, но Элмер даже бровью не повел. В ответ я услышала, что Алекс виноват сам. И сколько бы я не бесновалась, какими бы методами не пыталась уговорить Элмера дать мне больше информации — все было тщетно. Из слов этого горбоносого коршуна я поняла только, что Алекс надумал ехать в Лиманию, заключать какую-то новую сделку по оружию и на предупреждения Элмера о вероятной опасности, внимания обращать не стал. Что якобы снимает всякую ответственность с партнера.

Я до сих пор помнила, как едва не вцепилась Элмеру в редкие сальные волосы, мечтая переломать его горбатый нос еще в трех местах, однако чудом удержалась. Вместо этого лишь спросила, уверен ли он, что не хочет платить выкуп, и, получив утвердительный ответ, покинула заводской офис.

Записка, которую Элмер мне дал прочитать перед уходом, гласила, что похитители хотят получить полмиллиона наличными. Срок давался ужасающе маленький — три дня. С той минуты не было ни сна, ни еды. Все смешалось в комок натянутых нервов, плохих предчувствий и непрерывных слез. Я шарила по всем счетам, что были открыты на мое имя, но в сумме сумела набрать лишь пятьдесят тысяч. К счетам Алекса информации не было.

Я знала, что ставлю магазин на грань разорения. Шансы оказаться банкротом и быть выкинутой на улицу, равнялись восьмидесяти процентам, однако это меня не остановило. Даже не заставило задуматься. Я бы все отдала, лишь бы вернуть Алекса домой целым и невредимым. По ночам я яростно мечтала отомстить Элмеру за расчетливость и малодушие, а когда гнев утихал, принималась плакать.

Что ж... Я сделала все, что смогла. Может быть, и не все. Может быть, стоило как-то надавить на Элмера, попытаться узнать больше о том, что же все-таки происходило между ними в последнее время, но обессилевший разум отказывался мыслить логично.

А теперь я здесь. В неизвестном никому городе Тали. Должна отыскать чертова Лароша, вручить ему посылку и убраться домой как можно скорее.

Услышав щелчок чайника, я поднялась и наполнила кружку кипятком. Затем отыскала пакетики с чаем, заварила что-то пахнущее жасмином и села обратно за стол. Взгляд упал на свод законов Тали, и я хмуро подумала, что пора приниматься за чтение.

Пришло время разобраться в здешней системе и составить план четкий план действий, если я все еще хочу вернуться домой.

В течение двух следующих часов я с головой погрузилась в чтение сборника правил системы города, в который попала. Читать по большей части было скучно, правил были сотни, если не тысячи. Когда ноги, от сидения на жестком стуле затекли, я перебралась на кровать, затем снова на стул, затем в

кресло. По мере чтения удивление мое росло.

Из того, что удалось понять наверняка, я отметила следующее: за хорошую работу и послушание баллы начисляются на счетчик, за нарушения любого из правил — баллы отнимаются. Всего же, чтобы получить свободу, необходимо было набрать тысячу баллов. Все было бы более чем логично, если бы не некоторые правила, которые вводили в полное заблуждение или же оцепенение. Когда я добралась до места, в котором говорилась о переходе через улицу, я не удержалась и присвистнула. По всему выходило, что человек не мог двигаться в определенном направлении по улице более получаса, после чего должен быть пересечь ее и продолжать движение. Для чего! Какой мог быть в этом смысл? Или, например, правило, касающееся автобусных билетов...

Я нашла нужные строчки и перечитала их еще раз.

«При входе в средство публичного транспорта пассажир обязан получить от водителя билет со штрих-кодом, указывающим точное место расположения сиденья, после чего пассажир обязуется занять место в соответствии с указанными на билете данными» И все бы ничего, но штрих-код представлял собой какую-то хитрую математическую формулу, которую пассажир должен был рассчитать сам, чтобы получить ответ, какое же в конце концов сиденье ему занимать. Почему бы просто не написать нужную цифру? Зачем усложнять?

Я озадаченно поскребла щеку.

Из дальнейшего параграфа выходило, что если пассажир не займет указанного в билете места за определенное время (время указывалось где-то рядом с кабиной водителя), то будет наказан штрафом в размере пяти баллов.

Я ненадолго отложила книгу, пытаясь понять, что все это значит. Получается, что сложности надуманы специально, чтобы как можно больше наказывать людей за любые, даже самые мелкие провинности. Вывод этот мне не понравился, но, скрипнув зубами, я принялась читать дальше. И чем дальше я углублялась в свод законов, тем больше убеждалась, что не ошиблась. Как еще можно было относиться к правилам, таким как:

«Все или некоторые из уставов могут быть изменены в любой момент по решению комитета города без специального уведомления гражданских лиц, о котором последние могут узнать из платного телевизионного канала номер двенадцать. Выход ежедневной программы «О законах» не имеет установленного времени показа. О нем сообщает газета «Тали сегодня», которую вы можете приобрести во всех городских киосках».

Я оторвалась от книги и осоловело уставилась на стену. Что за идиотизм? Программа выходит каждый день, но времени никто не знает, нужно читать газету. А что если кто-то работает? А что если программа выйдет ночью, когда большинство жителей спят? И сколько занимает выпуск программы, ведь предполагается, что просмотр этого «шоу» является едва ли не обязательным, а посему людям приходится отрываться от занятий в рабочие часы, что неизменно влечет за собой опять же наказание.

В конце концов, я отложила книгу и зло посмотрела на темный экран телевизора. Теперь он казался мне воплощением кошмара из разряда «Большой брат следит за тобой». Возмущенная и нервная, я какое-то время кружила по комнате, рассортировывая прочитанную информацию в голове. Но та, как назло не хотела укладываться, топорщась наружу соломой и иглами. Однако я упорно продолжала запихивать ее внутрь. Мне здесь жить! Мне какое-то время придется мириться с любыми, даже

самыми тупыми правилами, хочется того или нет. Но неужели я должна, как школьница теперь зубрить формулы, перед тем, как сесть в автобус? Что за черт!

Наконец я успокоилась. Все это временно. Мне всего лишь нужно найти Лароша, а потом уехать отсюда. И все кошмары будут забыты. Вот только как уехать, если это тюрьма? Проникшись секундным ужасом, я тут же заставила себя переключиться на мысль, что Корпорация позаботится об этом (должна позаботиться!), ведь это по их воле я здесь. Предательский голос верещал, что все не так просто, но мне ничего не оставалось, кроме как верить «Dreams LTD». Постоянные противоречия могли свести с ума любого, даже самого стойкого человека, а моя нервозность и без того усугубляла ситуацию.

Устав от блуждания по комнате, я взглянула на часы — почти десять. Спит моя соседка или нет? Наверняка нет, время детское. Хотя, если она работает с самого утра, то возможно, что и десятый сон видит.

Недолго думая, я решила проверить. Не забыв прихватить из холодильника еще одну банку джема, в качестве задатка для ускорения процесса «дружбы народов», я наскоро причесалась и выскользнула за дверь. Какой номер комнаты она называла? Кажется триста двенадцатый.... Или тринадцатый? Нет, тринадцатый я бы запомнила наверняка, значит не он.

Прежде чем постучать, я какое-то время постояла возле двери, прислушиваясь. Вроде бы из-за нее доносился какой-то звук, похожий побрякивание посудой на кухне, но голосов слышно не было. Я аккуратно постучала.

Дверь распахнулась почти мгновенно. Янка, со слипшимися от пота волосами и держащая в руках мокрую тряпку, на мгновение выказала удивление, но затем махнула в сторону кухни.

— Ооо! Не ожидала. Заходи. А я тут решила кухню прибрать, давно пора было, все никак время не найду. Вот сегодня заставила себя наконец...

Я шагнула в соседские апартаменты. После беглого осмотра стало понятно, что кухню стоило почистить еще пару веков назад, но видимо, находились дела поважнее. Горы грязной посуды утопали в мыльных пузырях, пена стелилась по всему — полу, стенкам шкафчиков, плите и кухонному столу. Грязные потеки, скопившиеся на линолеуме, сдерживала дырявая половая тряпка, рядом лежал мусорный совок и веник, с оставшимися, будто после военных действий, тремя редкими торчащими соломинами.

— Может, тебе свой принести? — Не удержалась я.

— Ты про веник? А ну его! Я уже почти все вымела, итак нормально.

— Как хочешь. Ты если занята, я могу завтра прийти...

— Брось, я могу и позже закончить, сама со скуки изнывала, хорошо, что зашла. Уборка может подождать до завтра.

С этими словами она зашвырнула тряпку в угол, где та шлепнулась с противным чавкающим звуком. Я мысленно хмыкнула «Ага, уборка может подождать и до послезавтра, и еще пару веков».

— Я тут тебе джем принесла, мне он как-то не очень. — Нагло соврала я, поглядывая на банку и глотая слюну. — А ты вроде любишь...

— Ой! Вот спасибо! А то я ту уже... ну того... всю съела в общем. — Янка как-то неожиданно покраснела, сконфуженно поглядывая на толстые ноги, будто стесняясь их.

— Да бери! — Протянула я джем. — Диету всегда можно начать завтра. Вместе с уборкой.

— Точно. — Расцвела та, и я нехотя отметила, что когда она улыбается, то смотрится весьма симпатично. Несмотря на полноту и неряшливую одежду. На пухлых щеках возникли ямочки, а веселые глаза как-то по-особому преобразили лицо. Не красавица, но все же.

— Ты садись вон, в кресло или куда хочешь. Я сейчас лицо умою и чаю поставлю. У меня еще печенье где-то есть.

— Хорошо.

Я прошла к креслу, а она, тем временем, скрылась в ванной. Пока шумела вода, я разглядывала обстановку, как две капли воды похожую на мою собственную. Та же мебель, стулья, черный экран на стене и встроенные шкафы. Вот только цвет занавесок и ковра другой. Да еще планировка кухни несколько отличалась. Если моя была в конце комнаты, то здесь она располагалась прямо у двери. В целом комната могла бы показаться близнецом, если бы не пятна на стенах, пыль в углах на потолке и полный бардак на кухне. Было и еще одно отличие, которое я заметила позже — вид с балкона открывался не на горы, а во внутренний двор, что в моих глазах являлось огромным минусом. Все-таки хорошо было наслаждаться закатом в вечерние часы, сидя с чашечкой дымящегося чая. Наконец из ванны появилась Янка. С мокрыми волосами и свежей футболке. Погремела на кухне, разлила кипяток в две чашки, принесла и поставила на стол заварку. Через минуту туда же добавилось печенье и принесенный мной джем.

— Ну вот! Чем богаты, как говорить...

Она устроилась напротив, а я никак не могла решить, с чего начать разговор.

— Что, не спится тебе? — Первой заговорила Янка, открывая печенье и выкладывая его в вазочку.

— Не особенно. — Призналась я. — Слушай, я тут свод законов читала. Это что, правда?

— Что правда?

— Ну, все.... Например, про билеты в автобусе. Что номер сиденья надо самому высчитывать?

— Ага. Иногда они там так напутают, что проще водителю взятку дать.

— Взятку? — Удивилась я.

— Ну конечно. Так дешевле обходится. Если только он потом не стукнет.

— Кому не стукнет?

Янка какое-то время жевала печенье, разглядывая меня, будто пытаясь понять истинную причину моего визита. Затем отряхнула толстые пальцы и ответила.

— Ты просто еще не знаешь ничего. А пока научишься, столько шишек набьешь, что самой тошно будет. Но так у всех. Тут никому верить нельзя. Вообще никому, понимаешь? Это же тюрьма, каждому хочется на волю побыстрее...

— Что же здесь твориться? Ты мне можешь объяснить? А то я вообще никого не знаю. Ни куда идти, ни что делать....

Янка тяжело вздохнула и откинулась на спинку дивана, поджав под себя голые ноги.

— Короче, слушай. Я не большой специалист по местной системе, вон Роберт — тот хорошо все изучил.... Ну ладно. Ты уже поняла, что для того, чтобы отсюда уехать, нужна тысяча баллов?

Я кивнула. Она продолжила.

— Так вот эту тысячу можно набирать годами и вообще никуда не продвинуться. Здесь все так устроено, все правила против тебя. Если ничего не нарушать, то даже на сотню тебе может потребоваться год или больше. Да и то потом можешь вниз рухнуть всего лишь за день, стоит только

оступиться. Вот смотри — здесь люди стучат на людей. Всегда. Потому что ты стукнул — кого-то наказали, а тебе добавили. Заложил кого-то посильнее — тебе очков больше, а другому могут до нуля скостить или даже в минус...

— В минус!? Здесь, что еще и минус есть?

— А то! Некоторые съезжают и до двух, и до трех тысяч назад. Я слышала, что и больше. А потом самоубийства.... Потому что по замкнутому кругу не у многих сил хватает ходить.

От того, что я слышала, волосы на голове начинали медленно шевелиться.

— Абсурд какой-то. — Вырвалось у меня.

Янка кивнула.

— Я не то, что бы привыкла. Но через полгода — год начинаешь привыкать.

— Так сколько ты уже здесь?

— Два года и три месяца. — Янка прожевала еще одно печенье всухомятку. — Я держусь. А что делать-то.... Выйти хочется. Кручусь, как могу. Связи налаживаю....

Я помолчала. С одной стороны хотелось узнать, за что она здесь оказалась, с другой не хотелось быть прямолинейной и лезть в чужую душу.

— А кому же тогда здесь верить? Есть у тебя друзья? Хотя кто-то, с кем ты общаешься.

— Есть, но не много. Здесь трудно дружбу водить, когда каждый сам за себя. Как волки, ей-богу. Ну ты еще увидишь, попробуй только до магазина дойти, сразу поймешь, о чем я.

Я неприятно поежилась от предостережения. Фиг вам, до магазина! До телефонной будки, найду адрес Лароша, отдам посылку и только меня и видели. Подумаешь, не поем пару дней! Холодильник еще полный.

— А тебя за что сюда? — Спросила Янка, не отличаясь светской тактичностью. А, может, здесь так было принято.

Истинную причину я решила не раскрывать с самого начала, а потому прибегла к предоставленной Корпорацией легенде.

— За хакерство. — Буркнула я, но пояснять ничего не стала.

— Что, правда что ли? — Янка, как и Броцки, явно зауважала меня сильнее прежнего. — Тебе точно с Робертом надо познакомиться! Он все с детальками и электроникой возится. Когда не пьет...

Последняя фраза неопределенно повисла в воздухе.

— А кто это? И где он живет?

— Да на нашем этаже в конце коридора. Хороший парень. Умный, сразу видно. Только слабый характером. Спивается он сильно, все вроде как хотел счетчик надурить, а не выходит...

Янка поспешно спохватилась и захлопнула рот, тараща на меня круглые голубые глаза.

— Ты только никому, слышь? Мы же, вроде как друзья, да?

— Да конечно! — Мгновенно подтвердила я, чтобы успокоить словоохотливую хозяйку, хотя на самом деле сама прилично разнервничалась. Не хватало мне еще чужих тайн! Своих выше крыши. Чтобы сменить тему, я как можно быстрее спросила.

— А сама ты здесь за что?

Янка моим ответом, по-видимому, удовлетворилась, потому что снова расслабленно откинулась на спинку дивана.

— Да долгая это история. Но мы все равно не торопимся, так что давай расскажу... — Она

поворочалась на диване и начала повествование. — Несколько лет назад мне достался дом.

Хороший, красивый, большой. У меня тогда был дружок, все как у людей — свидания, шоколад, гулянье под луной, в общем — любовь-морковь. Поначалу было ничего. А потом мы стали ругаться. Да знаешь, прямо по любому поводу! То не так сказал, то не так сделал, это не туда положил. Короче три года мы промучились, а потом решили разбежаться. Дом этот я клянчила долго, в конце концов, он мне его и оставил. Плюс кое-какую наличность.

На этом месте Янка самодовольно гоготнула.

— Насчет дружка я не особенно-то и горевала, думала, найду работу, заведу отношения с кем-нибудь еще, но не так все сладко сложилось. Стоящей работы все не попадалось, за дом становилось все труднее платить, долги росли, еды не было. Я горбатилась в поте лица, но все ни к черту. Через какое-то время я решила продать этот дом и купить что-нибудь подешевле. А то и вовсе снимать жилье. Но для продажи требовалась реставрация, много починки на нижнем этаже и подвале, замазка стен, по-хорошему новая крыша. На все это требовались тысячи, если ни сотни тысяч. А где их взять? Негде! Хотя район и был хорошим, а покупатели предлагали мизерные суммы. Все из-за оценки экспертов. Короче, отдавать его за копейки мне не хотелось, а чинить было не на что. Да я еще, знаешь, была несколько высокомерна. Привыкла к хорошей жизни, цифры без шести нулей и за деньги-то не считала...

Янка вздохнула, будто коря себя за глупость. Посидела молча, задумавшись, затем тряхнула подсыхающими волосами и продолжила.

— Я сейчас-то понимаю, что надо было брать, что давали и не артачиться. А тогда вот.... В общем, постепенно я впала в уныние, понимая, что получить, сколько я хочу, не удастся. Тогда, вместо того, того, чтобы мыслить рационально, я приняла решение за которое, вот, расплачиваюсь до сих пор. Я решила сжечь его и получить страховку. Только так мне удалось бы срубить достаточно. Я нашла мужика, какого-то мелкого криминала с улицы, пообещала ему столько, сколько, по моему мнению, должно было хватить и за работу и за молчание, и, обеспечив себе твердое алиби, в назначенный вечер ушла играть в преферанс с подругами. Дом сгорел, как миленький. До угольков, по черной пыли по всему бульвару. Я громко плакалась, убитая притворным горем, страховому инспектору, а про себя тихо радовалась скорой выручке и новой жизни. Вот только я просчиталась. Страховая компания наняла акул — экспертов по поджогам, которые быстро вычислили истинную причину пожара, и страховщики вцепились в мою задницу, как бульдоги. Им хватило нескольких дней, чтобы опросить соседей, вычислить, что дом числился в списках «для продажи», что проводилась оценка, что приходили и уходили покупатели. А потом нашли и этого мужика-поджигателя, который мгновенно сознался, опасаясь за свою поганую шкуру. Так я не только потеряла все, что имела, но и получила выбор, предоставленный мне Комиссией. Либо плачу огромный штраф и отправляюсь за решетку на четыре года, либо еду отбывать повинность в Тали. О Тали мне немного рассказали перед этим, и я почти не раздумывала. Не жалею, признаться честно, и сейчас. Во-первых, денег на штраф мне все равно было не найти, а во-вторых, я предпочитаю пусть ограниченную, но свободу. Здесь я могу и в магазин, и домой, и на работу. Могу общаться с кем хочу, передвигаться в любом направлении. А в клетке что? Кровать да сортир? До столовой, где кормят кашей и льют не чай, а мочу? Здесь я могу есть вкусно. Конечно, это зависит от того, сколько я могу заработать, но так ведь есть шанс крутиться! Пытаться, в конце концов! Не у всех хватает сил и изобретательности здесь

прижиться хоть сколько-нибудь хорошо, но так они тоже делали этот выбор. Каждый, кто здесь есть, мог остаться там — за пределами Тали — в обычной тюрьме. Да что я рассказываю, сама ведь знаешь...

Завороженная рассказом, я не сразу нашлась с ответом. Затем вздрогнула и поспешно кивнула.

— Конечно.... Выбор всем давали.

— Вот и я про что. Ну а что правила, да законы соблюдать надо. Неприятно, но не смертельно.

Можно и не соблюдать ничего, так здесь и сидеть. Многие так и делают. А если уж хочется назад, тогда приходится гнуть спину и не роптать. Зарабатывать баллы, копить эту тысячу.

— А ты? — Вдруг спросила я.

— Что я?

— У тебя-то сколько баллов накопилось?

Янка потянулась рукой к столику, стоявшему справа от дивана, и развернула рукой счетчик. На темном экране горела голубым цифра «271».

— Не много, как видишь. Но я не отчаиваюсь. Дорогу осилит идущий.

— Это да... — Как-то невзрачно подтвердила я, находясь под впечатлением от услышанного. Чтобы как-то избежать депрессии, связанной с причислением себя к странной и недружелюбной системе Тали, я вернулась к мыслям о Лароше и «Dreams LTD». Мне не придется постигать все эти тонкие науки выживания, не придется тонуть от отчаяния, от того, что на моем счетчике не прибавляется достаточно, и свет «белый» будет бороздить ногами кто-то другой. Я не утону здесь, в этом городе узников, не дам себе даже близко подойти к мутной, затягивающей в себя все живое болотной воде системы. Вы уж как-нибудь без меня. Без меня....

Зашевелившись в кресле, я бросила взгляд на часы и стала подниматься.

— Мне пора, наверное. Поздно уже.

— Ага, давай. — Янка потянулась и тоже поднялась. — Пойду спать уже.

На пороге мы остановились.

— Ты не сильно-то переживай. Это кажется, что трудно. Потом поймешь что и как, свыкнешься....

Я незаметно поежилась. Свыкаться не хотелось. Даже мыслить в том направлении.

— А за джем спасибо. — Она снова улыбнулась и преобразилась. — Худой мне, видимо, не судьба, но хоть брюхо сладким набью. И то праздник.

— Да не за что. Ты заходи, если нужно, где живу, знаешь.

— Ладно.

Мы кивнули друг другу на прощанье, и я вышла за дверь.

Проснувшись я поздно, вероятно сказала усталость последних двух дней. Умылась, почистила зубы и села на кровать размышлять, как построить график на сегодняшний день. Наиболее важным казалось как можно скорее отыскать Лароша. А чтобы отыскать его, вероятно, придется куда-то ехать. Если ехать, значит нужно иметь купоны для оплаты транспорта. Чтобы получить купоны, их нужно купить на деньги, которыми снабдила меня Корпорация. Все выглядело просто и логично. Оставалось лишь несколько вопросов. Где обменять деньги на купоны и с чего начинать поиски Лароша?

Поразмышляв над первым вопросом, я решила, что быстрее всего будет отыскать такси, заплатить оставшиеся купоны за дорогу, а там уже, получив новые, можно будет задуматься и над поисками

Лароша.

Наскоро позавтракав хлебцами с джемом (третья банка все-таки имелось в моем распоряжении), я причесалась, всунула ноги в кроссовки и вышла за дверь. Посылку брать с собой не стала, решив, что Лароша сегодня я могу и не найти, и таскать лишнюю тяжесть с собой не так уж и приятно. Пачка купюр покоилась на дне сумки. Сколько именно обменивать на купоны, я пока не знала, но надеялась разобраться на месте.

День выдался жарким и нестерпимо душным. Покинув территорию Бэль-Оук парка, я направилась вверх по дороге, ведущей к более оживленной улице, по которой время от времени проезжали машины. Такси ждать почти не пришлось, не так много желающих в этот час голосовало на обочинах, вероятно, предпочитая экономные городские автобусы (один из таких как раз остановился недалеко от меня, подняв кучу пыли, и я автоматически бросила взгляд на название остановки — «Бэль-Оук Булевар»). Запомнив на всякий случай название улицы, я подошла к остановившемуся рядом Тизику. Одутловатый детина уже нетерпеливо постукивал пальцами по пыльной баранке. — Куда едем?

— Туда, где можно купить купоны за деньги.

Детина кивнул вглубь салона — залезай, мол. Я уселась на заднее сиденье.

— Сколько будет за проезд? Мне в ближайший надо. — Уточнила я на тот случай, если он вдруг решит нажиться на моей бедной шкуре, выбрав обменный пункт на другом конце города.

Водитель намек понял.

— Полтора купона. Тут недалеко.

Я поскрежетала зубами. Недорого, тоже мне. На руках останется только два купона после этого. Ну да ладно, ведь я за ними и еду.

— Поехали.

Детина поскреб щеку, посмотрел в зеркало, пропуская автобус и, сигналив какому-то нерасторопному пешеходу, влился в поток.

Обменный пункт выглядел достойно. Четырехэтажное стеклянное здание отсвечивало всевозможными оттенками синего на солнце. Вот только название подкачало — «Талибанк». Слово почему-то вызывало неприятные ассоциации. А в остальном все смотрелось более чем презентабельно — клумбы, парковочное место на пару десятков машин, несколько лавочек по сторонам от подъездной аллеи, в общем, место вызывало доверие. Особенно после крамольных мыслей по пути, что сейчас меня привезут к узкой обшарпанной будке с зарешеченным окном, гадкой теткой внутри и не менее гадкими типами, поджидающих выходящих наружу посетителей, чтобы тут же обобрать.

Вздохнув с облегчением, я расплатилась с водителем и вышла из машины. Раскаленный воздух пропитался ароматами газонной травы и множества, растущих на клумбах вокруг банка, цветов. Посетителей было немного, по пути мне встретился всего один человек в костюме. Осторожно кивнув в знак приветствия, я толкнула стеклянную дверь и вошла в холл. Кабинки продажи купонов находились у правой стены, и, выбрав самую ближнюю, я скользнула внутрь. На мое счастье она оказалась пуста.

Сидящая за стеклом женщина вежливо поздоровалась и, поздоровавшись в ответ, я спросила.

— Какой сейчас курс покупки одного балла?

Вопрос звучал немного глуповато, с такой валютой мне раньше дел вести не доводилась, но женщина ответила без промедления, нимало не смутившись.

— Курс всегда один. Он остается стабильным на протяжении последних пятидесяти лет.

Я молча удивилась — «Так сколько же этой дыре всего лет?»

— И сколько стоит один балл?

— Один бал равняется одной тысяче.

От удивления я едва не закашлялась. Тысячу за балл? Это же не просто грабеж — это... это...

Женщина наблюдала сползшую с моего лица краску (затем вползшую на него обратно, но уже с серо-пурпурным оттенком отчаяния и раздражения) с завидным спокойствием.

— Сколько будете покупать?

Я шумно втянула воздух. А я еще думала, что какие-то деньги останутся по приезду домой, и я смогу их тихо присвоить. Куда там! Получается, что я могу купить только пятьдесят баллов. А ведь это здесь ничто! Максимум на пару недель автобусных поездок и походов в магазин за продуктами. Еще неизвестно, во сколько обойдутся продукты....

— Э-э-э... Мне нужно купить пятьдесят баллов. — Я протянула кассиру всю пачку драгоценных купюр. В конце концов, деньги я смогу заработать, а вот выбраться отсюда, не найдя Лароша, не смогу никак. Значит, придется использовать здесь для этого все возможные средства.

Кассирша быстро пересчитала купюры счетной машинкой (вжи-и-и-к, пролетели они сквозь нее с шелестящим звуком) и затем удивленно посмотрела на меня.

— Что-нибудь еще?

Я стояла, не шелохнувшись.

— А купоны? Может, вы мне их дадите? — В моем голосе против воли просквозили язвительные нотки.

Тетка моргнула накрашенными ресницами.

— Так они уже зачислены на ваш счетчик.

Я подняла руку и посмотрела на маленький экран браслета. Так действительно вместо нуля теперь стояла цифра пятьдесят. Переведя взгляд снова на кассиршу, я растерянно спросила.

— А как же бумажки? Я ими в такси плачу и, наверное, в магазине буду...

Тетка охотно пояснила.

— А вам они не понадобятся. Бумажные купоны неудобны и недолговечны. Таксисты и продавцы могут просто сканировать ваш браслет, вычитая нужную сумму.

В кабинке снова повисла тишина. Накрашенные глаза терпеливо буравили меня, ожидая новых вопросов.

Все еще растерянная и удивленная, я не нашла, что сказать, а посему просто поблагодарила кассиршу и покинула будку.

Выйдя на жаркую улицу, я первым делом огляделась, размышляя, куда направиться теперь.

Насколько велик Тали? Сложно ли найти в нем одного единственного человека? Наверняка где-то должна быть справочная система. Но где?

Дойдя до дороги, я остановилась на тротуаре, глядя на проезжающие мимо машины. Многие из них были довольно старыми, они проносились мимо поскрипывая тормозными колодками и издавая громкие хлопки проржавевшими глушителями. Модели эдак двадцатилетней, а то и тридцатилетней

давности. Но попадались и совершенно новые. Сверкающие на солнце, гладкие, отполированные до блеска бесшумные красавицы. Этими владели наверняка богачи. Владельцы магазинов и ресторанов, огромных ранчо или работники банков. Те, кто имел право начислять вот эти самые голубые циферки на счетчики. Я покосилась на браслет. Цифра пятьдесят приглушенно светилась синим в лучах полуденного солнца.

Оглядывая прохожих, я заметила, что вдалеке, на углу перекрестка стоит полицейский. Может, спросить его? Ведь если я правил не нарушаю, то почему бы ему не ответить на пару вопросов? Поискав глазами знак, указывающим на одностороннее движение и не найдя такового, я направилась в сторону перекрестка.

Полицейский при моем приближении скорчил подозрительную гримасу.

— Тебе чего? — Спросил он глухо, стирая струящийся из-под козырька пот одной рукой, а другую держа на рукояти дубинки.

— Здравствуйте. Я хотела спросить.... Вы не подскажете, где мне найти справочную систему? Я ищу одного человека, но совершенно не знаю его адреса.

— А кто он тебе? — Полицейский стал еще более подозрительным.

— Э-э-э.... — Не сразу нашлась с ответом я. — Ну, понимаете, мы с подругой видели его один раз в баре, он мне очень понравился, я даже услышала его имя. А вот подойти не успела. Он уже ушел.

Теперь мне хочется....

— Влюбилась, что ли, дура? — Расплылся в идиотской улыбке служивый.

От подобного обращения я покраснела. Пылающие от возмущения щеки полицейский принял за девичье смущение.

— Иди давай, некогда мне на вас время тратить!

Понимая, что пропадает последний шанс получить хоть какую-то информацию, я громко заголосила.

— Ну, дяденька, ну как же мне теперь? Куда идти, где искать? Пропаду ведь, истомлюсь совсем! — Никогда еще я не произносила ничего более глупого, но деваться было некуда. Нужно было играть выбранную роль до конца. — Неужели совсем ничего не подска...

— Тьфу-ты! — Выругался мужчина в фуражке. Но не злобно, а больше для порядка. — Вот прицепилась! Кто б меня так любил.... Вон видишь, через дорогу стоит телефонная будка (я проследила за его рукой и уткнулась взглядом в пыльную красную кабинку), там справочник лежит. Если имя знаешь, так, может, и адрес найдешь.

— Спасибо! — Поблагодарила я, на этот раз совершенно искренне.

— Только в койку сразу не прыгай! — Догнал меня его голос уже на середине дороги. Вслед за этим раздался приглушенный хохот.

— Не буду, дяденька! — Махнула я рукой. И под нос добавила. — Козел!

Листая пыльные страницы справочника, я молилась, чтобы имя Лароша нашлось. Пусть оно окажется в списке! Пусть моя задача окажется не только выполнимой, но и быстро решаемой.

Скользя по букве «Л» пальцем, я вполголоса бормотала «Лайн, Лайтон, Ламберт, Ланг... Ларош» Ларош!!! Я едва не подпрыгнула от радости. Ларош нашелся! И не просто какой-то там, а настоящий! Именно тот, который был мне нужен — Кристиан!

Готовая расцеловать грязные запятнанные страницы, я потрясла тяжелым справочником в воздухе, мысленно празднуя первую победу в нелегком деле, затем чихнула от поднявшейся пыли и достала

из сумки листок и ручку. Наскоро переписав адрес (благо, в колонке на букву «Л» значился всего один Ларош), я еще раз сверилась со справочником, убрала листок обратно в сумку и выпорхнула на улицу.

Воздух, на этот раз показался мне совершенно иным на вкус. Будто кто-то добавил в него неуловимый аромат близкой свободы. Приятно шелестела листва, сквозь которую пробивались золотистые солнечные лучи, покачивали розовыми лепестками растущие на обочине маргаритки. Постояв с полминуты без движения, я радостно тряхнула головой и направилась к ближайшей стоянке «Tazi».

Не пройдя и двух шагов, я застыла на месте. Прежде чем ехать, было бы желательно позвонить Ларошу и договориться о встрече. А так как телефона в моей квартире нет, нужно сделать это прямо сейчас, пока я не ушла далеко от телефонной будки. Вернувшись в кабинку, я достала листочек с записанными координатами и принялась изучать инструкцию пользования телефоном-автоматом. Едва шевеля губами, я прочитала: «Поднесите браслет к излучателю фронтальной стороной, чтобы произвести сканирование. После того, как раздастся звуковой сигнал, с вашего баланса будет снят один балл, который позволит говорить в течение десяти минут непрерывно или же сделать десять звонков продолжительностью по одной минуте каждый».

Такие условия меня вполне устраивали, и я решительно поднесла браслет к пробивающемуся сквозь затемненную пластину красному лазерному лучу. Раздалось тихое секундное «Пи-и-и», и счетчик браслета переключился с пятидесяти на цифру сорок девять.

Вздохнув и наскоро подивившись чудесам современной технологии, я принялась набирать номер Лароша. Раздались длинные гудки. Я нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая ответа. Когда послышался щелчок, я едва не подпрыгнула на месте. Однако голос, заговоривший в трубке, был записью автоответчика.

— К сожалению, меня сейчас нет дома, но я прослушаю ваше сообщение, как только вернусь. Спасибо!

Проиграла короткая мелодия, предшествующая началу записи, и я судорожно вздохнула, пытаясь собрать воедино короткую речь.

— Здравствуйте, Кристиан. Мне срочно нужно с вами увидеться. У меня для вас есть посылка... — На этом месте я запнулась, лихорадочно соображая, не опасно ли упоминать о Корпорации в Тали? Но если Ларош не поймет важности сообщения, существует вероятность, что он откажет во встрече. А этого мне всеми силами хотелось избежать. Поэтому я продолжила по возможности прямо. — Эта посылка от обоим нам известной Корпорации. Так как у меня нет телефона, я буду звонить вам с телефона-автомата сегодня еще раз. А лучше, первый звонок я сделаю через два часа и буду набирать вас каждый последующий час, пока вы не ответите. Надеюсь на скорую встречу, и, пожалуйста, помните — это очень важно!

Я положила трубку на рычаг. Стальной шнур, соединяющий ее с аппаратом, несколько раз качнулся и замер в тишине. Ну вот и все. Теперь придется ждать. Я еще какое-то время постояла внутри кабинки, прокручивая сказанные для автоответчика слова в голове, вспоминая, не упустила ли чего, но решив, что все было сделано правильно, вышла из будки.

Куда же направиться теперь? Сонная улица утопала в жарком мареве. Даже машин в эту минуту видно не было. Тали будто плавился и растекался под лучами палящего солнца. Дел у меня на

сегодня, кроме как звонить Ларошу, не оказалось. О прогулках речи быть не могло — во-первых, я совершенно не знала, куда идти (а если идти, не зная куда, то можно очень быстро растерять по дороге драгоценные баллы. Этот опыт в Тали приходил особенно быстро), а во-вторых, далеко ли уйдешь по такой жаре? Ни защитных кремов, ни даже кепки в моей сумке не было, а тепловой удар не являлся наиболее желаемым из возможных впечатлений. Поэтому мне не оставалось ничего, кроме как поехать домой.

По пути на стоянку для «Тазиков», я заметила пустующую автобусную остановку и на секунду задержалась, чтобы прочитать табличку с расписанием маршрутов. С этого места до моего дома (если это вообще можно было называть «домом») оказывается, ходили даже два автобуса. Пятьдесят первый и восемнадцатый. Пятьдесят первый, судя по расписанию, должен был прибыть с минуты на минуту, и вместо того, чтобы тратить оставшиеся два купоны на желтобокое такси, я решила прокатиться на местном общественном транспорте. Мысленно настроившись на преодоление трудностей в виде разгадывания математических формул на билете, я оперлась на железный столб, поддерживающий крышу остановки, и принялась ждать. Какое-то время на тихой улице не было слышно ни звука. Только редкое покачивание листвы от слабого горячего ветерка и отзвуки моторов вдалеке. Видимо поток машин был более оживленным на соседней улице. Затем по противоположной стороне дороги неторопливо прошел пешеход — мужчина средних лет, одетый в шорты и майку. В руках он держал свернутую газету. В этот момент мне вообще показалось, что я никуда не уезжала из Клэндон-Сити. Нормальный город, нормальный пешеход. Сидящая у стены соседнего дома, греющаяся на солнце дымчатая кошка. Раздающийся из приоткрытого окна звук работающего телевизора и чей-то голос, призывающий кого-то идти пить чай....

Будто и не было никогда Зоны 33 со странными правилами для заключенных. Не было того вечернего звонка, а затем мистера Брамса, сухого, как веник. Не было странного Теда на площадке перед вокзалом и жующего яблоко в автобусе. Не было пограничника Броцки, счетчика и сборника правил в пакете.

Но странное иллюзорное пересечение реальностей рассеивалось, стоило мне только взглянуть на браслет. Я стояла здесь — в Тали, ожидая автобуса, напичканного формулами, чтобы доехать до Бэль-Оук «недопарка» (как я окрестила собственный район проживания), мне все еще нужно было найти Лароша, отдать посылку, которая досталась мне от Корпорации в счет долга за Алекса. Стоило этому имени вспыхнуть в мозгу, как тут же навалилось знакомое ощущение пустоты в груди. Но поглотить меня целиком оно не успело, потому что вдалеке послышался скрип подъезжающего к остановке белого пыльного автобуса.

Передние двери распахнулись, я решительно шагнула в салон. Разморенный жарой водитель нажал какую-то кнопку, и прибор, встроенный в приборную панель быстро отпечатал небольшой бумажный билет. Водитель протянул его мне, лениво глядя через ветровое стекло на дорогу и закрыл двери. Оглядевшись, я увидела турникет, отделяющий пассажирскую часть автобуса от кабины, и по наитию вставила полученный билет в сканероприемник. Проштампованный билет тут же выехал обратно, а появившийся лазерный луч указал, что теперь система хочет получить данные с браслета. Прделав ту же операцию, что и в телефонной будке, я толкнула поручень и прошла в салон. В салоне находилось всего несколько человек, но я не стала тратить время на разглядывание людей. Гораздо важнее теперь было отыскать зашифрованное место. На билете, вопреки моим ожиданиям

никакой математической формулы не оказалось. Зато там был рисунок из переплетающихся в разных направлениях черно-белых линий. Застыв от удивления (ведь я уже приготовилась множить и делить в уме), я с глупым видом продолжала изучать зажатую в руке бумажку. Что это значит? Где здесь написано место? Внизу, словно в насмешку, вполне понятным языком было сказано, что у меня в запасе есть ровно две с половиной минуты, после чего последует штраф, в размере трех баллов. Чертыхнувшись, я растерянно посмотрела на сидящих в салоне людей, но никто из них даже не повернул головы в мою сторону. Чувствуя, как все ближе подступает паника, а в голове громко тикают секунды, я снова обратила взгляд на хаотичное переплетение линий. Что это значит? Какой-то лес из полосок! А время идет ужасающе быстро. Что такое две с половиной минуты? Какие-то сто пятьдесят маленьких секунд! Очень коротких секунд. Мне нужно сейчас же сосредоточиться.... Сейчас же....

Только неимоверной силой воли мне, наконец, удалось отодвинуть страх назад и, сконцентрироваться на рисунке. Поначалу глаза скользили по черным палочкам, цепляясь за каждую в отдельности, останавливаясь на каждой, даже самой мелкой детали. Где же тут скрыт номер сиденья? Постепенно, устав от напряженного всматривания, я окинула картинку целиком, и в этот самый момент мне показалось, что что-то начинает проясняться. Не давая себе думать об убегающих секундах, я расслабила зрение еще сильнее, переместив фокус куда-то за бумажку, и едва не подпрыгнула от ликования. Ну конечно! Это же стереоскопическое изображение! Как только мне удалось поймать правильный угол зрения, не позволяя глазам сфокусироваться, как тут же, словно по волшебству, из палочек и линий на поверхность выплыла цифра «17». Хвала одному моему другу, который несколько лет назад брал меня на выставку подобных картин! Тогда я долго не могла понять, как люди видят предметы на, казалось бы, совершенно абстрактных цветовых полотнах, но со временем научилась расслаблять глазные мышцы и получать удовольствие, видя знакомые очертания там, где по первоначальному мнению их быть просто не могло.

Едва не подпрыгивая от радости, я бегом бросилась к семнадцатому сиденью. Прижав мягкое место к совсем не мягкой обшивке кресла, я облегченно вздохнула.

Сидевшая позади меня женщина чуть слышно произнесла.

— Успела все-таки. Пять секунд у тебя оставалось....

Глава 2

Успокоившись, я сидела молча, слушая равномерное гудение и поскрипывание автобуса, рассматривая проплывающий за окном пейзаж. Дорога была совсем не той, которую на пути к банку выбрал таксист, теперь мы ехали, как мне показалось, по самой окраине Тали. Вывод такой я сделала, рассматривая огромные, утопающие в полях и плантациях фермы. Особняки владельцев высились в отдалении — красивые добротные дома, в основном двух- и трехэтажные. На плантациях же, на самом солнцепеке работали люди: их непокрытые, бронзовые от загара спины, поблескивали от пота.

«Какой же это должен быть ужас — работать вот так в полдень, на самой жаре!»

На некоторых головах были видны шляпы, но мелькали среди кукурузных початков и разноцветные вихры или даже лысины. Я от души пожалела бедняг. Заботятся ли о них работодатели? Если да, то почему такие ужасные условия, ведь бумажные кепки обошлись бы в гроши? Как только очередная кукурузная ферма скрылась за поворотом, на несколько миль растянулась свободная от полей,

невспаханная земля. Я уже было подумала, что фермы закончились, когда вдалеке показалась еще одна. Белый каменный трехэтажный дом, вблизи окруженный зеленью и клумбами, выглядел не просто внушительно, но угрожающе-великолепно. Словно архитектор, поначалу решивший построить неприступный форт, изменил мнение на середине процесса и легковесной рукой добавил в сооружение несколько колонн, балконов и изящную крышу. Сразу за садом, что прикрывал окна особняка от беспощадного солнца зелеными дубами, раскинулось широкое, засаженное чем-то высоким поле. Из автобуса, ползущего по дороге, вид растительности мне определить не удалось. Но сразу же удивило явное, от всех предыдущих ферм, отличие. Вокруг всего поместья тянулся высокий провололочный забор. С переплетением острой, как бритва, проволоки, кто-то постарался на славу — зубцы ее, перекрученные во много раз между собой, не оставляли ни единой лазейки.

Когда же я разглядела за ограждением вальяжно прогуливающихся охранников (Боже! С хлыстами в руках!) — меня почти физически затошнило. Здесь еще и такое бывает? Насколько же провинились эти бедолаги? Однако я понимала, что за некоторые преступления полагалась смертная казнь, и, возможно, такой вариант для каторжников был еще не самым плохим. Но думать, что сама могла бы попасть в такое место, было невыносимо.

С трудом оторвавшись от угнетающей картины (ведь хлысты у охранников наверняка висят не для украшения?), я кое-как сглотнула комок и уперлась взглядом в стенку переднего сиденья. Духота в салоне заставляла изнывать от жажды. Воды бы попить.... Вслед за этой мыслью, пришла другая — я вспомнила, что на завтрак мне отчаянно захотелось йогурта и апельсинового сока, но в холодильнике их, к сожалению, не нашлось. Перебрав содержимое полок, я подумала, что неплохо было бы еще прикупить овощей на обед и что-нибудь сладкое к чаю (чтобы было чем изредка баловать себя любимую). А значит, пора знакомиться с местными магазинами. Не то, что бы мне требовалась гурманская пища, я прекрасно осознавала насколько ограничена в «балло-финансах», но, в то же время, я отчаянно тосковала по прогулкам среди заставленных товарами полкам огромных супермаркетов. Иногда я катала тележку просто для удовольствия, читала надписи и состав продуктов на этикетках, любовалась красиво выложенными фруктами, вдыхала запах деликатесов из отдела готовой пищи. И пусть у меня сейчас нет средств, чтобы потакать каждой собственной прихоти, пока я здесь — в Тали, но хотя бы что-то я могу себе позволить. Тем более что Кристиан уже нашелся, осталось только передать ему посылку. А там домой.... Домой.... Это слово перекатывалась в сознании сладко и привлекательно, словно шарик мороженого на распухшем языке бездомного бродяги. Даже мысль о том, что там до сих пор нет Алекса, уже не настолько угнетала.... Подумав это, я тут же укорила себя.

Когда за окном показались знакомые места, я подхватила сумку и направилась к выходу. Автобусная остановка находилась ровно напротив той, которую я видела сегодня утром по пути в банк, а на углу перекрестка я заметила невысокое стеклянное здание с вывеской «Супермаркет N2».

«Именно то, что мне сейчас нужно» — обрадовалась я и, легко помахивая сумкой, двинулась в его сторону.

В магазине царила прохлада. Взяв стоящую неподалеку от входа скрипучую стальную тележку, я сложила в нее сумку и направилась вглубь помещения, наполненная предвкушением приятного «продуктового» шопинга. Мои худшие предположения о возможном дефиците продуктов не оправдались. Выбор здесь был огромный. Неторопливо шагая к молочному отделу, я поглядывала на

ассортимент на полках — мимо проплывали пузатые банки с кукурузой и горошком, маринованными огурцами и всевозможными видами оливок. Обилие товаров радовало глаз, а приятная мелодия, льющаяся из динамиков, настраивала на оптимистический лад. Добравшись до расположенных у стены холодильных камер, я принялась тщательно выбирать йогурт. Хотелось чего-нибудь не слишком жирного и желательного с клубникой. Так как рисунки на крышечках не отличались особенной выразительностью, я взяла в руки первый попавшийся. Надпись гласила «Фруктовая молочная масса с Расторопшей».

«Что такое Расторопша?» — Я задумалась, слышала ли я когда-нибудь это слово, но на ум ничего не шло. Поставив баночку обратно, я пробежалась глазами по соседним полкам.

«Вот он!» — Загрузив в корзину упаковку клубничных йогуртов, состоящую из четырех штук (цена за все четыре штуки была всего полбалла), я, подпевая незатейливой мелодии, направилась дальше. Так, теперь дальше... Что же еще было в моем списке? Ага, точно! Сок!

Ряд из разноцветных бутылок тянулся от стены и до самых кассовых аппаратов. Сначала мне попался на глаза алкоголь, из чего я сделала вывод, что спиртное здесь очень даже разрешено.

Одного только пива я насчитала восемнадцать сортов. Одна этикетка привлекла мое внимание и остановилась уточнить, не подвело ли меня зрение. Оказалось, что нет.

«Это же Эрмингер! Настоящее Галлийское пиво!» Эрмингер был редкостью даже в Клэндон-Сити, импорт его стоил немалых денег, и зачастую цена бутылки достигала десяти долларов за штуку.

Покрутив в руках бутылку, я убедилась, что штрих-код действительно Галлийский, после чего поставила ее на место. Посмотрев на цену, я приглушенно хрюкнула — два с половиной балла. Если учесть, что один бал здесь стоит одну тысячу долларов, получается две с половиной тысячи за бутылку. Невероятно просто! Но кто-то, наверное, все же покупает. Те — кто ездят на новеньких авто с затемненными стеклами.... В какую же цену тогда может обойтись коньяк? Коньяки стояли неподалеку. Разинув рот, я читала этикетки — четырнадцать, девятнадцать, двадцать два балла....

Ой! Уж лучше всю жизнь пропить какое-нибудь пойло, но накопить на свободу. А еще лучше, вообще урезать подобные желания, пока не окажешься за пределами Тали.

Неожиданно вспомнив, что мне еще нужно позвонить Ларошу, я оторвалась от чтения безумных цен и покатила тележку к ярким бутылкам с соком. Выбрав один, не слишком дорогой (за 0.1 балла), я сложила его к йогуртам и отправилась к кассам. Заметив по пути печенье, я, практически не глядя, выбрала какую-то пачку с шоколадной плиткой на этикетке и закинула ее в корзину. От моего небрежного движения еще одна упаковка такого же печенья свалилась с полки на пол, я наскоро водрузила ее обратно и, наконец, заняла очередь.

Кассиром был юноша, лет восемнадцати. Нескладный, тощий, но с безупречно чистой кожей лица (кремами он что ли пользуется?). На голубой отглаженной рубашке крепился бейдж с именем, руки его вальяжно порхали от корзинки к красному лучу, сканируя товар.

— С вас двенадцать и две десятых балла. — Прозвучал неокрепший, но несколько манерный, как мне показалось, голос кассира.

Мужчина, к которому была обращена фраза, молча поднес браслет к сенсору, после чего отодвинул продукты к концу ленты и принялся складывать их в пакет.

Передо мной стоял еще один парень и женщина, у обоих в руках было только по булке хлеба, поэтому моя очередь подошла быстро.

— Здравствуйте. — Все так же монотонно, на странный лад растягивая слова, поздоровался кассир.

— Здравствуйте. — Ответила я, выкладывая йогурт, сок и печенье на ленту.

— Йогурт клубничный четыре штуки- ноль пять, — сканируя упаковку, бубнил кассир (Кеннет — как подсказал бейдж с его именем), — сок апельсиновый, один — одна десятая балла, печенье шоколадное, две пачки — четыре десятых балла.

Я попыталась поправить его, что у меня всего одна пачка печенья, но юноша продолжал невозмутимым тоном бубнить.

— ...йогурт с «Расторопшей» — две десятых балла, пиво Эрмингер одна штука — два с половиной балла.

Открыв от удивления рот, я еще раз посмотрела на ленту, где лежали товары. Убедившись, что там так и лежит одна упаковка клубничного йогурта, сок и одна пачка печенья, я снова перевела взгляд на Кеннета.

— Уважаемый, я не брала йогурт с «Расторопшей», пиво и еще одну пачку печенья. Мы можете в этом убедиться, глядя на ленту.

Кеннет скосил круглые полуприкрытые веками глаза на ленту, затем перевел их на экран кассового аппарата.

— Плюс три балла за дополнительное пребывание по времени на территории супермаркета.

— Что? Что вы такое говорите?

— ... всего с вас шесть целых и семь десятых балла.

— Да вы в своем уме!? — Возмутилась я, но тут же постаралась остудить себя. Это просто ошибка. Какая-то досадная ошибка, и сейчас все будет улажено.

— Посмотрите еще раз на ленту. — Уже более спокойным тоном попросила я. — Вы же видите, что я не брала две пачки печенья, пиво и этот странный йогурт с «Расторопшей». У меня здесь всего...

Кеннет перебил меня, недослушав.

— Любой товар, который покупатель берет с полки, полагается оплатить. Таков закон супермаркета. Я опешила.

— Но ведь я всего лишь посмотрела и поставила назад!

Кассир покачал головой.

— Это не имеет значения.

Какое-то время я буравила его взглядом, пытаюсь переварить услышанное.

— Получается, что мне полагается теперь забрать бутылку пива, еще одно печенье и йогурт?

Давайте, я тогда уж схожу за ними...

— Вы их уже поставили назад. А значит, если возьмете снова, мне придется пробить их еще раз.

— Что значит пробить еще раз!? Вы их только что пробили, а на ленте их нет. Значит, я могу их взять.

— Нет, мисс.

После этого ответа я уже была готова вцепиться Кеннету в благоухающее свежестью лицо.

— Что все это значит? — Прорычала я, чувствуя, как мои щеки начинают покрываться пятнами. — Товар я оплатила, а взять не могу?

— Вы поставили его обратно. Теперь вы можете его взять только за дополнительную плату.

Несколько секунд я всерьез рассматривала идею поколотить кассира. Но после нескольких глубоких

вдохов и выдохов, лишь медленно произнесла.

— Хорошо. Я поняла ваш закон. Менеджера, как я понимаю, смысла звать не имеет.

Манерный Кеннет только неопределенно пожал плечами. Мол, как хотите.

— Тогда за что еще три балла сверху? — Происходящее мне уже начало казаться отвратительным фарсом. Тон мой был настолько пропитан ядом, что казалось еще чуть-чуть, и вокруг распустится зеленое зловонное облако.

— Каждому покупателю отведено десять минут в день на посещения супермаркета. Вы же находились на территории магазина тринадцать минут. Штраф за превышение лимита — одна минута — один балл.

— В день? Десять минут!? — Я уже едва не орала, не обращая внимания, что сзади скопилась очередь. — Это что, по-вашему, достаточно, чтобы купить продукты? Я должна, как спринтер носиться по рядам, даже не читая, что беру?

Юноша едва поморщился и, глядя в сторону, ответил.

— Либо вы оплачиваете покупки...

— Вот именно «покупки», а не все подряд!

— ...либо я зову охрану, и вы идете к менеджеру.

Понимая, что менеджер скажет мне то же самое, я, стиснув зубы, поднесла браслет к сенсору. Тихо пикнуло. Кассир выдал мне пакет для покупок. Скрипя зубами и сдерживая комментарии по поводу таких вот законов и манерных кассиров, я яростно скидала покупки в полиэтиленовый мешок и почти бегом выбежала из супермаркета. Оказавшись на улице, я со всей силы пнула рядом стоящую железную урну, отчего та перевернулась, а браслет снова пикнул.

С меня снова что-то сняли за нарушения законов славного Тали.

Но от злости, я не стала даже смотреть, сколько баллов составил штраф, а быстрым шагом отправилась домой.

Поход в магазин стал для меня наглядным уроком. Я сидела на балконе, рассматривая потонувшие в жарком мареве горы, рядом стоял, поблескивая на солнце, остывший чай. Янка была права — беспечность в этом городе могла привести к плачевным результатам в считанные дни. Поначалу я не отнеслась серьезно ни к сборнику правил, ни к советам соседки. А зря. Теперь, вместо пятидесяти баллов, на моем счетчике осталось всего сорок два с половиной. Шесть и семь сняли в магазине, примерно три десятых за проезд в автобусе (цены на транспорт мне, после некоторых усилий, удалось найти в сборнике). Значит, еще полбалла ушло за перевернутую урну. Черт!

Настроение было ни к черту. Ларош не отозвался на еще два звонка. Время медленно клонилось к закату. Что, если он вообще не отзовется? Может, его уже нет в живых? Что я буду делать тогда? Стараясь не думать о худшем, я принялась мысленно составлять список принципов, которым собиралась начать следовать с этой минуты. Во-первых, никаких лишних трат. Если я окажусь на нуле или в минусе, то жизнь моя из пребывания в «отеле» может резко переместиться несколько ниже — в «ад». Что-что, а Тали становился адом для многих. И куда в моем холодильнике есть хоть какая-нибудь еда, мне следует воздержаться от любых поездок и посещений магазинов. Я не сомневалась, что любая вылазка в город может обойтись мне еще пару десятков баллов.

Тяжело вздохнув, я поднялась и направилась в комнату. Прошел еще час. Пора звонить Ларошу. Обуваясь в кроссовки, я мысленно заклинала — отзовись. Ну, отзовись в этот раз!

— Кристиан!? Кристиан!? — Едва не кричала я в телефонную трубку, когда вместо автоответчика услышала настоящий живой голос.

— Да, это Кристиан. Кто говорит?

— Это я — Шерин. Ой, я, кажется, не представилась, когда оставляла сообщение.

— Это вы оставили сообщение? — Теперь взволнованно звучал голос Лароша.

— Я! У меня для вас посылка! Как нам встретиться? Мне очень хочется ее передать, как можно быстрее!

— Да.... Да.... Мне тоже. Так, как же нам пересечься. — Кристиан усиленно размышлял, в трубке слышалось его учащенное дыхание. — Шерин, я пришлю за вами оплаченное в оба конца такси. Оно привезет вас прямиком ко мне. Хорошо?

— Конечно!

— Называйте адрес.

Я продиктовала адрес.

— Все, я сейчас же пошлю машину. Не забудьте взять посылку.

— Вы издеваетесь?

— Нет-нет.... Я.... Мне просто это тоже очень важно. И, Шерин.... — Он на секунду замялся. — Спасибо вам огромное!

Неподдельная искренность, что прозвучала в его голосе, заставила меня слабо улыбнуться.

— Да, что вы.... Не за что.

— Тогда до встречи!

— До встречи, Кристиан.

Я положила трубку, выбежала из будки и со всех ног бросилась по направлению к дому.

Такси затормозило в пустынном окраинном районе, напротив трехэтажного длинного здания, заросшего чахлыми кустами. У подъезда уже ждал человек: мужчина среднего роста, немного сухощавый, лет тридцати пяти — сорока на вид. Его волнистые светлые, с золотистым отливом, волосы были зачесаны назад, где у самого воротничка рубашки завивались крупными кудрями.

Когда он подошел к машине и открыл мою дверь, я мельком отметила тонкий нос с едва заметной горбинкой и яркие голубые глаза. «Альвьер, не иначе. — Подумалось мне. — Только у них всегда такие золотистые кудри и пронзительные небесного оттенка глаза»

— Здравствуйте, Шерин. — Как только я вышла из машины, мужчина коротко пожал мою руку. — Я

— Кристиан. Пойдемте в дом.

Когда мы входили в подъезд, таксист уже скрылся за поворотом. Я следовала за Ларошем по выщербленным старым бетонным ступеням. Мы поднялись на второй этаж, где он открыл ключом дверь с номером шестнадцать.

— Входите.

Прижимая к груди пакет с посылкой, я шагнула в полутемную маленькую комнатку. Кристиан зажег свет и неопределенно махнул рукой.

— Присаживайтесь, где вам удобно.

Я присела на край темно-зеленого дивана, который по совместительству являлся и кроватью.

Мимолетом оглядев обстановку, я удивленно отметила, что мои «апартаменты» были оборудованы куда лучше. Например, у меня была кухня и холодильник, которые здесь отсутствовали начисто.

Висящий на стене, покрытый толстым слоем пыли экран не шел ни в какое сравнение с тем новомодным, который висел в моей квартире. Из мебели здесь был только старый полотняный шкаф, два грубо сколоченных стула, столик, и тот самый диван, на котором я теперь сидела. Да, еще притаившаяся в углу тумбочка с двумя выдвижными ящиками (верхний уже изрядно просел от времени), на которой стоял телефонный аппарат. Где же он тогда готовит? Ни холодильника, ничего.... Неужели ест в ресторанах на улице? Не похоже, чтобы у человека, живущего в такой дыре, водились немалые деньги.

Ларош неторопливо сгреб одежду, горой валяющуюся на стуле, сбросил ее на пол и уселся напротив меня, возбужденно сверкая глазами.

— Где она? Не томите, Шерин. Я так долго этого ждал!

— Прежде, чем я отдам ее вам, я хочу заручиться, что вы ответите на пару моих вопросов.

Кристиан напряженно молчал. Затем ответил:

— Хорошо. Отвечу.... Если знаю ответ.

Я положила пакет рядом с собой и потеряла виски. Вот и настал конец моей миссии, через минуту посылка будет уже в руках у Лароша, а я смогу отправиться домой. Нужно только узнать, как именно.

— Эту посылку вам передала «Dreams LTD», правильно?

— Да. — Он нетерпеливо потер ладони.

— Они и послали меня передать ее вам. На этом, моя миссия заканчивается. После этого мне нужно попасть домой. Мы могли бы мне дать телефон, по которому я могу с ними связаться?

Ларош молчал. Лицо его застыло, превратившись в хмурую маску. По-своему истолковав его реакцию, а поспешила прояснить.

— Мне нужно сказать им, что все... Я все закончила. Теперь они могут забирать меня наза....

Последующие слова Лароша надолго врезались в мою память.

— Отсюда невозможно связаться с Корпорацией.

Судорожно сглотнув неизвестно откуда взявшийся ком, я потрясла головой.

— Нет, вы поймите, я ничего не нарушала. Они сфабриковали мои документы, чтобы я смогла въехать на территорию. Попросили найти вас и передать посылку. А теперь должны забрать меня назад. Я ведь все сделала.

Глаза Кристиана продолжали неподвижно буравить меня.

— Они сказали вам что-нибудь насчет «назад»?

— Что вы имеете в виду?

— Говорили ли они что-нибудь, как именно собирается планировать извлечение вас отсюда?

— Нет.

— Тогда забудьте об этом.

— Что вы говорите! Этого не может быть, я подписывала договор, в котором просто обещала выполнить их поручение. Я же ни в чем не виновата!

Он слушал мои крики молча. Только терпеливо ждал, когда я снова сяду на диван.

— Шерин, вы ничего не подписывали и не обсуждали по поводу возвращения, правильно?

— Правильно. — Икнула я, чувствуя, как подступает истерика. Что он говорит? Как это меня никто не заберет? Почему? — Они вообще мне не сказали, куда я еду. Сказали только название города и

что для проникновения сюда нужны документы....

Ларош тяжело вздохнул.

— Вас подставили.

— Нет.... — Его слова отскакивали окружившим мое сознание защитным полем, что не давало им проникнуть внутрь. Быть опознанными, принятыми. — Нет-нет! Не может такого быть!

— Шерин, скажите, вы что-то просили у них сначала? Что-то брали в долг?

— Да. — Ответила я тихо. — Деньги.

— Много? Это, по сути, и не важно. Просто любопытно....

— Четыреста пятьдесят тысяч.

Кристиан грустно улыбнулся.

— Вот они и отправили вас выполнить поручение, в качестве возвратной меры. Но вы поймите, если они изначально ничего не сказали о возвращении, значит, не планировали вас возвращать.

— Нет.... — Снова повторила я и почувствовала, что вот-вот по щекам закапают слезы. — Я свяжусь с ними, и они вытащат меня...

— Да не сможете вы! — Повысил голос Ларош. — Вы думаете, я не пытался? Отсюда вообще нельзя никому позвонить, кто живет за пределами Тали. — НИКОМУ! Вы понимаете?

— Должен быть метод! — Практически выкрикнула я, злясь за истеричные нотки собственного голоса. — Должен быть! Вы же связались с ними!

Кристиан сложил руки на груди и откинулся на спинку стула.

— Я сам не связывался.... Попросил человека, кто был снаружи. Только так.

— Но вы же связались с этим человеком!? Который был снаружи. Как?

— Я сдружился с одной девушкой. Она выходила отсюда. Вот ее и попросил.

Какое-то время я молча смотрела на него, шестым чувством осознавая, что он не врет. А если не врет, значит, я.... я.... останусь в Тали навсегда?...

В этот момент мои нервы не выдержали, и я согнулась пополам. Это были уже не просто слезы, льющиеся по щекам, это были безудержные рыдания. Я не видела и не слышала ничего вокруг, повторяя в никуда одно и то же — «Я не виновата.... Я не хочу здесь оставаться.... Я хочу уйти отсюда.... Я не виновата....».

Медленно и верно, словно отравленный ядом дымок, в мою голову проникало понимание, что, хочу я того или нет, а Ларош может оказаться прав. Никто мне ничего не обещал, все произошло очень быстро, без дополнительных пояснений. Брамс не появился утром, предполагая, что я могу задать «неудобные» вопросы. Но они хорошо подстраховались с самого начала, не давая никакой информации о Тали. А ведь они ее имели. Я могла дать на отсечение руку, что имели....

Всхлипывая, я оторвала руки от красного, зареванного лица. Кто-то осторожно тряс мое плечо.

— Шерин, выпейте.... — Сказал Ларош, протягивая мне стакан с водой. — Видит Бог, я не хотел, чтобы так получилось.... Я вам сочувствую.

Почти захлебываясь, я глотала холодную воду большими жадными глотками. Это помогло мне немного успокоиться и снова начать думать. Хотя слезы еще продолжали прокладывать соленые дорожки на щеках, я уже взяла себя в руки.

«Ты еще не знаешь наверняка, свяжутся с тобой или нет. Может быть, есть какой-то способ, но он о нем не знает. Прекрати реветь и думай! Думай!»

Я вытерла губы тыльной стороной ладони и уставилась на стоящего рядом Лароша.

— Я хочу знать все. Все, что вы о них знаете. И еще как вы сюда попали, что узнали о Тали за это время, и как связались с ними. В общем, все!

Отпора, к которому я уже приготовилась, не произошло. Ларош только мягко кивнул и поставил стакан на стол.

— Я расскажу. Может быть, это вам чем-то поможет. И, Шерин, поверьте, мне действительно жаль. Я кивнула, сотрясаемая нервным ознобом. Кристиан занял свое место на стуле и посмотрел на меня. Лицо его было усталым, с отпечатком безнадежной грусти в голубых глазах. Однако в них все же светилась надежда.

— Я был детективом. В Южном Дринвиле. Почти пятнадцать лет своей жизни я проработал по этой профессии. А потом связался с одним делом. Один клиент попросил меня следить за его женой, подозревая ее в неверности. Я получил аванс и принялся за работу. И вскоре узнал, что жена попросту сбегает из дома, опасаясь его же собственных побоев. Поначалу я просто проникся к этой женщине симпатией, узнал все о ее прошлом, привычках. Она оказалась исключительно порядочной. Мягкой, сердечной.... И очень красивой.

На этом месте Ларош запнулся и смущенно посмотрел на меня.

— Шерин, вы не подумайте, я обычно никогда с клиентами.... Стараюсь избегать личных отношений. Старался.

Добавил он. Помолчал. И продолжил.

— А вот муж ее, как раз наоборот. Оказался полной сволочью. Получилось так, что на поверхность всплыла информация, на которую он не рассчитывал. Ко мне в руки попали бумаги о его незаконных сделках по продаже запрещенных химических препаратов с завода, на котором он работал.

Впоследствии эти химикаты шли на изготовление сильного наркотика — неоспоферомена. Торговцы потом продавали его по всей территории..... Ну, это я отвлекся от темы. Чтобы полностью снять его жену с подозрения, я познакомился с ней лично. Несколько раз мы встречались в кафе, разговаривали. А потом я рассказал ей про то, что узнал. Она была в ужасе. Тем же вечером она пришла домой и в порыве эмоций закатила ему скандал. Муж расвирипел. Решил, что она спала и со мной, и со многими другими, а теперь еще знает его тайну....

Кристиан растеряно потер ладони и отпил глоток воды из стакана.

— Я был рядом. Я предполагал, что такое может случиться, хотя и надеялся на лучшее. Когда услышал крики с лестничной площадки, добежал до их двери и выломал ее. Я, понимаете, Шерин, я хотел ее защитить, а ему предъявить обвинение и передать дело полиции, но он бросился на меня, и тогда я.... я убил его. Не специально. Он пытался задушить меня, и все, что я нащупал рядом, была каминная кочерга.

Ларош подавленно затих. Я молчала тоже, не хотела его перебивать. Он поднял на меня голубые глаза и развел руками.

— Видит Бог, я этого не хотел. Но, получается, что я здесь не без причины. Мне бы дали пятнадцать лет тюрьмы. Но я выбрал Тали. Я многого тогда не знал об этом городе.

Мне было грустно смотреть в его лицо — расстроенные глаза, едва подрагивающий рот. Я поверила его истории безоговорочно. Грустно было ее слышать, но такое случается. Осторожно прочистив горло, я спросила.

— А эту женщину, его жену, вы видели после?

— Видел, но мельком. Она все равно любила его.... Несмотря на побои, грубые слова. Любовь — странная штука. А со мной даже встречаться не захотела после. Все время плакала.

Он вздохнул.

— Может суд бы и счел мои действия самообороной, но я был на его территории. Я не имел права туда врываться и вмешиваться. Закон оказался на его стороне.

— А сколько вы уже провели в Тали?

— Почти четыре года. Шерин, я пытался честно работать. Я горбатил спину на самых тяжелых и проклятых работах, ведь убийце здесь даже нормальной работы не дадут.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, здесь такая система — чем тяжелее совершенное преступление, тем сложнее будет набрать баллы. Так сделано, чтобы не у всех были одинаковые возможности. Кто-то хулиганил по мелочи, кто-то грабил, кто-то торговал наркотиками, кто-то насиловал и убивал. Городское начальство принимает это во внимание и как-то прописывает на браслете. Если преступление тяжкое, то никем, кроме грузчика, дворника или чистильщика, простите, канализаций, устроиться не удастся. А за такую работу, сами понимаете, практически ничего не платят. Все уходит на еду. Начальное жилье тоже зависит от тяжести вашего преступления. Вот этот район, где я живу, один из самых худших.

— Но у вас есть телефон. Я такой роскошью похвастать не могу.

Ларош только махнул рукой.

— Это тот, кто был здесь до меня, как-то выторговал. Это не моя заслуга.

— Понятно.

Я пошевелилась из стороны в сторону, чтобы размять затекшее тело, и моя рука наткнулась на пакет с посылкой. Сбросив полиэтилен на пол, я извлекла ее на свет и поставила на стол.

— Так что в ней? Что вы просили у Корпорации?

— Сейчас покажу. — Коротко ответил Ларош.

Он поднялся, подошел к тумбе и достал из верхнего ящика небольшой нож. Затем вернулся к столу и принялся методично вскрывать упаковку. Когда последний кусок бумаги упал на пол, в его руке появился небольшой черный прибор.

— Счетчик! — Потрясенно выдохнула я. — Это же счетчик.

Когда Кристиан развернул его ко мне экраном, вдох наполовину застрял в моей груди. Это был счетчик с тысячей баллов. Цифра один и три ноля ярко светились в полутемной комнате. Я жадно впитывала глазами это великолепное зрелище, не решаясь поверить, что все это время у меня в комнате уже был счетчик, который мог обеспечить мгновенный выход на свободу. Но я ведь честная и порядочная! Я не стала бы вскрывать упаковку чужой посылки, только потому что мне любопытно. Как же он мог мне помочь!

Видя мою реакцию, Ларош чуть виновато улыбнулся, читая отразившиеся на моем лице мысли.

— Вам бы он не помог, Шерин. Все счетчики именные. С какими-то кодами внутри. Если бы вы попытались предъявить его на границе, вас бы тут же кинули в каталажку и наложили огромный штраф. С ними шутки плохи.

Воздух вышел из меня, как из проткнутого шарика. Значит, вот как. А ведь я бы попробовала, знай я, что именно лежит в коробке. Мысленно воздав благодарность Всевышнему за то, что уберег меня от

такой ошибки, я с завистью посмотрела на сияющее лицо Кристиана.

— Я очень долго ждал его! — Произнес он, поглаживая черную пластиковую поверхность. — Хелен вышла отсюда еще три месяца назад, и с тех пор я ждал. Каждый день ждал этой посылки....

Ларош перевел взгляд на наручный браслет и рассмеялся.

— Здесь теперь тоже тысяча! Они как-то связаны между собой. Совсем скоро, хоть сейчас я могу идти на границу, а там на автобус.

Он едва не кружил по комнате с этим маленьким приборчиком, в то время как меня разъедала желчь и разочарование. Когда же теперь я буду вот так же радоваться своему скорому освобождению?

Никто не знает когда. Если только Корпорация не сподобится что-нибудь предпринять....

— Как же вы все-таки заполучили его? — Спросила я, опасаясь, что он прямо сейчас может собрать вещички и исчезнуть, оставив меня с кучей вопросов и неподъемной плитой, что легла на сердце после его слов «Не приедут они за вами. Не ждите»

— У меня на счете в банке, там, снаружи, был миллион и шестьдесят три тысячи. Я скопил это все за время работы. И для меня единственным шансом оставалось найти путь связи с Корпорацией. Я никогда бы не вышел из Тали сам. Хелен, девушка, с которой я познакомился почти три года назад, помогла мне. Она вышла и связалась с ними. Я не знаю всех подробностей, но видимо они приняли мой миллион, раз прислали счетчик. Они прислали его! — Повторил он, продолжая зачарованно созерцать мерцающий экран.

— Значит, они взяли ваш миллион, а мне дали четыреста пятьдесят тысяч и коробку, чтобы я вам ее передала. Таким образом, они получили пятьсот пятьдесят для себя. Практически ни за что! Никакой работы они и не делали. Финансисты хреновы!

Я злилась на себя, на них, на Лароша и ничего не могла с этим поделать. Их система выглядела безукоризненно. Обладая мощными связями и возможностями, Корпорация сдирала с одних и давала другим. Конечно, я полагала, что сделать поддельный счетчик, не было простой задачей, но если знать, за какие ниточки тянуть, то можно было получить этот счетчик практически задарма. И положить себе в карман хорошую прибыль. Да-а-а.... Не прикопаешься....

— А есть ли что-то на вашем старом счетчике, Кристиан? — Вдруг встрепенулась я, терзаемая несформировавшейся идеей.

— Нет, Шерин. Я в минусе. Я был в нем практически с самого начала и так и не смог добраться даже до ста.

— Но как же так?

— Никому не выгодно, чтобы люди выходили из Тали. Здесь налажены самые разнообразные производства товаров, которые впоследствии экспортируются в нормальный мир. Рабочая сила не стоит ничего, потому что никто не платит реальными деньгами. Многие, особенно у кого тяжкие преступления, работают днями и ночами за одну только еду, безо всякой надежды на освобождение. И, поверьте, тем, кто снаружи — это очень выгодно. Они получают дешевые товары и практически навсегда освобождают города от преступников. Так что Тали — это всего лишь иллюзия более благоустроенной тюремной жизни, а на самом деле каторга, которая не может не закончиться тогда, когда у вас бы уже закончился тюремный срок. Она может здесь длиться вечно, до самой вашей смерти.

Застывшая, словно арктическая глыба, я сидела и молчала. Мысли практически исчезли. В голове

царила пустота и прохлада, словно в морозильной камере заброшенного склада. Видимо, такова была реакция на шок. Затем, словно издалека, до меня донесся голос Кристиана.

— Шерин, Шерин.... Я могу что-то для вас сделать там, на свободе?

Очнувшись от оцепенения, я посмотрела в склонившееся надо мной лицо.

— Да.... У меня есть для вас просьба. Найдите для меня одного человека. Его имя Алекс. Алекс Вивер....

Четвертый день проходил, как и три предыдущих. Словно в тумане. Я то бесцельно слонялась по комнате, то часами просиживала на балконе, глядя на ставшие вдруг непривлекательными горы. На улицу я выходить боялась — страшила потеря оставшихся баллов. Холодильник постепенно пустел, в мусорном ведре копилась гора оберток от печенья, чайных пакетиков и колбасных обрезков. Скоро запасы кончатся, и придется идти в магазин. Выходить на охоту за баллами, начинать новую жизнь в хищном неприветливом Тали.

Ларош ушел. Ушел на свободу. А Корпорация так и не связалась со мной. Я понимала, что, скорее всего и не свяжется, но ничего не могла поделать, продолжала глупо надеяться и угнетенно грызть печенье, приторный вкус которого уже стоял в горле с утра до вечера. Тысячи картинок мелькали перед глазами: вот человек от Корпорации в черном костюме стучится в дверь со словами: «Шерин Мур? Ваша миссия окончена. Следуйте за мной к машине....» И я иду к черному тонированному автомобилю, предвкушая, как вдохну чистый, наполненный ароматами воздух знакомой улицы в Клэндон-сити (хотя вряд ли любой город мог соперничать в чистоте воздуха с Тали), как бросится на шею Линда (вообще-то, она никогда подобных фривольных жестов не делала, но мечтать было приятно), как я окунусь в привычный водоворот прежней жизни. Новая я — свободная от долгов и обязательств, почти, как ни странно, позабывшая Алекса.

Я по привычке одернула себя, но уже вяло, беззлобно. Ведь не вспоминала я о нем в последние дни. Тревоги и волнения вытеснили из головы что-то мелочное, устаревшее, оставив оголенный корень насущных проблем и некоторую пустоту, отдающую горечью. Какой смысл здесь думать об Алексее? Я не смогла найти его «там», чего уж изводиться от тоски здесь. Бессмысленные слезы лишь кислотой разъедают разум, но не подскажут, как справиться с новой ситуацией. Не помогут найти работу, добыть злополучные баллы и вернуться домой.

Солнце уже устало золотить оранжевые кончики горных вершин и теперь спешило укрыться где-то за ними, стремясь на покой в конце долгого дня.

«Долгого рабочего дня. — Усмехнулась я про себя. — Интересно сколько баллов они платят тебе за один пролет по небу?»

Я вздохнула и повесила голову, глядя на переплетенные пальцы рук. Пора принимать правду. Есть то, что есть. Я одна, и надеяться больше не на кого. А, значит, нужно выходить на улицу и встречать новую жизнь лицом к лицу. Протянуть ей каравай, разложенный на белоснежном полотенце и надеяться, что та не пнет с размаху в ответ.

Я посмотрела на последние лучики, пробивающиеся сквозь скалы, и поднялась со стула. Хотелось выпить. Мысль эта сначала удивила меня, но затем показалась даже разумной. Имею я право, в конце концов. Грядущие завтра перемены выпихнут меня из этой коморки, и посмотрим тогда, встану ли я сразу коленями в грязь, или еще смогу помахать шашкой. Но это будет завтра. А сегодня я отпраздную горькое крушение несбывшихся надежд и последний вечер безработного человека.

«Хакера. — Прокаркал насмешливый голос».

Угу. Хакера. Усмехнувшись, я прошла сквозь прихожую, раздумывая, куда положила сумочку с деньгами. Затем вспомнила, что моя «сумочка» болтается на моем запястье в виде браслета, чертыхнулась и, хлопнув дверью, направилась в ближайший супермаркет, на ходу придумывая разнообразные пытки, которым бы я подвергла юношу-кассира, если бы тот посмел раскрыть свой накрахмаленный бальзамами рот.

Вернулась я домой не с вином или, на худой конец, коньяком, как того бы желала моя душа, но с литровой бутылкой водки. Не праздновать же собираюсь. Ни к чему мне вкусом наслаждаться, а вот забыться хоть на пару часов не мешало бы. Выдернув из холодильника остатки колбасы, банку соленых огурцов и кусок сыра, я разложила все это на столе, не забыв достать из шкафа маленькую стопку, оставленную там кем-то непомерно заботливым.

Что-то бубня, про «Ты и сам видать тут до этого сидел, раз знал, что человеку нужно...», я откупорила пробку, морщась плеснула водки и тут же опрокинула все это в горло. Заела соленым огурцом, отчего-то икнула, напомнив себе заправского алкоголика со стажем, шумно выдохнула от отвратительного привкуса и тут же налила еще.

«Так я не просто «поеду». Так я понесусь с горы в вагончике, как на сумасшедших горках». Но дело нужно было делать, забыться хотелось всенепременно, и я, стараясь не смотреть на водку, выпила еще раз. Чувствуя, как алкоголь медленно растекается по желудку, превращая тугой комок нервов в пылающую сахару, я задумчиво рассматривала потрескавшуюся под самым потолком белую краску. Чего же мне захочется следующим? Петь? Общаться? Рыдать в чье-нибудь плечо, заплетающимся языком рассказывать, что никакой я, мать его, не хакер? О-о-о! Это будет интересный сюжет. Особенно для дешевого романа, который каждый приличный гражданин обязательно держит в туалетной кабинке.

Не успела я наклониться к столу, чтобы продолжить в бодро взятом темпе, как раздался стук в дверь. Застыв с наклоненной под сорок пять градусов бутылкой, я угрюмо посмотрела на дверь. Затем слезла с дивана и отправилась к двери. По видимому «плечо» для рыдания пришло само. Распахнув дверь, я уставилась на стоящую в дверном проеме Янку. Та сначала удивленно посмотрела на мое лицо, затем перевела взгляд на руку, в которой я все еще держала бутылку, приоткрыла и закрыла рот, а под конец усмехнулась.

— Ну, ты даешь!

Я тоже посмотрела на водку, затем на Янку и нимало не смущаясь (голову уже приятно заволокло алкогольными парами) ответила.

— А тебе чего?

— Ты что празднуешь-то? — Она вытягивала шею, пытаясь из-за моего плеча рассмотреть стол.

— Ничего не праздную. Мужиков нет. Джема тоже. — Мне было бы впору подивиться собственной наглости, но напавшее безразличие только похохатывало из глубины сознания, заталкивая совесть куда-то далеко.

Янка, однако, нисколько не обиделась.

— Да я не за джемом.

— А за чем?

— Да, в общем, ни за чем. Просто так зашла, поболтать.

Она топталась на пороге, все еще удивленная моим изменившимся со вчерашнего дня настроением, не зная, что сказать дальше.

— Заходи. — Коротко кивнула я. — Выпьем.

Янка прошла к креслу, я, тем временем, достала вторую стопку. Разлила водку, выпила, не дожидаясь ее, и закусила куском сыра.

Янка, прежде чем выпить, какое-то время смотрела на меня, затем влила в себя огненную жидкость и тоже потянулась за сыром.

— Ты чего все-таки? Чего у тебя стряслось-то?

Я молчала, не зная, что ответить.

— Вроде не виделись несколько дней, а ты уже в одиночку пьешь. Поругалась с кем?

— Да с кем ругаться, я здесь никого не знаю еще.

— Вот и я тоже думаю.... С чего бы тебе так. Выглядишь, как на похоронах.

Я тоскливо отвернулась, продолжая молчать.

— Ну, ты расскажи уже. Всегда легче, когда поделишься.

Я посмотрела на Янку, раздумывая, как бы она отреагировала на мою правдивую историю. Можно ли ей доверять? Кому здесь вообще можно доверять? Так и не придя к выводу, я лишь вздохнула.

— Что-то пошло не так, понимаешь? Я думала мне помогут....

— Помогут с чем?

— Выбраться отсюда.

Янка, как ни странно не обстреляла меня вопросами, вместо этого лишь снова разлила водку в стопки.

— Мы все надеемся, что нам кто-то поможет. Много у кого связи есть снаружи, деньги или еще что.... А что толку-то. Как только ты в Тали — ты один.

В этом была несомненная правда, и я кивнула. Понятливость соседки даже несколько поставила в тупик.

— Вот и я.... — Я снова вздохнула. — Осталась здесь одна.

— То есть надеется тебе больше не на кого?

— Неа....

Янка выпила и захрустела соленым огурцом, будто обдумывая что-то.

— Слушай, а ты на работу еще не устроилась?

— Нет еще.

— А собираешься?

— А что мне остается?

— А кем?

— Да не знаю я еще. — Я не особенно понимала, куда она клонит. — Даже представить не могу, что здесь вообще можно делать. Способностей у меня особенных нет, талантов тоже.

— А здесь таланты и не нужны. Тут в основном либо фабрики, либо фермы. На административную работу и думать нечего пробиться. Ну, так ты же вроде, того.... хакер! Можешь найти тепленькое местечко где-нибудь....

— Никакой я, Яна, не хакер. — Устало отмахнулась я и тоже выпила, решив, что на этой мне стоит остановиться. Еще пара стопок, и я собственную кровать не найду.

— Не хакер? — Янка, как мне кажется, не особенно и удивилась.

— Нет.

— А-а-а... — Задумчиво потянула она. — А я ведь не просто так пришла. Я как раз тебе хотела предложить кое-что.

— Что? — Без особенного любопытства спросила я.

— Работу! Что! Это же хорошо, что ты еще никуда не устроилась, а так бы получила штрафную отметку за несвоевременный уход.

— А что, еще и такое есть?

— А ты думала. Так интересно тебе или нет?

— Ну, говори.

— Короче, я работаю в одном закрытом мужском клубе, там как раз два дня назад место освободилось, а у тебя внешность подходящая! Ты симпатичная, волосы длинные, стройная....

— Э-э-э! Не-не-не! — Я замахала руками. — Проституткой я работать не буду, это я сразу говорю.

— Да кто тебе про проститутку говорит! — Возмутилась Янка.

— И танцевать не буду! Или любым другим образом мужиков ублажать, даже не думай!

— Тьфу, дура! — Выругалась соседка. — Ты сначала дослушай!

Я ненадолго замолкла и подозрительно уставилась в ее круглые глаза.

— Ну, рассказывай.

— Клуб, в котором я работаю — это клуб для самых богатых и влиятельных владельцев этого города. Типа, для «оунеров». Так они себя иногда называют. Ну, короче, из них кто-то ранчо держит, кто-то магазины, кто-то целые заводы или рестораны. Ну, владельцы!

— И что?

— Так вот они каждый вечер собираются там, чтобы перекинуться в карты, покурить сигары, выпить, поговорить. Там девок для ублажения вообще нет, по крайней мере, я не видела. И было бы хорошо, если бы там работала именно ты, а не какая-то левая особа.

— Почему?

Янка как-то едва заметно поерзала в кресле.

— Я тебе потом объясню. Просто свой человек всегда лучше, сама же понимаешь.

Я медленно кивнула, раздумывая, не оставила ли она чего за кадром.

— А в чем работа-то заключается?

— Напитки им подавать, принести-унести что-то. Короче быть начеку, исполнять их прихоти, улыбаться.

— Типа, официантки что ли?

— Ну, да! Как официантка! — Радостно закивала головой Янка. — Такие девочки им там глаз ублажают, как горшок с цветком, для красоты интерьера, в общем.

— Ага! А потом, если понравится какая-нибудь — попробуй отопрись от койки!

— Не-не! Нет там такого! Точно тебе говорю!

— Может ты просто не видела!

— Да я бы знала, поверь мне.

Что-то в ее голосе заставило меня поверить. И одновременно нахмуриться.

— А ты-то там кто?

Янка несколько секунд молчала.

— Я там с главным.... Сдружилась, типа.

— В смысле? С владельцем клуба?

— Ну, я сначала тоже официанткой работала, а потом.... Он как-то предложил, я решила, а чего такого! Платить он стал больше, да и работы поубавилось.

— Вот это да!

Янка, как мне показалось, не знала, то ли смущаться, то ли гордиться своим положением.

— Ему просто пухленькие нравились, как оказалось. — Призналась она, чуть покраснев.

Я улыбнулась. На пухленьких любители находились во все времена, так что ничего особенного в этом не было.

— Так тебе повезло, получается.

— Ага.... Я, вообще-то, тоже так думаю. Ну, так что, пойдешь туда?

Я как-то враз растерялась.

— Ну.... А если мне не понравится? Или что-то будет не так?

— Если не понравишься, то я своего уговорю тебе никаких отметок не делать. Уйдешь, да и все. Звучало соблазнительно.

— А если не подойду по внешности?

— А что ты теряешь? Ну, скажут тогда, да и пойдешь другое место искать. Только здесь-то платят куда как больше. Тут и чаевые могут сами эти мужики начислять.

— Это хорошо. А когда надо выходить и что с собой иметь?

— Прийти надо завтра. С тобой побеседуют и решат, оставлять или нет. Я уже предупредила, что поговорю с тобой, и если согласишься — приведу.

Я лишь хмыкнула. В предприимчивости соседке не откажешь.

— Форму тебе дадут на месте. — Продолжала говорить Янка. — Только лицо накрась сама.

— Накрашу.

— Ну, вот и хорошо! — Радостно заключила она. — Значит, я с утра тебя разбужу пораньше, а потом поедем вместе.

Я, все еще несколько ошарашенная неожиданным поворотом, только неуверенно кивнула.

— Ладно.

— Тогда я пошла спать, и ты долго не сиди, чтобы завтра лицо опухшим не было.

Я покосилась на водку и поморщилась. Куда там! Даже смотреть на нее уже тошно. Янка деловито поднялась с кресла и остановилась уже возле двери.

— Хорошо, если тебя возьмут. Будет тогда вместе....

Она улыбнулась и закрыла за собой дверь.

«Что вместе?» — Подумала я. Вместе проводить перерывы на обед? Или вместе ублажать ее начальника?

Убирая недопитую водку и огурцы со стола, я лишь качала головой. Вот завтра все и узнаем.

Глава 3. Клуб «Поло-Гранд»

Я их не просто недолюбливала. Скорее я испытывала стойкую неприязнь к этим холеным «оунерам» в шикарнейшей одежде, с золотыми часами, причесанным и зализанным, как павлины. Тщательно протирая стаканы рядом со стойкой бара, я осторожно наблюдала за обеденным залом и частью

игровой комнаты, из которой доносились мужские голоса и иногда приглушенный смех.

Как только я протру стаканы, в них сразу нальют первоклассные спиртные напитки, которые эти, так называемые «владельцы» будут потягивать в течение вечера, наслаждаясь прелестями жизни, в то время как их работники будут надрывать спины и плечи, пытаясь заработать очередной балл.

К своим теперешним ощущениям я пришла не сразу, а после многих часов работы в закрытом мужском клубе с названием «Поло-Гранд». Шла вторая неделя с того самого дня, когда Янка предложила мне новую работу. Приняли меня сразу, практически без вопросов, лишь критически оглядели внешность, после чего сказали веское «да». С тех самых пор я проводила часы в шикарно обставленном помещении с кучей кожи и бархата, вечно затянутом сигарным дымом, лишь только под вечер возвращаясь в квартиру на «Бэль-Оук».

— Давай, заканчивай там со стаканами. Клиенты ждут. — Обронил бармен и отошел, чтобы принять список новых заказов от официантки.

— Уже заканчиваю. — Ответила я, протерла последний стакан и поставила его на стойку. В ожидании, когда напитки будут обновлены, и их можно будет нести в игровой зал, я поправила коротенькую юбку стандартной униформы клуба и расправила прикрепленный к темной, поблескивающей в темноте блузке шелковый бант. Не иначе, как для привлечения мужского внимания.

Каждое утро, идя на работу, я смотрела на нищету и обветшание Тали извне, видела голодные лица и стертые руки простых смертных, бредущих на ненавистную работу, чтобы обеспечить себя куском хлеба, а приходя сюда, видела сытые откормленные лица обеспеченных, нежащихся в благоустроенной атмосфере клуба, владельцев. Каждый день этот контраст заставлял меня переживать сотни противоречивых эмоций, как расшатывая нервы, так и укрепляя внутреннюю дисциплину. Я должна была улыбаться искренней радушной улыбкой на каждое невпадание брошенное слово, каждую не имеющую смысла фразу, говорить «Да, сэр», «Конечно, сэр», «Чем еще я могу помочь, сэр?»

— Все, у тебя на подносе бренди «Чароки», коньяк «Виель Жубли», два пива, текила, ликер и самбука. Не перепутай кому что! — Предупредил бармен. — Все это к столику номер четыре.

— Угу. — Кивнула я, и, размышляя, из чего сделана эта самая самбука, засемила в игровой зал. За это время я уже научилась отличать спиртное по оттенкам. Перепутать заказы клиентов здесь считалось вопиющим невежеством. За работу платили не много, но и не мало — пять баллов в день. Плюс иногда прямо на браслет кое-что подкидывали сами присутствующие. По моим подсчетам выходила, что при затратах на еду и прочие необходимые для жизни вещи, мне понадобится примерно год или около того, чтобы оказаться на свободе. Не так уж и плохо, при сравнимых перспективах застрять здесь на всю оставшуюся жизнь, как у многих других узников Тали.

— Ваши напитки. — Улыбаясь, произнесла я, аккуратно расставляя стаканы возле восьмерых мужчин, играющих в покер. Они едва ли обращали на меня внимание, потому как на столе только что появился «ривер», открывающий пятую, самую важную карту партии.

— Черт бы тебя подрал, Бренен! — Произнес немолодой лысеющий мужчина в темном пиджаке своему соседу. — Ты все деньги вечера уже заграбастал.

Бренен — пузатый толстяк с черными усами лишь самодовольно улыбнулся.

— Карта мне сегодня идет, что правда, то правда.

— Да ты никак блефовал! Нет у тебя двух пар на руках! — Не унимался первый.

— Блефовать не запрещено. Не сбрасывал бы ты карты, так был бы сейчас в плюсе. Эй, девушка, где мой коньяк?

Последняя фраза относилась ко мне, и я быстро поставила рядом с ним низкий стакан с янтарной жидкостью, не забыв перед этим подложить на зеленых бархат стола белоснежную салфетку.

— Вот, сэр. Пожалуйста.

— За победу! — Тут же возвестил удачливый усач и пригубил коньяк. Остальные не слишком оживленно поддерживали тост. Вероятно «победа» этим вечером улыбалась далеко не всем играющим. Расставив пиво, текилу и самбуку, я несколько замешкалась, ища глазами того, кому принадлежал бренди. Мужчин за столом было восемь, а напитков на моем подносе семь, значит, кому-то из оставшихся двух принадлежит последний стакан. Но кому? Я растеряно застыла.

— Раздумываешь, не выпить ли мой бренди самой? — Раздался слева спокойный низкий голос. Я тут же повернулась и встретила глазами с его обладателем. Короткие, но красиво подстриженные, сильно выгоревшие на солнце волосы, темная от загара кожа и светлые, холодного серого оттенка глаза под темными бровями.

— Нет, сэр. Вот ваш бренди. — Пролепетала я, поспешно выставляя на стол последний стакан. — Простите за нерасторопность.

Раскаяния, сквозившего в моем голосе, я не чувствовала совершенно, но искусно имитировала лепет, чтобы не вызвать гнев кого-то из посетителей. Мне было все равно, жди они своих заказов хоть до следующей весны, но вот выйти из Тали бы когда-нибудь хотелось. Поэтому я лишь приторно-вежливо осведомилась «не желает ли мистер чего-либо еще», однако «мистер», будто почувствовал наигранность моего тона лишь холодно и молча созерцал мою вопрошающую физиономию. После чего, наконец, ответил, что пока ничего не желает.

Я кивнула, и когда отошла от стола, отчего-то вздохнула с облегчением. Какие у последнего клиента неприятные глаза, все-таки. Не хватало еще жалоб на мое поведение. Придется в следующий раз изображать более правдоподобное радушие.

В следующую минуту, я уже откинула неприятные мысли и отправилась к другим столикам, чтобы принять новые заказы.

— Ну что, как ты? — Подбежала ко мне Янка, одетая в такую же, как и я, униформу с эмблемой клуба на короткой юбке.

— Да, нормально. — Ответила я, пытаюсь размять уставшие от беготни на высоких каблуках ноги. — Устала только.

— Ничего. Через час уже домой. Я как раз к Роджеру поднимусь, а потом дождусь тебя в раздевалке.

— Ладно. — Ответила я, тоскливо поглядывая на часы и несколько завидуя Янке. Ей-то последний час не стаканы разносить и пепельницы менять, а заниматься любовными утехами на кожаном диване в кабинете с владельцем этого заведения. Однако вспомнив Роджера, я не тут же перестала завидовать. Меня никогда не привлекали сухощавые, начинающие лысеть мужчины. Тем более высокомерные и с гонором. Хотя Янка, возможно, сделала очень правильный выбор, который может обеспечить ей билет на экспресс «Тали — Свобода».

Прошло уже сорок минут, а я все носилась между столами, ожидая, когда же меня подменит ночная смена.

«Еще двадцать минут, всего двадцать минут, и я буду сидеть в автобусе, а потом лежать в горячей ванне. Уже совсем скоро».

Мужчин в зале прибывало. Скорее всего, многие из них, закончив с делами, спешили опрокинуть стаканчик-другой в компании себе подобных. На мой браслет потихоньку капали чаевые от начинающих хмелеть клиентов, особенно тех, кому фартило в «Блэкджек» или другие карточные забавы, что медленно, но верно поднимало мое настроение. По всему выходило, что сегодня я впервые унесу домой восемь, а то и десять баллов!

Улыбнувшись собственным мыслям, я решила сегодня вечером еще раз поблагодарить Янку за предоставленную возможность здесь работать.

— Девушка, мне еще водку со льдом и колу.

— Да-да! Конечно! — Я быстро царапала карандашом в блокноте, стараясь расслышать утопавшие в общем гомоне просьбы клиентов.

— А мне ликер обновите, пожалуйста.

— Будет сделано.

— Не забудьте сахаром ободок обмазать!

— Сахаром, конечно.

— И лимона дольку.

— Лимон. Записала.

Мне казалось, что натянутая на мое лицо улыбка, так и останется на ночь. Не поможет никакая ванна. Я быстро отнесла заказ бармену и оставила листок прикрепленным к стойке. Чтобы не получить упрек от менеджера за то, что стою без дела у бара (пусть даже дожидаясь напитков, его это мало волновало), я решила пройтись к дальним столам у стены. Хотя это была территория обслуживая другой девушки, мы безмолвно ценили любую посильную помощь, особенно в часы пик, поэтому частенько курсировали зоны друг друга, не оставляя никого без внимания.

Стоило мне приблизиться к центральным столам, как я боковым зрением уловила, что кто-то поднял руку и щелкнул пальцами. Я изумленно повернула голову (неужто кто-то таким жестом подзывает официанток?) и встретила взглядом с уже знакомым мне господином. Ну конечно, столик номер четыре — белая рубашка, золотая цепочка, серые глаза. Кто же еще может так нахально подзывать обслуживающий персонал, как ни этот? Между тем, мужчина, видя мой недоуменный вид, медленно поднял руку и еще раз щелкнул пальцами.

«Ублюдок» — Прошипела я про себя, улыбнулась во весь рот и поспешила прямо к нему.

— Чего желаете? — Пропела я, желая со всего маху пнуть его куда-нибудь побольнее.

— Принесите мне сигару.

— Какую желаете, сэр?

— «Ромео и Джульетту» номер четыре.

Я быстро открыла блокнот и записала и кратко записала его пожелание.

— Кончик вам обрезать или оставить?

Голоса играющих в покер мужчин тут же стихли, на несколько секунд над столом повисла тишина, а потом раздался громкий дружный гогот. Спустя мгновение я осознала, что он вызван ничем иным, как моими словами про «кончик»

— Ой!... - Я залилась краской и прикрыла рот ладошкой. Мужчина, попросивший сигару,

укоризненно смотрел на меня.

— Халк, она тебе сейчас отрежет что-нибудь! — Хохотал усатый.

— Нет, ты слышал, Моррис, что она ему предложила?....

— Да у него в обрезку не пролезет, слишком толстый. — Срываясь на визг, ответил Моррис.

Я всем сердцем желала, чтобы мужчины прекратили смех. Мало того, что они заставляли меня сгорать от стыда, так и еще и этого Халка выставляли в неприглядном свете. А уж этого он мне, судя по заледеневшему взгляду, простить не собирался.

— Я не хотела, мистер.... — Едва слышно попыталась оправдаться я. — Честно. Я совсем не это имела в виду.

— Дай сюда руку.

Я нехотя протянула ему трясущееся запястье.

— Я не это имела в виду.... — Пропищала я, все еще надеясь на спасенье, но в эту секунду тихо пикнул мой браслет.

Почти сразу же хохот за столом стих.

— Сколько ты у нее снял? Бал? Полтора? — Послышались возбужденные вопросы с разных концов стола.

— Ставлю сто баксов, что он снял у нее все два! — Тут же выложил на кон в центр стола купюру усатый.

— Да, ну! — Возразил тот, кого звали Моррис. — Два, это вряд ли! Балл, не больше.

— Говорю тебе два! Ты его не знаешь что ли?

Ставка тут же возросла до трехсот долларов, на стол с разных концов посыпались купюры.

— Халк, признавайся, сколько снял у нее!

— Пять. — Неспешно постукивая зажигалкой, ответил Халк. Взгляд его не отрывался от моего лица. «Пять?! — Выкрикнула я внутри, сжимаясь от негодования. — Пять баллов?!»

Даже мужчины за столом притихли, удивленно поглядывая то на него, то на мою реакцию. Я едва сдерживалась, чтобы не броситься на него с кулаками. Это для этого я целый день провела в этой прокуренной пивной, чтобы вот так потерять дневную зарплату? Потому что сказала всего одно неправильное слово этому павлину? Ну, ошиблась, с кем не бывает. Но пять баллов! Какого черта он о себе возомнил?

Глядя на мои сжавшиеся челюсти, Халк спросил:

— Хочешь сказать мне что-нибудь?

Я едва разлепила губы и, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул, ответила:

— Нет, сэр.

— Тогда почему ты все еще здесь?

Я молчала, стараясь придать мыслям подобие равновесия.

— По-моему, я попросил сигару? Если ее не будет здесь через минуту, я сниму с тебя еще столько же.

Стараясь не смотреть в его лицо, я медленно развернулась и пошла обратно к бару.

За спиной раздалось восхищенное «Ну, ты мужик!»

— Нет, ты можешь себе представить? Он снял с меня пять баллов за какую-то дурацкую оговорку!

— Такое случается. — Сочувственно покачала головой Янка. — Приходится быть осторожной.

Мы ехали в полупустом автобусе к Бэль-Оук парку. До нашей остановки оставалось два поворота. — Да кто он вообще такой! Какое он право имел? — Не унималась я, расстроенная произошедшим в клубе.

— Ну, право они все имеют. Все эти «оунеры». — Последнее слово она выплюнула с откровенной неприязнью. — Тут уж ничего не поделать. Так система устроена. Хорошо хоть не каждый день такое случается.

— Да уж.... Целый день коту под хвост!

— Наберешь еще. Я знаю, что обидно. У меня тоже такая фигня случалась несколько раз.

— Да?

— А ты думала!

Автобус тем временем свернул на очередную тихую улочку и миновал супермаркет. Мы поднялись со своих мест и направились к выходу.

— Вот бы ему по харе съездить! Этому Халку.

— Кому? — Встрепенулась Янка, спускаясь по ступеням.

Мы вышли на улицу. Уже стемнело, и лишь легкий ветерок доносил откуда-то звуки музыки.

Дневная жара спала, на город с сумерками опустилась приятная прохлада.

— Да мужика этого звали Халк.

Янка вдруг звонко и нервно рассмеялась.

— Ну, тебе повезло тогда еще. — Она поежилась и поплотнее завернулась в тонкую кофточку. — Это один из самых отъявленных ублюдков в городе. По крайней мере, один из самых жестоких точно.

— Да что ты?

— Ага, он владеет ранчо на окраине города. Настолько истязает людей, что у него каждый месяц один или двое умирают.

— Шутишь!

— Куда там! Остальные хоть как-то заботятся о своих, а этот.... Я слышала, у него там условия очень плохие, кормит всех едва только, чтоб выживали.

— А разве его не должны судить за такое обращение?

Мы уже приближались к подъезду. Я едва успела переступить через торчащий из земли прут, неразличимый в темноте.

— Кому судить-то? Судья куплен, зуб даю. А работники всегда и новые придут. Тут с этим проблем нет.

— Вот урод-то! — Выругалась я и шагнула за Янкой в приоткрытую дверь подъезда.

Уже на этаже она повернулась ко мне, одновременно ковыряясь ключом в замке и предложила.

— Может, пойдем к Роберту сходим? Что дома-то сидеть. Я ему колбасы прихвачу.

— Пойдем. — Отозвалась я. — Я тоже чего-нибудь возьму. Только душ сначала приму.

— Ладно, зайди тогда за мной, как пойдешь.

— Угу.

Договорившись, мы разошлись по комнатам.

С Робертом Янка познакомила меня неделю назад. Им оказался долговязый худосочный парень со второго этажа. Когда мы впервые пришли к нему вместе, меня поразил хаос, царивший в его

комнате. Стол и стулья были завалены какими-то детальками, проводками, микросхемами и прочей электронной дребеденью. Как только он понял, что Янка пришла не одна, как тут же принялся сметать все это со стульев и забрасывать в шкаф, одновременно пытаясь накрыть паяльную лампу и микроскоп на столе покрывалом, содранным с кровати.

— Боб! Успокойся! Она своя — своя! — Заорала Янка, глядя на растерянно мигающего из-за толстых линз очков Роберта, в трясущихся руках которого была охапка микросхем, очередную порцию которых он хотел запихнуть в шкаф.

Через пять минут его, наконец, удалось успокоить, и он уселся с нами на диван, принявшись жадно поглощать принесенный Янкой хлеб с сыром.

Как оказалось, Роберт когда-то учился на радио-электронщика, провел в стенах института без малого четыре года. На своем факультете считался одним из лучших, подающих большие надежды студентов. Пока однажды не примостил в одном из банкоматов схему, считывающую пин-коды с кредитных карт, после чего был пойман и отправлен на исправление в Тали. К тому времени он уже жил один, имел грандиозные планы устроиться после института в «Дайджест Электрик», жениться на красотке Энн с параллельного факультета по финансовому менеджменту (о чем Энн, как я поняла из разговора и не подозревала), купить новый Феррари и жить припеваючи. Однако изворотливый пытливый ум Боба жаждал опробовать себя в новых и новых сферах, что однажды и привело к содеянному им криминалу.

Как признался сам Боб, дожевывая последний бутерброд, Феррари ему тогда хотелось получить побыстрее, так как Энн привлекали дорогие игрушки, а с помощью одной лишь внешности, шансов, как он сам понимал, было маловато. Тогда-то он и решил подзаработать не совсем честным путем. Эта ошибка стоила ему и института, и перспективной карьеры в будущем, и, конечно же Энн. Оказавшись в Тали, Роберт поначалу еще пытался отыскать место по профессии, но потерпев фиаско, опустил руки и запил.

Последнее уже поведала мне Янка, когда покинув комнату Боба, мы тем же вечером сидели на ее кухне, попивая чай.

— Он неплохой парень. И, похоже, очень талантливый. Только вот мозги у него набекрень и силы воли никакой.

— А вся эта электроника? Как он ее вообще здесь достал? У него даже компьютер есть на столе. — Спросила я ее, вспоминая комнату Боба.

— Да он когда получал очередной балл, шел на рынок и все это покупал. Говорил, что хочет собрать схему, которая позволит начислять баллы на браслет. Он вообще шибанулся на этой идее, день и ночь сидит что-то паяет, жрать не жрет, работать не работает. Ну, не помирать же его оставлять? Вот и кормлю иногда.

Я не знала, связывают ли Янку и Боба какие-то еще отношения, помимо тех, о которых она пыталась мне поведать, но лезть в чужую душу не стала. Пусть даже и так, что с того? Боб показался мне милым, но совершенно неприспособленным к жизни подростком. Большим мальчишкой. Ясные голубые глаза, торчащие в сторону вихры и куча терминов, выливающихся из его рта непрерывным потоком. Наверное, он сумел вызвать в Янке что-то сродни материнского инстинкта.

— Ты думаешь, это возможно? — Спросила я ее тогда. — Собрать такую схему?

— Да кто его знает? Он уже долго бьется. Может, чего и сварганит.

— Опасно это. А если его заметут? Не зря же он пытался все спрятать, когда меня увидел.

— Опасно. — Кивнула Янка и вздохнула. — Но вдруг соберет? Прикинь, мы тогда за день эту тысячу накрутим каждому! Р-р-р-аз! И все! Мне кажется, пусть мается, чем черт ни шутит.

— Да уж.... — Глубокомысленно изрекла я, пытаюсь представить почти невозможную, но страстно желаемую картинку. Всего один день — и на свободе....

— Ты ж его не сдашь? — В голосе Янки прозвучала тревога. Не иначе как она действительно надеялась, что микросхему сделать возможно. А может просто испытывала неведомые мне теплые чувства к этому ясноглазому худосочному гению.

— Да кому сдавать-то? Смеешься что ли....

Через пятнадцать минут, чувствуя себя посвежевшей после душа, я постучалась к Янке.

— Ну что, идем?

— Ага!

Та схватила пакет с какой-то снедью, и мы отправились к Бобу.

— Привет, лапусик! — Радостно проворковала Янка, когда Роберт открыл дверь. — Мы тебе поесть принесли.

— Спасибо, проходите. Я только немного занят. — Едва взглянув, что лежит в пакете, Боб тут же отправился обратно к столу, где были разложены какие-то измерительные приборы. — Вы не поверите, но я почти закончил!

— Что закончил? — Спросили мы одновременно, облепив его с обеих сторон.

К моему удивлению, я обнаружила, что браслет Боба вовсе не покоился на его запястье, как это было обычно, а прикреплен к какой-то планке на столе. Одна из частей браслета была аккуратно снята и отложена в сторону, открывая микроскопические электронные части внутри.

— Как ты это сделал? — Выдохнула я.

— Что? — Боб растерянно мигнул, но тут же понял вопрос. — А-а-а, это? Да я давно уже научился его снимать. Только вот понять не мог, как работает приемник сигналов.

— Нифига, ты гений! — Янка потрепала Роберта по вихрастой голове. — Ну-ка, давай сначала садись, поешь, а заодно и расскажешь, что ты там выяснил.

Мы порезали для него колбасу и сыр, я открыла захваченное печенье. Боб откуда-то достал начатую бутылку водки и радостно помахал ей в воздухе.

— Самое то, чтобы отметить, девоньки!

— Что отметить-то? — Смеялись мы. — Поделись сначала.

Роберт налил почти полстакана, залпом влил его в себя, запихнул в рот колбасу и принялся радостно махать руками.

— Я разгадал, как он работает! — Возбужденно жуя, начал он.

— Колбаса-то вывалится. — Засмеялась Янка. — Прожуй сначала.

— Кто «он»? — Спросила я.

— Приемник сигналов. — Боба не сдерживали даже выпадающие изо рта крошки. — Я понял, что чтобы начислить балл, браслет любого «оунера» передает шифрованный код браслету, на который этот балл должен упасть. Этот код сообщает сколько именно должно быть прибавлено и от кого исходит запрос.

— Вот это да!

— Круто!

— Вот именно! — Боб нервно провел пятерней по взъерошенным волосам и даже снял очки, отчего его голубые глаза стали смотреться по-детски беззащитными. — Если я смогу получить несколько кодов и расшифровать их, то смогу начислить баллы на браслет. Столько, сколько хочу!

— Ну, так в чем же дело? — Заголосила Янка. — Давай, расшифровывай!

— Да, Яночка, но кодов-то у меня еще нету. Я тут вот что подумал, если кто-то из вас сможет пронести с собой в клуб передатчик, который будет сканировать браслеты «оунеров» в тот момент, когда они начисляют чаевые, то я смогу их считать и расшифровать потом. Не гениально ли? Я даже датчик уже собрал!

Вместо счастливых хлопков в ладоши, в комнате вдруг повисла тишина.

— Боб, — сказала я осторожно. — Но это же риск. Что, если нас застукают с этим датчиком? Конец нам тогда придет.

— Да нет же! — Роберт горячо затряс головой. — Сам датчик абсолютно не опасен. Он ничего не делает, никаких операций с браслетами, он всего лишь читает коды. Засечь его просто невозможно. Я продолжала молчать. Риск не входил в мои планы, пусть даже за такую замечательную идею, как надуть все браслеты Тали. Янка, как я заметила, тоже не особенно рвалась быть в рядах бета-тестеров.

— Почему бы тебе просто не выйти на улицу, не стукнуть в челюсть полицейского? Он с тебя снимает десяток-другой, зато у тебя будет код? — Предложила свой нехитрый, но вполне рабочий, по моему мнению, вариант Янка.

— Не-е-е.... Так не пойдет. Проблемы здесь две. Во-первых, коды на прибавку баллов отличаются от кодов снятия, а во-вторых, мне нужно больше кодов. Не один и даже не два. Ведь когда я начну начислять, общая система, которая следит за статистикой начисления, наверняка вычислит подвох, если добавить слишком много от одного «оунера», поэтому, чем их больше, тем лучше.

— И что ты предлагаешь?

— Кто-то из вас должен взять датчик и поносить его несколько дней. Я буду получать с него радиосигналы, которые попробую расшифровать.

— Я не хочу рисковать. — Тут же отказалась я, мотая головой. — Давай, Янка, ты, если хочешь.

— Да я-то хочу, вот только я почти не работаю в зале, ты же знаешь. Поэтому я за год их не соберу. А вот тебе хорошие чаевые подкидывают каждый день.

Роберт перевел на меня взгляд полный надежды.

— Не, так дело не пойдет. А вдруг они узнают, что у меня такой датчик? С меня шкуру будут спускать медленно и долго! — Упиралась я, чувствуя растущую тревогу.

— Я обещаю, что они не найдут датчик. — Серьезно сказал Роберт. — Он микроскопический. Излучение от него настолько мизерное, что ни один существующий детектор его не уловит. Я проверял много раз.

— Давай лучше, ты Ян. — Я вновь посмотрела на соседку. — Мне страшновато.

— Я бы одела его. Честно. Но я почти все время возле Роджера кручусь, он меня в зал отпускает только по мелким поручениям. А баллы мне накручивает только раз в неделю, по субботам. Так что если я чего и получу, то только один код и то не скоро.

Я все еще чувствовала противную нервозность, как только представляла, что принесу с собой в клуб

какую-то электронную штуку. Пусть даже они ее не найдут, но от одной мысли делалось неуютно.

— Знаете, ребята, я подумаю. — Ответила я, наконец. — Только ничего не обещаю.

— Шерин, — Боб все еще пытался меня переубедить, даже когда мы уже стояли у двери, собираясь уходить. — Ты пойми еще одну вещь. Если почувствуешь неладное, просто выкинь датчик в любую урну. Он ничего не записывает внутрь, если его расковыряют, то обнаружат, что он пуст. Он ведь просто передает сигнал, но не хранит его. Они и не поймут, что именно он передавал. Поэтому на тебя никаких подозрений не падет.

— Хорошо бы, если так.

Удивленные и несколько разнервничавшиеся открытием Боба, мы покинули его комнату. Я чувствовала, что Янке хотелось, чтобы я взяла датчик, но давить она не решалась. Что ж, достаточно мудро с ее стороны, потому что ни к каким выводам я пока не пришла, а давление могло переломить мое решение в обратную от желаемой для нее сторону.

— Ладно, до завтра, Шерин. Зайду за тобой утром. — Только и сказала она, перед тем, как скользнуть в комнату.

— Хорошо.

Я вошла в темную прихожую и щелкнула выключателем. Кипятя чай и рассматривая черные силуэты гор, я все еще раздумывала над словами Боба. Что если он и правда может надурить браслет?

Возможно ли будет отсюда выйти, не поплатившись? Ведь, если, как он говорит, использовать по немножко от каждого, тогда есть шанс, что все будет казаться более чем вероятным, не так ли?

Я вздохнула, жалея, что нет никого, кто мог бы дать ответ на этот вопрос. Мне казалось, что на одном моем плече сидит ангел, призывающий жить совестью и честью, а на другом бес, открывающий скрипучие ворота Зоны 33 и выпускающий меня на свободу.

Все так же мучаясь поиском правильного решения, я молча выпила чай, сполоснула кружку и забралась под тонкое одеяло, предварительно погасив свет. Квартира, как старинный сосуд, наполнилась тягучей бесконечной тишиной. Лишь через тонкую шторку белесо и одиноко светила луна. Я забко поежилась и обняла себя за плечи. Нет, холод был не снаружи. Отчего-то холодно стало внутри. Я с грустью подумала, что ужасно соскучилась по мужскому надежному плечу. К которому можно было бы прижаться, поведать сомнения и надежды, рассказать о радостях и бедах, спросить совета, а, может быть, просто согреться. И не нужно никаких слов. Лишь бы был кто-нибудь рядом.

Я смахнула набежавшую на глаза слезу уголком подушки и через какое-то время провалилась в сон. Следующий рабочий день прошел относительно спокойно, без происшествий. Всякий раз, когда кто-то поднимал свою руку, чтобы начислить баллы мне на браслет, я думала о Роберте и его датчике.

Все эти коды могли бы уже быть переданы ему для расшифровки. А к вечеру бы, может, он уже успел бы что-то расшифровать. Как много времени он бы на это потратил? Может, никто действительно не заметит, если три человека выскользнут из Тали чуть раньше остальных?

Все эти мучения вводили меня в состоянии пассивной задумчивости целый день, а под вечер, не выдержав, как только я вышла из автобуса, сразу поняла, что сейчас я пойду к Бобу.

За датчиком.

Потому что еще пару дней смотреть на то, как «оунеры» сами дают мне шанс, который я из-за своей нерешительности упускаю, было невыносимо.

Роберт ответил на мой стук сразу же. Как всегда мигнул растерянными детскими глазами.

— Давай свой датчик.

Он тут же затянул меня внутрь и прикрыл дверь. Через несколько секунд на мою ладонь легла тоненькая пластинка, не больше сантиметра в длину и столько же в ширину.

— Это он и есть? — Поинтересовалась я, разглядывая непонятное устройство.

— Да.

Я какое-то время рассматривала лежащий на ладони прибор.

— А куда ты всунул батарейку?

— Она внутри. Крохотная. Но должно хватить.

— Хорошо.

Несколько минут мы потратили на то, чтобы обсудить, куда его лучше прикрепить. В конце концов, сошлись на странной, но удовлетворивших нас обеих идее. Решили приклеить датчик прямо к моему браслету с тыльной стороны. Шансов, что кто-то увидит никаких. Отклеить можно, только если с силой ковырнуть ногтем, сам ни за что не отпадет. Когда дело было закончено, я ушла к себе.

Закатное солнце уже закатилось за горы, их силуэты становились темнее с каждой секундой. Я сидела на балконе и потягивала чай. Пассивная неуверенность, преследовавшая меня целый день, ушла. На ее место пришла настороженность и собранность. Выбор я сделала.

Теперь осталось провести всю эту операцию и остаться незамеченной. А там, глядишь, начнут капать нам в руки украденные у холеных владельцев баллы. Особенно сильно мне хотелось заполучить код этого поганца Халка. Вот бы я позлорадствовала у него за спиной, забирая обратно то, что принадлежит мне. И не несчастные пять баллов, которые он нагло отнял. А гораздо, гораздо больше. Улыбаясь своим недобрым мыслям, я допила чай и отправилась спать. Неугомонное злорадство еще какое-то время заставляло вертеться меня на мятых простынях, однако полчаса спустя усталость все же взяла свое, и я провалилась в беспокойный сон.

На следующее утро я, как обычно, отправилась в Поло-Гранд. Стараясь не выдавать нервной дрожи, которая то и дело сотрясала меня, я переоделась и вышла в общий зал. Текли минуты, а затем и часы. Постепенно мои нервы успокаивались, никто не замечал ничего не обычно. Датчик, прикрепленный под браслетом, держался плотно, и через какое-то время мне даже удалось забыть о нем. Однако всякий раз, когда кто-то выражал желание начислить чаевые, предательские капельки пота все же выступали на моих висках, однако приглушенное освещение зала скрывало это.

День шел к концу. Посетителей было немного, и я неторопливо обходила немногочисленных клиентов, принимая заказы. Завершив очередной обход, я остановилась у одного из столов, протирая обивку от собравшейся пыли и сигаретного пепла. Заметив темное пятно, я вернулась с тряпкой и моющим раствором. За соседним столиком несколько человек неторопливо играли в покер. Халка, к моему облегчению, среди них не было.

— Я слышал, ты ужесточил требования к работникам в своей прачечной? — Произнес полный мужчина с одутловатым лицом. — Они у тебя, как бараны, еще и упираться пытаются.

— Да, — ответил ему сосед. — Пришлось даже нанять двух парней, чтобы били по рукам, если кто-то задерживается в столовой. Жрут, как свиньи. Пора сокращать им время обеда, совсем разленились....

Я незаметно поморщилась. Кто бы там у него ни работал — бедолаги — ничего хорошего им светить

не может при таком хозяине. Скоро еще и кормить откажется.

Продолжая тереть пятно, я думала, что мне совсем не жалко будет «обокрасть» парочку таких вот скотов. Слишком много подобных фраз я слышала за все время работы в «Поло». Казалось, «оунеры» приходят сюда не для того, чтобы выпить или поиграть, а для того, чтобы рассказать друг другу, кто из них хуже всего обращается с работниками. И чем жестче были методы, тем восторженнее они приветствовались остальными.

«Стервятники. Вам бы лишь бы бить, рвать, унижать. — Злилась я. — Для вас никто не имеет ценности. Лишь бы брюхо набить и обогатиться».

Больше всего обсуждался никто иной, как Халк. Янка оказалась права — он-то уж неизменно занимал первые позиции по жестокому обращению с людьми на своем ранчо. И ничего, кроме благоговения не было написано на лицах слушателей этих историй. Благоговение и зависть. К тому, что у самих пороку не всегда хватало бессмысленно мучить и причинять боль другим.

«Уроды. — Выругалась я мысленно. — Жалкие слабые уроды мужского пола».

Внезапно мои мысли были прерваны окликом из-за соседнего стола. Заказ на пиво сделал тот самый владелец прачечной. Не стоит говорить, насколько велико было мое удовлетворение, когда на мой браслет, в качестве чаевых, от него упала одна десятая балла.

Сказав «Спасибо, сэр» и улыбнувшись во весь рот, я со злобной удовлетворенностью подумала, что его код уже передан Бобу. Оставалось только ждать, когда мы сможем пустить полученные данные себе на пользу. А в том, что это случится, я, как ни странно, не сомневалась.

Время. Только время. Это все, что нам требовалось.

Вечер после работы прошел скучно. Янка куда-то убежала сразу, как только часы пробили шесть. Боб, к которому я зашла перед тем, как подняться к себе, радостно заверил, что исправно получил все коды с датчика, после чего сразу же углубился в компьютер. Где и провел весь день, как мне показалось. Он даже не притронулся к взятым в супермаркете котлетам.

Покинув кладовую гения, я пошла к себе. Почитала какой-то дешевый любовный роман про «белоконных» принцев, неизвестно где раздобытый Янкой, пожевала йогурт, большую банку которого не смогла осилить с утра, и отправилась спать.

Мне уже начало казаться, что ничего, собственно, и не происходило. Ну, висит у меня датчик. Что-то считывает. Никто его не замечает, ничего с его появлением в жизни не изменилось. Те же лица, те же пепельницы и подносы, те же нахальные разговоры пьяных «оунеров». Пока однажды вечером Боб не залетел в мою комнату.

Это был восьмой день с тех пор, как мы прикрепили датчик к моему браслету. Дверь, которую я благополучно позабыла закрыть, резко распахнулась, едва не ударившись о стену, а взъерошенный больше обычного Боб заголосил с порога.

— Шерин, я закончил! Я понял, как они работают!

Отчитав гения за непредусмотрительность, я быстро сгребла его за руку, и, прихватив по пути Янку, мы собрались у него в комнате, которая по молчаливому согласию стала считаться штабом. Боб, задыхаясь от волнения начал быстро рассказывать, что, наконец, отыскал зависимость кода от браслета, понял, как интерпретировать его уникальность, а самое главное, на этой основе, воссоздать новый код, способный напрямую послужить нашим целям.

— И что ты собираешься теперь делать? — Спросила я, чувствуя, что мы вплотную приблизились к

какой-то разгадке.

Мы все трое сидели очень близко друг к другу, возбужденные почти до истерики. Не дать ни взять — орава детей, нашедшая карту сокровищ и поверившая, что они реальны. Боб непрерывно теребил воротник своей клетчатой рубашки, Янка то терла пухлые ладони, то бессознательно выгибала пальцы, будто они ей мешали.

— Наверное, буду пробовать. — Тряхнув длинной челкой, заявил Боб.

— Давай сразу мне тоже! — Жадно попросила Янка. — Я тоже хочу! Хоть сотенку накинь на мой тоже.

— Да погоди ты, Ян! — Запротестовал Роберт. — А что, если что-то пойдет не так? Надо же проверить сначала.

— Так что, датчик больше не нужен? — Спросила я. — Может, снять тогда?

— Ну, можешь снять. Хотя, можешь и оставить пока на всякий случай. Вдруг нам еще коды понадобятся....

— Ладно, оставлю пока. Все равно вроде никто не заметил.

В тот вечер мы долго сидели в его комнате. Вопросы множились, и хотя ответов на них не было, да и быть не могло, пока не придет пора действовать, мы все же не могли разойтись. Нам казалось, что вот оно — мы пересекли невидимую черту, мы узнали что-то запретное и теперь навеки связаны невидимой клятвой. Уже совсем скоро секрет, являвшийся наваждением Боба с тех самых пор, как ему впервые пришла идея разобрать браслет, обещал раскрыться и представить взору скрытое переплетение тайн. Только под самый вечер, когда оконные просветы из оранжевых превратились в темно-синие, а затем и совсем черные, мы сумели разойтись. Я не знаю, спал ли в ту ночь Боб, или решил сидеть за монитором до самой зари, а вот мне, ерзающей на кровати, заснуть не удавалось никак.

Получится ли у него? Не будет ли последствий, если что-то пойдет не так? А если получится, вдруг он от счастья забудет подкинуть нам баллов, сбежав в распахнутые ворота тридцать третьей зоны? Да нет, не должен. Боб не такой. Он никогда не забудет нашу помощь.

Одно было ясно наверняка. Завтра что-то изменится. В который раз жизнь, делавшая много резких поворотов, взлетов и падений, заложит очередной вираж. Я уже почти физически ощущала свист ветра в ушах, чувствовала развевающиеся за спиной волосы. Успею ли я отрастить крылья, прежде чем сигану с вершины в неизвестность?

Утомленная переживания, я закрыла глаза.

Слишком многое обещало измениться.

Слишком многое изменилось. Вот только никто из нас не смог бы предположить, как именно.

Моя смена уже подходила к концу. Примерно за час до моего ухода я увидела, как в игровой зал вошел Халк. Стараясь избегать его и сопровождающих неприятностей, я старалась находиться либо у бара, либо у самых дальних столиков, попросив одну из официанток иногда проходить по центральной части комнаты, чтобы принимать заказы. Раз или два я все же столкнулась взглядом с Халком. В эти моменты мне хотелось втянуть голову в плечи и нажать кнопку «раствориться».

Взгляд его был ровным, немигающим, без единого намека на эмоции и от того чем-то напоминал застывшего на ветке питона в ожидании добычи.

Однако я старалась не приближаться, и все обошлось без инцидентов.

Часы пробили шесть.

Скинув туфли и форму в раздевалке, я переоделась в старенькие джинсы и кроссовки, схватила полиэтиленовый пакет, с некоторых пор заменивший мне сумку, которую я не удосужилась взять с собой в Тали, и выскользнула на улицу. Янка сказала, что сегодня задержится наверху, а посему путь домой мне предстоял в одиночестве. Добежав до остановки, я тут же запрыгнула в автобус, автоматически высчитала какую-то нехитрую формулу (никогда бы не подумала, что сильна в математике) и заняла место у окна.

Тихие улочки Тали неторопливо проплывали мимо. Солнце все еще пекло прогретую за день землю, но уже не так жаро, как в дневные часы. Мы проехали мимо нескольких магазинов, у одного из которых стоял мороженщик с лотком. Нехитрая мелодия привлекала внимание немногочисленных прохожих, но те не спешили тратить на лакомство, несмотря на жаркий вечер.

«А вот я бы сейчас навернула пару эскимо. — Тоскливо подумалось мне, и рот тут же наполнился слюной. — Интересно, когда в следующий раз я не буду думать о том, что мне не хватает на мороженое?» Я будто попала обратно в детство. Кошмарное детство.

Когда автобус остановился у «Бэль-Оук», я вышла и некоторое время постояла на месте, размышляя, не зайти ли в супермаркет, чтобы купить фруктов для Боба. Нужно же его талантливые мозги чем-то подпитывать. Но вот какие именно он предпочитает, я не знала. А купить всех понемножку выходило накладно. Поэтому я благоразумно решила, что сначала спрошу у него, а затем, если понадобится, снова сбегаю до супермаркета.

Переждав несколько машин, я перешла дорогу и направилась к дому.

Старенькие кроссовки приятно пружинили по вытертому ворсу ковра, когда я поднималась по лестнице. Интересно, сколько еще они продержатся, прежде чем разойдутся по швам? И во сколько мне обойдутся новые? Не иначе как баллов в сто. Нужно будет сначала поинтересоваться у Янки, нет ли у нее знакомых, торгующих обувью. Может быть, поношенной обувью.

Я с сожалением еще раз глянула на свои серые в сеточку. До чего же я к ним привыкла. Кто же знал, что однажды мне — владелице собственного магазина придется думать о чужих поношенных ботинках? Но как выяснилось, бывает всякое....

Поднявшись на второй этаж, я легко зашагала по коридору. Сначала я не обратила внимание на непривычную тишину, стоящую вокруг, но по мере приближения к Робертовой двери, меня начала одолевать тревога. Почему не работает ни один телевизор? Или хотя бы радиоприемник? Почему не слышно голосов? Затем моего носа достиг странный, едва уловимый, но неприятный запах. Сладкий и густой.

— Боб? — Зачем-то спросила я вслух в пустом коридоре. Шаги мои непроизвольно замедлились.

Чувствуя, как вспотели ладони, я нервно вытерла их о джинсы и оглянулась. Позади никого не было. Все так же пусто и тихо. Как в склепе, черт бы его подрал!

Заставив себя двигаться вперед (да какие у меня причины, чтобы стоять посреди коридора, в конце концов!), я сделала еще несколько шагов, но через секунду ноги снова сделались ватными. Дверь Роберта была уже в нескольких метрах.

— Давай же! Иди, чего встала, глупая! — Подбадривала я себя, бормоча под нос. — Все у него в порядке. У всех все в порядке, ну, подумаешь, тихо. Делов-то....

Чтобы окончательно не поддаться неосязаемой панике (голос внутри меня пронзительно верещал об

опасности), я намеренно ускорила шаг и оказалась у самой двери. Противный запах усилился.

— Боб? — Я постучала костяшками под самым номером двести восемь и к ужасу почувствовала, что дверь медленно открывается внутрь. Противный протяжный скрип, будто скальпелем разрезал плотную тишину. — Боб, ты здесь?

Сначала я увидела его руку и ногу. Нога была согнута в колене, а рука болталась вдоль тела. Тело сидело на стуле, голова упала на стол, щекой прижав несколько обрезанных кабелей. Затылок был красным, кровь залила спину и стол, проложила дорожку по свисающей руке и табурету. Запах стоял тошнотворно сладкий.

Не думая, что делаю, я резко развернулась на месте, захлопнула дверь и упала на четвереньки, стараясь отдышаться и справиться с рвотными позывами.

«Боб, нет....»

Перед глазами всплыло тело, так и сидящее у стола за дверью.

Я кое-как сдержала еще один тошнотворный спазм.

Затем, споткнувшись на слишком мягких руках и ногах, подскочила и бросилась к лестнице.

«Господи.... Господи... Боб!... Только не это!»

Мне казалось, что я не бегу, а безобразно переваливаюсь, как объевшееся насекомое. Конечности не хотели координироваться, руки нелепо разлетались в стороны, ноги едва двигались, волоча за собой кроссовки, как пудовые гири.

«Янка.... Где Янка? — Промелькнула бессвязная мысль. — Куда? Куда....»

Я не знала, куда бегу, куда стоило бежать и о чем в первую очередь стоило думать. Логика, вероятно, бежала вперед меня, и догнать ее не представлялось возможным. Я будто пыталась удрать от преследующего меня по пятам трупа. Роберта. Который никогда уже не поднимется со своего места у компьютера.

— Боже мой! — Вдруг разревелась я в голос, сотрясаемой крупной дрожью, не переставая бежать.

Не достигнув собственной двери всего несколько шагов, я запнулась и упала на ковер. Спутанные волосы плотной бахромой облепили лицо, вывернутая лодыжка прострелила болью. Прижав к себе ноющее запястье, на которое я неудачно приземлилась, я стояла на коленях и захлебывалась в истерике, не в силах понять, что мне делать дальше.

Когда рядом остановились чьи-то ноги, я едва только успела поднять голову, прежде чем на нее опустилось что-то тяжелое.

Мир качнулся, превращаясь в переплетение красных и черных линий, свернулся в черную точку и исчез.

— Да, это она! Это она все подстроила! И мой сосед! — Высокий визг Янки стальным прутом царапал сознание. Голова пульсировала болезненными толчками.

Я сидела со связанными руками на стуле в кабинете Роджера, опустив голову, чувствуя, как разбитый затылок продолжает сочиться кровью.

«Сука....» — Крутилась одна единственная мысль. — «Ну и сука же ты...»

Двое неприметных парней с угрюмыми лицами стояли возле стула, вероятно, те же самые типы, что убили и Роберта. Несколько раз я видела их входящими в кабинет Роджера, но не придавала этому значения. Помимо них в кабинете присутствовал сам хозяин «Поло-Гранд» и еще несколько мужчин, среди которых я узнала тех, с чьих браслетов мы снимали заветные коды. В самом углу я наткнулась

на сидящего со скрещенными на груди руками Халка. Лицо его было непроницаемым, но взгляд заставил меня поморщиться.

— У нее есть датчик! Прикреплен под браслетом! Вот проверьте, он наверняка еще там. Она сама мне рассказывала, как они собирались стырить баллы.

Я долго и тяжело смотрела на Янку. Кожа на ее лице была неестественно бледной, почти белой, с хаотично разбросанными на щеках ярко-красными пятнами. Она напомнила мне снеговика, чье лицо было наспех измазано свеклой. Мой взгляд она выдержать не смогла, отвернулась и словно поганый маленький щенок снова заскулила, пытаясь уцепиться за руку Роджера. Тот отпихнул ее с видимой неприязнью и кинул парням.

— Найдите датчик.

Спустя секунду датчик был обнаружен и изъят. Гнетущее молчание повисло в кабинете, только багровое лицо Роберта будто полыхало огнем в приглушенном освещении кабинета.

Я старалась ни на кого не смотреть, даже не пытаюсь справиться с оторопью, которая вогнала мое сознание в состоянии апатичного шока.

«Вот как, значит, все произошло.... Кто бы знал, что среди нас есть предатель. Мерзкая сука, теперь ты пытаешься спасти свою шкуру, прикидываясь невиновной.... А Боб погиб... Его голубые остекленевшие глаза теперь смотрят в поверхность стола. И ему уже никто не поможет....»

— Как вы узнали, Родж?

Это был низкий голос Халка.

— Система. Центральная система оповещения подняла тревогу, когда он снял первый бал, с помощью полученных кодов. Он и забрал-то немного, всего с десятков от разных владельцев. Однако он не учел, что если с браслета, который находится вдали от владельца проделать любую операцию, то включится система тревоги. Мне сразу позвонили из отдела безопасности. И теперь, благодаря ей — этой твари, — Роджер зло ткнул в мою сторону. — Мое заведение могут прикрыть.

— Ты это серьезно? — Спросил стоявший у стола усач, которого я тоже неоднократно видела в игровом зале.

Роджер нервно потер гладко выбритую щеку.

— Я надеюсь, что все обойдется. Того человека, который первым мне сообщил об этом, я хорошо знаю. Он не разнесет информацию дальше, я ему дорого заплатил. Данные о происшедшем уже удалены из базы. Хакера я тоже убрал. Избавился от всей электроники, конечно. Остались только эти....

Роджер снова ткнул в мою сторону, заодно злобно зыркнув на Янку.

— Еще неизвестно, как вторая к этому примешена....

— Я никак не примешена! Я ничего плохого не делала, ты же меня знаешь! — Янка начала хлюпать носом, размазывая сопли по подбородку.

— Заткнись! — Оборвал он ее. — У меня нет ни времени, ни желания в этом разбираться.

— Ты думаешь, больше такого не повторится? — Настороженно спросил один из сидящих мужчин.

— Нет. Я гарантирую. Я для этого и собрал вас — доверенных лиц, чтобы сразу прояснить ситуацию. Вы можете безбоязненно приходить в клуб, не боясь таких происшествий.

— Хорошо бы. — Забубнило сразу несколько голосов. — Потому что ты знаешь, что если что, власти не обойдут нас стороной.

— Все в порядке, джентльмены. Осталось только решить, как быть с этими двумя. Я смогу умаслить судью за убийство одного, но если пришью еще двоих, придется отдать слишком много денег. И то неизвестно....

— Но ты же не можешь их оставить в живых? — Нервный сухонький мужчина напугано взирал то на меня, то на Янку.

Роджер стоял хмурясь, раздумывая над чем-то. В воздухе зависло ожидание, каждый хотел услышать, что будут приняты все меры по обеспечению их безопасности.

В этот момент я будто абстрагировалась от происходящего. Это какой-то бред, весь этот Тали бред. Всего этого вообще не должно было случиться. Я обычный нормальный человек, владелец собственного бутика, никогда никому не переходила дорогу, даже врагов-то толком не имела. А теперь сижу непонятно где, окруженная коррумпированными головорезами, прикидывающимися кроткими овечками, которые раздумывают, как от меня избавиться. Да еще эта Янка, будь она проклята. Мне вспомнилась, как она в первый раз пришла ко мне за джемом....

Голос Роджера нарушил мои мысли.

— Господа, я не могу передать этих девиц властям, пусть даже их, скорее всего, приговорят к казни. Прежде всего, мне не выгодно, чтобы любая информация выплыла за пределы Поло. У меня слишком много уважаемых клиентов, чтобы рисковать. Но вам не о чем беспокоиться, я позабочусь о них сам. К утру они уже будут мертвы.

Все. Он принял окончательное решение.

На короткое мгновение дыхание застряло у меня в горле. Я, конечно, подозревала, что навряд ли мне повесят на шею корзинку с пирожками и отправят восвояси, но все же надеялась остаться живой.

— Ро-о-оджер.... — Мгновенно раздался скулеж Янки, прерываемый икотой и хрипом. — Ты не можешь меня так... Я ничего не сде-е-елала....

— Заткни пасть, сука!

Повернувшись к тем двум, что стояли за моим стулом, он приказал.

— Заберите их куда-нибудь! Видеть уже не могу.

Ко мне уже тянулись безжалостные руки убийц Роберта, когда неожиданно раздался голос Халка. Его фраза заставила приостановиться всех, кто уже начал подниматься со своих мест, чтобы разойтись.

— Родж, отдай их мне.

Все лица одновременно повернулись в сторону сидящего в кресле мужчины.

— Зачем они тебе? — Удивился тот. Убийца, схвативший меня за плечо тоже замер.

— Ну, во-первых, я хочу выяснить, не был ли кто еще причастен ко всему этого. — Пальцы Халка неторопливо крутили и поглаживали незажженную сигару. — А во-вторых, мне нужны рабочие руки. Ранчо большое, сам знаешь.

Роджер, как ни странно, казалось, почувствовал облегчение от его просьбы.

— Ты, наверное, просто позабавиться хочешь вот с этой! — Усатый сально улыбнулся Халку, оттягивая мою прядь волос в сторону. Я резко дернула голову в сторону, чтобы избавиться от прикосновений мерзкого пахабника. — Строптивая кобылка!

— Забирай, если хочешь. — Пытаясь казаться равнодушным, ответил Роджер. Но в его глазах явно светилась радость. Все-таки не хотел он марать руки еще двумя убийствами. То ли денег жалко, то

ли совесть у него была. В последнее я бы не поверила даже под прицелом.

Вместо этого я хмуро взидала на Халка. Смерть, вроде бы, отступила. Но вот надолго ли? И какая жизнь может ждать с таким... как этот? Я опустила все еще отдающую болезненной пульсацией голову и вздохнула. Да пусть оно будет, что будет. Не было сил ни переживать, ни бояться, ни хотеть чего-либо. Завтра утром, я еще буду жива. И это пока главное.

Однако перемена ситуации не совсем удовлетворила нервного мужчину, который до этого больше всех жаждал нашей смерти.

— А если они попробуют бежать? Что тогда?

— Найду и убью. — Только и ответил Халк.

Я вздрогнула, когда встретила с его абсолютно бездушными, как мне показалось, серыми глазами.

Глава 4

Куда и сколько мы ехали, я не запомнила. Запомнила лишь черный, проплывающий за окнами машины город, который вскоре сменился сельским пейзажем, да еще натужное сопение Янки. Со мной она не разговаривала. Я, чувствуя презрение и отвращение, вовсе не горела желанием нарушать тишину.

Через какое-то время, машина въехала в распахнувшиеся со скрипом ворота и остановилась.

Нас выпихнули где-то на заднем дворе огромного дома, возвышающегося белой громадой на фоне черного неба, и тут же разделили. Один из мужчин, вероятно служащий Халка, увел Янку по темной аллее, скрывающейся за углом здания, меня же повели в другом направлении. Следуя за проводником (Халк, отдав ему несколько команд, исчез в темноте), я прошла через коридор в одном из боковых крыльев дома и оказалась перед дверью. Мужчина отпер ее ключом, подтолкнул меня внутрь и закрыл замок с обратной стороны. Оказавшись одна, я огляделась по сторонам, пытаюсь рассмотреть окружающие предметы, насколько позволял сумеречный свет, льющийся из окон. По всему выходила, что это маленькая комната со стоящей в углу жесткой кроватью, тумбой и столом. На противоположной стороне комнаты я заметила еще одну дверь, выходящую, по всей видимости, на улицу. Я сделала несколько шагов (деревянные половицы скрипнули под ногами) и потрогала ручку. Заперто.

Вздохнув, я несколько секунд постояла у окна, глядя на небольшую, залитую лунным светом лужайку и темные силуэты деревьев, после чего подошла к кровати, скинула обувь и забралась на жесткий матрас, покрытый темным покрывалом. От души надеясь, что под ним есть хотя бы простынь, я рукой пощупала тонкую небольшую подушку и снова огляделась. Не увидев ни одного выключателя или настенной лампы, я подняла глаза к потолку и обнаружила, что лампочка отсутствует. Значит, нечего пытаться и искать. Света здесь нет. Как нет и ничего похожего на туалетную комнату.

Как это часто бывает в таких случаях, мне тут же захотелось в туалет, но я постаралась отвлечься, надеясь, что смогу протерпеть до утра.

Голова все еще казалась опустошенной, не способной связно мыслить, чувства притупились и залегли на дно. Бесконечно длинный день с чередой немыслимых событий то всплывал в памяти, то растворялся, уступая место бездумному молчанию в тишине. Через какое-то время мысли возвращались и атаковали с новой силой. Я вяло отмахивалась от них, но они, будто стая пираний, продолжали хищно кружить в изболевшемся утомленном сознании.

Куда я попала? Что я буду здесь делать? Принесет ли мне кто-нибудь поесть? Куда отвели Янку? Когда состоится разговор с Халком? Раб ли я? Смогу ли накопить хоть сколько-нибудь баллов теперь? Устав от вопросов, неспособная даже нервничать, я отодвинула покрывало в сторону и, не снимая одежду, легла на кровать. Это моя новая камера. Без вида на горы и простой, но ставшей привычной кухни. Отвернувшись к стене, я впервые за много лет помолилась, чтобы мое будущее хоть как-нибудь изменилось в лучшую сторону. Не знаю, слышал ли меня Бог, но уже сомкнув веки, я все еще продолжала просить о лучшей доле, пока, наконец, не уснула.

Халк поднялся в свой кабинет, расположенный на втором этаже, сложил привезенные из города бумаги в один из ящиков стола, подошел к комоду, на котором лежала упаковка с сигарами, и взял одну. После чего распахнул высокие стеклянные двери балкона и вышел на террасу. Заняв любимое кресло, он неторопливо раскурил сигару и с наслаждением выдохнул ароматный дым в прохладный ночной воздух.

Через несколько минут на террасу вышел еще один человек и, не спрашивая разрешения, опустился во второе кресло, стоящее по другую сторону от небольшого кофейного столика. Лицо его, начиная от виска и до подбородка, пересекал длинный неровный шрам. Когда-то, вероятно, он был очень глубоким, но с годами превратился в продольную борозду, похожую на высохшую змейку — белый, изогнутый, пожухший. Словно отзвук каких-то давно минувших событий.

— Как дела, Грег? — Не поворачивая головы, спросил Халк.

Начальник стражи неуклюже размял широкие усталые плечи и откинулся на спинку, довольный возможностью отдохнуть после долгого дня.

— Нормально. Сегодня почти без происшествий. Даже на кукурузе. Были какие-то в каменоломне, но так, пустяки. Ничего необычного.

Халк кивнул. Он знал, что если бы случилось что-то из ряда вон, то Грег бы нашел метод оповестить его. Вдыхая аромат влажной травы и цветущих полей, он неторопливо покручивал в пальцах сигару. Собеседник был чем-то озабочен, Халк слышал это в его дыхании и едва уловимом шорохе одежды, но спрашивать ничего не стал. Если это что-то важное, то он непременно об этом узнает. Сейчас или пару дней спустя.

— Ты привез еще двоих. — Раздался в тишине голос Грега. Не вопрос. Утверждение. — Зачем? У нас хватает рабочих.

Халк помедлил с ответом.

— Так надо. Завтра с утра я уезжаю в город, ты остаешься за главного. Я еще не провел с ними ознакомительной беседы, сегодня уже поздно. Поэтому займи их завтра чем-нибудь, чтобы не прохлаждались. Я вернусь вечером.

Грег озадаченно пожевал губы.

— Занять их чем-нибудь полегче или потяжелее?

— Определи сам. Главное, не давай расслабляться.

— Понял. Что если начнут взбрыкивать?

— Бей.

— Угу. Тебе, я как понял, они не очень важны?

Какое-то время Халк молчал. Ночной ветерок шевелил пряди его светлых волос и закручивал белый дым, идущий от сигары, в замысловатые спирали.

— Время покажет. — Он посмотрел на сидящего рядом мужчину. — Отправляйся спать.

Я проснулась, когда рассвет только занялся. В окна просачивался тусклый розоватый свет выбирающего из-за гор солнца, окрашивая стены комнаты в скудное подобие бежевого.

Перевернувшись на кровати, я некоторое время лежала с открытыми глазами, неохотно прокручивая в голове все, что произошло вчера. Позор. Стыд и позор, как все обернулось...

Чтож, я в доме этого Халка. Что принесет сегодняшний день? Какие еще сюрпризы меня ожидают впереди?

Выбравшись из-под покрывала, я застелила кровать и уселась сверху. Отчаянно хотелось в туалет. В коридоре уже слышались чьи-то шаги и голоса, но в мою комнату пока никто не входил. С одной стороны, это приносило некоторое облегчение, ведь я не знала, что случится, когда за мной придут. С другой, желание справить нужду усиливалось с каждой минутой, и через какое-то время (прошло пятнадцать минут, тридцать, час? Определить это я не имела возможности) я уже кружила по комнате, едва не пописывая от нетерпения. Когда же? Когда? Пусть хоть что потом говорят, только бы в туалет дали сходить.

Наконец, в замке внутренней двери что-то зашуршало, и на пороге я увидела огромного мужика с лицом, похожим на лопату. Одну из его щек уродовал длинный шрам, маленькие, глубоко посаженные глаза смотрели хмуро, но без неприязни. Он был одет просто — на здоровых плечах натягивалась черная рубаша из грубой материи, на ногах выгоревшие на солнце, выстиранные много раз синие джинсы. Вот только ботинки были далеко не простыми — высокие, с плотной тугой шнуровкой и толстой подошвой, какие, в основном, носили военные. На широком поясе я заметила несколько ножен разной длины, а за ними кобуру из черной вышарканной кожи.

Нервно сглотнув, я едва не попятилась назад. Сдержало только то, что я старалась держать ноги (в силу понятных причин) плотно сжатыми.

— Выходи. — Бросил пришедший коротко. — И иди за мной.

— Туалет! — Пискнула я жалобно, чувствуя, как щеки заливаются краской. Как же жалко, я должно быть, выгляжу.

— Туалет прямо по коридору. — Ответил мужчина, развернулся и вышел из комнаты.

Преодолев коридор скачками, я влетела в маленькую комнату и шумно выдохнула от облегчения, когда накопившаяся влага, наконец, вышла наружу. Теперь можно выдержать любые пытки. Я едва не рассмеялась от комизма ситуации. Как же мало человеку надо, чтобы почувствовать себя счастливым. А ведь я в тюрьме. Даже в двух. Сначала Тали, а теперь еще и это ранчо.

Наспех оправив мятую после сна одежду, я посмотрела на свое бледное отражение в зеркале, кое-как расчесала пятерней спутанные кудри и вышла наружу, к ждущему меня у дверей мужчине.

Мы стояли в просторном холле первого этажа, рядом со мной уже была маленькая тележка со всевозможными чистящими средствами. Здоровый мужик ушел, передав меня на попечение одной из служанок дома: ей была низкорослая крепкая женщина с не улыбчивым ртом и узкими черными глазами. Мария. Ее смоляные волосы были повязаны косынкой, объемную талию перехватывал чистый, надетый поверх темного платья, передник.

— Сначала протрешь пол тряпкой. Только хорошо отожми ее сначала, потому что паркет нельзя сильно мочить. — Инструктировала она меня, параллельно жестикулируя в сторону тележки. — Потом возьмешь вот это....

В ее руках появился какой-то бутыль с нарисованными половицами на этикетке.

— ...Потом побрызгаешь вот этим, чтобы на каждый участок попало. Потом уже отполируешь воском. — Мария показала мне новую банку со дна тележки. — Когда закончишь, позовешь меня, я проверю. Поняла?

Я кивнула. Что еще я могла ответить? Когда она ушла, я подвязала на животе майку, завязала волосы на затылке и принялась за работу.

На полировку паркетного пола у меня ушло почти полдня. Все это время я, скрючившись, тщательно протирала каждый уголок, каждую досточку, метр за метром. Иногда мимо ходили люди, но на меня никто не обращал внимания. Халка видно не было. Шоркая туда и обратно тряпкой по полу, я одновременно рассматривала окружавшие меня предметы. Убранство дома было шикарным.

Кожаная мебель, позолоченные дверные ручки, ковры на лестницах и картины в тяжелых резных рамах на стенах. Огромные окна первого этажа заливали холл, незаметно переходящий в гостиную, ярким искрящимся светом, подчеркивая бледное сияние золотистых обоев.

Часы в холле показывали девять утра, когда я только принялась за уборку и половину третьего, когда я, наконец, поднялась с колен, вытерла лоб и пошла за Марией.

После того, как служанка критично осмотрела паркет, она приказала мне укатить тележку в кладовую. Я сочла, что таким образом можно считать мою работу одобренной и, избавившись от тележки, вернулась в холл, чтобы следовать за ней.

Женщина вывела меня в широкий внутренний двор, вымощенный плоскими булыжниками, и приказала ждать у крыльца. Пока она куда-то ходила, я с наслаждением вдыхала свежий воздух, подставив лицо солнечным лучам. Вдалеке виднелось поле, засаженное каким-то высоким растением. Мне были видны многочисленные голые спины рабочих и фигуры мужчин, одетых в темное, держащих что-то в руках. Я изо всех сил надеялась, что это не хлысты. Однако, судя по движениям, это были именно хлысты. Я сглотнула. Похоже, что это именно то ранчо, которое я однажды видела из автобуса. Приглядевшись, я сумела рассмотреть забор, поблескивающий на солнце колючей проволокой. Да, именно так. Этот тот самый особняк.

По двору то и дело сновали люди: кто-то катил из боковых дверей тележки, кто-то нес строительные доски, кто-то возвращался в дом из подсобных помещений. Охранники были и здесь. Их выдавали жесткие лица, простая, но добротная одежда и арсенал прикрепленных к поясу предметов — те же хлысты и дубинки. Надзиратели, как я вскоре поняла, не присматривали за каждым, кто перемещался по территории, но курсировали в разных направлениях, окидывая взглядами территорию в целом. Случись что-то, они моментально бы сбегались к источнику проблем. В этом сомнений не возникало. Мой беглый осмотр дал понять, что ранчо, по всей видимости, было огромным. Оно едва ли ограничивалось тем полем, что виднелось отсюда, скорее всего на бесконечных акрах земли ведутся многочисленные стройки и работы, не говоря уже о других полях, засаженных агрикультурами. Ровность посаженных низких деревьев вдалеке за полем напоминала не что иное, как виноградники. Сказать наверняка было трудно, но мне казалось, что это именно так. Значит, здесь есть даже собственная винодельня. От обширности владений хозяина у меня едва не закружилась голова. Я глубоко втянула воздух и медленно выпустила его обратно. Это же сотни и сотни рабочих. И наверняка, чтобы следить за всем этим, требуется не меньшее количество надзирателей. Ведь все эти рабочие — преступники. Вот это да....

Вернулась Мария, держа в руках веники и метлы.

— Выбери какая нравится и выметай двор. Затем его надо будет ополоснуть из шланга, найдешь вон там. — Она махнула рукой в сторону выемки в стене, где я заметила кран и скрученный кольцами резиновый шланг.

— А когда закончу? — Спросила я.

— Ты думаешь, это так быстро? Это кажется. Двор большой, чистить надо хорошо. Иначе хозяин заставит перемывать. Когда закончишь, найдешь меня, я покажу мусор, который надо будет вынести с кухни. А после мусора нужно будет убрать срезанный за домом кустарник и отнести в печь. Сжечь. Потом разобрать мешки с продуктами в кладовых, а потом....

Она продолжала и продолжала перечислять бесконечный список дел, а я слушала в пол-уха, рассматривая пейзаж, надеясь, что все это нужно закончить не к сегодняшнему вечеру. Когда Мария, наконец, ушла, я подумала, что неплохо было бы поесть, но так как мне никто этого не предлагал, я решила не искушать судьбу собственноручными поисками, а лишь покорно подняла с земли метлу и принялась мести двор.

В течение следующих трех часов я старательно выметала и мыла булыжники. Работала двигалась медленно, но я не торопилась. Меня никто особенно не подгонял, хотя изредка я видела на себе внимательные взгляды прогуливающихся мимо охранников. Иногда они останавливались неподалеку, чтобы покурить или перекинуться словечком, затем вновь расходились, оставляя меня мести дальше. Я рассматривала проходивших мимо рабочих, пыталась угадать, чем они заняты, что чувствуют, находясь здесь. Как ни странно, но лишь немногие выглядели несчастными или подавленными. Большая же часть выглядела вполне довольной существованием на ранчо. Может быть, им платили достаточно? Или же владелец предоставлял какие-то иные блага, о которых мне пока было неизвестно? Так или иначе, а я медленно вживалась в происходящее и даже успокаивалась. Ну и что, что работа. Ну и что, что пыльная. Физический труд никогда не пугал меня, а пока на горизонте маячило обещание быть накормленной и под какой бы то ни было, но все-таки крышей, я была вполне согласна мириться с участью.

Я понимала, что если сбегу, то буду очень быстро поймана людьми Халка. И еще неизвестно насколько он расположен ко мне сейчас. Может, если я буду послушной, буду прилежно работать, то получу его снисхождение и даже оплату. Если же разозлю с самого начала, то мои шансы на сносную жизнь резко сократятся. Предположим, я даже смогу сбежать и укрыться где-нибудь. Что тогда?

Мысль, которая мне приходила в голову несколько не поднимала настроения. Скорее всего, он просто заявит о моем побеге властям, свяжется с Роджером, и они оба выставят меня в таком свете, что мне действительно назначат смертную казнь. Я несколько не сомневалась, что слова «смертная казнь» здесь именно это и обозначают. Репутация Роджера, конечно, пострадает, но остановит ли его это? Мне так, отнюдь, не казалось. Да и где укрываться? Кроме Роберта и Янки я никого не знала. Да и есть ли смысл укрываться, если при первом же использовании браслета мое местонахождение будет обнаружено? Никакого. Меня никто не будет кормить и поить за свой счет, а передавать накопленные баллы кому-то другому для покупки продуктов возможности нет.

Еще вчера я с удивлением обнаружила, что все, что я накопила за время работы в «Поло» сохранилось. Всего сто двадцать три и две десятых балла. Никто их у меня не отобрал. Не много, но

все-таки.... А сто баллов — это уже десятая часть от тысячи. А десятая часть — это уже надежда на то, что однажды мне удастся покинуть опостылевшую тридцать третью зону.

Вывод был один. Лучше оставаться живой и пытаться найти возможность копить дальше. Пока, как ни странно, ранчо Халка казалось не таким уж и плохим местом. Осталось узнать, собирается ли платить его хозяин и если да, то сколько....

Размышления мои то прерывались проходящими мимо людьми, то опять возвращались к тем же вопросам. Про Янку я почти не думала. Наверняка, работает где-нибудь в другом месте. А видеть ее затравленное озлобленное лицо совсем не хотелось. Пусть сама думает над тем, что и как она делает. И сама же из этого выкручивается.

Когда я закончила домывать двор, солнце начало постепенно клониться к закату. Порядком уставшая от его жарких лучей, я с облегчением вытерла лоб и посмотрела на небо. Насколько я смогла судить по положению светила, было где-то около шести вечера. К тому времени я уже зверски проголодалась и с вожделением поглядывала на угол особняка, из-за которого выплывали аппетитные запахи. Должно быть где-то там располагалась кухня. Заставив себя отвлечься от мыслей о съедобном, я какое-то время просто стояла, рассматривая окрестности, держа в руке шланг, из которого все еще текла тонкая струйка воды.

В закатных лучах это ранчо было похоже на цветущий оазис в пустыне. Когда горы приобрели знакомый ярко оранжевый оттенок, зелень полей и виноградников красиво оттенилась зеленым и бордовым. Я предполагала, что бордовый цвет давали цветы каких-то растений, что цвели в это время года. Жаркий климат Тали наверняка позволял выращивать и собирать по несколько урожаев в год. Обилие тепла обеспечивало комфорт множеству видов плодовых культур, а если еще и воды было в достатке, то обеспеченность владельца могла зависеть только от количества рабочих рук, недостатка в которых, судя по всему, не было.

Оторвавшись от созерцания пейзажа, я убрала выбившиеся завитки волос за уши, вдохнула густо напоенный вечерними ароматами воздух, радуясь, что появился слабый ветерок, и отправилась сматывать шланг. Пора было приступать к следующему поручению Марии.

Еще через пару часов, когда небо начало приобретать густо синий оттенок, а последние лучи солнца потонули за далекими горными вершинами, я, наконец, закончила с уборкой кустарника. Голод уже давал знать о себе негодующим урчанием, но кормить меня так никто и не спешил. Я сидела прямо на траве, на заднем дворе белокаменного особняка и тоскливо смотрела на светящиеся окна и открытую дверь, откуда пахло чем-то жареным и сладким. Раздумывая, не отыскать ли Марию, чтобы осведомиться о правилах приема пищи, я, вытянув ноги, разминала уставшие от долгой ходьбы ступни. Кроссовки лежали рядом, здесь же, под кустом. Открытая дверь все так же притягивала взгляд. Куда она ведет? В дом, очевидно. Если так, то это самый быстрый путь попасть в подсобное помещение и найти Марию.

Поднявшись, я бросила быстрый взгляд на первые высypавшие в небе звезды, отряхнула джинсы и направилась к двери.

Я оказалась права. Миновав коротенький проход, я попала прямиком в одно из помещений кухни. В этот час здесь никого не было. Не было слышно даже голосов. Понимая, что мне не стоит находиться там, куда меня никто не приглашал, я все же шагнула внутрь, рассматривая убранство. Здесь были огромные серые раковины, приделанные к стене, длинный разделочный стол, большая плита со

стоящими на ней огромными кастрюлями и чанами (беглый осмотр показал, что все они пусты) и множество висящей на стенах кухонной утвари.

Я крадучись прошла вокруг стола, обогнула раковины и стеллажи с рядами сковородок разных размеров.

Вот это размах! Здесь можно варить на целую роту! Хотя, кто сказал, что здесь работает меньше, чем рота? Как бы ни две или три, если не десять. Но почему никого нет? Неужели все поели? Не похоже, чтобы ели прямо здесь, скорее это место использовалось только для готовки. Но почему меня никто не позвал в столовую, если таковая имелась?

Я обиженно сглотнула и облизнулась. Запах четко указывал на то, что еда готовилась здесь и, может, еще где-то в прилегающих комнатах. Но что бы тут ни готовилось, этого здесь уже не было.

Кастрюли были вымыты, раковины и пол сверкали чистотой. Уже собираясь уходить, я бросила взгляд на столы и заметила на одном из них стоящую глубокую темно-зеленую чашку. Подлетев к чашке, я возликовала. Яблоки! На дне лежало всего три не очень крупных зеленых яблока. Никогда еще я не испытывала такой признательности к этим фруктам, как теперь. Зажав одно в кулаке (больше я брать побоялась, вдруг они все по счету?), я направилась к выходу из кухни.

Стоило мне шагнуть в коридор, как я увидела идущих в мою сторону охранников. За долю секунды моя душа ушла в пятки, а сердце забилось судорожно и быстро.

— Эй! Ты смотри! Она ворует еду с кухни!

Услышав именно то, чего боялась больше всего, я стремглав помчалась к выходу во двор, но уже через несколько секунд схватила чья-то рука, и я, задыхаясь, со всей силы рванулась в сторону.

Ткань майки затрещала, моя рука уже было оказалась на свободе, но тут же снова оказалась перехвачена другим охранником.

— А ну, стой! — Раздался злобный голос. Теперь они держали меня с двух сторон.

Откуда-то, будто из воздуха, здесь же взялся и Грег.

— Что у тебя в руке? — Заорал он. — Отдай, что у тебя в руке!

Я все еще отчаянно пыталась вырваться. Сопение — мое собственное и двух жлобов, держащих меня, смешалось в одну натужную какофонию возни и борьбы.

— Разожми ладонь, говорю! — Пыхтел охранник. Его липкие пальцы начали вырывать драгоценное яблоко, и я, перепуганная и паникующая, пытаюсь защититься, пнула его по голени. Раздалось протяжное «У-у-у», и он тут же саданул меня по ребрам в ответ. Я закашлялась.

— Крыса подзаборная! Воровка! Я тебе покажу...

— Эй-эй! Прекратите! — Вмешался Грег. — А ты, ну-ка отдай, то, что сперла!

— Я ничего не перла. — Кое-как выдохнула я. — Меня никто не кормит!

— Ты мне еще поговори тут! Кто разрешал шлаться по дому? Покажи, что у тебя в руке!

— Не покажу.

— Ты мне не умничай! Я, таких как ты, пачками объезжал!

Он больно сжал мой подбородок пальцами и потряс. Потом приблизил свое изуродованное шромом лицо и прорычал.

— Я тебя научу, как здесь разговаривать! Ты за мной еще ползком ползать будешь, ботинки облизывать, сучонка....

Если раньше я и думала отдать яблоко, извиниться, и покаяться, то теперь не на шутку разозлилась.

Как они смеют так обращаться с женщиной? Их три амбала, а я одна — маленькая и уставшая. Ну, шагнула, куда нельзя, взяла одно яблоко, подумаешь, беда. Попросили бы по-человечески, и отдала бы сразу.

— Сам лижи свои ботинки. — Так же зло процедила я в ответ, за что опять получила по ребрам и снова закашлялась. Вместо того чтобы канючить и извиняться, я только еще больше разозлилась.

— Только и умеешь, что баб бить, подонок?

Грег размахнулся и на этот раз ударил меня по лицу.

На миг, от боли и шока, я перестала дышать. Теперь уже никакой логики в моей голове не осталось. Остался только гнев, пульсирующая от боли щека и непомерная обида. Ну, уж нет, так не пойдет. Я качнула тяжелой головой, боясь шевельнуть челюстью, которая уже через секунду стала казаться разбухшей, словно была набита мокрой ватой.

— Ну, что? Быстро учишься? — Грег снова взялся за мой подбородок.

Я собралась с силами и плюнула ему в лицо.

Пусть лучше сразу убивают.

— Ах ты тварь.... — Казалось, он потерял дар речи. Слова вырвались из него тихим свистом. Грег медленно стер стекающую по носу слюну, а потом его рука взметнулась в воздух так стремительно, что даже ткань его рубахи натужно взвизгнула.

Ну, все. Это конец. Пусть лучше сразу, чем их каждодневные уроки. Я зажмурилась в преддверии печального конца, молясь, чтобы Господь забрал меня к себе сразу, а не дал остаться калеккой.

— Остановись!

Знакомый голос прозвучал отрывисто и резко. Не веря собственным ушам, я боялась открыть глаза, все еще ожидая последнего удара. Но его все не было. Когда же я, наконец, осмелилась взглянуть, то увидела Халка, стоящего на лестнице.

Рука Грега зависла в воздухе, в глазах его появилось глупое растерянное выражение. Будто он уже воочию видел фильм, в котором показывали мой смачно расплющенный нос, а тут кто-то перекрутил его назад и нажал «стоп-кадр». С поднятой сверху рукой, Грег напоминал скульптуру, приготовившуюся метать не то диск, не то шар.

— Что здесь происходит? — Халк быстро приблизился. Его походка и жесты выдавали плохо сдерживаемый гнев. Пристальный взгляд скользил по мне, по охранникам, по Грегу, который к тому времени уже успел опустить руку.

— Эта девка здесь первый день, а уже прет продукты на кухне! — Зло пояснил Грег.

— Это правда? — Серые глаза обратились на меня, источая зимнюю вьюгу.

— Правда. — Тихо ответила я. — Я взяла яблоко, потому что меня никто не кормил.

Я не знала, какой будет его реакция, но мне, по большому счету, было все равно. Я ужасно вымоталась за целый день. Голод и незнакомая ситуация до предела натянули нервы. Взрыв злости, произошедший со мной минуту назад, улетучился, оставив опустошенность и разбитость. Боль нахлынула с новой силой и теперь нещадно пульсировала в ребрах и голове. Облизнув губы, я почувствовала вкус крови.

Устав и обессилив, я разжала ладонь, и по земле с глухим звуком стукнуло и покатилося яблоко. Какое-то время стояла тишина. Халк, вероятно, смотрел на меня, но я уже опустила голову и не могла сказать наверняка.

— Грег, сейчас же пойдешь со мной. — Нарушив тишину, отрезал хозяин дома. — Вы двое, отведите ее сначала в изолятор, потом приведете в мой кабинет.

Отдав приказания, он круто развернулся и зашагал прочь.

* * * * *

— Ответь мне на один вопрос, Грег. Как ты думаешь, почему она украла яблоко? — Халк сидел в кресле, лениво и, казалось бы, расслабленно глядя на стоящего перед ним мужчину. Однако в глазах его светился опасный огонек. Грег, за все годы работы, как никто другой научился распознавать его раньше других. Это умение много раз спасало ему если не шкуру, то, по крайней мере, зад.

— Она стащила яблоко, потому что такие, как она, всегда что-нибудь тащат! — Выплюнул Грег со злостью.

— Попробуем еще раз. Грег, почему она украла яблоко?

— Я же ответил!

— Попытка номер три.... — Огонек разгорался все сильнее.

Глядя на сидящего в кресле Халка, Грег едва заметно поежился. Черт бы подрал его начальника. От его внимания ничто не ускользнет.

— Она украла его, потому что ходила где попало и брала все, что плохо лежит.

— А почему она ходила где попало? — Халк лениво сплел пальцы и вопросительно посмотрел на него. Грег подергал воротник рубашки, будто тот слишком плотно сдавливал шею.

— Откуда я знаю, почему! Потому что любопытная шибко....

— Грег, не зли меня.

— Чего ты от меня хочешь, Халк?! Чтобы я что тебе сказал? Еду она там искала, наверное.

— А почему?

— Потому что голодная была! — Не выдержал он, взрываясь. — Эта девка посмела в меня плюнуть! Распустила язык, а потом плюнула! Я вообще должен был ее пришибить! Нет, еще и на глазах у охранников посмела....

Глядя на побагровевшее от злости лицо Грега, Халк не проявил ни единой эмоции. Разве что желвак на его челюсти дернулся и застыл.

— Заткнись. — Холодно отрезал он. — И отвечай на мои вопросы.

Словесный потоп Грега был молниеносно прерван.

— Слушаюсь, сэр.

— А теперь ответь на главный вопрос — почему она была голодна? Кто должен был позаботиться об этом?

Грег, понимая, куда клонит Халк, только нервно сглотнул.

— Ты. — Ответил за него мужчина в кресле, разъединил руки и вытянул их на подлокотниках кресла. К скрытой зависти и восхищению Грега, Халк смотрелся по-королевски где угодно, источая силу и власть, источник которой Грег никогда не мог понять, но которому всегда безоговорочно подчинялся. Может быть, все дело в закатанных до бицепсов рукавах рубашки? Или тонкой золотой цепочке, змейкой лежащей на шее? Нужно будет попрактиковать и этот ледяной прищуренный взгляд, который секунду назад заставил Грега снова поежиться.

— ...А еще ты прекрасно знаешь, в каких ситуациях разрешается распускать руки. Ты так же знаешь, что твой последний удар, позволь я ему случиться, скорее всего, покалечил бы девчонку, если не

привел бы к ее смерти. Когда я давал разрешение на проведение воспитательных мер, я не давал разрешения срываться с цепи на любого, тем более того, чья провинность была прямым следствием твоей собственной халатности.

Грег подавленно молчал. Давно его так не отчитывали. В последний раз, наверное, это случилось в школе за подложенную в учительской хлопушку. Стерев со лба мелкие капельки пота, он переминался с ноги на ногу, чувствуя, как затекают ступни, зажатые в тесные ботинки. Вот бы и ему научиться так складно и длинно говорить! Не иначе, как придется перечитать все стоящие в хозяйском кабинете и библиотеке книги. Чувствуя, что на такой подвиг его не хватит, Грег раздраженно дернул головой и перевел взгляд на картину, что изображала летящий по штормовым волнам бригантин. Встречаться глазами с Халком он не хотел. Тем более что и так чувствовал некоторую вину за случившееся.

В его понимании, прежде всего, была виновата девка. Это же не он, а она пошла туда, куда ей не разрешали. Она, в конце концов, украла яблоко. А если украла сейчас, значит, украдет и потом. Это всего лишь пример, наглядно показывающий ее будущее поведение. Грег несколько не сомневался, что уже завтра застанет ее где-нибудь еще — в кладовой или в хозяйском кабинете. Такие, как она, никогда не меняются. Единственное место, где он не отказался бы ее застать — это собственная постель. Там бы он быстро ее научил уму-разуму.... Грег с усилием заставил себя переключиться на главный предмет размышлений, не отвлекаясь на крамольные мысли. Как ни крути, а в одном начальник был прав. Не появившись он сегодня вовремя, и Грег расшиб бы воровке голову. И ведь не сдержался бы.... Точно бы расшиб. А потом бы дорого за это заплатил. Если не местом работы, то уж карцером-то точно.

— Грег?... — Вкрадчивый голос вывел его из забытья.

— Да?

— Если я увижу, что ты не способен концентрировать внимание на разговоре, я сочту тебя непригодным для службы. Это понятно?

— Да, сэр! — Тут же спохватился тот. И когда он успел так глубоко провалиться в собственные мысли?

Халк несколько секунд пристально изучал обезображенное шрамом лицо.

— Я хочу, чтобы в следующий раз, если где-то она не проследует инструкциям и по знанию или по незнанию нарушит правила, ты привел ее ко мне. До тех пор, пока ты не научишься себя контролировать, я не хочу видеть проявление самостоятельности. Сегодня оно меня не впечатлило. Тебе все ясно?

Грег, снова чувствуя себя школьником, неохотно потряс головой.

— Конечно, сэр.

— Тогда проверь, что за слухи растут о недовольстве рабочих в каменоломне и выясни их причины. Отчет я хочу услышать завтра утром. На сегодня ты свободен.

С облегчением вздохнув от того, что, наконец, может размять ноги, Грег загрохотал ботинками по полу в сторону двери. На ходу он все еще думал о произошедшем. Это даже хорошо, что начальник вовремя остановил его сегодня. Ну, не размозжил он голову этой девчонке. Переживет. Зато работу сохранил. А работу здесь ой как трудно найти.

Никто не знал этого лучше, чем Грег.

Докуривая сигару, Халк сквозь стеклянные двери балкона наблюдал, как охранник ввел в его кабинет девушку, указал ей на кресло и скрылся в коридоре. Отсюда, ему было видно, как она на несколько секунд застыла в нерешительности, осторожно осматривая незнакомую комнату, затем двинулась по направлению к креслу. В голубой испачканной майке и висевших на коленях джинсах, она выглядела, как грязный, потерявшийся в толпе ребенок. Вероятно, джинсы были ей в пору, когда она только попала в Тали, но со временем это изменилось. Тали не был городом, сытно кормившим обитателей. Разве что тех, кто им владел или смог найти теплое место у кормушки. А таких было не много.

Словно огромный застывший хищник, Халк, оставаясь невидимым, наблюдал за каждой деталью в ее одежде и поведении, стараясь отметить все, что могло бы помочь ему выбрать правильную тактику. Вот она подошла и села в кресло, провела рукой по спутанным волосам, но не для того, чтобы улучшить прическу, а чтобы убрать спадавшие на лицо пряди. Взгляд ее застыл где-то в районе дальней стены, но о чем она думала, по глазам определить не удавалось. Выражение лица напоминало застывшую маску.

Воровка или нет? Преступница или жертва? Что привело ее в тридцать третью зону, что заставило переступить опасную черту? Почему при своей молодости и красоте она не смогла удержаться за пределами опасного круга? Халк знал, что все ответы рано или поздно всплывут на поверхность. Знал он так же, что красота не гарантировала присутствия морали или рациональных принципов. Скорее наоборот. Чем красивей, тем подлее. Досадная ошибка природы.

Наконец, он затушил окурок в фарфоровой пепельнице, поднялся и отодвинул тонкие занавески. Девушка быстро вскинула голову. Его встретил напряженный взгляд больших зеленых глаз. Пора начинать беседу. Он прошел к своему креслу и опустился в него.

— Еще раз здравствуй, Шерин.

Девушка тихо поздоровалась. Халк мысленно отметил, что все еще не может определить ее эмоциональное состояние. Она выглядела одновременно запуганной, но стойкой. Нервной, но собранной. Будто готовой встретиться с новыми проблемами. Об этом определенно свидетельствовал упрямо выдвинутый вперед подбородок. Усталость определенно сказалась на ней, но не лишила чувства собственного достоинства, сквозившего в каждом движении. Откуда оно взялось у преступницы? Любопытно....

Игра в «определялки» все больше завлекала Халка.

— Ну что ж, давай поговорим, кто ты здесь и на каких условиях. Первое, ты понимаешь, что за содеянное в клубе, тебя бы убили?

Дождавшись ее кивка, Халк продолжил.

— Я владею этим домом и этим ранчо. Тебя я забрал сюда не потому что ты мне нравишься, а потому что мне не мешает еще пара рабочих. Надеюсь, это тоже ясно.

Халку определенно импонировало, что Шерин хорошо контролировала отражающиеся на лице эмоции. Потому что их там не было. Ни единой. Все то же собранное, внимательное выражение, не позволяющее определить мысли собеседника.

— Если ты будешь хорошо работать, тебя здесь никто не тронет. Тебя будут кормить и поить. Я буду платить тебе полбалла в день. Если увижу, что ты относишься к своим обязанностям ответственно, то эта сумма со временем будет увеличена. Если же попробуешь сбежать, то мне придется тебя найти

и убить. Это тоже ясно?

Снова кивок. Халк был несколько заинтригован такой сдержанностью. Ни жалоб, ни злости, ни радости. Ни даже оттенков этих или каких-либо других эмоций.

— За что ты здесь? — Вдруг задал он вопрос, который задавать не планировал.

Впервые на ее лице промелькнула мысленная борьба.

Не хотела говорить? А, может быть, хотела поначалу съязвить, мол, выясни сам, но потому передумала, чтобы не раздражать хозяина дома? Если Халк и рассчитывал услышать какую-то историю, то его ждало разочарование. Из ее рта выпало одно единственное слово, которым все пояснение и ограничилось.

— Хакерство.

— Хакерство? — Он откровенно удивился. Менее всего она представлялась ему часами сидящей у экрана компьютера, напряженно вглядываясь в строчки кода, взламывая и проникая в системы. А если туда же добавить гору окурков, неряшливую квартиру и чумазого некормленного кота, то картинка вообще переставала вязаться в Шерин. Что-то здесь откровенно не совпадало.

Халк перевел взгляд на ее руки. Она явно любила ухаживать за ногтями, по крайней мере, до Тали. Пальцы тонкие, женственные. Скорее подходящие для клавиш пианино, нежели для клавиатуры компьютера.

Если Халк и до этого не мог распознать эмоции, написанные лице девушки, то теперь оно стало и вовсе непроницаемым. Будто эта тема ужасно напрягала ее. Внезапно он почувствовал, что ее ответ был ложью. Но зачем, с какой целью?

— Зачем ты меня обманываешь с самого начала?

На этот раз в зеленых глазах промелькнуло удивление. Она даже раскрыла рот, будто собираясь сказать что-то, но тут же снова его закрыла, будто испугавшись. Секунда, и выражение ее лица вновь стало прежним. Халка непроизвольно начал охватывать охотничий азарт. Да что же это за девчонка такая? Лишнего слова не вытянешь.

— Так в чем дело? — Повторил он. — Почему ты мне лжешь?

— Я не лгу. — Спокойно ответила она. — Информация в моих бумагах совпадает с моими словами. Когда она замолчала, Халка охватило странное чувство, что Шерин, будто мысленно торжествует, от того, что не подпускает его к истине. Отчего-то он был уверен, что бумаги действительно подтвердят ее слова. Но как же тогда быть с интуицией? Ей он никогда не пренебрегал. А интуиция говорила, что ее ответы — это ложь. Внезапно ему в голову пришла блестящая идея.

Он посмотрел на нее, прищурившись.

— Шерин, сейчас я дам тебе один шанс на миллион. От этого зависит твоя дальнейшая судьба.

На короткий миг в глазах девушки промелькнул испуг. Халк подошел к столу и включил компьютер. Пока загружалась система, на лице Шерин промелькнули десятки, если не сотни эмоций. И все они были похожи на панику.

— Садись на стул. — Сказал он, когда загрузка системы закончилась.

— Нет. — Раздался едва слышный шепот.

— Это не просьба. — Увидев, что девушка будто примерзла к креслу, он прохладно повторил. — Садись на стул, я сказал.

Когда она на негнущихся ногах подошла к столу и села перед монитором, Халк открыл какую-то

программу. Сначала на экране появилось широкое окно с множеством строчек текста, а потом, поверх большого, всплыло еще одно маленькое окно с единственным полем и равномерно мигающим в нем курсором.

— Это программа зашифрована. Убери пароль и я заплачу тебе пятьдесят баллов. Прямо здесь же. Сразу.

Шерин подняла на него округлившиеся не то от волнения, не от страха огромные глаза. В их глубине застыло непонятное затравленное выражение.

— Нет. Я не буду. — Раздался хриплый голос. Копна волос протестующе колыхнулась.

— Маленькая оплата? Хорошо, семьдесят пять.

— Нет, дело не в этом....

— А в чем же? Ты же хакер. Сто.

— Я не буду! — На бледных щеках Шерин начали проступать красные пятна.

— Сто пятьдесят.

— Нет....

— Двести.... — Халк понимал, что ведет опасную игру, но что-то толкало его продолжить. Она лжет. Интуиция еще ни разу не подвела его. Если же она притворяется, чтобы набить цену — хорошо, он готов заплатить за отличную актерскую игру.

— Это противозаконно....

— Ах, противозаконно? — Он едва не рассмеялся в голос над ее нелепыми отговорками. — Я дам тебе слово, что никто не узнает. Ты получишь двести баллов и выйдешь из этой комнаты, будто ничего и не происходило. Ну, как?

— Нет. — Ее нижняя губа задрожала.

— Хорошо, играем дальше. Триста.

— Ты не понимаешь....

— Четыреста.

— Я не умею этого делать....

Щеки Шерин уже не просто горели, они полыхали огнем. В глазах плескалось отчаяние, но Халк хотел, во что бы то ни стало, довести это до конца. Раз и навсегда выяснить где правда, а где ложь. Вырвать из ее уст признание, во сколько ему бы это ни обошлось.

— Пятьсот, Шерин.

— Я не умею!

— Тысяча, мать твою!

Как только он это произнес, Шерин изумленно раскрыла рот, будто задыхаясь от услышанного. На какой-то момент Халку показалось, что он ошибся. Что сейчас она поменяется в лице, развернется к компьютеру, вскрыет код, как картонную коробку и довольно улыбнется, ожидая обещанного. Если так, то он проиграл. Быстро, глупо и очень азартно.

Но вместо этого, она, вдруг, будто потухла. Закрыла лицо ладонями и... разрыдалась.

Разрыдалась, вместо того чтобы загореться идеей получить тысячу всего лишь за один взломанный пароль и счастливо покинуть Тали. Сжавшись на стуле, безмолвно дрожала, изредка всхлипывая сквозь сведенные в судороге пальцы.

Халк отвернулся к окну. Какое-то время было тихо. Затем он поднялся, вытащил новую сигару из

упаковки и закурил прямо в кабинете.

— Шерин... — Негромко позвал он. — Посмотри на меня.

Он видел, как она из всех сил борется, чтобы взять себя в руки. Когда ей это удалось, она стерла слезы и подняла на него глаза. Из-за красноты щек они стали казаться необыкновенно яркими.

— Ты лгала мне. — Шерин болезненно вздрогнула от его слов, но взгляд не отвела. — Ты сюда попала не за хакерство.

На этот раз она кивнула. На данный момент этого было достаточно.

— Хорошо. Мы пока оставим эту тему в покое. — Халк решил не торопить события. Всему свое время. Были и более насущные вопросы, которые требовали обсуждения. — Жить ты пока будешь в той же комнате, где провела прошлую ночь. Сегодня вечером тебя накормят, а завтра ты узнаешь, где располагается столовая, и будешь есть по расписанию. Голодать тебя никто не заставит.

Почувствовав, что у нее есть какие-то вопросы, он прервался.

— Спрашивай.

— Я могу перемещаться по территории?

— Только до границы ближайшего поля. Если я не увижу попыток к бегству или других, препятствующих этому вещей, то разрешу ходить дальше. Что еще?

Шерин немного помедлила, прежде чем задать следующий вопрос. Очевидно, он ее чем-то смущал.

— Я тебя слушаю.

— Пожалуйста, не закрывайте дверь моей комнаты на ночь. У меня нет доступа в туалет.

— Что-то еще?

— Нет. Пока все.

— Хорошо. Тебя никто не будет закрывать. Но любая попытка к бегству в корне изменит твоё положение. Ты это понимаешь?

Она посмотрела на него ясными серьезными глазами и кивнула.

Да. Он знал. Она понимала.

Глава 5

Я шла по коридору на негнущихся ногах. «Боже мой — Боже мой — Боже мой!» — Только и крутилось в голове беспрестанным потоком. Сколько же всего навалилось, и все в один день. Боже мой — Боже мой.... Узнав в темном проходе свое крыло, я автоматически свернула туда и практически ввалилась в комнату. Захлопнув дверь, я забралась на кровать, прижалась спиной к стене и закрыла глаза. Я не знала, сколько минут я потратила на обдумывание ситуации, в которой оказалось. Уткнувшись лицом в жесткую подушку, я обрушивала на себя ворох вопросов и проклятий. Все произошедшее в кабинете Халка казалось невероятным. Просто нереальным! Я могла бы заработать эту тысячу уже сегодня. Сегодня! И целую тысячу! Ну почему я не имею ту проклятую профессию, которую Корпорация указала в бумагах? Почему я не решила пойти учиться на информатику? Кто же знал, что однажды это могло бы помочь избежать многих лет заключения. Что там сказал Халк — полбалла в день? Это всего три с половиной балла в неделю. Подсчитав в уме, я подытожила, что это пять или шесть лет жизни в Тали. Моей драгоценной жизни, которую придется подарить ни за что какому-то рабовладельцу. От тоски, накотившейся сразу после подсчета, я стала колотить тощую подушку кулаками.

— Тысяча! Тысяча! Ты-ы-тысяча! — Не то стон, не то вой рвался из моего горла протяжными

заунывными звуками. — Почему я не хакер....

Но я не была хакером. И ничего не могла с этим поделать. Реши я притвориться знающей, мне пришлось бы на практике доказывать свои знания. И в короткие сроки. Халк не из тех, кто поверил бы человеку, едва способному быстро набирать на клавиатуре, а я — увы и ах — в совершенстве овладела только почтовым клиентом, да еще парой бухгалтерских приложений. Даже печатать вслепую не научилась. Так что не было никакой надежды душить Халка дольше нескольких минут. И еще одна ложь однозначно не добавила бы нам взаимопонимания.

Но почему он вообще предложил такую сделку? Не иначе как знал, что я далеко не компьютерный гений. И знал наверняка. Не догадывался, не строил предположения. Предположения могли стоить ему тысячи, а я была абсолютно уверена, что расставаться с ней Халк не спешил. Но неужели меня так легко прочитать? Каким образом он безошибочно распознал в моем ответе ложь, когда другие наоборот никогда бы не поверили правде?

Застонав пуще прежнего, я натянула подушку на голову, пытаюсь сбежать от преследующего по пятам отчаяния. Как теперь жить? Как остаться целой и невредимой ежедневно встречаясь с Грегом и его подхалимами? Как не сломаться от осознания, что в течение следующих пяти (в лучшем случае) лет, мне придется ежедневно работать и бороздить дорожки этого самого ранчо? Одни и те же дорожки. Пять лет. Каждый день.

Когда в дверь постучали, я даже не услышала. Вынырнуть из темной пучины размышлений удалось только, когда входная дверь распахнулась. Быстро стянув с головы подушку, я наспех пригладила волосы и уставилась на вошедшего. Точнее — вошедшую. Ей оказалась едва уместающаяся в проем женщина в темном платье и белом переднике. В руках у нее было кухонное полотенце. Вместе с женщиной в комнату вплыл изумительный аромат сдобы и ванили.

— Эй, как тебя там... Долго я на кухне ждать буду? — Проворчала она и вышла в коридор.

Не спрашивая повторного приглашения (за таким запахом можно было, не задумываясь, забраться на собственную виселицу) я соскользнула с кровати и выбежала из комнаты, боясь потерять гостью из вида.

Табита. Именно так звали королеву кухни. Она была невысокой, равно как и не низкой, очень полной и совершенно темнокожей. С жесткими черными волосами, стянутыми на затылке узлом и пухлыми губами. Ее кожа, цвета пережженного пергамента, едва заметно поблескивала на лбу и щеках — сильный жар поднимался от плиты, на которой равномерно шумел, наполовину заполненный водой, металлический чайник.

На столе передо мной уже стояла чашка с супом, хлеб и сыр. Зачерпнув первую ложку бульона, я едва заметно поморщилась от боли в челюсти.

— Кто это тебя так? — Спросила Табита.

— Грег.

Теперь поморщилась она.

— Руки бы ему вырвать, старому козлу. Чего хотел-то?

— Я яблоко взяла с кухни. Сказал, что я ворую.

Табита покачала головой, но ничего не сказала. Медленно тяжело поднялась со стула, чтобы снять с плиты чайник.

Она не была разговорчивой, как я уже успела заметить. Все больше молчала, сохраняя серьезное,

будто чуть укоризненное выражение лица. Однако в ее черных глазах иногда проглядывало любопытство и даже сочувствие.

Кухня, на которой мы находились сейчас, была не тем огромным помещением, что я видела часом раньше, а небольшой комнатой, оклеенной желтоватыми обоями, и, вероятно, использовалась для перекусов прислуги. Здесь даже попытались создать некоторое ощущение домашнего уюта. Стол покрывала разноцветная скатерть, в углу тихо гудел холодильник, откуда-то из угла доносилось тиканье настенных часов.

Мне отчего-то хотелось поговорить с Табитой. Неважно о чем. Я мысленно тянулась к чернокожей женщине, как потерявшийся звереныш тянется к теплому куску меха, представляя в нем мать.

Одиночество наложило на меня тяжелый отпечаток. С самого первого дня в Тали мне не с кем было поделиться ни настоящим, ни прошлым, ни просто настроением. Вообще ничем. Не кому было рассказать о сомнениях, переживаниях, мыслях, планах.... Янка особенного доверия не вызывала, Роберту вообще никто не был нужен кроме железок и проводков, а больше я никого не знала. Теперь же, уставшая и измотанная от жизни в тридцать третьей зоне, я отчаянно жаждала общения.

Настоящего, людского. С советами, поддержкой, шутками и хотя бы капелькой любви.

Незаметно вздохнув, я зачерпнула очередную ложку супа.

— Вкусно. — Сказала я апатично. На выдавливание улыбки меня уже не хватило. На эмоции тоже.

Табита лишь коротко взглянула на меня, занятая завариванием чая.

— Пей.

Она протянула мне фарфоровую кружку, в которой на поверхности плавали разбухшие чайные листики. Я подула на кипяток.

Табита сидела напротив, помешивая ложкой заварку. Голова опущена, крупные темные руки сложены на столе. Я вдруг подумала, что она напоминает мать-героиню, пережившую долгие ночи в окопах, отдавшую лучшие годы на врачевание бойцов, так и не дождавшуюся домой собственных детей. Что-то было в ее лице, что-то такое, что заставляло ждать каждого ее редкого слова, с внимание относиться к каждому мимолетному жесту или взгляду.

В противовес этому в памяти тут же всплыла мысль, что по законам жанра кухарка (а именно ей Табита и была) должна быть улыбающейся пухлой хохотушкой, вечно гоняющей полотенцем конюхов-воришек и притворно ворчащей на всех и вся. Однако, кроме избыточного веса, остальных качеств в сидящей напротив женщине, не было и в помине. Она казалась высеченной из камня. Но камня, в центре которого, билось большое живое сердце.

— Тут не просто живется. — Вдруг подняла на меня черные глаза Табита. — Но ты не сдавайся.

Хозяин он такой, когда справедливый, а когда и нет. От Грега вообще держись подальше.

Я кивнула, удивленная откровенностью.

— Ладно, спать пора. — Она отодвинула чашку. — Когда закончишь, поставь посуду в раковину, я утром помою. Свет выключается за холодильником, будешь уходить, возьми с собой вот это.

На столе появился мятый полиэтиленовый пакетик. Она придвинула его в мою сторону и поднялась со стула.

— Спина ноет, каждый вечер разминаю, а все равно ноет. — Раздалось ее бурчание уже на пути к двери. — Все, ушла я.

— Спокойной ночи! — Запоздало отозвалась я вдогонку, поглядывая на пакет. Как только шаги

стихли, я осторожно развернула его и почувствовала, как посреди темного облака, что накрыло сердце пеленой тоски, пробился тоненький лучик света. Не замечая, что слабо улыбаюсь, я смотрела на маленькую плитку шоколада, на обертке которой гарцевал, вздыбив гриву, маленький нарисованный конь.

— Спасибо. — Прошептала я в пустоту кухни. Ответом мне было размеренное тиканье часов. Старенькая деревянная дверь, тихо поскрипывала на износившихся от дождей и ветров, проржавевших петлях. Блекло проступали из темноты сероватые очертания стоек двухъярусных кроватей, которых в комнате было не менее десяти, а то и пятнадцати. Несмотря на то, что каждая уже была расстелена и приготовлена ко сну, их обладательницы, казалось, вовсе не спешили свидеться с Морфеем, а столпившись тесным кружком, сидели напротив одной — новенькой, которая в этот самый момент трагично молчала. Светильники погасили еще час назад, и даже смолянистый чадающий запах копоти уже успел выветриться через оставленные на ночь, спасающие от духоты, тонкие оконные щели.

— И что было дальше? — Раздался в тишине комнаты любопытный женский голос.

— А дальше.... — Не сразу, после эффектной паузы, прозвучал срывающийся, переполненный притворной печалью Янкин голос. — Дальше она нас всех предала. И меня, и Роберта. Я-то хоть жива осталась, а вот он...

Плечи рассказчицы задрожали от всхлипов. По комнате, сложившийся в хор сразу из нескольких голосов, пролетел возмущенный вздох. Чтобы никто не увидел ее сухих щек, Янка прикрыла едва различимое в темноте лицо руками. Она чувствовала, как кто-то ласково тербит ее плечо, поглаживает спину, призывая успокоиться.

— Не плачь, девочка. — Это была сидящая рядом немолодая женщина, с темными волосами, затянутыми косынкой. — Всякие люди встречаются, на каждого слез не хватит....

— А я ведь.... — Полностью перевоплотившись в «жертву», Янка злорадно упивалась произведенным эффектом, — ...я ведь работу ей помогла найти. Устроила. А она вон как!

И ударившись в несуществующие слезы, Янка снова затряслась от лже-рыданий.

Здесь, в далеком, стоящем на окраине бараке, среди сборщиц ягод, сплетен не водилось. Так уж повелось. Тот, кто упивался интригами и ковал за спинами ядовитую ограду из слухов и лживых пересказов, недолго держался в коллективе, а быстро оказывался за пределами дружного круга, покинутый и оплеванный. Поэтому никто не решил ставить под сомнения сказанное. Лишь только укоризненно качались головы. Светлые, темные, седые. Всем было жаль новенькую. Да и как не жалеть, если судьба и так не сложилась, а новая дружба, такая ценная и хрупкая поначалу, не успев окрепнуть, обратилась предательством.

— Ты иди, подыши воздухом. — Ласково подтолкнула соседка в косынке. — Оно и легче станет. А нам спать пора, завтра вставать ни свет ни заря. Накажет судьба твою Шерин, не переживай....

Головы закивали. Зашуршали по деревянному полу барака подошвы, женщины стали расходиться. Выскочив за дверь, на залитый бледным лунным светом двор, Янка прижалась к шершавой стене дома, кутаясь от холода в тонкую хлопковую майку. Молчали, ожидая хоть легкого порыва ветерка, низкорослые кусты, затихли и гомонившие до этого сверчки.

Янка посмотрела на луну и улыбнулась.

Вот и пусть эти простачки верят всему подряд. Кто знает, может, оно на руку выйдет? Как вообще

сумела эта стервочка заполучить теплое место в белом особняке, у хозяина под боком, в то время как она — Янка — должна горбатиться в три погибели на ягодных посадках? Поди, не холодно ей там спать в отдельной комнате. Небось, и ванная у нее там есть, и кондиционер, а то и камин с чугунной решеткой. Ну, ничего — придет время поменяться местами, и тогда уже не Шерин, а Янка будет спать в теплой постели, заниматься чем-нибудь не особенно обременительным по дому и соблазнять хозяина.

Представив, как сам Халк кормит ее нежным паштетом с ложечки, Янка даже перестала мерзнуть. Кухня в занавесках с оборочками, хрусталь и серебряные ложечки на скатерти. Вечера на кожаном диване в его кабинете, поездки в город за обновками.... Вот-вот! Здесь, с Халком, ей будет куда лучше, чем с примитивным Роджером. А после первой ночи и способ уговорить повысить зарплату найдется. Конечно, найдется. Никто еще не устоял против разведенных женских ножек.

Когда на дороге раздались шаги и мужские голоса, Янка встрепенулась, вынырнув из сладких мечтаний на поверхность, и застыла, вглядываясь в темноту. Кого еще черт....

Спустя минуту ей в лицо ударил слепящий луч фонарика.

— Ты кто такая? Почему не в бараке? — Раздался грубый голос. Подошедших, по всей видимости, было трое.

Сообразив, что это охранники, обходящие территорию, Янка чуть успокоилась. Значит, не мужики с плантации, которые по рассказам нет-нет, да наведаются в барак, чтобы попытать удачу с одной из местных красоток.

— Я просто на улицу выбежала. По нужде.

— Вот то-то я и смотрю в одной майке только стоишь.

Янка не видела, но чувствовала, как по голым ногам скользят липкие похотливые взгляды.

Ощупывают, облизывают, мечтают задрать повыше подол и без того короткой майки.

— Ты давай, на улицу больше не высывайся. Нечего мужиков голым задом дразнить.

— Так я же... это.... Я не специально. Кто же знал, что вы появитесь?

— А мы каждый день появляемся, так завтра уже будем считать, что ты специально закон нарушаешь.

Мужики загоготали.

Янка, обутая в легкие тапочки, неловко переминалась с ноги на ногу. Луч фонаря ушел в сторону, высветив профиль одного из охранников — высокого, широкоплечего мужчину с дубиной у пояса.

Двое других оставались в тени. Когда центральный достал сигарету и прикурил, Янка успела заменить тонкие губы, хмурый взгляд, широкие ладони и короткие волосы. А еще длинный шрам через всю щеку. Для обычного охранника, он держался слишком уверенно, даже надменно.

Содрогаясь от холода, Янка продолжала всматриваться в жесткое лицо. И тут ее осенило. А не тот ли это?.... Не начальник ли стражи по имени Грег, о котором частенько упоминали женщины из барака? Ну, конечно! Кто еще мог держаться с таким превосходством над остальными? Да и шрамом не каждое лицо изуродовано, тем более таким....

К дрожи от холода прибавилась еще одна — нервная. А ведь это шанс! Если только удастся привлечь его внимание, то, возможно, дорожка в особняк Халка проторится сама собой. Вот только как бы все получше обставить?

— Каждый день, значит, ходите? — Промурлыкала Янка с легкой улыбочкой. — Тогда завтра вас с

чаем и тортиком ждать у ворот буду.

В темноте раздалось фырканье.

— Ишь, какая наглая....

Но заинтересованный взгляд все-таки был ей наградой. Она опять его скорее ощутила, нежели увидела.

— Иди, давай, в барак. Нечего снаружи торчать.

Сообразив, что время первого диалога истекло, Янка решила не искушать судьбу, поэтому просто развернулась и, изо всех сил качая бедрами, растворилась в дверном проеме. Когда голоса и шаги во дворе стихли, она все еще стояла, привалившись к шершавой стене, глядя в непроницаемо черный потолок. Темнота надежно укрыла от посторонних взоров лихорадочный блеск ее глаз и блуждающую на губах глуповатую елейную улыбку.

Следующие три дня я запомнила смутно. Работа занимала все свободное время: вставали здесь с зарей, а ложились уже затемно. От перечня поручений рябило в глазах: я была то на кухне, то во дворе, то в особняке, то в подсобном помещении. Ничто не занимало мою голову полностью, она была наполнена пустотой и апатией, осознание рабского заточения убивало всякое желание даже легонько трепыхаться. К этому моменту я уже окончательно осознала, что не увижу мне в скором времени ни Алекса, ни Линду, ни кого-либо другого из друзей, что я останусь на ранчо надолго, возможно, навсегда. Я поняла, что не стоит даже рождать пустую надежду на чье-то понимание или поддержку. Как когда-то сказала Янка — в Тали каждый сам за себя. Так оно и было.

Иногда я разговаривала на кухне с Табитой, когда у той находилась свободная минутка. От нее же я получила в распоряжение два полотенца, кусок мыла, чистую застиранную майку бежевого цвета и две пары нижнего белья. Думать, кому они принадлежали раньше, не хотелось, но и выбора, носить или брезговать, как такового не было. Все, что когда-то мне досталось вместе с сумкой от Корпорации, осталось в комнате на третьем этаже на Бэль-Оук авеню. Никто не позаботился привезти все это на ранчо.

Табита же указала мне путь к душевой, что располагалась в подсобке, недалеко от моего крыла, и теперь, каждый вечер перед сном я хотя бы имела возможность смыть соляную корку пота, которая образовывалась на коже с самого утра, стоило беспощадному солнцу Тали подняться над горизонтом. Запасных штанов у меня не было, а те, что подвергались ежедневной носке, от толстой корки грязи едва сгибались в коленях. Кроссовки тоже быстро приходили в негодность. Однако мне было все равно.

Меня больше ничего не интересовало. Ни одежда, которая была надета на меня снаружи, ни то, что осталось внутри.

Я не смотрела в лица проходящих людей, не слушала их разговоры. Руки делали свою работу автоматически, а основные силы уходили на то, чтобы охранять голову от мыслей. Мне казалось, что я едва удерживаюсь на грани отчаяния, и стоит только начать жалеть себя, как я тут же соскользну в пропасть. И уже насовсем. Простым и надежным казалось только пребывание в безэмоциональной пустоте.

Все, что когда-то было таким естественным, будто старая фотография, забытая на чердаке, покрылось пылью и выцвело. Кафе «Лориан», что стояло напротив моего дома в Клэндон-Сити, послеобеденные чаепития с девчонками-продавцами в магазине (Линда никогда не забывала купить

шоколадное печенье), вечерние просмотры теленовостей, привычное тиканье часов на камине. Смех Алекса и вовсе теперь звучал отдаленно, будто доносясь из растаявшего утреннего сна, а его улыбка полностью стерлась из памяти, словно кто-то злой и бездушный нечаянно смахнул ее мокрой губкой, приняв за горстку пыли.

Не было больше ни шопингов, ни мечтаний о собственной машине, филиале второго магазине или хотя бы чашке мороженого на ночь. Вместо этого был желто-красный жаркий пейзаж, дрожащий раскаленный воздух, выкрики охранников и иногда жалобные стоны рабочих.

Я приходила в комнату, когда на темном покрывале неба уже сверкали крохотные звезды, развешивала выстиранную одежду на единственном стоящем в углу комнаты столе, скручивала спутанные волосы в косу и ложилась в постель. Отворачивалась к стене, прижималась лбом к холодной штукатурке и слушала редкие шаги в коридоре. Когда не удавалось избавиться от назойливых мыслей и подступающих слез, я принималась дергать себя за жесткие от хозяйственного мыла локоны или теревить тощую подушку, в надежде хоть как-то отвлечься. Зачастую я просыпалась с полной охапкой перьев, зажатых в ладони. В скором времени это грозило закончиться тем, что я останусь без всякой подушки, но поделаться с собой ничего не получалось.

Хуже всего было то, что я никак не могла найти положительных или хоть сколько-нибудь утешительных моментов в своем нынешнем положении. Пребывание и передвижение по территории ранчо лишь усугубляло депрессию: особенно плохо на моем настроении сказывались засевшие в памяти отрешенные лица работников, будто клейменных тяжелой печатью. Я все понимала.

Понимала, что они осужденные, каждый за разное — кто-то убивал, кто-то грабил. Однако Тали имел странную особенность уравнивать тяжесть проступков, скрепляя людские души стальной цепочкой общего горя. Иллюзия свободной жизни, путешествия за пределами крохотной тюремной камеры не поддерживала бодрость духа, а наоборот, коррозией разъедала продолжающееся надеяться сознание. У каждого прибывшего сюда у кого-то раньше, у кого-то позже, наступал момент прозрения — обещанный «Большой Город» с возможностью искупить совершенную ошибку собственным трудом на деле оборачивался покрытой ржавчиной железной ловушкой, которая навсегда заглатывала попавшую в ее пасть неосторожную ногу. Если сидя на скамье подсудимых тридцать третья зона выглядела сочным праздничным тортом, то при ближайшем рассмотрении оказывалась засиженным мухами, засохшим, потрескавшимся пыльным пирожным, которое и бродячий кот не отважился бы попробовать. А после «прозрения» не у многих хватало сил продолжать надеяться на хороший исход. Многие срывались. Били окружающее или окружающих, резали себя, съезжали далеко в минус по баллам и исчезали где-то в небытие, о котором ни друзья, ни знакомые ничего не могли сказать. У кого-то хватало терпения на годы. Кто-то предпочитал такой жизни смерть уже через пару месяцев.

Именно поэтому я больше не смотрела на лица. Я не могла помочь себе, и я не видела пути, как помочь другим. Подобная ситуация полностью лишала мою жизнь той искры, которая бы теплила какие-либо надежды или давала утешительный настрой.

Я приходила в пустую комнату с единственной кроватью вечером и уходила оттуда же утром, чтобы прожить еще один день, завершить замкнутый круг.

Как ни странно, но в одном мне везло. Я не видела ни Грега, ни тех ребят, что встретились мне тем вечером возле кухни. Грег был единственным, кого я зорко высматривала в округе. Внутреннее чутье

подсказывало, что добром наша встреча не обернется.

Да и Халка за все это время я видела лишь однажды, издалека, и, признаться, совершенно по нему не скучала. Не мог нормальный человек хотеть жить здесь, видеть, как мучают (пусть повинных, но все-таки) людей по его же собственным приказам, после чего спокойно отправляться в клуб, чтобы скоротать вечерок в компании себе подобных. И пусть он оказался чуть более проницательным, чем мне бы хотелось, и даже чуть более справедливым, чем по всем предположениям должен был быть — однако я не собиралась на его счет заблуждаться. Халк — рабовладелец. И пусть зовется благозвучным словом «оунер» — это совершенно не меняет суть его черной души.

Отдельного упоминания заслуживала последняя встреча с Янкой, произошедшая в общественной столовой накануне, куда мне, наконец, показали путь. Встреча эта оставила глубокий и неприятный отпечаток в памяти, всякий раз заставляя меня чувствовать привкус мути, поднятый со дна застоявшегося болота, стоило вспомнить о том случае.

Приземистое одноэтажное здание общепита располагалось в отдалении от белокаменного особняка, скрытое высокими растительными посадками. К нему вела протоптанная многими подошвами работников ранчо широкая тропинка. Впервые оказавшись внутри, я поразилась количеству грязных потных тел, стоящих в очереди к окошку раздачи, где каждому на руки выдавался пластиковый поднос с миской супа или каши и парой кусков черного хлеба в придачу. Из питья здесь давали чай, а иногда бледно-желтый, пахнущий лежалыми сухофруктами компот, едва отдающий сладковатым привкусом. Стоя в очереди за чьей-то спиной, одетой в мятую красную майку, я медленно обводила взглядом помещение, когда вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный тяжелый взгляд.

Обернувшись, я увидела позади незнакомую женщину, в глазах которой плескалась укоризна. Удивившись, но не найдя за собой никакой вины, я отвернулась, продолжая созерцать красную майку. Но стоило мне получить поднос и пойти к одному из грязных столиков, как я поймала на себе еще несколько подобных взглядом от незнакомых людей. В основном, женщин. Кто-то смотрел с неприязнью, кто-то с агрессивным вызовом, кто-то качал головой. Мне стало неприятно. И противно. Охватило чувство, будто добрые монахини взяли меня — бродяжку — с улицы в монастырь, а я тут же исписала стены святыни пахабными словами. Или наделала кучу на рабочий стол главного священника. Я пробовала вспомнить, не переходила ли я кому-то дорогу, не вступала ли в стычки, но память была спокойна, словно гладь озера в безветренную погоду. Ничего не приходило на ум.

Едва лишь дожевав черствый хлеб, я отнесла поднос с остатками еды в угол, где на широком столе у стены уже лежала груда таких же, и отправилась к выходу. С Янкой я столкнулась у самых дверей. Она была одета в белую длинную майку и широкие даже для ее пышной фигуры штаны. Когда наши взгляды встретились, я уловила волну такой неподдельной злобы, что едва не отшатнулась. Какая-то дама, тут же потянула ее за рукав и громко прошептала «Это она?» Янка кивнула. И в глазах ее спутницы тут же появилось то же самое, уже знакомое мне выражение отвращения, будто я была не человеком, а корзиной с мусором, над которой кружали зеленые мухи. Отойдя от шока, я на деревянных ногах прошла мимо этой пары и выскочила на улицу.

Шок, испытанный мной в столовой, все еще стелился следом даже тогда, когда моя голова уже прижималась к прохладной штукатурке стены, а рука привычно мяла колючие перья тощей подушки. Мне так и не удалось определить, чем было вызвано подобное отношение в столовой, но сон в эту ночь не шел долго.

Через несколько дней к моим обязанностям прибавилась еще одна — новая. Табита как раз закончила наполнять большую алюминиевую бочку, стоящую возле плиты, свежесваренной похлебкой из огромного булькающего котла. Добавив последний черпак, она взмахом руки подозвала двух мужчин, которые погрузили горячий жбан на деревянную тележку с прикрепленной спереди длинной ручкой. Тележку вывезли с кухни на подъездную дорожку и оставили стоять на прогретых за день камнях.

— Она, конечно, не легкая, но и ты не торопись. Мужики с каменоломни не обедают в общей столовой, им там далеко ходить, поэтому еду надо возить им.

Мы стояли у входа в кухню. Табита вытирала руки о передник, солнце, пробивающееся сквозь кроны дубов, добавляло бликов на ее темную, чуть блестящую от пота, кожу на лбу.

— Хлеба тоже положили, он в мешке. Тарелки и ложки у них там есть. Куда идти запомнила?

Я кивнула.

— Хорошо. — Она ласково посмотрела на меня. — Когда вернешься, зайди на кухню. Я сегодня пирог испеку ягодный, оставлю для тебя кусок.

Я благодарно улыбнулась. Улыбка эта отразилась в черных глазах Табиты, будто в темноте на мгновение вспыхнуло и погасло несколько золотистых звездочек.

— Шагай.

— Спасибо тебе.

Я подняла с земли деревянную ручку и, потянув ее за собой, зашагала по каменной аллее. Тележка, поскрипывая колесами, нехотя и тяжело покатила следом.

До каменоломни оказалось далеко. Кроссовки мои поднимали сухую пыль, плечи ныли от напряжения, но я исправно тянула телегу, перекидывая твердую ручку из одной ладони в другую.

Солнце едва начинало клониться к закату, день, как ни странно, выдался не особенно жарким.

Слабый ветерок тербил стебли растущих вдоль дороги злаков, разнося в воздухе пряный, чуть терпкий аромат соцветий.

Неплотно прижатая крышка позвякивала всякий раз, когда деревянные колеса сползали с очередной кочки или проваливались на неровностях дороги, мешок с хлебом то и дело норовил сползти набок и затеряться где-то на обочине. Устав поправлять его, я, в конце концов, замотала холщевую горловину вокруг одной из досок.

Когда вдали, наконец, показался каменистый карьер, руки уже ломило от усталости, а ноги спотыкались на ровном месте. Радовало только то, что назад я поеду «пустая». Разглядев впереди приземистый деревянный дом, я направилась в его сторону. Дом был старым, вытянутым по периметру, с просевшей крышей. Стоявший вокруг него забор тоже изрядно пострадал от погоды и времени. Длинные брусья уже не крепились к столбикам, как это было когда-то, а лежали на земле, похожие на обгрызенные школьниками карандаши.

Заметив мое приближение, у дома начали собираться мужчины. Кто-то, бросив кирку, шел со стороны каменистого отрога, кто-то, оставив тачанку, наполненную булыжниками, почти бежал по тропинке к дому. Некоторые выходили из здания. Пока до дома было еще далеко, и фигурки людей казались крошечными, но через пару минут они грозили стать вполне реальными большими мужчинами. Мужичинами, которых я никогда в жизни не видела. И кто знает, чего можно ждать от каторжников, да еще в таком изолированном от прочих месте?

Я занервничала. Охранников поблизости не было видно. Что ж, оставалось надеяться, что меня примут радушно исключительно, как извозчика тележки, а не как особу женского пола, к которой стоит проявить повышенное внимание.

Но страхи оказались напрасны. И пусть лица окружающие меня были угрюмы и неприветливы, однако, манерам каменоломов могли позавидовать даже завсегдатаи «Поло-Гранд». Как только тележка оказалась на подъездной дорожке, ее тут же перехватили двое рабочих. Жестикулируя и переговариваясь, докатили до стола, взгромодили на широкую скамью и осторожно отошли в сторону.

Я потеряла уставшие ладони и огляделась по сторонам. Судя по опустевшим равнинам, все собрались здесь. Держа в руках по железной миске, мужчины столпились вокруг стола, ожидая раздачи, опасливо и хмуро поглядывая на меня.

Я набрала в грудь побольше воздуха, откинула алюминиевую крышку чана, взяла лежащую на столе сильно оцарапанную (будто после многократной чистки песком) поварешку и протянула руку за первой миской. Раздача началась.

Сидя в дальнем углу стола, я наблюдала, как они едят. Эти грязные отошавшие люди в лохмотьях. И хотя им никто не запрещал разговаривать, почти все молчали, лишь изредка перекидываясь словом-двумя. Ели жадно, быстро, прихлебывая и выпивая бульон прямо из чашки. Хлеб рвался пальцами и тут же запихивался в рот, чтобы быть проглоченным без какого-то ни было пережевывания.

Усилившийся ветер колыхал грязные, прилипшие к пыльным лбам волосы и завывал где-то в ущельях. Ни единого звука, кроме бряцающих о миски ложек, редкого пошвыркивания носом или глухого болезненного кашля ни разносилось над равниной. Здесь, у подножия гор, где заканчивалась плодородная почва, все казалось суровым и неприветливым. Трава делалась чахлой и едва пробивалась через каменистый наст, а та, что все-таки пробивалась, была серовато-бурой и сухой. Иногда только звук перекатывающихся камешков разбивал тишину и тоскливое, будто печально-просящее о чем-то несбыточном, завывание ветра. Лица сидящих неуловимо сливались с приглушенным пейзажем, словно две картинки — камней и людей — вросли одна в другую, сделавшись единым целым блеклым безрадостным полотном.

Мне уже пора было уходить — суп съеден, хлеб роздан, а я все никак не могла заставить себя подняться с места. Все смотрела, как они вылизывают последние капли со дна чашек, как подбирают упавшие на стол крошки, как жадно скользят взглядом по тарелкам соседей, кто еще не успел долакать, долизать, выскрести языком посудину до блеска.

Ком уже прочно встал в моем горле, я впитывала увиденное, словно ядовитую кислоту, что выедала изнутри.

Почему же, Табита? Ну, почему ты не положила побольше в этот бак, ведь оставалось еще место? Почему не добавила пару буханок хлеба в мешок? Как этим трудягам, кто от восхода до зари машут кирками и возят телеги, быть сытыми с единственной чашки тощего бульона? Кто-нибудь видел, как они работают и как едят? Кто-нибудь думает здесь вообще в людях?

Бесшумно всхлипнув, я, незамеченная, поднялась и побрела к тележке. Взялась за деревянную ручку и потянула за собой. На этот раз — пустая — она пошла легко, шурша от поскрипывания набившегося в колеса песка. Где-то за спиной я слышала, как принялись убирать со стола. В завывание ветра вплелись редкие голоса и позвякивание посуды. Тряхнув головой, чтобы стереть из

памяти вид стертых в кровь ладоней, держащих покрытые ржавчиной ложки, я перекинула деревянную ручку из одной руки в другую и быстрее зашагала назад.

Ночью я долго размышляла над тем, что увидела днем. Перестирала одежду, я долго сидела у окна, глядя на звезды, мечтая получить ключ от двери, ведущей на крыльцо, чтобы коротать вечера на свежем воздухе. И чем дольше я размышляла, тем четче в моей голове созрел план. Главное, чтобы за мной оставили обязанность катать эту телегу до каменоломни и обратно. И пусть путь туда был не из легких, я бы все отдала, лишь бы иметь возможность наведываться туда хотя бы раз в день. Я продолжала мысленно прокручивать детали и варианты, а ладони чесались от радостного предвкушения.

Одна часть моего плана осуществлялась довольно легко, а вот вторая....

Мне нужны были медикаменты. И пластыри. Если не удастся заполучить лекарства, то что-нибудь для подлатывания их ладоней я должна была добыть обязательно. Где находится изолятор, я знала. Осталось придумать, как попасть туда снова и припрятать все, что требуется, перехитрив наблюдательного врача.

Медленно жуя сладкий ягодный пирог, что припасла для меня Табита, я никак не могла избавиться от чувства горечи, стоило вспомнить голодные хмурые лица. Однако теперь в моей жизни появилось то, чего так не хватало все эти дни — идеи, искры для жизни, смысла, наконец. Вместо того чтобы горевать о себе, не видя впереди ничего, кроме хмурого горизонта, я могла подумать о ком-то другом, сделать чью-то жизнь немного легче. И не беда, что для этого придется рискнуть. Риск лишь добавит разнообразия в серые будни, против чего и никак не возражала.

Дожевывая пирог, я свернула маслянистую, усыпанную крошками обертку в тугий шарик и закинула в маленькое пластиковое ведро у стола. Судя по звуку — попала точно в цель (в темноте ничего видно не было). После чего, впервые за долгое время, чувствуя умиротворение, уснула, не переживая за сохранность тощей подушки.

Глава 6

На следующий день я стояла у плиты, едва не подпрыгивая от нетерпения, ожидая, пока Табита закончит наливать суп в жбан. Как только она залила последний черпак и вышла за дверь, чтобы принести хлеб из кладовой, я быстро огляделась, убедившись, что в кухне никого и тут же схватила половник, оставленный ей в пустом чане из-под супа. Подлетев к другому котлу, в котором булькала такая же свежесваренная похлебка, предназначенная для кого-то еще, я, скрипя зубами от усердия, подтащила горячий алюминиевый жбан поближе, откинула крышку и принялась быстро доливать туда суп. Оказалось, что места в жбане хватило на еще десяток черпаков, что по моим расчетам выходило примерно на полтарелки дополнительной похлебки для каждого рабочего каменоломни. Радуюсь своей удаче (не так часто кухня оставалась пустой), я быстро перекинула черпак в пустой котел, где он покоился до этого, завинтила горловину бака и подпихнула его назад, на прежнее место. Спустя каких-то полминуты, в кухню вошла Табита, неся мешок с хлебом.

Изо всех сил надеясь, что она не заметит изменившееся количества супа в котле на плите, я придала своему лицу рассеянное спокойное выражение, сделав вид, что любуюсь через окно лужайкой. Мне ни в коем случае не хотелось портить отношения с кухаркой, а я понимала, что проделка может стоить мне не только баллов, но и ценной дружбы, но все же я не могла заставить себя бездействовать.

Как только телега была выкачена во двор, я, сохраняя все тот же отрешенный вид, спокойно покатила ее по дорожке, ведущей за угол дома, но как только кухня скрылась позади, изо всех ног бросилась к боковой аллее и спрятала телегу в кустах. Затем вприпрыжку подбежала к одной из дверей особняка, что располагалась ближе всех к кладовой, юркнула в темный проем и на мгновение затихла, прислушиваясь. В коридоре никого не было. Сдерживая шумное дыхание, я осторожно пробиралась вдоль стены к уходящей вниз лестнице. На мою удачу, кладовую никто не запер на ключ. Один из моих самых скверных страхов не оправдался. Захлопнув за собой дверь чулана, я нащупала на стене выключатель: тусклый свет тут же залил приземистое широкое помещение с кучей полок и стоящих на полу мешков.

Потратив какое-то время, я отыскала хлеб и завернула две дополнительные булки в грубую ткань, что нашла здесь же, затем, уже готовая сорваться обратно, вдруг остановилась, заметив множество лежащих друг на друге круглых оранжевых голов сыра. Не удержавшись, я замотала одну из них в ту же ткань, куда до этого упрятала хлеб, закинула все это подмышку и бросилась обратно к выключателю.

На этот раз в коридоре были слышны шаги. Несколько человек, возможно, младшие повара, прошли мимо, обсуждая проделку какого-то бедолаги Чарли, который накануне перепутал приправы, заменив орегано черным перцем, отчего стража едва не до вечера преследовала горе-повара, страдая от изжоги. Слушая глухие удары сердца, я дожидалась, когда же они, наконец, скроются из вида. Спустись сейчас в чулан кто-нибудь из прислуги, и не миновать мне встречи с Грегом, и с Халком, а то и с самим Господом Богом.

Но в этот день мне определенно везло.

Спрятанную в кустах телегу до моего возвращения никто не заметил, и я, пользуясь моментом, развязала заплетающимися от нервозности пальцами мешок и переложила в него найденную добычу. Как только узел был снова завязан, а хлеб водружен на место, я взялась за деревянную ручку и, как ни в чем не бывало, вывернула с боковой тропинки на широкую каменную аллею, окружавшую особняк.

Даже через пятнадцать минут, когда дорога уже вилась среди полей, превратившись из каменистой в пыльную, а меня надежно скрывали от посторонних глаз листья кукурузы, я все еще ощущала, как быстро и неравномерно колотится мое сердце, а ватные ноги едва не подгибаются от волнения. Наверное, мне стоило бы задаться вопросом, что я делаю? А, главное, зачем? Но, как ни странно, все это меня не беспокоило. Я знала, что делала. Знала, что сегодня работяги наедятся. Пусть не от пуза, но и не останутся полуголодными, как это случалось в другие дни. Одно лишь предвкушение их удивленных лиц при виде сыра, заставляло меня катить телегу с такой скоростью, будто на ней вместо тяжеленного горячего жбана был привязан ворох разноцветных ленточек, а я, как в детстве, тяну их за собой, надеясь поймать попутный ветер и увидеть, как высоко в небе начинает парить красивый и яркий воздушный змей.

Пот? Да, катил градом. Ладони? Дрожали от перенапряжения.

А я шагала вперед, поднимая облачка пыли, и счастливо улыбалась.

Так продолжалось еще четыре дня.

Еще четыре дня мнечастливилось кормить работников каменоломни дополнительным супом и всем тем, что удавалось незаметно выкрасть из кладовки. Лица их — те, какими они стали при виде

добавки и вытащенного мной в первый день из мешка сыра, навсегда останутся в моей памяти сияющей наградой за риск. За риск пусть и не благородный, но в моем понимании оправданный. Не передать словами то ощущение теплоты, что наполнило меня, когда вместо голодных оборванцев, угрюмо дерущихся за каждую крошку, я увидела почти нормальных мужчин, способных изредка шутить и даже улыбаться. За это я была готова жертвовать и рисковать куда больше, чем приходилось сейчас. Ведь вместе с ними, становилась счастливей и я.

Однако всякой удаче когда-то приходит конец.

Это случилось неожиданно. В тот день я привычно убедилась, что на кухне никого нет, после чего занялась «доливкой» супа в жбан, когда неожиданно почувствовала взгляд в спину. Медленно обернувшись, я увидела в дверном проеме Табиту.

Она стояла молча, держа в руках пустой мешок, куда собиралась положить хлеб и смотрела на меня. Застыв с полным черпаком супа, я, в свою очередь, смотрела на нее. Тяжелый половник оттягивал руку, следовало бы вылить его либо в жбан, либо назад в котел, но я не решалась шевельнуться. Ноги мои неприятно налились свинцом, а по спине потек пот. Мне казалось, что онемело даже лицо. Не зная, что можно было бы сказать в такой ситуации, и было ли хоть что-то, что помогло бы мне оправдаться, я продолжала стоять статуей, мысленно содрогаясь от того, что могло последовать за моим проступком.

«Господи, сделай так, чтобы она поняла. — Молилась я про себя. — Я так не хочу терять единственного друга. У меня ведь здесь никого больше нет.... Пусть она поймет....» Внутренности мои дрожали от страха, будто по ним ударили молотком, а губы тряслись.

Наконец, Табита вышла из ступора и медленно сложила руки на груди. Одновременно и я опустила черпак, оттянувший руку, обратно в котел на плите.

— Ты хоть знаешь, чья эта еда? — Угрожающе спросила Табита.

— Табита, они так мало едят.... — Пролепетала я.

— Ты знаешь....

— Они же там сдохнут, все тощие, едва живые....

— ...чья это еда?

— Целый день кирками машут, да камни таскают, а их так....

Табита лишь грозно сверкнула черными глазами. Не дав ей сказать ни слова, я принялась тараторить так быстро, как только позволяли мои онемевшие губы и заплетающийся от нервов язык.

— Их там как скотину держат, ни воды у них нет, ни еды! Одежда вся дырявая, а ладони в кровь стерты. Как они могут поправляться, если их еще и не кормить?

— Милочка, а ты не забыла, что они преступники?

— Да преступники-преступники! Я понимаю. Но не могу смотреть, как они валятся от усталости уже к обеду. Ведь не будет никакой пользы, если они перемрут, как мухи, а так хоть свои долги отрабатывать могут.

— А у кого ты еду воруеть, ты подумала?

Я жалко замолчала, не зная, что противопоставить такому аргументу. Ведь и сама не раз терзалась мыслью, что кто-то другой по моей милости мог оставаться полуголодным (однако, внутренний голос всякий раз ехидно утешал, что этих ты видишь, а тех нет). Испытывая крайнюю степень отчаяния, я лишь глазами умоляла Табиту понять и простить.

Чернокожая женщина какое-то время смотрела то на меня, то на котел. Вид ее все еще выражал крайнее неодобрение, но теперь к нему примешивалось что-то еще. Она снова взглянула на котел, из которого я таскала суп и уперла грузные руки в бока.

— Вообще-то, милочка, это еда для охранников.

Когда до меня дошел смысл, кого именно я оставляла голодными все это время, я потеряла дар речи, а Табита.... расхохоталась. Теперь она смеялась так громко, что полные плечи ее ходили ходуном, а белый передник трясся и подпрыгивал. Я не знаю, что именно меня поразило больше — то, какая тяжелая гора упала с моих плеч, после ее слов, или то, что она стояла и смеялась, вместо того, чтобы делать мне выговор. Но это было не важно. Я едва не задохнулась от облегчения, когда, наконец, осознала, что она не злится. А, значит, дружба не потеряна. Значит, у меня все еще есть кто-то на ранчо.... Значит, все хорошо....

Табита вытерла слезящиеся глаза холщевым мешком и посмотрела на мою светящуюся надеждой физиономию.

— Ну что застыла? — В привычно грубоватой манере одернула она меня. — Иди за хлебом, а я пока второй бак для тебя найду. Нечего в одном все таскать.

Я бежала в кладовую вприпрыжку. Душа моя пела и ширилась от переполнявших чувств. Табита поняла! Она поняла! И не только не осудила, но и найдет для меня второй жбан. Она меня поддержала! Когда мимо по коридору прошли две работницы, подозрительно хмурясь при виде моего нескрываемого счастья, мне пришлось несколько поумерить пыл. Здесь так не принято все-таки. Еще нажалуются.... Кое-как скомкав довольную улыбку, я перешла на медленный шаг и задышала ровнее. Спокойно, только спокойно. Им ни к чему знать, что твориться.

Едва оказавшись на лестницу ведущей в подвал, я снова радостно рассмеялась. Она поняла! Табита меня поняла!

Теперь передо мной стояла другая задача — новая. Как достать лекарства. Хождения вокруг здания изолятора утешительных результатов не приносили. Хотя дверь не была заперта на замок, вокруг все время шныряли охранники, а внутри неотлучно находился старый ворчливый доктор. Я заглядывала в окна, приюхивалась и присматривалась, словно лиса возле курятника, рассматривала находящиеся у стены шкафчики с медикаментами, но никак не могла найти способа пробраться внутрь.

Выполняя ежедневную рутину, я непрерывно думала, строила варианты, отметала негодные и придумывала новые. Едва лишь закончив с очередным делом, принималась снова околачиваться вокруг, пытаясь отыскать лазейку в заветное помещение. Но время шло, а выводы оставались неутешительными. Взломать замок ночью не представлялось возможным (навыками медвежатника я отродясь не обладала), а днем все никак не удавалось подловить момент, когда и охрана и доктор одновременно оставляли помещение без внимания. Через несколько дней, после тщетных раздумий и сотен отброшенных вариантов, оставалось сделать единственный вывод. Нужно попасть туда по причине болезни. Но какой?

Не то, чтобы я сокрушалась, что ничем не болею (грешно было сетовать по этому поводу), однако мне срочно требовалась производственная травма. Что же делать? Пойти на кухню к Табите и порезать палец? Фу-у-у... Я даже сама скривилась от этой мысли. Скорее всего, Табита получит выговор, что не присматривала за ножами и кухней. Попросить кого-нибудь с каменоломни стукнуть меня киркой? (Ага, голову проломить камнем — гнусно промычал внутренний голос). Тогда мне

больше не представится возможность катать туда телегу с едой. Тоже не годится.

Что же тогда?

Я застыла во внутреннем дворе с метлой в руках, задумчиво глядя на проходящих мимо охранников, пытаюсь поймать за хвост ускользающую мысль. И тут меня осенило. Грег! Мне нужно найти Грега, вот тот точно окажет мне эту медвежью услугу! Быстро дometя двор, я кинула метлу в кладовую и бросилась на его поиски.

«Кто бы мог подумать, что однажды я буду жаждать этой встречи» — Мысленно крикнула я, заворачивая за угол дома, чтобы попасть на дорогу, ведущую к плантациям. Но ведь на ловца всегда найдется проблема, стоит только захотеть.

Он стоял ко мне спиной, наблюдая, как трудятся в поте лица заключенные, собирая тугие початки кукурузы в огромные корзины. Там и здесь мелькали в воздухе хлысты, опускаясь на спины нерадивых рабочих, кто по той или иной позволял себе замешкаться больше, чем на несколько секунд.

— Давай! А ну пшел... — То и дело слышались рыки надзирателей, и воздух снова рассекал свист. Я ненавидела этот звук. Звук свистящего в воздухе хлыста и тот хрип или стон, что неизменно следовал после.

— Сволочи. Ненавижу. — Прошипела я, подбираясь к Грегу.

Почувствовав движение, тот резко обернулся и, увидев меня, потемнел лицом.

«Хорошая реакция. То, что надо»

— Какого черта ты тут делаешь? Ну-ка, давай отсюда!

Я, перепуганная не на шутку, едва не отшатнулась назад, но все же осталась стоять на месте, хотя внутри все предательски дрогнуло. Ну, уж нет, я сюда не за этим пришла, чтобы позорно сбегать. Сначала надо получить причину для попадания в изолятор. Придав себе беззаботный вид, я сунула руки в карманы джинсов и нагло посмотрела на него.

— Ты же можешь здесь стоять. Почему я не могу?

Казалось, он оторопел от подобного ответа.

— Ты что, вообще совесть потеряла? — Только и смог выдавить он после того, как отошел от первоначального шока. — Я сказал, быстро испарилась и занялась своими делами!

— У меня обеденный перерыв. — Обмирая от ужаса, но сохраняя простодушное выражение лица, почти весело отрапортовала я.

Грег сделался темно-бордовым.

— Ой, а откуда у тебя этот уродливый шрам? — Выпалила я, во все глаза таращась на его щеку.

Глаза начальника стражи едва не вылезли из орбит от моей наглости. Тонкогубый рот его беззвучно открывался и закрывался. Я понимала, что переступаю всякую черту, а мосты мои горят, как хвойные иглы в лесном пожаре. Однако Грег, хоть и выглядел, как раненый в гениталии бык, все же продолжал стоять на месте, что меня ни в коей мере не устраивало.

— Выглядит не эстетично. — Покачала я головой, ежесекундно ожидая, что сейчас он кинется на меня и изо всех сил молясь получить какой-нибудь незначительный синяк вместо переломанных костей.

Пальца Грега теперь сжимались и разжимались вокруг рукояти дубины, будто ему очень хотелось погладить ее, но поверхность больно обжигала. Он касался ее и тут же отдергивал руку. Снова

касался и отдергивал.

«Ну, давай же... Что за черт?»

— С-с-с-ука.... — Прошипел он, продолжая бешено таращиться на меня. Корпус его подался вперед, будто готовый придавить и похоронить меня под землей, а вот ноги будто приросли к почве. — Ты у меня получишь....

«Ну, двигайся же! Чего стоишь?» Почти взывала я, зная, что не просто играю с огнем, а подобно безумцу уже распахнула руки над бездной и лечу.

«Он же меня убьет, если двинется! О чем я вообще думала!?»

Но отступать было слишком поздно. И как только он сумел до сих пор сдерживать руки? Едва не пускаясь наутек, я судорожно цеплялась за мысль о лекарствах в изоляторе и о тех беднягах, чьи ладони я смогу залатать. Если выживу.

«Дурацкая это была идея...» — Как всегда задним числом пришла умная мысль.

— Так что не так с твоим шрамом? Красотка? Шальная пуля? Или на зеркало наткнулся, когда брился?

Грег схватился за свернутый в кольцо хлыст, что крепился к поясу, дернул было, чтобы высвободить его, но опять застыл на середине движения. Лишь гневно зарычал, сжимая побелевшие костяшки вокруг рукояти.

— Доберусь я до тебя....

Изнемогая от страха, взмокнув от пота, что лил с меня в три ручья, я уже всю недоумевала, почему он не двигается с места. Что-то здесь было нечисто. Будь это тот самый Грег, что повстречался мне тогда в коридоре, лежать мне уже на земле, умоляя о пощаде, желая скорой и безболезненной смерти, а не стоять в изумлении перед красномордым, но абсолютно недвижимым начальником стражи. Запоздало заметив, что Грег, пускающий от ярости пенные пузыри, то и дело поглядывает мне за спину, я резко обернулась вокруг собственной оси и... приросла к земле.

Сзади, с плотно сжатыми губами, стоял Халк.

«Твою мать....» Только и пронеслось в голове.

— Вон отсюда. — Выплюнул он коротко.

Через секунду меня уже не было возле плантации.

— Какого черта творит эта девка?! — Ревел Грег, выплевывая слюну при каждом слове. Лицо его все еще шло пятнами, а кулаки дрожали от ярости. — Она же намеренно меня дразнит! Ты видел? Нет, ты видел?!

— Видел. — Халк задумчиво пожевал губу, вспоминая выражение лица этой бесшабашной дурочки, когда она обернулась кругом и увидела его. Ведь действительно, весь этот спектакль был придуман с какой-то целью. Но какой? Она явно не ожидала вмешательства, рассчитывая, что Грег кинется на нее (что он и сделал бы, не вмешайся Халк). — Продолжай держать руки при себе, что бы она тебе не говорила. Понял меня?

Грег нечленораздельно промычал что-то и зло сплюнул на землю.

— Я спрашиваю, понял меня?

— Понял-понял. — Нехотя выдавил тот и отвернулся.

— Я побеседую с ней сегодня вечером, после того, как вернусь из города. Нужно забрать кое-что с почты. А до этого момента, чтобы никаких происшествий.

Убедившись, что Грег хоть и молча, но все же воспринял приказ, Халк развернулся и зашагал к дому. Я злилась на все. На себя в первую очередь, на Грега (просто за то, что он родился на свет), на Халка, который вмешался и перепортил все планы (или же спас мою жизнь?) и снова на себя. Какой бы дурацкой ни была идея получить побои от этого громилы, но и она не удалась. Теперь Грег будет не просто зол, а уж обязательно придумает, как мне отомстить. Тайно или явно — тут уже все зависит от его несдержанности и недалекой фантазии.

Я сидела на краю кукурузного поля, глядя, как в небе перемигиваются звезды.

Стебли кукурузы безмолвно стояли в ожидании малейшего порыва ветерка, чтобы начать полночный разговор, но он все не прилетал, и вокруг застыла благодатная, чуть душноватая тишина.

В комнату не хотелось. Все равно не засну, слишком много злости и возбуждения осталось после сегодняшней стычки. И чтобы побыть на свежем воздухе, пришлось крадучись перебираться по теням от кустов и деревьев к полю, где к этому часу никого не оставалось.

Едва светились вдалеке окна деревянного барака, в котором жила та часть охраны, что надзирала за полевыми работниками. Жуя соломинку, я смотрела на льющийся из окон желтоватый свет, и, словно кошка, автоматически прислушиваясь к звукам вокруг.

Ни шагов, ни голосов. Ничего.

Почему Халк не вызвал меня к себе после случившегося днем? Неужели не понял, что все это спектакль. Конечно, понял. Тут и сомнений быть не могло. Но тогда почему? Загадка.... Я вспомнила его хмурое лицо и плотно сжатые губы, которые намертво отпечатались в моей памяти от испытанного шока, стоило мне осознать, кто именно стоит за спиной.

От темного загара серые глаза его казались светлее, делаясь почти серебристыми. Отчего-то сразу всплыла в памяти случай, произошедший в клубе. Тогда я долго смотрела в эти глаза. А потом раздался негромкий пик, и с моего браслета ушли сразу пять баллов.

Гад.

Я обиженно хмыкнула и выплюнула травинку. Даром, что красивый, но все равно гад. Рабовладелец, хозяин фазенды, тоже мне....

Снова разозлившись, я поднялась с земли и зашагала по кромке поля, держась в тени, на случай, если придется быстро юркнуть в укрытие. Хотя, если меня увидит охрана, то мне не сбежать от их фонарей. Тут никакая кукуруза не поможет. И тогда будут мне и побои, и сломанные кости, и отпечатки хлыстов на спине. От последней мысли я вздрогнула. Как наяву послышался вновь в сознании звук рассекаемого воздуха и болезненный стон за ним.

Ночь вокруг оставалась теплой, но по телу прошел неприятный озноб. Будто это на мою спину опустилось веревочное жало, будто мою кожу резанула боль. Не отрывая глаз от барака, я вдруг неожиданно обнаружила себя крадущейся в его сторону. И мне бы задаться вопросом, что же это такое я делаю, но, к превеликому стыду, я прекрасно знала, что именно делаю.

Слабо подивившись собственному решению, я прислушивалась к звуку подошв, почти бесшумно ступающих по земле и голосам, которые начали раздаваться, стоило мне подойти ближе к дому. Судя по интонации говоривших внутри мужчин, все было спокойно, никто не волновался и не ждал беды.

Я злорадно потерла вспотевшие ладони. Вот и сидите тихо внутри. Так вам и надо.

Наверное, в этот момент я была похожа на решившую нашкодить кошку: глаза прищурены, уши-локаторы направлены на вражескую цель, лапы превратились в пуховые подушечки на пружинах.

Лишь бы ни звука....

Уже подобравшись вплотную, я начала немного нервничать, но даже тогда не допустила мысль об отступлении. Ну, уж нет.... Хватит мучить народ.

Где висят хлысты, я заметила несколькими днями раньше. Возвращаясь с поручения этой дорогой уже на закате, я случайно заметила, как охранники свешивали их на прибитые к деревянным жердям крюки, расположенные у боковой стены во внутреннем дворе. Вот и сейчас в лунном свете отчетливо прорисовывались длинные, свисающие жесткими кольцами, словно спящие гадюки, силуэты.

Не дыша и ступая, как можно тише, я осторожно обогнула сброшенные в небрежную кучу у стены поленья и подобралась к крюкам. Теперь можно было отчетливо разобрать голоса — внутри обсуждался только что закончившийся по телевизору спортивный матч. Кто-то просил еще пива, кто-то перепирался о достоинствах команд. Стоило мне протянуть руку к первой веревке, как вдруг протяжно и громко заскрипела входная дверь.

Быстро вжавшись спиной в стену рядом с одним из окон, я оцепенело притаилась в тени. Но снаружи так никто и не появился. Откуда-то с крыльца зашуршала одежда, послышался звук расстегиваемой ширинки, а потом и струи, бьющей в пыльную землю.

Обливаясь потом, я выжидала, пока охранник снова скроется внутри, надеясь, что он не решит прогуляться перед сном, а, справив нужду, тихо и мирно удалиться обратно в покои.

— Эй, Том, тебе пива еще достать? — Раздалось из глубины дома.

— Ага! — Ответил тот, что стоял на крыльце, после чего немного повозился и застегнул ширинку. Я уже было вздохнула с облегчением, но, как ни странно, входная дверь не спешила открываться, чтобы впустить его обратно внутрь. Тот, кто вышел, по-видимому, назад не спешил. Неужели он заметил что-то и теперь прислушивается? Какое-то время было тихо, но я знала, что мужчина продолжает стоять на крыльце.

Какого черта? Свежим воздухом дышит?

И тут вдруг Том сделал то, чего так долго ожидал. Громко и смачно пукнул. Потом еще раз. На этот раз длинно и раскатисто.

Я сморщилась и закатила глаза.

Это вот чего мы так долго ждали в тишине! Ни того, оказывается, что его зоркий глаз выискивает врагов, а тонкое ухо выслушивает незнакомые звуки, а всего-навсего того, что мой чуткий нюх скоро будет бесповоротно уничтожен газоотделением охранника слабоватым на желудок после трех литров пива.

Наконец входная дверь скрипнула и захлопнулась. Том скрылся внутри.

Я медленно выдохнула. Внутри снова заговорили про матч. Ну и идиот!

Отлепившись от стены, я, насколько позволяла темнота, огляделась вокруг и, не заметив ничего подозрительного, быстро принялась стягивать хлысты с жерди. Когда у меня в руках оказался последний, я подкинула всю эту тяжелую кучу в руках, перехватывая поудобней и сорвалась с места. Теперь надо было уносить ноги. Не думая, что буду делать с ними после, я лишь морщилась от омерзения, чувствуя ладонями шершавые плотные веревки, царапавшие кожу. И это такими бедолага на поле били с размаху по спине? Бездушные сволочи!

Перекатываясь, словно уточка, полубегом, полупрыжками, я добралась до заднего двора. Отсюда

было рукой подать до кукурузного поля. За стенами дома голоса разговаривали все так же: в меру возбужденно, в меру спокойно. Значит, моего присутствия никто не заметил. Ликуя от собственной наглости и пыжась от тяжелой поклажи, я уже хотела было нырнуть в стебли, когда увидела оставленный на колоде для колки дров тяжелый топор. Кто-то с силой вогнал его в брус, но нескольких попыток моих трясущихся от напряжения рук оказалось достаточно, чтобы заполнить добычу.

Едва удерживая его в руке, стараясь одновременно не выронить хлысты, я, наконец, ворвалась в стебли, чтобы через тридцать метров оказаться на дороге, проходящей посреди поля и надежно скрытой от посторонних глаз. Вот там-то и придет конец вашим орудиям пыток!

Я едва не запнулась от радости, но, выровнявшись, лишь припустила еще быстрее.

Если бы можно было их утопить, я бы утопила. Но в этой пустыне можно было и не мечтать об озере. А посему увидев топор, я даже не стала искать других вариантов. Сжечь бы их мне тоже не удалось, не было ни спичек, ни горючего, а вот разрубить эти веревки мне было более чем по силам. И я, как никто другой, знала, что новые хлысты появятся в руках охраны очень быстро, возможно даже быстрее, чем через несколько дней. Однако единственной надеждой, которую я продолжала лелеять внутри, оставалась та, что у работников поля будет хотя бы день или два на то, чтобы подлечить и хоть немного залатать израненные спины.

Пропажу хлыстов обнаружили спустя несколько часов (вероятно, когда очередной из охранников вышел помочиться на стену дома и каким-то чудом узрел отсутствие любимого орудия пыток), после чего меня тут же подняли с кровати, где к тому времени я видела, если не десятый, то уж точно второй или третий сон. Едва соображая от усталости, но, уже успев порядком перепугаться (как они так быстро вычислили вора?) я натянула на себя мятую голубую майку и джинсы и проследовала за охранником во двор.

А вот там уже весь мой сон слетел за секунды. Удивленно таращась на залитые ярким светом (от двух закрепленных на стене дома прожекторов) плиты двора, я, часто моргая, осматривала длинную полосу людей, выстроенную в шеренгу, вокруг которой собрались едва ли не все охранники когда-либо виденные мной на ранчо. Неуверенно переминаясь с ноги на ногу и шепча, здесь стояли работники поля, прачки и дворники. В некоторых я узнала даже поваров из столовой. Вот дела.... Значит, вора еще никто не вычислил. Не то чтобы последняя мысль принесла облегчение, но все же позволила вздохнуть чуточку свободнее.

Во главе охранной процессии вдоль сонно-насупленных лиц угрюмо вышагивал сам Грег. Косился и зыркал туда-сюда маленькими глазками, подозрительно всматриваясь то в одно, то в другое лицо, слушал шептавших что-то ему на ухо надсмотрщиков из барака, жевал тонкие губы и снова хмурился.

Меня подтолкнули в шеренгу, и я протиснулась между каким-то, одетым только в старые холщевые штаны мужиком и сжавшейся и будто одеревеневшей от предвкушения беды женщиной с длинным некрасивым лицом.

— Что? Зачем? Почему подняли посреди ночи? — Неслись едва уловимые фразы то от одного, то от другого.

«Зачем-зачем... — Хотелось выплюнуть мне. — Сейчас все и узнаете».

Едва сдерживая дрожь в коленях, я развернулась лицом к прожекторам и, подобно остальным,

замерла в ожидании. К тому времени я не просто догадывалась о причине полуночного собрания — я знала ее. Конечно же.... Пропавшие хлысты. Что еще могло заставить охрану так взбелениться? Однако, даже понимая, что содеянное мной возымеет последствия, я никак не рассчитывала, что инцидент приобретет настолько драматичный оттенок и широкую огласку. Да еще и посреди ночи. Матерь божья...

Ропоток в толпе затух, когда Грег остановился перед выстроенными в ряд людьми и жестом приказал всем умолкнуть. Во дворе стало настолько тихо, что стало слышно доносившееся с поля шуршание колосьев и монотонный скрежет забившихся в подпол особняка сверчков. Чуть поодаль я заметила стоящего и наблюдающего за происходящим Халка. Руки его были сложены на груди, а брови слегка нахмурены. Хотя и лицо и поза его выражали предельное спокойствие, все же что-то подсказывало, что внутри владелец ранчо негодовал. И если Грег на меня не производил особого впечатления, даже будучи на грани гневного безумия, то неосязаемая волна ярости, исходившая в этот момент от Халка, заставила мгновенно прочувствовать, что «сдобровать» этой ночью никому не удастся. Я нервно сглотнула и заставила себя отвести взгляд. Через секунду послышалось первое слово из ненавистного рта начальника стражи.

— Ну что ж, господа хорошие.... Позвольте объяснить для чего мы собрались в этот неурочный час. Все, как один, слушали в напряженном ожидании, нетерпеливые, сонные, злые.

— Кто-то из вас... да-да, из вас, — Грег недобро прищурился и сделал паузу, презрительно оглядывая людей, будто вымазавшихся в дерьме котят, — сегодня вечером украл и испортил двадцать хлыстов....

По толпе прокатился удивленный вздох, но Грег тут же предупреждающе поднял руку.

— Цыц! Я не собираюсь тут торчать всю ночь. Так вот.... Вместо того, чтобы допрашивать каждого и тратить время на такую шваль, нами решено было сделать очень просто....

Он повернулся и посмотрел на Халка. Тот едва заметно кивнул, и Грег продолжил.

— Если к утру никто не придет и не расскажет, чьих рук это дело, то со всех присутствующих будет снято по двадцать баллов.

Мои ладони резко похолодели, а кровь отлила от лица. На этот раз взрыв негодующих голосов почти поглотил речь начальника стражи. Народ бубнил, бунтовал открыто, негодовал и даже ругался. Я судорожно сглотнула и на какой-то момент перестала дышать.

«Что б тебе провалиться!...»

Грег же, не обращая на недовольства ровным счетом никакого внимания, заявил.

— Меня ничего не интересует. Кто-то из вас подумал, что подобный поступок окажется безнаказанным. Кто-то решил, что может вот так запросто сделать пакость и преспокойнейко уйти спать. Мол, пусть ищут, все равно не найдут, ослы в форме. Поди поржал еще, забившись под одеяло. Так вот пусть это послужит всем хорошим уроком на будущее.

Пока я стояла и пыталась переварить услышанное, едва не покачиваясь взад-вперед от страха и заливающего сверху донизу чувства вины, Грег подошел и ткнул дубиной в тощую голую грудь какого-то работяги.

— Вот ты! Может, это был ты?

Мужик отчаянно замотал головой, порываясь что-то промычать, но Грег его перебил.

— Тогда тебе лучше признаться, если ты знаешь, кто это сделал. — Он отошел от мужика и заткнул

обе руки за пояс. — Любому из вас лучше признаться. И сделать это до восьми утра. Потому что ровно в восемь каждый из вас обнаружит на счету цифру «минус двадцать». Понятно? И знаете что? Так нам даже гораздо выгоднее — за проступок одного человека отныне будут расплачиваться все. Вы здесь будете работать годами! Мы купим много новых хлыстов и будем лупить вас ими годами! Грег, а вслед за ним и остальные надзиратели, загоготали. Громко, нервно, с нескрываемым злорадством.

Один лишь Халк не улыбался, внимательно скользнув взглядом по лицам. Лицо его скрывала тень, но даже сквозь нее был замечен неяркий блеск прищуренных глаз.

Стараясь сохранить сонное и ничего непонимающее выражение лица, а также отчаянно надеясь, что яркие пятна, выступившие на бледных щеках, сочтут признаком недосыпания, я отправилась в свою комнату.

Очередь распустили.

«— Что же делать? Что же делать?...»

Уже в сотый раз спрашивала я себя, сидя в душной темноте комнаты, разглядывая плывущий по темному покрывалу ночного неба бледный лунный диск. Да, я хотела, как лучше. Хотела, чтобы у работников на кукурузе хоть немного зажила спина, надеялась, что передышка от хлыстов в несколько дней поспособствует процессу. И что же теперь? Теперь у всех — всех! — кто был сегодня во дворе, вычтут по двадцать баллов, если я не приду и не признаюсь. А сколько людей там было? Пятьдесят? Сто? Больше?

«А, может, признается кто-то другой? — закралась скользкая, как мокрая шуршащая гадюка, предательски-сладкая мысль? — Может, кто-то пожертвует собой ради остальных, и обо мне не узнают?»

Но это звучало слишком невероятно. Надежда на чужое лже-признание была призрачной, если не сказать тщедушной и очень быстро растворяющейся из-за отсутствия должного оптимизма, способному подпитать подобную бредовую идею. Никому не захочется идти к Грегу, быть наказанным по полной программе, а потом еще пребывать в анафеме, быть проклятым теми, кто едва не поплатился за так называемую «шуточку». Или «геройство». Кому как нравится.

Вздохнув, я отвернулась от окна и уперлась взглядом в стену. Пробежалась нервными пальцами по спутанным волосам и снова повернулась к окну. Единственному источнику света в этой непроницаемой к свежему воздуху пещере. В который раз кольнуло сожаление, что я не могу открыть дверь, ведущую на крыльцо.

«Черт... что же делать?»

В общем-то, ответ уже созрел в голове, вот только принимать его рациональное сознание отказывалось.

Надо идти. Да, идти и признаваться во всем. Но где найти в себе силы предстать перед поганой рожей начальника стражи, да еще и с таким заявлением? Особенно после того, как я едва не до пены его довела на кукурузе? Он не просто меня накажет, он будет издеваться сутками напролет, с наимилейшего разрешения самого Халка (после сегодняшнего выражения на лице последнего, сомнения о подписании подобного документа не возникало). Хотя, нужны ли им вообще документы....

Я снова вздохнула. Мысли нехотя приняли прежнее направление, и страх заново скрутил

внутренности, вызывая в животе противную нервную дрожь и желание помочиться. Я поерзала на жесткой кровати, мечтая заполучить волшебную палочку, стукнуть себя по голове и спокойно заснуть, забыв обо всех бедах.

«Не хочу. Не хочу идти. Пусть снимают со всех. Пусть что хотят делают....»

Но как только я представляла, что попробую накрыться одеялом и уткнуться лбом в холодную стену, приходило истинное и непререкаемое знание. Не засну. Не смогу, и все тут. Как заснуть, зная, что за мои проделки пострадают и без того утомленные, почти до смерти уставшие от жизни на ранчо люди? Скольких дней дополнительной работы будут стоить им эти двадцать баллов. Вместо того чтобы заниматься арифметикой, я приняла окончательное решение — пойду. Сейчас, вот, посижу еще несколько минут и пойду.

Представив злорадный хищный оскал Грегга, я едва не застонала. Нет. Не смогу к нему. Лучше сразу на костер. Но как же тогда?

Неосознанная мысль сама скользнула на другое лицо, укрытое в тени. Угрюмое, спокойное, с правильными чертами и поблескивающими из-под прикрытых век глазами.

Халк. Черт бы его подрал туда же. Но уж лучше сразу к нему, а там пусть сам решает. Отдаст Греггу, значит, так тому и быть...

«Но, может, все-таки, не отдаст?» Слабый лучик надежды едва затеплился в сознании, а я уже стояла возле двери, ведущей в коридор и держалась за ручку.

Да. Сейчас.

Иначе снова храбрость покинет.

Где находился кабинет Халка, я помнила еще с последнего посещения. Прокравшись темной вереницей коридоров, мимо притихших комнат и черных оконных проемов, я оказалась прямо перед дверью на третьем этаже. Да, это она. Именно из этой комнаты ведут стеклянные двери на широкий балкон, где Халк обычно неторопливо выкуривает свою вечернюю сигару. Спит ли он сейчас? А что если спит? Будить? Или послать все к черту? Но тогда придется искать Грегга, а смелости на это как не было, так и нет. Я вздохнула.

В отделанном золотом холле первого этажа, который теперь был залит все тем же лунным светом, я успела бросить взгляд на большие старинные часы, заполнявшие тишину монотонным (в чем-то даже уютным) тиканьем — без четверти три. Или без десяти.... Точно разглядеть не удалось, пришлось бы подбираться ближе, рискуя свернуть расставленные на перилах лестницы керамические горшки с цветами.

Так спит или нет? Вроде бы из-под двери пробивался тусклый свет, но ведь вполне возможно, что это ночник, который хозяин держит включенным всю ночь напролет. Ждать до утра возможности нет — уже в восемь ситуация изменится противным пиком на десятках браслетов (включая мой собственный). Я едва не хохотнула от этой мысли, но тут же снова чуть не застонала от страха. Да и никаких нервов не хватит ждать развязки так долго.

Кое-как набравшись храбрости, я медленно подняла руку и постучала.

Шаги послышались спустя несколько секунд. Дверь отворилась. Халк был одет так же, как и во время последнего собрания во дворе — в белую рубашку, с закатанными до локтей рукавами и черные джинсы. «Значит, не спал. — Молнией пронеслось в голове».

Растеряв все слова, с бешено колотящимся сердцем, я глупо уперлась взглядом в посверкивающую

на его шее тонкую золотую цепочку, не решаясь поднять глаза.

— Проходи. — Спокойно, чуть устало, произнес он и отступил вглубь комнаты.

Я сделала несколько шагов и застыла посреди кабинета. Вновь, как и когда-то, накатило чувство омерзительного несоответствия — уж больно мои грязные джинсы и выцветшая от множества стирок майка не вязалась с благородным выверенным убранством его апартаментов. Ночник действительно горел. Не ночник даже, а торшер рядом с креслом, рядом с которым лежала раскрытая книга, которую ее хозяин, вероятно, читал, пока не раздался стук в дверь. Циферблат электронных часов на гладкой полированной поверхности стола светился зеленоватыми цифрами «3:58», и, вместо того, чтобы чувствовать смущение и стыд перед признанием, которое предстояло сделать, мне вдруг стало неудобно, что я еще какое-то время не дам поспать стоящему передо мной мужчине.

«— С чего бы? — Удивилась я самой себе. — Он наверняка спит до обеда, сытно ест и вообще делает что хочет...» Однако смущение не ушло, а лишь усилилось, когда Халк устало потер виски и чуть поморщился.

— Простите, что так поздно....

Он лишь махнул рукой в сторону широкого кожаного дивана.

— Садись.

Я села, сцепила руки на коленях, откинулась на спинку и медленно глубоко вдохнула. Ну, вот и оно, сейчас все и начнется. Шоутайм, дамы и господа! Расплата за грехи....

Расположившись в кресле напротив, Халк оперся на подлокотник и, выжидательно глядя на меня, медленно коснулся нижней губы указательным пальцем.

Кое-как заставив себя выдохнуть, я, наконец, произнесла.

— Это я испортила хлысты.

Замерев в ожидании его реакции, я была оглушена повисшей тишиной, но еще больше тем, что сидящий напротив человек, даже не шелохнулся. Ни удивления, ни поползших вверх бровей, ни криков «Ах ты,...!..» (тут у меня было множество вариантов, начиная от «Дрянь» и заканчивая и того менее лицеприятными словами), однако, я оказалась совершенно не готовой к тому спокойствию, которое продолжало исходить от Халка. Да-да, именно спокойствию, ведь изменение настроения, пусть даже безмолвное, я бы сумела заметить. И чем дольше продолжалось молчание, тем больше во мне поднималось смятение. Что происходит? Неужели намеренно издевается, прикидываясь душкой, чтобы потом обрушить неожиданный шквал проклятий?

— Продолжай. — Только и сказал он, спустя несколько секунд.

Я несколько оцепенела и кое-как разжала вспотевшие ладони.

«Ну, где же твои упреки?»

— Что продолжать?

— Продолжай говорить.

Я вздохнула, вконец запутанная. Хорошо, пришла говорить, так буду говорить, как есть.

— Это я сегодня ukrала хлысты и разрубила их топором. Все. Сама. Мне никто не помогал.

— Зачем?

— Затем... — Насупилась я, не зная, стоит ли рассказывать истинные причины.

— И все же? — Спрашивая, Халк даже не изменил позы, оставаясь все таким же спокойным и чуть усталым.

— Да потому что мало того, что у этих работяг на поле даже панамок нет! Пекутся прямо на солнцепеке непокрытыми головами. Неужели трудно было бы выдать им хотя бы бумажные кепки? Ведь в сущие копейки бы это встало... — Чувствуя, что мне несет и несет куда-то в сторону, я спохватилась и вернула тему в прежнее русло. — Так еще и лупят их по любому поводу и без! Спины вообще не заживают! Хотя несколько дней бы им без этих поганных хлыстов, так может раны бы чуть затянулись....

Выдав все свои мысли ему прямо в лицо, я сжалась в кресле так сильно, что от напряжения заболели мускулы.

Халк продолжал молчать, но теперь на его лице читалось легкое удивление. По всей вероятности больше от моей наглости и прямооты, нежели от смысла сказанных слов. Он откинулся на спинку и сцепил руки в замок.

— И теперь ты пришла признаваться?

Я промолчала. Очевидное не имело смысла подтверждать.

— И что же тебя заставило признаться? — Он будто и не ждал ответа на предыдущий вопрос, однако на последний, вероятно, ждал, так как глаза его прищурились.

Я снова вздохнула, вспомнив, как сидела в своей тесной коморке, терзаемая сомнениями.

— Я бы не смогла.... - слова не давались, — ... не смогла бы спокойно спать, зная, что из-за меня столько людей будут наказаны. Двадцать баллов ведь это не шутки.... Это многие дни дополнительной работы. Им всем.

Я помолчала немного. Потом призналась:

— Я бы и раньше пришла, но боялась идти к Грегу. А потом.... подумала, что сначала попробую сюда.... Вдруг так будет лучше?

Чувствуя, что начинаю плакаться, я заставила себя замолчать. Незачем выглядеть жалкой. Подумает, что прощение вымаливаю... Слабачка.

Ощетинившись, я подняла глаза и взглянула Халку прямо в лицо.

— Так что снимайте ваши двадцать баллов. Но только с меня!

На этот раз темные брови саркастично приподнялись.

— Какое геройство....

Я ничего не ответила. Только отвернулась и стала смотреть в сторону. Где-то размеренно тикали часы, отсекая от повисшей тишины равномерные, тут же уходящие в прошлое, отрезки времени.

— Ты мне лучше на другой вопрос ответь. — Прервал молчание Халк. — Зачем, там, на поле, ты дразнила Грега?

«Ой! Только не это....»

От воспоминаний, как я развернулась и увидела стоящего позади себя Халка, ловившего каждое слово, меня едва не повело. Покрывшись легкой испариной, я отрицательно замотала головой.

— Нет.... Нет-нет.

Халк недобро нахмурился.

— Что нет?

— Не хочу отвечать на этот вопрос.

— А я тебя не упрашиваю. Если я задал вопрос, значит, ты мне дашь ответ.

— Не буду я отвечать на это!

Халк только хмыкнул, на загорелом лице сверкнули его светлые глаза.

— Значит, ровно через минуту я позову Грега, и тогда он сам будет вытаскивать из тебя ответ.

Я вздрогнула и, наплевав на правила приличия собственного кодекса, взмолилась.

— Не надо Грега! Он меня убьет.... Особенно после поля....

— Вот и будь умницей. У тебя есть минута, чтобы решить, кому из нас ты хочешь признаваться. Мне или ему.

Халк улыбнулся, зная почти наверняка, что выиграл этот раунд, ставя такие условия, однако, вместо того, чтобы злиться на его хитрые уловки, я, вдруг, неожиданно для себя, залюбовалась его лицом....

Тем победным выражением, что на нем сияло. И даже в какой-то момент поймала себя на мысли, что призналась бы в чем угодно, лишь бы еще посидеть вот так — в уютном кабинете на удобном диване, ведя диалог с ним диалог.....

На короткий миг на меня нахлынуло deja-вю, что вернулась прежняя жизнь вне тридцать третьей зоны, где есть человеческие отношения, теплота, улыбки, разговоры за вечерним чаем или утренним кофе, совместные походы по магазинам, прикосновения рук и долгие проникновенные взгляды между теми двумя, кому не нужны слова, чтобы понять.

Он все смотрел на меня, а я никак не могла оторвать взгляд от него, зачарованная этим мгновением. Мгновением, в котором ложная теплота уютно укрывала одеялом, из-под которого мне никак не хотелось выбираться.

Вот мне будто что-то поменялось. Нервозность вдруг растворилась, и я перестала бояться. Совсем.

Наверное, так могут «не бояться» только сумасшедшие или наркоманы. Но мне было все равно.

Вместо того, чтобы отсчитывать секунды данной мне минуты, я неторопливо (почти любовно) оглядела кабинет, отметив на этот раз присоседившуюся к ноутбуку на тумбе чашку с недопитым кофе, лежащую на подоконнике коробку с сигарами, поблескивающий на полке в ванной стаканчик с зубной щеткой. Будто это был не его кабинет, а мой собственный дом, где мы день за днем делили печали и радости.

«Да что со мной такое? Неужели, схожу с ума? Совсем сдурела от бесконечного одиночества!»

Логика шипела, как ошпаренная кошка, а я сидела и улыбалась, наполненная неизвестно откуда взявшейся безмятежностью и спокойствием. Будто я, наконец-то, была не одна. Не одна.... Как все эти долгие дни в Тали. Как все долгие дни еще до Тали....

Нет, я понимала, что все это временное наваждение безумца — сидеть напротив Халка (Халка! Того самого, что снял с меня пятак, когда я работала в баре!), и наслаждаться тем, что он ровным счетом ничего не подозревает. Даже не догадывается, какой подарок сумел мне преподнести, пусть даже на короткие несколько секунд.

Кое-как очнувшись от сладкой дремы, в которую так неожиданно скатилась, я подняла глаза и улыбнулась.

— Я буду говорить с тобой. Не надо Грега.

Возможно, Халк заметил, что я неожиданно перешла на «ты», но виду не подал. Взгляд его скользнул по моей (наверное, совершенно неуместной в данной случае) улыбке и вернулся к глазам. Видно было, что теперь в нем плескалось умеренное любопытство.

— Рад, что ты умеешь принимать верные решения.

— А не найдется ли для меня чашечки чая, раз уж сегодня вечер признаний? — Снова удивила я

саму себя, но по тому, как на меня посмотрел Халк, было очевидно, что мое удивление не идет ни в какое сравнение с его. Но ответ прозвучал коротко и невозмутимо.

— Найдется.

Он поднялся с кресла, подошел к нише, расположенной между книжными стеллажами и открыл дверцу встроенного в стену бара. Помимо множества разнообразных по форме и содержанию бутылок, там нашелся и чайник (так вот откуда берется горячий кофе. Наверное, не всегда есть время бегать за горячей водой на кухню). Зашуршала упаковочная бумага. Через минуту передо мной на столе появилась чашка из тончайшего фарфора, расписанная золотыми цветами по темно-зеленому фону и блюдец из того же набора. В воздухе поплыл аромат мяты и каких-то экзотических фруктов.

«Какая прелесть!»

Вновь окунувшись в приятную атмосферу лже-домашнего уюта, я поднесла чашку к губам и едва не застонала от наслаждения, сделав первый глоток. Чай был великолепен. Чистый тонкий вкус, каким славились только высшие сорта, дополнялся изысканным набором пряностей и сладостью островных тропических деликатесов.

«Вот бы домой такой.... Черт, ради одного только чая я согласна сидеть тут и рассказывать ему сказки, как та царица....»

— Ну, так что же? Чай ты получила, теперь расскажи, зачем тебе понадобилось дразнить Грегга. Я отпила еще один глоток из чашки и спокойно ответила.

— Чтобы он меня побил.

Теперь Халк смотрел на меня, как на сумасшедшую.

— Либо я ослышался, либо чего-то не знаю.... Ты сказала — побил?

— Да. — Я откровенно наслаждалась его замешательством. Растерянный Халк — такое шоу мне представилось возможность увидеть впервые. — Чтобы он меня побил.

— Зачем?

— Мне нужно было попасть в изолятор.

— А других путей не было?

— Если бы были, я бы их использовала. Но этот хитрый доктор следит за ним днем и ночью. Ну, ночью зорко следит охрана. — Поправилась я.

Халк чуть заметно тряхнул головой, будто все еще не решаясь поверить услышанному.

«— Не мудрено... — Подумалось мне. — Только полный идиот может выдавать такие идеи, как я... Другим они кажутся полным бредом».

Несмотря на поздний час и усталость, я снова улыбнулась. Ситуация выглядела бы комично, если бы не была такой мрачной, но, по крайней мере, у меня была возможность насладиться великолепным чаем и в комнате все еще не было Грегга. А это уже достижение.

Не говоря ни слова, Халк поднялся, подошел все к тому же бару и достал пузатую бутылку с длинным горлом. Скотч. Плеснул содержимое в стакан, добавил туда несколько кубиков льда и вернулся в кресло.

— Так, давай начнем сначала. Ты подначивала Грегга, чтобы он нанес тебе побои, чтобы после попасть в изолятор. Так?

— Да.

— А то, что он мог пришибить тебя одной левой, ты понимала?

— Да.

— И все же рисковала. Значит, у тебя была серьезная причина для этого?

— Да. — Произнося это в третий раз, мне припомнилась сказка, где заколдованный парень избавлялся от проклятья, посланного ему колдуном, произнеся ответ «да» три раза подряд. Вот бы и мне так повезло.... Надежды избавиться от своих бед так просто, однако, было мало.

— И что же такого тебе нужно было в изоляторе?

— Пластыри. Бинты. Перекись. Возможно, другие подходящие медикаменты.

— Подходящие для чего?

— Для ладоней работников каменоломни.

— Что!? — Выпалил Халк быстрее, чем намеревался.

— Угу. — Невозмутимо подтвердила я, и медленно растягивая чай. — Меня посылают возить им еду, и я каждый день вижу, какие они голодные, ободранные, едва живые. У них все руки в кровоподтеках от кирок и тачанок, кашель жуткий, барак, где спят, продувается. Все тощие, что ветерок дунь, и их всех с ног свалит! Неужели трудно выдать перчатки? Там такие шрамы на ладонях, что, наверное, и в следующей жизни не затянутся!

Халк откровенно опешил от моего диалога. Как, впрочем, и я. То ли я перенервничала накануне, то ли действительно начала сходить с ума, но мне почему-то стало все равно, накажут меня или нет, и куда вообще может привести весь этот разговор «по душам». Кто-то должен, наконец, сказать сытому владельцу ранчо, что не у всех здесь привольная жизнь, похожая на райский отпуск «Неделька в пустыне» — ранчо пять звезд, мать его....

Халк медленно отпил скотч, пристально глядя мне в глаза, а я, вместо того, чтобы тупиться в пол, отвечала ему невозмутимым видом и полным отсутствием эмоций на лице.

— Может, ты мне еще расскажешь, как вести мои дела? — Угрожающе спросил он, сделав ударение на «мои», по-видимому, совершенно не привыкший к тому, чтобы его отчитывали. Да еще и один из «рабов».

— Нет. — В моем тоне не слышалось ни агрессии, ни обвинения. — Я просто пытаюсь делать то, что могу. Мне хочется им помочь, но я не всегда знаю как. Поэтому и пришла в голову эта тупая идея с Грегом и изолятором.

Я отвернулась, чувствуя на себе пристальный взгляд Халка. В кабинете снова на некоторое время воцарилась тишина.

Наконец, Халк покачал головой и произнес тихо, будто разговаривая сам с собой:

— Поверить не могу....

Я лишь неуверенно передернула плечами, будто пытаюсь оправдаться.

Взгляд мой неожиданно задержался на книге, которая лежала на тумбочке. Обычная книга в толстом переплете, старая на вид, но.... Боже! Что это! Забыв, где я нахожусь и о чем минуту назад шел диалог, я внезапно соскочила с кресла и подбежала к тумбе. Взяв в руки толстый фолиант, я, не веря собственным глазам, благоговейно провела пальцем по вытесненным на корешке буквам — старинным витиеватым, с мудреными золотыми засечками и переплетениями.

— Да это же... — Выдохнула я потрясенно. — Это же Туэрский!

Халк, которого мой неожиданный прыжок с кресла поднял врасплох, уже тоже поднялся и теперь

стоял рядом, чуть сбоку за спиной.

— Да.... А ты откуда знаешь?

— «Земле... Земле-делие и возвращение» — Медленно прочитала я по слогам название книги. — Боже, как давно я не видела этого языка! А ведь было время, когда я могла свободно на нем изъясняться. Если бы было с кем...

Я весело хохотнула и снова восторженно посмотрела на книгу, не замечая, с каким изумлением смотрит на меня Халк. Только когда раздался его голос, я кое-как покинула плен нахлынувших воспоминаний и положила книгу обратно на тумбу.

— Так, интересно.... Откуда тебе вообще известно об этом языке? Ведь он умер тысячи лет назад, так же как и весь народ, говоривший на нем.

Мы вернулись к креслам. Я все еще никак не могла стряхнуть восторг, пронизавший меня при виде знакомых переплетающихся знаков на корешке.

— Я изучала его. Давно....

Поболтав остатки остывшего чая на дне фарфоровой чашки, я вспомнила тот день, когда впервые пришла на кафедру в бизнес-школе для того, чтобы определиться с языком, который собиралась изучать....

Почти все одnogруппники, не задумываясь, сделали свой выбор в пользу Валли — языка, на котором говорило все северное побережье и острова. И не мудрено. Ведь девяносто процентов торговли шло именно с этими странами, а на чем еще строить бизнес-этику, как не на промышленной ставке?

Кто-то все же выбрал Линтийский, собираясь заниматься автостроением, кто-то пожелал остановиться на Кио, всерьез подумывая совершить бросок сил в сторону высоких технологий.

Я же все никак не могла сделать окончательный выбор. Логика, конечно, утверждала, что стоило следовать за большинством и подать заявку на обучение Валли, тем более что помимо агропромышленной отрасли направлений для развития выгодного партнерства там были сотни.

Однако ноги мои не торопились идти туда, где уже стояли десятки подошв.

Обходя столы, расставленные по периметру зала, за каждым из которых сидели профессора и вокруг которых толпились гомонящие студенты, я никак не могла оторвать взгляд от разложенных на одной из парт старинных фолиантов. Задвинутая почти в самый угол, эта парта не привлекала особенного внимания учащихся, и на маленьком металлическом шпиле (куда накалывались заявки на обучение) не было видно ни одной бумажки.

За партой, углубившись в чтение и не обращая ровным счетом никакого внимания на происходящее вокруг, сидел абсолютно седой, похожий на божий одуванчик старик. По мере чтения белые брови его, то взлетали вверх, но озадаченно хмурились. Шевелящиеся губы его скрывали редкие, оставшиеся местами темными, усы и ниспадающая до груди непослушная, вихрящаяся в стороны, кустистая борода.

Зачарованная тем, с каким упоением он читает один из томов, я сама не заметила, как подошла к столу и села напротив. Если бы не мое ритмичное «кхм-кхм», то профессор бы и вовсе меня не заметил. Но как только он обнаружил, что перед ним кто-то сидит, «одуванчик» тут же отложил книгу в сторону, поправил на аккуратном носу очки без оправы и интеллигентно представился.

— Ральф Уортингхем. Преподаватель Туэрского. Чем я могу помочь?

Голос его оказался под стать внешности — аккуратный, негромкий, но как-то по-особенному

проникновенно звучащий.

— Здравствуйте, мистер Уортингхем. Меня зовут Шерин, и я учусь на отделении бизнеса и финансов. Вы не могли бы подсказать, что это вы так увлеченно читаете?

— Конечно, мисс! С удовольствием! — Старичок осторожно прокашлялся в кулак. — Эти тома были написаны расой, которая, к моему величайшему сожалению почилла в прошлом более тысячи лет назад. Сейчас нет ни единого живого Туэра, способного передать знания, культуру и традиции своего народа молодым поколениям, что бесспорно является несравнимой потерей наследства одного из самых образованных, из когда-либо живущих народов. Оставив после себя лишь архитектурные памятники....

Ральф вдохновенно продолжал говорить еще несколько минут, а я все больше тонула в разворачивающейся перед моим мысленным взором картине о крестьянах и землепашцах, великих воинах, славных правителях и бесславно павших в многочисленных битвах героях, увлеченная в водоворот фантазий голосом профессора, рассказывающего о минувших событиях так ярко, живо, увлеченно....

Всего за несколько минут я прониклась любовью к лежащему на столе книгам, мистеру Уортингхему и всему, что окружало рассказанные им загадочные мифы. Начиная с этого момента, я жадно желала научиться читать — понимать каждую букву, каждый символ, оставленный Туэрами тем, кто захотел бы стать наследником и носителем некогда великих знаний и языка.

— Но мисс... — Поторопился предупредить меня профессор, видя, что глаза горят от возбуждения и предвкушения. — Вы все же подумайте и сделайте свой выбор осознанно. Ведь то, на что вы смотрите сейчас, возможно, никогда не пригодится и не принесет никакой выгоды в будущем. А ведь бизнес, он на то и бизнес, чтобы думать в первую очередь о выгоде.

— Мистер Уортингхем, — ответила я, любовно водя пальцем по незнакомой вязи, — я мечтаю открыть магазин женской одежды. Мне нет нужны в особенной выгоде, чтобы быть счастливой. А вот потратить часы на изучение такого языка будет для меня настоящим наслаждением.

И не дожидаясь ответа, я наколола на шпиль заявку со своим именем.

Профессор лишь удивленно моргнул, а затем тепло улыбнулся и пожал мне руку.

— Добро пожаловать, Шерин. Вы — моя единственная студентка... — Сказал он, обводя взглядом опустевшую кафедру. — И я, признаться этому рад! Меньше будем отвлекаться. И, наконец-то, у меня будет возможность передать свои знания кому-то еще. А то я уже было начал сомневаться, что это когда-нибудь произойдет.

Тепло попрощавшись, мы разошлись, чтобы встретиться через несколько дней на первом занятии.

И ни разу — ни разу за все время своего обучения, несмотря на насмешки и сальные шутки друзей, я не пожалела о своем выборе.

Ведь я не только последовала за зовом сердца, обеспечив себя самым дивным и захватывающим чтением на долгие вечера, но и приобрела настоящего друга в лице образованного и удивительно приятного в общении профессора Уортингхема.

Глава 7

Очнувшись от воспоминаний, я обнаружила выжидательно смотрящего на меня Халка и смущенно поморщилась. Черт, опять удивила саму себя. Плаваю в ностальгических воспоминаниях, в то время как «рабовладелец» этой замечательной фермы ждет от меня каких-либо разъяснений. Наверное,

всему виной глубокая ночь и усталость.

Чай окончательно остыл, а ощущение уюта вдруг незаметно, но стремительно улетучилось.

Нахлынула тоска по прежней жизни, по родной квартире, по всему, что существовало за оградой Тали. Аккуратно проведя пальцем по пыльной обложке «Земледелия», я отложила книгу и вздохнула. Все равно она не моя. И почитать, скорее всего, тоже не дадут. Не то, что бы меня очень интересовало земледелие, но я по собственному опыту знала, что все книги, написанные Туэрцами, интересны просто по изложению, да и просто попрактиковаться не мешало бы.

— Хочешь что-нибудь рассказать? — Спросил Халк, внимательно глядя на меня.

— Нет.

Он легко кивнул, задумчивое выражение не покидало его лицо.

— Ты расскажешь. — Только и произнес он. — И где научилась языку, и за что попала в Тали...

Я напряглась, внутренне готовясь к обороне, но он лишь усмехнулся.

— Не сегодня. Сегодня я устал. Ты придешь ко мне завтра после обеда, и тогда мы поговорим снова.

Как тут было спорить? Сказал прийти, значит приду. С одной стороны — это означает, что допрос, которого мне всеми силами хотелось избежать, продолжиться снова, с другой стороны появилось едва уловимое чувство радости. Что это еще за новости? Попытавшись уловить причину неуместных эмоций, я быстро обнаружила, что в моем состоянии это все равно, что после сорока километровой пробежки решиться пойти на дискотеку — что означает — абсолютно невозможно ни эмоционально, ни физически — я лишь мысленно махнула рукой и решила разобраться во всем позже.

— С баллами твоими тоже разберемся завтра. — Снова опередил мой вопрос Халк. — Сейчас иди спать.

Я не стала ни спрашивать, ни спорить. Лишь поднялась и направилась к двери. Завтра, так завтра. По-крайней мере самое страшное уже выполнено. Я призналась, а значит утром ни у кого не снимут злосчастные двадцать баллов, и оставшиеся несколько часов этой ночи можно проспять спокойно. Даже на растерзание Грегу не отдали. Случаются же еще счастливые дни!

Взгляд случайно снова упал на висящую на стуле бежевую рубашку. Где-то внутри тупо кольнуло иголкой. Алекс тоже вот так небрежно всегда разбрасывал свои вещи по дому....

«— Только этого еще не хватало...» — почти зло мысленно выругалась я, закрыла за собой дверь и зашагала по направлению к своей комнате по темному коридору.

Вернувшись в темную комнату, я долго лежала, глядя в темный потолок, размышляя обо всем подряд. Тело было уставшим, но сон не шел, а в голове всплывали разные картинки из прошлого — далекого и близкого. Вот Халк, сидящий напротив в кресле, сканирующий каждое слово, вылетающее из моего рта. И почему он при всем своем грозном виде, не вызывал во мне страха? По всем правилам должен был, но как я ни старалась, я не могла вызывать к нему неприязни или отвращения. Скорее букет непонятных смешанных эмоций. То он холоден, как лед, то, вдруг, справедлив, то нейтрален. А сегодня так вообще.... И откуда только взялось это желание посидеть в его кабинете подольше? Не глупо ли?

А с другой стороны, все, что когда-то осталось позади, вся налаженная жизнь до и после Алекса, теперь как будто потеряла значение. Осталось только здесь и сейчас. Реальностью стали все эти люди вокруг — Табита, работники каменоломни, Грег, Халк. Во мне будто что-то постепенно менялось, новое прочно занимало место в голове и сердце, а старое уходило куда-то вглубь,

затиралось и исчезало. Какими глазами бы я сама теперь смотрела на тех же людей, которые когда-то были хорошо знакомы, а теперь остались в другом мире? Они все так же ходят по магазинам, пьют кофе в кафе, сидят по вечерам в баре, дерутся, смеются, мирятся, едят завтраки, ходят на обычную нормальную работу.... Они свободны и не понимают этого. Они даже не думают, что «зона 33» могла бы существовать в реальности, а я для меня она стала повседневной жизнью. Эта пустыня, это ранчо, эти правила выживания. Жестокие и глупые, но с ними приходится мириться.

Наконец, сон медленно опустил свое тяжелое покрывало на мое сознание, и оно отключилось, в тревожном ожидании нового дня.

На следующее утро я завтракала на кухне с Табитой. Вот уже некоторое время, как я перебралась из общей столовой на кухню к Табите. На подоконнике работало радио, я задумчиво черпала из тарелки какой-то суп, Табита же возилась с посудой в раковине.

— Надо же, я уж думала все, прощай двадцать баллов! — Бубнила она, намыливая ложки. — С самого утра на браслет смотрела, все ждала, что сейчас пикнет. Ой, беда! С шести утра глаз не сомкнула.

Я помалкивала, уткнувшись носом в тарелку.

— Ай, нет же! Не случилось. Значит, сознался он, тот негодяй, кто хлысты-то испортил. И не то, что бы я его сужу. Сама бы если бы могла у этих мародеров хлысты бы поотбирала.... Тьфу! — Она смачно сплюнула, громыхая мыльными кружками. — Но ведь и двадцать баллов не шутки! Это ж сколько работать бы опять ни за что!

Я промычала что-то нечленораздельное в знак согласия. Едва только Табита поутихла, как стало слышно голос радио-ведущей, льющийся из приемника.

— ...Проиграв две тысячи баллов в казино, мистер Томпкин покончил жизнь самоубийством, прыгнув с моста на проезжую часть, откуда его тело было доставлено в....

Недослушав, я удивленно отодвинула от себя пустую тарелку и посмотрела на Табиту.

— А что, здесь и казино есть?

— Есть, а как же. — Отозвалась она. — Играй кто хочешь. Только вот не выиграл еще никто. Знаешь сколько идиотов верят в чудеса? Думают, вот сейчас удача их спасет. И крутят и крутят эти колеса, и все глубже в яму. А как поймут, что на счету уже минус ай-яй сколько, так поздно уже....

Сегодня Табита была на редкость разговорчива.

— А что, и минус возможен? — Удивленно, но как-то вяло поинтересовалась я.

— А как же! На минус как раз ограничений-то и нет. Ты токма не ходи туда. — Предупредила она, качая головой. — Даже не думай. Кто бы что ни говорил.

— Да я и не собиралась....

— И не надо. А то впустить-то впустят. Туда кто хочешь может зайти. А вот потом их укатывают в морг то с мостовой, то еще откуда....

Она снова покачала головой. А у меня, несмотря на жару этого утра, по коже прошел мороз. Хороша система! Не скупился кто-то на черную фантазию, хорошо все продумал. Во все времена хватало верящих в удачу, миллионы проигрывались и будут проигрываться, а ведь все равно люди надеются. Только вот надежда их продолжает жить, когда их самих уже не становится. Я еще раз ужаснулась, представив, каково это — выходить оттуда под утро, когда у тебя на браслете минут тысячи, этак, три. Содрогнувшись от обновленной картины и без того ужасного Тали, я поднялась, поставила

тарелку из-под супа в раковину, затем убрала со стола крошки.

— Ладно, пошла я.

Табита, слушая радио, только качнула с мою сторону головой.

— Давай. Если на обед не успеешь, я в холодильнике оставлю.

Я вышла в тихий дворик, граничащий с садом, со стороны кухни, сладко потянулась и огляделась. День, как ни странно, был спокойный и тихий. Даже настроение, глядя на то, как утреннее солнце золотит зеленые листья, поднялось. Я порылась в памяти в поисках того, что от меня требовалось сделать на сегодня. Там было не так уж много. Так — отскрести двор перед входом, доставить какие-то вязанки, сложенные на телегу в дальний амбар за полем, привезти еду в каменоломню и, вроде бы, все. Только вот, все ли? Я напряженно порылась в памяти, будто что-то намеренно не хотело даваться в руки. Ах, ну как же! Конечно! Сегодня после обеда Халк будет ждать меня в кабинете для продолжения душевной беседы.

Как ни странно, мысль эта принесла не только тревогу, но и что-то другое. Сладковато-тягучее.... Я обеспокоенно задумалась, но так и не поняла, что же это за чувство. Какое-то несовместимое с логикой, почти чужеродное. Но и прогонять его не хотелось. Будто капля росы опустилась на выжженную переживаниями поверхность моей души, и появилась надежда на что-то почти чудесное. Я тряхнула головой. Да что же это все-таки со мной происходит. Порывшись в недрах сознания на тему «а не засел ли там панический страх перед встречей с Халком» и, как ни странно, не обнаружив такового, я позволила себе улыбнуться и зашагала к углу дома, чтобы по пути к внешнему крыльцу, заглянуть в кладовую и обзавестись парой жестких щеток, которые как нельзя лучше подходили для первой задачи очистки каменных плит перед парадным входом.

Время до обеда пролетело почти незаметно, жара нарастала. После похода с телегой до каменоломни, я бросила взгляд на часы, висящие на кухне, обнаружила, что уже почти три часа и пошла принимать душ. Нужно было смыть пыль и немного почистить одежду, перед тем, как заходить в кабинет к Халку. Я была не очень уверена, в какое именно время он меня ждет, но на всякий случай решила проверить именно сейчас. Лучше раньше, чем позже. Странное чувство, что грядут перемены, не покидало меня, хотя видимых поводов для этого не было. В душе я уже смирилась с тем, что с моего браслета слетят последние жалкие, с таким трудом накопленные баллы, но волноваться на эту тему было глупо. Даже тех, что удалось накопить, было мизерное количество, а посему скорого выхода из мира Тали все равно не предвиделось. Где-то на задворках сознания даже мелькнула мысль, что пора бы просто начинать учиться, как сделать жизнь для себя любимой здесь более-менее сносной.

В половине четвертого я осторожно постучалась в дверь на втором этаже.

— Заходи. — Раздался голос хозяина этого райского оазиса в пустыне.

Я застыла у дверей, не зная, то ли пройти и сесть на облюбованную мной вчера софу, или же это сегодня будет расценено грубым нарушением субординации. Ничего не решив, я сделала еще пару шагов вглубь кабинета, да так и осталась стоять.

Халк был одет в светло-желтую рубашку, пуговицы небрежно распахнуты до середины груди, рукава закатаны до локтя. Светлые волосы его были аккуратно зачесаны назад, да и вообще весь его вид говорил о том, что нахождение на собственной вилле, кажется ее владельцу приятным и необременительным времяпровождением.

— Мне сегодня не хочется сидеть в помещении, как насчет небольшой прогулки на свежем воздухе? Он спрашивал меня так, будто не являлся приказчиком-душегубом, а всего лишь невинно приглашал посетить кафе-мороженое и всерьез подумывал о том, что я могу отказать.

— Конечно. — Вежливо и сдержанно ответила я, тоскливо подумав, что солнце в половине четвертого еще жарит так, что и свежий воздух и прогулка в частности может оказаться сущим адом. Я вообще сомневалась, что в этой вечно раскаленной пустыне есть хоть одно место, где мне было бы приятно прогуляться. Но возражать все равно не решилась.

Мы вышли во двор и направились к полям, лишь в глубине которых можно было разглядеть спины рабочих. На мое счастье ни слова, ни стоны, ни другие душещипательные звуки сюда не доносились, а от этого уже становилось легче.

Халк шагал медленно и неторопливо, будто задумавшись о чем-то своем, я осторожно пристроилась сбоку от него, задевая штанами листья каких-то высоких, похожих на кукурузу, растений. Жаркий ветер то и дело дотрагивался до наших лиц, немного растрепывал и без того непослушные кудри, все еще влажные после душа волосы, колыхал воротник рубашки моего спутника. На самом деле все пока было приятней, чем я смела рассчитывать. Да и жара оказалась не такой уж сильной.

— Значит, ты можешь читать Туэровский. — Наконец нарушил затянувшееся молчание Халк.

Я рассеянно кивнула, глядя себе под ноги.

— Могу. Только очень медленно и мне бы все равно словарь, потому что не все остается в памяти без практики.

— Угу. — Только и ответил он, соглашаясь. — Словарь у меня есть. Это не проблема.

Какое-то время он снова молчал. Мы все дальше и дальше удалялись от особняка, обогнули край поля и зашагали по узкой дороге вдоль другой его стороны, ведущей куда-то неопределенно далеко, к горам. Мысли мои текли вяло и разрозненно, как будто от переизбытка тепла они завязли в студенистом желе и охотно там грелись, отдыхая. Марево дрожало над горизонтом, делая красные горы плавающими и какими-то нереальными.

— Я бы хотел, чтобы ты на некоторое время сменила род деятельности. — Произнес Халк и посмотрел на меня. Глаза его были светлыми, почти белесыми, а не серыми или золотистыми, какими они иногда становились в вечернем свете заката.

«И когда я успела это заметить?»

Оторвавшись от лезших в голову дурацких, но занимательных, мыслей, я спросила.

— Сменить на что?

— Я хочу, чтобы ты занялась переводом двух томов, которые ты видела у меня в кабинете, с Туэровского. Видишь ли, они меня очень интересуют, я почти уверен, что в них есть сведения, как улучшить многие виды работ на ранчо. Но времени заниматься этим самому, у меня нет. А посему, я подумал, что это понравится тебе больше, чем тяжелый труд во дворе.

Я немного опешила. С одной стороны было чертовски заманчиво жить здесь, занимаясь хоть чем-то приятным, а с другой... Кто тогда будет возить еду каменоломам? Если поставят кого-то другого, тогда они снова начнут голодать. И не ошиваясь вокруг изолятора с какими-то поручениями, я вообще не смогу стащить эти грешные пластыри, так как мое присутствие там станет слишком заметным, и тогда Грег уж точно найдет повод задать мне парочку вопросов.

Задумавшись над этой дилеммой, я и не заметила, что Халк все это время наблюдает за мной.

Видимо не совсем верно истолковав причины моего тяжелого молчания (или же наоборот слишком верно), он продолжил.

— Я буду тебе платить. И хорошо платить. За каждый лист ты будешь получать по баллу.

Я в очередной раз удивленно посмотрела на него.

— Нет-нет... — Тут же поправился он. — Мы здесь проведем некое разделение. Я буду платить тебе по баллу за лист, но это не будут обычные баллы. Я дам тебе другой браслет, на который они и будут зачисляться....

Моя радость мгновенно омрачилась, и я поежилась от дискомфорта, представив, что вместо одного браслета, у меня теперь будет целых два. Тоже мне, счастье называется! Зачем мне тогда баллы, которые все равно не зачитываются для свободы?

— Ты дослушай сначала до конца. — Мягко усмехнулся Халк, созерцая на моем лице водоворот различных эмоций. — Эти баллы ты сможешь тратить в Тали по своему усмотрению. На еду, одежду, на что хочешь. Я только не могу позволить, чтобы они шли на твое освобождение. Надеюсь, ты понимаешь?

Я озадаченно кивнула, пытаюсь срочно переварить новую информацию и понять, какую пользу мне может принести такое сотрудничество. Потом сердце мое гулко стукнуло от понимания и внезапно вспыхнувшей надежды. У меня в голове начала вырисовываться занимательная идея.

— За страницу. — Сказала я.

— Что? — Не понял Халк.

— Балл за страницу. — Пояснила я. — Если я все равно не могу тратить их на освобождение, тогда вам нет особенной разницы, сколько именно я получу и потрачу. Правильно?

«Умею же я все-таки торговаться, если захочу» — промелькнула мысль. А сколько же там было страниц в этих двух томах? Я очень надеялась, что не меньше трехсот-четыре-хот в каждом.

Халк прищурился. На долю секунду мне показалось, что он откажет. А потом он расслабился и просто проговорил:

— Хорошо. Но за это ты сделаешь мне одолжение.

Не успев как следует обрадоваться, я снова напряглась.

— Какое?

— Ты расскажешь мне, как ты попала в Тали. Правду.

Я почти вслух чертыхнулась. А потом вдруг поняла — а с чего, собственно? Зачем мне эта тайна? Ну хочет он узнать, путь знает. Все равно он давным-давно уже понял, что никакой, я не хакер, а Комиссия мне на эту тему запретов не давала. Мне даже легче стало от такого вывода. Сколько раз хотелось с кем-то поделиться настоящей историей, да вот только ни друзей, ни толку от этого, скорее всего бы не нашлось. А если не поверит, так он не первый и не последний. Я перестала беспокоиться и лишь непринужденно ответила.

— Хорошо. Расскажу.

На этот раз настал черед Халка изобразить удивление. Но это выражение быстро сменилось удовлетворением, а затем и обычным непроницаемым видом. Пока что наши переговоры проходили хорошо. Я даже боялась лишний раз выдохнуть, чтобы не спугнуть удачу.

— А как же.... — Я запнулась, понимая, что придется все-таки затронуть неприятную тему, несмотря на то, с каким отчаянием я ни пыталась ее оттянуть. — Как же... хлысты?

К моему облегчению, Халк лишь неопределенно пожал плечами.

— А что хлысты. Новые уже заказали, а старые выкинули.

Я напряженно посмотрела в его лицо, ожидая продолжения про двадцать баллов, которые могу слететь с моего несчастного браслета. Халк, как ни странно, снова мягко улыбнулся.

— У нас ведь теперь какое-никакое взаимовыгодное сотрудничество. Так ведь? Зачем же я буду его нарушать?

Он проникательно посмотрел мне в глаза, и я почувствовала облегчение. Теперь уже полное. Не будут меня наказывать. Все сохранили свои баллы, в том числе и я. Если бы мне кто-то сказал тогда, когда я стояла прошлой ночью во дворе, слушая грозные обещания Грега, что такой исход возможен, я бы лишь посмеялась. Или же расстроилась, что подобная фантазия не имеет шансов воплотиться в жизнь. А теперь мои подошвы почти не касались земли. Надо же! Фантастика!

Я до сих пор не могла поверить в свою удачу. Кто бы знал, где мне пригодился Туэровский! В закрытой зоне «33». Я даже хихикнула от такой нелепости, благо, что Халк, кажется, не обратил на это никакого внимания.

Мы еще раз свернули куда-то влево вдоль поля, и теперь дорогу с противоположной стороны закрывало подобие тонкой лесополосы. Редкие деревца едва слышно шумели кронами. Так далеко мне самостоятельно заходить еще не удавалось. Особняк уже давно совсем скрылся из виду, не осталось на горизонте даже голых спин рабочих. Только ветер поигрывал пожухшими, склоненными к земле листьями, неторопливо гнул стебли кукурузообразных початков, да где-то трещали цикады. На какой-то момент вся наша прогулка стала казаться абстрактным сном, против чего я не особенно возражала. С тех пор, как я попала в Тали, в моей жизни вообще было мало приятных впечатлений, и каждое редкое, почти по случайности забредшее в гости хорошее ощущение, ценилось мной на вес золота. А эта прогулка казалась мне именно хорошей. Даже если и проходила просто в молчании.

— А где я смогу заниматься переводом?

— В своей комнате. — Удивился моему вопросу Халк.

— Но у меня ведь нет электричества.

Он удивленно посмотрел на меня, и взгляд его был тяжелым. Но я откуда-то знала, что тяжесть эта предназначалась не мне, а тому, кто, по-видимому, не задался целью оповестить об этой мелочи Халка.

— У тебя будет электричество. — Ровно ответил он.

Я радостно вдохнула напоенный ароматом растений, горячий воздух. Надо же, действительно день чудес.

— Халк... — Вдруг неожиданно для самой себя, сказала я, одновременно припоминая, приходилось ли мне и раньше обращаться к нему по имени.

— Да?

Я не знала, как продолжить, но почему-то именно эта мелочь, о которой я собиралась попросить была для меня особенно важной.

— У меня в комнате есть дверь. Она ведет туда же, куда и кухня, во внутренний двор с изгородью. Халк непонимающе смотрел на меня.

— Эта дверь, она всегда закрыта. Пожалуйста, могу ли я получить от нее ключ? Это не для побега или чего-то такого.... Просто.... Я бы иногда хотела посидеть на своем собственном маленьком

крылечке. А то у меня даже окна не открываются.

Мне показалось, что Халк внутренне снова удивился чему-то своему, хотя на его лице не так уж и просто было прочитать обычные человеческие эмоции.

— Ключ ты получишь сегодня вечером, когда придешь забирать книги и словарь. — Только и ответил он.

А я осторожно делала каждый шаг, чтобы он не заметил, что я уже не иду, а счастливо парю над землей.

Тем же вечером я забрала из кабинета две книги, чистую толстую тетрадь, какие-то письменные принадлежности и получила второй браслет на руку. Чуть повыше того, что уже натер мозоль за все время пребывания в Тали. Только не на руке, а на сердце. Но этот второй — меня не тяготил, а даже чем-то радовал, я понимала, что все баллы, которые на него попадут, хоть и не выпустят меня обратно в мир, но все же принесут какую-то радость в мою жизнь.

Как оказалось, пока я отсутствовала пару часов, в комнате уже появилось электричество, и не просто электричество, а еще и простенькая люстра-шарик на потолке и даже настольная лампа с бежевым абажуром. Я несколько раз пощелкала выключателем, глядя, как сие нехитрое действие совершенно меняет убранство моей убогой комнаты. Потом проверила, что и люстра-шарик функционирует исправно, немного постояла на пороге, наслаждаясь переменами, ласково провела рукой по книгам, в тайне радуясь, что студенческая блажь мне принесла куда больше, чем я когда-либо смела надеяться получить, закрыла дверь и отправилась на кухню ужинать.

Можно сказать, что с этого момента жизнь в Тали для меня стала выглядеть, если ни приятно, то хотя бы приемлемо. Целыми днями я аккуратно переписывала переведенные строчки в тетрадь — Халк решил, что мой почерк он вполне способен разобрать, а выданный словарь помогал изрядно, оказывается, к этому моменту я успела позабыть почти половину того, что когда-то знала. Но бесконечное переворачивание страниц меня не обременяло, рутина не пугала, а уж в усидчивости мне было не отказать. Первым делом я проверила, сколько всего страниц выпало на мою долю и осталась совершенно счастлива. Первый том насчитывал пятьсот девяносто, а второй аж семьсот тридцать страниц! Становилось очевидным, почему Халк наотрез отказался, чтобы хоть что-то из оплаты за мой труд попало на обычный браслет, ведь тогда бы я почти с реактивной скоростью вылетела из Тали.

Хотя сказать так было бы несколько преувеличением, учитывая, что страницы не давались особенно легко, мне приходилось делать титанические усилия, чтобы взятые из памяти или словаря слова срастались в более-менее осмысленные предложения. А если уж речь начинала заходить о постройках, машинах или агрегатах, о которых я до этого в жизни не слышала, тогда становилось особенно тяжело. Но Халк читал с интересом. Даже если я приносила ему всего полстраницы выстраданного текста в день. И никуда не торопил, что не могло не радовать.

Поэтому я аккуратно шуршала бумагой у себя в каморке, выводила синей пастой слова в толстой тетради, иногда задумывалась, сидела, погрузившись в мысли о своем, затем снова возвращалась к работе. А если учесть, что мне даже в столовую не приходилось выходить — насиженное теплое местечко в кухне у Табиты всегда было к моим услугам, то вскоре стало казаться, что я живу почти в нормальном мире. Ни тебе ранчо, ни пустыни, ни рабочих, вообще никого. Только что в магазин не приходилось ездить, чтобы проверить, как там новый товар, а если еще и забыть, что обстановка в

моей квартире была куда уютней местной камеры, то отличия почти пропадали. Грубое сравнение, но все-таки.

Ключ от наружной двери я тоже получила, как и было обещано, и теперь вечерами могла наслаждаться ветерком, который к вечеру становился прохладнее и приносил сказочное облегчение после жарких, ставших уже по-своему привычных дней. Иногда я по часу просиживала в тишине ночи на крыльце, глядя на пустой темный дворик и на луну, что всегда всходила над кромкой деревьев, растущих по периметру у ограды, огромным белым диском освещая затихшее поместье, потерянное где-то в красной пустыне. Тени в этот час становились четкими и длинными, как от прожектора, и мне было хорошо видно, как колышутся травинки растущей у крыльца травы. И над этим зрелищем я проводила некоторое время почти каждую ночь, пока не чувствовала, что сон наваливается на меня и я начинаю клевать носом, так и сидя, прямо на теплых досках.

Только дважды за это время меня настигали слухи, что еще двое из работников ранчо скончались, и от этих новостей становилось грустно и тревожно. Но я старалась не вдаваться в подробности, всеми силами стараясь сохранить хрупкий привычный мирок своей коморки изолированным от внешних потрясений, понимая, что все равно я бы вряд ли смогла что-то сделать. Мысли об этом, пусть даже спешно прогнанные из памяти, оставляли зияющую пустоту где-то в глубине сердца, как бы я ни старалась остаться безучастной.

Отдельного упоминания заслуживала еще одна продолжительная встреча с Халком, которая состоялась в его кабинете, дня через два после того, как я начала заниматься переводами.

Он-таки не забыл о данном мной обещании поделиться правдивой историей моего попадания в Тали, поэтому примерно час я потратила на то, чтобы рассказать все от начала и до конца, до того момента, как попала к нему на ранчо. Халк, слушал, хмурился и казался несколько напряженным, в то время как у меня эта история не вызвала привычной бури эмоций даже от очередного повторения вслух. Наверное, я действительно начала смиряться с мыслью, что жизнь порой крутит так, что никакие оракулы не помогут предсказать очередной поворот, но, вероятно, на это у судьбы были какие-то свои, ей одной известные причины. Мне же просто пришлось расхлебывать последствия того, где я оказалась и учиться делать свою жизнь сносной, вместо того, чтобы горестно убивать минуты размышлениями о вечной несправедливости.

Несколько удивил меня тот факт, что Халк не поленился записать имя Алекса, Элмера и еще нескольких человек, которые были мной упомянуты в связи с историей похищения, так же законспектировались и даты произошедшего, сумму, выданная мне Корпорацией, адреса (все, что я смогла припомнить) и еще несколько ничего не значащих, по моему мнению, фактов.

Я ничего не скрывала, ни таилась, просто прихлебывала из чашки ароматный чай и отвечала на вопросы, параллельно начиная задумываться о том, как и где потратить первую порцию накопившихся на втором браслете баллов. По всему выходило, что я очень мало знала о том, есть ли в Тали «шопинг», и если есть, то какого рода и как можно добраться хоть куда-то (при условии, что меня вообще выпустят «погулять» с ранчо), ходят ли по ближайшей дороге автобусы, от которых я успела отвыкнуть и прочей подобной ерунде. Так или иначе, второй браслет показывал приятное глазу число сорок три, поэтому я справедливо решила, что задумываться о разнообразии планов в моей скучной жизни, самое время.

Выслушав мою историю, Халк выпроводил меня из кабинета, так и не сказав ни слова. И вообще

выглядел так, будто у него и своих дел хватает, а я лишь некстати болтаюсь под ногами. Я не обиделась. Стянув из холодильника на кухне очередной заранее приготовленный для меня Табитой кусок пирога, отправилась снова заниматься переводом. Поэтому никакой разницы «до» и «после» приобретенных Халком знаний о моем прошлом не обнаружилось. Мне же хватало уже того, что у меня сносные отношения с хозяином, с меня более не требуется тяжелой работы, я почти не вижу Грега и время от времени имею свободу лакомиться чем-нибудь вкусным на кухне у Табиты. Остальное постепенно становилось не особенно важным.

В один из вечеров, когда я по обыкновению принесла Халку для прочтения новые страницы, я осмелилась спросить, где и как я могу потратить баллы.

— Для этого ты должна ответить мне, что именно требуется тебе купить. — Усмехнулся этот беспощадный тиран.

Я замялась. Вообще-то мне бы давно не помешало новое нижнее белье и пару новых футболок, но говорить об этом вслух как-то не пристало. Я лишь жалобно покосилась на его усмешку, после чего мне стало ясно, что все мысли крупным почерком выведены на моем лице.

— В Тали есть несколько магазинов одежды, места, где продают вещи для домашнего обихода, предметы интерьера, банные принадлежности и прочее....

Видя, что глаза мои разгорелись жарким пламенем, а на пол едва ли ни капает слюна, он в первый раз открыто рассмеялся. Его смех будто осветил и окутал теплом и без того довольно уютную комнату.

— Женщины. — Другие комментарии он счел излишними. — Я скажу тебе, как и когда ты отправишься за покупками. А теперь брысь отсюда, мне надо работать.

Я пулей вылетела из кабинета, все еще истекая слюнями, как бездомный пес, впервые увидевший копченый окорок. И не где-то там, а почти уже лежащий на его собственной тарелке. Чтобы оторваться от всех притягательных мыслей о предстоящих покупках, мне пришлось едва ли ни четверть часа простоять под прохладным душем, да и то после этого мои труды то и дело прерывались мыслями о том, чего бы еще такого «дивного» мне хотелось занять в ближайшем будущем. Конечно, в конечном счете, все сведется к ассортименту товаров, наличествующих в магазинах, но прерывать мечту, казалось абсолютным кощунством, а посему в тот вечер в моем конспекте едва ли добавилось три строчки.

День моего счастья настал в понедельник, когда сразу после завтрака ко мне в комнату постучала одна из служанок и сказала, что Халк призывает явиться перед его ясным взором. Я наспех собрала непослушные волосы в хвост, вылетела в коридор и помчалась по лестнице.

— Итак, будем считать, что это твой выходной. — С порога заявил Халк. — Сегодня ты можешь выйти за ограду ранчо, там, на дороге, метрах в ста отсюда, ближайшая автобусная остановка. Если поторопишься, успеешь на ближайший, который идет в город минут через тридцать.

Он посмотрел на часы, затем на мою сияющую, как начищенный медный таз, физиономию.

— Было бы нежелательно возвращаться слишком поздно, надеюсь, ты сама понимаешь. Я бы не хотел начинать волноваться и искать тебя.

Я быстро кивнула. Халк удовлетворился таким нехитрым ответом.

— Все. Свободна.

Уже стоя под жарким солнцем на пустынной дороге, рядом с крохотным проржавевшим домиком, с

барского плеча зовущимся остановкой, я всю наслаждалась жизнью. И не потрепанная голубая майка, под которой снова начал собираться пот, ни висящие, словно мешок джинсы, ни держащиеся на честном слове кроссовки, ни торчащие во все стороны, словно пакли волосы не могли испортить мне настроение. Выходной! Да еще и покупки! Я все еще не могла поверить собственной удаче. Целый день заслуженного отдыха, когда можно абсолютно ничего не делать, бездельно слоняться по улицам, есть мороженое и таскать за собой пакеты с обновками, что может быть лучше? Я уже точно решила, что мороженое сегодня будет гвоздем программы (потратив битый час, я так и смогла припомнить, когда в последний раз лакомилась им), а еще, возможно, удастся найти какое-нибудь кафе и насладиться чашкой кофе с круассаном. Это, конечно, не Клэndon-сити, но я лишь беззаботно махнула рукой — подойдет любая булка, пусть даже двухдневной давности. И все же этот день хоть немного вернул меня туда, где была настоящая жизнь нормального человека, а не бесконечный круговорот рабства и боли, к которому я так и не смогла привыкнуть. Бормоча слова благодарности то ли небу, то ли Халку, то ли кому-то еще, я нетерпеливо комкала пакет, который прихватила с собой, чтобы не тратить лишние баллы по мелочам. Наконец, вдали показался медленно ползущий и скрипящий желтый автобус. Приключение начиналось!

Наверное, мне вряд ли хватило бы слов, чтобы описать, сколько приятных эмоций переполняло меня в этот день. Я почти с любовью смотрела на потрескавшиеся здания, проходящих мимо людей, выцветшие вывески, кусты, лавочки, пыльные витрины и прочее. Даже головоломки в автобусах я теперь решала с улыбкой на лице. Люди косились на меня беззлобно, скорее с завистью, не понимая, отчего у человека может быть такое хорошее настроение в Тали. Еще несколько дней назад, я и сама пополнила их число. Но не сегодня. Сегодня был мой день.

Кто бы думал, что за какие-то жалкие гроши, которые можно потратить на вполне обычные предметы обихода или засохшую булку, возможно испытывать столько благодарности. Или что облупившийся экстерьер центра города Тали может показаться едва ли не отпуском в переполненный экзотикой столичный мегаполис на другом континенте. Вероятно фраза о том, что все познается в сравнении, бывает на редкость актуальной. По-крайней мере именно так теперь и гласил мой собственный опыт. Век живи....

Чего только не набилось в мой пакет во время блужданий по магазинам (которых, как ни странно, в закрытой зоне оказалось достаточно — было бы желание и баллы...) — новая губка для мытья в душе (туда же отправился вкусно пахнущий гель, мыло и шампунь), расческа, резинки, какой-то крем для лица, два дезодоранта, несколько футболок, носки, плавки и, на что я вообще не смела рассчитывать, — новые джинсы! Я даже купила какую-то книжку, чтобы уж совсем почувствовать себя человеком, сидя на закатном крылечке и отдыхая с томиком рассказов в руках. Не все же только Туэрское «Земледелие» мучить.

Не забыла я и об аптеке. Поговорив несколько минут с фармацевтом, довольно приятным дядькой в белом халате, я приобрела несколько упаковок сильнодействующего лекарства от кашля, бинты, пластыри, дезинфицирующее средство и даже аптечный ящик, для хранения медикаментов, который собиралась передать каменоломам.

Чуть позже мне повезло еще больше — в каком-то садово-инвентарном магазине (можно подумать в Тали принято обзаводиться огородами и это под вечно палящим солнцем! «Разве, что разбить садик под крышей пентхауса» — мрачно хмыкнула я про себя) — так или иначе — в этом магазине я (к

заметному удивлению продавца) разжилась тонной перчаток из какого-то прочного материала, на мой взгляд, способных выдержать какое-то количество дней махания киркой. Вот теперь я точно была довольнее мартовского кота, которому на свидание привели сразу полквартиры. Сложив все богатства в нешуточно переполненный пакет, я, мурлыкая себе под нос, отправилась искать кафе. И только под вечер, фыркающий автобус доставил меня все до той же остановки на окраине ранчо, сытую и довольную, почти икающую от переизбытка мороженого в организме, откуда я неспешно зашагала в свое «пристанище».

Распаковав нехитрые, но такие ценные приобретения, я почувствовала себя едва ли не богачам. Конечно, для полного счастья мне еще многого не хватало, как, например, новой обуви, но я не стала огорчаться. Страниц в Туэрских книгах было еще много, а, значит, можно было рассчитывать на повторение шопинга через какое-то время. Переживут мои ноги. Зато как много нужных вещей удалось купить на эти пятьдесят баллов! Размышляя логически, оно и верно — ведь пятьдесят баллов — это одна двадцатая от всей суммы, необходимой для освобождения, здесь таким не разбрасываются. Но моя ситуация, как нельзя лучше, позволяла мне заниматься именно этим. Ну а основной браслет, потихоньку копил другие баллы, те самые — ценные и важные.

К счастью, Халк не пришел инспектировать накупленное в магазинах барахло, и я, как истинный сибарит, выпросив на кухне у Табиты ароматного чая, прибереженного ею для особых случаев, отправилась на крылечко, наслаждаться новой книгой.

Уже на следующее утро я вприпрыжку неслась к каменоломне. Жбанов на этот раз со мной не было — теперь еду возил кто-то другой, но я не волновалась (Табита обещала лично следить, чтобы рабочие больше не голодали), а вместо деревянной тележной речки, в моих ладонях была зажата драгоценная коробка с медикаментами.

Мужчины, заметившие меня еще издалека, стали постепенно собираться возле барака, их пыльные, всегда угрюмые лица теперь выражали некоторое любопытство и даже подобие радушия — они каким-то образом прознали, что увеличение порций их питательного рациона — моя заслуга. Их благодарность мне была приятна, но не ради нее я совершала «великие» дела, я бы, скорее, предпочла остаться в тени, чем слышать их глухое, прерываемое кашлем, «спасибо».

Тем не менее, именно это слово чаще всего звучало в течение последующих двух часов, пока я раздавала перчатки, чистила, смазывала и бинтовала раны на их ладонях. Затем, с некоторыми усилиями, я разобралась в инструкции по применению таблеток от кашля и раздала их присутствующим, предварительно объяснив, как и зачем их следует пить. Мужчины смотрели на меня все более дружелюбно, а уж когда я достала последний подарок — маски, защищающие лица от пыли, они и вовсе стали похожи на нормальных людей, способных радоваться жизни. Вокруг забубнили, заулыбались, примеряя неожиданный, но такой нужный подарок.

В конце мероприятия ко мне подошел один из каменоломов — лицо его, испещренное тонкими линиями морщин, выглядело побитым ветром, тяжелой жизнью и болезнями, но в глазах все еще продолжал жить неукротимый дух сильного человека — в одной руке он держал только что приобретенную маску и таблетки, другая рука была сжата в кулак.

— Вот. — Сказал он и разжал ладонь. — Возьми это. Пусть будет твой — на удачу.

Он протянул мне небольшой сверкающий синий камень, похожий на сапфир. Даже без огранки тот выглядел великолепно и радостно переливался ультрамариновыми оттенками в солнечных лучах. Не

успела я поблагодарить за щедрость, как меня окружили другие мужчины. Почти каждый из них принес по камню — и не только синие, а красные, розовые, прозрачные и даже зеленые.

— Ну, что вы! Зачем вы мне их даете — пусть остаются у вас! — Стала отбиваться я, отчаянно смущаясь, но под взглядом старика, который первым дал мне самоцвет, я замолчала.

— Возьми, девочка. Нам — все одно — они ни к чему, все равно здесь они ненужные безделушки, а тебе, может, и пригодятся. Мы хозяину даже не говорим, что здесь есть жилы, и ты не говори, не стоит оно того. А камни возьми. Когда-нибудь ты отсюда выйдешь....

— И вы выйдете! — Запротестовала я.

— Может, и выйдем, не суть.... — Перебил он меня и посмотрел на противопыльную маску. — Ты нам годы жизни добавила. Это стоит дороже, чем любые алмазы, а отблагодарить нам тебя хочется. Не отказывайся.

Я растерянно посмотрела на грудку разноцветных камешков, что уже лежала на ладони, а еще на окруживших меня людей, каждый из которых все еще держал «подарок». Из барака уже подросел довольно молодой парень, держащий в руке чей-то темный носок, куда и отправились остальные сувениры. Напоследок, я добавила туда свои, носок завязали узелком и протянули обратно мне.

— Спасибо тебе. Ага.... спасибо! И за маски, и за перчатки.... И за лекарства.... — Слышались голоса.

— Ну, что вы.... — Только и повторяла я, окончательно смущенная, пытаюсь выбраться из толпы и при этом не прослезиться. — Таблетки только не забывайте пить. Я лекарств я потом еще привезу.... Они махали мне рукой на прощанье. Я видела это даже с вершины холма, где один только ветер пригибал к земле выжженную траву и разрозненно стрекотали цикады.

А потом опять были страницы перевода, вечера на крыльце, мимолетные встречи с Халком и другими обитателями дома и снова поездки по магазинам. Постепенно я приобрела простые, но удобные кепки для тех, кто работает на полях, перчатки для сборщиц ягод, новые кухонные полотенца и передник Табите и еще много нужных и полезных мелочей для работников ранчо и там и здесь. Я уже даже не пыталась вести счет или запоминать сделанное, просто записывая новые идеи на листок в конце тетради, а при следующей поездке в город исполняла задуманное.

Халк — отдельное ему спасибо — в мои благотворительные дела не вмешивался, хоть, я и была уверена, знал о них. Он вообще предпочитал делать вид, что постоянно занят или же был занят на самом деле. Я теперь задумывалась о нем чаще, чем раньше, но не спешила вдаваться в объяснения собственного поведения. Возможно, причиной тому были сплетни, которые вдруг стали всплывать наружу уже через пару недель после того, как я начала заниматься переводами.

Мои обновки и прибавившийся на руке браслет, конечно, не остались незамеченными. Злые или уж просто неустанные языки местных фантазеров тут же начали строить предположения о моих изменившихся взаимоотношениях с хозяином ранчо. А мой отдохнувший, благоухающий после ароматного душа и расчески вид, лишь укреплял их веру в правильности собственных предположений. На меня косились и шептались, но не в открытую, и чаще даже не злобно, а больше скрытно и тихо, чтобы, упаси господи, не вызвать гнев самого Халка. Так же свою роль сыграло чувство уважения ко мне среди местного населения — ведь именно благодаря мне у многих появились облегчающие жизнь мелочи, а зона «33» быстро учила ценить их. В довесок ко всему — никто не мог похвастать точными знаниями о том, ночевала ли я хоть раз в хозяйских покоях или

нет. Однако, как издавна известно, людям не требуется наличие точной информации, чтобы начать сплетни.

Меня же предположение о месте Халковой «любовницы» удивляло, забавляло или, в зависимости от настроения, вовсе оставляло равнодушной. Пусть думают, что хотят. Ведь неизвестно еще, что бы подумала я сама, увидев, что одна из девушек, зачистившая к нему на личную территорию, стала преображаться ни по дням, а по часам, прихорашиваться, да еще и почти бесконтрольно заниматься, чем вздумается. Конечно, какие еще выводы оставалось делать местным обитателям?

Даже Табита посмеивалась и глубокомысленно замечала, что, дескать, люди всегда что-нибудь додумывают, а вот мозги для этого есть не у всех, хоть им и хочется в это верить. Я с ней соглашалась, но мысли об этом, то и дело возвращались в мою грешную голову. Не то, что бы я доходила до серьезных размышлений на тему «а каким Халк мог бы быть, если бы мы действительно...», ведь я до сих пор не могла разобраться в его характере и поступках, но, тем не менее, я часто ловила себя на мыслях об этих сплетнях, когда сидела на закате, потягивая чай перед сном или любуясь переливами подаренных мне камней в закатном свете уходящего дня.

Халк в моем представлении был темной лошадкой — человеком со множеством противоречий и тайн. Одни видели его беспощадным тираном, не имеющим ни капли жалости, другие боялись без видимых причин — их тоже можно было понять, один только взгляд мистера Конрада чего стоил, если тот бывал напряжен. А уж если злился.... Хотя такого на моем веку не случалось. Так или иначе, Халк всегда держал себя в руках, только невидимое поле вокруг него менялось, если случалась перемена настроения, да и то, я не была уверена, что кто-то еще ощущал эту совершенно невидимую субстанцию. Но никогда на моей памяти, Халк не кричал, не вопил и не брызгал слюной, скорее наоборот — его сдержанность была чрезмерно прочной даже в критические моменты. Да, чрезмерно. Иногда меня охватывало нелогическое желание пролезть глубже под его защитную оболочку и узнать, чем же хозяин имения является на самом деле? Но в своих попытках я не была особенно настойчива, не потому как не видела в этом смысла, а просто потому что уж больно хорошей кладки была выстроена вокруг него стена.

И все же некоторые моменты царапали мой разум, будто камешки с острыми краями. Халк был проницателен, спокоен, уравновешен, умен и вообще обладал всеми теми качествами, которые необходимо нормальному человеку и бизнесмену. Да, именно нормальному. Но не тирану — владельцу ранчо «Райский уголок» в пустыне. И, тем не менее, Халк упрямо держал имидж одного из самых жестких людей Тали — «слава» о его беспощадном отношении к людским ресурсам успела не по одному кругу обойти город сверху донизу. И ведь была в этом правда — надсмотрщики то и дело гробили чью-то жизнь, не особенно задумываясь о последствиях, потому что никогда не были за это наказаны. Но сам Халк не принимал в этом непосредственное участие, хотя мог бы — смещая ситуацию, как в хорошую, так и в плохую сторону — мог, но не делал. И в этом была странность. Я несколько раз пыталась завести разговор о характере Халка с Табитой, но она умело уходила от темы, либо оставляла комментарии при себе, чем неизменно повергала меня в пучины еще более глубинного размышления. Вот уже некоторое время мне казалось, что что-то важное оставалось за кадром, словно невидимая рука держала занавески плотно задернутыми, и пробраться к этому у меня не выходило ни на шаг, а посему я оставляла попытки понять то, чего не видела. И все же я продолжала слушать и наблюдать.

Янка поворочалась на грязных простынях, накинутах поверх жесткого матраса на узкой кровати, и окончательно проснулась. Небольшую комнату заливала почти непроглядная серовато-розовая мгла — рассвет только задавался. Рядом раздавался неравномерный храп перепившего накануне Грега, казалось, его зловонное дыхание насквозь пропитало каждый метр убогого помещения.

Янка поморщилась. Настроение ее и без того плохое того и гляди грозило упасть на отметку паршивое, где оно, впрочем, и держалось большую часть времени. А уж после последних событий, так совсем. Она почесала немытую вот уже больше недели голову, пытаясь пройтись пятерней по склеившимся в жирные пряди волосам.

Взгляд бледно-голубых глаз впился в мятую занавеску, прикрывающую пыльное окно, хотя ум обладательницы был полностью сосредоточен на другом — волны злости одна за другой, как прибой ядовитого океана, накрывали ее с головой.

Шерин.

При одной только мысли о ней, Янка стискивала зубы так, что челюсти начинали тоскливо ныть. Какая пройдоха, какая подлиза, какая изобретательная стерва! Сознание вновь заполонили картинки — вот она идет, вся цветущая через двор — новая маечка, чистые джинсы, вся цветет и благоухает. Вот она раздает кепки, чтобы не пекло головы сборщикам кукурузы, вот она приносит перчатки женщинам в бараках, чтобы руки об кусты не царапали.... Мать Тереза, что б ее черти хватили! С самого начала ведь пристроилась у хозяина под боком и времени даром не теряла. Сначала повадилась чаи гонять с Халком, а потом и второй браслетик получила, прибарахлилась. Просто немыслимо!

Янка вновь и вновь исходила от плохо сдерживаемого гнева. А она сама? Как ни крутилась, как ни старалась пробиться повыше по положению, только и добилаь того, чтобы по ночам ублажать этого мужлана.... Она с ненавистью покосилась на спящего Грега.

Вот уже месяц, как Янка спала с начальником стражи, а пользы все не было. Но ничего. Будет и на ее улице праздник. Да еще какой! Пирушка с пивом и почестями, с крабами и икрой. Вот только дождется она, когда копия будет готова, тогда и повеселиться по-настоящему. А пока — да, придется потерпеть — повыслушивать грязные словечки от этого старого солдафона, поскрипеть зубами при ходьбе от натертых, как наждачкой, саднящих при ходьбе бедер, да поприкидываться поласковой.

Ничего. Случались вещи и похуже этих. Потерпит. Янка не теряла уверенности, что дело того стоило. Нетерпеливо поднявшись с кровати, она начала искать свою одежду, разбросанную по полу, то и дело морщась от бардака — валяющихся везде пустых пивных банок, окурков и пропитавшего комнату зловонного запаха алкогольных паров. Ну и свинство...

Натянув на голое тело белую, заляпанную многочисленными пятнами и неоднократно порванную об острые шипы кустов, майку, а затем и юбку, Янка немилосердно пихнула в бок Грега.

От тычка тот только почмокал сухими, растрескавшимися губами, поворочал во рту языком, затих ненадолго, а через секунду уже снова продолжил храпеть.

— Проснись! — Прошипела Янка и яростно потрясла его за плечо. — Закрой дверь за мной, мне в барак пора, скоро уже наши проснутся!

Грег издал особенно громкий храп, прервавшийся на середине, будто хозяин глотки подавился куском войлока, и после некоторой паузы неохотно открыл глаза.

— Чего? — Хрипло спросил он, почти не соображая, где находится, и зачем его трясут.

— Проснись, говорю! Дверь закрыть надо!

— А-а-а....

Уже стоя у двери, Янка напоследок кинула прощальный взгляд на голую, покрытую шрамами грудь Грега, так часто нависающую над ней в последнее время, внутренне передернулась от отвращения и спросила:

— Когда готов-то будет?

— Что? — Сонно мотнул головой Грег и нахмурился.

— Ключ!

— Вечером завтра.

Впервые за это утро Янка позволила себе расслабиться. Даже зловонное дыхание стоящего напротив, теперь почти не раздражало ее.

— Хорошо. — Она приторно улыбнулась и похлопала безволосую грудь горе-любовника. — Ты как всегда был замечателен, мой милый!

Тот довольно осклабился, пробурчал гордое «А то!...» и захлопнул дверь, не забыв напоследок шлепнуть Янку по заду.

— Тебе бы отрезать.... — Прошипела она, стараясь как можно скорее удалиться от мужского барака. Но это раздражение уже не шло ни в какое сравнение с эйфорией, что теперь быстро и приятно разливалась по всему телу. Ключ! Ключ от комнаты Шерин — скоро его точная копия будет в руках у Янки. И это единственное, что имело значение. А все остальное ерунда.

Бесшумно и быстро, словно прихрамывающий, но довольный призрак, Янка скрылась в тумане. Еще несколько дней прошли спокойно, без происшествий или деталей, которые бы следовало запомнить. А вот один из следующих вечеров отпечатался в моей памяти надолго, возможно, навсегда. Так происходит, когда вы не ожидаете от жизни сюрпризов — приятных или нет, а она берет и обрушивает вам на голову ушат холодной воды, который переворачивает все ваше бытие наизнанку. И никуда от этого впоследствии не деться, как ни старайся. И не стереть такие моменты из памяти — нет там волшебного переключателя, который можно было бы сдвинуть в положение «Не помню», хотя многие дорого заплатили бы за подобную функцию.

Утро того дня было обычным, да и полдень не предвещал ничего нового — все та же жара, тихие голоса, доносящиеся из глубины дома, те же шершавые страницы древних томов перед глазами. А вот часов в шесть меня оторвал от привычной работы негромкий стук в дверь. На пороге стояла одна из девушек, которую я часто видела моющей полы в холле и других комнатах особняка.

— Мистер Конрад просит вас зайти к нему в кабинет. — Сказала она, когда я открыла дверь.

— С переводами?

Она неуверенно покомкала в руках тряпку, которой вытирала пыль.

— Я не знаю, мне больше ничего не было сказано. Только позвать вас.

Я удивленно поблагодарила девушку и закрыла дверь. Странно. Обычно я не появляюсь в кабинете Халка раньше восьми-девяти. Именно тогда у него находится время, чтобы прочитать новый текст и угостить меня чаем. Пожав плечами, я взяла со стола тетрадь, выключила лампу и направилась в коридор, чтобы узнать, почему изменилось наше привычное расписание.

— Заходи. — С порога произнес Халк. — Садись.

Что-то в выражение его лица и интонациях голоса показалось мне тревожным. Присмотревшись

внимательно, я не заметила явных признаков беспокойства и решила, что мне померещилось. Всякое бывает. Я уже открыла было тетрадь, чтобы растолковать ему новый перевод и заметки, которые делала на полях, когда он жестом руки остановил меня и снова повторил:

— Садись. И не нужно пока тетрадь.

Я присела в кресло, которое занимала каждый вечер, обеспокоенно вглядываясь в выражение глаз Халка. Что-то неуловимо изменилось, как будто атмосфера в комнате стала напряженной, моя тревога нарастала. Плохое предчувствие стремительно усиливалось.

— Почему не нужно перевода? — Как-то непривычно тихо спросила я, будто от громкого голоса мир мог дать трещину и расколоться, как плохо склеенное стекло.

Халк помолчал, глядя в окно, выходящее во внутренний двор. Он стоял ко мне спиной, и от тишины, повисшей в комнате, мне начало делаться неуютно.

— Я что-то натворила, да? — Нерешительно спросила я, одновременно пытаюсь вспомнить, а не водилось ли за мной каких-либо совершенных прегрешений в последнее время, которые могли бы спровоцировать подобное поведения у хозяина ранчо, но моя совесть — назло или к счастью — оставалась гладкой, как поверхность пруда — совершенно ничего не шло на ум. Дни, как дни. Тихие и спокойные. Обычные.

— Нет. Ты ничего не натворила. — Халк, наконец, повернулся ко мне. Взгляд его продолжал оставаться серьезным, отчего мне тут же захотелось встряхнуть его. Сложившаяся ситуация мне совершенно не нравилась, я не могла отыскать никак причин, чтобы она стала таковой, но все указывало на то, что что-то все же произошло.

— Тогда что? Почему ты молчишь? — Я нервничала и понимала, что перехожу рамки дозволенного в общении, но уже не могла себя сдерживать. — Мне кажется, что-то произошло....

— У меня для тебя есть новости. — Халк подошел к столу и взял какой-то конверт. Белый, без надписей.

Мое сердце почему-то нехорошо екнуло. Халк сел напротив, на софу и начал доставать из конверта какие-то бумаги и фотографии.

— Шерин, я нашел твоего Алекса.

От его слов у меня перехватило дыхание, а руки непроизвольно потянулись к фотографиям.

Халк положил их изображением вниз и жестко сказал:

— Подожди.

— Он живой? Он не убит? — Спросила я, осознав, что на фотографиях может быть мертвое тело и водоворот ужаса вплелся в уже и без того запутанный клубок эмоций. Я едва могла нормально дышать от напряжения.

— Да, он живой. Успокойся. Успокойся, я сказал.

Его непривычно жесткий голос враз остудил меня. Я перестала дергаться в кресле и попыталась успокоиться. Удостоверившись, что я внимательно слушаю, но не мешаю говорить, Халк продолжил.

— Да, он жив. И он получил твои деньги.

Я слушала, затаив дыхание, стараясь не перебивать, чтобы снова не прервать речь. Но Халк и без того почему-то снова умолк, чуть пожевавывая нижнюю губу, будто задумавшись о том, как продолжить. Я снова разнервничалась. Мне больше воздуха требовалось услышать продолжение.

— Значит, он скоро вернется, да? Вернется домой, в Клэндон-Сити?

— Я так не думаю. Посмотри.

Халк, наконец, перевернул фотографии, и я жадно схватила их. Они были черно-белые, но большие — примерно «А4»-го формата. Многие смазаны или сделаны со странными размытыми предметами на переднем фоне, как будто кто-то снимал в спешке, из-за угла или каких-то других укрытий. Мои глаза судорожно бегали по фотографиям, совершенно не способные сосредоточиться на чем-то одном. Но вот, постепенно, я смогла пересилить волнение и сконцентрироваться. Да, на фотографиях был Алекс, с отросшими, чуть выющимися волосами — по большей части счастливый, загорелый, смеющийся. На некоторых фото он был за рулем красивого коллекционного автомобиля, на других он сидел на песчаном берегу незнакомого на первый взгляд пляжа, на остальных обнимал какую-то женщину. Поначалу я даже не обратила на нее внимания, переполненная счастьем, что он не убит, жив, что его отпустили и оставили в покое. Наконец-то! Какое счастье узнать что-то про Алекса — дорогого, любимого Алекса! Сколько дней прошло в неведении, слезах, темноте и постоянной тревоге. А теперь, словно луч солнца пробился через темные тучи — жив! Жив! Какое же это счастье!

И только когда первые эмоции чуть поутихли, и я снова присмотрелась к фотографиям, моему вниманию предстали мелочи, которых я не заметила вначале.

— А кто эта девушка? И где это все? Я не узнаю этого пляжа.... Разве Алекс не вернулся в Клэндон-Сити?

Я растерянно посмотрела на Халка, который, в свою очередь, молча изучал меня все то время, пока я была занята фотографиями.

— Нет, это не Клэндон-Сити. И эта девушка — его любовница.

Я судорожно сглотнула. В желудке постепенно образовывался какой-то непривычный холодок, будто кто-то впрыснул туда новокаин.

— А теперь послушай меня от начала и до конца, Шерин. — Халк протянул руку, взял со столика пачку сигарет и закурил. До этого я не видела его курящим обычные сигареты, но теперь почти не обратила на это внимания. Я пыталась совладать с растущим внутри холодом от брошенного Халком слова «любовница» и еще от того, что предстояло услышать. — Когда ты рассказала мне свою историю, я заинтересовался этим случаем и направил своих людей на поиски Алекса. Не то, чтобы я всерьез полагал, что это увенчается успехом, но такой шанс был. А сегодня я получил вот это....

Он похлопал по конверту, выпустил в воздух облако дыма и посмотрел на меня. Глаза его, непривычно серьезные, лишь усугубляли мою способность воспринимать происходящее, мне начало казаться, что все происходит не здесь, не сейчас и не со мной. Мой разум понимал, что случилось что-то страшное, но оно может остаться там — за окном, если я не буду дергать занавеску и вглядываться в темноту, которая пахнет бедой. Эта иллюзия поглотила бы меня целиком, если бы не голос Халка, который жестко и прямо продолжал вхлестывать слова в мое пытающееся сбежать от реальности, сознание — оно совершенно ничего не хотело слышать, уверенное, что незнание окажется безопаснее правды. Но и остановить Халка у меня теперь не хватило бы сил. Я должна была узнать, что случилось тем апрельским вечером.

— Вся эта афера с самого начала была затеяна самим Алексом. Никто и никогда не похищал его. Все началось с того, что когда на оружейный завод пришел Элмер — власть незаметно дала крен, перелившись в руки от одного хозяину к другому. Поначалу этого не было заметно, но постепенно

начало меняться. К тому моменту, когда Алекс смог оценить и осознать положение, уже было поздно что-либо менять. Всеми фондами и доходами стал управлять его партнер. А документы, которые Алекс не потрудился внимательно прочесть перед подписанием, в которых непрямым текстом оговаривалось новое положение вещей, уже были подписаны. Когда же твой друг понял, что по собственной глупости переместился из роли владельца на должность обычного инженера-разработчика, а все деньги уплыли у него из-под носа в другой карман, то вначале попытался торговаться в Элмером и даже припугнуть его. Но тот не шел на уступки. Зачем ему было это делать? Он прочно сел на свое новое место, которое занял вполне легально. Но и Алекс не успокаивался. Продолжал искать новые и новые попытки, давил, угрожал в открытую, а постепенно и отчаивался.

Халк чуть помолчал, стряхнул пепел в пепельницу. Я молчала, все внутри меня застыло и сжалось. — И именно этой самой последней отчаянной попыткой отхватить себе в карман хоть какой-нибудь денежный кусок, стала организация собственного похищения. В надежде, что Элмер клюнет и решит разориться, чтобы выкупить шкуру ценного разработчика. Видимо, твой Алекс тогда всерьез озаботился финансовым вопросом.... Неужели он был так падок до денег?

Наверное, следовало что-то ответить, но я едва ли вообще теперь ощущала способность говорить. Моя голова складывала воедино кусочки той головоломки, что мне никогда не хотелось бы сложить, но Халк, не дожидаясь моих комментариев, продолжил.

— Элмер, понятное дело, ни на секунду поверил в мнимое «похищение». Он заранее предположил, что Алекс может пойти на крайние меры, а посему даже ухом не повел, когда увидел «записку» с требованием о выкупе. Он с самого начала был уверен, что после такого розыгрыша Алекс не посмеет вернуться, потому что тогда вся его история поплывет белыми пятнами, а посему просто начал готовить документы к тому, чтобы полноправно владеть заводом.

— Если он был так уверен, что это розыгрыш, почему ничего не сказал мне? Когда я пришла к нему в слезах, умоляя что-то сделать.

Халк помолчал. Но взгляд его был тяжелым.

— Наверное, ему было на тебя плевать.

— А Алекс? Он ведь понял, что это я заплатила... «выкуп»? — Я едва смогла спокойно произнести последнее слово. Такой дурой я не ощущала себя никогда в жизни. Полной. Безнадежной.

— Да, он сразу это понял. — От этих слов внутри меня начала расплываться леденящая пустота, но я лишь стиснула зубы, понимая, что новости еще не закончились. — Я предполагаю, что когда Алекс увидел, откуда поступили деньги, он, может, и посомневался, стоит ли прийти к тебе с повинной и вернуть их, заливаясь горячими слезами, признавая, какая он сволочь. Но сомнения его, судя по датам, длились не долго. Потому что уже на следующий день он приобрел в собственность дом, а затем и машину на островах Гау, где и загорал все это время в ожидании перевода. Видимо, жажда наживы, чтобы хоть как-то залатать дыру в кармане после потери завода, пересилила его ...человеческие качества.

Халк затушил сигарету и откинулся на спинку.

Я не знала, как себя вести. Не знала, что добавить. Лишь пустота где-то внутри разливалась чернильной кляксой. Нет, у меня не было оцепенения или шока. Мой рассудок был трезв и ясен, а вот эмоции больше не приходили. Будто застряли где-то на пороге, а потом и вовсе развернулись и

ушли восвояси. Внутри было спокойно, холодно и пусто. Даже не одиноко. А как-то все равно....

— А девушка? — Только и спросила я.

— Девушка эта была с ним на острове с самого начала.

Халк не стал комментировать или добавлять что-то к этой фразе. Все итак становилось очевидным.

— Шерин. — Позвал он.

Я посмотрела на него. Мои глаза оставались сухими, наверное, было бы гораздо легче, ударься я в слезы или начни истерику, но мне не хотелось даже этого. Вообще ничего не хотелось. Только пустоты, которая пугала и спасала одновременно. Наверное, вот так взрослеют. Принудительно и больно. Когда хотел ты того или нет, а радужное представление мира и наивность приходится бросить на полдороге, и если уж жизнь налила вместо нектара полную бочку говна — бери ложку и начинай есть. Ничего не поделать. В тот момент я не столько почувствовала, сколько просто поняла, что что-то ушло навсегда. Сломалось или перегорело — кого заботит точное слово? — просто старая Шерин поднялась и покинула комнату, чтобы на ее месте теперь сидела другая — спокойная, может опустевшая, но, ни в коей мере не наивная.

— Шерин, — Сказал Халк, — я не хотел тебе это рассказывать, но потом решил, что ты имеешь право знать правду.

Я молчала.

— Тебе налить коньяка?

— Нет, спасибо. — Мой голос прозвучал ровно, как того и хотелось. — Я пойду.

Теперь глаза Халка превратились в настоящие рентгеновские сканеры, которые пробирали до костей, но мне было все равно.

— Спасибо, что поделился со мной. Я это ценю.

После этих слов я вышла за дверь, забыв, что на столе осталась тетрадь с переводами, ощущая, что мне уже никогда не вернуться в эту комнату той же самой. И никуда не вернуться той же самой.

Отныне кто-то другой будет жить внутри, потому что кто-то старый ушел навсегда.

Глава 8

Как бы мне ни хотелось бодриться или хвастаться отсутствием эмоций и на следующий день, но сделать этого я не могла. Ночь мне еще удалось провести в спасительной пустоте, а уже утром на меня обрушился полный шквал всевозможных мыслей и переживаний. Плотину прорвало.

Мне было больно и тоскливо. Обидно до чертиков... и да, противно. Как я могла оказаться такой наивной дурой, чтобы взять в долг почти полмиллиона, причем ни у кого-то из знакомых, а у какой-то дурацкой Корпорации, которая заточила меня впоследствии в тюрьму? Ну, конечно, куда им было меня еще девать — такую простодырую идиотку, которая верила в чистую любовь и была готова на все, лишь бы вернуть любимого здоровым и невредимым. Конечно! В тюрьму.... Здесь мне и самое место.

Я чувствовала, как меня кидает в крайности — мое настроение стало каким-то притихше-опасным, как застывшее небо перед приходом торнадо. Я никак не могла выкинуть из головы фотографии Алекса, которые видела у Халка. Я никак не могла успокоиться. Куски всего, что я узнала за последние сутки, теперь лезли из головы, как осколки гранаты, причиняя невыносимую боль, готовые разорвать на части неспособный вобрать в себя переменяющуюся картину мира мозг. Я его за это не винила. Мне хотелось то выть, свернувшись калачом прямо на земле, то рвать и метать так,

как я никогда себе еще не позволяла. Все валилось из рук. Все поручения, которые были даны мне с самого утра, так и остались в списке с пометкой «Не выполнено».

Я пыталась что-то мести, что-то мыть, скрести, катать, возить, даже говорить, но почти ничего не могла вспомнить. О переводе не могло быть и речи. Буквы плавали и ускользали, лица расплывались, слова звучали невнятно. Я помню, что попросила Табиту дать мне какую-нибудь задачу, и, вооружившись тряпкой, вышла на улицу, чтобы что-то отмыть, но никак не могла сообразить, почему пятна на стене остаются такими же серыми, и лишь только через час сообразила, что это были тени от каких-то предметов, и, пока они постепенно не сдвинулись, освещенные закатным солнцем, я все пыталась ожесточенно превратить стену в равномерно белую. А теперь уже и желтую....

Я устало опустила на землю и положила тряпку рядом с собой. Все. Так больше нельзя. Я понимала, что жить все равно придется дальше, даже если сейчас тяжело, даже если хочется дойти до крайности. Никогда в жизни я не позволяла себе крайностей, и даже не представляла, какими именно они могут быть, но что-то внутри меня теперь всюду взывало к разрядке, я чувствовала, что мне каким-то образом придется выпустить эмоции. Но как?

Я больше не могла созерцать ранчо старыми глазами. Все вроде бы осталось прежним, но, в то же время, как-то изменилось. Все стало другим, чужим и непонятным. Вражеским... и, одновременно пустым. Нет, люди продолжали ходить взад-вперед, что-то кричали на полях охранники, где-то гремела посуда, кто-то торопился сложить метлы и лопаты в кладовую, скоро ужин, а потом немного свободного времени, чтобы поиграть в бараках в домино перед сном... Люди как-то приспособились быть здесь. Жить здесь. Мы всегда приспосабливаемся. Как бы плохо ни было....

Я устало смотрела на них, прислонившись спиной к стене, и все отчетливее ощущала, что я больше так не могу. Не могу, как всегда. Нет больше прежнего мира. Нет больше целей или смысла, нет больше большой и чистой идеи, которая держала бы на плаву, нет вдохновения. Ничего нет. Пусто. Даже Алекс больше не тревожил мою голову, он просто взял и отвалился, как кусок старой засохшей грязи, больше ненужной и бесполезной. Да, он ушел, вот так быстро и просто, как будто даже никогда и не существовал в моей жизни. А вот унижение осталось. А еще отвращение к себе за наивность. Осталось желчный вкус в горле от предательства. Осталось горечь и чувство «использованности». Но кого можно за это винить? Алекса? Нет, глупо. Винить можно только себя. Четыреста пятьдесят тысяч долларов и вот уже несколько месяцев тюрьмы, разбитое оплеванное сердце и ни луча надежды, что ситуация когда-нибудь изменится в лучшую сторону. Как что-то вообще может измениться? Сколько лет мне понадобится, чтобы вернуться в нормальный мир за пределами Тали? Через какие унижения еще придется пройти? Есть ли надежда, что когда-нибудь холодное одиночество вновь сменится надеждой, радостью от того, что ты не один, или, быть может, даже любовью?

Я хрипло рассмеялась.

Видимо, наивности предела не бывает. Как и глупости. Кто-то еще говорил про надежду, и уж именно это чувство, если бы было возможно, я бы придушила собственными руками. Чего мне меньше всего хотелось, так это именно пустой надежды на что бы то ни было.

Это Тали. Город-тюрьма. У меня на руке браслет. Я заключенная. Баллов, скорее всего, никогда не будет достаточно, чтобы выйти наружу. Прав у меня нет. Собственности у меня нет. Ничего у меня

больше нет. Даже напиться я по-человечески не могу...

Хотя, с чего бы? Я на секунду задумалась. Мысль эта почему-то призывно муркнула, словно кошка после сна выгнувшая спину и посмотрела на меня голодными глазами. Когда я в последний раз употребляла алкоголь? Еще тогда, в Бельмонте, с Янкой.... Была водка, «душевный» разговор, я вспомнила, как простодушно полагала, что это все ненадолго. Лишь только передам посылку, и назад. Как хорошо было быть несведущей, блажен кто верует. Я еще раз цинично усмехнулась.... Действительно, а почему бы и нет? Почему бы не плюнуть на все и не напиться? Я знала, что это никудышный план, но боялась того, что просто-напросто не смогу заснуть, не смогу уйти от горьких мыслей, не смогу найти, в чем же все-таки смысл и тогда... Я не знала, что именно случится «тогда», но откуда-то из глубины души зияла зловещая холодная пустота, в глаза которой заглядывать не хотелось. Ведь если загляну, тогда даже те остатки жалкого человека, в которого я превратилась, потеряют смысл к существованию. Мне это было известно. Это край, к которому нельзя подходить. Дурить, ошибаться, снова пробовать жить — это можно. А вот подходить к тому краю — нельзя.

Несмотря на то, что стоял жаркий вечер, и солнце еще лениво, но достаточно высоко висело над горизонтом, по моей спине прополз ощутимый холодок. Нет, надо прекращать такие мысли. Не к добру они, и ни к чему хорошему не приведут.

Я заставила себя подняться, подхватила валяющуюся на земле тряпку, чтобы по пути назад забросить ее на кухню к Табите, и направилась в дом. Нужно поторопиться и взглянуть на расписание — мне казалось, что через час в город отправится последний на сегодня автобус. Его нельзя пропустить.

Солнце село за горизонт, во дворе сгустились насыщенные синеватые тени, и, наконец, похолодало. Халк неторопливо расхаживал взад-вперед по кабинету. Большинство дел на сегодня закончены, можно немного отдохнуть, расслабиться. Но не получалось. Он чувствовал, что тревога, возникшая на душе после вчерашнего разговора с Шерин, не желает уходить. Правильно ли он сделал, рассказав ей все? Следовало ли доламывать ее, когда и без того жизнь в Тали делает это «на отлично»? Да, Шерин — девушка не слабая, даже не выказала особенно много эмоций, но Халк видел, как внутри ее глаз расплылась боль. Как раз в том месте, откуда ее очень трудно выговорить, и это заставляло чувствовать его виноватым. Чем Шерин занималась сегодня? Переводами? Но она даже не вернулась за тетрадь. Сидела весь день в комнате? Ходила куда-нибудь?

Халк гнал от себя мысли о Шерин почти целый день, и весьма успешно справлялся с этим. Однако с наступлением вечера они снова атаковали с новой силой. Ерунда какая-то. Нужно просто отдохнуть, он переутомился.

Налив себе в стакан виски, Халк выбрал одну из вручную скрученных сигар, и опустил в кресло. Со щелчком откинулась крышка зажигалки, выдавая мощное желтое пламя, достаточно сильное, чтобы табак занялся всего за несколько секунд, в воздух всплыло облако ароматного дыма. Мысли его вновь принялись кружить вокруг истории с выкупом. Это ведь надо, чтобы какой-то хлыщ решился нажиться на лжи про собственное похищение, попытался припугнуть собственного партнера, а в итоге получил деньги от собственной девушки.

Халк на какое-то мгновение даже испытал мимолетную зависть. Почему идиотам везет? Знал ли этот Алекс, что его так сильно любили? Знал, наверное. Но все равно не ценил, а зря.... Халк подумал,

что сам он ценил бы, если бы когда-нибудь получил такой шанс.

Еще одно облако дыма поплыло к потолку, глаза сидящего в кресле мужчины лениво смотрели сквозь колышущиеся от легкого сквозняка занавески. Не побоялась ведь она обратиться к Корпорации, нашла ведь способ добыть деньги, и даже не стала пытаться уходить от ответственности за это — поехала с какой-то дрянной посылкой черт знает куда.

Мысли его медленно и лениво переплетались одна с другой, подобно спиралям, что закручивал тлеющий кончик сигары. Почему она не убежала? Почему вообще согласилась на всю эту аферу... ну да, ее не предупреждали обо всех деталях, но ведь опасностью пахло уже от одного только метода, каким ее привезли в Корпорацию. Наивность.... И, все же, смелость. Наверное, ей очень хотелось, чтобы он вернулся, она ждала, верила, что чудо может произойти, но чудес не бывает — и он — Халк — знал об этом как никто другой.

Правда — вот лучший метод, чтобы избавиться от иллюзий. Реальность всегда сурова, нужно просто принять ее такой, какая она есть. Нет, сам Халк, конечно, не всегда был правдив — Тали, не то место, где это слово особенно ценилось, а чаще, скорее наоборот — грозило большими проблемами, но в случае с Шерин, какая-то часть его даже хотела, чтобы такая любовь больше не принадлежала лжецу.

В этом не было благородства. Да, Халк обустроил все так, чтобы его намерение обличить Алекса выглядело приличным и, может быть, даже благородным, но был за кулисами и тайный смысл. А какой именно? Халк и сам не мог бы поручиться, что до конца разобрался с этим. Но с тех пор, как он выяснил, что эта девчонка попала сюда по ложным документам, у него руки чесались выяснить все скрытые от глаз моменты этой истории, что он планомерно и делал. И теперь все сошлось в одну картинку. Все выяснено. Все закончено.

Зачем ему это было нужно? Вероятно, интерес пробудился только потому, что Шерин — незаурядная личность с хорошей логикой, стойким характером и открытым сердцем. Не вязался ее образ с этим местом ни тогда, ни сейчас. Никогда Халк не видел в ней злости, даже обиды-то толком она не высказывала, будь то люди или несправедливая судьба. Она всегда шла в собственные страхи, боялась, но не отказывалась от наказаний, не могла в силу характера дать в обиду других.

Подставить, использовать, нажиться — все это были чуждые слова, которыми ее нельзя было описать.

И все же — чем она занимается сегодня? Все же ведь он — Халк — потрянул ее привычный мирок вчера, и ей может быть тяжело. Не позвать ли ее на чашку чая? Может, поддержать ее незаметно, отвлечь, завести беседу на стороннюю тему....

Приняв решение, он положил дымящую сигару в пепельницу и протянул руку к трубке внутреннего телефона.

— Приведите ко мне Шерин, я хочу с ней поговорить.

— Сэр, ее нет в комнате. Там заперто. — Пролепетала девушка, и поспешила скрыться из вида, как только Халк кивнул головой, отпуская ее.

Нет, ее, значит. Хм-м-м... Забавно. Не успел он всерьез задуматься об этом, как в кабинет постучал Грег.

— Мистер Конрад?

— Входи.

Грег, побрякивая цепочкой и ножнами, прикрепленными к ремню, прошел в комнату и уселся на софу. В руках у него были бумаги, которые он тут же положил на стол.

— Бухгалтер передал вам ежемесячный отчет. Вот, я принес. Уффф... как хорошо, что жара, наконец, спала. — Он оттянул воротник майки, пытаясь провентилировать вспотевшую грудь. — Сегодня на полях было тихо....

Он, как обычно, начал рапортовать обо всех происшествиях, случившихся за день на ранчо, Халк слушал его монотонную речь в пол-уха. Когда Грег отбубнил большую часть новостей, Халк не удержался и перебил его.

— Ты видел этим вечером Шерин?

Грег умолк и недоуменно похлопал глазами, нахмурившись. Халк знал, что начальник стражи ни за что не упустил бы девушку из вида, даже если бы та проходила где-нибудь на горизонте. Зуб, который Грег наточил на Шерин, все так же болезненно беспокоил его, неотомщенная гордость была пуще занозы, но именно теперь наблюдательность Грега была Халку на руку.

— Нет. Я вообще ее сегодня не видел. Ни у полей, ни на дороге в каменоломню.... Наверное, весь день переводила продукты на кухню у этой поварихи.

Халк, неопределенно кивнул, задумавшись. Это становилось все интереснее. Куда же она могла подеваться? В комнате ее нет. Пошла прогуляться к полям? Сидит где-нибудь одна, смотрит на звезды? И зачем он вообще думает на эту тему? Пора оставить ее в покое, чем бы она ни занималась, какое до этого всего ему — Халку — дело?

Но на душе становилось все беспокойнее, как бывало всегда, когда в дело включалась интуиция. А в этот раз интуиция настойчиво теребила логику, пытаясь что-то безмолвно донести. Такие моменты Халк никогда не игнорировал, не имел права.

Грег, заметив замешательство и затянувшуюся паузу, тут же отозвался:

— Думаете, она замышляет что? Поднять стражу, найти ее?

— Нет. Я думаю, что знаю, где она. — Не моргнув глазом, соврал Халк. Ему совсем не хотелось, чтобы охранник заподозрил что-то неладное. — Продолжай со своим отчетом, я всего лишь хотел ей сказать, какие поправки мне будут нужны в переводе.

— А-а-а... — Неопределенно промычал Грег и тут же переключился снова на отчет о происшествиях.

К облегчению Халка — это заняло всего несколько минут, прежде чем Грег, наконец, покинул кабинет, оставив его в одиночестве. Пришло время основательно задуматься над тем, что же именно происходит. Не теряя ни минуты, Халк прокрутил в голове все возможные варианты, всех людей, кто мог иметь информацию о местонахождении Шерин и остановился на одном-единственном человеке — Табите. Только она была той, кому могли доверить сокровенную информацию. Значит, нужно навестить кухню.

Несмотря на то, что время приближалось к одиннадцати, в маленькой коморке с жужжащим холодильником все еще горел свет. Табита, оперевшись грузными локтями на стол, пила чай, неторопливо пожевывала печенье и читала последний выпуск «Новостей Тали», собираясь после этого идти спать. Когда в кухню вошел Халк, она почти не удивилась. Не таким уж и редким гостем он был в течение последних двух лет, как только старый хозяин ранчо отошел на покой. Или куда бы там он ни отошел...

— Как оно, мистер?

— Нормально, Табита. Все в порядке.

— Вы достаточно едите? Что-то в последнее время у вас много работы.... Вон, там, один да второй, кого уже пора....

Халк не дал ей договорить.

— Я знаю, знаю. Все будет в порядке. Сама-то ты как? Не надумала еще?

— Нет, мистер. Я уже привыкла, незачем мне, говорила ж я вам, что вы мне уже как сын. Куда мне?

— Ты знаешь — только скажи.

— Знаю, мистер. За то и люблю вас.

Халк улыбнулся. Табита многое знала, но тайны хранились в ней как в скале, ей он мог доверять безоговорочно. Ни единое слово не просачивалось сквозь ее рот невпопад — случайно или намеренно. Простоватым был лишь ее вид и манеры, да и то иногда. Больше для отвода глаз прикидывалась старая женщина грубой и неотесанной, в то время как за полночно-черными глазами скрывался тонкий проницательный ум.

— Скажи мне лучше, куда подевалась подопечная твоя? — Не стал отвлекаться на сантименты Халк.

— Вы про Шерин, небось? — Черные глаза весело сверкнули пониманием, но тут же затянулись беспокойством. — Что-то не то с ей сегодня было. Точно говорю — не то. Ничего она мне не рассказала, все ходила взад-вперед, делать что-то пыталась, но сдохлого Грега и то помощи было бы больше, чем с Шерин сегодня...

— Что ты имеешь в виду?

— Говорю же — не стала она мне рассказывать. Но пару часов назад приходила она ко мне, расписание автобусов уточняла. Куда — я ей говорю — на ночь-то глядя? А назад как? А она только рукой махнула, потерянная какая-то.

— В город? Она что, уехала в город? — Халк заметно напрягся. Раздражение пришло по двум причинам — первая — Шерин нарушила приказ не покидать ранчо без уведомления стражи или самого Халка, вторая — неизвестно, что плохого могло случиться в городе, где отчаявшиеся набрать баллы заключенные постоянно творили беспредел, а не менее жестокие полицейские штрафовали всех, кто попадался под руку. Хорошо еще если только баллами отделаешься.... Может быть и куда хуже. Ему ли — оунеру — не знать.

Увидев, как сжались челюсти Халка, Табита забеспокоилась.

— Вы ее только не ругайте сильно. Нелегко ей приходится, девоньке, ничего плохого она не творит никогда.... Ну, подумаешь, что-то затоскливилось ей? С кем не бывает? Сами не знаете, что ли....

Халк лишь молча кивнул. Через секунду его уже след простыл.

Табита вздохнула и покачала головой. Эти двое будут идиотами, если друг друга не заметят. Шерин нужен надежный, справедливый, заботливый спутник. Сумеет ли она разглядеть эти качества в Халке через все притворство, без которого никак не обойтись в Тали? Не расскажешь ведь ей всего.... Нельзя, ой нельзя. Самой придется.

А Халк? Как же хорошо было бы, если бы его жесткость кто-то смягчил. Это ж как землю полить сухую, никогда не знаешь, сколько всего красивого могло бы вырасти. Но жизнь — она на то и жизнь, чтобы быть трудной. Где-то сладкой, где-то страшной, где-то ласковой, но почти никогда не легкой.

Табита снова вздохнула, покачала головой, убрала со стола печенье, ополоснула чашку и погасила на кухне свет. Все. Пора спать. Молодые сами разберутся, без нее, а ей пора спать. Годы все-таки.

Халк убедился, что на ранчо все спокойно — в доме лишь в нескольких окнах горел свет, большинство охранников ушли к себе в бараки, лишь патруль совершал обход где-то по периметру полей — и незаметно, но быстро проскользнул в гараж. Яркий свет высветил огромный блестящий черный внедорожник — вместительный и быстрый. Уже в салоне, прежде чем завести машину, Халк включил GPS, но вместо пункта назначения ввел восьмизначный код, который вывел его на страницу, доступ к которой был ограничен для любого другого пользователя. Нельзя было в открытую поднимать шум из-за Шерин — слишком много последствий пришлось бы расхлебывать, нужно было сделать все тихо и быстро, а такое под силу лишь одному человеку — ему самому.

Халк завел машину и пристегнул ремень. Нашупал в кармане лист с записанным кодом ее браслета и ввел в ожидающий дальнейших команд GPS. Прибор тихо пикнул, подтверждая ввод — теперь поиском объекта уже занялся спутник. Ожидая получения результата, Халк, не включая фар, выехал из гаража, а затем и за пределы ранчо. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он убедился, что ворота за ним бесшумно закрылись, после чего вывел машину на шоссе, ведущее в город.

Пустынную дорогу освещала луна, которая словно безмолвный холодный прожектор, всегда была на своем месте, чтобы бесплатно отработать еще одну ночь. В Тали не бывало безлунных ночей. Потому что почти никогда не бывало облаков, чему способствовал жаркий, но абсолютно сухой климат. Может, кому-то он был не в радость, но уж точно не Халку, который собирал урожай по несколько раз в год. Лишь бы хватало воды. А ее было с запасом, и будет еще больше, как только Халк поймет, как были устроены древние оросительные системы, описанные в книге Туэрцами. Но для того, чтобы перевод был закончен, нужно сначала найти эту вредную девчонку, которая сбежала в город под покровом ночи. Халк не столько злился на Шерин, сколько, как ни странно, волновался за нее — Тали — неприветливое место, особенно для одинокой особы женского пола.

Безоблачные ночи были хорошо по еще одной причине — они не блокировали сигнал со спутника, принимаемый GPSom, поэтому тот, к облегчению Халка, уже через минуту высветился сообщением, что запрашиваемый объект найден, после чего до места назначения был проложен кратчайший маршрут. Шерин была где-то в центральной части города, до которой, если еще поднажать, было минут пятнадцать езды. Судя по карте, ее браслет был замечен в районе городского парка — точность плюс-минус пятнадцать метров от главных ворот. Какого черта она там забыла? Халк бросил еще один взгляд на мигающую точку и прибавил скорость. Очень скоро он сам все выяснит.

Джип невозможно было припарковать на территории парка — въезд любых транспортных средств был ограничен, поэтому Халк оставил его у ворот и пешком направился вглубь. GPS тоже пришлось оставить в машине, так как тот не имел автономной батареи и при отключении от аккумулятора тут же становился бесполезен. Последний раз браслет Шерин все еще был обозначен примерно в том же месте, и Халк решил, что у него нет другого выхода, кроме как попробовать найти ее самостоятельно. Доверившись наитию, он зашагал по одной из тропинок, внимательно высматривая любые движущиеся объекты. Так же досмотру подвергалось все, что лежало на земле и напоминало силуэт человеческого тела. С одной стороны, хорошо, что она не пошла в какой-нибудь бар, где ее легко могли принять за «подрабатывающую» по ночам девицу и обидеть, но, с другой стороны, и парк был тем местом, где время от времени кого-то насиловали и грабили, несмотря на постоянные

обходы полиции. Халк не мог быть уверен, что Шерин не ранена, но был абсолютно уверен, что она жива, потому как браслеты заключенных тут же оповещали систему, если вдруг переставали улавливать пульс владельцев.

Халк с иронией подумал, что это хорошо и плохо одновременно. Он начинал волноваться.

На пустынных дорожках никого не было. Верхушки стоявших темной стеной деревьев были освещены луной, тени от стволов вытянулись длинными черными полосами, а кроны неспешно двигались, вторя своим оригиналам. Скамейки, тут и там раскиданные по парку, тоже мирно дремали — в этот час не было любителей посидеть минуточку-другую, чтобы почитать газету или выпить лимонада. Не было ни полицейских, ни шума машин, ни голосов — все совершенно притихло. Но Шерин была где-то здесь — Халк доверял спутнику, а, значит, нужно продолжать поиски. К этому моменту он уже прошагал добрую половину парка и начал подумывать, а что будет, если она решит спрятаться в кустах, заслышав шаги незнакомца?

Но не успела эта мысль оформиться в однозначный вывод, как Халк вынырнул из аллеи на залитую лунным светом площадь и остановился. В центре площади расположился мраморный фонтан со стоящей в центре статуей не то большой изогнутой рыбы, не то кого-то, держащего кувшин, из которого по задумки архитектора, должна была литься вода, но в эту самую минуту, фонтан не издавал ни звука, потому как был абсолютно высохшим. Прямо на краю, перекинув ноги через борт, сидела Шерин — ее фигура с опущенными плечами могла бы казаться продолжением ночного мраморного ансамбля, если бы ни чуть колышущиеся от ночного ветерка кудрявые волосы. Она сидела неподвижно, глядя на ночное небо, и не издавала ни звука. Халк автоматически огляделся по сторонам, убеждаясь, что вокруг нет третьих лиц, после чего зашагал к фонтану. Первым делом нужно было убедиться, что с ней все в порядке.

— Шерин? — Негромко позвал он, подходя сзади.

Она повернулась не сразу, чуть погодя, будто не сразу распознав голос.

— Халк?

— Что ты здесь делаешь? Какого черта ты уехала с ранчо без разрешения, да еще и на последнем автобусе?

— Я знала, что ты будешь ругаться, но мне надо было...

Речь ее звучала нетвердо, будто чуть скомкано, и Халк вдруг осознал, что она пьяна. Он смог убедиться в этом, когда подошел ближе и увидел в ее руках большую бутылку из темного стекла.

— Что ты пьешь?

— Бурбон. Купила в супермаркете...

— Бурбон? — Удивленно повторил Халк. — Ты сидишь ночью в парке и пьешь бурбон?

— А что, по-твоему, мне надо пить и где? — Сязвила Шерин. — Бокал красного вина, сидя перед камином и читая женский роман?

Халк даже не нашелся, что ответить. Он помолчал, чувствуя облегчение от того, что, наконец, нашел ее, перемешавшееся с изрядной долей замешательства. Как лучше вести себя с пьяной Шерин? Он не был уверен, что знает как вести себя с ней же трезвой, поэтому лишь нетерпеливо звякнул ключами от машины и произнес.

— Небезопасно сидеть здесь ночью. Пойдем.

— Куда пойдем?

— Домой.

Шерин только хмыкнула в ответ.

— У меня нет дома.

Халк чертыхнулся.

— На ранчо.

— Не хочу на ранчо! — Будто капризный ребенок помотала она головой. — Надоело. Все здесь надоело. Ранчо — это твой дом, не мой.

Она поднесла бутылку ко рту и отпила изрядный глоток прямо из горлышка.

— Оставь это пойло в покое!

Халк подошел ближе, но Шерин тут же прижала бутылку к груди.

— Нет! Она моя! В восемь баллов мне обошлась!

Едва не рассмеявшись такой непосредственности, Халк вдруг понял, что оказался вконец сбитым с толку. Он стоит непонятно где — ночью, в парке, пытаюсь увести домой пьяную девушку, которая капризничает и не желает сдвигаться с места. Не взваливать же ее на плечо, ей-богу. Что за дурь?

— Пойдем, Шерин. У меня есть все права тебе приказывать — ты знаешь это.

— Да, конечно. Можешь приказывать, можешь все баллы отобрать, я знаю. — Эта фраза прозвучала не вызывающе, больше грустно.

Халк понял, что нажим здесь не сработает, поэтому тут же сменил тактику.

— Давай поедem. Не будем ругаться, я не буду наказывать, сделаем вид, что ничего не случилось. — Сказал он мягко.

Шерин медленно поставила бутылку на край фонтана и в первый раз обернулась. От ее взгляда — удивленного и растерянного — у Халка где-то внутри начал образовываться комок.

— А знаешь, ты ведь не плохой совсем, да? — Спросила она, и его ком стянулся еще туже. Халк тряхнул головой, чтобы избавиться от непривычных ощущений, в то время как Шерин продолжила:

— Мы поедem, да, но, пожалуйста, давай немного посидим.

— Посидим?

— Да, вот тут. Я устала от ранчо — не хочу назад. Пока.

Вся эта ночь — тихие аллеи, ветерок, сияющая луна, фонтан и Шерин с бутылкой в руках — сделали картину какой-то нереальной, сюрреалистичной, словно истончили полотно реальности.

Халк присел на край фонтана и тоже перекинул ноги. Дно бассейна было потрескавшимся, поросшим растениями, пытающимися найти влагу под тяжестью каменной чаши. Тишина укутывала двух путников, присевших отдохнуть в глубине парка.

Как ни странно, но Халк вдруг осознал, что тоже не торопится домой. Было во всем происходящем что-то успокаивающее и давно забытое. Почти романтическое. Ласка летней ночи перемешалась с легким чувством вины от того, что это он — Халк — выбил Шерин из колеи, а посему не было ничего плохого в том, чтобы позволить ей отдохнуть от привычной рутины и суеты. Кому помешают лишние десять минут в парке, особенно когда вокруг так спокойно и даже хорошо?

Откуда-то пришли неясные обрывки ощущений, когда внутри не было одиночества, был кто-то нужный и знакомый рядом, когда хотелось совершать невозможное просто потому, что какие-то струны в душе звенели от простого прикосновения ночного, как и сейчас, ветерка.

Эти ощущения — чудесные и неожиданные, были встречены Халком в удивленном молчании. Он

боялся спугнуть их — такие хрупкие и неосязаемые, что могли бы улечься в секунду, позволю он хоть единой мысли протиснуться в голову. Но вместо этого, Халк полностью расслабился, погрузившись в здесь и сейчас — тихий стрекот сверчков в траве, едва уловимый шелест крон, звук похрустывающих под подошвами ботинок мелких камешков на дне бассейна. Застыв — осторожно и тихо, проникнувшись красотой этой ночи, Халк вдруг понял, что благодарен за вот этот момент, так неожиданно и красиво подаренный ему судьбой. Он не пытался понять, откуда всплыли эти обрывки, не пытался вспомнить или анализировать, что они могли бы означать, но был просто рад, что они вот так вот неожиданно нахлынули на него, напоминая о том, что существуют нежные и чувственные пласты его души, лежащие где-то глубоко под повседневной скукой.

Осознав, что Шерин вот уже некоторое время смотрит на него в тишине, Халк спросил:

— Что?

— Ты сидишь. Сидишь здесь, со мной.

— Да, сию. Ты же попросила.

— Угу... — Как-то неопределенно, будто все еще удивляясь, промывчала она, и они снова затихли.

Время растянулось, стало гибким или же вовсе застыло. Парк скрадывал минуты, а тишина не давила.

— А где твой дом? — Спросил Халк. — В Клэндон-сити?

Шерин покачала головой.

— Я думала, что он там, да. А теперь понимаю, что там просто квартира. Можно ли ее звать домом?

— А что можно звать домом?

— Дом — это ведь не набор бетонных балок, перегородок, окон и ковров. Разбери их все, сломай и собери заново по-другому, и это перестанет быть тем, что ты называешь домом. Дом — это определенный порядок вещей в жизни. Знакомых, привычных и понятных. Когда ты знаешь, что в ванной все стоит так, как ты поставил, когда есть любимая кофейная чашка на кухне, когда ты знаешь, что можешь пойти утром в магазин за углом, а там тебе улыбнется продавец Чак, с которым ты, кажется, знаком тысячу лет.... Да, дом — это порядок вещей. И может, состояние внутри тебя. Халк задумался и понял, что она права. Дом — это не строение, к которому ты привык. Это что-то большее.

— А теперь я думаю, что дом — это кто-то рядом с тобой. И не важно где, но если он рядом, тогда тебе везде дом. А иначе твоя квартира превращается в просто еще один бетонный склеп, где все уныло и пусто.

На долю секунды Халк почувствовал непонятное напряжение внутри. Он понимал, что не должен был спрашивать, но все же спросил.

— И так было с Алексом? Тебе было хорошо с ним где угодно?

Шерин усмехнулась в темноте, он больше почувствовал это, нежели увидел.

— Нет. Я хотела, чтобы так было. Но мы вдвоем не стали «домом».

— Извини, что я рассказал тебе про него.

— Нет-нет.... Хорошо, что теперь я все знаю, и больше нет иллюзий. Они больно крушатся, но еще больнее жить в мире, который не существует на самом деле.

Они снова замолчали. Шерин отхлебнула бурбон и протянула бутылку Халку, но тот только покачал головой.

— Просто пусто стало от правды. — Призналась она. — Идея — она ведь чем хороша, что ведет тебя вперед, дает какой-то смысл, даже если она ложная. А когда идея заканчивается, заканчивается и вдохновение. Особенно, когда слишком много привычных вещей отсутствует в жизни.

— Каких, например?

Шерин снова улыбнулась в темноте, и Халку, вдруг, захотелось тоже улыбнуться.

— Каких? Шопинга, например. Я ведь владелец магазина и очень люблю красивую одежду. Скучаю по свежей выпечке, по тому, как иногда можно погулять по улицам, и там пахнет вафлями. Скучаю по спа-салонам и по мороженому, по кофе по утрам, по вечерним теленовостям, по работе, — она засмеялась, — по мне и не скажешь, что я такая вот мисс, да? У меня только одни джинсы и одна замусоленная футболка. Не до красоты. И кроссовки почти развалились. Но больше всего я скучаю по людям — просто по друзьям. По кому-то с кем можно было бы поговорить. Здесь очень одиноко. Наверное, в Тали всем одиноко, но ты сам для себя всегда важнее всех.

Халк смотрел на луну и слушал голос Шерин. На какой-то момент ему почудилось, что они сидят в обычном мире, в обычном городе — он и Шерин. И что все только начинается — осторожно, красиво и так заманчиво-притягательно. Она смеется, он слушает. Она рассказывает, а он только улыбается в ответ. Халк даже тряхнул головой, чтобы наваждение рассеялось, но это не особенно помогло. Что за ночь такая? Ему вдруг стало интересно, а как Шерин выглядит в элегантной одежде, красивая, пахнущая дорогими духами?

Задумавшись, он даже не сразу распознал, что она обращается к нему с вопросом.

— Что?

— Я спрашиваю, почему ты сам приехал? Почему не послал Грегга?

— Соскучилась по Грегу?

— Да ну тебя! — Она едва не пихнула его в бок локте и тут же смутилась. — Смотри, какую они тут наваяли рыбу! — Шерин указала пальцем на мраморную статую в центре.

— Так это все-таки рыба?

— А то! Вот такая! Я рассматривала. — И Шерин повернулась к нему, сложив губы бантиком, чтобы стало похоже на статую, но вместо этого Халк залюбовался ее лицом, освещенное лунным светом. — Похоже?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не такая замшелая и потрескавшаяся.

— Ну, и на том спасибо.

Вдруг, где-то сзади Халк услышал шаги и обернулся. Приближался полицейский.

— Спрячь бутылку. — Скомандовал Халк.

Шерин зашелестела пакетом.

Полицейский стремительной походкой приближался к фонтану.

— Это что за безобразие! Почему вы сидите в фонтане — вы нарушаете установленные правила!

К тому времени, когда он подошел, Шерин и Халк уже вылезли из бассейна и теперь стояли рядом с бортом. Бутылка была надежно укрыта от глаз.

— Покажите ваши браслеты! — Прорычал хранитель порядка. — Вы получите огромные штрафы за пребывание в неподобающем месте в ночное время, и я лично прослежу, чтобы...

Не успел он закончить фразу, как Халк протянул ему какой-то жетон с голографической печатью. Полицейский посветил на него фонариком, после чего тон его разительно переменялся с грубого почти на раболепный.

— О-о-о! Мистер Конрад! Прошу прощения, я не смог вас рассмотреть в темноте.

— Ничего страшного. — Голос Халка прозвучал ровно, но прохладно.

— Я не хотел нарушать ваше уединение, вы волны делать все, что угодно, но эту мисс я все равно должен проверить.

Он посветил фонариком в лицо Шерин.

— Нет, не должны, мистер Грисьяк. — Отрезал Халк. Имя полицейского он прочитал на бейдже, прикрепленном к униформе. — Я думаю, мы понимаем друг друга.

Шерин удивилась, как разительно переменялись манеры и поведение Халка всего за какие-то несколько секунд. Только что он сидел на кромке фонтана и улыбался, а тут уже надменно взирает свысока, лицо будто маска, голос холодный и недобрый. И полицейский, вероятно, прекрасно понял, что не стоит противоречить, но работа требовала быть настойчивым в исполнении обязанностей, поэтому он нерешительно пролепетал:

— Я, понимаете, должен установить личность вашей... леди, и сообщить в управление....

— Думаю, что мы сможем уладить все тихо. — Перебил его Халк. — Дайте ваш браслет.

Полицейский покорно протянул руку.

Что-то тихо пикнуло, после чего лицо служаки разительно изменилось — он посмотрел на счетчик и расцвел.

— Никаких проблем, мистер Конрад. Желаю приятного отдыха. Я никого с вами не видел.

Почти так же быстро, как и появился, полицейский исчез в одной из темных аллей парка. Халк нахмурился. Романтический настой пропал, нужно было убираться из парка.

— Поехали. — Бросил он Шерин и протянул руку, чтобы взять пакет в котором покоился бурбон.

Шерин отдала бутылку, вздохнула и поплелась следом. Ей было жаль терять того, кого она на миг увидела в лице Халка — почти друга, но нужно было смотреть правде в глаза — он хозяин ранчо, откуда она без разрешения сбежала. Не стоит проверять его терпения тогда, когда он уже и так был добр, соглашаясь забыть про побег. И все же....

Уже через несколько минут мотор джипа равномерно тарахтел, колеса отсчитывали обратные километры до ранчо, и Шерин почти сразу же уснула на соседнем сиденье.

Халк посмотрел на нее и на зажатую в руке бутылку.

Да, полицейский подпортил романтику вечера, но ощущения, которые нахлынули на Халка в парке, будто спрятались внутри, чтобы их не заметили и не сумели избавиться и теперь — хитрые и забавные — плотной горсткой сидели там и осторожно глазели на Халка.

Он покачал головой.

Что-то неуловимо изменилось вокруг, но он не мог понять, что именно. Вроде та же местность, та же трава, те же горы вдалеке. Вот только воздух стал вкуснее, чувства острее, а ночь спокойней и, в то же время, насыщенней и ярче. И усталости совсем нет. Новизна восприятия не мешала — наоборот — казалась успокаивающей и правильной. Халк еще раз покачал головой.

Мир — странная штука.

С той ночи, как мы вместе вернулись на ранчо, прошло три дня. Вагонетка моей жизни быстро вошла

в старую привычную колею и теперь прочно держалась в ней всеми колесами. Большую часть времени я занималась переводами, сидела на крыльце или помогала Табите, но Халка почти не видела. В последние дни по вечерам он часто уезжал в город — то ли в клуб, то ли по каким-то другим делам, а я, теперь уже можно было честно признаваться в этом — скучала по нему. Днями, если я бывала на улице, я осторожно высматривала его фигуру. Теперь я чаще чем когда-либо кидала взгляды в сторону его окон или на балкон, надеясь увидеть, как он стоит там, раскуривая сигару или же наслаждаясь свежим воздухом.

В эти дни я ощущала, как между нами протянулась тонкая невидимая нить, соединившая нас. Я будто стала чувствовать Халка на расстоянии, стала особенно восприимчивой, если где-то неподалеку звучал его голос, слышала глухой стук собственного сердца, если он проходил в пределах видимости.

Я не знала, кем именно мы стали. Друзьями? Хорошими знакомыми? Кем-то еще? Одно я понимала наверняка — меня тянуло к нему магнитом, будто уставшую барахтаться на волнах шлюпку к райскому острову, где было питье, укрытые, тепло и отдых. Где хотелось растянуться во всю длину на песке и закрыть глаза, чувствуя под собой твердую почву, слушая лишь скрип пальмовых стволов и слушая близкий прибой ласковых волн.

Это притяжение становилось день ото дня все сильнее, и я не особенно знала, что с этим делать. Прятать его? Показывать? Не став особенно сильно углубляться в сомнения, я просто решила дать этому быть. Потому как все равно понимала, что избавиться от новых чувств навряд ли получится. Но один момент меня волновал больше других — чувствовал ли то же самое Халк? Уловил ли он ту тонкую странную связь, которая возникла после той ночи у фонтана? Как будто наши радиоприемники настроились на одну и ту же волну? Ответ на этот вопрос мне не могу дать никто, кроме самого Халка. А я совсем не была уверена, что хочу его знать. Теперь меня немного пугали оба варианта — прояви он положительную реакцию или же отрицательную. Новизна ощущений и в том и в другом случае грозила в который раз довольно сильно искривить мой привычный мирок. Я также заметила, что восемь баллов, потраченные мной на бурбон, тихо и мирно вернулись на мой браслет, будто Халк таким образом еще раз извинился за свою причастность к моему резко упавшему настроению. Я молча кивнула сама себе, принимая его извинения, и улыбнулась. Сколько бы Халк ни прикидывался монстром, для меня он стал самым заботливым существом за последние несколько месяцев, и это странно и необычно согревало изнутри. Если бы то, во что превратились наши отношения, взяло и застыло на той же самой точке, без попыток улучшиться или скатиться вниз, я бы не роптала, потому как была очень довольна новой возникшей дружбой. И этой тонкой ниточкой, что теперь вела откуда-то изнутри меня к Халку.

Новых страниц перевода скопилось довольно много, и я понимала, что вскоре будет новый вечер их чтения в кабинете на втором этаже. Я с замиранием сердца ожидала этого момента, не подгоняя его, а больше наслаждаясь предвкушением близости к Халку. Какой же он все-таки? Какой Халк по-настоящему изнутри? И что в нем такого, что хочется свернуться калачиком на коленях и дремать, прижавшись щекой к теплой груди?

Я не знала.

Но решила, что в следующую поездку в город мне обязательно нужно найти несколько вещей, о которых я раньше не задумывалась. Просто так, на всякий случай.

Однако уже следующий день заставил меня забыть о сентиментальных глупостях, напомнив о суровой реальности Тали, что окружала меня.

Это случилось в полдень следующего дня.

Возвращаясь из каменоломни с пустой телегой и жбанами на ней, я еще издалека услышала злые голоса, выкрики и чей-то вопли. Метрах в пятидесяти от меня, почти у самых ворот, ведущих к шоссе, столпились охранники — Грег гневно кричал и жестикулировал, мелькали руки и дубинки и кто-то лежал на земле. Почти неосознанно, я бросилась ближе, оставив телегу стоять на пыльной дороге. Происходило что-то ужасное.

Били мужчину. Не молодого уже, насколько я смогла понять по морщинистой коже, которая была покрыта кровью и грязью. Рядом валялась слетевшая с его головы мятая бумажная кепка, какие после моего нововведения носили работники плантаций. Мужчину пинали ногами, били дубинками по спине и ребрам, даже не давали подняться с земли. Вокруг стал собираться народ. Работники боялись, но все же подходили ближе, чтобы увидеть, что происходит. Грег брызгал слюной так, что невозможно было разобрать слов. Лежащий на земле корчился, стонал и шипел, будто его легкие были насквозь проткнуты. Кровь стекала по разбитому носу и губам, он пытался прижимать руки к груди, чтобы защитить живот от ударов, но это не помогало. Конечности его подрагивали всякий раз, когда очередной ботинок сорвавшегося с цепи охранника врезался в голую грудь, спину или голову. Я не запомнила всех деталей, только ощущение полнейшего ужаса и холода, что ледяной простыней накрыло меня, несмотря на сорокоградусную жару. Хорошо запомнила ощущение беспомощности, бессилия и отчаянной злости. Злобные лица охранников, полные паники и горя глаза каких-то женщин, крестящегося старика, бессильно сжатые кулаки мужчин и слюну, летящую изо рта Грега. — Что вы делаете! — Не сознавая, что это мой собственный голос, заорала я. — Вы же его убьете! Не помня себя, я рванула вперед, но кто-то, стоящий рядом, схватил меня за руку.

— Стой! Не надо туда!

— Куда...

— Остановись!

Не обращая внимания на голоса и пальцы, которые пытались меня удержать, я бросилась вперед с такой силой, что майка нездорово затрещала по швам.

— Оставьте его, скоты!

Вырвавшись вперед, я подскочила к охраннику, который в этот момент замахивался на уже почти бездыханного мужчину, я схватила его палку и попыталась вырвать ее из рук.

— Не смей его бить! — Одной рукой я вцепилась в дубинку, а второй колотила того по спине.

Охранник резко развернулся и зарычал. Не успела я предпринять еще одной попытки, как меня кто-то грубо отпихнул в сторону.

— Пошла отсюда!

Оказавшись сидящей в пыли, я лишь мотнула головой, приходя себя после чувствительного тычка в ребра, но, не обращая внимания на боль, я снова попыталась броситься на охранников.

— Оставьте его в покое! — Я задыхалась, мои легкие хрипели, как будто в них насыпали песка.

— Я тебя сейчас оставлю в покое! — Прорычал знакомый грубый голос прямо над ухом, и чья-то пятерня резко развернула меня на сто восемьдесят градусов. Последнее, что я успела увидеть, было перекошенное лицо Грега и его же кулак, летящий по направлению ко мне.

Правая половина лица взорвалась болью, и мир на мгновение померк.

Прошло совсем немного времени, как кто-то уже тряс меня за плечо.

— Поднимайся, родная, вставай.... Ты живая? Не лежи. Живая? Дуреха.... Ай-яй, больная, куда полезла!.. — Голоса расплывались, картинки тоже, глаза не хотели открываться, но я все же сделала усилие, чтобы это случилось. Царапая ладони об мелкие острые камешки на дороге, я осторожно, с чьей-то помощью сумела принять сидячее положение. Голова раскалывалась, щека пульсировала так, что напоминала бомбу, мир медленно прокручивался вокруг.

Вероятно, с того момента, как Грег меня ударил, прошло всего минута или две, в течение которых я без сознания лежала в пыли, пока кто-то не оттащил меня в сторону.

Мужчину уже не били, но охранники все еще стояли вокруг него, как гончие псы, только что задушившие добычу. Жертва не шевелилась и больше не стонала. Сплошной комок из песка, грязи и крови — он уже мало чем напоминал человека. Грег, с лица которого тек пот, убрал дубину за пояс и теперь вещал для собравшихся.

— ... и так будет с каждым, кто попытается бежать с ранчо или сделать шаг за ворота! Я ясно выразился? С каждым! Кто-нибудь еще, кто хочет попробовать?

Толпа роптала и переминалась, окутавшись облаком ужаса. Кто-то плакал.

Сплюнув в песок, Грег рывкнув, чтобы лежащего на земле мужчину унесли в изолятор, и приказал разогнать толпу.

— Ну, пошли отсюда! Расходитесь!

Кто-то наспех помог меня подняться с земли, и я, шатаясь, двинулась по направлению к дому. Я почти не помнила, как добралась до комнатухи, почти не помнила, как упала в постель. Хотелось одного — закрыть глаза и забыться, не думать, не чувствовать, не помнить. Не помнить о лежащем на земле мужчине, о том, какие звуки издают дубинки, соприкасаясь с кожей, ни о ранчо, ни о Тали, ни обо всем плохом, что случается за пределами этой коморки.

Есть ли где-то что-то хорошее на земле? Или жизнь — это сплошное чередование плохого с еще более плохим? Я перевернулась на бок, прижала ладонь к опухшей щеке и тихонько завывала.

Халк вернулся поздним вечером.

Я слышала, как его джип подъехал к гаражу, и как открылась наружная дверь, пропуская машину внутрь. Несмотря на то, что моя щека, спустя несколько часов, казалось, болела еще сильнее, я все же дождалась этого момента.

Как только все во дворе затихло, я, не теряя ни минуты, покинула свою коморку и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж. Возле его кабинета я на мгновение застыла, прислушиваясь — но посетителей, вроде бы не было (голоса не звучали) — после чего постучала. Халк открыл дверь, и я, не говоря ни слова и не спрашивая приглашения, прошла внутрь.

Когда свет упал на мое лицо, Халк медленно, не отрывая взгляда от моей щеки, закрыл дверь, и подошел ко мне.

Несколько секунд он просто стоял напротив, рассматривая опухшее лицо — серые глаза полыхали плохо сдерживаемой яростью, губы сжались в тонкую линию, квадратные углы на челюсти особенно выделялись теперь, когда все го мышцы были напряжены. Даже шея стала походить на переплетение канатов.

— Грег? — Только и спросил он.

— Да. — Спокойно ответила я. — Но за дело, так что не переживай.

— За какое дело? — Казалось бы, ровно спросил Халк, но от его голоса в углах комнаты появился иней.

— Я бросилась на охранников с кулаками.

— Зачем?

— Пыталась остановить.

— Остановить что? — Халк продолжал стоять напротив, ноздри его едва заметно подрагивали, выдавая то количество усилий, которые он тратил на то, чтобы казаться безэмоциональным. Что-то подсказывало мне, что стоит только раздаться неосторожному звуку, как все и вся вокруг будет порвано голыми руками.

— Остановить избиение мужчины.

— О чем ты говоришь?

— Грег еще не доложил? — Притворно удивилась я. — О том мужчине, которого сегодня били вмятером дубинами? Который валялся на земле и задыхался кровью и песком?

Халк застыл. Атмосфера в комнате накалилась еще больше. Напряжение перетекло в недобрую смесь, готовую неадекватно себя повести при любом неосторожно брошенном слове.

Повисшая тишина давила на уши, подстегивая мое раздражение.

— А ты... — Я едва удерживалась от того, чтобы не ткнуть Халку пальцем в грудь.

— Что я?

— Тебя там не было! Не было, чтобы все это прекратить! — Выплюнула я ему в лицо. — Почему так? Где ты был?

— Я не отчитываюсь перед тобой. — В глубине серых глаз появился лед.

— Может, это все с твоего разрешения происходит? Тебе так выгодно? Или нравится? Скажи мне! —

Я понимала, что переступаю черту, но гнев, копившийся во мне несколько часов к ряду, теперь выплескивался наружу, хотела я того или нет. — Почему на него одного набросилось столько людей, когда можно было наказать баллами? Неужели обязательно было вот так?

— На ранчо свои правила!

— Их ты придумал такими? Ты!? — Теперь уже кричала я.

Халк скрежетнул зубами и резко указал на дверь.

— Уходи.

— Ах, уходи! Так все просто? У тебя всегда все так просто?

— Я сказал, уходи!

— Ты — зверь! — Взорвалась я, чувствуя, как по моим щекам текут слезы. — Ты ничего не сделал, чтобы это предотвратить! Ты ничем ему не помог!..

— Вон! — Крикнул Халк.

Я вздрогнула, вытерла мокрые щеки и с застывшей спиной направилась к двери.

— А он умер, слышишь? Умер он....

Когда дверь кабинета закрылась, Халк, что было силы, сжал кулаки. Постояв так несколько секунд, он заставил себя расслабиться, подошел к стене, оперся на нее ладонью и закрыл глаза. Все тело болело от напряжения, тишина, после криков, только что звучавших в комнате, опустошала.

Только он один знал, что происходило на ранчо, и правда должна была храниться в секрете, чего бы

это ни стоило. Даже если это будет стоить всего. Всего. Даже ее.

Халк отошел от стены, подошел к бару и налил в стакан виски. Залпом выпив содержимое, он вновь наполнил его и только после этого позволил себе опуститься в кресло.

Когда он раскуривал сигару, его руки дрожали.

Она знала, что более удобного момента может не представиться никогда.

Вчера, Грег, наконец, передал ключ. Ублюдок — как же долго он с этим тянул. Янка бы расстраивалась и дальше, если бы все события, как нельзя кстати, вдруг ни сошлись в одну нужную ей картинку. Более чем подходящую картинку. О, нет! Она больше ничуть не расстраивалась — она ликовала. Впервые за долгое время Янка радовалась по-настоящему.

Как же здорово, что Шерин вчера оказалась в самом центре заварушки с охранниками. Это было не просто кстати, это было чудесно! Теперь, когда она была так расстроена и зла на Халка и его людей, все сразу же поверят в ее виновность, никто даже проверять ничего не будет, Янка была в этом абсолютно уверена. Все будет расценено как месть — яркая, жесткая и молниеносная. Месть Шерин за то, что все на ранчо не так, как ей хочется, за то, что ее ударили, за то, что ведут себя несправедливо по отношению к бедным работягам.

Янка криво усмехнулась.

Кого вообще заботят эти жалкие отбросы общества? Они все заслужили быть здесь, все заслужили эти наказания, тяжелую работу и побои! Чего вообще было лезть и заступаться за кого-то из них?

Янка всерьез недоумевала, как людьми могли управлять, так называемые, благородные порывы. Все знают — это жестокий мир, где каждый крутится так, как может и выживает лишь тогда, когда способен отвоевать кусок пожирнее и послаще.

Теперь же это будет месть Янки. Тихая, великолепная, ядовитая и хорошо продуманная. О, да!

Ожидание было долгим, но оно того стоило. Когда Шерин уберется с дороги, Янка будет жить в особняке — все уже давно было подготовлено....

Сидя на ступенях барака и шурясь от яркого утреннего солнца, Янка еще раз и еще раз прокручивала в голове детали хитроумного плана.

Поджог должен случиться сегодня вечером, больше ждать нельзя, придется действовать быстро и по обстоятельствам. Итак, ближе к ночи будут гореть склады с урожаем — все, что было собрано с полей за последний месяц, будет объято огнем. Жаль, что придется попортить и ягоды — столько труда было вложено в их сбор соседками, но что поделать, если все находятся в соседних помещениях. Итак, когда загорится деревянный амбар, огонь аккуратно перекинется и на женский барак, который стоит по соседству. У женщин будет достаточно времени, чтобы выскочить наружу, Янка была в этом почти уверена. Но только не она сама должна будет увидеть пожар первой, дым должен учуять кто-то еще. Тут приходилось положиться на удачу. Но это был не самый важный момент.

Важно было другое — пустую канистру с бензином нужно было пронести в комнату Шерин, а до этого, нужно стащить кое-что из одежды у этой суки. Какую-нибудь футболку, которую та часто носит. Эту майку надо будет ненадолго сунуть в огонь, чтобы на ней остались следы, которые трудно будет спутать с чем-то еще.

Футболку стащить не проблема, достаточно лишь будет пробраться в комнату тогда, когда Шерин повезет еду в каменоломню. Это случится в обед. А позже она будет выманена из коморки еще

одним событием, которое тоже уже было наскоро спланировано. Хорошо бы, если бы где-то рядом с горящим складом, охрана нашла какую-то вещь, принадлежащую Шерин, но что это может быть? Янка нахмурилась, размышляя. Время подгоняло, а нужно было еще столько всего продумать. Солнце поднималось все выше, надо было собираться и идти работать. Остальные уже давно трудились у ягодных кустов.

Чувствуя, как пот от напряжения катится по спине, Янка недовольно поднялась со ступеней, прихватив перчатки, которые некоторое время назад Шерин купила для всех женщин, царапающих руки о колючие кусты. Надо же! Обо всех подумала — эта святоша! Ну, ничего.... Теперь уже совсем скоро.... Гораздо скорее, чем все предполагают.

Время до обеда тянулось медленно, было жарко и тяжело, но Янка не роптала. Она собирала ненавистные ягоды, даже не прислушиваясь, о чем болтали другие. Мысли ее постоянно прыгали с одного предмета на другой, но тема их была общей — сегодняшний поджог.

Канистра с бензином, которую она несколькими ночами раньше умыкнула из гаража, надежно покоилась между толстыми стеблями кукурузы. Работники еще не скоро доберутся в эту часть поля, побеги были слишком молодыми, а, значит, риск того, что она могла быть кем-то обнаружена, отсутствовал. Зажигалку, Янка сперла у Грега давно, и та теперь постоянно лежала в кармане юбки — так, на всякий случай. Нельзя было оставлять ее в бараке, женщины могли случайно наткнуться и запомнить ее. А это стало бы важной уликой против Янки.

С бензином придется быть осторожной, чтобы самой, не дай Господь, не пропахнуть, хотя в суматохе это вряд ли кто-то заметит. Янка всего лишь выскользнет пописать, а когда вернется, амбар и барак будут уже задаваться пламенем. Женщины спят крепко и не проснутся только от того, чтобы кто-то встал в туалет — проверено многократно. Тут Янка не особенно волновалась, да и какой-то доли риска все равно не избежать. Ничего тут не поделаешь.

Назойливая муха прожужжала мимо Янкиного уха, и та досадливо поморщилась и вслепую отмахнулась. Как же ей надоело торчать на этом солнцепеке, в жаре, в скуке, зарабатывая ежедневные гроши, которые сулят освобождение не раньше, чем лет через двести. Она всерьез тосковала по временам, когда работала в мужском клубе — зарабатывала куда больше, даже веселилась здесь и там, развлекалась с хозяином, а по вечерам возвращалась пусть и в небольшую, но все-таки свою комнату. Да и Роберт был таким славным.... Как пацан в чем-то, но все равно славным. Янке нравилось его кормить.

А потом эта Шерин все испортила! Это из-за нее все повернулось так, как повернулось — это поганое ранчо, эти бабы, адский труд и никакого просвета впереди! Почему ее поселили в той комнате, тогда как Янку запихнули в барак? Почему она каждый день общается с красавчиком-Халком, когда это Янкина мечта, иметь шанс захомутать одного из самых престижных оунеров Тали и снова кататься в масле сыром? Почему Шерин не горбатится над этими несчастными кустами, а изображает из себя спасительницу-героиню всех несчастных и обделенных? Почему она не спит в продуваемом скрипучем бараке, как овца, запихнутая в стадо, не способная найти ни минуты отдыха или уединения?

Янка с силой сжала кулаки, ее почти трясло от злости. После сегодняшнего — Шерин накажут. Накажут так, что ничего у той не останется. А еще лучше, если Халк отдаст ее на растерзание Грегу — тот так давно хотел с ней позабавиться!

Но самое главное, что когда женский барак загорится — обитательниц придется переселить куда-то в другое место. И Янка полагала, что этим новым местом окажется особняк Халка. А куда же еще? Других строений вокруг не было. Придется ждать какое-то время, пока их либо отстроят, либо починят горелый барак, а это все равно займет неделю или две. А то и больше. Не оставят же спать на улице? А когда Янка приютится в особняке, она уже найдет способ, как там остаться, недаром она уже завела несколько знакомых среди уборщиц и посудомоек. Поговаривают, что кое-кто из них мог бы замолвить слово перед Халком, что она — Янка — могла бы пополнить ряды рабочего персонала особняка, откуда, глядишь, прямая дорога к налаживанию отношений с хозяином.

Она едва только не облизнулась, думая об этом. Хорош он все-таки — этот Халк — здоровый, мощный, гордый. И не гордый даже, а с достоинством внутренним. Ей такие нравились. С таким, если в свет выведет, все вокруг слюнями обольются....

Но сначала нужно убрать с дороги Шерин. Она всегда портит. И всегда портила!

Продолжая следить за положением солнца, Янка снова мысленно углубилась в детали того, что должно было раз и навсегда поменять положение вещей.

Наступило время обеда.

Нервы Янки, и без того истончившиеся, натянулись до предела. Пора было действовать. Каждая минута была теперь на вес золота. Появившись в столовой и проведя там некоторое время, чтобы не привлекать внимание своим неожиданным отсутствием, Янка едва только запихнула в себя хлеб и пару ложек какого-то супа, после чего осторожно выскользнула в коридор, а, затем, на улицу.

Прокравшись по аллее к особняку, Янка спряталась за кустом, растущим у задней стены дома. Отсюда хорошо просматривалась кухня и стоящая на тропинке Шерин, ожидавшая, пока Табита вынесет и водрузит на телегу жбаны с едой. Как вовремя! Не иначе, как госпожа удача сегодня приветливо махала рукой.

Как только со жбанами было покончено, Шерин поволокла телегу по дороге, ведущей к полям, за которыми располагалась каменоломня, а Табита скрылась в кухне. Янка перевела дыхание, выбралась из куста, подкралась к одному из боковых входов в особняк и скользнула в прохладную тень коридоров.

Теперь нужно было лишь молиться, чтобы никто не встретился ей по пути к комнате.

Изо всей силы сжав потными пальцами заветный ключ, Янка быстро и тихо курсировала по изгибам и поворотам дома. А вот и оно! Место назначения.

Теперь она стояла перед входом в комнату Шерин и прислушивалась. Никого. Ничего. Тихо. Да, руки ее тряслись, пот тек по спине, но сердце билось гулко и восторженно. Наконец-то! Как же долго она ждала этого момента!

Провернув ключ в замке и волнуясь из-за того, что он мог не подойти, Янка с облегчением вздохнула, когда услышала характерный щелчок и услышала скрип отворяющейся двери. Сработало! Молниеносно закрывшись в комнате изнутри, Янка лихорадочно огляделась вокруг — стол, кровать и один единственный шкаф. Мда-а-а. Не густо. И не совсем так, как она ожидала, но все же лучше, чем барак.

Теперь снова нужно было действовать. Лишь краем глаза отмечая детали, Янка принялась рыться в шкафу, пытаясь отыскать что-то, что Шерин носила чаще всего. Именно эта вещь должна стать той самой уликой, подпорченной пожаром, и именно эту вещь будет приятнее всего портить.

Янка плотоядно улыбнулась, удовлетворенно втянула воздух и тут же поморщилась от витающего в воздухе слабого аромата Шерин.

Как же Янка ее ненавидела! Все эти умные книжки, лежащие на столе, в которых ни одно слово невозможно прочесть, все эти тетради для записей, карандаши, даже настольную лампу. Под кроватью оказалось пусто, в углах тоже ничего не было — как же примитивно и убого — но вот крыльцо было вполне себе ничего. На нем можно было посидеть вечерами с определенной долей удовольствия, когда комната перейдет в ее полноправное владение.

Руки Янки пренебрежительно перебирали лежащие на полке шкафа тряпки. Здесь было несколько трусов, пара запасных носков и несколько маек, но не из тех, что были заметны на Шерин ежедневно. Янка начала досадовать. Где же оно?

На верхней полке покоились банные принадлежности — мыло, шампунь, полотенце, зубная щетка и еще какая-то мелочь. Как мило! Но все не то.

Янка опустила глаза, чтобы рассмотреть, что именно лежало на самой нижней полке (в комнате было довольно темно, а свет включать было рискованно) и возликовала. Вот! Ну, наконец-то! Та самая грязная голубая майка, что Шерин носила почти ежедневно! Ничего не могло подойти лучше, чем это. Спроси любого описать Шерин, и каждый непременно упомянет эту майку, как неотъемлемый атрибут внешности этой выскочки. Прекрасно!

Янка свернула майку настолько плотно, насколько смогла и подпихнула ее под пояс собственной юбки. Вот и все. Можно убираться отсюда. Не хотелось уходить отсюда так быстро, но оставаться было рискованно.

Бросив взгляд на стол, Янка едва смогла справиться с внезапно нахлынувшим желанием подпортить древнюю книгу, которой так дорожил Халк, но ведь никто не поверит, что это сделала Шерин — всем известно, что она холила эти допотопные письма больше, чем сам владелец. Поэтому книгу придется оставить в покое. Перевод? Его бы Шерин тоже не стала портить собственноручно, как-то нелепо это все выглядело бы. Янка досадливо вздохнула. Видимо, придется на этом пока остановиться. Основной вред все равно будет причинен позже, поэтому Янка нехотя проглотила ядовитую желчь, которая разъедала изнутри.

Все. Пора.

Развернувшись, чтобы пойти к двери, Янка наткнулась взглядом на лежащую на кровати подушку и на мгновение задумалась. Больше по наитию, нежели ожидая чего-то конкретного, она подошла к койке и приподняла край подушки. Увидев торчащий кусочек холщевой ткани, Янка приподняла подушку еще выше и теперь смогла рассмотреть некий мешочек, горловина которого была затянута тесемкой. Подушка отлетела в сторону.

Что это такое? Что такое Шерин прячет под подушкой? Ценное? Должно быть ценное, если это так дорого хозяйке. И Янка возьмет это, даже если там лежит кусок навоза — просто так, из принципа — ведь никто не будет хранить под подушкой ерунду, а только то, что важно сердцу. А тогда кого заботит, чем именно это может оказаться?

Янка жадно схватила мешочек. Тяжелый. Даже очень. И странно позвякивает.

Раскрутив тесемку, Янка сунула пальцы внутри и достала что-то круглое. Что это? Сунув руку глубже, Янка вытащила еще множество похожих кругляшков разного цвета и положила их на ладонь. Они странно и тускло переливались в полумраке комнаты. Не веря собственным

предположениям, Янка подошла к окну, чтобы получше рассмотреть находку.

Невероятно! Камни! Кругляшки оказались драгоценными камнями — целой кучей драгоценных камней!

Янка едва не задохнулась от удивления, злости и радости. Где и как эта сука смогла достать такие драгоценности? А что, если они стоят целое состояние? Сколько их здесь всего? Десятки, сотни? Белые, зеленые, красные, голубые.... Какие угодно!

Пухлые губы растянулись в сумасшедшей улыбке — невероятно, просто невероятно найти такое в этой каморке! Даже не в этой коморке, а вообще в особняке или где-то еще на ранчо. Янка не думала, что и в целом Тали было много мест, где можно было наткнуться на такие камешки.

Испустив радостный вопль, Янка тут же зажала рот кулаком, огляделась вокруг, прислушалась и приказала себе успокоиться, после чего нехотя сложила камни обратно в мешочек. Мешочек тут же плотно завернулся в голубую майку, а майка снова отправилась под пояс юбки.

Все. Теперь точно дело сделано. Янка в последний раз обернулась. Она вернется сюда позже. Но сначала нужно уладить другие дела. Много дел, да. Но Янка радостно улыбалась. Все шло, как нельзя лучше. Ооо! А с последней находкой, так и вовсе замечательно. Если удастся сбыть эти камни по хорошей цене, то, может, это и есть ее шанс выбраться отсюда прямым экспрессом Тали — Свобода? А если и нет, то хотя бы наладить жизнь до приемлемого уровня? Как же здорово, что удалось составить такой замечательный план, получить ключ и найти такое!

Янка мысленно похвалила себя за идею проверить место под подушкой и выскользнула из комнаты. Все! Все здорово! Теперь нужно было найти Кончиту.

Кончитой звали девушку, которая убирала два нижних этажа особняка и подвал. Они сдружились во время ежедневных обедов и ужинов в столовой. Простенькая, бледная и невзрачная Кончита не имела много друзей среди обслуживающего персонала, потому как не была особенно умна или сообразительна, но она делала свою работу хорошо, и Халк решил оставить ее там, где она была приспособлена лучше всего — среди моющих и чистящих средств, тряпок, щеток и порошков. Когда же Янка заприметила одиноко обедающую в столовой девушку из obsługi особняка, она сразу же решила присмотреться к той поближе, чтобы по возможности обернуть знакомство себе на пользу, и теперь нисколько не жалела об этом. Янка вообще не любила упускать предоставляющиеся жизнью шансы — уж не так часто они выпадали на карту, а эта девушка оказалась настоящим кладом, потому как имела одно уязвимое место, о котором уже через несколько дней поведала новой подруге.

Кончита тайно вздыхала по одному из охранников, но ни в жизнь не решилась бы ему в этом признаться. Однако с помощью Янки, которая тесно общалась с Грегом, Кончита могла быть в курсе последних новостей из жизни возлюбленного, даже если те и не особенно отличались разнообразием, и Кончита просто млела от возможности услышать что-то новое, когда выпадал шанс увидеть Янку в столовой.

Янка же с удовольствием судачила о том и о сем со служанкой, посвящая ее в любые подробности из будней в мужских бараках, которые удалось выведывать у Грега. И хотя она, признаться честно, не была в восторге от дружбы с прилипчивой и недалекой Кончитой, теперь же все-таки была рада, что когда-то завязала знакомство. Сегодня Кончита очень и очень поможет ей, Янке, осуществить задуманное.

Свернув в один из узких коридоров, чтобы обогнуть парадный холл (мало ли кто там мог находиться в это время), Янка пробралась в служебное помещение — маленькую коморку, где хранились порошки и щетки, и где, насколько Янка знала, чаще всего появлялась Кончита, когда делала уборку. Янка от всей души надеялась, что ждать ей придется недолго, но все оказалось куда лучше. Служанка уже была там! Рылась среди каких-то щеток, накладывая в корзинку коробки и бутылки. Заслышав шаги, Кончита обернулась, и на лице ее расплылась глупая улыбка, которую Янка терпеть не могла.

— Яночка! Что ты здесь делаешь?

Поморщившись как от касторки, когда кто-то звал ее этим именем, Янка быстро огляделась по сторонам, протиснулась внутрь коморки и закрыла за собой дверь.

— Привет, подружка. Надо поговорить.

Кончита удивилась конспирации.

— А зачем ты дверь закрываешь? Сейчас же обед, а ты пришла ко мне.

— Т-с-с-с! — Янка приложила к губам палец. — Никто не должен знать, что я здесь. Ладно?

— Ладно. — Кончита продолжала улыбаться.

— Мне нужна твоя помощь. Понимаешь? Тайная помощь.

Служанка нахмурилась.

— Тайная?

— Да. Если ты поможешь мне с одним делом, то я помогу тебе.

— Да? — Кончита выглядела растерянной. — А чем ты мне поможешь?

— Если ты сделаешь то, что я скажу, то я устрою так, что твой.... — Янка нахмурилась, сию минуту припомнить имя охранника, в которого Кончита была влюблена. — ...твой Бен придет на встречу.

— На встречу со мной?! — Служанка выронила корзинку и прижала руки к губам. — Он придет на встречу со мной!? Правда?

— Да, тихо ты! Не шуми!

Звук раскатившихся под ногами бутылок мог привлечь внимание проходящих по коридору людей, а Янке этого очень не хотелось.

— Да! — Раздраженно прошипела Янка. — Я же говорю, что придет. Я уже поговорила с Грегом, тот спросил Бена, Бен сказал, что ты ему нравишься....

Врать было легко, слова срывались с языка, будто намазанные маслом, но Янку это не волновало — нужно было завладеть стопроцентным вниманием Кончиты и сделать так, чтобы та горела, нет — просто полыхала желанием исполнить то, что было нужно Янке. Если для этого придется наврать, что какой-то пресловутый Бен может возжелать такую дурнушку, как Кончита, то это было не сложно. Может даже, если Янка будет удовлетворена результатом, она переговорит с Грегом об этом Бене.

Хотя, чтобы поговорить с Грегом, придется опять с ним переспать, а это было пуще зубной боли. Нет уж! Ну его к черту! Пусть эта дурочка верит в то, что никогда не случится. Янка потом разберется, как именно разделаться с последствиями.

— Так что! Что сделать-то нужно? Все что хочешь, сделаю — вот те крест!

Кончита перекрестила тощую грудь, затянутую темно-синим передником, с готовностью ожидая объяснений.

Янка удовлетворенно прищурилась и улыбнулась. Так-то лучше. Теперь можно приступать к делу.

Она вдохнула побольше воздуха, наклонилась к Кончите и прошептала:

— Это касается склада с продуктами. Того, где хранится еда Табиты, знаешь его?

— Ага!

— Так вот, нужно будет там немного поорудовать сегодня....

И она зашептала детали нужные хитроумного плана кивающей головой служанке.

Итак, майка была испачкана.

Спрятавшись позади барака, когда солнце только начало клониться к горизонту, Янка развела маленький костерок из сухой травы, и некоторое время подержала майку разными сторонами над огнем. Теперь та была местами черной, чуть подгоревшей и с темными разводами. Порядок! Она отправится в комнату Шерин вместе с пустой канистрой из-под бензина.

Как только с этим было покончено, Янка быстро затоптала костерок, чтобы не дымил.

Осталось дожидаться, пока Шерин уйдет из комнаты помогать Табите прибирать склад, который скоро превратится в полнейший погром. Янка не удержалась и захихикала, наслаждаясь воображаемой картинкой продуктов, разбросанных по полу. Так ей и надо — этой толстой чернозадой матроне! А то много из себя строит — Королева Кухни недоделанная.

Янка фыркнула и задумалась. Если кухарка все это время будет с Шерин, то сможет подтвердить, что та никуда не отлучалась и не могла поджечь склад. Другое дело, поверит ли ей Халк? Все знают, что Табита при любых обстоятельствах будет покрывать подопечную, а много ли тогда стоят ее слова? Нет, не много, особенно, если будут найдены неопровержимые доказательства. А они стопроцентно будут найдены. Янка нахмурилась, но заставила себя расслабиться. Да, дырок в плане много. Но все срастется. Так или иначе, все получится.

Она привычно бросила взгляд на небо. Итак, уже скоро. Сборщицы ягод все еще трудились у кустов, но вряд ли кто-то заметит, что она ушла пораньше, благо плотные заросли подчас хорошо скрывали людские фигуры, особенно, если притвориться, что сидишь на корточках.

Теперь нужно было не прозевать тот момент, когда Шерин пройдет по дороге на склад, который являлся отдельным строением, стоящим недалеко от кухонного входа с задней стороны дома. А для этого нужно было снова выдвигаться к особняку.

Осторожно обогнув барак, Янка огляделась по сторонам. Ни души. Только какие-то цикады неугомонно пели в высокой сухой траве. Жаркий ветерок встрепенул ее волосы, которые от постоянного потения, прядями слиплись на затылке. Коже стало чуть прохладней.

Двинувшись в сторону особняка, Янка издали разглядела фигуру Грегга, стоящего на краю поля, и нескольких охранников.

Грегг уже был в курсе всего. Когда склад займется пламенем, начальник стражи вовремя (но не слишком рано) заметит огонь и не даст ему сильно испортить строение и урожай, за что заслужит похвалу от Халка, после чего раскроет того, кто именно совершил поджег — этой стервой, конечно, окажется Шерин — после чего Грегг будет вообще на хорошем счету у хозяина. Не это ли было давней мечтой старого служаки? Так что все путем, и каждый получит свое — Янка комнату, Грегг повышение, Кончита надежду, урожай спасение, а Шерин по заслугам. Ну, чем, скажите, она — Янка — не добродетельница? Еще получше других творить добро умеет! И совсем немного уже осталось. Совсем недолго ждать.

Янка еще раз, прищурившись, посмотрела на солнце. Скоро ужин. Нужно поторапливаться. Время — деньги. Ну, путь, не деньги, а баллы. А баллы — это то, что нужно. Они и есть свобода.

Этот день не задался с самого начала. Утро я еще кое-как просидела над переводами, но к обеду сдалась — голова отказывалась воспринимать чужеземные слова, мысли то и дело возвращались ко вчерашней ссоре с Халком и стычке с охранниками ранее, отчего настроение то и дело понижалось. Я чувствовала себя усталой и разбитой, но обязанности не ждали, поэтому в обед пришлось, как положено, катить телегу с едой на каменоломню. Было отчаянно сухо и жарко, казалось, еще немного и затрещит сам воздух — так мало в нем было влаги, если вообще была хоть какая-то. После каменоломни я никак не могла заставить себя снова сесть за перевод — в комнате было душно даже с открытыми настежь дверями, а посему я не нашла ничего лучше, как отправится в спасительную тень маленькой кухоньки, где хоть и плохо, но все же исправно гнал прохладный воздух старенький кондиционер.

Табита, с помощью еще нескольких посудомоек, занималась отдраиванием чанов и баков, которые после обеда грязной алюминиевой армадой громоздились в огромных раковинах, больше похожих на стальные ванны. Она лишь изредка заходила в комнатушку, где я, без особого аппетита обедала.

— Что, нет сегодня настроения? — Спросила она, входя в кухню, чтобы заменить вымокший насквозь передник.

Я промолчала.

— Я слышала про вчерашнее. Что тут скажешь? У тебя по лицу все видно. — Чернокожая женщина печально покачала головой, глядя на мою щеку.

— Угу. Я еще и с Халком поругалась.

— Да что ты?

— Да. Пришла к нему и все высказала.

Табита как-то странно на меня посмотрела.

— Помогло? — Она отложила передник и принялась наливать себе чай.

— Да нет, не особенно. Только еще хуже стало.

— Нелегко. Нелегко здесь.... — Снова кивнула Табита и, как мне показалось, на некоторое время ушла в свои мысли. Затем, будто вспомнила про меня и добавила. — Жарко сегодня очень. Просто ад какой-то. От такого солнца того и гляди что-нибудь запылится.

— Всякое может быть. — Тускло ответила я, параллельно размышляя о том, чем именно мне заняться после обеда. Голова норовила не на шутку разболеться, виски, то ли от вчерашнего удара, то ли от духоты, пульсировали с самого утра.... Табита была права, сегодня было действительно жарко.

— Пойду я, наверное, прилягу. Что-то нехорошо мне. — Я осторожно, чтобы не задеть опухшую щеку, устало потерла лицо ладонями.

— Голова?

— Угу.

— Да уж, будет с такого.

Табита, не забывая тихо крыть матами Грега на чем свет стоит, тут же принялась шебуршить в каких-то ящичках.

— Вот, возьми. Не придется в изолятор идти, все равно у старого хрыча ничего не допросишься.

Я взяла протянутую мне таблетку и тут же сунула ее в рот, запив глотком воды из-под крана.

— Спасибо.

— Отдыхай. Все равно сегодня ничего срочного нет. А тебе вообще сам Бог велел целый день лежать, не вставая.

— Хорошо бы....

— Вот и делай. Все, марш отсюда! Я приберу посуду.

Я покорно поднялась из-за стола и поплелась прочь из кухни.

Интересно, были ли такие, кто мог спокойно спать в такой духоте при температуре в плюс сорок?

Или я стану первой, если очень постараюсь? Все, как всегда приходилось проверять на своей шкуре.

Однако выбора не было. Голова и вправду начала раскалываться не на шутку. Оставалось лишь надеяться, что таблетка Табиты обладала еще и снотворным эффектом и что меня никто не побеспокоит в течение следующих нескольких часов. Потому что я в буквальном смысле валилась с ног.

Придя в комнату, я, не раздеваясь, упала на кровать, закрыла глаза и почти сразу же отключилась. Не знаю, сколько я проспала, но когда проснулась, через комнату ровными полосами протянулись лучи закатного солнца. Голова теперь болела не так сильно, и воздух стал прохладнее.

Не открывая глаз, я лежала и слушала звуки, которые доносились через открытую дверь с улицы.

Чьи-то далекие голоса, звон посуды с кухни, где готовили ужин, едва уловимый шелест в кронах деревьев. Мысли текли вяло и рассеянно. Я смотрела на потрескавшийся потолок, который солнце на короткое время окрасило в коричневато-золотистые тона.

Стоило ли сегодня снова садиться за перевод? Или, может, попробовать почитать ту единственную книгу, которую я как-то прикупила в одну из поездок в Тали, и позволить себе еще отдохнуть? Я лениво перевела взгляд с одной трещины на другую.

Нужно было выкроить время, и сходить помыться. Постирать кое-какую одежду тоже не мешало бы. Лениво вытянувшись, я откинула руки назад и зажмурилась. Все-таки хорошо было поспать лишние пару часов днем. Может, сделать это обычной практикой? Было бы очень даже ничего!

Перевернувшись на бок, я подпихнула ладонь под подушку, чтобы поудобнее устроить на ней чувствительную щеку. В поле зрения попал стол с лежащей на нем тетрадью для записей и раскрытым на середине словарем. Может, все-таки попробовать попереводить?

Я никак не могла сосредоточиться: мысли все время что-то неуловимо отвлекало, будто тихий сигнал тревоги звучал в голове. В чем дело? Что не так? Я нахмурилась и несколько секунд лежала неподвижно. Откуда у меня взялось это ощущение, что что-то не так?

Не успела я подумать об этом, как тут же точно поняла откуда — под подушкой было пусто. Мои пальцы ничего не ощущали. Все это время там лежал мешочек с самоцветами, подаренными мне на каменоломне — я настолько привыкла к ним, что едва ли ощущала их рукой, когда случалось наткаться на них во время сна. А теперь там было пусто. Мешочек пропал.

Я судорожно пошарила рукой, надеясь на то, что просто сдвинула его в сторону и не заметила. Но кожи касалась только прохладная хлопковая ткань. Ничего. Я быстро приподнялась и откинула подушку к стене. Так и есть. Пусто. Сердце гулко стукнуло.

Куда он мог деться? Может, я переложила его недавно и забыла об этом? Могла ли я быть такой растяпой? Память не выдала мне ни одной схожей картинке, а логика отстраненно подметила, что и

причин для этого у меня было. Камни лежали под подушкой с тех пор, как я принесла их с каменоломни, и они ни разу не перемещались. Да и с чего бы? Это было мое единственное богатство, и я очень любила хранить его рядом с собой.

Я еще раз ословело посмотрела на то место, где раньше хранился мешочек, а теперь была только гладкая простынь. Да что за день такой? Я вздохнула. Все не слава Богу. Куда бы им деться — этим побрякушкам, если в комнате живу только я? Значит, я сама их куда-то и задевала. Пытаясь успокоиться, я старалась не допустить, чтобы глаза оказались на мокром месте — на душе в момент стало паршиво. Дело ведь было вовсе не в цене этих камней, а в том, что они мне были дороги — это был подарок. И единственное, что было по-настоящему моим.

Поставив ноги на пол, я снова неподвижно застыла, пытаюсь припомнить, не перекладывала ли по какой-то причине камни, но ничего не шло на ум. Чертовщина какая-то. Нужно посмотреть под кроватью — да, наверняка они просто упали, сдвинутые моей рукой, да там и лежат. Обязательно там найдутся.... Где же еще им быть?

Не успела я опуститься на корточки, как в дверь постучали. Поднявшись с коленей, я пошла открывать. На пороге стояла одна из посудомоек.

— Там Табита тебя зовет. Говорит — очень срочно.

Я удивилась. Табита никогда за мной раньше не посылала.

— А что случилось?

— Не знаю.... — Девушка нервничала и переминалась с ноги на ногу. — Но она рвет и мечет.

Табита? Да она в жизнь не нервничала. Так, только чуть ворчала обычно. А тут — рвет и мечет?

Камни тут же вылетели из моей головы, их будет время поискать позже. Наспех натянув кроссовки, я захлопнула дверь, провернула ключ в замке и побежала на кухню.

Табита действительно была не в себе. Ее темное лицо лоснилось от пота, а лоб был изборозжен морщинами.

— Как так случилось, не пойму! На складе — все продукты, все на полу, все раскидано, все как попало! Я пошла туда, чтобы взять хлеба, а там ступить нельзя — везде вода! — Причитала она, расстроенная. — А я ведь даже отвлечься не могу, мне ужин готовить.... Всего ничего времени осталось. А там ведь все испортится!

— Не переживай, я побегу туда сейчас, приберу.

— Мне и дать тебе в подмогу некого, все заняты....

— Ничего, я сама. Ты готовь ужин.

— Как так! Как так! — Возмущенная Табита размахивала черпаком. — Все было нормально в обед, сама видела, а сейчас....

Она протянула мне ключ от склада и попросила:

— Хоть что-нибудь, хоть мешки на полу убери, все ведь замокнет....

— Все сделаю! Ты готовь и не переживай.

Я схватила ключ и опрометью бросилась из кухни.

Это был какой-то кошмар.

Как только я открыла дверь продуктового склада, мне прямо под ноги хлынула вода — Табита была права — весь пол был залит до краев. Неужели прорвало трубы? Но тогда почему разбросаны все продукты? Хлеб, сыр, крупы — все вперемешку плавало на полу. Валялись размокшие бумажные

упаковки, жестяные банки, в углу громоздились набухшие коробки с сахаром и солью, накренившись, стояли огромные тканевые, потемневшие от влаги, мешки с мукой.

Боже мой! Как вообще все могло превратиться в такое?

Я сбросила кроссовки перед дверью и босыми ногами прошлепала вглубь помещения. Края джинсов тут же пропитались водой, и я закатала их до колен. Если прорвало трубы, то именно их нужно будет чинить в первую очередь, иначе вода будет только прибывать. Свет был тусклым, и чтобы увидеть больше, я включила дополнительное освещение. Теперь стало хорошо видно, насколько бедственными были размеры катастрофы. Продукты были испорчены не только водой — они откровенно были испорчены кем-то еще. Это становилось понятным, стоило только посмотреть на рванные края пластиковых и бумажных оберток для продуктов. Кто-то очень старался сделать так, чтобы склад Табиты претерпел наибольшие разрушения. Но зачем? И кто это сделал?

Я ничего не понимала. Мысли мои скакали и путались, факты, которые видели глаза, никак не укладывались в общую картину, логика отказывалась прийти к каким-либо выводам. Неужели у Табиты были враги? Кухарка никогда не была ни с кем на ножах. Тогда зачем было намеренно изводить ее? Да еще и вот таким образом....

Понимая, что ответов на тысячу вопросов, крутившихся у меня в голове, все равно не удастся найти в ближайшие пять минут, я принялась составлять в голове порядок действий:

1. Осмотреть трубы и найти повреждения.
2. Если таковые имеются, отыскать того, кто мог бы это починить.
3. Пойти и рассказать все Халку, если он на месте.
4. Но если пробегать слишком долго, то намокнет еще больше продуктов, значит, нужно в первую очередь заняться именно ими.

Таким образом, пункты три и четыре автоматически поменялись местами. Придется сначала спасти, все, что удастся спасти. И только потом докладывать Халку, что кто-то намеренно навредил на складе. Что он вообще предпримет после этого? Не накажут ли опять всех подряд на ранчо, если кто-то один не признается? А что, если этот кто-то не признается вовсе?

Я, кряхтя от напряжения, принялась быстро поднимать и складывать на стол из воды все, что в ней плавало, постепенно пробираясь к трубам, которые, по моему предположению, находились под раковинами в дальнем углу, там, где заканчивались длинные столы. Теперь их поверхности были усыпаны всем, что только стояло на полках над ними: рисом, гречкой, сушеной кукурузой, бог только знает, чем еще....

Подобравшись к раковинам, я встала прямо на колени — к черту джинсы, потом высохнут — и стала осматривать трубы. Пять минут спустя вывод был очевиден — они были в полном порядке. Значит, и потоп, очевидно, был ручной работой.

Вот чертовщина!

Я со стоном разогнула затекшую спину. Кому-то (или всем) за это сильно попадет. Ох, нагадил кто-то по самое некуда.... Черт!

Скрепя от злости зубами, я еще раз быстро осмотрела помещение. Кем бы ни был этот негодяй, кто устроил все это, а сначала придется разгрести последствия. По-крайней мере те, которые удастся разгрести. Продукты для Табиты важнее всего, а, значит, первостепенная задача — убрать их из воды. Только после того, как все будет убрано и сухо, можно будет идти и докладывать Халку,

чтобы тот принялся искать виновного.

Я еще раз осмотрелась и едва не застонала. Это же не один час работы! До самой темноты придется провозиться! Ну, что за чертов день такой?

Я как в воду глядела.

Когда я открыла дверь на улицу, уже после того как склад был более-менее вымыт и убран, было темно.

Как только солнце добиралось до кромки гор, темнота словно накидывала бархат на лежащую внизу равнину, выставляя на всеобщее обозрение одинокий глаз луны, сияющий черного неба, до горизонта покрытого россыпью звезд.

Свет в помещении я уже погасила, и теперь пыталась отыскать оставленную на крыльце обувь.

Так.... Вот один.... А где же второй?

Я обула одну ногу и стала оглядываться вокруг, чтобы понять, куда подевался второй кроссовок.

Вроде, они были здесь вместе. Оба стояли на крыльце, после того, как я разулась. Но второй ботинок пропал. Его не было ни на крыльце, ни в близлежащей траве, ни под крыльцом, куда я не преминула заглянуть, разве что руку не стала совать в темноту — страшно очень.

Чертыхнувшись и поднявшись на ноги, я зашагала к особняку, приминая траву голой пяткой. Хватит с меня на сегодня. Завтра буду искать обутку, а если не найду, то поеду и куплю новую. Задрало все уже!

Едва не шипя от раздражения и усталости, я миновала кухню. Свет в окнах не горел, вымытые чаны тускло поблескивали в тусклом свете луны.

Ужин я пропустила, но Табита, которая, по всей видимости, уже ушла спать, наверняка оставила что-нибудь в холодильнике. Однако есть не хотелось. Хотелось помыться и в постель, но это мне не грозило. Нужно переодеться и идти к Халку. Потому как чем позже — тем хуже.

Я посмотрела на свою босую ногу и чертыхнулась. Так и идти к нему? А что делать? Не совсем же босой? Ну, я и оборванка! Майка грязная, джинсы мокрые, нога голая. Еще и вспотевшая, душ ведь принять некогда.... И куда только подевался этот ботинок?

Со двора слышались голоса и топот ног. Что-то кричали охранники. Они то ли куда-то бежали, то ли кого-то ловили.... Какие у них там обычно идиотские обязанности? Мне не было до них никакого дела. Пусть орут хоть всю ночь.

Гомон чуть стих, когда я вошла в дом и юркнула в темные коридоры. Вот уже и знакомая дверь собственной комнатухи. Я еще раз пожалела, что не могу просто зайти внутрь и лечь спать. Но нужно было сначала закончить с докладом Халку. А потом уже сладко спать до самого утра, нежась, потягиваясь, сопя, смотря хорошие сны и наслаждаясь каждой минутой заслуженного покоя, который, по всей видимости, сегодня был большой редкостью, судя по тому, как громко во дворе галдели мужские голоса. И что они все взбеленились? Неужели надоело потягивать пиво и смотреть футбол?

Я вставила ключ в замок и толкнула дверь.

Не успела я войти внутрь, как в нос ударил сильный запах бензина.

Какого черта? Какой бензин?.... Что он вообще может тут делать!? Ведь не было ничего такого, когда я уходила! Я точно помнила, что не было!

Сердце забилося часто и неравномерно, как бывает всякий раз, когда в голову ударяет хорошая

порция паники, смешанная с адреналином. Нехорошее предчувствие теперь не просто таилось за задворками сознания, оно просто осязаемо витало в воздухе надписью «ALARM!». От гула в собственных ушах, я даже не обратила внимание на то, что охрана теперь кричала уже где-то в доме. Почти как в трансе, я протянула руку к выключателю, чтобы зажечь свет. Откуда же так воняет? Когда свет от лампочки заполнил комнату тусклой желтизной, я быстро опустилась на колени и заглянула под кровать. Там стояла канистра, какие я несколько раз видела в гараже. Толкнув ее пальцем, я по звону поняла, что она пустая. Что за шутки? Почему под моей кроватью стоит пустая канистра?

И что делает на моей кровати голубая майка? И почему она такая грязная и как будто прожженная? Когда Грег ворвался в комнату, я как раз стояла возле кровати, прижав майку к себе.

— Вот она! Голубушка! Схватить ее!

Из-за его спины появились другие. Много других. Кто-то меня толкал, завязывал руки, ругал, как-то обзывал, но едва ли была способна соображать. Я дрожала и переводила взгляд то на одного, то на другого, то на кровать, то на теперь зажатую в кулаке Грега голубую жженую майку.

А в нос бил нестерпимый запах бензина.

Глава 9

Халк был зол.

Он был не просто на взводе, он был по-настоящему зол. Никто — ни ради шуток, ни ради мести, не имел права поджигать строения на ранчо, а тем более те, в которых жили люди или хранились продукты. Никому, ни одному единому человеку такое не могло сойти бы с рук, и теперь он зло смотрел на стоящую между охранниками Шерин. Он не хотел, но не имел права не верить в то, что это ее проделки, после того, как Грег принес голубую прожженную майку и пустую канистру с бензином из ее комнаты. Халк сжал зубы и скрипнул ими, будто пытаюсь удержать внутри слова разочарования, которые бы неизменно вырвались наружу, останься они одни в комнате.

Шерин стояла молча. Волосы ее были спутаны, майка мокрая, одного кроссовка нет. Кожа на лице побелела, как мел, глаза лихорадочно блестели, все тело дрожало, несмотря на то, что ее плотно держали руки охранников.

Грег, почти такой же злой, как и Халк, продолжал вещать, выплевывая слова, словно порции ядовитой смеси.

— Она облила бензином женский барак сразу же после склада, отчего тот сразу же занялся огнем.

Сухая трава — хороший проводник пламени.

— Зачем!? — Рывкнул Халк. — Зачем было жечь барак?

— Я не.... — Попыталась дрожащим голосом ответить Шерин, но слова не шли из ее горла, его будто перехватило тисками. Наконец, ей с трудом удалось вымолвить. — Я этого не делала.

Халк покачал головой.

— Почему твоя майка прожжена? Откуда бензин?

— Я не знаю!

Хрипло и зло рассмеялся Грег.

— Конечно! Не знает она! Сам что ли появился?

— Я ничего этого не делала.... — Мотала головой Шерин, постоянно твердя одни и те же слова. — Ничего не делала. Меня там не было.

— Где твой кроссовок? — Спросил Халк?

— Не знаю.

— Откуда в комнате бензин?

— Не знаю. Его там не было, когда я....

— Почему прожжена майка?

— Я не знаю!

Халк гневно сплюнул в пол и выругался.

— Это все выглядит, как полное дерьмо! Ты прекрасно видишь, что твой план раскрылся, но продолжаешь отпираться! Где твоя храбрость? Почему бы тебе честно не сказать, что ты просто зло отомстила?

От отчаяния, Шерин едва могла говорить. Кто и зачем сделал с ней такое? Она никогда раньше не видела, чтобы Халк так злился. Грег жестко и самодовольно усмехался над ее попытками оправдаться. Все это походило на кошмарный фильм, где ужасная концовка приближалась со скоростью паровоза, а она никак не могла придумать, как можно было изменить ситуацию.

— Я была на складе! Я там убиралась! Спросите Табиту — она отправила меня туда! Она все знает и все подтвердит....

— Кто еще там был с тобой? — Прищурившись, спросил Халк.

В комнате на мгновение повисла тишина. Как бы Шерин хотелось, чтобы этот момент стал поворотным, и она смогла привести вслух имена свидетелей, которые бы подтвердили ее алиби. Но таковых не было. Не было.... Она лишь сжала кулаки и выдохнула.

— Никого там со мной не было. Я одна была.

Халк разочарованно опустил голову, теперь глядя в пол.

— Но Табита знает, что я там была! Она сама меня попросила помочь, так было грязно....

— Она видела, что ты там была?

— Нет.

В этот момент в комнату, запыхавшись, вбежали еще два охранника. Один из них держал в руке то, что Шерин не далее как полчаса назад, пыталась обнаружить под крыльцом. Ее кроссовок. Но теперь он был обугленным, почти полностью почерневшим от пламени. Конечно.... Она едва не застонала. Кто бы ни был этот предатель, он хорошо постарался с уликами.

— Мы нашли это за женским баракom!

В комнате наступила жуткая тишина, через секунду взрезанная противным смехом начальника стражи.

— Ты так торопилась, что потеряла башмак?! — Он довольно гоготал, зная, что теперь этой стерве не выкрутиться. Никак и ни за что.

Халк раздраженным взмахом руки оборвал неприятный смех, и в комнате снова стало тихо.

— Это твой? — Ровно спросил он.

Шерин сглотнула. Все. Конеч. Теперь уже ничего не удастся исправить. Слишком много вещей и людей противостояло ей в этой игре. Слишком сильно кто-то хотел, чтобы она удалилась с игрового поля, и не важно, что и как она делала до этого, теперь прошлое, в котором остались ее добрые поступки, стерлось в памяти этих людей, осталась только эта комната, канистра, жженная майка и обгоревший кроссовок, покачивающийся в руках охранника.

— Да, этой мой. — Ответила Шерин, больше не глядя на Халка. Ей было страшно. Холод и одиночество, уже знакомой лазейкой пробрались внутрь. Страх сковывал конечности, склеивал кровь, делал язык сухим, а руки холодными и трясущимися. Как же она его ненавидела..... Но от ненависти страх не уходил, а, казалось, отъедаясь ею, рос еще больше.

Халк молчал. От разочарования в его глазах, ей становилось почти физически больно. Теперь молчали и остальные, ожидая вынесения окончательного вердикта. Вызывающе нарушая тишину, тикали на стене круглые часы — но даже они звучали как-то непривычно и резко. Или же так только казалось....

Халк отошел к окну, и теперь стоял, повернувшись ко всем спиной. Шерин знала — в этот момент им выносилось окончательное решение. Безжалостное и жесткое. Именно такое, какого заслуживал человек, который решился бы на поджог строения, с находящимися внутри людьми. И решение Халка будет оправданным и непреклонным. Оно, скорее всего, понравится охранникам, потешит ущемленное эго Грегга, станет хорошим наглядным примером для остальных заключенных, обитающих на ранчо и, с большой вероятностью, полностью добьет Шерин, лишив ее права свободы навсегда.

Или даже будет стоять ей жизни. Она содрогнулась.

Но ведь она всего этого не делала! Это был кто-то другой — ей нужно попытаться доказать это Халку, достучаться до него, уговорить дать ей шанс, как-то оттянуть неизбежное. Неправильно это — получать наказание за грехи, которых она не совершала, неверно, нечестно и.... просто не должно быть так! Но как заставить его услышать?

Халк стоял, молча глядя в темноту оконного проема, где давно уже догорел закат. Мыслительный процесс не давался легко.

За его спиной тяжело дышала орда мужчин, и одна жалкая девчонка, которая все-таки решилась переступить границы дозволенного. Границы той области внутри Халка, где терпение граничило с опасной красной зоной, ступив на которую, ни один не получил бы поблажек.

Зачем?... Он почти покачал головой, но удержался. Зачем было так делать? Неужели ее злость все же пересилила здравый смысл? Он не хотел верить, и какая-то часть него продолжала отрицать причастность Шерин. Но Халк уже понял, что в последнее время определенно давал слабину и неадекватно реагировал эту девушку, а, значит, его неверие, возможно, было лишь очередной попыткой оправдать ее, несмотря на то, была она причастна к поджогу или нет. А так выносить решения нельзя. Чувства никогда не добавляли объективности. Придется действовать лишь на основании приведенных охранниками доказательств, а не опираясь, как он обычно привык делать, на полное знание и интуицию.

Это незаметно, но тревожно грызло Халка.

Что-то во всей этой истории не сходилось. Он не мог сказать, что именно, потому что логически все звенья складывались в одну цепочку, где все планомерно подводило к единственному выводу — Шерин была причастна к поджогу, доказательств этому, к сожалению, нашлось в избытке.

Но тогда почему она не признавалась? Ведь была масса примеров ее импульсивных деяний, после которых она сама приходила и чистосердечно раскаивалась в совершенных поступках. Так в чем разница? В том, что здесь все оказалось гораздо серьезнее? Не хватило мужества еще раз сказать «Да, это сделала я?» Как можно было отрицать свою причастность, когда приведено столько

доказательств? Даже слишком много доказательств, на его взгляд....

Халк поморщился. Ему определенно что-то не нравилось. Он чувствовал злость от того, что время толкало его в спину. Все ждали окончательных слов, выговоров, наказаний. Да, времени было немного и решение, так или иначе, нужно было выносить. Он нехотя, еще не придя к окончательным выводам, развернулся и подошел к Шерин.

— Есть ли тебе, что сказать?

Она кивнула. Слова не давались ей легко, а взгляд проникал в самую его душу, будто мысленно прося внимательно прислушаться к тому, что она скажет. Ну, что ж. Это он сделать может. И Шерин, почувствовав это, начала говорить:

— Сегодня после обеда, когда я вернулась в комнату из каменоломни, некоторые из моих вещей пропали. Кто-то другой, кроме меня, входил туда. Значит, у кого-то появилась копия ключа. Не знаю как....

Грег тут же взвился.

— Ты позавирайся еще, сучка!

— Молчать! — Рывкнул Халк. — Всем соблюдать тишину, пока она не закончит говорить!

Продолжай.

Он кивнул Шерин, призывая продолжать, одновременно прислушиваясь к ее словам, пытаясь сложить воедино ту картину, которую она рисовала в его воображении. Это было важно — понять какая из них соответствовала действительности — та, что он уже слышал от охранников или та, которую пыталась ему поведать Шерин. Халк по опыту знал, что поспешность или небрежность в таких делах могла стать фатальным поворотом в чьей-то жизни. Поэтому мозг его напряженно работал — анализируя, сравнивая детали, перебирая возможные варианты и отбирая те, что казались логически и интуитивно правильными.

Шерин прочистила горло. Глаза ее все так же пронзительно смотрели прямо в его. Халк нахмурился и снова ощутил, что спешить с выводами не стоит. Не стоит, и все тут. Что-то тут не так.... Не обманывает она обычно. Не ее это практика.

— Кто-то заходил в мою комнату, я уверена в этом. Я прилегла сегодня поспать, потому что чувствовала себя плохо, а когда проснулась, то впервые заметила пропажу. И никакой канистры точно не было. Потом прибежала служанка и сказала, что Табита злая — кто-то намеренно разбросал продукты на складе и затопил его водой. Она попросила меня помочь с уборкой. Все продукты сильно вымокли. Там я была почти до десяти вечера. Оба моих кроссовка стояли на крыльце — они бы промокли, если бы я их не сняла. А когда я вышла наружу, одного из них не было. А в комнате уже была канистра. И прожженная майка.

Грустно закончила Шерин и замолчала.

В комнате снова повисла тишина.

Халк кивнул и задумался.

Стараясь не выказывать нетерпения, Грег ждал.

Как бы ему не хотелось, просто подойти и придушить эту девку, все же он должен был стоять тихо, пока она душещипательно излагала свою историю. Белыми нитками шиты ее рассказы! Никогда Халк им не поверит — на лице ведь ее написано, что стерва она и воровка! С первого дня было видно, что воровка — даром, что тогда только яблоками обходилась. А теперь как жалобно запела,

надо же! Когда к стенке-то приперли. Против таких-то доказательств не попрешь, как ни старайся. Грег постарался скрыть победоносную ухмылку, что так и рвалась на лицо. Крышка ей! Конеч, да и только.

Но Халк не спешил.

Лицо его доброты не выражало, но и к наказаниям он приступать не торопился.

Грега это начинало нервировать. Наконец, раздраженный задумчивым видом Халка, Грег не удержался:

— Кончать с ней надо! Только и делает, что пакостит....

— Закрой рот. — Непривычно холодно даже для Грега, произнес Халк.

Грег утих.

Что-то было не так. Все шло не так, как планировалось. О чем так напряженно думает Халк, если все прозрачно и понятно? Сколько еще вещей ему нужно было принести, чтобы он сразу ее прикончил? Неужели майка, ботинок и бензин его не убеждают? Или же Халк оказался еще проницательнее, чем о нем думал старый служивый?

Грег неохотно поежился, всеми силами пытаясь поверить, что это не так. А даже если и так? Что с того? Халку не проверить ее невиновность. Никак не проверить. Слишком много людей видели то же, что и он, а, значит, ему, так или иначе, придется выносить кару. Пусть даже лишь для того, чтобы восстановить видимую справедливость. А что до сомнений, так пусть засунет их себе куда подальше. Но дальше случилось то, чего Грег никак не мог ожидать.

Халк, наконец, вышел из раздумий. Губы его были плотно сжатыми, лицо хмурым, но взгляд решительным.

— Я не собираюсь ходить вокруг да около, годами разбираясь, кто прав, кто виноват.

— Правильно! — Поддержал Грег, забыв, что ему приказали заткнуться. — Нечего с этим тянуть....

— Я собираюсь применить «Блайнд», благо ничье разрешение для этого мне в Тали не требуется....

Шерин даже не шелохнулась. Она понятия не имела о чем речь, а лишь стояла и выжидательно и растеряно смотрела на Халка.

А вот Грег побледнел.

Побледнел так, что стало заметно даже в тускло освещенной комнате. Не может такого быть, чтобы Халк обладал подобным знанием. Грег, и тот лишь только слышал об этом приеме, но даже не надеялся, что когда-то сможет просто увидеть его в действии.

«Блайнду» обучала только Комиссия, и то, далеко не всех. Об этом Грег знал потому, что сам когда-то очень хотел приблизиться к кругам избранных — тех, кого называли специальным подразделением. Этих ребят было не так много, слишком жестким был отбор, и Грегу туда попасть не сулило ни за какие деньги мира. Он давно это понял и даже смирился, но кое-какие знания от выкупленных втридорога из-под полы книг, в его голове остались. Суть этого метода заключался в прямом чтении памяти, и применять его можно было только на недавние события, так как вмешательство в более глубокие слои могло повлечь за собой частичное или полное помешательство. Применять метод можно было исключительно тем, кто был превосходно обучен и прошел необходимое количество теоретических тестов, а также доказал практические знания в течение длительного периода.

И Халк, судя по лицу, был абсолютно уверен в своих навыках.

Грег судорожно сглотнул. Не может быть.... Не может быть.... Как кто-то из них вообще мог предположить....

Халк, тем временем, подошел к Шерин.

— Отойти всем. — Гаркнул он охранникам.

Охранники поспешно отодвинулись в стороны. От греха подальше. Они не особенно поняли, что именно собирался сделать мистер Конрад, но от него в таком настроении всегда лучше было держаться подальше.

— Смотри мне в глаза. — Обратился Халк к Шерин. — Я закончу быстро.

Грег глазам своим не верил.

Впервые в жизни он увидел то, что не рассчитывал увидеть никогда. Светло серые глаза Халка, как ему показалось (не сошел ли он с ума на этом гребаном ранчо?), полыхнули каким-то болезненным белым светом, после чего Шерин вскрикнула, но назад, надо отдать ей должное, не отступила. Ее колотила крупная дрожь, по щекам, по всей вероятности от боли, катились слезы, а Халк в этот момент был похож на застывшую машину, в чьих глазах с невероятной скоростью мельтешили какие-то картинки.

Грег подумал, что это похоже на отсвет от экрана телевизора, в котором кто-то поставил на перемотку видеофильм. Но все кончилось настолько быстро, что он ни тогда, ни после не мог бы достоверно гарантировать, что видел именно то, что, как ему показалось, видел.

Когда Грег кое-как смог оторвать взгляд от Халка, то с ужасом узрел прямое доказательство того, что тот не только на словах обладал навыками «Блайнда». Как только все закончилось, белки глаз Шерин покраснели настолько сильно, что теперь напоминали алую ткань, которой так любили дразнить быков. Не осталось даже белого пятнышка, сосуда в глазах лопнули моментально, и теперь для нее наступила слепота.

Грег знал это так же точно, как и то, что он — Грег.

Именно поэтому метод назывался «Блайндом» («Ослеплением» От англ. «Blind» — слепота — здесь и дальше прим. автора). Испытуемый всегда терял зрение в результате подобного сканирования мозга, даже если процесс длился всего секунду. Насколько? Никто не мог предсказать наверняка. Именно поэтому метод применялся только в случаях крайней необходимости, когда нужно было быстро и точно получить нужные сведения, в случае если другие методы казались нецелесообразными или слишком долгими в исполнении, что грозило дополнительным риском и потенциальным провалом операции для спецгруппы.

Когда все закончилось, Грегу показалось, что прошла вечность, хотя на самом деле, все заняло не дольше десяти секунд. Шерин теперь сидела на полу, закрыв лицо руками. Плечи ее вздрагивали, но она не издавала ни звука.

Часть охранников потрясенно смотрела на Халка, часть с ужасом взидала на сидящую на полу Шерин. Было видно, что будь их воля, они давно бы находились за пределами этого кабинета, но разрешения дано не было, поэтому теперь здоровые, казалось бы, мужчины как-то неуверенно и жалко жались друг к другу, отступив почти к самой стене.

Халк несколько секунд стоял молча, глядя прямо перед собой. Мозг его обрабатывал полученную информацию. Когда процесс завершился, Халк медленно повернулся и в упор посмотрел на Грега. В этот момент Грег и сам был бы не прочь провалиться куда подальше, потому что теперь был точно

уверен, что Халк знал абсолютно все о прошедших нескольких сутках из жизни Шерин, и спорить с этим не имело смысла.

Ход конем. Шах. Мат.

Против «Блайнда» Грег не мог пойти никак.

Всего несколько раз в жизни он чувствовал себя настолько же скверно, как и теперь. Внезапно заныла коленка, когда-то давно израненная в уличной драке, неприятно потянуло мышцы в спине — то ли застудил, то ли перенапрягся.... Язык, когда Халк подошел к нему вплотную, вообще перестал слушаться, и стал каким-то шероховато-сухим.

— Ее там не было. — Ровно и тихо произнес Халк, а Грег поймал себя на том, что боится смотреть тому в глаза. Взгляд Халка напоминал стальную поверхность ножа — был таким же холодным, непрерывным и сулящим какую-то извращенно медленную смерть. — Ты приведешь ко мне того, кто по-настоящему за это ответственен в течение двадцати четырех часов.

По спине Грега прошел холодок. Его почти скрутило от осознания того, что придется выполнить приказ. Он понял это еще до того, как Халк закончил предложение:

— Или же я сменю всю охрану. Всех до единого. Включая тебя.

Сжав руки в кулаки, чтобы не было видно, как трясутся пальцы, Грег смотрел куда-то поверх плеча Халка.

— Если ты приведешь мне не того, я это узнаю. Ты понимаешь?

Грег понимал и поэтому кивнул.

Права послушаться теперь не было. Он почти наяву ощутил, как этот бездушный белый свет касается его зрачков и ножом, словно сквозь сливочное масло, проходит в память. А потом слепота. Слепота. Кошмар, который мог стать явью всего через сутки. Зубы Грега сжались до боли, чтобы скрыть дрожь, которую они бы выбили, разомкни он губы.

— У тебя двадцать четыре часа. Забирай своих людей и уходи.

Едва помня, как сумел сдвинуться с места, Грег покинул кабинет. Следом за ним вышли и остальные.

Я сидела на полу, не решаясь сдвинуться с места.

Шок от произошедшего лишил меня последних сил и всякого самообладания. В голове все мутилось, мысли комкались и будто прятались где-то на задворках сознания, боясь, что кто-нибудь извне может их украсть. Последним, что запомнилось до того, как наступила темнота, был яркий слепящий свет. Нет, сначала были глаза Халка — серебристые, с темными ободками, светлые, немигающие. А потом откуда-то взялся нестерпимо холодный белый свет, и начало казаться, будто мысли уплывают за пределы сознания. Я не смогла бы объяснить это даже себе. Странно, нереальное ощущение. Голова болела, но не сильно. Больше неприятно пульсировала где-то в области висков. Что толку, что я пыталась поспать сегодня?

Но хуже всего было то, что навалился страх. Теперь это был какой-то другой страх, не тот, что был поначалу, когда меня вели в комнату или допрашивали. Не тот, когда Халк, развернувшись спиной, молчал. Страх, который сидел у меня внутри был каким-то иным. Чужеродным, чудовищным и слишком сильным. Как если бы мир вокруг перестал существовать, а вокруг осталась одна лишь пустота и я в ней. И никого вокруг. Никого. И ничего.

Я больше не боялась ни Грега, ни наказания, ни вообще того, что могло бы произойти там, в том

мире, который остался за пределами сознания. Для меня что-то самое страшное уже произошло. И больше всего на свете я боялась еще раз открыть глаза и снова ничего не увидеть.

Кто-то коснулся моей ладони.

— Дай мне руку, я помогу тебе сесть.

Халк. Это его голос. Но где остальные голоса?

Я прислушалась.

Почему так тихо? Неужели остальные уже ушли? Когда? Как только этот странный свет коснулся моих глаз, я едва ли замечала происходящие вокруг вещи. Мне уже вынесли наказание? Его объявили, а я не услышала? Или это и было моим наказанием? Тогда почему мне показалось, что Халк собирался сначала что-то узнать.... Может быть, он передумал?

Я, дрожа и не решаясь отнять вторую ладонь от лица, протянула руку Халку.

Его теплые пальца сомкнулась вокруг моего запястья и потянула на себя. Едва касаясь спины, он аккуратно подвел меня к дивану и усадил на него.

— Не пытайся пока открывать глаза, ладно?

Я кивнула, но не знала, увидел ли он.

Снова стало непривычно страшно. И холодно. Казалось, что температура вокруг упала градусов на десять, я непрерывно дрожала и никак не могла согреться.

— Халк.... пожалуйста, что с моими глазами? Мне уже вынесли наказание? Где все? Что.... вообще... происходит?

Мой голос дрожал и срывался. То ли от холода, то ли от эмоций.

— Тихо-тихо-тихо..... — Ответил Халка, успокаивая. — Постарайся минутку посидеть тихо. Тебя нужно согреть.

— Но мои глаза....

— Я знаю. Тихо.

Я слышала, как его шаги затихли где-то в другой комнате. Потом приблизились вновь. На плечи легла мягкая ткань. По-видимому, пледа.

— Завернись в него. Я налью тебе чаю. Потом поговорим, хорошо?

— Хорошо.

Меня не нужно было упрашивать дважды, чтобы я укуталась в одеяло. Я замоталась в него так плотно, что теперь не представляла, как высунуть руки наружу, чтобы взять чашку. Холод начал немного отступать.

Было слышно, как Халк наливает чай — звон посуды, льющаяся вода, постукивающаяся о фарфор ложка.

— Держи.

— Я не вижу.

— Просто протяни мне руку.

Я на ощупь потянулась в его направлении.

Халк взял мою ладонь и аккуратно поместил туда чашку. Та, спасибо ему за заботу, оказалась не слишком горячей. Я сделала глоток и немного расслабилась.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он сел напротив. Скорее всего, в то же самое кресло, где обычно сидел во время наших ежевечерних чтений. Подумав об этом, мне снова стало холодно. Я больше не вижу.... Как я буду переводить книги? Да причем здесь вообще книги, разве они главное? Дурь какая....

— Расскажи мне....

— Конечно. То, что я сделал, называется «Блайндом». Это способ, которым можно прочесть чью-то память. К сожалению, он воздействует на глаза. Но для меня это был единственный вариант узнать правду быстро и точно. Ты понимаешь меня почему?

Я понимала.

Если бы Халк начал разбираться по обыкновенному, то это заняло бы много дольше. И факты во всей этой истории были совсем не «за» меня. Да, каким-то образом, он, как всегда, нашел самый действенный метод решить все без задержек.

— Значит, ты прочитал мою память?

— Да.

Я запнулась

— Всю?

Он усмехнулся.

— Нет. Только за последние несколько дней. Там несколько трудно обозначить границы, но все же я постарался не заглядывать слишком глубоко. Как твоя голова? Постарайся почувствовать, хорошо ли ты помнишь прошедшие сутки?

Я напрягла память. Все вроде бы было на месте. Ничего не выпадало. Я вспомнила, как ходила на каменоломню, потом ела на кухне, потом спала, потом Табита и склад.... Да, пробелов не было. По крайней мере пока.

— Да, я помню.

— Хорошо. — Тон его казался удовлетворенным.

— А глаза? Я несколько раз пыталась их открывать, но.... я ничего не вижу.

Наверное, этот вопрос был для меня самым болезненным, и я боялась услышать ответ. Примерно так же, как мне казалось, ожидал бы в приемной у врача пациент, только что прошедший медицинское обследования на наличие в организме раковых клеток.

Но ответ Халка вместо рокового удара, принес мне невероятное облегчение.

— Твое зрение восстановится примерно в течение десяти-двенадцати дней.

— Полностью? — Я едва не заерзала от облегчения.

— Да, полностью. — Каким-то образом, я знала, что Халк улыбается, глядя на мою счастливую, но совершенно ужасную, должно быть, физиономию. Ведь щека до сих пор была разбита, я уже почти забыла об этом.

— Я был осторожен. — Добавил он мягко, и меня будто погладили изнутри.

Холод, недовольно урча, удалился прочь, теперь по телу разливалось приятное тепло.

После паузы я тихо поблагодарила:

— Спасибо.

Он не ответил. Мы помолчали какое-то время. Снова было слышно, как тикают часы, но звук их вновь стал привычным и совершенно не грозным. Теперь, когда страх пропал, они перестали казаться бомбой замедленного действия, прикрепленной к стене кабинета. Лица коснулся слабый

ветерок, долетевший из приоткрытой двери балкона.

— Значит, теперь ты знаешь, что это была не я? — Спросила я, чтобы окончательно убедиться, что наказание мне не грозит.

— Да. Знаю. Того, кто это сделал, найдут.

Хотя голос его почти не изменился, я поняла, что Халк едва ли сомневается в результате. Конечно, кто рискнет с ним спорить, когда, оказывается, владелец ранчо далеко не прост? Мне и раньше не казалось, что он прост, но теперь стало ясно, что я не видела даже вершины айсберга той личности, которая звалась Халком Конрадом.

Не сдержав любопытства, я спросила:

— Где ты научился такому?

Ответом мне была тишина. Конечно. Глупо было ожидать каких-либо откровений.

Я надеялась, что Халк не заметил моего разочарования. Он совсем не обязан был открывать мне свои секреты. Хватало и того, что он итак много раз вставал на мою сторону. Много больше, чем я когда-либо смела надеяться в пределах несправедливого Тали.

— Кто-то подставил меня....

— Не думай об этом. Я разберусь.

Голос его снова прозвучал как-то по-особенному. Тепло.

Внутри меня что-то задрожало. Потянулось навстречу, будто выглянувшему из-за облаков, солнцу.

Теперь не ответила я. Не знала, что именно. Да и не нужно было.

В моей теперешней ситуации время определить было невозможно, но я предположила, что было где-то около полуночи. Я потеряла глаза. Навалилась усталость. Теперь, когда я расслабилась, она стала особенно заметна.

— Постарайся не открывать пока глаза и не три их. — Посоветовал Халк, и я отняла руки от лица.

— Ты проводишь меня до комнаты? — Спросила я, чувствуя себя неловко. Мне совсем не хотелось быть для кого-то обузой, но найти свою комнату самостоятельно я теперь не могла.

— Ты останешься здесь. — Ответил Халк.

Я застыла. Сердце как-то не привычно стукнулось где-то в горле. Он же не имеет в виду, что я буду спать в его кабинете? Нет-нет.... От смущения, по лицу прошла жаркая волна.

— Как это — здесь? Я не хочу....э-э-э.... не хочу быть обузой.... Я смогу сама....

— Я сказал, ты останешься здесь.

Я глубоко и медленно вдохнула. Затем выдохнула.

— Я буду спать на диване? — Прекрасно зная, что у Халка всего одна спальня, я искренне надеялась на положительный ответ.

— Нет.

— Ты будешь спать на диване?

— Нет.

Я замолчала. Просто не смогла заставить себя спросить что-то еще. Какая же это беспомощность — быть слепым! Хотя с Халком можно быть стопроцентно зрячим, и все равно проиграть в споре.

Потому что он и не спорил. Он лишь доводил до сведения принятые им самим решения.

— Я не.... Пожалуйста....

Я сама не поняла, что хотела сказать, но возражение в любом случае получилось каким-то жалким,

как писк котенка.

Он взял меня за руку.

— Я не трону тебя. Обещаю. Но через несколько часов у тебя будет приступ боли. Таблетки против него не помогут. Если я буду рядом, я смогу помочь, хорошо?

Тепло его руки, окруживший аромат одеколона, голос, звучащий так близко, сделали свое дело — я плавила свечой, не желая признаваться в этом ни себе, ни кому-то еще. Я знала, что обещаниям Халка можно верить — если сказал, значит, не тронет. Но как справляться с собственными эмоциями? То, что в этот момент творилось у меня внутри, я бы ни за что и никогда не желала показать даже через пресловутый «Блайнд».

Осторожно освободив руку, я нервно кивнула.

— Хорошо.

Я впервые порадовалась, что не могу увидеть себя в зеркале. Мое лицо горело.

Халк неторопливо курил сигару, сидя в кресле.

Он отдыхал, он был доволен и расслаблен.

Да, никто не предполагал, что все так обернется, и ему придется воспользоваться одним навыком из прошлого — прошлого, отпечаток которого никогда не сотрется с его души. Но теперь старые приемы оказались полезными, даже если их и пришлось применить совсем в другое время и в другом месте.

Но здесь никто не сможет упрекнуть его за это.

За это он и любил Тали. По-своему чумазую и неприглядную, но в некоторой степени удобную дыру. Да, жизнь здесь была совсем не той.... Не было друзей, с кем он так любил проводить время, не было опасности, которая щекотала нервы и подсыпала зависимости в кровь, но так же не было и приказов. Здесь он мог быть хозяином и принимать решения сам.

Халк не единожды задумывался о том, какой выбор сделал бы, если бы представилась возможность уйти отсюда. Бросил бы все? Или бы остался?

Нет, он знал. Он бы бросил. Возможно, не вернулся бы полностью к прежнему, но кое-что из старого точно воскресил бы в памяти. И уж определенно навестил бы ребят. Слишком много лет они проработали бок о бок, чтобы вот так просто все забыть.

Но каждому дано свое.

Кто-то попал в Тали заключенным, он же — привилегированный боец из спецподразделения Комиссии, однажды не подчинившийся приказу — попал сюда «оунером». Не самый худший исход из возможных. Комиссия не стала бы «зачищать» — слишком дорого ей обходились подобные специалисты, но чтобы приструнить других, ей все же приходилось идти на жесткие меры.

Халк часто об этом думал. Раньше.

А теперь у него было это ранчо, другая жизнь, другие заботы. Этот особняк в какой-то степени стал ему домом. А вот о чем он никогда не думал, так это о том, что однажды здесь появится кто-то, кто заставит его сердце стать прежним — где-то мягким, где-то взволнованным, по-своему молодым.... Вот уж о чем он, казалось бы, забыл давным-давно.

Дым неторопливо колыхался в воздухе, время от времени, словно сговорчивая красавица, удалялся с ветерком прочь продолжать их совместное путешествие где-то в ночи.

Халк не особенно роптал на собственную участь. Профессионалы всегда оставались

профессионалами — это от него не уйдет, просиди он здесь хоть еще сотню лет. То, что сюда закрыт доступ остальным — неприятно, но терпимо. Да, приходилось закрывать глаза на местные клубы и рестораны, непробиваемую тупость и неоправданную свинячью жестокость их обитателей, но это были мелочи. Он и сам умел быть жестоким, когда нужно, а многим мог бы и дать в этом фору. К тому же он привык терпеть гораздо более сложные ситуации, нежели эта.

Плюс ко всему, он нашел свою отдушину, о которой знали лишь единицы. Дело, которое помогало ему оставаться тем, кем он хотел оставаться. И это было важно. Это приносило облегчение.

Халк прислушался. Из спальни не доносилось не звука.

Шерин уже спала. По-крайней мере, он надеялся на это. Было бы совсем жестко подвергать ее еще одному нервному стрессу, настой он на том, чтобы они пошли в постель одновременно.

Ей нужно было уединение, чтобы раздеться и подготовиться ко сну, насколько это вообще было возможно при отсутствии зрения, и он ей это предоставил. Ни к чему давить.

Халк снова задумался.

Он знал, что эта ночь будет для нее беспокойной. Боль в голове вернется, она всегда возвращалась после такого. К тому же те, на ком проводили подобные эксперименты, всегда впоследствии испытывали приступы неконтролируемого страха или паники, терялись, впадали в постоянный стресс или депрессию, в редких случаях на них накатывала агрессия, а после физическая слабость. Да, он должен был быть рядом. Он слишком часто работал с этим в прошлом, и слишком хорошо знал симптомы, а так же, как можно с ними справиться. Хорошо, если она проспит хоть пару часов. С одной стороны, Халку было жаль, что пришлось подвергнуть Шерин сканированию, с другой — он был рад, что сделал правильный выбор. Грег бы ни за что не упустил момент добить ее, раскрошить и растоптать, представься ему шанс. Он с самого начала невзлюбил новенькую, как только она появилась на ранчо, но Халку было на это плевать.

Грег был удобен. Он был как раз таким, как нужно — жестоким, злым, агрессивным и не слишком умным. Хотя и амбициозный. Впрочем, амбиции без наличия мозгов никогда не помогали добиваться желаемого.

Но свою роль Грег выполнял хорошо. Он отменно пугал заключенных, держал их под тотальным контролем и уберегал от попыток к бегству, которые неминуемо заканчивались бы плачевно. В законы Тали были единогласно строги, тут не уберег бы даже Халк. Недаром ранчо было обнесено забором, по которому двадцать четыре часа в сутки тек ток. И не такой, от которого отдернется пальчик, а мама потом скажет «Ай-яй-яй!». Провода, многие из которых, подобно ловушкам, были искусно замаскированы, оказались бы фатальными для любого, кто посмел бы их коснуться — намеренно или же по несчастливому совпадению. Но чтобы таких случайностей не происходило, всех заключенных предупреждали об этом сразу же по прибытию на ранчо.

Таким образом, Грег был хорош для своих целей, но Халк знал — знал без ненужного сожаления или раскаяния, что его время истекло. Слишком глубоко нос Грега зарылся в пушке и слишком часто кулак касался кожи Шерин.

А от этого спинной нерв Халка скручивался в пружину.

Мысли снова незаметно переключились на лежащую в спальне девушку.

Надо же.... Как все повернулось.

Думал ли он когда-нибудь, что встретит ее здесь? Сколько лет он искал ту, на которую его

внутреннее чутье безошибочно укажет словом «она»? Как получилось, что попавшая по ошибке в Тали заключенная, окажется той самой?

В том, что Шерин — это именно «та самая», Халк больше не сомневался.

Он принял этот факт почти сразу, как осознал его. А когда именно на него снизошло откровение, было не так уж и важно. Тогда ли, когда она сама приходила в его кабинет, дрожа от страха, но держа голову прямо, признавая совершенные «злодеяния»? Или когда ругалась с ним, будучи на птичьих правах, но все равно не сдавалась? А, может, когда пила свой несчастный бурбон у фонтана? Или когда крала еду для рабочих и покупала им на свои кровные баллы медикаменты? Или, может, тогда, когда решила, что четыреста пятьдесят тысяч в долг — это не так уж много за того, кого любишь? А, может, просто тогда, когда впервые посмотрела на него в клубе «Поло-Гранд»? Халку было все равно «когда».

Важно было то, что его сердце отозвалось и ожило. Неслыханный и очень щедрый подарок судьбы, на который он давно перестал рассчитывать. И тот, от которого он должен будет отказаться.

Халк тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Хотел бы он быть одним из тех счастливичков, кто встретив свою судьбу, мог бы наслаждаться каждым моментом, но Халк знал, что придется дать ей уйти. Он не мог держать Шерин возле себя. Ему придется с ней расстаться. Даже если она ответит взаимностью, они смогут провести вдвоем не так уж много времени, пока Халк не решит, как именно отправить ее обратно в мир. Ей нельзя было слишком долго оставаться в Тали. Это не ее место, и ему будет спокойней, если она сможет вернуться к привычной жизни в Клэндон-сити со своим магазином, подругами, пончиками на углу и прочим. Там она встретит другого — достойного симпатичного парня, (а не такого ублюдка, каким был Алекс), полюбит, будет заботиться о нем, а он — Халк, должен быть продолжать свою жизнь здесь на ранчо. Так уж выпали карты.

От мыслей о том, что Шерин — красивая, элегантная и ухоженная — будет любить кого-то еще, у Халка внутри что-то крошилось.

Но это нужно было перебороть.

Судьба сыграла с ним злую шутку, послав ту, которую он так хотел найти, прямо сюда, в закрытую зону 33. Это были слишком хорошо, чтобы быть правдой, но так же и слишком плохо. Теперь оставалось лишь одно, впрочем, как и всегда — быть сильным. Пережить это. Еще раз поступиться своими желаниями, чтобы кто-то мог жить лучшей жизнью.

Что ж. Не в первый раз. И не в последний.

Сигара уже дотлела почти до самых пальцев, но Халк все еще сидел в кресле, терзаемый одним и тем же моментом вот уже не первый день.

Должен ли он показать ей свои чувства? Имеет ли он на это права, когда точно знает, что разлука неизбежна? Если это оставит шрам в ее душе, то некого будет в этом винить, кроме себя. А посему, стоит ли?

Отсутствие ответа на этот вопрос терзало Халка.

Но тут решение завесило не только от него. Теперь их было двое — людей, которые должны будут решить, что с этим делать.

Халк раздавил окурочек в стеклянной пепельнице, убедился, что тот больше не тлеет, и поднялся с кресла. Пора было спать.

Я проснулась внезапно и тревожно.

Судорожно вздохнула и открыла глаза. Темно. Почему так темно? Попыталась вспомнить где я, но не смогла. Память напоминало черноту космоса, в которой не было ровным счетом ничего. Кто я? Почему не могу определить собственного имени?

Страх разрывал изнутри, хотелось скулить. Я ощущала, что имею физическое тело, нахожусь в нем, но кто-то забыл подключить к работе мозг, и теперь в нем было темно и пусто. Сумбурно мечущиеся панические мысли, но ни одного просвета. Как я попала туда, где я есть?

Я еще раз моргнула глазами, да — веки определенно двигались. Но темнота не исчезала. Было ли мне когда-нибудь так страшно, как теперь? Я не помнила даже этого. А должна ли была? Что я вообще за существо? Я ведь человек? Или это кошмарный сон?

Из горла начали вырываться всхлипы, от отчаяния я начала судорожно ощупывать руками чужеродное и незнакомое пространство вокруг себя.

— Где я? Где я? Где я? — По щекам катились слезы. Что, если я совсем одна, и мне никогда никто не ответит?

— Тихо, тихо, Шерин. Успокойся....

Чей-то голос пробрался через льющуюся сверху панику.

— Я не вижу. Где я? Кто я?!

— Шерин, тихо....

— Почему так темно!? — Голос сорвался на крик.

Чьи-то руки обхватили мои плечи. Притянули к себе. Обняли. Стало спокойней. Я поняла, что знаю этот голос. С ним было легче, темнота становилась менее враждебной. Хотя я не могла вспомнить ни лица, ни имени.

— Тихо, милая.... Попробуй поспать, тебе станет лучше. Темнота пройдет.

— Пройдет? — Тихо спросила я, не замечая, как мои пальцы впиваются в чье-то плечо. — Темно. Ничего не помню....

— Все будет хорошо утром. Засыпай.

Кто-то гладил мои волосы. Я интуитивно зарылась в ласковые пальцы.

— Это сон? Кошмар?

— Да.... Он пройдет. Я с тобой.

— Пройдет.... Хорошо.... — Успокоилась я. По-крайней мере в этой тьме я была не одна. Мыслей нет, памяти нет, но и страх ушел. Я перестала дрожать.... Стало как-то апатично хорошо.

Сознание мое схлопнулось так же быстро, как и возникло до этого. Я уснула.

В следующий раз я проснулась об острой боли. Голову будто разделили надвое раскаленным прутком. Я снова начала всхлипать, еще толком не проснувшись.

— Больно, больно, больно....

Но на лбу лежала чья-то рука, принося облегчение. Пальца иногда шевелились, от их движения боль утихала.

— Больно, больно....

— Уже не так больно. — Отвечал голос. — Сейчас ты уснешь....

И я снова засыпала.

Засыпала, чтобы просыпаться снова и снова. Паника, отчаяние, боль чередовались как бессменные

вахтеры. Темнота пугала, пустота рвалась на части чьи-то тенями и неслышными криками, боль возвращалась, чтобы вколотить очередной болт через лоб, после чего уступала место тишине и страху. Знакомый голос вплетался во внутренний разброд, шепча какие-то слова. Звучал то громче, то тише. Иногда удалялся совсем далеко, иногда возвращался так близко, что, казалось, звучал прямо в моей голове. Голос всегда успокаивал, руки держали, чья-то теплота спасала, не давала окончательно утонуть в безумии.

Уже под утро, я, наконец, вспомнила, как меня зовут.

Вернулись еще какие-то детали. Выныривая и проваливаясь в сон, я обнаруживала все новые части воспоминаний, не сочетающиеся друг с другом. Разбросанные, и оттого, терзающие. Нос мой утыкался в чью-то кожу, прижимался к ней, вдыхал запах, который позволял снова провалиться в сон на короткое время.

Не знаю, сколько времени прошло, но я проснулась от того, что кто-то осторожно гладил меня по голове. Какое непривычное ощущение....

— Шерин?

Я нехотя приоткрыла глаза, чтобы еще раз увидеть темноту и охнула.

— Только не снова....

— Все в порядке. Это пройдет.

Теперь мои воспоминания были в полном объеме при мне, как будто и не пропадали ночью, вызывая постоянные кошмары и провалы сознания.

— Халк?

— Да, я здесь.

— Как ужасно было....

— Знаю. Все будет хорошо. Потерпи пока.

Он отнял руки от моей головы, и я поразились тому, что, казалось, за ночь привыкла к его прикосновениям так, как будто они были со мной каждую ночь. Невероятно, я проспала всю ночь в его постели, рядом с ним (или на нем?). Если это, конечно, можно было назвать «проспала». Так или иначе, смущение быстро переросло в благодарность от того, что Халк настоял на том, чтобы мы провели эту ночь вместе. Я ужасалась даже представить, что было бы, останься я одна.

— Сейчас утро, да?

— Да.

— Сколько времени?

— Восемь двадцать утра. Скоро будем завтракать. Я пойду в кабинет, а ты пока сможешь одеться.

Твои вещи лежат на тумбе, у кровати, справа. Сможешь найти?

— Конечно.... — Уверенности в этом у меня не было, но я старалась казаться бодрой.

— Когда оденешься, позови меня, я провожу тебя в кабинет.

— Ладно.

Халк покинул спальню.

Ну что ж, где здесь тумба?

Я села на постели и осторожно свесила ноги с кровати. Как хорошо, что пришел новый день. Даже если я его не вижу. И хорошо, что мои воспоминания снова при мне. Я содрогнулась, вспомнив ночные кошмары, и в очередной раз порадовалась, что все время Халк был со мной.

Что ж.... новый день. Значит, на один день ближе к зрению. Нужно просто потерпеть. Я смогу. У меня все получится.

Осталось только как-то одеться.

Я никогда раньше не задумывалась, что закрытые веки — это не темнота. Что такое темнота, я поняла только теперь. Раньше всегда казалось, что закроешь глаза, и становится темно. И только теперь вспомнила, что все равно пробивался свет, какие-то пятна, блики.... Становилось то ярче, то тусклее, но, тем не менее, свет все равно был.

А теперь перед глазами как будто стояла кирпичная стена. Ни лучика, ни оттенков, ни намека на какой другой цвет, кроме черного.

Именно об этом я думала, сидя на диване, пока Халк что-то расставлял на столе. И пахло это что-то просто изумительно.

— Посмотрим, что у нас здесь. — По-деловому звучал его голос. — Тосты, масло, сыр, джем, йогурт, мюсли, ветчина, сок.... Что ты предпочитаешь? Говори, я просто буду подавать тебе.

— Ох.... — Я смутилась. Это же будет его так напрягать — постоянно заботиться о слепом компаньоне, который сам и вилку-то найти не может. Переборов смущение, я попросила. — Тост с маслом, пожалуйста.

— Шерин, не стесняйся просить все, что хочешь.

— Тогда тост с маслом и сыром.

— Что-нибудь еще?

— Пока все.

— Сейчас будет.

В руках у меня появился горячий хрустящий хлеб, намазанный маслом, покрытый сверху тонким пластиком ароматного сыра. Я откусила и с наслаждением принялась жевать. А может, быть слепым не так уж и плохо? Можно просто получать все в руки и наслаждаться. Особенно, если кавалер был так галантен, как Халк.

После тоста у меня в руках появилась открытая упаковка йогурта и ложечка, а также стакан сока. Не успела я придумать тему для беседы, как зазвонил его телефон. Халк ответил. Кто-то спрашивал его об отгрузке урожая, которая должна была состояться сегодня после обеда — это все, что мне удалось понять, пока я пыталась отыскать край стола, на который можно было бы вернуть стакан с соком, чтобы вплотную заняться йогуртом. Халк, разговаривая, отошел вглубь кабинета, в поисках каких-то бумаг.

Мне показалось, что я нащупала край стола, но когда опустила на него стакан, то тот почему-то упал, и сок сразу же потек на со стола на ковер.

Боже мой.... Растяпа-растяпа-растяпа! Что же делать? В смятении, я принялась шарить пальцами по столу, стараясь не дать клейкой жидкости в полном объеме переместиться на ворс ковра, но тут же потеряла йогурт. Он выскользнул из пальцев и оказался где-то внизу. Где же он? Куда он упал? На стол? Он должен быть где-то на столе! И тоже растекается?

Халк продолжал разговаривать, находясь в дальнем конце комнаты, откуда меня, по-видимому, не было видно. Он ведь сейчас закончит разговор! Что он подумает обо мне, когда вернется? Я не на шутку расстроилась и начала пониковать. Этот сок, наверное, теперь везде! Чертова еда! Как назло, звякнув обо что-то, потерялась и ложка. Черт-черт-черт....

Продолжая водить руками — одной чуть выше, другой чуть ниже, я опустила перед диваном, пытаюсь нащупать йогурт, который мог тоже оказаться под столом, но мои пальцы все никак не натыкались на пластиковую коробочку. Но зато они наткнулись на блюдце с сыром и маслом, потом на другой стакан, влезли в чей-то кофе, разлили его, прошлись по.... О, боже? А это что? Похоже на.... Нет! Только не джем!

Второпях попытавшись подняться с пола, я резко и неудачно оперлась о какую-то тарелку, которая в довесок ко всему перевернулась, вывалив лежавшее в ней содержимое, и начала громко звенеть, перекатываясь на краях.

Что я наделала? Как теперь.... ведь я даже убрать за собой не могу....

— Шерин, с тобой все в порядке?

Поспешно закончив разговор, подоспел Халк.

Я молча сидела на полу. Лицо мое горело.

К моим пальцам что-то прилипло, теперь они были сладкие и клейкие, как бумага для мух. Сок продолжал стекать со стола — я чувствовала это, потому что он капал мне на лодыжку, противно стекая на пол, а рядом с моей ладонью на полу лежал кусок ветчины. Йогурт я так и не нашла.

Продолжая сидеть у дивана, я не смела сдвинуться с места, чтобы еще что-нибудь не сломать.

Стыдно было даже поднимать голову. Вокруг, наверное, был такой бардак, что в нем не смог бы находиться даже портовый нищий.

— С тобой все в порядке? — Его голос теперь звучал встревожено и гораздо ближе. Я услышала, как Халк опустился со мной рядом на ковер, и мягкая салфетка тут же принялась обтирать мои пальцы от налипших на них крошек.

— Ты не переживай только. — Сказал он мягко, отчего я почувствовала себя еще сквернее. Глаза защищало от слез, а мой подбородок предательски задрожал.

— Я все здесь рассыпала....

— Подумаешь....

— Разлила сок. И уронила йогурт.

— Не беда. Не стоит расстраиваться.

Но от его доброты мне становилось только хуже.

— Ты просто вежливый! А я растяпа! Столько мороки теперь со мной!

— Шерин....

Теперь из моих глаз капали слезы. Я вытерла их другой ладонью, на которую налип ворс от ковра.

— Ковер, наверное, совсем испортился....

— Черт с ним, я куплю новый. Не надо тереть глаза....

— Эти глаза теперь все равно не работают. Я бесполезная! — Я начала всхлипывать. Не хотела, но все равно начала, не смогла удержаться. — Я теперь только ломать и портить могу....

— Шерин, это всего лишь завтрак.

— А потом будет обед? Ужин? Что еще?

Я прижала руки к лицу и принялась рыдать. Как же стыдно и унижительно быть в таком положении.

Инвалид! Я теперь ни на что негодный инвалид, который кусок до рта сам донести не может. Еще утром только не настало, а я уже везде насорила и накрошила, сама не смогла поесть и другому не дала, а теперь меня же еще и утешают. Хотелось спрятаться в самом дальнем темном углу, чтобы как

следует нареваться и, икая, уснуть в темноте. Ну, темнота, положим, у меня теперь была все время. Но ведь я не в темноте, я живу здесь, с людьми в обществе, и что же будет дальше? Как находиться в таком состоянии еще десять дней? А, что если зрение не вернется вовремя? Казалось, что вся накопленная обида за время, проведенное в Тали, теперь выплеснулась наружу. Все то одиночество, побои, унижения, бессилие, злость, холод ночей и отсутствие хоть кого-то близкого — все превратилось в один единый непрерывный поток из слез.

Я и вправду начала икать и захлебываться.

А потом резко воспарила в воздух и... поняла, ... что сижу у Халка на коленях.

Все произошло так быстро — его руки подняли меня с пола и пересадили на что-то мягкое и теплое. Ноги. Его колени.

— Тихо, девочка, успокойся....

Он обнимал меня тепло, успокаивающе. Прижав мое лицо к своей груди, гладил волосы.

— Не надо, не плачь. Это всего лишь посуда....

От неожиданности я всхлипнула и затихла. Ну, зачем так.... Всегда так по-доброму... Мне стало стыдно.

Действительно, зачем я так? Ведь не настолько ужасной была моя жизнь. Ну, да.... Занесло меня в Тали не по своей вине, пришлось потерпеть, но ведь, в конце концов, я оказалась здесь, на ранчо. Повезло, ведь так? Повезло, что я получила эту работу на кухне, потом перевод книги. А все потому, что Халк всегда был справедлив, всегда замечал детали, всегда, когда это было нужно, был на моей стороне. Ни разу не наказал, как иногда, должен бы был.... А я из-за нескольких тарелок превратилась в такую нюню, и теперь, снова он — Халк, должен меня успокаивать после того, как, по-сути, помог мне избежать очередного наказания, когда кто-то хотел меня подставить. Ну, подумаешь, теперь эти дурацкие тарелки? Ведь и ослепла я всего на пару недель, и лишь потому, что так было быстрее всего узнать правду. Тогда зачем я так плачу? Зачем в очередной раз пользуюсь добротой и временем того, кто мне совсем ничего не должен был?

А руки его были теплыми и заботливыми. Так спокойно было сидеть, прижавшись щекой к его груди, пыхтя и посапывая, слушая, как бьется его сильное сердце. Мне бы встать и заверить его, что я уже не плачу, что это просто несуразный инцидент, и он прав — мне не стоит так расстраиваться, и это всего лишь посуда, но я почему-то продолжала сидеть без движения и без слов. А он продолжал меня держать, глядя по волосам, и дыхание его касалось моей щеки. Мои же липкие пальцы судорожно сжимали его рубашку, цеплялись за нее будто за спасательный круг, и мне было все равно, что на ней останутся следы, что ее придется стирать. Слишком хорошо в этот момент было чувствовать под пальцами кого-то большого, сильного.... родного. Чувствовать, что рядом есть кто-то теплый, кто-то, кто защитит и поможет, поддержит или просто помолчит, потому что даже тишина становилась уютной, когда вокруг, как сейчас, смыкались его руки. Что же я делаю?

Опомнившись, я еще раз тяжело вздохнула и сказала.

— Да, прости. Ты прав, и это всего лишь посуда. Хотя я все-таки что-то расколотила.

Он улыбнулся. Я каким-то образом почувствовала это.

— Как ребенок.... Ей-богу... — Тихо ответил он. — Хочешь, я тебе цветные карандаши дам, стены разрисуешь?

— Я же не вижу.

— Тем интереснее. Разрисуешь все, до чего дотянешься.

— Да ну тебя! — Я не удержалась и тоже улыбнулась. Затем обиженно пожаловалась на судьбу. — У меня пальцы липкие.

— Сейчас отмоем. Пойдем в ванную и отмоем.

— И сок на ногах!

— Ототрем.

— И йогурт я так и не нашла!

— Я тебе еще один дам.

— Не хочу еще один....

— Собрать тебе с ковра предыдущий?

Я ткнула его пальцем в бок, Халк тихо засмеялся.

Разговор получался почти нелепым, но каким-то теплым и уютным. Домашним.

Меня удивляло, что я продолжаю сидеть на коленях у человека, который должен был по праву считаться моим хозяином, а на деле казался, если не членом семьи, то, по-крайней мере, близким другом.

Я пошевелилась, понимая, что нужно слазить с насиженного места. Неудобно как-то....

— И все-таки я растяпа. Так неловко....

— Шерин. — Сказал Халк, и голос его прозвучал как-то особенно, как если бы он намеревался сказать дальше что-то серьезное. — Ты меня послушай сейчас. Хорошо?

— Хорошо.

— Пожалуйста, позволь мне заботиться о тебе. Помочь тебе со всем, что тебе может понадобиться.

— Но....

— Я не договорил.

— Прости. — Я пристыжено умолкла. Но мне действительно было неловко, как бы я ни пыталась этого скрыть.

— Я очень хочу, чтобы ты пошла мне навстречу и помогла в этом, озвучивая любые желания. Иначе, я могу о них просто не узнать.

Я продолжала молчать. Сердце его билось рядом, а пальцы осторожно проходились по волосам. По моей спине прошла волна дрожи, на этот раз вовсе не от смущения, а от того, что Халк продолжал меня держать, и это становилось..... слишком чувствительным.

— Ты сделаешь это для меня?

Кое-как выдохнув после надолго задержанного вдоха, я прошептала.

— Хорошо.

Его палец ласково прошелся по щеке. Еще одно такое движение, и я волна возбуждения докатится туда, где ей совсем не следует быть. Я не шевелилась, боясь спровоцировать все что угодно.

— Но почему, Халк? — Тихо спросила я. Мне было очень важно услышать ответ на этот вопрос. Я просто не могла не спросить. — Почему ты это для меня делаешь?

Его пальцы осторожно прошли по моему подбородку, на мгновение замерли, а потом приподняли лицо. Теперь его дыхание было на моих губах. Я почувствовала, что дрожу, что мне нужно сменить положение, что....

Не успела я придумать, что, как Халк поцеловал меня.

Неторопливо, осторожно, пробуя, проникая, успокаивая, наслаждаясь, одновременно посылая жаркую волну вниз по животу. Его губы не торопились, как бы говоря — Здравствуй! Открывай дверь, я здесь новый хозяин. И нет, не надо возражений, они все равно не примутся. Потому что я пришел сюда насовсем, и чтобы тебе не было обидно, я сделаю так, что будет понравится новый расклад вещей.

Когда поцелуй закончился (или все лишь прервался?), я все еще чувствовала, дыхание Халка на своих губах, а между ног у меня пульсировало так, что пришлось с силой сжать мышцы бедер.

Комната наверняка вращалась бы вокруг меня, будь я способна это увидеть.

Теперь подушечка его большого пальца медленно обводила мои припухшие губы, отчего приходилось сжимать ноги еще плотнее.

— Тебе все еще нужен ответ на твой вопрос? — Спросил Халк мягко.

Я была в смятении.

Нервы мои были напряжены до предела, кровь пульсировала в ушах, грозя заглушить мысли, которые не представляли особой ценности, потому что носились, как угорелые. Я не просто нервничала — я не могла найти себе ни места и ни секунды покоя.

И конечно, виной всему был Халк.

Сейчас его не было в комнате, он покинул кабинет около часа назад, в то время как я, судорожно сцепляя и расцепляя пальцы, стояла где-то возле дивана, не зная, в какую сторону двинуться. Ни стоять, ни сидеть, ни лежать — ничего не помогало успокоиться.

Что Халк наделал? Зачем поцеловал? Да еще так, что я проплавила до самого пола!

И ведь не отпустил сразу после этого, а долго еще держал в своих объятьях. И те слова, которые он произнес, прежде чем отпустить, до сих пор звучали в моих ушах — «Привыкай. Теперь это самое безопасное для тебя место в мире».

О, боже! Я едва не взвыла и снова покрылась мурашками. Этим поцелуем и поведением, он ясно дал понять, что с этих пор наши отношения становятся другими. Сильно. И насовсем. Я не знала, откуда ко мне пришло знание про «совсем», но я точно знала, что права.

Халк — не мальчик. Он не будет играть в игры, не будет притворяться, не будет просто «утешать» кого-то только ради того, чтобы высохли слезы. Если он пришел к выводу, что наши отношения должны стать другими, значит, он думал об этом прежде. Каким-то образом я чувствовала Халка — его самого, образ мыслей, настроение. Да, он думал. И не один день. И теперь он все решил.

И какое прекрасное время он выбрал для проявления своей заботы! Именно тогда, когда я больше всего нуждалась в чьей-то поддержке. «Да не чьей-то...» — поправила я саму себя. Зачем врать-то? Не в чьей-то, а именно в его — Халка — поддержке. Как можно устоять, когда ты полностью слеп, а кто-то стопроцентно добр?

Колени, не выдержав веса моего тела, потому что внезапно стали мягкими, подогнулись, и я со вздохом опустилась на пол. Выкручивать руки при этом не перестала.

«Я скоро вернусь» — Сказал Халк уходя.

И он действительно скоро вернется.

Я мысленно взмолилась Господу, чтобы дал мне сил принять верное решение. Потому что если я хочу сказать Халку «Нет», то нужно сделать это сейчас. Не потом.... Не после того, как проведу с ним еще одну ночь (которая хорошо, если будет, как и предыдущая, наполнена кошмарами). А если

нет? Я прекрасно знала, что будет, если вдруг я почувствую себя лучше....

Халк перешел в наступление. И покорение. Он не будет долго ждать, не та это порода мужчин, которые бездействуют или выжидают.... Это не Алекс, с которым можно было иногда просто приятно проводить время, так сказать, «по-соседски». Если Халк заявит свои права, то ему должно будет принадлежать все, каждый дюйм моего тела — от кончиков волос до пальцев на ногах. От первой и до последней моей мысли в голове.

Поэтому если я все же хочу сказать «нет», нужно делать это сейчас, обосновав для себя все «за» и «против». Да, нужно решить все для себя или сейчас или никогда.

Я попыталась мыслить логически.

Я — Шерин Мур — свободная (не от Тали, конечно) женщина, и вправе быть с тем, с кем хочу. Здесь все чисто. Я никого не предаю и никому не изменяю. Идем дальше. Что будет, если я решу сказать Халку «да»? Мне придется навсегда остаться в Тали и жить здесь «долго и счастливо»? Как бы хорошо я не относилась к Халку, такая перспектива меня пугала. Как можно добровольно остаться навсегда в 3Зей зоне, зная, что вокруг — где-то там — существует настоящий нормальный мир? Получается, если я не могу представить себя живущей здесь, нужно определенно сказать Халку «нет».

Вот и весь спор. Делов-то! Немного даже пришлось и раздумывать, чтобы получить ответ.

Не успела логика радостно захлопать в ладоши, как затосковало сердце. На него лег камень, который никакая логика сдвинуть не могла. Не так, значит, все просто....

Черт бы подрал этого Халка!

Зачем нужно было так.... так прямо? Как сегодня.... Взять и враз все поменять?

Хотя, а как еще? Ухаживать до старости, лет десять только держась за руки? Конечно, нет. Но все равно. То, во что превратись мои эмоции, можно было назвать только ураганом. Наверное, так случилось бы с любой женщиной, выбранной Халком, но этой женщиной оказалась не любая, а именно я.

Покачав головой, я снова позволила вспомнить себе его поцелуй.

Такой нежный.... Медленный. И очень показательный. Один из тех, что не демонстрирует силу владельца в полную меру, но как бы рассказывает о ней. Аккуратно, тактично, но так, чтобы стало понятно.

В животе тут же снова начала закручиваться томная пружина. А что, если он покажет эту силу? А ведь он покажет, и нескольких часов не пройдет, я в этом не сомневалась.... И движения его поначалу снова будут неторопливыми, вымеренными, такими, чтобы не спугнуть. И лишь когда пожар разгорится в полную силу, Халк возьмет то, что ему причитается.

О-о-о-х! Ну, о чем я, спрашивается, думаю?

Застонав вслух, я закрыла лицо руками. А о чем мне еще думать, если Халк именно тот, кто превратил мое тело в магнит, сосредоточенный где-то внизу живота и нацеленный прямо на него? Как мне его теперь оттуда выкусить? Да и надо ли? Кто-то глупый и радостный внутри меня тут же ответил «нет!».

Я безмолвно застонала.

Как быстро, оказывается, можно превратиться в жаждущую физического наслаждения, идиотку. Неужели я настолько простая? (Как амеба....) Или же это Халк нашел хитрый способ подействовать

на мои сложные химические соединения? Что, вообще, со мной такое происходит? Один поцелуй, и я вот уже три часа нервной дрожи....

Время, я, конечно, предполагала наобум. Но мне казалось, что прошло не меньше нескольких часов с тех пор, как он покинул кабинет.

Что же я собираюсь делать, когда он вернется? Я не могу просто молчать и наблюдать. Либо я отказываюсь играть с ним в эту игру, либо же отдаюсь отношениям полностью. По-другому я не умела. И мне, почему-то казалось, что я уже знаю ответ. Логика, однако, снова тут же потребовала реванша, заорав, что мне, по сути, ничего и не предлагали.

Да, пришлось согласиться. Словами мне ничего не предлагали. Но....

Я опустила голову на ковер и, наконец, успокоила руки.

Халк предложил мне себя. Всего себя. От начала и до конца. Настолько, насколько это вообще возможно. Собираюсь я от этого отказаться, потому что мне не нравится Тали?

Нет. Я не откажусь. Не смогу.

Даже если я и не произнесу про себя этих слов, если не решусь сказать их внутри собственной головы, я все равно буду знать, что люблю Халка. Вот так все просто. Просто и прозаично.

Люблю его.

Я медленно, очень медленно вдохнула и выдохнула. Ну вот и призналась....

Сложно было? Да нет, не особенно.

Правду никогда не сложно признавать тому, в ком есть хоть частица храбрости. А я трусливой себя никогда не считала, и потому было несправедливо продолжать уходить от настоящих чувств, заменяя их подходящими настроению эпитетами.

И тем более не после всего того, что Халк для меня сделал.

Да, он жесткий. Да, он хозяин какого-то странного ранчо в пустыне и кучи заключенных, которые сеют, пашут и крошат руду. Да, на этом ранчо работают, а иногда и умирают люди. Да, здесь постоянно жарко и некуда пойти. Да, в Тали не завести друзей и невозможно жить старой привычной жизнью. Но если уж так выпали карты, и Халк почувствовал то же, что и я — значит, мы останемся здесь вместе.

Потому что.... Кто же думал? Но если уж так....

Я покачала головой.

Без Халка я тосковала. Маялась. Не было цельной. А с ним становилась какой-то другой. Такой, какой никогда не была с Алексом. Все это случилось так незаметно и неотвратимо, что мне осталось только диву даться, почему я не призналась себе в этом раньше. Может, просто не было нужды оформлять в окончательный вывод и озвучивать вслух? А чувства? Что чувства? Если они появились, то им все равно — говоришь ты о них или нет. Они от этого не меняются.

Вот и вся логика.

И пусть ее голос теперь хоть верещит, хоть нет. И даже если случится так, что Халк сам передумает и оставит меня, теперь уже все равно поздно что-то менять. Стоило моему телу одиножды оказаться в его руках, как сердце тут же потянулось к нему со словами «Моё! Дай!»

Странно? Смешно? Правильно? Не правильно?

Теперь уже все равно поздно.

Я покачалась из стороны в сторону, сидя на полу, после чего улыбнулась в никуда, обратив

внутренний взор к тому, кто распоряжался судьбами, где-то там, наверху, и ласково и укоризненно покачала ему головой.

Ну и шутник ты, Господи! Но «спасибо» тебе. Чем бы все это ни закончилось — Спасибо Тебе!

Грег дымил дешевой папироской, стоя возле крыльца собственного барака.

Он курил не часто, только когда припирало, и начинали шалить нервы. Хороших сигарет на ранчо было взять негде, а в город он выбирался не часто, да и не любил тратить сбереженные, завоеванные потом баллы на эту дрянь, которое только отбирала и без того уже не самое крепкое здоровье.

Но сегодня был особенный случай, когда покурить ну просто край как приспичило, поэтому он не погнушался и стрельнул одну из самокруток у охранников.

Выпуская из рта горький вонючий дым, Грег невольно вспомнил аромат Халковых заказных сигар, которые наверняка стоили целое состояние. Он таких даже не пробовал и вряд ли теперь когда-нибудь уже попробует.

Сейчас, когда карьера висела на волоске, он мог лишиться изрядной доли заработанных баллов, а все из-за того, что эта Янка не смогла удержать амбиции в кулаке, а он — Грег, как дурак, повелся на ее уверения, что все пройдет гладко. Да уж! Станет он самим Халковым заместителем, дождется похвалы за вовремя предотвращенный поджег, получит премию и, может даже, внеплановые выходные, которые сможет провести в местных барах Тали.... О чем еще пела в уши эта стерва? Да и какая теперь разница. Грег сплюнул попавший на язык табак на пыльную землю и снова затянулся. Теперь бы им всем на местах удержаться, не до поблажек или похвалы. Не схлопотать бы по шее так, что лететь до самого Тали кувырком.

Грег всерьез опасался Халка после того, что увидел накануне вечером. Этот чертов мужик от спецотряда, а такие никогда ничего не прощают. Не та у них закалка. Тот приемчик с ослепление лишь вершина айсберга, в этом Грег мог поклясться, а, значит, никаких шансов увильнуть от ответственности не представится.

Чертова сука!

Он весь день думал о том, как бы помягче обрисовать Халку свое участие в этом деле, чтобы тот не слишком злился. На Янку плевать! Она всего лишь дешевая подстилка, которая за три копейки в церкви перданет. Таких никогда не жалко, пусть получит все, что ей причитается — тут Грег не испытывал никаких угрызений совести. А вот сам.... Своя шкура, хоть и изрядно уже поношенная, а все же дорога. Но Грег, как назло, так ничего и не придумал. День клонился к закату, тихо шумел жухлой травой, красил горы в оранжевый свет, в общем, вел себя как обычно, а начальник охраны все никак не находил себе места и нервничал все сильнее.

Если врать, то можно нарваться на то же самое, что Халк сделал с этой Шерин, а Грег, видит Бог, всей душой хотел подобного избежать.

Значит, вранье не подходило с самого начала. Оставалось только надеяться, что если извернуться под правильным углом, тогда за все заплатится только Янка, а его собственное участие останется в стороне. Хорошо бы.... Да, хорошо бы.

Грег докурил папироску почти до самых пальцев, обжегся, выругался и выкинул ее в траву. Затем подумал немного и придавил окурочку ногой. Не хватало еще, чтобы снова что-нибудь задымилось. Осталось всего несколько часов до того как истечет данный ему срок. Грег тоскливо посмотрел на розовеющее закатом небо.

Пора идти за Янкой.

Когда отгрузка, наконец, завершилась, а наполненные доверху грузовики отъехали от складских ворот, Халк вытер вспотевшую шею ладонью, мечтая вернуться в прохладные апартаменты особняка и принять душ. Весь день, неважно, о чем шла речь с людьми или какие бумаги требовали оформления, он непрерывно думал о Шерин. Как она там? Ведь почти весь день провела одна в офисе. Халк чертыхнулся. Он хотел освободиться пораньше, но все новые дела требовали его неотступного внимания.

В обед он заглянул на кухню и попросил Табиту принести обед наверх, зная, что Шерин будет чувствовать себя раскованно только с кухаркой и тогда сможет нормально поесть, после чего его совесть немного успокоилась. Можно было дальше заниматься делами.

Халк что-то писал, отвечал на вопросы, следил за подъемом огромных ящиков, заполненных ягодами в пыльные кузова машин, и постоянно возвращался к ощущению ее губ — таких мягких, податливых, осторожных, чуть несмелых, но оттого лишь еще более притягательных.

О, он хотел ее. Хотел ее не только физически, но и на каком-то ментальном уровне — всю, без остатка. Халк еще никогда не хотел, чтобы женщина принадлежала ему настолько всецело — он хотел впитывать в себя ее смех, искрящийся свет глаз, тепло ее тела, пропустить через себя каждую ее эмоцию, наслаждаться каждым вылетевшим из ее милого ротика словом. Хотел жарких ночей в непрерывных объятьях, наполненных нежностью разговоров за завтраком, хотел совместного времяпровождения вечерами на балконе, выездов в город, обсуждения планов....

И это желание терзало его и возобновляло бесконечную внутреннюю борьбу — ведь он должен будет ее отпустить. Как? Когда? Не важно. Но это должно случиться. Раньше или позже, но все равно должно будет произойти.

Халк внутренне рычал.

Его сущность восставала против отделения от той, которая должна принадлежать ему днем и ночью, неделя за неделей, месяц за месяцем. Всегда. Халк хотел поступить благородно, по велению совести, которая непреклонным голосом верховного судьи заявляла о том, что нужно как можно скорее отправить Шерин обратно. Халк мычал и соглашался, после чего снова возвращался к представлению сладких картинок о том, как он вместе с Шерин будет разговаривать, обсуждать, смеяться. Как он будет ее баловать.... Пока снова не включалась совесть и, подобно бездушному роботу, не напоминала все о том же.

И тогда Халк снова рычал.

Когда же, наконец, с делами было покончено, и он мог отправляться обратно, Халк не сдержал облегченного вздоха. Да, он стал, как юнец, бегущий в башню, где прячется принцесса, ну и что с того? Наивно?

Может быть.... Но он слишком долго провел там, где царила жесткость, приказы (порой очень жестокие приказы), почти полное отсутствие слов, холодная выдержка и сила, правившая балом. Внутренний контроль, прочно распустивший железные стержни в каждую клетку тела, теперь был чуть порушен, и Халк, признаться, был этому рад.

Он был рад уже тогда, когда смог просто начать испытывать человеческие эмоции снова, которые, казалось, были вытравлены у всех тех, кого Комиссия когда-либо принимала в свои ряды. Нет, не правильно. Не принимала в свои ряды (иначе Халк бы никогда не смог сидеть сейчас ни на этом, и

ни каком-либо другом ранчо), а лишь подпускала близко к своим рядам. Потому что первым, самым долгим и жестоким уроков Комиссии был один и тот же — полное избавление от эмоций. Отовсюду. Для всех без исключения. Из головы, сердца и спинного мозга.

Тогда это казалось небольшой платой за те знания, что давались взамен. За ту невероятную тренировку тела и его рефлексов. За сверхспособности, которые уже невозможно было отнять. За то, что людей из спецотряда было почти невозможно убить.

Все они были лучшими из лучших — профессионалами, работающими за баснословные гонорары, которые не снились и самым успешным мира сего. Что еще могло быть более привлекательным, нежели абсолютная физическая форма, которой невозможно добиться без вмешательства извне и денег, льющихся на голову водопадом за самые пустяковые задания?

Тогда, казалось, что весь мир лежал у их ног.

У него и команды друзей — профессиональных убийц с различной спецификацией знаний. Рен Декстер, Мак Аллертон, Дэлл, Аарон Канн, Дэйн Эльконто и другие ребята.... Где они все сейчас? Всего их было двенадцать человек, под руководством Дрейка. Все того же старого, доброго и абсолютно непреклонного Дрейка. Удастся ли хоть кого-то из них увидеть снова?

Халк резко тряхнул головой, осознал, что незаметно для себя потонул в воспоминаниях о прошлом, навеванных так внезапно и бурно нахлынувшими эмоциями. Вместо того чтобы идти к особняку, он стоял и смотрел куда-то вдаль. Туда, где в далеком мареве расплывались и дрожали горы.

Убийца с уклоном сенсора, прошедший через множество заданий, выполнивший сотни приказов, теперь осевший в качестве фермера заброшенного города-тюрьмы, пытающийся жить «нормальной» жизнью робот, из тех, что никогда не ошибаются.

Теперь он стоял, чувствуя, как хлопает по бокам горячая, высушенная ветром, ткань рубашки, чувствуя, как от жары раскалилась золотая цепочка на шее... и улыбался.

Она вернула его к жизни.

Когда Халк, наконец, поднялся в кабинет, первым, что он увидел, была мирно спящая на софе Шерин. Она лежала, положив голову на мягкий подлокотник, свернувшись клубком и почти не слышно посапывала. Халк улыбнулся, стараясь не шуметь, снял рубашку и отправился в душ.

По пути он думал о том, что нужно будет как можно быстрее достать для нее новую одежду и обувь. Хорошо, что она заснула днем, потому что, как бы странно это ни было, кошмары чаще всего возвращались именно ночью. И если ночью человек сможет бодрствовать, то гораздо легче перенесет восстановление.

Ну, в этом Халк намеревался Шерин помочь. Вчера он не смог бы удержать ее ото сна, слишком усталым было ее тело после проведения «блайнда», но сегодня она вполне сможет побыть без сна. И Шерин сама выберет, чем именно ей хотелось бы заниматься, Халк же лишь предоставит ей выбор. И может быть, только немного намекнет....

Он снова улыбнулся, чувствуя, как тело наливается жаром. Мышцы затвердели, кровоток усилился, Халк задышал ровно и глубоко, заставляя себя расслабиться. Не сейчас. Еще не время. А вот когда она как следует выспится....

Он открыл воду и шагнул под горячие струи, уносящие с собой пыль и пот, скопившиеся на теле за день.

Когда послышался шум и возня на лестнице, Халк почти сразу понял, что происходит. К тому

времени, когда раздался стук в дверь, быстро и осторожно перенес спящую Шерин на кровать в спальню и плотно прикрыл дверь.

После его «войдите», дверь отворилась, и в кабинет буквально вкатился Грег, насильно втаскивая за собой кого-то, сильно брыкающегося и пытающегося вырваться всеми доступными способами. Этим кем-то оказалась девушка, которую Халк хорошо запомнил еще с тех пор, как был частым посетителем клуба «Поло-Гранд». Именно ее он привез на ранчо вместе с Шерин.

«Янка».

Халк никогда не забывал имен. И ее досье, наряду со всеми другими, он давно и тщательно изучил, сразу после того, как она прибыла на ранчо. «Осуждена за поджег собственного дома с целью получения страховой выплаты...» — всплыли перед глазами некогда прочитанные строки.

Он никогда напрямую не вмешивался в отношения ее и Шерин, но был склонен предполагать, что они общались, так как вместе работали и обе жили в Бэль-Оук парке. Когда же Шерин достались более удобные условия, ее «подруга», скорее всего, обиделась и решила выразить это действиями. Именно поэтому ее теперь буксиром притащил Грег.

Картинка быстро складывалась в одно целое, все кусочки вставали на свои места.

К тому же Янка жила в том бараке, который впоследствии подожгла, наверняка имея трения с кем-то из соседей.

Халк едва не поморщился, глядя в круглые голубые глаза, светившиеся неприкрытой яростью.

— Отпусти меня! — Орала она на Грега, дергаясь из стороны в сторону. — Руку сломаешь, подонок! На этот раз Халк поморщился.

Он не особенно любил грубые выражения, тем более от женщин, и особенно если они произносились с таким презрением и грубостью, как сейчас. К тому же громкий голос мог разбудить Шерин.

— Заткнись. — Отрывисто бросил он Янке.

Это единственное слово прозвучало коротко, холодно и грубо. Достаточно для того, чтобы ее крики оборвались на полуслове, а круглые глаза, в которых теперь читалась примесь вожделения и страха, немигающее уставились на него. Казалось, она едва не облизывается, видя Халка так близко. Страх ничуть не мешал ей масляно ощупывать его фигуру взглядом.

Теперь становилось еще более понятным, почему она решилась подставить Шерин. Ведь та имела возможность общаться с Халком, в то время как эта — по всей видимости, втихаря сохнувшая по нему (или прилагающимся к нему удобствам?) не могла приблизиться даже к особняку, не говоря уже о его хозяине.

Когда стоящая напротив наглая дама, наконец, удосужилась закончить осмотр его конечностей, Халк встретил ее взгляд прямо, холодно и задумчиво, напоминая змею, которая уже знает, что нанесет смертельный удар, но все еще не может решить, куда именно наметить фатальный укус.

Белобрысая Янка, распознав недоброе в его глазах, непроизвольно сделала шаг назад и почти спряталась за спину Грега.

Халк недобро улыбнулся краешком губ и обратился к Грегу.

— Говори.

Грег замялся и в первую минуту не произнес ни слова.

Такое Халк видел впервые. Не иначе, как раздумывает, с какой стороны начать преподносить правду. Значит, понял, что врать не стоит. Халк мысленно похвалил старого вояку, для себя отметив, что

наказания это, однако, не смягчит.

Наконец, Грег прочистил горло.

— Вот, привел, как вы просили. — Он указал на Янку. — Это она все сделала. Все подожгла и бензин в комнату принесла, и ботинок украла....

— Да как ты смеешь, ублюдок! Я ничего не делала! — Снова заверещала та, брыкаясь. Но не успела она что-то добавить, как Грег с силой сжал ее руку, и вместо слов, Янка взвыла от боли.

— Да, она это! Точно говорю.... Хоть проверяйте ее, как вчерашнюю. Все сами и увидите....

Халк спокойно смотрел на Грега.

— А откуда тебе это так хорошо известно? Что это именно она?

Грег нервно сглотнул.

— Я поспрашивал в округе. Видели ее несколько человек. Видели, как канистру прятала.

— Врешь! Ничего я не прятала! Я вообще весь день ягоды собирала, а потом спать ушла! Только от дыма и проснулась....

Халк перевел взгляд на Янку, затем снова на Грега, ожидая реакции.

Все факты о том, что оба стоящих перед ним человека, замешаны в поджоге, были налицо, но Халк не решался прерывать шоу, позволяя деталям самим всплыть на поверхность. Он любил улавливать малейшие реакции тел, интонации голосов и внимательно следил за выражениями лиц. К тому же он был сенсором — человеком, способным напрямую воздействовать на мозг, изменять или получать находящуюся там информацию, но таких умений здесь не требовалось. Поэтому Халк просто ждал. Начальник стражи не на шутку нервничал и сильно потел. Что, впрочем, не мешало ему зло подпихивать Янку вбок, когда он чувствовал, что та намеревается что-то произнести.

— Врет она все. Все знают, какая она гнилая внутри, все только завидует и слюни пускает. И ни слова правды сказать не может....

Халк приподнял брови, отмечая, как лицо Янки покрывается бардовыми пятнами, а Грег, разойдясь, продолжал:

—все в бараке сказали, что она ту девку — Шерин — терпеть не могла. И что подначивала против нее постоянно, басни рассказывала, хотя ей и не верил толком никто.

Янка молча стояла рядом, готовая в любой момент взорваться. Губы ее сжались в тонкую полоску, а подбородок ходил ходуном от злости. Она морщилась, как от ожогов всякий раз, когда Грег произносил новое слово. А тот продолжал вываливать все новые детали и подробности ее занимательной жизни. Но стоило ему только дойти до того момента, когда, якобы, он сам видел, как она тащила канистру, Янка не выдержала и взорвалась от злости.

— Что ты брешешь и прикрываешься мной?! Да ты же сам мне ключ от ее комнаты сделал, козел! — Теперь Янке было наплевать на последствия собственных слов. Гнев окончательно сделал свое дело, и, повернувшись к Грегу, она заорала не своим голосом то, что ей хотелось сказать больше всего (чего Халк, собственно, и ждал) — Ты же не меньше меня ее терпеть не мог, каждый раз после траха только об этом и твердил....

Грег резко побледнел и попытался отвесить Янке оплеуху, но Халк резко оборвал представление.

— Хватит! Хватит, я сказал! — Отрезал он, увидев, что Грег едва способен совладать с собой. — Это правда, Грег?

Теперь голос Халка был настолько жестким, что Грег почти физически мог ощущать его стальные

края. Вот только ответить у него получалось с трудом — что-то железными тисками перехватило горло и полностью перекрыло кислород. В этот момент он ненавидел Янку так сильно, что готов был по-настоящему, жестоко и без раздумий придушить ее прямо здесь, в кабинете у Халка.

Змея..... — Его сухощавые руки сжимались и разжимались — Подколотная змея....

Даже когда он спал с ней, никогда не чувствовал особого удовольствия, одну только грязь — проститутки в Тали были и то лучше, а теперь Грег вообще жалел, что когда-то близко подошел к этой суке. Ну до чего же мелочная мстительная тварь! Удавить ее надо было.... Да, нужно было придушить ее с самого утра. И почему он до этого не додумался?! Списал бы все на несчастный случай, и некому было бы тогда сдавать его, как теперь.... А теперь уже поздно. Халк узнает, если сказать неправду. Тварь, белобрысая тварь....

— Грег? — Повторил Халк. — Ты сам дашь ответ или мне приложить усилия?

Грегу на мгновение показалось, что сейчас глаза Халка полыхнут белым светом и тогда придет конец. Всему придет конец! А пока еще не поздно сознаться!

— Правда это, да! Сделал я тот чертов ключ, только не знал, что она с ним делать собиралась! — Заорал Грег, оправдываясь.

— Знал ты все! — Тут же злобно ввинтила Янка, отыгрываясь и мстя за собственное поражение. — Я тебе все рассказывала! Повелся на то, что получишь дополнительные баллы за спасение барака, так ведь?

По лицу Грега теперь ручьями бежал пот.

Халк сжал челюсти. Напрягся. Внутри его клокотала ярость.

— Ты.... — Повернулся он к Янке, прервав возможные дальнейшие препирательства. — Сейчас выйдешь из кабинета вон. А утром я передам тебя в городской суд Тали, с полным описанием твоих действий. Там разберутся, куда тебя направить дальше.....

— Нет! — Внезапно прошептала Янка, побледнев. — Они же меня на каторгу отправят! Они ж меня....

— Меня не волнует! — Отрезал Халк.

— Можно ведь и здесь разобраться, я отработаю все, можно ведь штрафом....

— После того, что ты сделала — нельзя. Я даже руки об тебя марать не буду.

— Я хочу остаться на ранчо!!!

Халк сжал челюсти и медленно опустил взгляд, будто рассматривая что-то на ковре.

— Тебя не будет в этом кабинете через три секунды. — Ровно произнес он. — Я свое решение уже озвучил.

Что-то в его голосе напомнило Янке бетонную стену, усыпанную стеклами. От отчаяния она вывернула руки, взвыла и выбежала из кабинета. Теперь ее никто не удерживал. Ее шаги уже давно затихли, а Халк все так и стоял, безмолвно и неподвижно, глядя куда-то в пол. Грег не мог, не хотел смотреть в его лицо, а еще меньше хотел услышать какие либо слова.

Наконец, Халк поднял голову и взглянул в лицо начальника стражи. Тот вдруг осознал, что видел разные выражения на лице хозяина ранчо, но такого как сейчас, еще не видел никогда.

— Ну что, — Спросил Халк. — Поговорим?

Грег не решался произнести ни слова.

К тому моменту, когда дверь за Янкой закрылась, он уже понял, что наказания за соучастие не

избежать. Она всю постаралась обличить его, не забыв упомянуть даже самые грязные детали их отношений, что, понятное дело, теперь не поспособствует получению какого бы то ни было снисхождения.

Мразь.

Грег всеми фибрами желал, чтобы разговор с Халком завершился как можно скорее, и тогда можно будет отправиться на поиски этой змеи. Ох, он позаботится, чтобы ее ядовитый язык обвился вокруг ее же собственной шеи! Точно позаботится. Собственноручно.

Но это позже. С ней он разберется позже. Но вот чего ждать сейчас? Насколько серьезными окажется наказание для него самого? Слушая тягостную тишину и не решаясь издать ни звука, Грег только ждал.

Наконец, Халк прервал молчание.

— Ты работал на моем ранчо два года. Я давал тебе почти неограниченные полномочия и разрешал самому разбираться с ситуациями, командуя остальными охранниками. Но власть, по-видимому, вскружила тебе голову.

Грег сглотнул, попытавшись протолкнуть слюну в пересохшее горло. Получилось плохо. Халк, стоявший напротив, был примерно одного роста с самим Грегом, но последний чувствовал себя едва ли не карликом. Все дело было в атмосфере. В этой чертовой грозной ауре, которая исходила от Халка волнами, заставляя каждого гнуться к земле, особенно, когда Конрад был зол. Как сейчас.

— Ты переступил полномочия тогда, когда решил, что вред, нанесенный моему ранчо, принесет личную выгоду тебе. Меня не волнуют причины твоих действий, но волнует то, что мое ранчо едва не пострадало, потому что ты помог этому случиться. Начиная с завтрашнего утра, должность начальника стражи будет занимать другой, выбранный мной человек.

Грег не поверил собственным ушам.

Уволили? Его только что уволили? Да, он, конечно, думал, что его могут отчитать, пожурить, сделать выговор, даже наложить штраф. Но снимать с должности? Он два года проторчал на этом чертовом ранчо, впахивая без отдыха и выходных, чтобы от него вот так просто взяли и избавились? — Это несправедливо! — Злобно, но виновато рыкнул он. — Да, я сделал ей этот ключ, но не думал, что она собирается кого-то подставлять!

— Меня не волнует, что ты думал.

— Если бы я знал, что Янка вознамерится всерьез навредить этой....

— А о поджоге ты знал? — Перебил его Халк.

Грег в ответ промолчал. Не хотелось еще раз признавать то, что уже итак было известно. Поэтому вопрос плавно переключался в раздел риторических, повиснув в воздухе. Халк, не рассчитывавший получить ответ, продолжил.

— И тебе было наплевать, что если пострадает амбар, то пострадает и урожай, который я поставляю в город....

Грег скрипнул зубами, подумав, что экономика этого ранчо точно не упала бы до нуля.

— ... тебе было наплевать на то, что в пламени могли пострадать люди...

Этих преступников он тоже не особенно стал бы жалеть. По мнению Грега их можно было держать и в более шипастых рукавицах. Во вред бы не пошло.

— ... ты без зазрения совести притащил в мой кабинет невиновного человека....

— Не такая уж она невинная! Еду с кухни крала, чтобы.... — Не удержавшись, взорвался Грег, потому что тема Шерин была болезненней всего остального. Ну, теперь по важности шла разве что после разборки с Янкой.

Но Халк не дал ему договорить, сменив свой тон на опасно-ласковый.

— ... ты ведь не думал, что я смогу определить правду? Ты думал, что я дурак, которому можно плести все, что вздумается. Но ты ошибся, Грег. Ты очень сильно ошибся.

Между людьми в комнате повисла тяжелая, недобро потрескивающая напряжением, тишина.

Долговязая высокая фигура Грега теперь злобно и нервно переминалась на месте.

Эта все эта Шерин виновата! Все мозги Халку запудрила, натравила его против Грега, обвилась вокруг шеи и мирно посапывает, в тот время как он — начальник стражи (теперь уже «бывший» начальник стражи), должен будет с утра искать новую работу.

От злости Грег едва не сплюнул на ковер. С самого начала он знал, что ее надо было тоже удушить. Их обеих надо было! До того как Халк поведет одну из них, а он на вторую....

— И за твои действия, направленные против моей собственности, и за оскорбление, нанесенное мне, я штрафую тебя на двести баллов. С утра ты покинешь территорию ранчо....

— Что!? — Вне себя от ярости заорал Грег, осознав адресованные ему слова. — Двести баллов? За какой-то сраный амбар, который не успел даже почернеть?

Темперамент и раньше подводил начальника стражи, но в этот раз гнев полыхнул настолько ослепительно, что, даже не осознав, что делает, Грег только и успел заметить собственный летящий в челюсть Халка кулак. Страх, неожиданность, ликование, ярость и облегчение — все смешалось в единый клубок, стоило Грегу подумать, что он все же отплатить этому сопляку напоследок. Так сладко будет засадить ему по нахальной непроницаемой роже.....

Но через долю секунды руку и плечо скрутило такой болью, что Грег охнув, осел на пол. Каким-то непостижимым образом Халк молниеносно отвел летящий кулак в сторону, вывернув локоть за спину, после чего нажал стальными пальцами на какую-то точку, расположенную между плечевыми костями, отчего перед глазами Грега поплыли черно-красные расплывчатые пятна.

Он захрипел, сгибаясь от боли. Плечо саданило так, будто через него пропустили шипы, рука быстро начинала неметь.

— Триста баллов. — Сказал Халк. — Если дернешься еще раз, будет четыреста. Еще раз — пятьсот. Понял меня?

Грег, морщась и отплеываясь, кивнул головой.

— Ты покинешь ранчо с утра, после чего не будешь иметь права сюда возвращаться. Если твой браслет будет засечен в радиусе пяти километров от ранчо, то каждый раз, когда это будет происходить, ты будешь терять еще по сто баллов.

Грег изводился от боли, потому что пальцев, лежащих на плече, Халк не разжал.

— Ты хорошо меня услышал? Хочешь еще раз попробовать помахать руками? — Ледяной голос Халка просачивался сквозь болевые пульсации в голове Грега.

— Отпусти! — С ненавистью прохрипел он. — Я все понял.

— Свободен. — Коротко и зло бросил Халк. — Вон отсюда.

Едва сумев подняться на ноги и определить, где находится дверной проем, Грег, прижав руку к плечу, выбежал из кабинета.

Глава 10

Янка плакала. Сидела позади женского барака в темноте и растирала льющиеся градом слезы по лицу. Впервые за все это время она была в отчаянии.

В ночном воздухе, будто напоминая в недавнем провале, витал запах гари.

Все пошло не так! Все вышло совсем не так, как она планировала. Грег почему-то предал ее, Халк оказался совсем не таким, каким должен был, обман раскрылся, не успев состояться, а будущее теперь выглядело не просто мрачным, а ужасающим. Вместо комнатухи в особняке, вместо увеличения зарплаты, вместо улучшения жизни, на которые Янка так рассчитывала, на горизонте нынешнего утра маячили стены тюрьмы в тюрьме — Верховного Суда Тали.

От одного упоминания имени этого заведения, кровь стыла в жилах.

Не понаслышке Янка знала об этом суде, недаром провела она в заключении почти два года, собирая любую, имеющую значение информацию от каждого, кто готов был ей поделиться. А о Верховном суде всегда говорили всегда одно — никогда и ни за что не окажись там, потому что именно в этом месте раскрывается настоящий смысл слова «беда». Туда отправляли тех заключенных, кто, по мнению работодателей, не сумел показать удовлетворительного поведения в обычных условиях и к кому должны будут примениться дополнительные меры по исправлению «характера». А исправлением характера в пяти случаях из десяти являлся публичный расстрел или повешение, в трех случаях каторга, редко когда что-то другое. Поговаривали, вроде, про что-то еще.... но редко. Рассматривавшие дела судьи не отличались кропотливостью чтения о совершенных нарушениях, им хватало того факта, что человека признавали негодным даже для жизни в Тали. А что тогда можно было говорить о жизни где-то еще? Да и вообще, о дальнейшей жизни.... Таких отбросов просто перемалывали за ненадобностью, потому как если не сумел приспособиться ни к одному месту на этой планете, так зачем впустую тратить воздух и топтать землю, предназначенную для более способных индивидов.

Янку знобило, несмотря на то, что от прогретой за день земли поднималось тепло.

Жесткая сухая трава царапала ноги и впивалась в бедра. Янка поерзала на комковатой земле и обхватила себя руками, стараясь согреться. Куда теперь идти, что делать?

В бараке оставаться было нельзя — каким-то образом прознавшие правду женщины, отстраненно молчали, изредка перешептываясь меж собой. И даже когда нависала зловещая тишина, она была наполнена такой враждебностью, что Янке хотелось бежать оттуда, куда глаза глядят.

Ну, почему же ей так не везет? Почему?

Янка всхлипнула и опустила голову.

Почему жизнь не хочет выдать ей хотя бы один счастливый билетик? Почему за все приходится бороться, кричать, вырывать, отгрызать и завоеванное прижимать к груди, чтобы не отобрали другие? Почему никто никогда не хочет помочь? Есть ли где-то на земле вообще место, где ей было бы хорошо? Где ее любили бы, поддерживали, понимали....

Подняв усталое зареванное лицо к небу, Янка не увидела ничего, кроме одиноко висящей луны, смотревшей на нее — толстую некрасивую — с укоризненным молчанием.

Если раньше были силы бороться, то теперь их не осталось совсем. Не осталось желания спорить, драться, отвоевывать лучший кусок, махать руками, чтобы получить что-то. Эта ночь незаметно и тихо обнажила ту суть, которую Янка так тщательно оберегала от посторонних глаз — ее

неуверенность и нелюбовь к себе, ее беспомощность и страх перед каждым, кто мог насмешливо указать пальцем и оскорбить резким словом. Только ожесточенность и грубость помогали выживать той, которая на самом деле не была ни сильной, ни особенно талантливой, ни, как показала практика, везучей.

Янка знала, что некрасива.

А некрасивым жизнь не делала подарков. Если смазливый мордашкам все давалось без усилий, все само текло к ним в руки, то таким как Янка, приходилось бесконечно бороться, полагаясь на мозги, случай или интуицию. Но и те, раньше или позже подводили. Вот как сейчас....

Казалось, безукоризненно продуманный план, провалился так стремительно, что настало время усомниться и в умственных способностях. А это был последний оплот, на котором Янка базировала хоть какое-то уважение к себе. Теперь, разрушилось и это.

И она сидела, прижавшись спиной к стене барака — тихая и подавленная, маленькая и потерянная, где-то на затерянном ранчо, окольцованном горами, далеко от дома, далеко от нормального мира, далеко от знания о том, что же делать дальше до тех пор, пока слезы на лице высохли, и она не начала клевать носом. Голова ее постепенно опустилась на грудь, а усталое скрюченное тело сморил сон.

Из какого-то мутного небытия начали выплывать встревоженные голоса.

Кто-то бубнил, ругался?

Янка резко вздрогнула от холода и проснулась. Тело окоченело, руки покрылись гусиной кожей и затекли. И еще было страшно. Что-то было не так.... Что разбудило ее?

Она резко огляделась вокруг и поняла, что уснула сидя прямо на земле позади барака. Луна все так же висела на черном небе, но теперь уплыла правее и одним боком закатилась за деревянную крышу. Янка пошевелилась и вдруг снова услышала голос. Знакомый, грубый, надтреснутый.

— Где она может быть? Куда ей деваться ночью?

Грег! Янка резко и судорожно выходнула.

Грег пришел за ней! Он ищет ее. Не иначе, как хочет наказать, что она сдала его Халку. С чего бы еще ему будить ягодниц?

Она застыла от страха, прислушиваясь. Кто-то из женщин недовольно ответил ему.

— Почем нам знать, куда она подевалась? Затемно уже пришла, мы уже спать легли, кто ее знает....

— Ну-ка зажги лампу, покажи мне ее кровать! — Прорычал Грег. — Небось прячете ее где-нибудь....

— Да, смотри, жалко что ли? — Огрызнулся кто-то в ответ, после чего зашуршали шаги и закрипели половицы.

Бежать! Нужно бежать!

В первую секунду Янка не могла ни думать, ни говорить, ни двигаться. Зачем он пришел за ней посреди ночи, даже еще и злой, как собака? Убить? Боже мой! Боже мой! А если не убить, то точно покалечить. Нужно к черту убираться отсюда, куда угодно, куда-нибудь, лишь бы не нашел....

Она подскочила с земли, куксясь от боли в коленях и продрогшем паху, и стала перебежками продвигаться к ближайшим зарослям. Как только достигла их, юркнула в кусты и затаилась с гулко бьющимся сердцем. Колени снова опустились на что-то колючее, но Янка сдержала стон и сжала зубы. Казалось, невыносимо громко шумело в легких собственное дыхание.

Что же теперь делать? Как спастись от Грега? Вот ведь черт мстительный, никак отстать не хочет. И плевать ему, что уже завтра ее здесь не будет, хочет сам руку приложить, пока еще есть возможность. Маньяк какой-то!

Она затравлено огляделась по сторонам, пытаясь прикинуть, в какую сторону лучше двигаться. Скоро Грег поймет, что ее нет в бараке, и тогда ринется искать ее по периметру. И если не взял с собой других охранников, значит, не хочет, чтобы они были в курсе дела. А это еще хуже.... Значит, точно добром не кончится, если найдет.

Ветки полностью закрывали обзор, приходилось полагаться на память. Первым делом, нужно как можно дальше уйти от барака. Не дай Господь, засечет ее майку в кустах, тогда никакие бабы рядом не помогут.

Выбрав направление, Янка быстро и по возможности тихо, пробралась сквозь царапающие ветки с противоположной стороны и выбралась из зарослей. К полю! Там можно ненадолго укрыться.

Перебежав пустынную дорожку, что отделяла урожай кукурузы от ягодных посадок, она юркнула в высокую густую траву, которая недовольно зашелестела и сомкнулась у нее над головой.

Здесь укрытие хорошее, но спрятать надолго не сможет, потому что примятые листья укажут след беглянки лучше всякой сигнальной ракеты. Любой, у кого есть фонарик, тут же увидит, куда двинулась «добыча». А у Грега фонарик точно есть. Всегда был. С чего бы сегодняшний день стал исключением?

Стараясь не обращать внимание на панически колотящееся сердце, Янка пыталась собрать судорожно разбегающиеся мысли в более менее приемлемый план.

Где можно спрятаться?

Поля отпадают (любое движение будет заметно по верхушкам растений), до каменоломни не добраться, потому что дорога до самого холма просматривается другими охранниками, там только появись, и сразу же скрутят....

«Думай! Думай! Думай!»

То и дело поглядывая в сторону женского барака, Янка отчаянно боялась засечь появившуюся где-нибудь в поле зрения фигуру Грега.

«Ну, куда же пойти?»

В особняк Халка не пробраться, вокруг постоянно ходят патрули. Да и далеко внутри дома не убежишь. Изолятор на ночь закрыт. Для того чтобы попасть в ягодные заросли, придется снова идти к бараку, а где-то там Грег....

Янка чувствовала, что начинает истерить. Время было на исходе. Нужно было куда-то убираться, но она никак не могла придумать куда. Любое место на ранчо теперь являлось потенциально опасным, и только за его пределы Грег не сунулся бы....

Она напряженно застыла, размышляя. Есть ли какой-нибудь путь за пределы ранчо? Можно ли хоть как-нибудь выбраться наружу?

Янка вздрогнула и вспомнила. Кое-что всплывшее в памяти, дало надежду. Пусть и слабую, но все-таки.

Чтобы не терять времени, она, размышляя на ходу, осторожно двинулась через кукурузу к дальнему краю поля, чтобы через дорогу нырнуть в еще одно, которое находилось максимально близко к чахлой лесополосе. Если удастся добраться до лесополосы, то появится шанс добраться и до старых

грузовых ворот, которыми уже несколько лет никто не пользовался. А там.....

Тугие стволы кукурузы нехотя раздвигались в стороны, уступая дорогу натиску человеческого тела. Но тело было упертым. В жилах его бурлила горячая, наполненная страхом, кровь. Царапая руки об острые листья, шипя и ругаясь, Янка пробивалась вперед. Через какое-то время она остановилась и прислушалась, не гонятся ли?

Но вокруг, будто насмехаясь над ее страхами цикадными трелями, висела тишина. Ни звука. Ветер изредка теребил листья, они со скрипом терлись о початки и снова замирали.

Янка судорожно выдохнула. Погони пока еще нет. Но она появится. Она слишком хорошо знала Грега. Ни за что не отстанет, пока не выместит на ком-нибудь всю злость.

Лишь только Янка захотела двинуться вперед, как ее пронзило острое неприятной мысли — она же забыла откопать камни! Те самые, что украла в комнате. И если она собирается бежать за пределы ранчо, то нужно обязательно взять их с собой, ведь они могут помочь избавиться от браслета, если такое вообще возможно.....

Мысли метались и путались, пытаясь сложиться в хлипкие комбинации спасения.

Если бы кто-то смог снять браслет, тогда ни Халк, и никто другой уже никогда бы не смогли отследить ее дальнейшие перемещения. Но есть ли такие умельцы? И сколько они могут запросить? В любом случае, нужны камни, иначе никак не расплатиться.

Но как вернуться к барaku?

Недалеко от того места, где она сидела, размышляя о собственной несчастной судьбе, и рост тот самый злосчастный куст, под корнями которого теперь покоилось целое состояние. Черт! Ну что за невезуха!

Не успела Янка принять какое-либо решение, как показалось, что позади раздался звук. Не то шорох, не то глухой кашель.... Она закоченела от страха и снова прислушалась. Показалось или нет?

Неужели Грег уже близко?

«К черту.... К черту камни! Самой бы живой убраться, теперь не до жиру!»

Янка с новой силой начала продираться сквозь высокую траву. Широкие листья цеплялись за одежду и пластали по лицу, а в горле клочкотала обида и злость — камни были хорошими, скорее всего редкими и дорогими. От того, что приходилось их бросить, она едва не выла в голос. Но выбирать больше не приходилось. Теперь вообще выбирать было не из чего. Утром, скорее всего, или расстрел или каторга, а если встретиться с Грегом, так и подавно до утра можно не дожить.

Наконец, после мучительно долгих тридцати метров зарослей, изрезав руки и ноги, Янка выбралась на пустынную освещенную лунным светом дорогу, за которой начинались деревья.

Уф! Справилась! Кое-как, но все-таки....

Сдерживая желание почесать кожу на ногах, она быстро перебежала пыльную тропинку и почти бухнулась в овражек на другой стороне дороги. Перекатилась на живот, залегла и затихла. Здесь была тень, луна не пробивалась сквозь кроны деревьев, так что можно было на мгновение перевести дыхание. Чуть расслабившись, она все-таки потеряла саднящую кожу на ногах, теперь сплошь покрытую мелкими порезами и поморщилась. Чертова трава.... А майка во что превратилась? Да и есть ли разница, как теперь выглядит одежда? Теперь только одно было важно.

Пробраться через забор.

Несколько раз прогуливаясь в этих местах, Янка сумела засечь старые ворота, через которые когда-

то проезжали грузовики, на которых в город увозили урожай, но потом построили новые — серебристые и блестящие, расположенные гораздо ближе к дому, а эти забросили. И хотя старый пыльный металл накренился и заржавел, он все равно находился под напряжением двадцать четыре часа в сутки, как и весь остальной периметр ранчо. Но было, однако, одно «однако», которое делало это место отличным от остальных. И этим «однако» — была цепь, скрепляющая створки ворот. Янка несколько раз задумывалась, что цепь была достаточно длинной, чтобы позволить створкам разойтись на достаточное для того, чтобы сквозь дыру могло протиснуться человеческое тело. Оставалось непонятным, почему на этот момент до сих пор не обратил внимания Халк, но какое это теперь имело значение? Главное, чтобы на старых воротах этой ночью не обнаружилось новой цепи, и чтобы ширины зазора хватило....

Янка сглотнула.

Ей совсем не хотелось проделывать этот трюк. Ведь если она коснется металла, то поджарится.... Превратится в мясное блюдо под названием «из Янки». Но если не пробовать здесь, тогда можно вообще забыть о том, чтобы выбраться с ранчо. Остальной периметр был перетянут несколькими рядами колючей проволоки, раздвинуть которую без риска для жизни, вообще не представлялось возможным.

Так что же выбрать? Пробовать? Или не бежать вообще?

Теперь Янка чувствовала, что потеет. От напряжения, страха, а, может, от долгого бега через кукурузу. Она вытерла струйку пока, стекающую по виску, и уткнулась лицом в ладони. Долго, протяжно вздохнула и на некоторое время застыла в сомнениях и страхе.

А если убьет? Если она все же окажется недостаточно худой, чтобы протиснуться?

Даже думать о таком было страшно. Янка на секунду зажмурилась, но затем встрепенулась. Прежде, чем окончательно впасть в панику от услужливо подсовываемых воображением картинок собственной смерти, нужно еще раз взглянуть на ширину проема. А потом уже решать.

Нехотя поднявшись в земли, она огляделась по сторонам — тихо.

Где бы Грег ни был — здесь он еще искать не додумался. Значит, есть шанс повнимательнее взглянуть на забор, прежде чем делать окончательный выбор.

Упираясь пятками в землю, Янка осторожно съехала задом на дно овражка и выбралась на другую его сторону, где за деревьями проходила тропинка, почти неразличимая в неверном лунном свете. А по другую сторону от тропинки, проходил зловещий, пахнувший электричеством и смертью, забор. Увидев его, Янка вздрогнула.

На самом деле, никакого необычного запаха не ощущалось — пахло все той же пылью от редких цветов и пылью, но воображение будто взбеленилось, заставляя ноздри трепетать от несуществующего электрического запаха.

Старательно прижимаясь как можно ближе к деревьям, она шла вдоль забора так долго, пока не уперлась в одинокие старые ворота. Именно то, что нужно.

Вороты были высокими и тяжелыми, с вертикальными жердинами, скреплявшими их сверху донизу и делающими похожими на клетку для зверей, какую можно увидеть в зоопарке. Цепь тоже оказалась на месте. Она, словно толстая дохлая змея, провисала посередине, проходя через железные «ушки» створок с обеих сторон. И зазор тоже был. Таким, каким его помнила Янка.

Затаив дыхание и приковав взгляд к способному ужалить железу, она медленно приблизилась к

воротам, чтобы рассмотреть проем. Хватит или нет? Сумеет ли она проскользнуть боком и не прикоснуться? Если выдохнуть и действовать очень осторожно, то может и получиться....

Янка еще раз прислушалась.

Поначалу показалось, что вокруг царит все та же тишина, но уже через несколько секунд в нее добавились новые звуки, заставившие Янку вздрогнуть. Голоса. Неужели патруль проходит и здесь? Словно затравленное животное она переводила взгляд то на ворота, то на едва просматриваемую сквозь деревья дорогу. Они скоро появятся. Или охранники или Грег. Кто-то все равно придет сюда. И если продолжать стоять, то последний шанс на побег раствориться в ночи, словно никогда и не существовал.

И она решилась.

Медленно, осторожно приблизилась к проему и застыла. Нос почти утыкался в ржавую цепь. Янка подумала, что ноги придется подсогнуть в коленях и следить, чтобы они не дотронулись до железа. Черт, должно быть сложно! Но всего один раз! Или получится или нет. Всего один шанс.... Или свобода или смерть.

Набрав в грудь как можно больше воздуха, Янка ненадолго задержала дыхание, затем медленно выдохнула и двинулась вперед. Развернувшись боком, прижала руки к телу, втянула все, что возможно было втянуть, и стала осторожно протискиваться в дыру.

Сначала железная труба проплыла перед левым глазом, затем оказалась ровно посередине. Перед носом. На какой-то момент показалось, что волосы касаются цепи, отчего они норовили встать дыбом, а спина сейчас прижмется к задней стойке, но судя по тому, что она все еще была жива, этого не происходило. Пот теперь лил в три ручья — стекал по бокам, по шее и по бедрам. Но это было последним, что заботило Янку. Она медленно, боясь опустить голову, ползла на другую сторону. На сторону свободы.

Левое колено уже успешно оказалось вне зоны касания жуткого металла, труба теперь проплывала перед правым глазом. Затем ухом.... Рука.... Правое колено.

«Не задень! Не задень! Пожалуйста, только не задень!»

Прошло!

Получилось!

Янка сделала шаг в сторону и прижала целые необугленные конечности к телу, после чего на ватных ногах, с облегчением, повалилась в траву. Траву по другую сторону забора.

У нее получилось! Она не замечала, что лежит в траве и смеется.

А ведь получилось пробраться через эту чертову дыру, и ее никто не увидел! Ну, могло ли быть что-то лучше, чем это? Грегovy поиски не увенчались успехом, патруль обогнул эту дорогу стороной, впереди еще вся ночь и можно убраться далеко, а она жива и здорова!

Может быть, жизнь все-таки решила выдать ей счастливый билетик? Значит, есть на свете справедливость. Не желая находится долго вблизи от злосчастных ворот, она подскочила с земли — благо, после успешно выполненного плана открылось второе дыхание — и, бегло осмотревшись по сторонам, приняла решение бежать к чаще, что темной стеной виднелась метрах в ста отсюда.

Луна серебрила верхушки деревьев, которые станут следующим пристанищем, пока она не придумает, куда двигаться дальше. Чтобы добраться до деревьев, нужно было пересечь сухой травяной луг, и Янка поморщилась, зная, что раздраженная кожа не порадует новым царапинам. Да

ну и черт с ними. Заживут. Главное, что это уже не территория ранчо. И что теперь впереди — свобода....

Окрыленная удачей, она бодро шагнула в траву, потом сделала еще один шаг и.... остановилась. Откуда-то резко взялось ощущение близкой беды. Нехорошее, дурное, тяжелое предчувствие. Да в чем дело? Сзади никого. Вокруг тоже.... С чего вдруг такое ощущение?

Янка постояла с полминуты, прислушиваясь. Затем, тряхнула головой.

Какая дурь! Примерещитесь ведь.... Со страха уже штаны готова обгадить на пустом месте.

И она снова шагнула. И этот шаг стал последним.

Лодыжку обожгло так сильно, будто кто-то зубастый впился в ногу, пытаясь разгрызть ее пополам.

Тело тряхнуло с такой силой, что Янка отлетела назад, но свое падение она уже не почувствовала.

Мешком она повалилась в траву, не видя ни неба, ни луны, не чувствуя боли от того, что в кожу впиваются сухие стебельки.

Ток, всего за долю секунды, невидимым стремительным потоком прошел через мышцы, органы, кровь и нервную систему и вернулся в землю.

Не забыв отключить сердце.

Это был один из тех моментов, когда все казалось каким-то сюрреалистичным.

Когда смотришь происходящее в собственной жизни и думаешь «Нет, это все происходит не со мной», и все вокруг кажется пьесой, написанным сумасшедшим сценаристом.

Этот вечер чем-то очень сильно напомнил мне тот, когда пропал Алекс, а вместо него домой вернулась записка с требованием о выкупе. Тогда, точно как и теперь, мне чудилось, что независимо от того, что я делаю или говорю — ниточки управления игрой актеров дергает кто-то другой, и все мои попытки хоть как-то повлиять на поворот событий, есть не что иное, как безосновательная иллюзия о собственных возможностях.

Сначала был оправдывающийся Грег, вредоносная Янка и злой Халк. Потом первые двое ушли, и остался Халк, но уже не злой, а скорее озабоченный. Он извинился и быстро удалился затем, чтобы поговорить о назначении какого-то другого охранника на ставшую вдруг вакантной, должность начальника стражи.

Спешка в этом вопросе была понятна, и я, сидя на софе, принялась ждать его возвращения, от нечего делать, перебирая слова Туэрского, которые помнила.

Позже в комнату вошла какая-то служанка (ее голоса я не узнала), поздоровалась и принялась сервировать на балконном столике ужин. Я слушала позвякивание тарелок и приборов и вдыхала доносимый ветром аромат блюд. Через какое-то время служанка закончила свою миссию и удалилась. Я снова осталась в одиночестве, размышляя о том, как именно продолжится вечер, когда вернется Халк.

Утомленная тишиной, прерываемой монотонным тиканьем часов, незаметно для себя, я задремала. А спустя какое-то время проснулась от того что входная дверь хлопнула.

Вернулся Халк, и мир постепенно вновь начал принимать спокойные очертания.

Но, как оказалось, ненадолго. Лишь только мы собрались поужинать, как в кабинет ворвался топот ног и мужские голоса.

— Мистер Конрад! Мы нашли тело одной из заключенных, которая попыталась бежать и....

— Я понял. — Резко ответил Халк. — Идемте.

«Янка» — Пронеслась в голове молниеносная мысль. Но к тому времени, когда я успела хоть как-то отреагировать, мужчины, по всей видимости — патруль, во главе с Халком уже покинули кабинет. Стало тихо.

Надежды на приятный вечер сменились тоскливой неприятной тишиной, наполненной тревожными размышлениями и надоевшим до икоты тиканьем настенных часов.

Как зачарованная, я в одиночестве сидела на балконе, на плетеном стуле, обдуваемая теплым ночным ветерком и смотрела в пустоту. Точнее не в пустоту, а внутрь себя, где одна за другой стали всплывать картинки нашей с Янкой «дружбы». По-крайней мере, я искренне верила, что это могло бы когда-нибудь стать настоящей дружбой, если бы события развернулись по-другому....

Но выбирать теперь не приходилось.

Неужели она совсем отчаялась, если решилась бежать? Неужели не вспомнила вовремя, что забор находился под напряжением? Не может такого быть, чтобы не вспомнила. Значит, действительно отчаялась. Я мало знала о том, что такое Верховный Суд, но, вероятно, это было тем, чего Янка очень хотела избежать, иначе не стала бы подвергать себя риску.

Стало очень грустно. И как-то тяжело.

Не хотелось верить, что тот, чей голос ты слышал всего пару часов назад, из человека вдруг превратился в то, что называют отстраненно и глухо — «тело». Даже если этот человек был твоим врагом. Это было опустошающее неправильно. Неверно. И как-то глупо.

И облегчения, которое логически должно было последовать за этой новостью, не пришло.

Да, Янка дважды предавала меня. И да, мы не были подругами. Иногда я злилась и не понимала ее, но никогда не желала зла. Да никому, если честно, не желала. И тем более, не такой ужасной смерти. Все-таки, она стала первой, с кем я смогла тогда поговорить, поделиться, пообщаться, расспросить. И будучи первым поддержавшим меня человеком, она стала для меня знаковой.

Я ценила ту помощь, которую получила от нее на первых порах жизни в Тали. Тех тяжелых порах, когда я подобно слепому щенку, не знала что делать и куда податься. Янка учила меня правилам, давала советы, помогла найти работу в Поло-Гранде, в конце концов. И где-то внутри, мне всегда было жаль, что обстоятельства вынуждали нас выбирать разные пути спасения. Там, где я надеялась на чудо свыше, стараясь не поступаться собственными принципами, она хватала все, до чего могла дотянуться, используя любые подвернувшиеся методы, чтобы выкрутиться, выжить, сделать жизнь немного лучше. Даже если это были, порой, грязные методы.

Я бесцельно водила пальцем по поверхности стола, погруженная в тяжелые размышления.

Что бы я сделала, знай, что через пару часов она окажется мертва? Вмешалась бы тогда, когда она еще стояла — может и не хорошая, но живая и здоровая, в кабинете, пытаюсь оправдаться за содеянное? Встала бы на ее сторону перед Халком, прося оставить ее на ранчо? И понял бы меня Халк?

Наверное, нет, не понял бы. Да и никто не понял бы.

Мне было трудно объяснить кому-либо, что неверно это — отвечать злом на зло, что всегда хотелось найти щадящий выход даже для тех, кто, по мнению других, его не заслуживал. Так уж я была устроена, что где-то внутри всегда существовало убеждение, что ответ ты на грубость добрым словом, и тебе самому легче, и другой, быть может, осечется и перестанет видеть в этом смысл, если подойти с добротой....

Но мало кто руководствовался подобной логикой. Даже мне было ясно, что это наивно и по-детски, верить, что у каждой истории должен быть счастливый конец. И все же я верила — втихаря, молча, никому не рассказывая.

Но реальность уже в который раз пыталась научить меня видеть то, что видели другие — боль, грязь, несправедливость и собственное бессилие. Иногда у меня получалось этому сопротивляться. А иногда, как теперь, нет. Ужас произошедшего с новой силой навалился на плечи — Янка умерла. Она перестала быть плохой или хорошей. Она стала просто мертвой.

Все стало как-то безразлично — запах еды, подергивания ветром краев рубашки, звучащие где-то вдалеке голоса. Я закрыла лицо руками и, сама не зная почему, заплакала.

— Неужели ты плачешь из-за той, что сделала тебе столько зла?

Вопрос Халка являлся закономерным.

Он вернулся несколько минут назад и теперь стоял рядом со мной на балконе. Я вытерла мокрые щеки и промолчала. Не знала, что сказать, да и надо ли было? Потом, все же попыталась объяснить.

— Может быть, она не была хорошей. В Тали вообще сложно быть «хорошим». Но все же смерть.... это что-то ужасное. — Я помолчала. — Как это случилось?

Халк какое-то время стоял в тишине, будто раздумывая о чем-то.

— Янка попыталась бежать через старые ворота. Там, по какой-то причине, не была исправлена оплошность, возникшая еще несколько месяцев назад — между створками осталась щель достаточная для того, чтобы через нее проскользнуть.

— И она проскользнула? — Картина так живо и ясно разворачивалась у меня перед глазами, что я нехотя вздрогнула.

— Да.

— Тогда почему?....

— Она не могла знать того, что вокруг ранчо налажена тройная защита. Видимая ограда — всего лишь первое препятствие. По земле стелются другие провода, которые очень трудно заметить в траве. И невозможно ночью.

— И она наткнулась на один из них?

— Да. По-видимому, от забора решила двигаться к роще, чтобы там укрыться. Но почти сразу же задела ногой один из них.

Я не знала, что добавить. Тяжесть с души не уходила. Был только один вопрос, который мне почему-то хотелось задать, как бы бесцельно он ни звучал.

— Скажи.... Это быстро? Когда касаешься провода.... то умираешь быстро?

— Обычно да. — Я слышала, как Халк обошел стол и опустился на стоящий рядом с моим стул. Зашуршала ткань рубашки. — Напряжения хватает для того, чтобы убить за несколько секунд. Но иногда случаются исключения.

— Что ты имеешь в виду? — Где-то в груди екнуло.

— Ее откинуло ударом назад, через тело прошел разряд, но сердце не остановилось полностью. Я смог отследить очень слабый пульс, что дает надежду, что сознание может к ней вернуться.

На какое-то время я, ошеломленная этим известием, сидела молча.

Значит, Янка жива? И она может поправиться? Значит, все-таки иногда истории заканчиваются не совсем ужасно. Меня затопило непонятное облегчение. Пусть дальше с Янкой будет то, что будет.

Но, по-крайней мере, у нее будет шанс побороться. А это все лучше, чем смерть. Ведь смерть не дает шансов на исправление ошибок. Их дает жизнь.

Халк предугадал моей следующий вопрос, прежде чем я успела его задать.

— Она в изоляторе. В коме. Либо выкарабкается, либо нет. Не могу дать никаких прогнозов.

По последней фразе я поняла, что он устал. Сам вымотался нахлынувшими заботами. Значит, не только из меня вытянула жилы сегодняшняя нервотрепка.

— Надо поесть и поспать. И тебе и мне. Остальное подождет. — Сказала я Халку.

Я не могла увидеть взгляд, который был направлен на меня после этих слов — долгий, задумчивый, теплый.

— Хорошо. — Наконец, согласился он и вложил в мои пальцы вилку. — С чего мадам предпочитает начать холодный ужин?

Мне действительно удалось сколько-то поспать.

Неприятные видения в эту ночь то возвращались, то уходили, здесь и там тревожа мой сон. Но, по-крайней мере, память постоянно была при мне, что уже можно было считать хорошим знаком.

Выплывая из дремы, я чувствовала, как теплая рука Халка обнимает меня через одеяло, и от этого делалось спокойно. Я слушала его размеренное дыхание и снова проваливалась в сон.

Окончательно проснулась я уже ближе к утру, интуитивно определив время по внутренним часам.

Скорее всего, заря еще не занялась. Потому что не было слышно щебета птиц, что любили сидеть на деревьях, как только первые лучи солнца пронизывали теплом прохладный утренний воздух.

Вокруг было тихо. И темно. Что, впрочем, уже стало привычным.

Халк спал. Беззвучно и неподвижно.

Каким-то образом я знала, что он пока не проснулся оттого, что я бодрствовала. Вероятно, беспокойные метания по кровати заставили меня откатиться в сторону, потому что теперь не касалась его. Оно и к лучшему. Меньше шансов его разбудить.

Рассеянно вслушиваясь в тишину, я размышляла.

О ранчо, о вчерашнем дне, о своей жизни, но больше всего о Халке.

Какой он? Действительно ли он верит, что все серьезно, а если так, то будет ли готов открыться?

Мне отчаянно хотелось знать больше — чем Халк занимался в прошлом, что привело его на ранчо и заставило осесть в Тали, ведь по всему видно, что не того характера он человек, чтобы добровольно растить пшеницу. Чувствовалась в нем сила воли, которой хватило бы на десяток людей, чувствовались так же и внутренние заслоны, которые ни открыть, как ни старайся, если не будет на то позволения.

Какие секреты хранил этот человек? Откуда такая закалка, железные нервы и какие-то непонятные способности, о которых никто ничего не знает? Если Халк с такой легкостью умел управляться с памятью другого человека, как с бумажным самолетиком, то что еще он умел? И почему? Ведь не учат такому, отдельно от другого.... Но чего именно другого?

Должно быть сюда как-то замешана Комиссия.

Я мало что знала о ней. По-крайней мере, не больше других. Власть всех городов держалась именно ими — странными людьми в серебристой форме с двумя белыми полосками на рукавах. У них не было офисов — таких высотных зданий с вывеской «Комиссия», куда можно было бы обратиться с жалобой или предложением, но, тем не менее, они видели и слышали все. Другое дело, что

вмешивались только туда, куда считали нужным. Кто-то боялся их, кто-то боготворил, я же лично никогда не встречалась лицом к лицу ни с одним из них.

Одни говорили, что первая встреча — всегда последняя, другие наоборот надеялись пронюхать больше, только вот никто не мог точно сказать, что нужно сделать, для того, чтобы такая встреча произошла. Люди путались и гадали, предполагали и домысливали, боялись и уважали, пытались подобраться ближе и держались на расстоянии.

Нельзя понять то, о чем практически ничего не знаешь.

Комиссия не била по рукам за нарушения, не накладывала штрафов, не вещала с экранов телевизоров, не предлагала избирать собственных членов, да и вообще проявляла себя только в исключительных случаях. И все же она существовала.

Это знали все.

И я могла поставить зуб на то, что только Комиссия могла научить Халка тому, что он знал.

Кто же он такой? Может, наивная я, думая, что по своей воле никто не захотел бы жить в Тали?

Может, Халк именно сам выбрал это место, зная, что здесь можно хорошо заработать и быть не обделенным властью над другими? Ведь ходил же он в местные клубы, выпивал и играл с другими оунерами, позволял нещадно колотить работников и вообще, выглядел весьма спокойным, живя на ранчо. Да еще и одним из самых жестоких считался....

Странно все это. И как-то нелепо.

Если смотреть со стороны, как бы с позиции логики, то все было вполне закономерно. Человек, который хотел высоких доходов и положения в обществе (пусть даже и таком обществе) мог приехать в Тали, получить соответствующие документы и поселиться здесь, наслаждаясь жестокостью местных законов, которые позволяли нещадно эксплуатировать труд заключенных себе в угоду.

Но был ли таким Халк?

Действительно ли он наслаждался избиением заключенных, этим пустынным ранчо и жил ли припеваючи, по-барски раздавая указания охранникам и собирая прибыль с бесчисленных урожаев? Что-то внутри меня отказывалось верить в эту идею. Не тот у него характер. Слишком много справедливости он показывал в тех ситуациях, на которые, будь он на самом деле эгоистом, мог бы закрыть глаза.

Да, заключенные все же умирали. Значит, Халку было зачем-то нужно поддерживать эту видимость «жестокости». Но внутри он жестоким не был. Я могла бы в этом поклясться.

Тогда кто он — тот человек, что спит на расстоянии вытянутой от меня руки? Почему он здесь?

Почему делает то, что делает, хотя это не вяжется между собой логически?

— О чем ты думаешь?

Я вздрогнула от звуков голоса. Я не заметила, когда он проснулся.

— У тебя болит голова? — Встревожено спросил Халк и дотронулся до моего лба.

Я неосознанно подтянула одеяло ближе к подбородку, будто оно могло помочь мне скрыть недавние мысли и сомнения.

— Нет, голова не болит. Я.... просто... размышляла.

— О чем?

Вот же какой! Только проснулся, а уже хочет все знать. Говорить или нет? Сказать, что думала о

себе или признаться, что думала о нем? Ай, была не была!

— О тебе, Халк.

Зашуршали простыни, прогнулся матрас — Халк приподнялся на локте и теперь был гораздо ближе ко мне. Через секунду осторожные пальцы погладили мою щеку, а лба коснулось его дыхание.

— О чем именно?

Я замялась. Не знала, как правильно сложить слова в единую конструкцию, которая бы точно и ненавязчиво выразила мои мысли. Ведь здесь либо быть честной до конца, а там будь что будет, либо юлить и выznавать крупнцы информации по песчинкам, не боясь нарваться на какой-нибудь ответ, который впоследствии не придется по душе.

И так не вовремя его пальцы принялись ласково гладить щеку.

Но юлить не хотелось. Если суждено мне увидеть отпор, то пусть так оно и будет. Зато я буду знать сейчас, а не потом. И я решилась.

— Я думала о том, что все между нами идет к сближению.

— И?

Вопрос прозвучал не раздраженно, а с любопытством. Это обнадеживало.

— И это будет означать, что из просто двух людей, которые испытывают влечение друг к другу мы превратимся в... нечто большее.

Халк молчал. Ждал продолжения.

— Правильно?

— Правильно. Тебя это пугает?

— И да и нет. — Я снова задумалась. Объяснить оказалось труднее, чем я думала, но я не сдавалась. — Меня не пугает мысль о том, чтобы быть с тобой. Нет.... Наоборот. Я этого.... хочу....

— Тогда что тебя пугает?

— Меня пугает, что я хочу знать о тебе больше. Хочу, чтобы ты был со мной открыт.

— У тебя ведь есть какие-то конкретные вопросы, так?

— Да.... — Я смутилась.

Может быть, он вообще не планировал никакой серьезности в наших отношениях, а тут я — с утра пораньше, да еще и с такой запутанной женской демагогией. Надо было мне все-таки промолчать.

Я мысленно выругалась — нет, ну надо же было начать эту тему ни свет ни заря! Человек только проснулся, а я уже пытаюсь вывернуть его наизнанку. Так что же делать? Продолжать тянуть из него жилы или замолчать и пойти против себя?

Халк сам помог вывернуться из этой неловкой ситуации.

Но совсем не так, как я ожидала.

Вместо слов, он приподнял одеяло и прямо под ним перекатился на меня. Его бедра теперь покоились между моими раздвинутыми ногами, а локти с двух сторон уперлись в подушку.

Я не успела даже пикнуть.

— Хорошо, давай поговорим.

Поначалу я не смогла издать ни звука. К моей промежности теперь прижималось нечто большое, затянутое тканью плавок, но оттого не менее твердое и горячее, а моя нижняя часть была плотно припечатана к кровати весом мужского тела.

Я лишь судорожно выдохнула, осознав, насколько беспомощной кажусь даже самой себе и оттого,

что уже нехотя отреагировала на подобную близость конвульсивными сжатиями мышц живота. Что со мной творится? Слепота лишь добавляла беспомощности, заставляя чувствовать и воспринимать тактильные ощущение острее, чем когда-либо.

Халк замер. Он вовсе не торопился действовать, чего я поначалу испугалась, но просто лежал на мне, будто давая привыкнуть к ощущению близости его тела. Даже притом, что он не шевелился, та выпуклость, что вдавилась в мою промежность, заставляла изрядно нервничать. И не потому, что я боялась того, что может произойти, а потому что мое тело слишком остро на нее реагировало. Никогда еще возбуждение не приходило так быстро. Это было ново, почти болезненно-приятно, неконтролируемо и совершенно для меня необычно.

— Я не могу говорить.... так....

— Можешь. — Губы Халка щекотали висок. — Именно так я и хочу говорить с тобой. Чтобы донести то, что я хочу сказать.

Я непроизвольно дернулась вверх, чтобы хоть немного уменьшить контакт с выступающей мужской частью, но моя попытка не увенчалась успехом — позади головы была подушка, которая уперлась в спинку кровати. В итоге я лишь еще раз потерлась о то, чего так пыталась избежать. Место соприкосновения сделалось еще более чувствительным и начало едва заметно пульсировать, посылая теплые волны от низа живота по всему телу.

Я сглотнула, еще раз дернулась и затихла.

Халк, конечно, заметил это.

— Тихо-тихо.... — Его пальцы ласково поглаживали виски и лоб. — Мы просто поговорим сначала. Не надо волноваться.

— Поговорим? — Я едва могла совладать с тем, чтобы хоть как-то контролировать мысли.

— Да, поговорим. Я хочу, чтобы ты поняла и осознала важность того, что я скажу. Хорошо?

— Я попробую.

Он продолжал гладить меня по волосам.

— Я не мальчик. И я пришел в твою жизнь не на два дня и не для того, чтобы из нее уйти. Я понимаю, что такое быть «вместе» и понимаю, почему близость во всех аспектах важна для тебя. Его слова звучали тихо и серьезно, и мне было отчаянно жаль, что в этот момент я не могу увидеть его лица, выражение глаз, отраженные в них эмоции.

—И я готов рассказать тебе о себе все, о чем ты спросишь.

Я задохнулась от облегчения.

— Правда?

— Правда. Но есть темы, на которые я не имею права говорить даже теперь. Тебе придется понять это. Их немного, но они существуют.

— Я понимаю.

В первый раз за все это время я разрешила себе положить руки на его мощные плечи. Обнять их, провести пальцами по коже. Затем по шее. Она была напряжена, лицо покалывало щетиной....

Достоинство Халка отреагировало мгновенно, еще теснее смяв мои трусики, в то время как сам он даже не пошевелился, ни на секунду не дал себе утратить контроль. Вместо каких-либо движений, Халк произнес:

— Чтобы доказать тебе, что я действительно готов пойти навстречу, чтобы избежать ненужных

сомнений в серьезности относительно тебя и меня — я готов ответить тебе прямо сейчас.

Спрашивай.

Это было нелегко.

Лежать под мужчиной, чувствовать, как сильно тот возбужден, пытаться сдержать собственное возбуждение и при этом еще и думать. Но я заставила себя собраться. Это было важно — услышать, что Халк говорит со мной. Говорит на те темы, которые закрыты для других и открыты только для той единственной, которую он считает «своей».

— Хорошо. — Мой мозг лихорадочно работал, в то время как низ живота мучительно требовал продолжения чувственных игр. — Кем ты был до того, как попал в Тали?

Халк осторожно провел губами по моей щеке, потерся носом о нежную кожу на шее и ответил:

— Я работал в отряде специального назначения. Выполнял задания по поручениям Комиссии.

— Кем?

— У нас нет специализированных имен. Отряд обучен множеству вещей.

— В том числе убивать?

— Да.

Я почти не удивилась.

— Сколько человек в вашем отряде?

— Двенадцать. — Губы Халка медленно коснулись уголка моего рта, запечатав на нем поцелуй.

— Имена? — Я явно входила в азарт, в то время как низ живота пульсировал сладкой пустотой, требуя ее заполнить. Приходилось прилагать усилия, чтобы игнорировать изощренные медленные ласки.

— Не могу назвать.

— Хорошо. — Я на секунду задумалась. — Ты сам выбрал жить в Тали?

— Нет.

Я заволновалась.

— Ты можешь его покинуть?

— Нет.

Вот так так. Я на какое-то время осеклась, осознав, что получила кусок информации, который сильно менял нарисованную ранее моим воображением картину. Значит, даже оунеры здесь не настолько свободны, насколько кажутся. Или же это касается только Халка. Нужно будет уточнить позже. Мозг поспешно уложил эту информацию куда-то вглубь, неспособный долго сосредотачиваться на логических цепочках.

Губы Халка уже полностью завладели моими, его язык медленно и ритмично исследовал, касался, поглаживал. Мысли путались и ускользали, кровь не на шутку наполнилась жаром. Скоро все это невозможно было игнорировать. Мне отчаянно хотелось завязать с вопросами, но представившаяся возможность была слишком удобной, чтобы ее так скоро бросить.

Тяжело дыша, я тщетно попыталась хоть немного свети ноги. Влага уже просачивалась сквозь тонкие трусики, тело яростно хотело того, чтобы это нечто — тяжелое и горячее, так сладко давившее на вход, наконец, проникло внутрь — раздвинуло, вторглось и заполнило.

— Ты играешь нечестно! — Выдохнула я, царапая ногтями мощную спину.

— Нет. Я просто слишком сильно тебя хочу. — Дорожка из поцелуев теперь проложилась по шее.

Грудь пульсировала в ожидании, когда ее накроют жадные до дарения ласк губы.

— Я не в состоянии спрашивать, когда так сильно хочу, чтобы ты....

— Чтобы я что?

Халк улыбался. Я не видела этого, но знала.

Мне было уже не до девичьей стыдливости.

— Хочу.... Чтобы ты вошел в меня.

Неуловимое движение рукой, и обнаженная головка члена — распухшая, толстая, требовательная — нагло протиснулась в скользкий вход. Но лишь на несколько сантиметров. После чего застыла.

Я резко выдохнула и подалась навстречу — все, он мой, почти во мне, так сладко может чувствовать себя только победитель и проигравший одновременно... но Халк припечатал мои бедра к кровати, не давая двинуться с места.

— Нет. Прежде, чем это произойдет, я хочу, чтобы теперь ты ответила на мой вопрос.

Я затихла, ожидая вопроса.

— Да, я играл не совсем честно, но я готов в любой другой момент ответить на твои вопросы, можешь не сомневаться. Однако ты теперь знаешь обо мне достаточно, чтобы принять решение.

Шерин, ты хочешь, чтобы я стал твоим мужчиной?

По тому, как напряглись его руки и шея под моими пальцами, я поняла насколько важно ему, как и мне, услышать ответ на свой вопрос. Неужели Халк по-своему боялся, что я могла ответить ему отказом? Пусть даже он и признался, что принадлежал к отряду убийц (что не пугало, а почему-то странным образом возбуждало меня).

— Ты, конечно, плохой мальчик.... — Не удержалась и поддразнила я, на что Халк отреагировал рыком и протиснулся внутрь еще на пару сантиметров, заставив меня резко втянуть воздух от наслаждения. — Но ты теперь мой. А я не умею любить наполовину.

— А любить вторую половину ты умеешь?

— Вторую?.....

— Да, Шерин. Потому что я — твоя вторая половина.

Эти слова прошли, минуя всякие заслоны, прямо под кожу. И как только они достигли центра сердца, Халк медленно и неотвратимо вошел в меня.

Глава 11

Бать слепым — скучно.

Это, конечно, еще и неудобно, все по большей части все-таки скучно. Занятий остается раз-два и обчелся — либо вспоминать, либо размышлять, либо слушать или говорить.

Но быть слепым и счастливым — не так уж и плохо.

За завтраком, я с удовольствием гоняла сосиски вилкой по тарелке, пытаюсь поймать и съесть их, жаловалась, что пора меня уже кормить мороженым, потому как его я мимо рта ни за что не пронесу, слушала о планах Халка на этот день и постоянно улыбалась. Впрочем, Халк тоже лучился благодушием, несмотря на то, что утро обещало быть полным забот.

А после завтрака меня забрала к себе Табита, и я была абсолютно счастлива, слушать ее рассказы о том, как обстоят дела на кухне, либо же, когда она выходила, наслаждаться несущимися из старого радиоприемника звуками музыки и песен, которых не слышала уже бог знает сколько времени. Плюс ко всему — несколько минут назад из духовки был извлечен малиновый пирог, куском которого я

теперь лакомилась. Мог ли день стать еще лучше?

Мир вокруг, несмотря на отсутствие зрения, расцвел яркими красками. Солнце грело, птицы с крон деревьев щебетали свои незамысловатые мелодии, гремела посуда, кто-то беззлобно переругивался на кухне, а внутри меня царила идиллия.

Я счастливо вздохнула.

Теперь у меня было все, о чем могла мечтать женщина — свой мужчина! Настоящий, заботливый, сильный, внимательный и абсолютно замечательный. И полностью мой. Я могла часами с нежностью вспоминать каждый момент проведенной ночи, объятий, сказанных слов или жестов. От всего этого меня распирало теплом, будто кто-то вмонтировал в сердце автономное солнышко.

Табита чувствовала мое настроение и улыбалась. Я не видела ее лица, но чувствовала, что моя радость отражается в ней, умножается и усиливается, передаваясь от сердца к сердцу.

Ранчо, которое раньше казалось мне тюрьмой, вдруг непостижимым образом трансформировалось во что-то иное. Как такое было возможно? Я не знала. Но так случилось. Теперь кукурузные поля стали «моими», окрестности знакомыми, пыль и браслеты Тали привычными, жара терпимой, оранжевые горы живописными, а особняк — почти что «домом». Чудно, да и только.

Я покачала головой.

Как сильно может, однако, поменяться окружение, когда меняется твое к этому отношение. Ведь на самом деле физический мир не сдвинулся, изменился лишь мой угол зрения. Но этого стало достаточно, чтобы выкрасить все в новые цвета.

Правильно говорят — не важно, где ты, а важно с кем. Впервые в жизни я глубоко и полностью прочувствовала эту фразу.

Все изменилось. Все. Изнутри, снаружи, далеко или близко. Все стало другим.

Даже эта кухня стала казаться домашней.

Конечно, внутри меня все еще существовала серьезная и рассудительная часть, которая хмурила брови и вопрошала по поводу того, надолго ли я останусь в Тали, и как вообще может выглядеть жизнь заключенной, пусть и с любимым мужчиной, но все же в ограниченных условиях? Но сейчас было не время рассуждать об этом. Позже.

Да, на руке все еще был браслет. И, возможно, ему придется на какое-то время задержаться на моем запястье, но я была уверена, что Халк вскоре поднимет эту тему. Как и множество других, не менее важных. Поэтому похлопав по плечу серьезную и логичную «Шерин», я принялась и дальше наслаждаться чудесным днем. В конце концов, никогда не бывает другого момента для жизни, кроме как «здесь и сейчас». Так или иначе, все рассуждения о завтра или вчера иллюзорны, так почему бы не позволить себе просто побыть в гармонии с миром, когда мир в эту минуту так ласков и чудесен? В рот отправилась очередная сочная ягода с пирога, которую я нашупала пальцами.

Вкуснотища!

Я бы так и медитировала на кухне до самого обеда, если бы меня неожиданно не окликнул голос Табиты.

— Шерин, к тебе тут пришли!

— Кто пришел? — Я расслабленно качнулась на стуле, не особенно волнуясь на тему неожиданных посетителей. Мой дом, мой мир, все хорошо и чудесно. Если душа поет, то и посетители будут хорошими.

Кухарка вошла в кухню:

— Давай я тебя провожу на улицу. Там какой-то мужик стоит, вроде как с полей. Старый, морщинистый. Говорит, поговорить с тобой надо. Со мной не хочет, говорит, ему только с глазу на глаз. Я ему отвечаю «Да слепая она пока!», а он — «Неважно, мне. Слышать-то она слышит...». Я поднялась со стула и оперлась на подставленный пухлый локоть.

— А ты раньше его видела?

— Не припомню. Их же тут сотни, как всех упомнишь? Но морда, вроде, не злобная. А там, кто их разберет...

Я стояла в тени деревьев, недалеко от кухни, куда меня привела Табита. Сама она ушла, но уже через несколько секунд раздались шаги и натужный кашель кого-то другого. А потом слова.

— Шерин, ты, наверное, не помнишь меня....

Услышав мужской голос, я задумалась. Какая-то шестеренка провернулась в голове, проталкивая на поверхность смутные воспоминания, связанные с этим голосом, но определить владельца я так и не сумела.

— Я — Тед. — Сказал мужчина. — Мы в автобусе рядом сидели, когда в Тали ехали. Помнишь? Да, его я помнила. Долговязый мужик с яблоками. Все пытался рассказывать мне что-то целую дорожку, но я едва ли помнила хоть слово с того повествования.

— Здравствуй, Тед.

— Что с тобой случилось такое? — Встревожился собеседник, когда я по привычке моргнула и на долю секунды открыла глаза.

Я поморщилась.

— Не переживай, это временно, и уже проходит. Сам-то как?

— Да сам потихоньку. Болею, но живой. Остальное уж не так важно. Я вот зачем пришел.... Я ведь знаю, что это ты нам кепки спровадила, кто на полях-то,... а то так бы и обгорали под солнцем.

— Да не стоит, Тед. Они вам были нужны.

— Все равно тебе большое спасибо от всех. Но я, собственно, не за этим. Слыхал я про ту бестию, что амбар подожгла и про то, как она тебе бензин подкинула. Все уже слыхали, слухи-то, они быстро разносятся.

Я грустно кивнула.

— Так вот я подумал спросить, а не украла ли она у тебя чего, пока в комнате орудовала? — Тед снова закашлялся. А я напряглась.

Почему он спрашивает? Как мог узнать?

— Да. — Не стала врать я. — Действительно пропала одна вещь. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что нашел кое-что. Дай руку.

Я, странным образом волнуясь, протянула руку вперед. В ладонь легло что-то тяжелое и до боли знакомое на ощупь. Не веря собственным ощущениям, с гулко бьющимся сердцем, я притянула это к себе поближе и принялась ощупывать пальцами. Ну, конечно! Та же ткань, тот же звук стучающихся друг о друга камешков, тот же вес.... Сколько ночей он провел под моей подушкой в тесной каморке? Только теперь, все было какое-то грязное и пыльное.

— Где? — От волнения мой голос прервался. — Как ты нашел это?

Тед облегченно выдохнул.

— А ведь я знал, что твое! Как в воду глядел! Теперь слушай, как дело было. Я по ночам плохо сплю, потому что кашляю. А когда приступы совсем донимают, то выхожу на улицу, чтобы мужикам спать не мешать. Они итак, целыми днями маются, а тут еще ночью из-за меня глаз сомкнуть не могут.... Так вот вчера я вышел на улицу, потому что снова закашлялся. Посмотрел по сторонам, патруля не видно, ну и пошел вдоль поля, чтобы подышать, успокоиться, да сон нагулять. Шел-шел куда-то, направления не выбирал, а потом увидел ее — девку эту! Я поначалу не понял даже, что она делает, только волосы ее белесые узнал. Сидит она, значит, на корточках и в земле копается. Под кустом прямо, что за женским бараком растет. Ну, я думаю: «Мало ли, нужду справляет или чего еще...» Не стал ее окликать, просто пошел обратно и все.

Я его не перебивала. Слушала, затаив дыхание, а сердце продолжало колотиться быстро и гулко. Вот куда, оказывается, запропастились мои камушки.

— Я сразу-то не смекнул, что к чему. А вот потом, когда услышал эту историю с амбаром, так и задумался. Не сразу, правда, но задумался. И чего она копалась там тогда впотьмах? Зачем бы это ей? Если только не прятать чего? А если прячет, то где взяла? Только там, где была накануне вечером. А была-то она как раз у тебя! И все мне это покоя не давало! Могло ведь так быть, что я и ошибался, мало ли как бывает. И ведь поздно ночью я все-таки решился пойти туда. Сам себя корю, ну не дурак ли? Куда черт несет? Еще решат, что к бабам.... А потом думаю, а «вдруг»? Вдруг там есь какая тайна? И ведь нашел! — Обрадовано воскликнул Тед. — Нашел! В мешочек, правда, каюсь, заглянул, Но ничего не взял! Тут крест даю! Зато сразу все понял — если та девка под кустом их прятала, то, значит, своровала, не смогла у себя в бараке хранить. А если своровала, то точно у тебя! Вот поэтому и принес....

Я едва не плакала от благодарности.

— Спасибо, Тед. Если бы не твоя наблюдательность, то не видать бы мне камней назад. А они — подарок. Я уж и не думала, что вернутся.

— Ну, вот видишь! Не зря я мыслил об этом, значит! — Польщено ответил тот. — Мне приятно, что не зря. Тем более, ты нам столько добра сделала.

— Да будет тебе.... — Я на ощупь дотронулась до его руки. — Кто другой бы и не принес. Себе бы оставил. А ты вернул. Даже и не знаю, как благодарить.

— Я бы не оставил. — Твердо ответил мой сосед по автобусу. — Не беру чужого. Так уж я скроен. А благодарить меня не надо, я сделал, как сердце велело. И рад, что все хорошо закончилось. А ты выздоравливай! Негоже это болеть, ни молодым, ни старым.

Он ушел, а я все стояла в тени куста, глядя туда, где затихли его шаги.

Надо же, как все повернулось.

Янка камни из комнаты взяла, а когда бежать решила, то почему-то забыла про них. И на мое счастье их заметил не кто-то другой, а именно добросердечный и честный Тед. Бывают же удачные совпадения. И не то, что бы эти камни были какими-то особенными — прожила бы я и без них, но было все же невыразимо приятно знать, что еще одна любимая частица твоей жизни вернулась на место.

Кто бы там ни следил за судьбами и совпадениями в них, я мысленно сказала ему «спасибо».

— Ты чего там так и стоишь? — От кухонного проема раздался голос кухарки. — Вроде, ушел уже твой гость?

Когда она подошла ближе, я спросила:

— Табита, ведь у тебя хранится ключ от моей комнаты?

— Да, есть такой. Хочешь туда сходить?

— Да.

— Ну, так опирайся на локоть, слепая ты, моя.... — Засмеялась она. — А чего гость-то приходил?

— Принес одну вещь, которую я потеряла.

— А-а-а! Это хорошо, что принес. Честный, значит, мужик.... Говорила я, что на морду не злобный вроде....

Мы потихоньку заковыляли к особняку.

День вновь расцвел яркими красками.

Мы снова сидели у того же самого фонтана. Только теперь вместо ночи был ранний вечер, а в пересохшем ранее бассейне плескалась вода. Я ее не видела, но мне хватало ласкового журчания, что радовало слух. Это было хорошее место, и Халк сам выбрал его, чтобы неторопливо провести вечер, вдали от ранчо.

Людей, как и прежде, было мало. Лишь изредка слышались отдаленные шаги и голоса прогуливающихся. Судя по тому, что жара спадала, солнце уже клонилось к горизонту.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал с Алексом? — После того, как мы провели какое-то время в молчании, спросил Халк.

Я удивилась. Вот уже какое-то время я вообще не вспоминала о своем бывшем мужчине, а если и вспоминала, то чувствовала лишь облегчение, что его больше нет в моей жизни.

— А зачем что-то нужно делать с Алексом?

— Он обманул тебя.

— Да, обманул. А почему ты думаешь об этом?

— Меня задевает мысль о том, что из-за него ты попала сюда, в то время как он сам нежится на пляже, тратя те деньги, что тебе так дорого достались.

Я пожала плечами.

— Да, мне тоже это неприятно. Но если бы не это, я бы никогда сюда не попала. А значит, не встретилась бы с тобой. Стоит ли тогда кого-то винить за то, что произошло? Или же считать это подарком?

— Может быть, ты права. Ты всегда слишком добра. — В голосе Халка послышалась улыбка. Затем он снова стал серьезным. — Но если в этот раз все обернулось хорошо, то в другой могло выйти и иначе. Я мог бы позаботиться о том, чтобы этот тип кое-что усвоил в жизни.

— А как бы ты это сделал, находясь в Тали? — Все-таки любопытство взяло верх над монашеской сдержанностью.

— У меня остались кое-какие связи. Я многое мог бы сделать, но сначала хотел бы услышать, что ты об этом думаешь.

Я помолчала. А что я об этом думала? Конечно, Халк прав — я старалась быть добрее там, где это было возможно. Но я отнюдь не заблуждалась о том, что в мире есть и те, кто доброты не заслуживал. Однако стоило ли поддаваться злости, горечи или чувству мести? Что принес бы мне положительный ответ? Поощри я Халка на ответные действия, которые заставят Алекса страдать — принесло бы это мне больше радости в жизни? Стало бы мне легче дышать, зная, что виновный

наказан?

Да нет, не особенно. Мне, если честно, было все равно, как он там проводит время со своей любовницей.

В конце-концов, Алекс не требовал денег с меня, он пытался заставить платить Элмера. Но так уж выпали карты, что именно я отправила требуемую сумму. Другое дело, что, даже зная этот факт, у Алекса не хватило смелости признаться во всем и вернуть деньги. Вместо этого он предпочел раствориться, забыв, что дома его кто-то остался ждать.

И да, это огорчало. Но настолько ли, чтобы сказать Халку «Да, отомсти ему! Хочу видеть, как он корчится от боли и осознания собственной ошибки!»?

Нет, хоть я и злилась, но не хотела быть ответственной за подобные слова и действия. Я не судья. Я вообще не думала, что мы являемся друг для друга судьями. Да, люди взаимодействуют друг с другом, иногда приносят радость, иногда разочарование. Но всегда остается выбор — если какой-то человек неприятен, то можно выбрать отличный от него путь и двигаться в ином направлении, завести другие знакомства, выбрать других друзей. Совсем не обязательно пытаться изменить каждого, чей взгляд или принцип не совпал с твоим собственным. На это не хватит ни жизни, ни нервов. Зная это, я не разменивалась на мимолетные желания «научить» или «проучить» кого-то. Мне было дороже мое собственное время, собственные эмоции и душевный покой.

Поэтому я легко отмахнулась от полученной возможности повлиять на Алекса.

— Не стоит. Я уже и забыла про него. Мне совсем не хочется даже начинать думать о том, чтобы моя судьба хоть как-то снова пересеклась с его, пусть даже и твоими действиями. Мне хорошо с тобой сейчас. А он остался в прошлом.

— Хорошо. Я понял тебя.

Пальцы Халка, лежащие на моей ладони, чуть сжались, будто говоря «Но ты не забывай, что я здесь, для тебя. Я рядом» Я едва заметно пожала его пальцы в ответ.

Мы снова замолчали. По траве, что росла у каменного бассейна, прошелся ветерок, и она ласково потерлась стебельками о мои обнаженные лодыжки. Новые кроссовки, что Халк принес в кабинет днем ранее, теперь стояли, сброшенные с ног, рядом на бетонной дорожке. Было приятно шевелить босыми пальцами и чувствовать, как их обдувает теплый воздух.

— Расскажи мне про себя. — Попросила я Халка. — Как ты оказался здесь, в Тали. И почему не можешь уехать?

Он усмехнулся.

— Это длинная история, Шерин. Но если ты располагаешь временем, то так и быть, я готов поделиться.

Я шутливо толкнула его в бок.

— Господин, начальник ранчо! Все время, которые у меня есть в Тали, теперь безраздельно принадлежит вам. Так что если ваше сиятельство соизволит соблаговолить одному из своих рабов мороженое, то раб будет счастлив потратить на вас время, которое он потратил бы и без мороженого, но, конечно, не так счастливо.

Смеясь, Халк опрокинул меня спиной на собственную руку, и поцеловал. Ласково, неторопливо, наслаждаясь. Затем он оторвался от губ и легко погладил пальцами подбородок.

— Маленькая чертовка!

— Зато, какая счастливая!

Все вокруг было хорошо. Он смеялся, я смеялась. Было лето, и шумели деревья, плескалась вода, бродили прохожие. И внутри было больше свободы, чем когда-либо до этого. Да — Тали, да — тюрьма, а внутри так легко, будто крылья расправились. Будто впереди только лишь полет над зелеными равнинами и пряничными домиками, а в ушах веселый ветер и ощущение, что счастье никогда не закончится. Ведь оно пришло и, значит, теперь останется насовсем. А все остальное — да Бог с ним, как-нибудь уладится. Это новое чувство дарила какую-то непонятную, но сильную, успокаивающую надежду, даже уверенность, что все будет хорошо.

Я положила голову Халку на плечо. Большое плечо. Сильное. Надежное.

Его пальцы переплелись с моими.

— Обожаю, когда ты так делаешь. Но тебе придется отпустить меня на пару минут, я принесу тебе мороженое.

— Я — сладкоежка, да?

Халк опустил передо мной на колени и помолчал. Затем ласково провел тыльной стороной пальцев по моей щеке.

— Ты та, кого я люблю. И это единственное, что важно.

Он снова поцеловал меня в губы, легко и ласково, а потом растворился где-то в глубине парка.

Я сидела, слушая далекие звуки редких машин и прохожих, а меня внутри было так тепло и хорошо, что я всерьез начала опасаться, что так не бывает. В этот момент я любила так сильно, что меня распирало, будто воздушный шар. Я любила все — Халка, мир вокруг, людей, что-то неосознанное, это мгновенье, того, кто подарил мне такие хорошие моменты в жизни, теплоту этого вечера, ощущение, что ты понят и любим, что ты больше не один, что чьи-то пальцы всегда сожмут твои, что всегда есть кто-то, кто убережет от падения. Я беспрерывно благодарила кого-то сверху, кто вложил в мою копилку ощущений эти чудесные минуты. Мне не хотелось быть нигде больше, кроме как здесь и сейчас. Ничто не могло сравниться по красоте чувств с тем, что я ощущала в эту минуту. И пусть прямо сейчас Халк был где-то там, с другой стороны парка, у ларька с мороженым, но он все равно был со мной. Постоянно, непрерывно, тепло и теперь навсегда.

Я счастливо вздохнула и поболтала ногами. Затем потянулась и нащупала пальцами плещущуюся воду. Какая ласковая прохлада. Какое все, абсолютно все вокруг ласковое и замечательное. Нет, мне вовсе не казалось, что я сплю. Мне казалось, что только в эту минуту я проснулась и по-настоящему ожила, а все, что было до этого, было подобно пыльной серой пленке, которая не издает ни звуков, и никак не пахнет.

Я смогла вынырнуть из этой сладкой дремы, только когда в моей руке оказалось мороженое, вокруг снова расплылся тонкий аромат одеколона Халка.

— Это тебе, чтобы не скучно было проводить со мной время.

— Ах ты!.. — Я попыталась положить мороженое куда-то на парапет, но прежде чем это случилось, его ловко поймал Халк, снова опустившись передо мной на корточки. Я же на ощупь нашла его лицо и сжала ладонями. — Мне будет не скучно проводить с тобой время, даже если у нас не будет ничего кроме трех стен и грозового неба над головой. И ни еды, ни питья, ни денег, а только враги на горизонте.

Он засмеялся.

— Я не допущу, чтобы такое случилось с нами.

— Я знаю. Но понял ли ты, что именно я хотела этим сказать?

Голос Халка стал серьезным. Это был очередной момент, когда мне до боли хотелось увидеть его лицо, но увы...

— Да. Я понял. — Лишь только и произнес он, но он действительно понял. Я почувствовала это.

— Я с тобой до конца. Не важно, где и как.

— Я знаю.

Мой лоб прижался к его, и мы застыли, объятые чувством какого-то глубинного знания, доступного только тем двум, которые принадлежат друг другу, чьи сердца соединены невидимой нитью, прочнее которой ничего нет.

Затем Халк нежно потерся твоим носом о мой.

— Пойдем на лавочку, пока твоё мороженое не начало капать.

— И ты расскажешь мне свою историю?

— Конечно, я же обещал.

Я всунула босые ноги в заботливо подставленные мне кроссовки, оперлась на теплые пальцы, и мы зашагали к лавочке.

История, рассказанная Халком, оказалась завораживающей. Глубокой, где-то темной, но местами и светлой, прочувствованной. Но еще больше меня завораживал тот факт, что сидящий рядом со мной на скамейке человек, а теперь и мой мужчина, открылся мне. Вот так просто — без страха, без боязни показаться другим, не стесняясь себя, зная, что он будет принят таким, какой есть, доверяя мне полностью, и это пьянило.

— Ты уже знаешь, что я работал в отряде специального назначения. — Начал свою историю Халк. — Нас было двенадцать, не добрых и не злых, а просто отлично натренированных ребят, выполняющих свою работу. Иногда поодиночке, иногда вместе. Мы не судили тех, против кого работали, мы всегда действовали согласно приказам, потому что избрали действовать так. Я не говорю о том, что у нас совсем не было свободы, конечно, была — нас ведь и отбирали по тому принципу, чтобы мы всегда могли полагаться на свою голову, принимать решения и выбирать пути действия самостоятельно. И годы тренировок сплотили нашу команду. Мы все были друзьями.

— Все-все?

Я почему-то задумалась о том, что зачастую в отличной команде всегда найдется кто-то, портящий картину. Уж не знаю почему, может быть, потому что так часто показывали в фильмах. Какой-нибудь псих или тяжелохарактерный маньяк, которого трудно урезонить.

— По большей части — да. Все. Знаю, в это трудно поверить. Ведь у каждого из нас свои взгляды на жизнь и темперамент, но во многих вещах мы совпадали.

— И вы постоянно жили где-то вместе? Как в казарме?

— Нет. — Халк засмеялся. — Поначалу, когда нас тренировали, мы очень много времени проводили на полигонах, в тирах, в кабинетах для тестов, в лабораториях, на рэйсинговых траках, в залах и прочем.... Везде, где мы чему-то учились. Позже, когда каждый из нас был готов к работе, мы жили там, где хотели. В своих домах, своей жизнью. Но чаще всего не очень далеко друг от друга, чтобы суметь быстро собраться, когда была необходимость.

— И вас всех учили одному и тому же?

— Нет. Мы все отличаемся спецификацией знаний. И ты уже знаешь мою.

— Да, ты — сенсор.

— Верно. Все остальные умеют что-то другое.... Один, например, — не буду называть имен — профессиональный ассассин, умеет регенерировать поврежденные ткани — свои или чужие. Очень сложное умение. Другой способен отслеживать объект на расстоянии, находить его и вставать на охоту, используя только внутреннее видение....

— Не может быть....

— Может, малыш, очень даже может. Поверь, ты ни за что бы не захотела стать его мишенью — это очень болезненный процесс. Редко кто выдерживает живым больше получаса, поэтому он находит требуемый объект очень быстро.

Я лишь открыла рот, а затем, закрыла его. Неужели и вправду есть такие умельцы? Может, и хорошо, что я жила со своим магазином, тихо и мирно, и вообще раньше не слышала ни о чем подобном? А то боялась бы неосознанно, что появится кто-нибудь за спиной. Ведь никогда не знаешь, где перейдешь дорогу Комиссии, и кого пошлют за тобой. Хотя, я вроде бы серьезно не оступалась, но кто знает....

— А ты? Ты тоже много умеешь?

Халк усмехнулся, я снова почувствовала это кожей.

— Поверь, тебе будет сложно найти то, чего я не умею.

— А чем ты опасен больше всего?

— Для тебя? Ничем.

— Не для меня.... Для тех, кто становился твоей целью.

Халк помолчал. Даже воздух будто стал позвякивать от жесткости, что появилась в нем.

— Я способен убить не только физически, но и ментально, через сознание. Для этого мне хватит одного взгляда. Я могу вывернуть на изнанку все воспоминания, получить любую информацию, установить ловушки в голове, заставить человека действовать в соответствии с тем, как нужно мне, вытереть память или заменить ее новой. Могу заставить верить в то, чего никогда не было, изменить восприятие реальности, свести с ума или же установить таймер смерти.

Я судорожно сглотнула и внезапно продрогла так, будто на Тали опустилась зима. Секунда, и все вернулось на свои места. Снова стало тепло, шумели деревья, бродили прохожие.

— Ох... — Только и выдохнула я. Хороший и «добрый» мальчик мне достался. Но, так или иначе, я уже была к этому готова. Просто не была посвящена в детали.

Его пальцы ласково провели по моей шее.

— Боишься?

Я улыбнулась. Хищно и довольно, словно кошка, поймавшая огромную сверкающую серебристую рыбу.

— Нет. Я рада, что именно такой, какой ты есть. Это заставляет меня.... чувствовать себя в безопасности.

— И все-таки пугает. — Он улыбался. Играл со мной.

— Возбуждает.

— Хорошая девочка.

От этой фразы по моему животу прошла судорога и мимолетная волна тепла. Я почувствовала, как

любовь пьянит меня. Как мне нравится, что к возвышенным чувствам примешивается страсть, психологическая игра, необузданное желание, которое я буду скрывать до конца, чтобы у него была возможность испытать, выдрать его и насладиться победой. Моей победой, о чем я, конечно же, ему не скажу.

Я улыбнулась. Зная, что Халк наблюдает за мной.

— Теперь каждый раз, когда ты будешь смотреть мне в глаза, я буду вздрагивать.

— Будешь. Но от любви. А если я увижу в твоих глазах страх, я убью всякого, кто его туда посадил.

— Вот так легко и просто?

— Поверь мне, так и будет.

— Я верю.

Это был странный разговор. Если бы такой состоялся когда-то между мной и Алексом, то одна только тема раньше показалась бы мне чудовищной. Теперь же, сидя здесь на лавочке, в Тали, рядом с Халком, это обсуждение было настолько же естественным, как будто всегда присутствовало в моем ежедневном расписании. Скажем, с утра до обеда....

Да. Времена меняются. Меняются люди, меняются взгляды.

— Ты знаешь, что твое мороженое все-таки растаяло? — Лениво протянул Халк, поглаживая мою щеку.

Я повернула голову туда, где оно, отложенное в сторону, пролежало какое-то время, и лишь улыбнулась.

— Да, ну и ладно. Не хочу его теперь. — Тема все-таки увлекла меня настолько, что я сумела забыть о гастрономических вожделениях. — Что случилось с тобой? Как получилось, что ты окончил свои дни в Тали?

— А я их еще не окончил! — Расхохотался Халк. — И, надеюсь, окончу не скоро.

— Конечно, нет. — Я откинулась назад и полуулеглась на Халка, а он обнял меня за плечи.

Расслабленно и нежно. Где-то невдалеке пробубнили чьи-то голоса, двое мужчин обсуждали новости из вечерней газеты. Когда их шаги стихли, я продолжила. — Как ты оказался в Тали?

Халк помолчал, будто погруженный в воспоминания.

— Можно сказать, что это случилось нелепо и по ошибке, но ошибки тут не было, на самом деле. Я ослушался приказа. Вот почему.

Я поерзала на месте от любопытства.

— Какого приказа? Расскажи!

— Приказа Дрейка.... — Будто не заметив, что назвал одно из имен, сказал Халк. — Он был нашим начальником. Он, собственно, им является и сейчас.

— Он — представитель Комиссии?

— Да.

— А что за приказ?

Халк снова промолчал. А потом тяжело вздохнул. Значит, я была права — эти воспоминания не давались ему легко. И это лишь усиливало мое любопытство. К тому моменту, когда он все же продолжил, я уже почти лопалась от нетерпения.

— В тот день мы получили новое задание. По зачистке одного из регионов. Это был редкий момент, когда собрали всех. План был разработан четко, до мельчайших деталей, до секунд — кто, как и куда

должен идти и что делать. Если один из нас срывался, то срывалось все задание, а это было неприемлемым. И поэтому был дан указ за ранеными не возвращаться....

При этих словах, мое сердце тревожно заныло. Я уже поняла, что отряд Халка, была сплоченным, и подобная команда, наверняка, стала настоящим испытанием их верности приказам. Превратившись в единое ухо, я стала напряженно слушать дальше.

— Все шло хорошо, в точности по плану до одного момента.... Пока пуля не прошла насквозь одного из наших ребят. Остальных уже не было, они расформировались и ушли вперед, заканчивать миссию, остались только я и Дэлл.

Это было уже второе названное мне имя, и я тихо наматывала их на ус, размышляя, не могут ли они мне когда-нибудь в будущем пригодиться, если, конечно, только мой возлюбленный, не решит проиграться с моей памятью после разговора.

— Было темно,... и счет шел на секунды. У нас были всего секунды, чтобы решить, есть ли шанс забрать раненого и успеть закончить задание. За спиной стреляли и рвались гранаты, и надежда была призрачной, но все же она была. Я помню, Дэлл тогда посмотрел на меня, и я понял, что он думает о том же самом. Что мы не можем оставить друга. Может быть, Комиссия и может. Хоть это и будет большой потерей, со временем, они смогли бы найти ему замену. А вот мы не смогли бы.

Халк замолчал.

А я сглотнула. У меня будто наяву шумел в ушах ветер той ночи, воздух пах огнем и гарью, пыль и пот застилала глаза, а было ощущение, что если задержаться хоть на секунду, то следующей мишенью для пули станет твоя собственная спина.

— Вы спасли его? — Спросила я тихо.

— Да. — Просто ответил Халк. — Спасли.

— А операция?

— Она почти сорвалась. Несколько раз все шло креном, но мы это сделали. Результат был таким, каким хотел его видеть Дрейк.

Голос Халка снова стал холодным и отстраненным. Будто он сам очутился там, где все рассказанное происходило. Пусть лишь только в его собственных воспоминаниях, но все-таки.

— Но Дрейк был недоволен, что вы нарушили приказ, так?

— Да. Недоволен. Если такое слово можно к нему применить. Это — Комиссия, Шерин. И там все намного сложнее, чем мне, возможно, удастся объяснить. И у них много правил. В том числе никогда не нарушать данных приказов. Естественно, что нас наказали. Меня и Дэллу. Почти сразу после окончания операции.

— Ты замечаешь, что называешь мне имена? — Прервав Халка, на всякий случай поинтересовалась я, нервничая.

— Конечно, замечаю. Я ни слова не говорю без того, чтобы подумать о десятках возможных вариантах наперед. И в этом случае, я думаю, более важно дать тебе понять, что я тебе доверяю, нежели бояться, что эта информация тебе навредит.

— Тогда ладно.... — Я расслабилась и снова превратилась в уши.

— Нас осудили. Да. Той же ночью был трибунал, но не в присутствии остальных. Им сказали только то, что мы оба получили наказание за содеянное, а вот какое именно, они до сих пор не знают.

— Почему им не сказали? Хотя бы для примера того, что с ними может случиться, если ослушаются

они? Разве не так работает суд Тали?

— Все верно. Только Комиссия — не Тали. Они знали, что ребята, если будут знать детали — попытаются помочь. Мы слишком сильно слиплись, что ли.... Дрейк это знал. И если бы узнал один — узнали бы все, а там обязательно начали бы строить планы по высвобождению, и заплатились бы в конечном итоге все. Было безопаснее оставить их в неведении, чтобы держать под контролем. Халк усмехнулся. Холодно и с горечью. И замолчал. Я телом почувствовала, как напряглись его мускулы.

— Тебя отправили сюда, так? Без права выезда?

— Да. Я не имею права контактировать с остальными членами отряда или сообщать им о своем местонахождении. Впрочем, на остальные контакты с «миром», пока я не пытаюсь покинуть Тали, Комиссия закрывает глаза. Поэтому кое-какие связи я все-таки сохранил.

— Тебя заперли здесь.... — Потрясенно прошептала я. — Неужели, насовсем? Сколько лет ты должен провести здесь, прежде чем они решат, что ты наказан достаточно?

Халк промолчал. И это больше всего расстроило меня.

Теперь все казалось иначе. Раньше казалось, что это я — заключенная. Я и остальные люди с браслетами на руках. Но у меня и у них, пусть слабенько и призрачно, все же существовал шанс набрать эту пресловутую тысячу. А вот у Халка такого шанса не было. Почему-то это потрясло меня до глубины души. И возмутило. Тихо и яростно. Но я аккуратно зарыла этот вихрь эмоций внутри до более подходящего времени где-нибудь в будущем.

— А Дэлл? Что случилось с Дэллом? — Спросила я, заранее предвкушая, что Халк может этого и не знать или же предпочтет промолчать. Но он ответил.

— Дэлл получил странное наказание. Но от этого не менее чудовищное. Не знаю, у кого была такая странная фантазия, но я даже рад, что осел здесь — в Тали, что не получил то же самое, что и он....

— Почему?

— Потому что ему дали нож.

О том, что это был за нож, Халк поведал уже в машине, на пути к ранчо. Снаружи постепенно темнело и становилось прохладней. Внутри же тихо гудел кондиционер, не охлаждая, а больше вентилируя воздух по салону.

Со слов Халка я поняла, что нож, который вручили его другу, делал того настоящий рабом и не в переносном, а совершенно прямом смысле этого слова. Как только упомянутый кинжал попадал в чьи-то руки, Дэлл был обязан служить и повиноваться тому человеку до того момента, пока нож не перейдет кому-то другому или не будет потерян, а в последствии найден новым хозяином. Тогда Дэлл переходил в услужение к другой личности, продолжая оставаться совершенно несвободным в выборе собственных действий.

Я подумала, что это должно быть по-настоящему ужасным. Особенно для таких людей, как Халк или Дэлл. Ведь если они были хоть немного похожи, а они — по словам Халка, были — то сложно было найти лучший «ад» для тех, кто привык полагаться исключительно на свои решения и любил свободу больше, чем что-либо другое. Это было все равно, что взять рыбу, отрезать ей плавники и хвост и бросить в серную кислоту, чтобы жизнь медом не казалась. Именно так и поступила Комиссия, благо ей хватило на то фантазии.

Я покачала головой. Что же они за люди такие?

Халк был прав — он еще легко отделался. Тали — не пятизвездочный курорт, но и не самое отвратное место на уровнях. Выжить здесь, в любом случае, было можно. Пусть и сжав зубы и закрутив желания узлом. А вот какого это — быть рабом совершенно незнакомого человека, я даже представить не могла, хотя вот уже полчаса кружила в мыслях об этом. А что если не одного человека, а целой череды? И никогда не знаешь, кто будет твоим новым хозяином или сколько продлится заточение. Не ужасно ли? Что, если «феодалами» окажутся безумная бабка, наркоман, корыстный мафиози или сумасшедшая истеричка? Какие темные желания могут проснуться в них, узнай они, что стали обладателями странного приза в виде двухметрового мужского тела, отлично натренированного на убийства (о чем они, впрочем, могут и не узнать, но сути это не меняет...)? Я искренне пожалела Дэлла. И понадеялась, что когда-нибудь ему все же удастся заполучить опасную игрушку обратно в собственное владение, и что однажды найдется кто-то способный пожертвовать своими удовольствиями ради чьей-то свободы.

— Сколько времени прошло с тех пор, Халк? — Прервала я продолжительное молчание, когда каждый из нас был погружен в свои мысли.

— С каких? — Отозвался он.

Джип равномерно катился по ночной дороге, моя ладонь лежала на ноге Халка, он нежно поглаживал мои пальцы своими.

— С тех пор, как ты оказался здесь, а Дэллу дали нож?

— Почти три года.

Я качнула головой в такт с выбоиной на дороге, в которую попало колесо.

Три года жизни в Тали, в этом особняке, вспахивая и засеивая поля, пытаюсь привыкнуть к образу жизни фермера. Долгие три года рабства для Дэлла.

— И он все еще подчиняется приказам тех, кто владеет ножом? Никто не отдал ему твоему другу обратно?

— Я не знаю, Шерин. Не знаю....

— И Комиссия не пыталась связаться с тобой, пока ты жил здесь?

— Нет. — Тихо ответил Халк, и мне отчего-то снова стало тоскливо.

— Ты ведь скучаешь по ним? — Спросила я после паузы.

— По друзьям?

— Да.

Халк промолчал.

Но я уже все знала, посему и не ждала ответа на свой риторический вопрос. И, наверное, впервые с тех пор, как ослепла, я порадовалась, что не вижу лица Халка. Меньше всего мне хотелось видеть, как в свете ночных фонарей в серых глазах отражается боль. А я знала, что она там была. Чувствовала.

Не зная, что сказать и как подбодрить Халка, я лишь осторожно пожала его пальцы, в то время как в моей голове закрутились шестеренки. Мозг против воли включился в режим продумывания вариантов о том, как можно исправить сложившуюся ситуацию.

Ведь, если подумать, я всегда такой была. Может быть, не самой стойкой за себя, но враз мотивированной, когда дело касалось других. Сначала Алекс, потом каменоломня, работники полей.... А теперь на кону стояло счастье Халка, и мне очень, ну просто очень хотелось помочь. И

тот факт, что я пока не видела возможностей для этого, совсем не означал, что я не увижу их в будущем.

Поэтому я попыталась настроиться как можно оптимистичнее и приготовилась ждать.

Следующие несколько дней запомнились мне одними из самых счастливых в жизни. И все потому, что они были наполнены радостью, покоем, каким-то неземным благодушием и полным отсутствием забот. Ночи мои стали жаркими и томными — Халк с вождением наслаждался тем, что ему принадлежало (то есть мной) — брал, играл, заботился, сминал, воспалял, тушил, успокаивал и снова нападал, заставлял упиваться им, молить о большем, погружал в пожар до крика, почти до слов ненависти или мольбы, после чего, наконец, щадил и долго лежал рядом, обводя мои улыбающиеся губы подушечкой большого пальца, утомленный и расслабленный.

Мы много разговаривали, касались любых тем, проходящих на ум, обожали утренние завтраки и вечерние часы на балконе, когда я потягивала освещающий коктейль с мятой, а Халк курил ароматную сигару. В свободные дневные минуты, когда дела не отрывали его из офиса, Халк не спускал меня с коленей — баловался, шутил, гладил, шептал ласковые слова, но будто тихо и неуловимо страдал от какой-то душевной муки, о которой, впрочем, предпочитал молчать. Я чувствовала его напряжение в том, с какой ненасытностью и жадностью он касался моего тела, как впитывал слова и как до боли иногда сжимал мои плечи или впивался в губы, будто пытаясь заклеить меня навечно. Или когда он иногда подолгу медленно гладил меня без слов, думая о чем-то одному ему ведомом.

То, о чем он думал в такие минуты, было для меня загадкой.

Мне было непонятно, чего можно было бояться, когда Халк был единственным мужчиной, которому отныне и навеки веков принадлежало мое сердце. И чтобы стереть любые сомнения с его души, я часто сжимала его лицо ладонями, произнося, как сильно его люблю. Халк расслаблялся на какое-то время, но затем снова начинал вести себя как раненый зверь, у которого в скором времени собираются отобрать любимую игрушку. И снова брал меня, клеймил, раздавливал, собирал воедино, смешивая мою сущность с частичкой себя. И теперь уже было не разобрать — где заканчиваюсь я, и начинается он. Теперь это были только «мы». И страшно. И сладко.

— Ты о чем-то умалчиваешь, любимый? — Снова и снова задавала я вопрос, волнуясь.

Но Халк лишь крепче прижимал меня к себе, глубоко вдыхая аромат моей кожи, будто это было единственным, что позволяло ему жить, и снова молчал. Один раз, однако, он все же ответил.

— Мы поговорим об этом позже. Когда ты начнешь видеть.

Я расстроилась.

— Хорошо. Но ты заставляешь меня бояться.

Я действительно нервничала, когда чувствовала, как сильно что-то мучает его. Ведь в моем сердце не было ни тени сомнения, и я совсем не хотела, чтобы что-то омрачало мысли Халка.

— Не надо бояться. Все будет хорошо. Я обещаю.

— Ты ведь будешь со мной?

— Да.

— Всегда?

— Так или иначе — всегда.

Это был странный ответ, который не особенно успокаивал меня, но я все равно ничего не могла

сделать. Если он хочет открыть карты позже, когда я начну видеть, значит, так тому и быть. Но что бы ни случилось, что бы он ни собирался мне сказать, одно я знала наверняка — Халк мой. И всегда будет моим. Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы моя вторая половина никогда не разлучилась со мной. И это знание придавало мне веры и сил, позволяла набраться терпения и приготовиться стойко встретить любые повороты, какие бы ни уготовило мне будущее.

Ведь если Халк подтвердил, что он мой — значит, он мой. А все остальное было неважно.

А еще через два дня перед моими глазами начали плясать цветные пятна и световые блики. Впервые за долгое время кирпичная стена рухнула и сквозь черноту начал пробиваться свет. Пусть еще только неясный и мутный, но уже такой сладкий, что я захлебывалась от радости.

— Я почти вижу! Вижу! — Визжала я, пытаюсь курсировать по комнате, пританцовывая. Халк смеялся, не забывая, впрочем, следить за тем, чтобы я вовремя успевала огибать встающие крупноразмерные препятствия.

— Не торопись, котенок, если уже начала видеть блики, значит, через день-два, все полностью вернется в норму.

— Всего пару дней ждать осталось? Как здорово!

Как бы он ни пытался меня удерживать, я никак не могла прекратить хаотично передвигаться по комнате, наблюдая за тем, как возле окон свет ярче пробивается сквозь веки. Это теперь было столько же непривычно, сколько и радостно. И как только Халк уходил из кабинета, я вновь принималась на ощупь перебираться от окна к окну, все еще неспособная поверить, что снова начинаю видеть.

Как-то вечером, мы сидели на балконе. Халк, по обыкновению, курил сигару, я же просто наслаждалась теплым ветерком, который трепал мои длинные локоны.

— Халк, а здесь вообще бывает дождь? — Задала я вопрос, который уже не в первый раз посещал меня с тех пор, как я оказалась в Тали.

— Бывает. — Ответил он. — Не часто.... Где-то раз в год. Льет несколько дней подряд, потом опять все высыхает.

— И скоро настанет «мокрый» сезон?

— Скоро. Где-то, через месяц, я думаю.

Я помолчала, размышляя. Наверное, будет интересно увидеть эту пустыню затопленной. Множество растений расцветет сразу после того, как земли коснется влага, пыль прильет к земле тугими струями дождя, а воздух пронзят порывы ветра. Может быть, даже начнется гроза. По-крайней мере, я на это надеялась. Отчего-то я очень скучала именно по грозовым раскатам и вспышкам молний. Это зрелище всегда наполняло меня благоговением, напоминая о том, насколько все же сильна мать-природа. А уж молнии над пустыней — должно быть то еще шоу....

— Хорошо, что я снова начну видеть к тому времени.

— Угу. — Неопределенно подтвердил Халк, думая о чем-то своем. Ветер донес до меня ароматный дым, пахнувший не то вишней, не то ванилью. А может, и тем и другим сразу.

Посидев еще какое-то время, я снова принялась задавать вопросы.

— Халк....

— Да?

— Расскажи мне про Комиссию.

— Что именно, малыш?

— Что это вообще такое? Где находятся их офисы?

Он усмехнулся. Поудобнее устроился на стуле, стряхнул пепел. Я уже научилась различать на слух многие действия, которые раньше вряд ли бы слышала.

— Комиссия — это странный орган. Тот, что правит Уровнями. Где находятся офисы — я тебе не скажу. Дрейк всегда появлялся в условленном месте сам. Мы же тренировались в одном из их корпусов, но поверь мне — этой дороги ты на карте не найдешь. Я и сам ее теперь не найду, потому что думаю — эти местоположения изменяются в пространстве. Трудно будет объяснить, но я постараюсь.

Я удивилась при упоминании слов «изменение пространства», но виду не показала. Наверное, мне предстояло узнать много такого, о существовании чего я раньше даже не подозревала. Поэтому вместо выражения недоверия, я просто спросила:

— А как же тогда с ними связаться? Если нет ни адресов, ни телефонов, ни карт, ни знаков.

— А зачем тебе с ними связываться?

Я молча думала о своем. О том, что однажды мне может понадобиться такая возможность. И если уж есть шанс узнать больше о Комиссии от одного из людей, кто с ними тесно сотрудничал, то его непременно нужно использовать.

— Да мне не нужно. — Уклонилась я от прямого ответа. — Но ведь каждый когда-нибудь задается этим вопросом. Все знают — что Комиссия есть. Но никто не знает — где. И те, кто там работают, они вообще — люди?

Халк на какое-то время задумался, прежде чем ответить.

— Да, Шерин. Я бы назвал их людьми. Но они не совсем такие, как мы. Что ты вообще знаешь об Уровнях?

Порывшись в памяти, я вынуждено пожала плечами.

— Ничего. — Знаний действительно всплыло немного. Говоря откровенно, почти никаких. — Кроме того, что существуют города, в которых мы живем.

— А ты помнишь, как ты сюда попала, и как жила до этого?

Снова обратившись к памяти с запросом, я поняла, что нет, не помню. Мысли путались и ускользали, как только мозг принимался выуживать информацию на эту тему. Все будто становилось мягкой ватой, и мысли тут же переключались на что-то еще. Об этом я и поведала Халку.

— Все верно. — Кивнул он. — На тебе, как и на всех, стоит контроль памяти.

— Что за контроль памяти? — Несколько напряглась я.

— Ох.... — Вздохнул Халк. — Ну и тему ты завела. Тут придется объяснять все с самого начала. По крайней мере, я могу рассказать тебе то, что знаю сам. Это далеко не все, но все же больше, чем кто-либо другой. Исключая, конечно, саму Комиссию.

— А тебе ничего не будет за то, что ты делишься этой информацией?

— Ничего. Ты же умная девочка, и не будешь говорить об этом налево и направо, так?

Я кивнула.

— Так.

— А для того, чтобы кто-то другой не смог выяснить то, что знаешь ты, мне придется ограничить доступ к определенной области твоей памяти, после того, как я все расскажу.

— И я снова все забуду? — Закапризничала я. — И снова лишусь зрения?

— Нет. — Голос Халка прозвучал мягко. — Ты будешь все помнить. И зрение останется при тебе. Ну что, согласна?

— Согласна! — Радостно ответила я, приготовившись слушать занятную историю. По-крайней мере, мне казалось, что она должна быть именно занятой.

И да. История не разочаровала.

— Итак, попробуем начать с самого начала. — Проговорил Халк, а я заворожено внимала каждому его слову. — Комиссия — кем или чем бы она ни являлась — это определенная группа людей. Я не знаю точно сколько их, и, как и когда они пришли в это место, но именно они создали то, где мы сейчас находимся — Уровни. Да, Уровни созданы именно ими, и я бьюсь головой об заклад, что раньше они не существовали.

Я снова попыталась скрыть удивление.

— То есть то, где мы есть — искусственное?

Халк задумался.

— Я бы не назвал это искусственным. Потому что искусственный — означает в какой-то степени «ненастоящий». А это место более чем настоящее. Оно стало реальным. Как-то и когда-то. Хотя и было создано рукотворно. Каким знанием нужно обладать, чтобы создать в пространстве то, чего раньше не было — не спрашивай, я не знаю. Но Комиссия определенно смогла это сделать. Думаю, что там, откуда они взялись — они не назывались Комиссией. Они были просто людьми какого-то мира. Или даже не мира — потому что, когда я использую это слово, сразу представляются виды инопланетных цивилизаций, а мы говорим только об этом мире — нашем мире, и только о людях, не о каких-то странных органических видах существ. Таким образом, придется использовать другое слово — реальность. Вот именно их и много в нашем мире.

Халк помолчал. Потом спросил:

— Ну, как? Сложно?

Я медленно кивнула головой, зачарованная приоткрывшейся завесой, за которой скрывалась дверь не то сказки, не то безумной фантазии, о которой он рассказывал.

— Не то, что бы сложно, просто как-то.... Необычно. — Я снова задумалась. — То есть ты хочешь сказать, что реальностей много?

Голова немного кружилась. Еще пять минут назад, все было легко и просто — одна жизнь, один мир. Только то, что видишь глазами. А теперь мозг вставал в штопор от мысли, что все, оказывается далеко не так однозначно.

— Да. — Твердо ответил он. — Это я знаю наверняка. Реальностей огромное количество. И из одной можно переключаться в другую, но это уже другая, действительно сложная тема. Поэтому вернемся к нашим «баранам»....

Я прыснула. Дяди в серебристой форме, кем бы они на самом деле ни были, совсем не одобрили бы такого сравнения.

— Они пришли в это место, и создали его с нуля. Постепенно, шаг за шагом, создавались Города и дороги между ними, создавалось окружение и прочее. Ты, наверное, заметила, что все Города разные?

— Угу. — Кивнула я.

— Некоторые совершенно бетонные, серые, в них почти всегда ночь. Много стеклянных высотных зданий, офисов, странные кварталы, неприглядные районы.... Все будто списано с одного из миров, как с почтовой открытки, где все это существовало. — При этих словах, в моей голове что-то кольнуло, что-то до боли знакомое, почти осязаемое.... Как часто случается, когда из какого-то окна запахнет выпечкой, и вспоминается какая-то далекая картинка из детства. Только в моем случае запахло совсем не выпечкой, а каким-то хитросплетением улиц — унылых, грязных и отдающих опасностью. В каком-то другом городе, и будто много лет назад.

Но я не успела поймать это ощущение за хвост, как оно уже бесследно растворилось в запутанных коридорах памяти. Халк же, тем временем, продолжал говорить. — Другие города совершенно не такие — мягкие, зеленые, уютные, со старинной архитектурой, маленькие и милые. А есть и смесь, где наполовину бетон, наполовину спальные районы. Как твой Клэндон-сити. Есть острова, есть побережья, есть пустыни. Наверное, все есть. И это разнообразие мест позволяет каждому найти то, где ему больше всего нравится.

«Или куда тебя заточат» — совершенно не к месту захотелось добавить мне, но я промолчала, параллельно думая о том, какие именно слова Халка навеяли на меня странное чувство дежавю. Мы вот уже несколько секунд сидели в тишине, но я едва ли это заметила.

— Ты пытаешься что-то вспомнить? — Спросил Халк.

— Да-да.... — Я вынырнула из дремы. — Ты что-то сказал, и будто что-то всплыло в памяти, но я не успела ухватить.

— Шерин, ты и не успеешь. Просто физически не сможешь. Я объясню почему, но только по порядку, хорошо?

— Хорошо.

— И еще.... То, что я тебе сейчас говорю, может сильно сказаться на твоём мироощущении. Как бы это получше объяснить.... Это новое знание может начать тяготить, неохотно приниматься или начать беспокоить тебя. Мозг не любит изменений в привычных ощущениях, ему всегда хочется быть уверенным в том, что он все знает и понимает. А когда мы узнаем что-то новое, что переворачивает старое знание, то теряем ощущение контроля над ситуацией. Это выбивает почву из-под ног. Если так случится с тобой, то я аккуратно прикрою доступ к этой области твоей памяти. Чтобы она не беспокоила тебя. Ты должна будешь сказать мне, если это произойдет.

Я поежилась и насупилась. Совершенно не хотелось очередных вмешательств в мое бедное сознание. Уж лучше я постараюсь намотать на ус все новое без потери нормальных мироощущений.

Чтобы не продолжать неприятную тему, я спросила:

— Халк, а что такое — эти реальности? Они — параллельные нам? Там тоже есть вторые «мы», но которые живут и действуют по-другому?

На ум снова пришел какой-то просмотренный давным-давно фантастический фильм, где герои постоянно пересекались со своими вторыми «я», и всячески старались избежать изменений в пространственно-временном континууме. Именно так замысловато все это и называлось. Но Халк, к счастью или сожалению, не подтвердил мою гипотезу.

— Нет, Шерин. Эти реальности существуют вне пространства и времени, и они нам не параллельны. И там нет наших двойников. Там есть другие люди, другие города, другие системы и правила, другие места.

— Получается — это миры?

— Их можно называть мирами, но все они находятся не в космосе, не далеко от нас, а совсем близко. Так, что взаимодействуют друг с другом. Но мы этого не видим. Это уже совсем другой уровень знаний, не доступный тем, кто есть мы.

— А Комиссии доступный?

— Конечно, доступный. Иначе, как бы они создали совершенно новое место? И еще — ты всегда видела странности этого места, но никогда не задавалась вопросами — никто не задавался, потому что так надо, и, тем не менее, ты видела, что на Уровнях никто не стареет и не рождается. Здесь нет времени. Люди приходят сюда с разных мест, но никто точно не знает, как и где они жили до этого. Теперь я чувствовала себя озадаченной.

— Да, я почему-то не задумывалась, но ведь здесь действительно никто не стареет. Хотя время есть. Есть часы, которые мы носим на руках, есть дни, есть месяцы.... Халк, так что получается? До этого я жила где-то еще? И Янка где-то жила? И ты?

— Да, Шерин. Мы все где-то жили.

— Но я не помню свой дом... мир.... Почему-то мне казалось, что я всегда жила «здесь».

— Всем так кажется. Но ведь ты же не помнишь, что родилась здесь?

Я покачала головой.

— Нет.

— Потому что ты пришла сюда из другого места. Из того, где ты по-настоящему родилась.

— А как я пришла сюда, Халк?

— Не знаю, малыш. Сюда все приходят по-разному. Только Комиссия знает как.

Удивленная услышанным, я все еще пыталась выстроить логическую схему.

— А зачем я согласилась сюда прийти? Мне было плохо так, где я была до этого?

— Не знаю. Может быть. А может быть, ты просто хотела перемен. Так или иначе, нам всем давали выбор, и мы все добровольно переступали порог. В этом я уверен.

Меня что-то кольнуло.

— А ты, Халк? Ты помнишь, откуда пришел сам?

Он помолчал. Затянулся и выпустил облако дыма, потом ответил.

— Нет. Я не помню. Да и не хочу, если честно. Если уж что-то толкнуло сказать меня «да», значит, на то были причины. А если они были, значит, я поступил правильно. В любом случае, я не жалею о своей жизни здесь. Не в Тали, конечно, а вообще.....

Пришла моя очередь помолчать, поразмыслить об услышанном. Картинка, которая выстроилась в моем сознании, была довольно странной, но завораживающей. Значит, мы все — все, кто живет в Городах, когда-то жили в других местах, до тех пор, пока Комиссия не предложила каждому из нас право переселиться. Где-то жил Грег, Табита, Янка.... Что же это мог быть за мир, который породил Халка? Красивый или суровый? Откуда пришел Алекс? Или Элмер? Ведь откуда-то пришел каждый прохожий, лица которых я видела на улицах....

— Халк, а я могла бы вспомнить, как жила до этого?

— А ты этого хочешь?

Я задумчиво накручивала локон на палец.

— Не знаю. Не то, что бы хочу.... Интересно и боязно. А вдруг, я захочу назад? Или вспомню что-

нибудь страшное?

— Всякое может быть. Но, боюсь, я должен тебя разочаровать. Эту заслонку с тебя я снимать не буду. Иначе Комиссия действительно может вмешаться, и я почти уверен, что они появятся, если я только попробую коснуться твоей прошлой памяти.

— Ну, тогда и не надо. — Легко отмахнулась я. — Где бы я там ни жила, какая теперь разница, все равно я ничего не помню. А здесь у меня есть ты.

Я знала, что Халк улыбается. Как будто даже воздух вокруг потеплел.

— Не жалеешь, что спросила обо всем этом?

— Жалею? Нет. Удивительно, конечно, знать, что мы живем в таком странном месте, о котором так мало знаем. А, с другой стороны, может так даже и интересней. А поводу того, что когда-то я была другой и жила в другом месте — да, это удивляет и немножко шокирует, но если подумать, я действительно не хочу назад. Пусть прошлое остается в прошлом. Меня больше интересует, как все устроено здесь. И кто, все же, эти люди, которые работают и Комиссии и как....

— Ненасытная ты до знаний! — Усмехнулся Халк. Потом его одежда зашуршала, он поднялся со стула. — Но на твои вопросы я буду уже отвечать в следующий раз. — Моя сигара дотлела, виски закончился, и мне всерьез хочется почувствовать тебя гораздо ближе, чем через стол.

Его теплая ладонь сжала мои пальцы.

— Ну, что? Пойдем?

Едва сдержав чувственную дрожь, которая проходила по моему позвоночнику всякий раз, когда этот мужчина до меня дотрагивался, я позволила себе на время забывать обо всех вопросах, и поднялась с места.

Сильный, крепкий, заботливый «он», пахнувший виски, теплый южный ветер, пропитанный ароматом трав, ночь — теплая и ласковая — что может быть лучше всего этого? Где бы ни находились все эти Уровни и Города, кем бы ни были те дяди в серебристой форме — но они позволили мне быть здесь, наслаждаться жизнью, прочувствовать моменты истинного счастья. А посему плевать, что загадок больше, чем разгадок, плевать, что ответы на многие вопросы я так никогда и не смогу найти, но эти люди сделали мое счастье с тем, кто находился рядом со мной, возможным. И именно это было для меня всем.

И именно за это я была им благодарна. А остальное подождет.

Прошло два дня, в течение которых я часто думала о том, что рассказал Халк.

Кем я была до этого? Где жила? Почему решилась прийти туда, где сейчас жила? Но так как память не была особа услужлива (спасибо Комиссии), я бросила эти тщетные попытки и занялась другими делами. Тем более что зрение, наконец-то, в полном объеме вернулось ко мне.

Теперь я смотрела на все как-то иначе. С любовью, что ли.... Красные горы казались живописными, поля ласково колосились зеленой травой, все казалось странно ярким и непривычно живым, как никогда до этого. В какой-то мере потеря зрения оказалась подарком, который позволил вновь, будто с нуля, оценить красоту мира.

В те промежутки времени, когда я не задавалась вопросами о своем прошлом, я беспрестанно думала о другом — о том, как помочь Халку.

Становилось все более очевидным, что невозможно будет жить на ранчо всю оставшуюся жизнь.

Никакого «долго и счастливо» в этом месте быть не могло. Я просто физически не могла представить

месяцы и годы в качестве «жены» фермера. И не потому что я была особенно требовательной, само только наличие Халка рядом являлось для меня девяносто-девятой процентной гарантией счастья, но вот представить, что сам Халк — тренированный боец и в прошлом киллер — согласиться провести здесь еще хотя бы пару десятков лет, было сложно.

Как я поняла, сам Халк находился в затруднительном положении, и повлиять на ситуацию, находясь в Тали, практически не мог, а, значит, оставалась только я, которая должна была придумать, как помочь нам обоим оказаться на свободе.

Но гениальные идеи не давались легко, и сколько бы я ни мучила различными схемами мозг, все как-то не удавалось найти ту, которая бы позволяла увидеть не то, что дверь на свободу, а хотя бы свет вдалеке. Но дорогу, как говорится, может осилить только идущий, поэтому я не сдавалась и продолжала размышлять.

Другим интересным моментом стало то, что из моей жизни исчезли какие-либо обязанности. Совсем. Если раньше я мела полы, драила двор, возила еду или переводила книгу, то теперь никто и ничего от меня не требовал. Я могла заниматься переводом, только если этого хотела, а мыть и скрести вообще ничего не приходилось. В последний раз я дотрагивалась до мыльной пены только когда помогла Табите ополаскивать тарелки после обеда. Так что жизнь стала непривычно легкой, и я все еще не могла решить, хорошо это или плохо. И чтобы не чувствовать себя полной лентяйкой, я заставляла себя садиться за книгу и толстый словарь Туэрского, в надежде, что это информация окажется кому-нибудь полезной. Если и не Халку (потому что во мне все крепла уверенность, что не долго он пробудет в Тали), то, может быть, следующему владельцу ранчо, кем бы ни была его грешная душа.

И, возможно, ситуация бы так и продолжала оставаться неясной, вынуждая меня изнывать от бессилия и бездействия, если бы не одно событие, положившее не то конец текущему положению вещей, не то начало новой эре. По-крайней мере в то утро это было крайне сложно определить. Одно оставалось предельно ясным — после него все закрутилось совсем по-другому и очень быстро.

А произошло вот что.

Снова кого-то избивали. Я услышала далекие крики охранников, после того, как закончила с переводом и отправилась во внутренний двор, чтобы найти на складе зонт от солнца, который бы можно было установить на нашем балконе. Но, не дойдя до коморки, я застыла и прислушалась. Точно. Снова кого-то били. Ошибки быть не могло — у кромки полей издевательски и зло кричали охранники, и я бросилась в направлении голосов, еще не зная, что именно собираюсь предпринять. Сердце снова колотилось быстро и глухо, глаза застлала пелена ярости и страха, вернулось ощущение противного опустошающего бессилия.

Ну, почему? Почему они снова это делают? Ведь злобного Грега отослали с ранчо, неужели нашелся кто-то подобный ему, кому доставляло удовольствие доводить заключенных до предела? И почему Халк смотрел на это все сквозь пальцы?

Стояла невыносимая жара. К тому времени, когда я добежала до поля и застыла у кукурузы, сгрудившиеся вокруг какого-то бедолаги охранники уже не кричали. Действо было кончено. Тот, кого избили, уже лежал на земле без движения. Я смотрела на него, чувствуя во рту противный привкус горечи — длинное нескладное тело, сплошь покрытое ссадинами и кровоподтеками. Обнаженная спина с выступающими ребрами, несколько старых шрамов от хлыстов, редкие

песочного цвета волосы....

Вокруг меня противно жужжали мухи, а я, оцепенев от шока, все еще стояла и смотрела на его волосы. Было с них что-то знакомое. Такой запоминающийся оттенок. Неужели?.... Нет, только не это.... Пусть это будет не он....

И да, будто услышав мою мысленную просьбу о том, чтобы увидеть лицо лежащего на земле мужчины, один из охранников, грубо пихнул неподвижное тело ногой, от чего оно перекатилось на спину, после чего стало очевидным.... Да. Это был Тед.

— Мертв. — Почти довольно подтвердил охранник, и отошел от тела, закулив сигарету.

Нет, не надо! Я в ужасе смотрела на знакомый профиль, теперь неподвижный и бледный, с налипшим на щеках песком. Это действительно был Тед.

Тот самый Тед, что стоял рядом со мной на облупившейся мокрой автобусной станции, что угощал меня глянцевым яблоком и бесконечно рассказывал о садовых посадках, тот самый, что надеялся, что ему дадут клочок земли, на котором он посадит деревья, тот самый, что так надрывно кашлял, когда принес назад и вернул украденные Янкой камни.

Он был единственным человеком на всем ранчо, которого как-то негласно внутри я определила «другом», и теперь его тело лежало на земле, покрытое кровью, песком и пылью, а я уже ничего, ничего не могла сделать.

Был Тед. Теперь нет Теда.

Не удержавшись на ногах, я медленно опустилась в траву, и зажала рот руками, боясь зарыдать в голос.

Внутри стало мучительно больно, хотелось закричать, завизжать, броситься и разорвать кого-нибудь, но я лишь сидела и едва заметно покачивалась из стороны в сторону, не замечая, как слезы, капая с подбородка, пропитывают новенькую майку.

Небо! Почему Тед? Почему нужно было забивать до смерти? Ведь он и так болел..... Почему рядом не было Халка? Почему в такие моменты Халк никогда не оказывается рядом?

Зажимая вырывающиеся наружу рыдания, я смотрела на бегущие по небу белесые облака. Шумела трава. Слышались вдалеке голоса других работников. Для кого-то продолжался обычный, ничем не отличающийся от других день. Для кого-то день перестал существовать вовсе.

И я не знаю, сколько бы я просидела в траве, если бы охранники не пронесли мимо меня деревянные носилки, с накинутым поверх одеялом, из-под которого безжизненно свешивалась рука.

Охранники прошеркали мимо, после чего все стихло. Снова зазвенели цикады.

А меня сквозь пелену отчаяния посетила странная мысль. А что если он не мертв? Что, если охранники ошиблись, и Теду все еще можно помочь? Глупая надежда, бессмысленная, но все-таки.

Вдруг, даже после таких повреждений, он сможет выжить, если вовремя что-нибудь сделать?

Что именно сделать, я себе представляла слабо, но все же высунула голову из травы, чтобы проследить, в каком направлении унесли Теда. Высокие стебли уже скрыли от глаз проследовавшую группу, поэтому я быстро поднялась на ноги и побежала в том направлении, где недавно скрылись охранники.

Обогнув край поля, я снова увидела их и носилки, следующих по дороге, ведущей к постройкам. Как я и предполагала, конечным пунктом назначения стал изолятор, куда и отправилась укрытая одеялом ноша.

Я стояла, словно собака, застывшая с носом по ветру, пристально вглядываясь в белое здание и ожидая момента, когда можно будет подобраться ближе.

Носилки скрылись в дверях. Какое-то время ничего не происходило. Через пару минут мужчины вышли на крыльцо, постояли какое-то время и, наконец, разошлись.

Вытерев стекающий с висков пот, я по огибающей дуге, чтобы разминуться с охраной, снова устремила к изолятору. Там ведь должен быть этот старик-доктор, словно стервятник, наблюдающий за своим гнездом. Надеяться на то, что его внутри не окажется, было глупо. Я уже давно заметила, что старик очень редко покидает насиженное место.

Что я ему скажу? Как заставлю пропустить меня к Теду?

Все эти мысли вереницей мелькали в голове, опережая разве что мелькающие по пыльной дороге кроссовки. Да, какая разница, что я ему скажу! Каким-то образом, я сделаю так, чтобы он позволил мне увидеть человека, ставшего мне другом. Даже если придется силой убрать старикана с дороги. Хорошо бы, если бы вместо него, госпиталем правил кто-нибудь добрый и милый, кто мог бы помочь мне обследовать пострадавшего, а не препятствовать входу, но такой надежды, к сожалению, не было. Слишком хорошо я знала это место.

Рассказать бы обо всем Халку! Попросить бы его помочь. Ведь он, наверняка, гораздо лучше меня сумел бы оценить повреждения..... Но вот как-то каждый раз при мысли о том, что Халк позволял всему этому происходить на ранчо, в моей груди вставал ком и снова появлялся желчный привкус во рту. А в таком настроении лучше бы отложить разговор на потом.

Терзаемая противоречивыми эмоциями, но все же настроенная более чем решительно, я, наконец, предстала перед белой дверью изолятора. Глубоко вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоиться. Аккуратно постучала. Подождала. Ответа не последовало.

Подождав с полминуты, я постучала снова.

И снова никто не отозвался. Это показалось немного странным. Где же доктор? Ведь только что принесли пострадавшего. Он должен быть где-то рядом. А, может быть.... Неприятная мысль кольнула мозг. Может быть, он в морге? Но я не узнаю, пока не войду.

Попереминавшись с ноги на ногу, я осторожно нажала на ручку двери и вошла в пахнущую медикаментами «приемную».

Взгляд тут же наткнулся на белые занавески на окнах, стол с какими-то бумагами, кушетку, шкаф с пузырьками и висящие в углу халаты. И никого. Приемная к моему облегчению или разочарованию, оказалась совершенно пустой. Стул, отодвинутый от стола, одиноко поблескивал металлической спинкой.

Кроме тикающих на стене часов, было совершенно тихо. Чтобы не задерживаться на пороге и не привлекать ненужного внимания, я осторожно проскользнула внутрь и прикрыла за собой дверь.

Сделала несколько шагов вглубь помещения. Запах медикаментов стал, казалось, еще сильнее.

Где же доктор? И где Тед?

Продолжая прислушиваться (показалось или нет, что где-то глухо звучали мужские голоса?), я оглядела комнату — две двери вели из приемной в противоположных направлениях. Одна оказалась процедурной — светлой, но тесной комнатухой, с кушеткой и занавеской, позволяющей пациентам переодеться, а второй коридор я еще не успела проверить.

Мелькнула мысль, что где-то здесь должна находиться и Янка. Но я отбросила ее. Не время

проводывать Янку, нужно определить, куда отнесли Теда.

Проходя мимо стола, чтобы узнать, куда ведет второй дверной проем, я случайно бросила взгляд на лежащую сверху бумагу и застыла, как вкопанная.

«Свидетельство о смерти» — гласила первая строчка листа. Взяв документ трясущимися руками, я принялась быстро его читать.

«Я — доктор... такой-то.... уведомляю, что зарегистрировал смерть заключенного Тадеуса Ранжевского в четырнадцать часов... такого-то дня....»

Моей первой реакцией стало желание взвыть от отчаяния! Значит, Тед мертв! Значит, уже нечего проверять или пытаться ему помочь. Но не успела поддаться черной волне, как глаза, бегающие туда-сюда по строчкам, послали сигнал тревоги. Что-то не соответствовало. Что-то было не так. Я еще раз перечитала документ.

Да — имя Теда. Да, документ уже подписан и проштампован. И стоит дата и время. Два часа по полудню сегодняшнего дня.

Я медленно подняла глаза и посмотрела на часы. Они показывали час пятнадцать.

Еще нет двух!

Как мог доктор заранее подписать свидетельство о смерти пациента, который даже не был к нему доставлен?

В мои мозги будто насыпали песка, они никак не хотели работать, чтобы сложить два и два, получая в итоге то пять, то восемнадцать.

Как доктор мог узнать о смерти Теда, когда того еще не было в изоляторе? И опять де — еще даже нет двух часов! Что это тогда за бумага и зачем она вообще составлена наперед? Что происходит в этом странном месте? Я ведь видела охрану, бьющую Теда, видела его лежавшего в песке. Видела, как его вносили в изолятор. Куда его дели, и как доктор обо всем узнал, написал и подписал? Это что — сговор?

В этот момент я отчетливо услышала кашель.

Тот самый кашель, который я слышала в тот день, когда Тед стоял возле меня, передавая камни.

Жив! Значит, он жив!

Отложив бумагу, я бросилась в коридор. Осознав, что это не коридор вовсе, а довольно просторный холл, из которого ведет три двери, я на секунду остановилась, не зная, куда двигаться дальше. Но тут снова закашляли.

Ориентируясь по звуку, я толкнула одну из дверей и влетела в комнату.

А в комнате застала странную картину.

Во-первых, Тед — сидящего на кровати, вполне живого и даже довольного. Во-вторых, доктора, вытирающего ему раны ватным тампоном и что-то приговаривающего. И стоило этим двоим меня увидеть, как оба тут же застыли с выражением откровенной растерянности и паники на лицах.

— Тед! — Заверещала я. — Ты жив! Как здорово!

Я бросилась к нему и обняла. Тот крикнул от боли, но все же улыбнулся. Правда, все так же растерянно.

— Что ты здесь делаешь, Шерин? Как ты сюда попала?

— Что вы здесь делаете, девушка?! — Тем временем возмущился старикан. — Сейчас же уходите!

Не обращая внимания на доктора, я еще раз радостно оглядела побитое, но вполне живое лицо Теда.

— Я видела, как тебя били! А потом несли в изолятор. Я думала, что ты умер, но хотела.... надеялась, что смогу тебе помочь, что.... может быть, ты еще жив....

От радости я икала и запинаясь, почти тряслась от переполнявшего меня возбуждения. Черная волна схлынула, как будто ее никогда и не было, а на смену ей пришло счастливое ликование.

Он жив! Он жив! Он жив!

— Значит, с тобой все хорошо? Правда, Тед?

Заметив, что и он, и доктор молчат и как-то странно смотрят на меня, я осеклась. На их лицах до сих пор просматривалось странное выражение конфуза, растерянности и крайней озабоченности, смешанной... со страхом?

— В чем дело? — Настала моя очередь растеряться. — Я просто волновалась за тебя, Тед.... А еще этот документ на столе о твоей смерти.....

На этот раз мой друг и старикан-доктор обменялись долгим взглядом. Доктор заметно побледнел, а Тед, сглотнув, не очень внятно и после долгой паузы произнес.

— Плохо, что ты меня увидела.

Глава 12

— Значит, ты делаешь им сертификат о смерти, полностью меняешь документы и отправляешь обратно?

— А как еще я, по-твоему, могу их отправлять назад? — Спросил Халк, побалтывая в руке стакан с виски. — Не могу же я просто накручивать им тысячу на браслет и выпускать «с миром»? Тем более что частые смерти мне на руку, они позволяют создать подходящую репутацию для «правильного» оунера в Тали.

Разговор этот состоялся уже поздно вечером, когда Халк, наконец-то, смог оторваться от дел, а я, все еще изнывающая от нетерпения, но уже поужинавшая в одиночестве и выстроившая не менее тысячи предположений, дождалась его в кабинете.

— Получается, что в Тали умирает как бы один человек, а во внешний мир возвращается совсем другой? Другое имя, другая жизнь, другая судьба?

— Да. Я не могу их отправлять под своими именами. Потому что если приговор об осуждении выносила Комиссия, то человек не может просто так вернуться назад, без подтверждения, что отработал сколько-то лет в Тали, исправился, получил тысячу баллов, и теперь имеет еще один шанс начать жизнь в нормальном мире.

— Но ведь Комиссии это легко проверить. Документы новые, а лица те же....

— Плевал я на их проверки, Шерин — Раздраженно ответил Халк. — Должен же я делать хоть что-то для себя самого. А это единственная оставшаяся в моей жизни отдушина.

Рискованно.

Но я его понимала. Ой, как понимала. Ранчо было совершенно не тем местом, где можно было найти множество занятий «для души», поэтому каждое дело, приносившее хоть какую-то радость, ценилось дороже золота.

Логика Халка была ясна — отбирать тех, кому по-настоящему требовалась помощь и помогать им.

Но, конечно, так, чтобы другие не просто этого не видели, а еще и верили в совершенно другую легенду про «злого дядю оунера». И чтобы создать такую легенду, требовалась хорошая организация, жесткая рука и отличное знание людской психологии. Все это в избытке имелось в

списке качеств у сидящего напротив меня субъекта. Именно поэтому ему удалось выстроить непростую, но действенную схему, для вызволения людей из дыры под номером «33».

— Халк, а как ты отбираешь тех, кому помогать?

— Я проверяю их, Шерин. Каждого, что попадает ко мне на ранчо, я проверяю. Что за человек, какое прошлое, за что его осудили, слежу за поведением, анализирую, присматриваюсь.... Ведь здесь есть такие, кто попадают сюда «почти» несправедливо. Почему «почти»? Потому что да, они оступаются. Но не настолько, чтобы остаток жизни провести в Тали. Как, например, твой Тед. Его легкие нельзя вылечить без стационара, а у меня нет необходимого оборудования. Насколько ли он провинился, когда искал какие-то семена в закрытом природном заповеднике, чтобы умереть в Тали от чахотки? Я так не считаю. И действовать надо было быстро, он уже итак в плохом состоянии, в этом климате не протянет больше месяца....

Слова Халка текли легко и ровно, а я витала где-то далеко, думая о том, что еще совсем недавно, сидя на том же самом диване, я обвиняла Халка в жестокости по отношению к заключенным. Я думала о том, как злилась, когда не видела его вмешательств в избиения, как сетовала на невнимание к нуждам работников. А оказалось, что он не просто следил за каждым человеком, а еще и оценивал ситуацию каждого. Если провинился — значит, работай и будь наказан. А если уж судьба повернулась к тебе задом, то можно попробовать ее принудительно развернуть в обратном направлении.

Ну, так что ж с того, что имена приходилось менять? Зато, по словам Халка, каждый «подопечный» получал некоторую сумму денег на первое время и хорошую трудовую репутацию в той области, в которой хотел найти работу. А это уже очень и очень много.

И в конечном итоге Халк оказался почти копией меня самой — тем, кто не мог сквозь пальцы смотреть на незаслуженные страдания.

Пока я размышляла обо всем этом, Халк долго и задумчиво смотрел на меня.

— Неожиданно, правда? Не таким уж я оказался и зверем.

Я укоризненно посмотрела в ответ:

— Я никогда не думала о тебе, как о «звере».

— По-крайней мере, я сдержал слово, когда сказал, что буду отвечать на все твои вопросы и буду честным с тобой. И есть еще одна вещь, о которой я хотел бы поговорить....

Он замолчал. Посмотрел на сжатый в руке стакан с виски.

А внутри меня что-то нехорошо екнуло.

Почему-то я никогда не любила такие фразы, которые начинаются со слов «Нам нужно поговорить», «Давай будем честными...», «Пришла пора нам обсудить кое-что...» — все это никогда не сулило хорошего продолжения. И, казалось бы, ну чего мне бояться, а все равно я напряглась.

— О чем поговорить?

— О нас, Шерин.

Приехали.

Разговор точно поворачивался не туда, куда бы мне хотелось.

Встревоженная, я всмотрелась в знакомое и такое родное лицо, на которое все никак не могла налюбоваться с тех пор, как вновь обрела зрение. Эти светлые серые глаза, загорелая кожа, короткие, чуть выющиеся волосы, часто складывающиеся в усмешку красивые губы.... Я все никак не могла

привыкнуть к тому, насколько тренированным и сильным выглядел Халк, как натягивалась на его мощных плечах ткань рубашки, какими тесными казались далеко не узкие джинсы. Мне нравилось наблюдать, как отблескивала в распахнутом вороте, золотая цепочка-змейка. Так дерзко и сексуально.

Мне нравилось знать, что эти глаза — глаза убийцы-сенсора, могли быть такими ласковыми и теплыми, как в них плескалась забота и тайно искрилась любовь.

Ну, зачем, нам спрашивается, нужно говорить? И о чем? Ведь все и так хорошо, и не нужно ничего менять!

— Ты злишься, что я снова влезла туда, где меня не должно было быть? Мне не нужно было видеть Теда, да? Я забуду! Сотри все.....

— Нет, Шерин, не злюсь. Я все равно не собирался от тебя скрываться. Раньше или позже твой любопытный нос, так или иначе, выяснил бы детали.

Он улыбнулся, а у меня в груди нехорошо заныло. Внутренне сжавшись, я спросила:

— Тогда зачем нам говорить о нас?

Я, как полный трус, была готова дать стрекача, лишь бы не поднимать тему, которая меня отчаянно пугала.

— Потому что для этого пришло время. Я говорил тебе, что нам нужно будет кое-что обсудить, когда к тебе вернется зрение.

Верно. Говорил. Теперь меня совершенно не радовал тот факт, что оно вернулось.

— Халк.... Что-то не так? — Это был не тот вопрос, который было приятно задавать, но если уж все равно что-то собирается раскрыться, то лучше раньше, чем позже.

Теперь мужчина, сидящий напротив меня, молчал.

Побалтывал в стакане виски и смотрел в сторону.

И это было непривычно. Это было неправильно и плохо.

Пауза затягивалась. Снова на полную мощность затикали в тишине ненавистные часы.

— Что... Халк, говори!

Он повернулся и посмотрел мне в глаза, отчего во мне что-то сжалось. Столько в них было чего-то непонятного — болезненного и тоскливого.

— Я хочу, чтобы ты вернулась к себе.

Я удивленно застыла, пытаюсь осмыслить фразу, потом уточнила:

— К себе? В комнату? Ты хочешь, чтобы я ушла к себе?....

— Нет. Назад. В Клендон-Сити.

Громко тикнули часы. Затем еще раз. Пауза между секундами растянулась на короткие вечности.

— Что!?

— Да, Шерин. Я хочу, чтобы ты вернулась назад.

У меня внутри будто что-то обвалилось. Как в старом здании — рухнул пол и осел потолок.

Я часто думала о том, что когда-нибудь мне представится момент вернуться в Клендон-сити, к любимым делам и друзьям, к работе, к старым привычкам.... зажечь нормальной жизнью, И все эти мечты были пропитаны нетерпением и радостью, каждая минута предвкушения была сладка и притягательна, так желанна и далека.

И вот теперь она близка — эта минута. И никакой радости. Никакого энтузиазма. Только страх.

Страх, что я больше никогда не увижу этих серых глаз. И не надо мне никакого возвращения, никуда я не поеду ни за какие коврижки!

— Нет, Халк. Я не хочу. Мне очень хорошо здесь с тобой....

— Ты поедешь, Шерин. — Отрезал Халк, и по его лицу снова пробежала тень.

Так непривычно.... Будто рушится мир....

Я молчала. Стало холодно.

— Я много думал об этом. И пришел к одному выводу, что будет лучше, если ты вернешься назад.

— Для кого лучше!?? — Не выдержала и взорвалась я.

— Для тебя.

— Но я хочу быть с тобой!

— Ты будешь. — Он выпил содержимое стакана и чуть заметно поморщился. — Я придумаю, как выйти отсюда, и тогда буду с тобой. А пока я хочу, чтобы ты жила в нормальном мире, среди нормальных людей и занималась тем, чем любишь.

— Но Халк.... — Хоть мне и стало чуть легче дышать после того, как я поняла, что меня не бросают, но все равно грудь непривычно и тяжело давило со всех сторон. — Мы можем придумать вместе....

— Нет, Шерин. Я знал, что отправлю тебя назад еще тогда, когда мы даже не были близки. Это не тот мир, в котором тебе следует быть, мне будет спокойней, если ты окажешься дома. Ты сделаешь так, как я сказал. Это не обсуждается.

Я только открывала и закрывала рот, все еще неспособная оправиться от шока, что скоро не увижу его. На лице Халка теперь застыло жесткое выражение, напоминая о том, что передо мной сидит далеко не пушистый кот, а некто, способный принимать неадекватные — одному ему понятные решения.

Но зачем? Зачем отсылать меня? Какой в этом смысл?

Я вдруг поняла, что еще минута, и я впаду в истерику. И пусть это далеко не то состояние, в котором я часто пребываю, но волна сокрушительной силы уже полным ходом шла на меня. И я ничего не могла с этим сделать.

И вместо того, чтобы быть логичной, приводить веские аргументы и доводы, спорить до хрипа и стоять на своем — я просто бросилась с места к двери и, задыхаясь, вылетела в коридор.

Не надо видеть ему меня в таком состоянии. Какой ужас.... Какой бред.... Как все могло обернуться подобным разговором. Какой, к черту, Клэндон-сити? Почему сейчас!? Хотелось разреваться так сильно, чтобы задрожали и осыпались стены.

Я уже было рванулась вперед по коридору, когда сильные руки сжали меня и вволокли назад в кабинет.

— Не хочу! Не хочу назад! — Орала я, пытаюсь вырваться из стального захвата. — Ты меня не любишь, вот почему!...

Халк резко и даже грубо швырнул меня обратно на диван, и как только мой зад коснулся обивки, что-то резко полыхнуло белым в его глазах. Свет этот проник глубоко в мозг, заставил меня обмякнуть, но ровно настолько, чтобы я осталась в сидячем положении, повалившись на спинку дивана.

И хотя я не потеряла зрение, теперь я сидела молча, потому что любая способность двигаться, полностью пропала из моего тела, а сознание стало каким-то мягким и тягучим. Почти спокойным.

Однако спокойствие это было ложным, какие-то образом я знала, что это всего лишь внешнее воздействие, а на деле, в центре головы продолжает бушевать эмоциональный пожар.

Халк же теперь стоял напротив меня, напряженный, и тяжело дышал. Будто это не я, а он только что подвергся воздействию со стороны. Глаза его все еще чуть заметно светились белым, и зрелище это было воистину завораживающим. Широкая грудь вздымалась и опускалась, подбородок был низко опущен. Халк исподлобья смотрел прямо на меня, жестко и молча.

Еще раз осознав, что больше совершенно не могу ни двигаться, ни говорить, я сникла.

Как-то сдалась. Поняла, что проиграла.

Что бы он там ни решил, теперь уже невозможно изменить. Не хочет он меня видеть, значит, я уеду.

Если ему по душе такие способы убеждения, когда я даже слова в свою защиту вставить не могу, значит, пусть разговаривает с куском желе, которое не может ни кивнуть, ни пискнуть.

Впервые в жизни, я действительно глубоко на него обиделась. Сильно и плохо. Просто за то, что мне не дали право на равных участвовать в диалоге.

И теперь, мне, если честно, было все равно, что именно он собирался сказать.

Единственное, что в моем теле двигалось — это глаза, и, воспользовавшись этим преимуществом, я отвела взгляд в сторону, чтобы не видеть лица, которое было мне болезненно дорого.

— Посмотри на меня. — Сказал он тихо, но очень властно.

Я перевела взгляд назад, надеясь, что он выражает достаточно презрения, заодно пытаюсь понять, способна ли я в таком состоянии разразиться слезами, как мне того очень хотелось.

— Сегодня ночью от склада отойдет грузовик с урожаем, который я экспортирую из Тали во внешний мир. Поедут бочки с ягодами. И ты. С тобой будет сумка, в которой будут все твои вещи, плюс кредитная карта, на которую я ежемесячно буду переводить определенную сумму, чтобы ты ни в чем не нуждалась, если вдруг решишь не работать.

Если бы я могла выплюнуть ему в ответ все, что думаю, то это звучало бы примерно следующим образом: «Ты, чертов засранец, засунь себе эту кредитку куда подальше! Не хочешь меня видеть, ну и не надо мне твоих подачек! Не дал ни слова сказать, ни попрощаться ни с кем!»

Но, естественно, я промолчала, а как же еще....

Халк тоже помолчал. Как бы зла на него я ни была, а все же я не могла не заметить, как тяжело ему давался этот монолог. Будто преодолевая внутреннюю боль, он продолжил:

— Документы у тебя поменяны не будут, имя останется тем же, потому что у Комиссии нет на тебя данных, ты попала в Тали по изначально ложным документам. Поэтому ты просто исчезнешь отсюда, как будто никогда здесь не появлялась.

Если бы я могла, я бы отвернулась.

Не появлялась, как же! И не встречала Халка, не проводила с ним ночи, не знала и ни радовалась, что нашла свою настоящую вторую половину....

И не выдержав, я послала Халку взгляд, который вопрошал «Ну, зачем так? Ты же знаешь, что ты — мой мужчина. Зачем делать все именно так?»

И, к моему удивлению, Халк понял абсолютно все, что я пыталась ему сказать (сенсор, как же! А я ведь почти забыла), сделал шаг ко мне, опустился на колени и долго, очень долго смотрел мне в глаза, прежде чем сказать.

— Прости меня за такой метод. Хотел бы я провести с тобой еще одну ночь, дать нам возможность

попрощаться, еще один раз позволить себе насладиться каждым сантиметром твоей кожи, держать тебя на коленях до утра, но я не смог бы, Шерин.... Не смог бы дать тебе потом уйти.

Я не смотрела в его глаза.

Я смотрела туда, где ветер шевелил занавески, долетая в ночи от теплых красных гор, а моим щекам катились слезы. Значит, эта способность все-таки не отключилась. Видит Бог, не хотела плакать.

Ведь злость или гнев пережить куда легче, чем проявление теплых чувств, и я почти ненавидела Халка за то, что он не позволил мне уйти в неведении, не позволил уйти с мыслью, что меня просто выкинули. Это со временем можно было бы пережить. А забыть того, кто любил меня больше жизни, было невозможно.

А я видела, что Халк любил. Любил меня больше, чем что-либо другое. И именно поэтому хотел, чтобы я уехала. Может быть, я и не хотела понимать мотивы его действий, но, к сожалению, я понимала.

— Я приеду туда, где ты будешь. — Тихо прозвучал его голос. — Я дам тебе ту жизнь, которую всегда хотел дать. Я — твой мужчина и я всегда буду рядом.

Не удержавшись, я посмотрела на него и утонула. Утонула в свете единственных глаз, которые когда-либо хотела видеть рядом. И я любила так сильно, что было больно, я хотела обнять, держать, потеряться в нем....

Но Халк был прав. Я бы никогда и ни за что не смогла сама оторваться от него. А, значит, могла ли я судить его за то, что он обездвигил и обезмолвил меня?

Нет. В который раз он был прав.

Такой сильный, красивый, родной и такой близкий.... Пока.... Я любила и ненавидела. Себя и свою любовь, за то, что она ранила. За то, что она разделяла, за то, что она не могла мне сейчас помочь. А глаза напротив все гипнотизировали светом.

— Никогда, никогда больше не говори, что я не люблю тебя, Шерин. Видит Бог, я не знал, что способен чувствовать то, что чувствую. И если понадобится, я заставлю тебя забыть обо всем на свете, кроме того, что я тебя люблю.

И он поцеловал меня.

И этой был самый долгий и самый нежный поцелуй, который я когда-либо впоследствии хранила моя память.

После чего легкий взмах руки погрузил меня в темноту.

Клэндон-сити. Возвращение.

На лицо падали капли дождя, вокруг висела серая морось.

Деревья стояли еще зелеными, ведь август лишь недавно сменил жаркий знойный июль, и уже совсем скоро листья сменят одеяние на нечто оранжево-золотистое. Да, уже скоро. Но еще не сейчас. А пока дождь.

Такой желанный и такой же непривычный. Как и мир вокруг.

Капли стекали по лицу и по легкому плащу, стучали по асфальту и тонули в разлившихся лужах.

Где-то на углу играла музыка, выбрасывали мириады брызг колеса проезжавших по дороге машин, а я едва замечала все это, неотрывно глядя на яркий мерцающий экран, показывающий вот уже в который раз рекламу «Dreams Ltd.»

«Мы исполним любое ваше самое сокровенное желание» — Беспреданно крутились и повторялись

сладкие призывы для тех, кто хотел (в лучшую или худшую сторону — теперь это был весьма спорный вопрос) поменять свою жизнь. «Всего лишь возьмите трубку и наберите номер, остальное мы сделаем за вас....»

Да уж. Сделают. Не сомневаюсь.

Казалось, за последний час, я просмотрела эту рекламу в тысячный раз. Она будто гипнотизировала меня, погружая в отстраненное спокойствие, которое напоминало о чем-то знакомом, почти родном, но в то же время теперь очень далеком.

Начинало вечереть, и низко висящие облака погружали серый город в еще более глубокую тьму — каких-то тридцать-сорок минут, и зажгутся фонари. Мокрые витрины переливались разноцветными огоньками и пестрели зазывными неоновыми знаками, извещающими о громадных скидках, вокруг ходили люди — улыбающиеся, свободные, в магазин, из магазина, домой.... Такие нормальные люди, совершенно нормальный мир....

И нет больше на руке привычной тяжести браслета, нет жары и красных гор на горизонте.

Я медленно перевела взгляд на дорогу и пролетающие серебристые, черные, синие, желтые, белые... какого угодно цвета (здесь люди могли себе позволить быть чрезмерно притязательными к оттенкам) салоны машин. В каждом из них такие же нормальные свободные люди ехали по своим делам, занимались бизнесом, отдыхали, расслаблялись, думали о проблемах, жили, искали выходы из сложившихся ситуаций, думали о встрече с друзьями этим вечером или, может быть, следующим. Думали о том, что приготовить на ужин и что надеть на работу завтра утром, что скажет их любимая или любимый, если вдруг кто-то забудет о годовщине, думали о том, какие звонки еще нужно сделать или что посмотреть по телевизору, примостив уставший торс на мягком диване в гостиной....

И, казалось бы, что может быть нормальнее, чем дождь ранней осенью, проезжающие машины, загорающиеся огни большого города? Вот только нормальность эта стала для меня какой-то чужой. Вот так вот вдруг и неожиданно.

Я не замечала тех, кто проходил мимо, и едва ли слушала их речь.

Стоя совсем даже недалеко от дома, и все никак не могла заставить себя сдвинуться с места.

Куда идти? Зачем? Почему я вообще зову эту квартиру домом? И как вообще случилось так, что я когда-то привыкла к этому городу, к этому месту? Почему я никак не могу втиснуться в пространство, которое не пахнет жарой и не пропитано пылью с цветущих полей?

Весь этот мир, который теперь окружал меня, был большим и свободным — почти необъятным по величине, но я странным образом вот уже третий день не могла найти в нем себе места. Можно было ходить пешком, ездить на такси, на поездах, говорить с кем хочешь, делать любые покупки, заниматься всем, чем душе угодно, а вместо этого я ощущала себя чужаком. Непонятно откуда взявшимся и непонятно куда направляющимся.

Абсолютно упавшим духом и потерянным.

И что-то во всем этом было неправильно.

Может быть, еще три месяца назад, я была бы рада стоять на этом углу и думать о том, какие булочки купить на завтрак, думать о растущих продажах и расширении магазина, думать о том, что еще можно было сделать, чтобы помочь Алексу вернуться....

А теперь мне было плевать на Алекса.

И почему-то на магазин. И на этот город. И на всех тех, кто ходил мимо. Мое сердце взывало и проваливалось куда-то вниз каждый раз, когда я думала о том и тех, кто остался там, откуда мне когда-то так хотелось вернуться.

Жизнь странная штука. Ироничная.

Так или иначе, но она всегда предоставит тебе все, о чем ты когда-либо мечтал, вот только время для этого выберет весьма специфическое. И чаще всего тогда, когда тебе меньше всего будет хотеться получить желаемое.

И почему, почему все работает именно так?

Как же неожиданно все повернулось. И до нелепого быстро.

Один взмах руки, одно решение, одно слово, и закрытый фургон грузовика уже мчит тебя сквозь ночь в неизвестном направлении, на нежеланную и непрошенную так скоро свободу. И свободу от кого? От того, кого любил больше всего на свете? Свободу от собственного счастья? От того места, где по иронии судьбы хотел остаться?

Неужели, Халк, ты думал, что я буду танцевать от радости, стоя одна на этих мокрых улицах?

Танцевать от того, что ветер свободы обдувает распухшее от слез лицо? Неужели думал, что ставшие вдруг доступными и деньги и развлечения скрасят возникшую в груди пустоту?

Кажется, что самая глубокая расселина, находящаяся к востоку от Клэндон-сити, была куда меньше по величине, чем та пропасть — одинокая и тоскливая, что насильно изменила и покалечила мой внутренний ландшафт. И вместо того, чтобы зарастать бурьяном новых надежд и покрываться цветами несмелой радости, пропасть эта, казалось, лишь ширилась день ото дня.

«Неужели, Халк, ты действительно верил, что это хороший вариант? Неужели не мог подождать?

Придумать чего-нибудь другого? Посоветоваться, в конце концов....»

Но Халк не слышал. Ни моих слов, ни мыслей. Он был где-то там... далеко. В белом каменном особняке, среди полей, в комнате, где ветер колышет прозрачную занавеску. Где стоит теперь пустой диван, напротив кресла, в котором так любит по вечерам отдыхать его хозяин.

Тяжело покачав головой, я вытерла холодное от капель лицо и поняла, что полностью продрогла.

Почти не глядя по сторонам, добрела до дома, вошла в вестибюль, поднялась на лифте до пятого этажа, щелкнула ключом в дверном замке, как делала много раз, и вошла в тихую прихожую.

Ни звука, ни движения, ничего.

Только стук капель по стеклу.

Стянув с себя мокрый плащ, я повесила его в коридоре и прошла в гостиную. Диван, стол, камин, над которым все так же стоит на полке фарфоровый заяц и покрытая виноградными ягодами, хрустальная ваза.

Ничего не ощущая, я подошла к камину, взяла с полки черно-белую фотографию Алекса в рамке и выкинула ее в мусорное ведро. Хватит ей там стоять. Не мое это лицо, не в моей жизни этой фотографии больше находиться.

В полном опустошении, села на диван и поняла, что ни одной фотографии Халка у меня нет. Только память и все, что в ней осталось. Его лицо, его смех, запах, руки, прикосновения, слова....

Хоть в Городах и не существовало времени в привычном смысле этого слова, я все же вдруг начала ощущать себя старше. Точнее старой. Какой-то пустой, одинокой и странно постаревшей от всего того, что произошло со мной за последние три месяца.

Всего три месяца назад я горевала о так жестоко обманувшем меня Алексе, который, как оказалось, яйца выеденного не стоил, а как только оказалась в тюрьме, то нашла того, кого действительно всем сердцем полюбила. Ну не ирония ли?

Почему-то невзначай вспомнился циферблат браслета. Сколько баллов на нем было, когда его сняли с меня перед тем, как посадить в кузов? Ведь я даже не посмотрела. Я вообще отвыкла на него смотреть, с тех пор, как Халк превратился из владельца ранчо во владельца моим сердцем. Да теперь и не важно, сколько там было баллов. Не мне их было набирать за все то, чего я никогда не совершала.

У порога так и стояла не разобранный сумка с моими нехитрыми и немногочисленными пожитками, привезенными из Тали. Парой футболок, джинсами, мешочком с камнями, да несколькими парами нижнего белья. Сжечь что ли все это тряпье, чтобы не напоминало?

Мысли бродили в моей голове медленно, пугая своей тяжестью и мрачностью. Как только уходило одно воспоминание, на его месте тут же появлялось другое, напоминая о том, что и это теперь уже лишь часть истории, и больше не зовется моим «настоящим».

Почему-то я подумала о том, что вот уже как три месяца находился на свободе тот самый Кристофер Ларош, которому мне когда-то было велено передать злосчастную посылку. Где он? Как живет теперь? Доволен ли, что когда-то купил себе свободу?

Наверное, да. А вот я....

Кое-как утырав себя в холодную постель, я принялась думать о том, что что-то нужно делать. Что я просто не могу больше жить прежней жизнью. И какая разница «почему так случилось» и кто за это ответственен. Но не выйдет у меня просто взять претвориться, что я — выигравший в лотерею узник, получивший один шанс на миллион досрочно выйти на свободу, и оттого сияющий непомерным счастьем. Не выйдет. Нет. Как ни крути, а не выйдет. Даже если я выиграла этот пресловутый шанс....

А, значит, придется что-то придумать.

Перед тем, как окончательно провалиться в сон, я думала о том, что так и не нашла времени сходить в собственный магазин, куда по логике должна была заглянуть сразу после «приезда» и о том, что где-то здесь на свободе ходят друзья Халка — Дэлл, которому дали нож и еще тот страшный, который всех преследует. А еще где-то здесь находится и дом самого Халка, и я думала о том, что я почему-то так ни разу не удосужилась спросить адреса. Да, кто же знал, что свобода находилась на расстоянии всего одного дня? Многое другое, я, наверное, тогда спросила бы, если бы знала. Как-то подготовилась бы. Если не физически, то хотя бы морально. Да что сейчас об этом. Толку-то....

Так, блуждая в лабиринтах измученного сознания, под тихую барабанную дробь дождя, я провалилась в сон.

Халк чувствовал, что устал.

И дело было не в том, что дел было невпроворот, и не в том, что пришлось инструктировать нового начальника стражи, как обходиться с бунтарями (партия новых беспокойных заключенных поступила на ранчо всего день назад), и даже не в том, что до поздней ночи он провел в клубе, бесчисленное множество раз обдирая в покер местных толстосумов. Какой смысл в деньгах, которых итак накопилось столько, что хватило бы на три жизни? Деньги в этом городе ничего не стоили. А место, где их можно было бы потратить, все еще находилось за чертой, которую он не мог пересечь,

как ни старался.

Халк устал от Тали. Как-то внезапно и насовсем.

Все здесь стало не так. Воздух слишком жарким, ветер душным, кабинет опостылым, спальня холодной, а особняк пустым.

Почему тогда, еще несколько дней назад, казалось таким правильным отправить ее назад? Почему отчаянно хотелось подарить Шерин свободу, дать ей шанс дожидаться его возвращения за чертой, имея возможность жить по-человечески? А теперь он, словно зеленый мальчишка, волновался, по поводу и без. Ведь там, без него, с ней могло случиться что-то плохое, а его не будет рядом. И ведь не передать заботу о ней кому-то другому, не попросить друзей присмотреть за Шерин. Сплошные запреты и ловушки. Черт бы подрал этого Дрейка!

Если раньше Халк еще как-то мирился с положением, прятал злость внутри, старался дожидаться, пока Комиссия сама решит отменить наказание, то теперь не мог сидеть без движения ни минуты. Теперь все стало не так.

Тренированный боец из спецотряда уперся кулаком в косяк рядом с балконной дверью, опустил голову и застыл, чувствуя, как сухой жаркий ветер проникает под воротник рубашки.

Устал. Надоело. Нестерпимо надоело быть чертовым узником в чертовой дыре.

Теперь все не так, потому что он нашел свою вторую половину, с которой теперь на неопределенное время разделен.

Где-то внутри усиливалась неконтролируемая злость. А это было опасным. Нужно постараться сохранять спокойствие, иначе слишком легко наломать дров.

Халк сдержанно, но яростно ударил кулаком по косяку.

Он был всем. Имел все, что хотел. Чувствовал себя сильным и уверенным. Знал, как найти выход из любой ситуации, а теперь стоял здесь, запертый, если не в четырех стенах, так в нескольких сотнях километрах, в месте, не обозначенном ни на одной карте, не способный вернуться в нормальный мир, чтобы заниматься тем, чем любил и жить с той, без которой теперь едва дышал.

Он медленно оттолкнулся от стены, подошел к бару, плеснул в стакан виски и сел в до боли надоевшее кресло.

Халк все еще утешал себя мыслью, что ей лучше там, на свободе, где она может заниматься любимыми делами, смеяться с подружками, сидеть в кафе, ходить за покупками. Он мог и обеспечить ей безбедное будущее, снабдив кредитной картой, на которую теперь собирался ежемесячно перечислять достаточно, чтобы Шерин ни в чем себе не отказывала. Но ведь он знал эту кудрявую бестию.... Знал достаточно хорошо, чтобы понять, что та, несмотря ни на какие богатства мира будет страдать, и будет ждать его. А еще и попытается что-нибудь предпринять. Вот уж где непоседливый упертый характер. Но ведь за то и полюбил.

Его серые, полуприкрытые глаза неподвижно застыли, глядя куда-то за горизонт, в то время как мозг лихорадочно перебирал варианты изменения сложившейся ситуации.

Как позвонить? Как связаться с нужными людьми? Все линии из Тали надежно перекрыты. Интернет тоже. Не связаться ни с ребятами, ни с Комиссией. Да даже если и свяжешься..... Дрейк не шит из плюша и ватой не набит. Разговор, скорее всего, будет коротким и неприятным.

Бежать? Перебить к черту всю охрану и пробиться в мир? А там снова драться?

Халк жестко усмехнулся, осознав, что давно уже не прочь бы был размять руки. Но долго ли он

проходит на свободе, пока опять же не появится Дрейк? А Комиссию не побороть. Даже если уложить одного — смертельный исход гарантирован. Такое не прощают никому, об этом Халк знал наверняка.

Выехать тайно на своем грузовике, чтобы хотя бы удостовериться, что с Шерин все в порядке? Риск этот тоже может привести к еще более жестокому заточению, если о вылазке станет известно.

Халк сделал большой глоток, поставил стакан на стол и устало потер лоб.

Пока выходов не видно, но какой-то все же придется найти.

Он просто физически не способен будет сидеть сложа руки, вдали от Шерин, волнуясь о ее безопасности. Да, Клэндон-сити спокойный город, подходящий для отдыха и для бизнеса, почти «нормальный». Вот только Халк знал, что нормальных городов на Уровнях нет. Они все чем-то опасны. Ведь не зря Комиссии был нужен отряд специального назначения, члены которого, как никто другой были знакомы со скрытыми опасностями, которых на самом деле было ох, как много! Больше всего Халка напрягало то, что потраченное на размышления время не окупалось достойными рассмотрения идеями. Он отметал один вариант за другим, потому что все они подвергали опасности то единственное, чем Халку ну никак не хотелось рисковать — его возможностью быть с Шерин. Он нужен ей живой и здоровый, а, значит, придется на какое-то время обуздать нрав и поработать головой. Что ж.... Тоже не в первой. Но как изматывающее тратить время впустую....

Чертова Комиссия! Чертов Тали!

Дойдя до бара, чтобы плеснуть в стакан новую порцию виски, Халк смачно выругался в адрес Дрейка, надеясь, что тот, каким-нибудь непостижимым образом, все же найдет способ его услышать. — Как здорово! Поверить не могу, что ты, наконец, здесь!

Сдержанная обычно Линда вот уже почти полчаса висела на моей шее. Она светила радостью и облегчением. В комнате для персонала, что располагалась по коридору от торгового зала, на покрытом яркой клетчатой скатертью столе, стоял свежесваренный чай и печенье трех видов. Обрадовавшиеся моему неожиданному возвращению девочки уже успели сбегать в ближайший супермаркет, чтобы разнообразными сладостями отпраздновать мое возвращение.

— Как ты загорела! Надо же! — Тарахтела мой заместитель. — А у нас здесь все в порядке. Хотя мы и не знали, насколько ты решила взять незапланированный отпуск, но я сразу после твоего отъезда настроила всех работниц на нужный лад, и мы делали, что могли, чтобы магазин процветал. А тебе давно нужен был отдых, я сколько раз говорила, так что молодец, что, наконец, послушалась меня! А то ведь только вспомни, сколько ты переживала, бедняжка... — Линда вовремя встрепенулась и отступила, стараясь не задеть тему про Алекса, думая, что она по-прежнему болезненна для меня. — И, Шерин, мы как никогда превзошли сами себя, теперь у нас заказывает одежду сам Жак Лоран, а Дивье сделал скидку еще на десять процентов....

Она все говорила и говорила и говорила. Я могла ее понять. Три месяца моего отсутствия заставили Линду стать ответственнее и предприимчивее, заставили начать изобретать свои идеи и делать смелые шаги на поле организации и управления, и я должна была признать, что она отлично справилась. И теперь, конечно же, спешила как можно скорее поделиться со мной каждой значительной и незначительной деталью своего (по ее мнению «нашего») успеха.

— Все бумаги, вся бухгалтерия, все налоги — все чисто и как по часам. Я наняла новую сотрудницу полтора месяца назад, ты, конечно, сама решишь, оставлять ее или нет, но, мне кажется, что она

отлично управляется с нашими бумагами....

Я едва успевала вставить слово. И не слишком волновалась, если не успевала. Пока Линда вываливала на меня детали продаж и заказов за последние месяцы, я молча жевала печенье с земляничным вкусом и мысленно задавалась вопросом — понравилось ли бы оно Халку? Наверное, понравилось бы. А, может, он любил шоколадное? Жаль, что я так мало успела о нем узнать.... Поток слов неожиданно прервался, и я осознала, что мне задали вопрос, смысл которого полностью от меня ускользнул.

— Что?

Линда мягко улыбнулась.

— Ты еще не пришла в себя после поездки, да? Это нормально. Скоро уже оклемаешься и вольешься обратно, я тебя знаю. Я спросила, что за украшение ты носила, что на запястье осталась такая белая незагорелая полоска?

Я перестала жевать печенье и медленно перевела взгляд на руку, где все это время, под палящим солнцем Тали, на руке был плотно закреплен браслет.

— Да была одна безделушка. Браслет. Наверное, дома сейчас лежит. Широкий такой, с бусинами.... — Не моргнув глазом, соврала я.

— А что это было за место, где ты так долго нежилась под солнцем?

Обычный, казалось бы, вопрос, но видит Бог, как сильно мне не хотелось на него отвечать. Вздохнув, я приступить к изобретению горного хребта из лжи.

Покинуть магазин удалось лишь спустя почти два часа, когда поток вопросов от моих сотрудниц, наконец, начал иссякать, а на меня были вылиты литры деталей о хитросплетениях и интригах между девочками, их просьбы и пожелания к дальнейшей работе. Когда все было улажено, мы еще какое-то время посидели с Линдой над бумагами. Приходилось прикладывать титанические усилия, чтобы не отвлекаться от темы разговора и оставаться сконцентрированной на магазине, но мне это как-то удалось. Договорившись, что Линда еще побудет у руля неделю-другую, пока я «прихожу в порядок» и вливаюсь в прежнюю жизнь, я, наконец, смогла покинуть здание и выйти на улицу.

Час дня. День только начался.

Свернув в ближайшее кафе, я купила упакованный в треугольную картонную коробку сэндвич с ветчиной и сыром, а затем направилась в раскинувшийся неподалеку от центра города парк, чтобы посидеть на лавке и обдумать, что делать дальше.

Уединившись на одной из аллей, я развернула упаковку и принялась монотонно жевать хлеб, глядя на прогуливающих. В отличие от парка в Тали, здесь люди загорали на расстеленных прямо на траве одеялах, смеялись, что-то жевали, читали газеты, громко перекидывались комментариями и вообще — вели себя исключительно расслабленно.

Скользя по ним рассеянным взглядом, я продолжала утопать в собственных мыслях.

Перед тем, как отправиться в магазин, я успела разобрать сумку, стоящую у порога — разложила вещи в шкаф, убрала камни, наткнулась на кредитку, подложенную между моих футболок Халком, проверила баланс и узнала, что являюсь обладателем пятидесяти тысяч на счете, который мой любимый клятвенно заверил пополнять каждый месяц. Об этом гласила приложенная к кредитке записка.

Я откусила очередной кусок, пожевала его, проглотила и вздохнула.

Обо всем он подумал. И пятьдесят тысяч в месяц — это много. Очень много. Я могла бы менять машины каждую неделю, могла бы бросить магазин и путешествовать, или же скупать золото в таких объемах, что обвешавшись им, стала бы напоминать мумию. Или, скопив сумму за пару-тройку месяцев, могла бы приобрести дом на море, где-нибудь на островах. Только нужно ли мне было это все?

Как много вообще нужно одинокому человеку? Не много. Мир, ведь, он не снаружи. Мир — это то, что есть в голове, внутри. А внутри меня было лишь осознание, что Халк там, а я здесь.

Я снова вздохнула, пытаюсь заставить атрофировавшиеся от отчаяния мозги работать.

Что же делать? Что же мне вообще теперь делать? Сидеть и ждать, пока однажды на пороге объявится Халк, и мы будем жить «долго и счастливо»? А что, если это произойдет через месяц или через год? Или десять лет? Я, конечно, не сомневалась, что буду любить его так же сильно, но вот только я сомневалась, что смогу не сойти с ума от одиночества и ожидания, находясь в пустой квартире и постоянно глядя на дверь.

Поэтому бездействие отпадало.

Тогда что?

И «что» мне нужно делать, я поняла уже тем же вечером, совершенно неожиданно, глядя на ту же самую неоновую вывеску «Dreams Ltd.»

И как же я сразу не додумалась? Конечно! Ведь это может быть выходом, если все получится, если все делать аккуратно и правильно. Почему же я не подумала о той же Корпорации «Исполнение желаний», как только увидела ее вывеску сразу после прибытия в Клэндон-сити?

В квартиру я вернулась около часа назад, на улице снова моросил дождь. Темнело.

Стараясь унять дрожащие от волнения руки, я принялась лихорадочно размышлять.

Неужели где-то на выходе из темного тоннеля, наконец-то, забрезжил свет? Неужели эта та самая надежда, на возникновение которой я так надеялась?

Я кругами ходила взад-вперед по гостиной, все еще неспособная поверить, что уже скоро начну действовать, но в воздухе с силой неотвратимого шторма запахло переменами.

Так-так-так. Нужно только сосредоточиться. Нужно обо всем подумать. И куда только меня опять несет? Не наделать бы делов....

«Успокойся, Шерин! Бога ради, просто для начала успокойся!»

Я силой усадила себя на диван, сцепила пальцы и застыла, задумавшись.

Все верно. К друзьям Халка за помощью я обратиться не могу. Так говорил и сам Халк. Ведь это поставит их всех под удар, если только они решат предпринять какие-то действия для его высвобождения. Значит, эту идею с самого начала пришлось откинуть.

Но ведь если есть деньги...., и есть та самая пресловутая Корпорация.....

«Думай-думай-думай, Шерин!»

Я принялась вспоминать все, что когда-то рассказал мне в Тали Кристофер Ларош. Что же именно он говорил тогда, когда получил долгожданную посылку? Не ошибиться бы....

«Я заплатил им за браслет, и они прислали мне его...»

Ведь именно! Он заплатил заранее! И поэтому не получил от них никакого «наказания». А отсюда следует, что в Корпорацию можно прийти и сразу заплатить за то, что хочется получить. А ведь это настоящее «Бинго!», и это в корне меняло дело.

Наверное, было бы логично бояться даже этого словосочетания, которое звалось «Dreamd Ltd,» и которое три месяца назад отправило меня к черту на кулички, но я почему-то не боялась. Да, определенный дискомфорт, признаюсь, был, но страха не было. Я ведь знала, что действовали они исключительно в соответствии с моим желанием и своими принципами, а не просто какой-то тролль по непонятной причине решил закинуть меня в «зазеркалье».

Все это время я мысленно обходила «Dreams» стороной только потому, что боялась наложенного, в ответ на собственную просьбу, должностного обязательства, которое однажды, за получение мной четырехсот пятидесяти тысяч уже едва не обернулось катастрофой. Но теперь, зная то, что я знала, ситуация могла поменять угол в нужную сторону.

Если теоретически представить, что у меня есть достаточная сумма денег, то я могу позвонить им и попросить вытащить Халка из Тали. Да-да! Позвонить и сказать «Дорогая Корпорация — у меня есть одно желание. И есть деньги. Сколько?»

Я поверить не могла, что все могло оказаться так просто.

Подскочив с дивана, я подбежала к окну и принялась переминаясь с ноги на ногу, глядя на проезжающие по мокрой мостовой машины.

Сколько у меня есть?

Пятьдесят тысяч дал Халк. В следующем месяце будет еще пятьдесят, но ждать не хочется. Долго. Линда говорила, что дела в мое отсутствие шли хорошо, а значит, должно получиться вытащить из оборота еще, может быть, тысяч сто. Это — всего сто пятьдесят.

Я глубоко вдохнула и выдохнула.

Маловато.

Ларош за браслет платил миллион.

А может, попросить денег у друзей Халка? Они ведь наверняка не откажутся помочь? Им ведь всем хорошо платили, наверняка, они — ребята не нищие?

Едва только обрадовавшись, я тут же снова помрачнела.

Отказать-то они, может, и не откажут. Даже если я каким-то хитрым образом смогу их найти. Вот только это означает, что они узнают то, чего знать не должны. И снова риск для них и для Халка. Черт!...

Придется как-то самой.

Эмоции сменяли друг друга со скоростью волн разбушевавшегося моря. На смену дикой радости приходило волнение, надежду перекрывала тревога, но следом снова пробивалась радость, разгоняя серые тучи. Все равно я что-нибудь придумаю! Я ведь знаю, что все получится. И плевать как....

Получится и все тут!

Оторвавшись от окна, я прошлепала на кухню, чтобы вскипятить чайник. Голова работала так интенсивно, что, казалось, еще чуть-чуть, и она лопнет словно перегревшийся на солнце арбуз.

Ничего. Иногда не вредно. Пусть мозги поработают....

Итак, где же взять деньги?

И сколько именно мне нужно?

Может, позвонить в Корпорацию и спросить, сколько они хотят за такое? Но будут ли они отвечать на мои вопросы по телефону или же опять придется туда ехать? Скорее всего, второе. Они вообще по телефону говорить не любят. А значит, более-менее приличная сумма должна быть у меня на руках

до того, как я буду звонить, а потом уже, соответственно, и ехать туда.

А какая сумма в моем (или их) понимании может являться приличной?

Никак не меньше миллиона. Если уж Ларош платил за свободу миллион, то освобождение Халка мне точно встанет в не меньшую «копейку».

Черт....

Миллион!

Уделаться можно!

Где же его взять?

Всыпав в кипяток растворимый кофе, я несколько раз звякнула ложкой, размешивая, но, не сделав и глотка, отодвинула кружку в сторону. Села на стул. Потерла лоб.

Если скапливать все посланные Халком деньги, то уйдет двадцать месяцев, прежде чем скопится миллион. Не пойдет. Надо раньше. Да и окажется ли этого достаточно? Так что совсем отпадает....

Думай, Шерин, думай.

Всегда есть решение. Всегда. Нужно его просто увидеть.

Как люди вообще делают деньги? Я принялась напряженно мозговать. Зарабатывают (отпадает), занимают (отпадает), крадут (отпадает), продают что-нибудь....

И тут меня осенило.

Я медленно поднялась со стула, окончательно забыв про кофе.

Ну, конечно!

А ведь у меня есть кое-что, что можно попробовать продать. И, возможно, — робко пропел внутренний голос, — возможно, я ошибаюсь, и «это самое» не имеет никакой ценности, но ведь попытка не пытка. А что если все-таки имеет?

Осталось лишь как-то дотерпеть до утра, чтобы это выяснить.

Я медленно села обратно на стул, и, наконец, чувствуя внутреннее волнение и облегчение, сделала глоток кофе.

Немолодой мужчина с пышными усами и выющимися волосами, которые спадали на воротник темного опрятного пиджака, вот уже минут тридцать, как разглядывал мои камни, используя то увеличительное стекло, то какой-то прибор, наподобие микроскопа. Он включил столько ламп, что хватило бы на освещение небольшого стадиона, и от этого в помещении быстро становилось по-настоящему жарко.

Я начала уставать. Ну, сколько можно разглядывать мои самоцветы? Хоть бы слово сказал, хоть бы какую реакцию проявил, а то ведь только губами причмокивает, хмурится, потом что-то удивленно бормочет, и снова принимается заглядывать куда-то вглубь каждого камня. Что он ищет там так долго?

Я не стала особенно придирчиво выбирать ювелира, просто нашла в желтых страницах какую-то фирму, вызвавшую наибольшее уважение за хорошее название и находящуюся в престижном районе города, после чего сразу направилась туда.

А теперь я мерила шагами комнату, за прилавком которой, этот дядечка так скрупулезно и безмолвно что-то изучал и взвешивал. Стол его был завален книгами и бумагами, да еще какими-то инструментами — Бог их разбери, этих мастеров, что и для чего они тут используют. Да мне было это и не особенно важно. Куда важнее был результат, которого я надеялась в скором времени

дождаться.

Так купит или нет? И почему?

Стараясь не выказывать нетерпения или раздражения, я сняла пиджак и положила его рядом с сумочкой на стул, после чего снова принялась изучать витрины, на которых были выставлены цепочки, кольца, браслеты и всевозможные подвески. Но, насколько я поняла, это были стенды, не вошедшие в главный выставочный зал, где происходили основные продажи, а вещи за стеклами пылились не то в запасе, не то только готовясь предстать на обозрение покупателей позже.

Одна из витрин отразила мое собственное лицо — приятное, почти без косметики, намазанное утром увлажняющим кремом, но все же немного осунувшееся. И как давно я не делала причесок. Почти отвыкла, а как красиво, оказывается....

— Мисс Мур? — Наконец, кашлянул ювелир, чье имя звучало то ли гордо, то ли вычурно (я так и не смогла для себя этого решить) — Теодор. — Так вы говорите, что хотели бы эти камни продать?

— Да. — Я направилась от витрин обратно к прилавку. — Все верно.

Теодор о чем-то задумался. Его очки с толстыми стеклами поблескивали в свете ламп.

— А могу я спросить у вас, где вы их приобрели?

Я замешкалась. Зачем это ему? Да и какая разница?

— Это было далеко отсюда, мистер Ларшельд. А почему вы спрашиваете?

Ювелир снова пожевал губами.

— Видите ли, вы принесли достаточно редкие камни.

При этих словах мое сердце взволнованно подпрыгнуло. Так удача или нет? Мое лицо продолжало сохранять невозмутимое выражение. Он ни в коем случае не должен увидеть, что я не владею никакими познаниями в области собственных сокровищ.

— Да, я знаю, что камни редкие. И они очень дороги для меня. — Мой голос звучал протяжно и почти незаинтересованно в предмете разговора. — Но, видите ли, наступил момент, когда я стала готова расстаться с ними. Конечно, если только будет предложена хорошая цена.

— Я понимаю, понимаю, мисс Мур. — Поторопился уверить меня Теодор. — Ваши алмазы не просто отличного качества, они отменны и очень редки....

Я почти подпрыгнула на месте. Так эти сверкающие побрякушки — алмазы? Невероятно! А знали ли работники каменоломни, что именно дарили мне? А Халк? Знал ли он сам о месторождении на территории шахты, из которой он пытался добывать известняк?

— Конечно, я ничуть не умаляю так же прелести изумрудов.... — Продолжал золотых дел мастер. — ...и вот эти сапфиры довольно редкого цвета, но алмазы — это что-то уникальное. Они розовые. И безо всяких включений, идеально чистые!

Видно было, что Теодор уже всюю представляет, как огранит камни и повставляет их в золото или платину, после чего, продав коллекцию, наживет такое состояние, что сможет не работать еще лет десять, но меня это не волновало. Меня волновало только то, сколько именно он может предложить мне, чтобы его мечта, пропечатавшаяся крупными буквами на лице, стала реальностью.

Мужчина за прилавком все перебирал и перебирал мои камни, словно боясь, что стоит ему отнять руки, как мираж, состоящий из розовых алмазов, тут же растворится.

— Сколько вы хотите за все камни, мисс Мур?

Ну, уж нет! Хитрый ты кот! Сам мне скажешь, сколько ты готов дать, и никак иначе.

— Сначала я бы хотела услышать ваше предложение, мистер Ларшельд.

Ювелир посмотрел на меня. Затем на камни. Затем снова на меня. Сглотнул.

— Ну-у-у-у... — Не вполне уверенно протянул он. — Я думаю, что был бы готов вам дать за все.... скажем.... Пятьсот тысяч!

Разочарование на моем лице было очень искренним и совершенно очевидным.

Теодор тут же переоценил ситуацию.

— Шестьсот! — Провозгласил он.

Я попыталась скрыть расползшуюся даже от такого предложения по всему лицу куксивость.

— Шестьсот пятьдесят? — Неуверенно продолжал гнуть свою линию жадный дядька.

Шестьсот пятьдесят? Ну, уж нет! Если это алмазы, а тем более розовые, то по-мелкому играть не будем! Тем более что для Корпорации мне точно нужно не меньше миллиона. И шестьсот пятьдесят мне тут, к сожалению, ни туда и ни сюда — это если быть тактичным в выражениях.

Я подошла вплотную к прилавку и скорчила брезгливое выражение, которое обычно появлялось тогда, когда собеседник, либо был полным дураком, о чем неприлично говорить вслух, либо же притворяется таковым, что не уменьшало раздражения на него.

— Мистер Ларшельд. — Ласково начала я. — Камни эти не просто без вкраплений, о чем мы оба прекрасно знаем. Они еще и огромны. Даже после огранки, каждый из них будет не меньше трех карат размером. Поэтому давайте будем честными друг с другом. Все, что я хочу за всю коллекцию — это миллион. Ведь это не так много, признайтесь, Теодор? Ведь почти подарок.

Пропал во мне великий актер, по всему видно. Но во мне бушевало такое количество эмоций, что играть плохо не получилось бы, даже приложив старание. Я страшно радовалась, что камни оказались редкими и ценными, но очень переживала, что если не получу за них достаточно, то не смогу даже попробовать привлечь Корпорацию для высвобождения Халка, а если я не смогу это сделать, то буду очень и очень злиться!

Бледно голубые глаза Ларшельда из-за толстых стекол очков смотрели в мои наглые зеленые. И не понятно было, то ли он шокирован, то ли совсем не удивлен моим заявлением. Я не отрывала взгляда, он тоже.

«Ну, давай посмотрим, кто потеряет больше, мистер Золотая Цепочка на Пузе — я или ты?»

— Миллион, мисс Мур — это очень много. Даже за такую коллекцию. — Наконец, прочистив горло, изволил высказаться ювелир.

— Как жаль, что это много для вас. — Изобразив скуку и разочарование, пропела я. — Придется мне тогда продать их в... как же называется тот шикарный магазин?.... Ах да! В «Diamond Bay»!

Выбранное наугад имя из тех же желтых страниц, оказалось правильным. Большая компания, красивое имя, по-видимому, один из самых жестоких конкурентов моего нынешнего знакомого.

Теодор несколько потерял здоровый цвет лица, но сдаваться, к моему восхищению его выдержкой, не спешил.

— Думаю, они сочтут, что миллион за кучу чистейших розовых бриллиантов — это настоящий подарок судьбы, вы так не думаете? — Продолжая я брать обходным путем его крепость я. Вот сам поделился со мной знаниями, вот сам теперь и расплачивайся!

Повисла пауза.

Красиво в свете ламп блестели разложенные на прилавке алмазы.

— Восемьсот пятьдесят! — Выдавил из себя Теодор. Сипло. Но жадно.

— Миллион. — Злобно отчеканила я. — Хватит торгов!

Ювелир, не мигая, смотрел на меня выпуклыми глазами, напоминая рыбу, которая была готова взорваться от отсутствия воздуха, но все же не желала потерять из виду такого вкусного и жирного комара, а посему продолжала парить над поверхностью воды, силясь не упустить добычу.

— Девятьсот!

Ах ты, жадина! Я принялась раздраженно и быстро сгребать камни с прилавка обратно в мешочек. Достал ты меня, жирняк! Не хочешь получить красивые камни, ну и катись колбаской, найдется кто-нибудь другой! Не один ты в этом городе, кто оценит все по-достоинству и купит их все до единого, но без дурацкой нервотрепки!

Решимость, написанная на моем лице, окончательно подкосило силившегося так долго сбить цену Теодора.

— Хорошо! Миллион! — Запищал он. — Любым методом! На счет или наличностью!...

Я прервала свои действия и жестко улыбнулась.

А еще через пять минут вышла на улицу, став богаче не более и не менее чем на один миллион долларов.

Если бы кто-то задал бы мне вполне логичный вопрос «Как я себя чувствую?», то, наверное, удивился бы моему ответу.

Нормально. Не хорошо и не плохо.

Богаче? Не особенно. Просто на шаг ближе к достижению цели. С каких-то пор деньги потеряли для меня ценность. Ну и что с того, что миллион? Алекс подавился и гораздо меньшим, после чего стал абсолютно счастлив. А у меня теперь было в два раза больше, а мир от этого не менялся.

Но, конечно, я была более чем довольна, что удалось хорошо проверить сделку с Теодором. Если бы ни подарок каменоломов, не видать бы мне денег, а Халку (может быть) свободы. А уж если вспомнить про Янку, которая, чуть было, не увела у меня драгоценный мешочек. Вот бы она обрадовалась, осознав, что именно она заполучила во владение. Да вот только где ей теперь. Поди, все так и лежит там в изоляторе. Хорошо еще, если живая.

Я поежилась, а потом снова мысленно вернулась к прежней теме.

А Тед? Не принеси он их мне обратно, и опять результат был бы теперь плачевным. Ан-нет! Все сложилось не просто хорошо, а замечательно.

Так что теперь осталось только радоваться и действовать! Легко сказать.... Да уж, говорить всегда легко.

До дома я добралась на такси.

И странным образом, когда у меня на руках появилась достаточная сумма денег, а все волнения, казалось бы, улеглись, я почему-то не торопилась звонить.

Мне было некомфортно. И впервые снова почти страшно.

Я кругами ходила по квартире, искоса поглядывая на телефон.

Ну, казалось бы — ну вот! Все есть! Бери и набирай номер, но я все никак не могла морально подготовиться.

А что если что-то пойдет не так? Что если денег окажется недостаточно? А что если меня все-таки снова попросят об «одолжении» просто за то, что я позвонила? А что, если мне не помогут?

Я выламывала руки и продолжала мрачно и безрезультатно кружить по дому.

«Халк, что бы ты сказал мне в этой ситуации?» — Мысленно обратилась я к тому, кто всегда находил правильные слова, какой бы трудной ни казалась ситуация. — «Что бы ты посоветовал мне? Я одна, и мне страшно....»

«Всем страшно. — Почему-то подумалось мне, ответил бы Халк. — Страшно даже тем, кто ни разу в жизни этого не показал. Но только тот, кто пробует идти вперед, неся с собой свой страх, через все, через каждую минуту, но все же идет вперед, чего-то добивается. И даже если ты оступаешься, даже если что-то идет не так — это результат. Результат твоего движения вперед. И только если ты поддашься своему страху и так и не решишься сделать даже самый маленький шаг, ты никогда не осилишь дорогу».

«Но я столько всего опасаюсь, столько сомнений у меня, просто парализует от ужаса!...»

«Не думай о конечной цели. Думай только об одном единственном шаге — следующем. А потом станет видно, куда сделать новый.... И еще один.... Один маленький следующий шаг. Ведь это не страшно. Так ведь?»

Я так и не поняла, то ли я сама говорила с собой, то ли какой-то мудрый голос все же пробрался в мою голову извне, но так или иначе, этот мысленный диалог помог мне немного успокоиться и прийти в себя.

Все верно. Не нужно бояться всего заранее. Нужно просто подумать именно о следующем шаге. Я просто наберу номер и задам несколько вопросов. Пока я получу ответ «да» или «нет» и сумму, которую нужно платить, никто не принудит меня делать что-то против воли.

И даже если они ответ мне «нет», я буду знать, что испробовала этот вариант.

Прислушавшись к тишине в квартире, я немного посидела на диване, больше не торопя и не принуждая себя что-то делать прямо сейчас, а потом прошла на кухню, чтобы заварить чаю и окончательно собраться силами.

Он сам не знал, зачем пришел сюда.

Темный подвал, находящаяся глубоко под особняком узкая комната, освещенная несколькими лампочками. И вся стена сверху донизу увешенная оружием. Всем, что он смог собрать — приобрести, купить или каким-то другим способом добыть за четыре года в Тали.

Пистолеты, автоматы, ящик гранат, винтовки, коллекция ножей, обрезы, несколько химических и дымовых завес и даже гранатомет. Были здесь и сигнальные ракеты, бронежилет, кастеты и куча прочей мелочевки, способной пригодиться в бою.

Или при побеге.

Халк стоял неподвижно, скользя глазами по амуниции, стараясь не думать о том, о чем именно он старался не думать.

Ведь, в самом деле, не такой же он дурак, чтобы пробиваться через охраняемый периметр тридцать третьей зоны или вооруженный до зубов кордон на центральных воротах?

(Конечно, нет. И кто знает, почему мозг уже включился просчитывать, как именно обойти центральные вышки, добраться до секьюрити-центра и отключить напряжение....)

Бицепсы непроизвольно напряглись, черная футболка натянулась, сильные пальцы сжались и снова расслабились. Серые глаза продолжали изучать оружейный ассортимент. Подбирая, подмечая, сортируя все по ситуациям.

Ведь не такой же он дурак, чтобы рисковать всем, что успел нажить за четыре года?

(Ранчо бы взорвалось красиво, он бы постарался. Просто так, для души....)

И ведь не такой дурак, чтобы пробивая себе путь на свободу, уложить пару тройку ни в чем не повинных полицейских?

(Хотя потерю пары десятков тупоголовых копов вряд ли кто заметил бы. А вот до чего приятно было бы прокосить их ряды чем-нибудь, типа Миними. («Minimi» — French: Mini Mitrailleur; «mini machine gun» зд. и далее примечание автора) Такое удовольствие мало с чем могло сравниться бы). Но, Халк, конечно, об этом не думал. Несмотря на то, что по его лицу блуждала хищная усмешка. Нет, он не думал.

Он всего лишь пришел сюда постоять, осмотреться, освежить в памяти инвентарь.

Ведь не такой же он дурак, чтобы насильно найти Дрейка и встретиться с ним лицом к лицу, каким бы ни был исход?

Может быть, и нет. Вот только надоело ждать. Уже ждал. Долго. И Дрейк не пришел.

Так, может быть, время самому взять инициативу в свои руки?

Вдруг, что-то отвлекло внимание и перебило прежнюю мысль. В голове стало тихо.

В какой-то момент перед глазами появилось расстроенное лицо Шерин, будто она нуждалась в нем. Звала. О чем-то говорила. Или просила?

Халк прислушался к внутренним ощущениям. Что за черт? Что-то напугало ее?

Что там происходит? Кулаки снова сжались от бессилия. В чем бы она ни нуждалась, он не мог ей помочь отсюда. И все же Халк закрыл глаза, очистил голову от мыслей, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, после чего-то попробовал снова вызвать изображение Шерин в голове.

«Что с тобой, девочка? Что случилось там?»

Ответов не было. Лишь ощущение, что Шерин волнуется, и что ей одиноко. Прежде чем дать себе разозлиться и выругаться, Халк, все же, как мог, попытался мысленно успокоить ее, дать почувствовать, что он рядом. Что он не ушел.

Но потом, все же выругался.

Что толку, пытаться пробить расстояние мыслью? Если такое и было возможно, то его этому не научили. Дрейк, наверное, мог бы появиться и в чужой голове, если захотел бы, но Халк мог лишь надеяться, что Шерин как-то сумела почувствовать его присутствие.

А вот с настоящим присутствием придется потерпеть.

Потому что если сделать ошибку, то она останется одна насовсем. А этот вариант никогда не должен притвориться в жизнь.

Именно поэтому Халк просто стоял здесь. Просто смотрел. Это просто оружие, которое лежит здесь. Просто оружие. Он ничего не трогает. Совсем ничего.

«Видишь, Дрейк? Совсем ничего. Ни единым пальцем»

Глава 13

Я не могла поверить, что снова сидела в этом автомобиле.

Автомобиле с затемненными стеклами — настолько затемненными, что вокруг будто наступила тьма, в которой растворились все когда-то существовавшие объекты. Автомобиле, принадлежавшем той самой — Корпорации «Исполнение желаний».

И да, это означало, что я позвонила.

Я все-таки сделала это.

И точно, как и предполагала, меня ни о чем не стали спрашивать по телефону, а лишь, как и в прошлый раз попросили не делать никаких телефонных звонков, не брать с собой документов (сетчатки глаза будет достаточно) и вообще не делиться никакой информацией ни с кем ныне живущим и топчущим поверхность земли.

Что ж, хорошо. Как скажете.

Я ехала молча, замерев от тревожного ожидания чего-то неприятного.

Но почему неприятного? Ведь я же не знаю, каким будет результат? Может быть, он будет хорошим? Ведь, наверняка, хорошим?

Только вот память, которая хранила записанный мемо-фильм, в котором я однажды уже ехала на этой машине, совсем нетактично напоминал мне каждые пять секунд, чем эта поездка тогда закончилась.

Мда-а-а. Словно кошмар наяву. Все повторяется.

Я быстро одернула себя. Ничего не повторялось. Это уже не та Шерин, которой были нужны деньги на Алекса, не та заплаканная растерянная девочка, с большими зелеными глазами, ожидающая чуда или хотя бы чего-нибудь, отдаленного похожего на него, это не три месяца назад — это сегодня. Сейчас.

Да, конечно, глаза все те же. И чуда хотелось не меньше. А то и больше, чем тогда, но теперь голова работала ровно, логично, осмысленно. Все вопросы были подготовлены заранее.

Когда машина, наконец, остановилась, оказалось, что мы уже находимся на подземной парковке — длинной, пустой и гулкой, пересеченной квадратными бетонными столбами. У дальней стены ждали лифты.

Я и двое мужчин, сопровождавшие меня, прошли к ним.

Непроницаемые выражения на лицах. Молчание. С тихим шуршанием захлопнулись двери, и кабина поползла куда-то вверх. Потом раздался тихий звякающий звук, и двери выпустили нас в вестибюль, находящийся многими этажами выше.

За невысокой стойкой сидела девушка-секретарь — не особенно приметной внешности. Блеклые волосы гладко зачесаны назад, едва тронутые блеском, тонкие губы, длинноватый нос, очки в тонкой оправе, глаза, однако, умные и проницательные. Да и пиджак сидит ладно и по фигуре. Не в дешевом ателье сшит.

Я мельком огляделась по сторонам: толстые ковры, бежевые стены без единого окна, разномастные картины на стенах, несколько кресел для посетителей, которых в этот момент не было и кофейный столик с какими-то брошюрами.

В прошлый приезд я даже этого рассмотреть не успела, а теперь вот почти целая экскурсия.

Прежде, чем достичь стола, я успела подумать, а не попробовать ли найти на карте высокое здание, без окон? Хотя, в той комнате, которую мне в прошлый раз выделили для ночевки, окна, помнилось, все же, были. Просто шторы, чтобы любоваться видом стало проблематичным, были плотно прибиты к раме гвоздями. Точно. Тогда с поиском труднее.

Я одернула себя — зачем мне это вообще?

Когда сопровождающие подвели меня к стойке и аккуратно растворились за спиной, секретарша деловито улыбнулась, открывая лежащую на столе, подготовленную заранее папку. Наверняка,

сведения обо мне и обо всем моем грешном существовании, начиная со дня «Х».

— Добрый день, мисс Мур! Рады приветствовать вас в Корпорации «Исполнение Желаний».

Я так и не поняла, звучала ли в ее голосе ирония, либо же мое воспаленное волнениями сознание не было способно воспринимать вежливую речь в том месте, откуда мне выписали фальшивые документы до Тали.

— Здравствуйте. — Ровно отозвалась я. — Как поживаете?

— Хорошо, спасибо. — Заученно отозвалась секретарша, быстро пробегая глазами по каким-то страничкам из папки. — Пожалуйста, присядьте в кресло, вам будет предложен чай или кофе, а мы пока подберем для вас личного ассистента, который будет вашим помощником в исполнении любой просьбы, с которой вы к нам пришли.

Я вдруг почувствовала, как внутри меня поднимается злость.

На это место. На эту непроницаемую девушку. На всю эту чертову секретность и равнодушную вежливость!

И вообще, как смеют они делать вид, что в прошлый раз все прошло и замечательно после того, как сослали меня черт знает куда, без права на возвращение? Как ввали мне, ускользали от ответов, торопились избавиться от меня?

А эта девочка за столом, теперь старательно делала вид, что видела и слышала обо мне впервые, в то время как прекрасно знала, что я уже обращалась в это место, после чего была расчетливо использована, словно пушечное мясо в угоду Корпорации.

И не то, что бы я ожидала извинений или чего-то в этом роде, но все же обида не проходила.

Наоборот. Нарастала. А это, в свою очередь, грозило испортить предстоящий разговор. На тему Халка. Ведь я пришла сюда говорить не о себе, а о нем. Мне никак нельзя было об этом забывать.

И все же пару вопросов очень бы хотелось задать одной совершенно конкретной персоне. Быть может, даже если не задать, то хотя бы взглянуть в лицо тому, кто, не моргнув глазом, отправил меня в Тали.

Холодно встретив взгляд секретарши, я ответила:

— Спасибо. Я предпочитаю кофе. Со сливками. Без сахара. И я настаиваю на том, чтобы моим личным ассистентом в этот раз снова был Скотт Брамс. Уж будьте добры, постарайтесь это организовать. А я пока подожду.

1:1.

Не дожидаясь ее реакции, я прошла к столику с брошюрами, уселась в кресло, что стояло спиной к стойке и принялась ждать. Было слышно, как девушка с кем-то говорит по телефону. Видимо, передавала мою просьбу компетентным лицам. Слов я не разобрала, да и не особенно старалась. Пусть сама пыхтит, это ее работа.

А я параллельно размышляла, зачем мне вообще нужно было вставлять свое веское «Я» в текущий расклад. Ну, выдали бы мне другого дядечку или тетечку, которая бы ответила на мои вопросы, да и делов-то.

Но, что-то подталкивало меня поговорить именно с Брамсом.

Чертова интуиция.

И дело было не только в том, что мне хотелось посмотреть в его лицо, когда он снова меня увидит (хотя я была больше чем уверена, что ему уже давно доложили о моей персоне, ожидающей в

фойе), а в том, что мне почему-то было бы комфортней говорить именно с ним.

Странно? Возможно. Но всегда проще говорить с тем, кого уже знаешь. Пусть даже опыт общения не был окрашен в позитивные тона. Ведь зная человека хотя бы немного, гораздо проще выбрать правильную стратегию поведения.

Девушка за моей спиной поговорила по телефону еще раз. А потом еще раз.

Затем принесли кофе. Как я и просила — со сливками в отдельном кувшинчике, но без сахара.

А еще через пять минут, в холл вышел сам Скотт Брамс.

— Что значит, Корпорация существует только благодаря тому, что вы не переходите дорогу Комиссии? — Почти кричала я от возмущения. — А как насчет того, что вы передали счетчик с тысячей Ларошу? Ведь он тоже не сам себя туда посадил, а бы осужден той же самой Комиссией! Что вы на это скажете, мистер Брамс?

Мой старый знакомый сухощавый «веник» нервно вытер лоб ладонью и сцепил руки замком, стараясь держать их на столе.

— Шерин, наша Корпорация влиятельна, но не всемогуща. Вы поймите, у нас есть связи, мы их используем, чтобы помочь людям достичь того, чего они хотят быстрее и проще. Конечно, за деньги. Или за ответные услуги. На этом и зиждется все устройство. Но если мы перейдем допустимые границы, то нас прикроют. Я же сказал вам — если бы это просто был человек со стороны, как тот же Ларош, то можно было бы найти решения. Но Халк Конрад — это обученный Комиссией убийца из отряда специального назначения. Там у них свои правила.

— И вы туда, конечно, не лезете? — Меня почти трясло от расстройства, злости и бессилия. Скотт не ответил.

Весь этот душный кабинет, крайне неприятный разговор, унылое, но упрямое лицо мужчины в бежевом мятном костюме, как будто говорящее «Сожалею, но ничем не могу помочь» просто выводило из себя.

Не может быть, чтобы они — ОНИ — и не могли найти решения.

— Я в состоянии заплатить вам огромную сумму! Если понадобится больше денег, я найду их! Неужели вы не можете придумать что-нибудь?

Собеседник устало откинулся на стуле.

— Не можем, к сожалению. Не в этом конкретном случае. Вот если бы вы попросили что-нибудь передать ему туда, или как-то облегчить жизнь, мы могли бы связаться с мэром Тали и «уговорить» его. А если мы просто возьмем и привезем мистера Конрада в Клэндон-Сити.... Нет-нет. За такое мы не возьмемся. Это точно нарушит наше тонкое перемирие с властями.

— А как насчет переговоров не с мэром Тали, а с начальником Халка? Повлиять на него? Это вы можете сделать?

— Если бы это было возможно, то я бы ответил — да. Но я уже сказал «нет». В отношении людей Комиссии осужденных самой Комиссией мы не вмешиваемся. И вообще — Комиссия — это отдельная территория, которую мы всячески стараемся избегать. По-крайней мере, напрямую. Я была готова порвать его на клочки и самолично развешать по блеклым стенам кабинет.

Для чего все усилия? Почему все прахом? Деньги есть! В Корпорацию пришла, а ответ «Нет». Бред какой-то! Где справедливость? Где всех их хваленые связи?

Я дрожала и зло взирала на Брамса исподлобья, не зная, что сказать.

На душе было тоскливо и больно. Если бы я была не человеком, а каким-нибудь другим существом, то наверняка уже иссочилась бы ядом, и проплевалась стрелами.

А потом во мне будто что-то взорвалось.

И понеслось.....

Уже не выбирая слов, я просто начала выдавать все, что наболело на душе за долгие три месяца моей жизни.

— То есть, как взять неповинного человека, вроде меня, и запихнуть его за жалкие четыреста пятьдесят тысяч в тюрьму — это вы можете. — Прошипела я.

Брамс нервно сглотнул и напрягся, мысленно приготовившись к обороне.

Не давая ему вставить и слово, я продолжала нападать.

— Как умолчать о важных деталях и забыть вытащить человека обратно — это вы тоже можете. Так? Я не боялась. Терять было нечего, а вот гнева было через край. И теперь он выплескивался океанскими волнами на вражеский берег.

— Вы можете спокойно забыть, как кто-то гниет в необозначенной на карте тюрьме, просто потому, что получили свою прибыль, а на остальное вам плевать. Так ведь?

— Мисс Мур....

— А как доходит до настоящей просьбы, где нужно не конфетки отбирать, а поговорить лицом к лицу со взрослым дядей — тут вы уже не мастаки. Ох, как удобно! И конечно! Не разглашайте, люди добрые, подробностей, а то никто к нам больше не придет! Храните строгую конфеденциальность о том, какие мы на самом деле ублюдки! Так, мистер Брамс!?

Его рука уже тянулась к какой-то кнопке под столом.

И тогда я разозлилась окончательно. До черноты.

— Только попробуйте меня силой вышвырнуть отсюда, и я найду способ, как сообщить Комиссии о ваших методах. И о том, как вы обошлись со мной. Посмотрим тогда, будет ли она, как и раньше стоять в стороне! Если вы не выпустите меня из здания, то копию рассказа обо всем, мои друзья передадут кому надо, и уже через несколько часов вы встретитесь с теми, кого так стараетесь избегать!

Я блефовала. Но я была зла, а оттого почти безрассудна. И очень, ну просто очень хотелось от горя и досады насолить кому-нибудь еще. А «веник», к тому же, был единственным, на кого я по-настоящему злилась.

Рука Брамса замерла на полпути к кнопке, кожа его блестела от испарины.

— Хотите проверить, как долго вы продержитесь? Тогда смело жмите! А если нет.... — Я подошла к самому столу и выплюнула ему прямо в лицо. —тогда уймите свой тощий зад и забудьте, что я вообще когда-либо сюда приходила. Занимайтесь и дальше отбиранием конфеток, дорогая Корпорация, а для решения реальных задач, я буду теперь платить совсем другим людям.

Резко развернувшись на каблуках, я покинула кабинет.

А затем и фойе.

Проводившие меня в автомобиль мужчины не сказали ни слова. Машина доехала до угла Вест-Бартон авеню. Я вышла на улицу, не попрощавшись. Глубоко вдохнула и выдохнула.

Вот и все. Вот вам и Корпорация.

Срам, да и только....

С лицом, темнее тучи, злая и разочарованная, я быстро зашагала домой.

И что же мне теперь делать?

Усталая и выбившаяся из сил, я стояла у окна в спальне, глядя на ночной город. В пустую постель не тянуло, да и то и дело всплывающие мысли о событиях сегодняшнего дня все равно не дали бы быстро уснуть.

Поэтому я, глубоко задумавшись, смотрела на белесую луну, то выплывающую, то снова прячущуюся за прозрачную завесу из тонких облаков.

Ну, да. Накричала я на Брамса и высказала все, что хотела.... Но так у меня было на то полное право, и он прекрасно об этом знал. Знал, что мне было необходимо выпустить пар, уж после всего того, что они со мной сделали. А если бы они захотели мне мстить, то сразу не дали бы уйти, поэтому теперь, уже стоя дома у окна, было глупо волноваться по этому поводу.

Только вот что же все-таки теперь делать?

Я так надеялась на чудо, на положительный ответ. Думала, что если есть деньги, то можно будет купить желаемое, а оказалось, что нет. Одно вот такое «нет», и мир снова стал серым и одиноким.

Я скучала по Халку. Очень.

По его рукам, лицу, по ощущению защищенности и любви, которая укутывала меня так тепло и заботливо, когда он был рядом. Мне все казалось, что я не насмотрелась, не налюбовалась, не успела запомнить каждую черточку его лица, не успела пропитаться его запахом настолько, чтобы одежда до сих пор хранила любимый аромат.

Я скучала по его голосу, по словам и по той уверенности, что в них всегда звучала.

Где он сейчас? Чем занимается? Читает ли бумаги, сидя в кабинете или же курит сигару на балконе?

А, может быть, проводит время в клубе, прислушиваясь к последним новостям между оунерами, притворяясь, что он, конечно же — господа, один из них? А они — простаки — верят.

Я вздохнула.

Надо спать. Это был неудачный день, но завтра будет другой. С отдохнувшей головой обязательно получится что-нибудь придумать.

Умывшись, я забралась в постель и свернулась калачиком.

До того, как подняться к себе в кабинет тем же вечером, Халк решил ненадолго заглянуть на кухню. Узнать, не нужно ли чего Табите. И, может, в очередной раз спросить ее, не передумала ли упрямца насчет возвращения в нормальный мир. Ведь сколько раз предлагал, а все «нет», да «нет», придумывает какие-то причины для отказа. То нет у нее никого в том городе, где жила до этого, то «кто будет следить за порядком на кухне»?

Халк покачал головой. Неужели сложно будет найти этой чертовой кухне нового повара? И что с того, что еда будет чуточку преснее....

Они сидели на крылечке — она с полотенцем в черных пухлых руках, он — расслабившись на прогретых за день досках, откинувшись назад, слушая, как шумят деревья.

— Ты скучаешь по ней, да, мистер?

— Угу. — Не открывая глаз, промычал Халк.

— Хорошая девочка. — Покряхтела Табита, поудобнее устраиваясь на ступеньках. — С душой.

Таких мало осталось. Все не для себя, а для кого-то вечно старается. А ведь она тоже по тебе скучает, ей теперь без тебя нигде места не будет.

Халк вздохнул. Медленно втянул воздух, задержал ненадолго в легких, потом медленно выдохнул. И снова затих.

— А ведь ты и сам уйдешь скоро....

На этот раз он открыл глаза и с удивлением посмотрел на повариху. А та только проникновенно зыркнула в ответ.

— Да не продержишься ты долго теперь, побежишь ведь за ней. Оно и ежу понятно.

Халк все никак не мог найти подходящего ответа.

Откуда у нее такие мысли? Ведь сколько лет бок о бок проработали в одном месте, и никогда он не давал повода думать, что уйдет куда-то. И с чего бы? Нет, он, конечно, размышлял, стоя там, в подвале в тот день, но ведь это только мысли. Ничего более. Никто его отсюда не отпускал. И неизвестно когда отпустит (если этому вообще суждено случиться).

— Нет, Табита, не уйду.

— Да, уйдешь! — Даже не стала слушать кухарка, а только махнула черной ладошкой — Уйдешь! Я сердцем чую, что подошло твое время.

Халк только покачал головой. Но непонятное ощущение радости и свободы, перемешанное с тревогой, уже сдавило грудь. Прогнать бы его, да не получалось. Оно, словно, шальной веселый ветер, увидев распахнутую дверь, залетело внутрь и принялось играть с внутренним убранством. И хоть ты метлой, хоть палкой, а все уже перевернуто вверх дном.

Халк вздохнул.

Ну, куда он пойдет? Нарушать закон на свой страх и риск? Он бы нарушил, если бы был один....

— Ты только оставь после себя кого-нибудь дельного. — Нарушила ход его мыслей Табита. — Чтобы не дурной был он — начальник-то новый, а с головой. Такого, как ты, конечно, уже не будет, но хоть кого похожего....

Она улыбнулась. В глубоких темных глазах сверкали искорки.

Не успел Халк возразить, как Табита уже поднялась со ступенек.

— Я спать пошла. И ты иди, отдохни. Решений поспешных не принимай, все хорошо, когда правильно обдумано и сделано вовремя.

— Подожди, я ведь тебя пришел спросить, не передумала ли сама?....

— Время покажет. — Легко отмахнулась женщина. — А ты пока спать иди. Темно, видишь, уже?

Она снова улыбнулась, и скрылась в темноте коридоров, оставив его одного сидеть на крыльце.

Халк только тряхнул головой.

«Вот ведь какая... — Думал он. — Глубокая, как колодец, и такая же темная — не разглядишь, что мерцающие воды скрывают. Свои тайны не расскажет, а теплом всегда поделится. Если уж действительно уходить время пришло, то нужно будет о ней сперва позаботиться».

Решив так, Халк тоже поднялся, отряхнул джинсы, взглянул на темнеющее небо и направился в особняк.

«Дрейк» — Как много в этой слове....

И для меня в нем действительно было много. Уж не знаю, для кого куда, а для меня, похоже, все дороги вели именно к нему.

К такому выводу я пришла спустя еще пару дней, после того, как провалилась моя очередная попытка жить «по-человечески», заниматься нормальными делами и вернуть себе потерянное чувство радости

от того, что я, наконец-то, была свободна.

Да не была я свободной. В том-то и было дело. Никак не выходило у меня, и все тут.

Я могла передвигаться, ездить, говорить с кем угодно, не боясь оказаться наказанной, потерять деньги или какие-нибудь пресловутые баллы. Но, так или иначе, я постоянно продолжала оставаться узником собственного одиночества, а эта камера была ничуть не лучше Тали. Просто если та была снаружи, то эта находилась у меня внутри.

Но от перемены мест решеток, как говорится.....

И в каком бы направлении ни пытался двигаться мой мыслительный процесс, какие бы варианты ни рассматривал — он всегда натывался один-единственный, ни с какой стороны не объезжаемый, подводный камень по имени Дрейк.

Именно из-за него мне пришлось отместить все возможные и невозможные способы воссоединения с Халком. Без «благословения» этого таинственного человека не могло быть никакого «жили долго и счастливо» или даже «коротко и плохо, но хотя бы вместе». Без Дрейка вообще не могло быть никакого «вместе».

Я прошлась рукой по волосам и задумалась.

Вокруг меня ходили покупатели — радостные и возбужденные, торопящиеся и спорящие — все те, кто решил после обеда заняться шопингом в моле «Сомерсет», так же, как и я. Только вот получалось у них куда лучше — почти каждый проходящий мимо держал в руках если не гору, то хотя бы несколько разноцветных пакетов, а у меня в крохотном полиэтиленовом мешочке лежал один-единственный купленный носовой платок, который я приобрела только потому, что на нем было вышита буква «Х».

Как прозаично. Почти глупо. Я поморщилась.

Нужно не сантиментами заниматься, а делать, в конце-концов, что-то. А иначе до самой старости буду коллекционировать платочки. С той только разницей, что на следующей будет буква «А», потом «Л», потом «К». А если не получится найти «К», то жизнь будет провалена, а смысл ее потерян.

Я укорила себя за ушедшие в сторону мысли, скомкала пакет с платком и запихнула его в сумочку. Потом направилась в ту секцию магазина, которая находилась под открытым небом. Здесь люди, уставшие от длительного хождения, могли посидеть возле небольшого фонтана, отдохнуть, перекусить или просто пообщаться.

Усевшись на один из бетонных «пеньков» странной округлой формы, я снова принялась размышлять.

Если абстрактно (ну, очень абстрактно) предположить, что я каким-то образом найду Дрейка, то что я ему скажу? Да. Что?

«Эй, вы! Отпустите Халка!»?

Или «Уважаемый мистер, вы не могли бы отправить меня назад к Халку?»

Или «Эй, он уже давно все понял и исправился, ведь сидит там четыре года, так что пора на свободу!».

Или «Дрейк, вы полный дурак, если сами не осознаете, что делаете!»

Мда-а-а-а. Последнее мне точно поможет ускорить события. Однако в наименее приемлемую для меня сторону.

Я достала из сумочки бутылку с водой и отвинтила крышку. Рассеяно посмотрев на бутылочную этикетку, гласящую что-то о природном и чистом минеральном источнике, и снова задумалась.

И что Дрейк мне ответит?

«Какого черта ты вообще тратишь мое время?» или «Что тебе нужно?» Или «Ты кто вообще такая?» Скорее всего, вот как-нибудь так он мне и ответит. И будет совершенно прав. Пришла непонятно кто, непонятно откуда и пытается что-то мявкать на непонятную тему.

Я вздохнула.

Потом нахмурилась.

Но ведь надо попробовать.... Почему-то, несмотря на все свои страхи, я знала, что нужно обязательно попробовать найти его. Ведь если не Дрейк, то никогда не найти мне безопасных обходных путей, чтобы извлечь Халка из тюрьмы.

А насчет того, что я скажу.... Да какая разница, что именно я ему скажу, об этом я буду думать, когда встречусь с начальником Халка лицом к лицу.

И дело было не в том, что мне было лень заранее продумывать вступительную речь для такого важного момента, а в том, что я совершенно искренне не знала, что именно нужно было обдумывать. Ну не было у меня на этот счет ни идей, ни логических умозаключений.

И рисковала я, наверное, сильно.

Снова «мда-а-а-а». Это было почти так же рискованно, как решиться прокатиться на санках по только вчера обледеневшему озеру. Но других выходов я не видела.

И если уж моя ограниченная фантазия заставит меня окунуться в новые неприятности, то что ж, значит, так тому и быть.

Направившись к выходу из супермаркета, я снова вспомнила о своем единственном приобретении и усмехнулась. Один носовой платок, в то время как, имея на счету миллион, я могла скупить половину барахла из бутиков. Вот такая вот ирония судьбы. Если нет денег, то очень хочется их иметь. Если они есть, то вроде как и не нужны, потому что хочется чего-нибудь еще.

Уже по пути домой, я думала над тем, как мне связаться с Комиссией.

Как вообще люди это делают? Халк говорил, что офисов, по крайней мере, тех, о которых кто-то знает, не существует. И чтобы удостовериться, что не упускаю возможности, лежащей прямо перед носом, я завернула в телефонную будку и полистала страницы справочника, пытаясь найти номера Комиссии.

Глухо.

Ни одного упоминания. Ни в разделе организаций, ни в персональных телефонах жителей города. Нигде и ничего. Пожевав губы, я толкнула скрипучую дверь и вышла наружу.

Кого же можно спросить? Ведь должен быть, ну просто обязан существовать способ для обитателей любого города это сделать.

А потом у меня вдруг появилась идея.

Как же.... Точно! Когда-то давно, еще в те времена, когда мы жили вместе с Алексом, он рассказывал, что существуют специальные люди, которые знают все обо всем. Как же они назывались? Черт! Я нахмурилась.... Да! Осведомители!

Алекс рассказывал, что если очень нужно получить ответ на какой-то вопрос, то можно позвонить именно им. По его словам, брали они дорого, а лиц их никто не видел и имен не знал. Зато можно

было быть уверенным, что осведомитель, при согласии оплатить указанную сумму, обязательно выдаст интересующие данные.

Хм-м-м.... А что, ведь это может сработать.

Деньги у меня были, так что если получится найти такого вот информатора, то можно выяснить и личный телефон Дрейка или что-то в этом роде. А, может быть, куда именно приехать, чтобы с ним встретиться.

Потихоньку вновь возвращалась надежда и радость. Радость не потому, что я вдруг придумала, какие именно слова нужно сказать Дрейку, а хотя бы от того, что я снова что-то делаю. Движение вперед — это куда лучше, чем сидение на месте. Осталось верить, что это было движение в правильном направлении. Но тут уж, как говорится, как судьба карты раскинет.

Хмурясь от того, что лифт едет нестерпимо медленно, я раздраженно смотрела на циферблат.

Второй, третий, четвертый этаж. Ну, давай же....

Когда двери распахнулись, ключи уже были у меня в руках.

Нужно кое-что проверить, и как можно скорее.

Я помнила, что вещей Алекса в моей квартире было немного. Но кое-какие все же сохранились. В том числе одна из его личных записных книжек в верхнем ящике прикроватной тумбы. Мог ли там быть номер осведомителя или нет? И смогу ли я опознать его? Под каким именем и на какой странице он мог храниться?

Закрыв входную дверь и бросив сумку на диван, я, не раздеваясь, направилась прямиком в спальню. Выдвинула верхний ящик тумбочки и стала перебирать немногие пожитки моего бывшего бойфренда. Ужас, каким это все теперь казалось ненужным и чужим, будто вообще никогда не принадлежало моей квартире.

Где же.... Где?

Ага, вот она! Под какими-то листками и тетрадками хранилась именно та книжка, которую я надеялась найти. Воодушевленно пискнув, я потрясла ею в воздухе. Теперь следующий шаг. Чтобы лучше видеть, я покинула полутемную спальню и прошагала к широкому окну в зале. По пути сбросила с себя легкий плащ на диван. Тот зашуршав соскользнул на ковер, но я не стала его поднимать. Потом.

В каком разделе может быть нужный номер? Следовало первым делом проверить страницу с буквой «О». Если уж имен никто не знал, тогда, как еще пометить нужного человека, как ни словом «осведомитель». Или же это слишком очевидно?

Жадно перебирая страницы, я добралась до «О» и принялась читать нацарапанные корявым подчерком Алекса имена незнакомых мне людей.

— ...Остин, ...Оксана (что за Оксана?)....

Неприятная мысль кольнула позвоночник. Уж не очередная ли любовница, о которой я, наивная, не подозревала? И не та ли самая, с которой он теперь прохлаждался на островах? И чего я раньше не проверяла его записанные книжки? Хотя, фу-у-у.... как мерзко.

Одернув себя (какая теперь разница та или не та, да и вообще что мне до бывших любовниц бывшего партнера?), я принялась скользить глазами вниз по странице.

Дальше шел какой-то «Сэм О'нил, Обербек Дэн, Одри, Оуэн» и даже «Отелло». Где Алекс только нашел столько друзей с раритетными именами? И какую роль они все играли в его судьбе? Теперь

это навсегда останется загадкой, на которую мне, впрочем, плевать.

Когда я поняла, что страница закончилась, а номера осведомителя я так и не нашла, нехотя вырвался тяжелый вздох разочарования. Может быть, что-то есть и на оборотной стороне? Ведь это тоже «О»? Я быстро перелистнула страницу, но та оказалась пустой. Дальше уже шла буква «П» и совсем другие номера и фамилии.

Вот невезуха.... Озадаченно потеряв висок, я (подняв по пути с пола плащ) прошла к дивану, и уселась на него.

Не нужно падать духом. Нужно просто терпеливо поискать на других страницах. Да, было бы большой удачей найти нужный телефон сразу же, но то, что так не произошло, вовсе не означало, что его вообще не было в записной книжке.

И все же, настроение подпортилось. Чтобы немного выправить его, перед тем, как продолжать поиски, я отправилась на кухню и приготовила себе большую ароматно-пахнущую чашку кофе. Осторожно водрузила ее на деревянный подстаканник, который лежал на подлокотнике, я снова взяла в руки книжку и принялась ее листать.

На этот раз начала с самого начала. Даже не с буквы «А», а с внутренней корки, на которой тоже были записи. Так, не торопясь, перемежая страницы с глотками кофе, я медленно и осторожно двигалась вперед.

Каких только имен здесь не было.... Лишь редкие из них я когда-либо слышала, да и то больше мельком. Об остальных вообще ничего не знала. Это лишь укрепило мою веру в то, что я никогда толком не знала Алекса. Я, можно сказать, выдумала для себя то, кем он был, оставив истинного Алекса существовать за бортом моей жизни. Там, где начиналась, по-видимому, его собственная. И как только мы вообще просуществовали вместе какое-то время? Два чужака, живущие под одной крышей.

Мне казалось, что мы — счастливая пара, Алексу я, по всей видимости, я была просто для чего-то удобна. Надо же, однако, как сильно можно заблуждаться!

Я бы так и плавал в мыслях о собственном прошлом, навешанных тоннами незнакомых номеров, если бы в какой-то момент, уже пройдя треть записной книжки, случайно не наткнулась на странное слово «XXX» безо всяких дополнительных пометок, под которым был карандашом написан какой-то номер.

Сначала (прости Господи мою грешную душу), я подумала, что это номер какой-нибудь проститутки. Но зачем, спрашивается, Алексу было бы прятать ее настоящее имя или так и не написать «проститутка», когда я, о чем он прекрасно знал, никогда не рылась ни в его вещах, ни в записях? Так что мог бы спокойно поставить «Розанна, Барбара или Лолита». Мне было бы одинаково ничего об этом неизвестно.

А тут три икса. Зачем? Что за супер-секретность?

Запись эта содержалась на страницу с буквой «И», и как только я осознала это, прохладная струйка понимания протекла куда-то вниз по позвоночнику. Ну, конечно! Какое второе слово обычно использовалось для обозначения «осведомителя»? Информатор! Вот почему это может быть «И». И это также объясняет, почему номер написан карандашом. Видимо, Алекс не собирался его хранить, а намеревался удалить сразу после звонка, но что-то заставило его забыть, и номер так и остался существовать на страницах.

К моему, возможно, счастью.

Пристально вглядываясь в три «Х» я размышляла, может ли это оказаться тем, что я ищу? Оно или не оно? Кофе подходил к концу, руки мелко дрожали. Что-то внутри подсказывало мне, что я могу оказаться права. Очень даже могу.... Но проверить это можно было, только позвонив.

Перед тем, как я все-таки удосужилась набрать номер, прошло не менее двух часов. Все это время, я тщательно продумывала, что именно нужно будет спросить, чтобы не заплатить деньги за бесполезную информацию.

Когда книжка была положена на колени, а трубка зажата в руках, я набрала в легкие побольше воздуха и медленно выдохнула. Вселенная, помоги мне! Пусть все пройдет хорошо, и результат будет положительным.

За окном начало смеркаться. Небо уже как пару дней заволокло беспросветными серыми тучами, и это делало город каким-то плоским и монотонным, погруженным в вечную дымку.

Я перевела взгляд на номер и принялась нажимать на кнопки.

Когда в трубке раздался первый гудок, я подавила нервную дрожь. Лишь бы хоть кто-нибудь ответил, а то второй раз делать шаг в неизвестность я могла и не решиться. Да и вообще, а вдруг это чей-то личный номер, и я звоню в чью-нибудь квартиру? Вполне возможно, что меня через полминуты пошлют так далеко, что без компаса будет и не вернуться.

Я приказала себе успокоиться.

Длинные гудки продолжали тянуться, посылая сигнал по проводу, что уходил в стену, а оттуда ветвился куда-то на тысячи и тысячи километров в разных направлениях. Одному Господу известно какую-то именно точку на планете я в эту секунду пыталась достичь. В этом ли городе или в каком-то другом?

— Я слушаю. — Неожиданно прервав мои мысли, ответил мужской голос, и я едва не закашлялась от волнения.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. — Вежливо ответили мне на том конце, и замолчали. Что никак не помогало понять, дозвонилась ли я по месту назначения или же все-таки ошиблась номером.

— Э-э-э-э.... — Решиться на следующую фразу было невероятно трудно, но если не теперь, то уже никогда. — ... Я бы хотела поговорить с информатором.

Решающий момент, удар по воротам!... Гол или не гол?

В трубке замолчали, а я покрылась испариной.

Если я ошиблась, то сейчас было самое время поставить меня об этом в известность. Почему же тогда тишина? Она нервировала. Куда же я все-таки дозвонилась?

— Вы с ним говорите.

Я облегченно выдохнула.

У-у-у-х! Первым рубеж пройден!

— Мне нужны ответы.... на некоторые вопросы. Сколько вы за это берете, и каким образом мне перевести вам деньги, если сумма устроит? — Пошла я в атаку.

Собеседник ответил спокойно, было видно, что подобный диалог ему вполне привычен.

— Сначала вы задаете свой вопрос, потом я скажу, во что обойдется вам получение ответа.

К такому повороту событий я была готова заранее, поэтому только кивнула.

— Мне нужно связаться с Комиссией. Как это сделать? Желательно найти человека по имени Дрейк, который руководит отрядом специального назначения. Фамилии я не знаю.

На том конце возникла задержка в несколько секунд. Потом кто-то то ли хмыкнул, то ли усмехнулся.

— Три тысячи это будет вам стоить. Согласны?

— Да. Согласна — Я даже не колебалась.

Неужели!? Неужели я на самом деле придвинусь к разгадке тайны, как все-таки связываются с Комиссией, и неужели у меня на самом деле появится шанс поговорить с Дрейком?

Пока я ликовала от собственной удачливости, осведомитель деловито сообщил:

— Никаких действий вам будет предпринимать не нужно, деньги сами будут сняты с вашего счета и переведены куда требуется.

Уф! Как все, оказывается, просто.

— Поняла. Так что насчет Дрейка?

— Просто позовите его.

— Что, простите? — Ошеломленно переспросила я.

— Я ответил на ваш вопрос. Я же сказал, просто позовите его.

— Как позовите? О чем вы говорите? Простите, я не понимаю....

— Доброй ночи.

Когда в трубке раздался отбой, волосы на моей голове встали дыбом.

Что? Как?

Куда он пропал? Почему дал отбой?! Ведь я же так и не получила ответа на свой вопрос!

С полминуты я оторопело смотрела на издающую короткие гудки трубку. Этот тип ничего мне так ничего и не ответил, а просто взял и отключился.

Я резко втянула воздух. Внутри зарождалась смесь расстройства и негодования.

Да как так?! Он ведь мне ничего не сказал! Только какую-то ерунду про «позовите» и сразу же положил трубку.

Впору было быть волком — ведь ответ был так близко! На расстояние вытянутой руки.

Разозлившись, я едва не поддалась порыву перезвонить назад и высказать ему все по первое число, но кое-как удержала себя. Спокойно! Только спокойно! Вдох-выдох. Вдох-выдох....

Бросив телефон на диван, я подбежала к компьютеру и первым делом открыла страницу с банковским счетом.

Ну, точно! Так и есть! Трех тысяч как ни бывало! Имя транзакции тоже отсутствовало. А значит, запросить банк вернуть деньги за этот бесполезный звонок тоже не получится. Вот черт!

Черт-черт-черт!

Ладно, допустим, при моем финансовом положении, три тысячи — это не такие большие деньги, но ведь мне нужен был ответ! А он что — «Позовите его». Что это вообще, к едрене фене, должно означать? Что? Это ведь никак не ответ на мой вопрос.

Чертовы информаторы! Чертов Алекс! И чертов Дрейк, которому бы пнуть по самому больному месту, чтобы в следующий раз больше думал над своими решениями! Но вместо того, чтобы пнуть по Дрейку, которого в этот момент, понятное дело, в моей квартире не было, я со злости пнула диван, взвыла от боли и, хромя и ругаясь на чем свет стоит, пошла на спальню.

Я сидела за столом на кухне и терла лоб.

Злость была оставлена, раздражение тоже.

В конце концов, эти чувства редко помогали принимать верные решения, да и думать они мешали тоже. А мне край как нужно было подумать. Ведь позвонить назад я всегда успею. Что толку в пустых обвинительных словах или очередной потере денег, когда сначала не мешало бы разобраться с предыдущим разговором.

Вот именно поэтому я сидела и терла лоб, пытаюсь сообразить, что же все-таки могли означать слова «Я ответил на ваш вопрос. Просто позовите его».

Позовите? Как позовите? Мысленно? Вслух?....

Выкрикнуть его имя в окно? Произнести в монотонно гудящую телефонную трубку? Как Дрейк может услышать мой зов, если я просто произнесу его имя, находясь у себя в квартире?

Хотя.... Они странные — эти люди Комиссии. Может, он и услышит. Звучит, конечно, глупо, но кто знает. Но если все было бы так просто, тогда каждый встречный и поперечный мог бы вызывать Комиссию на дом по любым пустяковым нуждам. А об этом слышно не было....

Я хмыкнула и покачала головой.

Была ли права моя скудная фантазия, расшифровывая послание осведомителя, проверить на деле было проще простого. Нужно всего лишь открыть рот и сказать «Дрейк». Делов-то!

Вот прямо сейчас и проверю. Да, вот возьму и проверю!

Нервно рассмеявшись пустой квартире, я втянула побольше воздуха и уже приготовилась, было, открыть рот, как что-то внезапно остановило меня. Какое-то чувство.

Странное и непонятное беспокойство и мелькнувшая следом мысль «А вдруг он придет?» Вдруг он на самом деле услышит и придет? И что? Я тогда так и буду сидеть в длинной майке и плавках, попивая кофе и шоркая одним мягким тапком по полу? И что я ему скажу:

«Присоединяйтесь, господин Начальник. Попьем кофе, обсудим важные вопросы.... Как там насчет Халка Конрада? Вы его еще помните?....»

Нет. Что-то во всем это было не так.

Сработает или нет, а мне совершенно не хотелось встречаться с неведомым Дрейком на собственной кухне. Ну, непрофессионально это как-то выглядит, да и только. И вообще, не та это территория, где проводят подобного рода беседы. Это просто кухня. И просто Я. В длинной майке.

Нет, так не пойдет.

Антураж должен быть совсем другим.

Выглядеть все должно аккуратно и презентабельно, по-деловому, а, значит, происходить действие должно однозначно за пределами моей квартиры.

Я нахмурилась, осознав, что всерьез раздумываю над тем, чтобы буквально взять и притворить сказанное «позовите его» в жизнь. Ну, не глупо ли? Может, все же позвонить назад и потратить еще три тысячи на прояснение этого момента?

А с другой стороны — не мешало бы, так или иначе, сначала проверить и эту теорию в жизни. Ведь это точно бесплатно. И потом я смогу с уверенностью заявить наглому осведомителю, что его совет не сработал, а посему теперь за бесплатно придется терпеливо объяснять, что и как нужно было сделать.

На том и порешив, я принялась снова думать, где именно лучше всего «позвать» Дрейка.

Если не в квартире, то на улице? У мола Сомерсет? В парке? На каком-нибудь перекрестке?

Нет, совсем не хотелось, чтобы вокруг кто-то мешал — люди, машины, постоянный гул. Зайти в какое-нибудь фойе отеля? Тоже вокруг будут ходить люди. И если Комиссия все же откликнется на мой зов, то создаст ли их визит благоприятную репутацию тому месту, которое я легкомысленно выберу?

Боже мой! Сколько вопросов. И никаких ответов.

Я вздохнула, чувствуя, что устала.

Ну, почему я все время одна? И некого спросить....

С тех пор, как началась эта история с похищением Алекса, мне казалось, что покой из моей жизни пропал полностью. Только постоянные действия, изменения, принятие решений, выпутывание себя из сложных ситуаций, бег куда-то, бесконечное кружение мыслей и каких-то планов.

Посидеть бы уже спокойно на берегу какого-нибудь озера, отдохнуть, развести костер, удалиться от цивилизации, расслабиться вдали от людей и собственных мыслей. Когда вообще в последний раз я чувствовала, что отдыхаю?

Как ни странно, на ум тут же пришел тот вечер, когда мы с Халком сидели у фонтана в парке Тали. А потом и вечера в его офисе, где мы, казалось, так недавно вычитывали мои переводы, а позже и просто говорили обо всем подряд. С Халком всегда было тепло, защищенно и никогда не одиноко. С ним всегда было хорошо и спокойно. И даже если вокруг царил хаос и беспорядки, этот мужчина был тем, что давало моему внутреннему миру желанный покой.

А если так, то пора было вспомнить, за что именно я боролась все эти последние дни. Именно за Халка и боролась. Так что, хватит раскисать. Пора снова действовать. Даже если кажется, что силы почти на исходе.

Внезапно мне на ум пришло место, где я могла бы, никому не мешая, проверить свою теорию по «призыванию» или «призыву» («вызову»? Да черт с ним, с этим словом) Комиссии.

Обдумав родившуюся идеи поосновательнее, я тряхнула головой, поднялась со стула и прошлепала в зал.

Телефонная трубка так и лежала на диване.

Я взяла ее и уверенно запикала кнопками.

— Служба вызова такси..... — Ответили на том конце.

— Мне нужна машина к подъезду. Через сорок минут.

— Куда едете и ваш адрес?

Я назвала оба места, получила подтверждение заказа и дала отбой.

Все. Пора было собираться.

Если уж выйдет так, что я просто глупая дурочка, которая кричит в никуда чьи-то имена, так пусть это произойдет там, где меня никто не видит. А если уж встреча все-таки состоится, тогда у меня есть сорок минут, чтобы решить, что именно на нее надеть.

Сидя на заднем сидении такси, я корила себя, на чем свет стоит.

Ну, куда меня, спрашивается, несет? Какого черта я собираюсь делать на этом пустыре? Вокруг уже почти ночь, тучи собираются темные, тяжелые, с минуты на минуту пойдет дождь. И нет же — меня все равно магнитом тянет куда-то в неизвестность.

Интересно, все ли такие глупые или же только я?

Ну, зачем, чтобы произнести одно слово, мне нужно было мчать через сумрак эту бедную машину,

да еще и самой рисковать, находясь за городом, выкрикивая в темное небо какие-то сумасшедшие призывы? Всегда ли я была такой простушкой или же окончательно поглупела только в последние дни? Или же это опять сказывается моя неумирающая вера в чудеса?

Я напоминала себе ошалелого сектанта, одержимого идеей, вычитанной в библиотечном экземпляре черной Магии по призыву дьявола. Разве что на моем плаще сзади не было вышито креста (или морды с рогами)? Хм-м-м. В вопросах сектантской символики я была, увы, не сильна), а так, все остальное очень даже неплохо подходило под описание — лихорадочный блеск глаз, трясущиеся руки, невозможность усидеть без движения ни минуты, одержимость испробовать новый метод прямо сейчас и ни секундой позже.

Безжалостно комкая лежащую на коленях сумочку, я то и дело поглядывала то на счетчик на приборной панели впереди, то на тяжелое небо за окном.

Почти стемнело.

Водитель, лица которого я не разглядела, что-то бубнил себе под нос — не то мычал мелодию, не то вел внутренний диалог с воображаемым собеседником. Ему было до фонаря — кого везти, куда везти, лишь бы заплатили в конце поездки. Ну, с этим, у меня в последнее время проблем не было — в кармане плаща уже дожидались своей минуты мятые банкноты. Но мне снова было не до мыслей о собственном богатстве.

Я что, правда, собираюсь орать имя Дрейка вникуда? Вот так просто взять выйти из машины, встать посреди поля и орать?

По-видимому, собираюсь. Ведь еду же зачем-то.

Я потерла шею и простонала. У других людей жизнь, как жизнь, а у меня сплошной кавардак.

— Эй, вам плохо там? — Раздался голос с переднего сиденья.

Он, вероятно, услышал мой стон.

«Нет, хорошо. Очень даже хорошо. Учитывая, что скоро мне предстоит читать «заклинание», то не мешало бы какую таблетку принять, для более эффективного погружения в транс...» — очень хотелось ответить мне. Но как все нормальные (и вежливые) люди, я ограничилась словами:

— Все в порядке. Спасибо.

Водитель подозрительно глянул на меня в зеркало.

— Вы это.... только не блейте в машине. Если плохо, там, или чего.... Каждый вечер отмываю.

— Я уж постараюсь. — Огрызнулась я и нервно вздохнула.

Не хватало мне сейчас еще и диалогов о заблеванном такси для поднятия духа. Будто итак голова не ломилась от своих насущных дум.

К моему облегчению, уже через несколько минут, машина остановилась.

— С вас двенадцать пятьдесят.

Я полезла в карман и достала деньги. Протянула три пятерки.

— Сдачи не надо.

— Спасибо. — Водила ловко забрал денег и запрятал в лежащий рядом с коробкой передач кошелек. — Девушка, а вы уверены, что вам надо было сюда? Вы местом не ошиблись?

Я хмуро посмотрела в окно.

— Нет. Не ошиблась. И ждать меня не надо.

— Ну, как знаете.

Я не ответила, просто вышла наружу и хлопнула дверцей. Такси тут же взревело мотором и ушло на разворот. Когда звук двигателя стих за спиной, я медленно вдохнула тяжелый предгрозовый воздух. Ну, вот я и на месте.

До ближайших улиц города отсюда было километра два. Самое то, для того, чтобы не быть потревоженной случайными свидетелями, и чтобы в случае необходимости можно было пешим ходом вернуться обратно к цивилизации.

Я огляделась вокруг.

Сзади меня высилась лесополоса. За ней проходило шоссе, ведущее в город. По сторонам и спереди раскинулся пустырь. Здесь когда-то возможно было поле, но теперь земля не использовалась для выращивания, а посему заросла какой-то низкорослой травкой. Где-то впереди, поля все же начинались, но до них еще было идти да идти. Теоретически там могли обнаружиться люди, занимающиеся сбором урожая, но я на этот счет не волновалась. Вряд ли кто-то заниматься этим в девять вечера, да еще и перед самой грозой. Уж скорее посидеть дома, перед телевизором, где уютно шкворчит плита и готовится ужин.

Я снова оглядела местность. Мда-а-а-а. Сегодня здесь было совсем не так, как когда-то.

Это место я помнила только потому, что когда-то давно, еще до Алекса, мы с друзьями из колледжа пару раз приезжали сюда, разводили костер, жарили сосиски, пели под гитару и общались. Здесь всегда было тихо и свежо — зелень, трава, синее небо, ласковое солнце.

Но теперь не звучало ничьих веселых голосов — не было ни друзей, ни солнца, ни костра, а только резкие порывы ветра, взметающие в воздух дорожную пыль, темные облака и непрерывный шум листвы за спиной, который иногда, впрочем, стихал на минуту или другую.

Я стояла, чувствуя, что озябла, глядя на тучи на горизонте.

Никогда мне еще не было так страшно и странно. Что я собираюсь делать, если никто не откликнется на зов? Такси нет, я сама его отпустила — не хотела любопытных зрителей, и если затея успешно завершится провалом, мне придется пешком идти до города по пустынной дороге, да еще и под дождем. Чем и о чем я только думала?

Холод пробирался под тонкий плащ, заставляя тело вздрагивать.

Но это все будет позже. Сначала надо пробовать то, зачем приехала.

Знал ли этот чертов осведомитель, что из-за его недосказанности, одна глупая девчонка окажется за городом, в поле, пытаясь отважиться на действия, которые иначе как сумасшедшими и назвать-то не удастся?

Я посмотрела на собственные руки, затем на небо, затем по сторонам, будто оттягивая какой-то неизбежный момент. Голова стала пустой и глупой. Наверное, так сказывалась безумство ситуации.

Я глубоко втянула воздух, напоенный травами. На горизонте темные облака прорезала далекая вспышка молнии. Пока еще бесшумная.

Ну, что ж.... Пора приступать.

Я зачем-то сделала шаг вперед, будто это место было более волшебным, чем то, на котором я стояла секунду назад, вытянула руки по швам, выровняла подошвы туфель. Потом, осознав свои действия, нервно рассмеялась.

Какой-то сумасшедший фильм, ей-богу! Магия Вуду.... Призыв мертвых из-под земли. Так не лучше ли тогда натянуть мантию и раскинуть руки в стороны? Что стоять-то, как игрушечный солдатик?

Подавив нервный смех, я попыталась сосредоточиться. Каким бы сумасшедшим это все ни казалось, а думать об этом я буду позже. Сделав несколько глубоких вдохов, я заставила себя открыть рот, но не смогла проронить ни слова. Только сипло выдохнула.

Черт бы подрал это волнение!

Прочистив горло, я набрала в легкие побольше воздуха и сделала вторую попытку, которая получилось чуть лучше первой, но все равно не очень громкой:

— Дрейк!

Ничего не произошло, гром не грянул, никто не появился из воздуха, но.... померещилось или нет, — вокруг что-то неосяземо изменилось.

Я вздрогнула и огляделась. Прислушалась к собственным ощущениям. Мне почему-то показалось, что меня «слушают». Не знаю, как именно, но будто вся природа, все вокруг застыло на секунду, вслушиваясь в мои слова. Появилось странное ощущение, что именно сейчас мои слова приобрели особую силу — какую-то настоящую, огромную, разносящуюся сквозь пространство, которой раньше в них никогда не было. И нужно было действовать быстро и говорить правильно, иначе момент мог уйти, так подсказывала мне моя интуиция.

Не давая себе раздумывать, я резко втянула воздух и на этот раз уверенно прокричала, глядя куда-то вдаль:

— Дрейк! Пожалуйста, нам нужно поговорить!

Странное ощущение «присутствия» усилилось — вокруг воцарилась такая тишина, будто не существовало ни травы, ни ветра, ни деревьев. Листва за спиной застыла, а воздух зазвенел — едва слышно, тонко и непривычно.

А потом все резко кончилось. Ощущение «присутствия» пропало полностью, на листву снова жадно набросился ветер, а где-то вдали прогремел гром.

Я бросила взгляд сначала налево, потом направо. Ничего не изменилось. Я посмотрела вверх, затем по сторонам, внимательно пригляделась к каждой детали. Нет, ничего. Тот же пустырь. Все так же завывает ветер и ни души. Абсолютно так же, как и было до этого.

Я постояла еще какое-то время, ожидая реакции на свои слова, а затем, наконец, разочарованно выдохнула. Ничего. И никого.

Ветер безжалостно трепал мои рыжие кудри, а я все еще продолжала стоять на пустыре, ощущая себя полной, просто законченной идиоткой. Ну, надо же было поверить в такую ерунду про «позовите». Конечно, нужно было сразу предположить, что что-то здесь не так — либо осведомитель неточно выразился, либо же я неправильно растолковала его слова. Но нет же — поехала проверять!

А теперь стою здесь одна — вокруг ни души, холод собачий, еще и начало накрапывать вдовесок.

А ведь на какую-то секунду мне действительно показалось, что мои слова кто-то «слышит», что реальность будто истончилась и стала более чувствительной, передавая мои слова на расстоянии.

Куда передает, кому передает?.... Этого я не знала.

Наивная я. Какой была, такой и осталась. Во что, спрашивается, поверила?

Мне стало обидно и как-то горько.

Что теперь делать? Просто идти домой? Я снова в отчаянии огляделась вокруг, прислушалась.

Ничего. А через секунду дождь закапал гораздо ошутимее. Волосы намокли, плащ обмотался вокруг замерзшего тела, холодные пальцы озябли так, что едва держали сумочку.

Ну, все. Хватит! Сколько здесь можно стоять? Пора выдвигаться в сторону дома.

И только я решила двинуться с места, как мне показалось, что я услышала далекий шум мотора.

Моей первой реакцией был испуг. Я затравленно огляделась вокруг, в поисках кустов, куда можно было бы нырнуть, если вдруг из-за поворота покажется машина. Что если это подвыпившие ребята, ищущие приключений? Как они отреагируют на стоящую на пустыре девушку? Одну, безо всякого сопровождения. Наверняка, решат воспользоваться моментом. Не хватало мне еще проблем на собственный зад.

Звук мотора приближался, а я все еще не могла увидеть машину, и поэтому не двигалась с места. Да где же она? Казалось, что рокот раздавался достаточно близко для того, чтобы объект уже проявил себя, но на пустыре, равно как и до этого — никого не было.

Мне стало не просто неудобно — страшно. Что за черт? Почему я что-то слышу, но ничего не вижу? Бежать.... Надо бежать отсюда пока не поздно.

Едва только я собралась сорваться с места, как, разыгравшийся не на шутку ветер, швырнул мне в глаза дорожную пыль, и я чертыхнулась, пытаясь как можно скорее проморгаться. Когда через несколько секунд, я перестала тереть веки и сумела снова открыть глаза — машина была уже почти передо мной.

Я застыла, как вкопанная.

Ее бы я не спутала ни с какой другой машиной, хоть никогда в жизни и не видела.

Неизвестной марки, достаточно большая, с затемненными стеклами, серебристого цвета с широкой белой полосой по борту.

Комиссия.

В этот момент я окончательно струхнула, и едва удержалась от того, чтобы от страха не опуститься на землю.

Они услышали. И теперь они здесь.

Черт, черт, черт.... Что я скажу? Ведь я до последнего не верила, что кто-то появится в ответ на мои слова, а осведомитель оказался прав — стоило их только позвать, как они возникли. И такое ощущение, что практически из ниоткуда.

Я оцепенело продолжала стоять и тогда, когда автомобиль затормозил напротив меня. Каждая деталь, каждое движение теперь отпечатывалось в моем мозгу так ясно, будто я смотрела кадры из замедленного кинофильма. Мотор затих, открылась дверца пассажирского сиденья рядом с водителем, и почти одновременно с ней открылись обе задние двери.

Вышли трое.

Одеты все были одинаково — странного вида комбинезоны (а, может быть, то были куртки и брюки?), отливающие серебром, с проходящей по боковому шву рукавов и штанин белой полосой. Никогда я не видела их до этого (в этот момент мелькнула мысль «да и не видеть бы») — людей из Комиссии.

Комиссия.

Это слово глухо пульсировало в голове, заставляя цепенеть, но уже не от холода, а от страха. Так вот, значит, про кого рассказывал Халк. Вот, значит, какие они на самом деле — те, кто создал этот мир со странными уровнями, городами и переходами.

Мне казалось — еще секунду, и я упаду в обморок. Может, так было бы куда проще, но

предательское тело не искало легких путей, и продолжало ровно стоять перед теми, кто теперь стоял передо мной.

Да, двое чуть позади, с не особенно приметными, безо всяких выражений, лицами, а один впереди. Дрейк.

Стоило лишь только посмотреть на него, как становилось понятным, что напротив меня никто иной, кроме как начальник отряда специального назначения собственной персоной. Резкие, почти грубые черты лица, серо-зеленые глаза, выдающиеся вперед нос и подбородок, придающие ему слегка «орлиный» вид и очень и очень тяжелый взгляд.

Дрейк стоял молча, сцепив свободно висящие руки в замок, лицо его, равно как и лица остальных присутствующих, ровным счетом ничего не выражало.

«Я не знаю, люди ли они...» — Почти неслышным отголоском всплыли в голове слова Халка.

Я на секунду закрыла глаза. Теперь все происходящее было настолько нереальным, что я жадно мечтала оказаться в зале кинотеатре, чтобы эта минута моей жизни превратилась в фильм, а все события случались с кем-то другим, но только не со мной.

Но, увы, это была именно моя жизнь, и именно мне приходилось во всем участвовать. Медленно выдохнул, я открыла глаза. Машина так и стояла позади, трое мужчин смотрели на меня, а вокруг завывал ветер, разбрасывая вокруг холодные капли дождя.

— Я слушаю. — Раздался низкий ровный голос, и я поняла, что это произнес Дрейк.

Кое-как собрав все силы в кулак, я посмотрела на него, встретив ровный холодный взгляд серовато-зеленых глаз. Слишком ровный, чтобы быть ободряющим и слишком тяжелый. Мать моя... действительно, слишком.

Я сглотнула.

Если у Халка был взгляд не из легких, то этот бы мне не выдержать и в течение десяти минут.

Казалось, он словно миллион холодных лучей, легко проходил через тело, не причиняя, впрочем, боли, но, не позволяя утаить не единой детали. Это был рентген, который видел ВСЕ — мысли, прошлое, будущее, намерения, даже обрывки того, что никогда так и не сформировалось во что бы то ни было....

Я достигла той точки страха, когда сильнее бояться уже физически невозможно, и оттого вдруг перестала бояться совсем. Нет, я не стала особенно храброй или бодрой, но просто вдруг поняла, что какой бы я ни была — хорошей или плохой, умной или глупой, а второй попытки у меня никогда уже не будет.

Здесь и сейчас горят все мосты. И я не могу быть кем-то другим, а могу быть только собой. Поэтому если уж он видит так много, то нет смысла что-то скрывать или притворяться.

Я посмотрела на землю, медленно выдохнула, собралась с силами и снова подняла голову.

Несколько капель стекли с волос на лоб, а затем и щеки.

— Я прошу прощения у Комиссии, что отвлекла от дел. — Начать именно так казалось правильным. — И я позвала вас для того, чтобы поговорить о Халке Конраде.

Никто из стоящих напротив не проронил ни слова.

Дождь выстукивал равномерную дробь по поверхности машины, вода стекала по темным стеклам и по серебристым курткам. Мой плащ уже настолько пропитался влагой, что стал неподъемным, но я не замечала этого. Все так же кидал в лица стоящие людей холодные порывы ветер.

Мне нужно было продолжать, я чувствовала это. Но здесь начиналась самая трудная и неотрепетированная часть.

— Я знаю, Дрейк, что вы руководствовались вашими доводами, когда выносили решение о том, чтобы отправить его в Тали, и, наверняка, ваши решения были выверенными и взвешенными (я намеренно избегала использовать слова «правильными»). Кто я такая, чтобы оспаривать их? Я очень мало знаю обо всем этом....

Я замялась.

Взгляд Дрейка продолжал находиться под моей кожей, отчего было совершенно неудобно. И было совершенно невозможно прочесть какие-либо эмоции на его лице. Зол ли он, что какая-то пигалица оторвала его от дел и теперь лезет туда, куда ее не просят? А если зол, то как сильно накажет за это? Я вздохнула и вспомнила про второй шанс. Точнее, про его отсутствие, и потому как можно скорее продолжила.

— Ни в коей мере не осуждая ваших решений, я лишь хочу сказать, что по воле судьбы оказалась в том месте, где Халк сейчас находится, и мне посчастливилось узнать его поближе, за что я очень благодарна.

Чувствовалось, что в воздухе появилось нетерпение, поэтому я интуитивно отбросила все формальности, и прежде, чем кто-либо что-либо, скажет, перешла к самому главному.

Мой подбородок дрожал, равно как и все внутренности.

— Дрейк — он понял. Он давно уже понял, что ошибся тогда, за что и пострадал. Но он уже четыре года там. Пожалуйста, позвольте ему выйти на свободу. Хотя бы дайте шанс поговорить с вами.

Все. Я выдала то, зачем приехала. Сказала самое главное. И пусть я наглая или грубая, что вошла не в свое дело, но я должна была — просто должна была попробовать с ними поговорить.

Впервые за все это время, взгляд Дрейка чуть изменился. Стал каким-то удивленно-ироничным, продолжая сохранять изморозь. Значит, он все-таки зол....

Видя это, я втянула воздух и приготовилась к самому худшему.

Дрейк заговорил — тихо, медленно, почти проникновенно.

— Знаешь ли ты, как рискуешь, приехав сюда, для этого разговора?

Я вздрогнула.

— Знаешь ли ты, что случается с теми, кто вмешивается не туда, куда нужно?

По моей спине прошел холод, но глаз я не отвела.

Все, видимо, это конец.

Дрейк продолжил.

— Знаешь ли о том, что можешь никогда не вернуться домой с этого пустыря?

Холодные капли продолжали омыwać серый автомобиль и жесткие лица стоящих напротив мужчин. Я почувствовала, что пропала, что должно произойти что-то нехорошее.

— Знаешь ли, что никто может даже не узнать, что именно с тобой произошло, и куда ты исчезла?

Я отвернулась и посмотрела в сторону.

От этих слов делалось боязно. А еще почему-то обидно.

Низкие темные тучи медленно кружили над головой, ветер развеивал намокшие волосы, а я молчала.

Мне было обидно от того, что Дрейку не понять, насколько это давно уже «мое» дело. И что Халк не чужак для меня, а вторая половина, которую я теперь уже не смогу оставить его в беде.

И пусть даже кажется, что я лезу туда, куда мне нельзя, но на самом деле только так я могу хотя бы попробовать повлиять на события. И если уж это моя судьба — никогда не вернуться с этого пустыря, значит, так тому и быть. И если кто-нибудь сказал бы мне заранее, как страшен может оказаться этот разговор, я бы все равно пришла сюда. Все равно попробовала бы. И все равно рисковала бы.

Я повернулась и посмотрела на Дрейка. С ресниц капала вода, но я не обращала на это внимания. — Да, Дрейк. Я знаю, как рискую, придя сюда. И да, я осознаю, что могу никогда не вернуться домой.... Но мы все верим, что заслуживаем шанс где-то найти свою любовь, правда? И так уж вышло, что тот, кого вы заточили в Тали — и есть моя вторая половина.

Я помолчала. Пожевала губами, с удивлением ощущая, что теперь почему-то не страшно. Должно быть, наверное, а не было этого. Теперь уже просто хотелось сказать то, что хотелось и наплевать, что будет дальше. Ведь все равно не я решала, какими будут последствия.

Они смотрели выжидающе. Один впереди и двое позади.

— И знаете, что я вам скажу? — Еще одна пауза. И будто даже интерес в глазах Дрейка. — Халк стоит этого риска. Кто-то другой бы, может, и не стоил. А он — да. Поэтому я лучше рискну. Даже если и не вернусь домой с этого пустыря.

Закончила я свою речь.

Смято, сумбурно, но чистосердечно.

Я есть — кто я есть. И это моя жизнь, моя история, я должна в ней участвовать, даже если и не всегда приятно. Но вот на что я точно не имею права, так это сдать и пустить все на самотек.

«Халк бы так не сделал» — подумалось мне, и от этого стало спокойно, даже как-то легко.

Закончив говорить, я засмотрелась на клубящиеся за плечом Дрейка низкие облака, которые изредка прорезали вспышки молний. Теперь уже и гром нет-нет, да добирался сюда. Значит, скоро действительно пойдет, так пойдет.

И непонятно в каком направлении меня увезут из этого дождя.

Я вздохнула. Сколько раз я рисковала за последние три месяца? Неимоверное количество. И оно все того стоило. Просто я как-то незаметно начала уставать — то ли от одиночества, то ли просто выбилась из сил, потому что так и не сумела отдохнуть, вернувшись в Клэндон-сити.

А теперь еще, наверное, не помогла, а только напортачила со всем этим. Жаль будет, если из-за меня Халка не просто не выпустят, а еще и дополнительно накажут....

Меня бы так и носило в собственных мыслях, если бы какое-то движение руки Дрейка, не привлекло мое внимание.

Я напряглась. Все мысли тут же вылетели из головы. Только гулко и боязненно заколотилось сердце. Что он делает?

А Дрейк, тем временем, сделал не что иное, как достал из кармана монету. Обычную — круглую и серебристую.

Я опешила. Зачем?

Он посмотрел на меня. В очередной раз я удивилась, как давящим и одновременно пронзительным может быть взгляд.

Дрейк зажал монету двумя пальцами и показал мне. Выдержал паузу. И ничего не сказав, просто подбросил ее.

Как уже случилось до этого, мне вдруг снова показалось, что воздух как-то неестественно зазвенел, а все вокруг притихло. Монета, медленно оборачиваясь в воздухе, плавно описывала дугу. Во все глаза на нее смотрела я. Был прикован к ней и внимательный взгляд Дрейка.

Секунда — и вот уже монета снова лежала на его кулаке, прикрытая сверху пальцами другой руки. Начальник спец. отряда посмотрел на меня. На губах его теперь играла жесткая усмешка.

— Либо сегодня твой день, либо нет. Молись.

Единственное, что я успела проверещать в собственной голове, было слово «Господи!...» А что именно «Господи», я даже не успела подумать. Дрейк уже отнял пальцы и посмотрел на монету.

Мне не было видно, какой стороной легла пресловутая кругляшка, да и была ли разница, если я все равно не знала правил игры? Правильно он сказал — молись. Что в таком случае еще оставалось?

Взгляд Дрейка застыл на монете. Секунда, вторая, третья... Я видела, как дождь стекает по его коротким волосам и вискам, как рисует дорожки на серебристой куртке. А потом его губы дрогнули в улыбке.

Он посмотрел на меня. И, наверное, впервые из его взгляда пропала тяжесть.

— Можешь сказать Халку, что он свободен.

Я не поверила своим ушам, а через секунду шумно выдохнула. Не успела я решить, а какую сторону мне лучше завалиться (на этот раз тело решило поискать легких путей, отчего ватные ноги почти перестали держать), как Дрейк уже развернулся к машине. Двое других, так и не проронивших ни слова, словно по команде, садились внутрь.

Я все еще не верила в то, что произошло. Он сказал — «Халк свободен». Эта мысль только и дожидалась того, чтобы взорваться радостью где-то внутри, но сначала нужно было дождаться отъезда Комиссии. Пусть уедут. Пусть только не изменят решения! Пусть катятся к чертовой матери и дадут мне порадоваться первой настоящей удаче в жизни!

Теперь и холодный ветер был в радость, и облака услаждали взгляд, и гром был салютом победы.

Дрейк уже собрался сесть в машину, но на секунду обернулся и произнес:

— Не забудь сказать ему, чтобы заглянул ко мне, когда будет поблизости.

Я быстро кивнула в ответ.

А потом произошло то, чего я ну никак не ожидала. Дрейк подмигнул мне. И сразу после этого скрылся в машине.

Я едва не хохотнула вслух. Ну и дела! Казалось, еще минуту назад он был таким непробиваемым, тяжелым и злым, а потом монета, «свободен», «пусть заглянет ко мне», да еще и подмигнул. Причем, с этого «подмига» у меня едва снова ноги не подкосились. Только на этот раз как-то по-другому, не от страха.

Я решила на этом моменте не сосредотачиваться, для себя отметив, что «нахлебается» по самое некуда та девушка, которую такой мужчина, как Дрейк изберет себе в пару.

Захлопнулись дверцы, заработал мотор. Машина тронулась, выехала на дорогу, какое-то время ехала по ней, а потом ветер швырнул мне на лицо собственные волосы, а когда я убрала их, машины уже не было.

Я лишь усмехнулась.

«Как знакомо».

А после этого, я, наконец-то, позволила себе сесть на траву. Ну и Бог с ней, что мокрая, и что прямо

задом....

И как же мне было в эту минуту хорошо. Я смотрела на небо и чувствовала, что смеюсь. Может, от пережитого страха, но скорее от счастья. От предвкушения того, что в кои-то веки в моей жизни что-то пошло правильно, и теперь у меня будет возможность сообщить радостное известие Халку.

Где-то в небе снова грохотнуло, а я лишь улыбнулась в ответ. Нет, гроза — ты не стала для меня роковой. Ты стала для меня началом хороших перемен. И словно в ответ на мои мысли, ветер бросил в лицо очередную порцию капель, перемешанную со свежестью.

Я вытерла лицо ладонками, отжала мокрые волосы и поднялась с травы. Пора домой. Пора к горячей чашке чая и новому светлому будущему.

Шагать было легко, и я не жалела, что отпустила такси. По асфальту и траве, растущей вдоль дороги, водили хороводы миллионы капель, ударялись о поверхность, разбрызгивались, стекали по лодыжкам и хлюпали в туфлях.

А я пела. Звонко и радостно, в одиночку шагая под грозой, пела все, что приходило в голову. Просто потому, что очень хотелось вторить улыбающемуся сердцу.

Глава 14

Наверное, впервые за последнее время, я точно знала, что нужно делать дальше.

Если раньше я постоянно сомневалась или чувствовала себя подталкиваемой в спину обстоятельствами, то теперь я знала, что попутный ветер сам надувает невидимые паруса, чтобы лодка судьбы двигалась в правильном направлении.

Отпарившись в горячей ванне, полной мыльных пузырей, отогревшись несколькими кружками чая и прокружив по дому туда и обратно несколько десятков раз, лохматая, отмытая и счастливая, я, наконец, отправилась в спальню.

Осталось только дожидаться завтрашнего дня, чтобы действовать.

Да, Дрейк не сделал все по-легкому, приказав привезти Халка из Тали, чтобы мы смогли жить «долго и счастливо», но он сделал самое главное — дал мне свободу. Свободу действовать. А это было самым главным.

Если раньше у меня постоянно были связаны руки и постоянно присутствовал страх сделать неверный шаг, то теперь он полностью пропал. Я знала это. Чувствовала носом в воздухе, и от этого делалось как никогда легко.

Я забралась в кровать и счастливо вздохнула.

Завтра будет новый день. Завтра Халк станет еще на шаг ближе, а вскоре, пройдет совсем немного времени, и моя кровать вновь согреется теплом, а жизнь перестанет быть одинокой. Сказать, что я скучала по Халку, было, как не сказать ничего. Нет, я не ревела и не сидела часами над его воображаемым портретом. Я не жаловалась всем и каждому, что нашла принца, который по воле обстоятельств от меня далеко.

Нет. Я молчала.

Только в душе я чувствовала себя словно кошка, у которой появился дом, в котором горит свет и тепло, в котором всегда звучат ласковые слова и смех, в котором царит понимание и любовь. Но к которому я, по какой-то странной причине, я не могу отыскать дорогу обратно.

Я закуталась в одеяло и посмотрела в темное окно, за которым продолжал накрапывать дождь.

Ведь если такой дом существует, то однажды меня обязательно найдут, а дверь внутрь откроется, и я

снова буду лежать на знакомых коленях, поглаживаемая теплой, любящей рукой. И никто другой не сможет заменить меня в этом доме, там всегда будут ждать именно меня. Будут любить и помнить, даже если меня не будет рядом. Там меня никогда не оставят и никогда не забудут.

По какому-то наитию, я знала, что Халк помнит каждую минуту, проведенную со мной. Даже если их и было не много.

Мне не хватило времени, чтобы о многом сказать ему, стольким поделиться, по-настоящему показать свой внутренний мир, рассказать о каждой краске, каждом оттенке, каждой эмоции, что делала его таким, каким он был. И мне было тепло от того, что Халку была бы интересна каждая мелочь, каждая деталь, что он ничего не упустил бы из вида, нежно дотрагиваясь до того, что когда-то звалось «моим», превращая это в «наше».

Мне хотелось провести с Халком вечность, занимаясь всем, чем люди только могли заниматься вместе — путешествовать, готовить, обставлять дом, лениво валяться на диване, выдвигать сумасшедшие идеи и воплощать их, вбирать в себя тихие минуты счастья, когда знаешь, что тот, кого ты любишь просто здесь и просто рядом. Хотелось смотреть, как он читает, сидя в кресле, или как говорит по телефону, хотелось быть рядом тогда, когда его брови отчего-то начнут хмуриться или вдруг на мгновение пропадет улыбка. Просто для того, чтобы самый важный человек в жизни знал, что он не один, и что всегда есть протянутая рука, друг, поддержка, улыбка, теплое сердце и любящий взгляд.

Нужно ли еще что-то в жизни, кроме этого? Все остальное — это мелкие иллюзии, которые время от времени манят за собой, заставляют на мгновение забывать о том, что по-настоящему ценно и важно, в то время как это самое важное — оно всегда остается внутри.

Сонная и уставшая, я какое-то время размышляла обо всем подряд, включая Дрейка и о Комиссию, размышляла о том, какие они все-таки странные и непонятные, но все же не такие уж и страшные, а потом, тихо и незаметно, соскользнула от блуждания в мыслях в сон.

Поздно вечером в своем кабинете, когда фиолетовое небо превратилось в чернильное, а силуэт красных гор слился с горизонтом, Халк поднялся из-за стола, заваленного всевозможными бумагами. Он просидел за ним без малого три часа, изучая все те документы, которые смог добыть — описание расположения камер на территории Тали, внутреннюю организацию секьюрити центра, количество вышек на городских воротах, по каким дням приходит и уходит автобус с заключенными, как именно проложен электрический забор и в какие часы на воротах происходит смена караула.

Помимо этого Халк выяснил, что за оружие выдается охранникам, стоящим на вышках, к какому трансформатору подключены прожекторы, освещающие выстриженную под ноль для идеального обзора, территорию вокруг зоны.

Пока все казалось выполнимым.

Может быть, не очень легким для одного человека, но все же выполнимым.

Конечно, подготовка к финальному действию займет еще не один час, а, может быть, и день, но отступать было поздно.

Хотел он того или нет, а решение о том, чтобы выбираться из Тали самостоятельно, было принято. О последствиях задумываться не хотелось. Оставалось надеяться, что он сумеет объяснить причину своих действий Дрейку, и тот найдет их оправданными. А если нет.... То, значит, придется попробовать объяснить еще раз. Сидеть сложа руки сил больше не было.

Оставалось еще несколько важных дел, которые нужно было закончить перед «отъездом»: верный подбор персонала, чтобы ранчо продолжало функционировать, и не абы как, а в соответствии с его указаниями (все-таки это место являлось Халку домом на протяжении долгих четырех лет, и пускать отлаженную систему на самотек было бы обидно), Янка, лежащая в изоляторе, и Табита, которую нужно было как-то убедить покинуть тридцать третью зону.

Подбор мотивационных слов в случае с чернокожей женщиной был той еще задачей. Ведь если не будет она чувствовать себя нужной и полезной на новом месте, то и задерживаться там не захочет. И никаким новым домом не приманишь, хотя Халк почти уже подобрал его для кухарки. Конечно, тайно.

Но если с Табитой все было если и не просто, то хотя бы понятно, то что делать с Янкой, он все никак не мог решить.

С одной стороны эта глупая белобрысая бестия сама выбрала такую судьбу, за что и поплатилась. И ведь себе навредила исключительно потому, что пыталась навредить другим. А с другой стороны, Халк знал, что мог бы помочь ее мозгу «включиться» и заработать. И пусть его знания в области выздоровления и регенерации не были такими обширными, как у одного из его друзей, но все же их с лихвой хватило бы для этого случая. Можно было бы еще и пару изменений внести в ее голову заодно, чтобы пропала тяга к плохим помыслам, вот только стоила ли эта девчонка того?

Не важно, стоила или нет, а решить это нужно было до того, как он покинет Тали. Потому что когда-либо возвращаться сюда, Халк был решительно не намерен.

Крутились мысли и о том, необходимым ли было убивать охранников, при попытке пробиться наружу. Обычные они, в общем-то, люди. Просто не вовремя на пути оказались, только в этом и была их вина. Или же все-таки попробовать ускользнуть вместе с автобусом? Чтобы незаметно и тихо. А как же тогда быть с Табитой?

Эти и многие другие мысли постоянно будоражили голову все еще действующего владельца ранчо, не давая спокойно уснуть или забыться хотя бы на несколько часов. Но Халк не сетовал. Да, но устал. Но волнение от того, что вскоре что-то изменится, будоражило тело и голову похлеще инъекции адреналина.

И пусть там дальше будет то, что будет. Но он, может быть, снова станет свободен.

Халк потер виски и снова опустился в кресло. Бумаги, бумаги, бесконечное количество....

Утро нового дня так и застало его погруженного в чтение.

Я оказалась права, когда предположила, что уважаемый осведомитель мог знать и следующий интересующий меня телефонный номер.

Заваривая себе утренний кофе, я усиленно вспоминала имена, которые когда-либо упомянутые при мне Халком. Так был Дэлл — тот, что с ножом, потом какой-то профессиональный киллер с навыками регенерации тканей, кто-то по имени Аарон и еще один безымянный, с умением преследовать на расстоянии. Не густо.

Халк говорил, что всего в отряде то ли двенадцать, то ли тринадцать человек, но не особенно распространялся о деталях. Однако, того, что я слышала, должно было хватить для выполнения следующего шага. Пораскинув мозгами, я пришла к выводу, что искать Дэлла, о котором говорилось больше всего, не стоило. Могло статься, что он до сих пор прикован к ножу, который получил в наказание, а это значило, что свобода его действий могла быть сильно ограниченной. Тогда этот

вариант мне не подходил.

Из всех перебранных памятью упомянутых мужчин, я, в конце концов, выбрала одного, и именно на него сделала ставку, когда вновь набрала номер осведомителя.

— Доброе утро.

— Доброе. — Ответил знакомый по прежнему телефонному разговору мужской голос.

— Мне нужен один номер телефона. Это снова будет три тысячи?

— Может меньше, может больше. Чей номер тебе нужен?

— Он служит в отряде специального назначения. Имени я не знаю. Но знаю то, что он может преследовать людей на расстоянии, и в этом уникален. Думаете, вы сможете мне помочь?

— Думаю, что смогу. — Не смутился осведомитель. — Даже сделаю тебе скидку до пары тысяч из-за того, что звонишь уже на следующий день.

Показался в его речи суховатый юмор или нет, я так и не поняла.

— Хорошо, я готова записывать.

— А ты уверена, что хочешь с ним встретиться? Ты ничего не перепутала?

Я немного опешила, отставила подальше чашку с кофе и удивленно ответила:

— Да, уверена. А почему вы спрашиваете? Вы хотите меня о чем-то предупредить?

На этот раз мужчина на том конце точно усмехнулся.

— Ответ на этот вопрос будет стоить тебе еще три тысячи.

Я хмыкнула.

— Нет, спасибо. Может быть, как-нибудь в другой раз.

— Дело твое.

Осведомитель продиктовал мне ряд цифр, который зажатый в моей руке карандаш тут же вычертил на бумаге. Когда в трубке раздались короткие гудки, я немного рассеянно перевела взгляд с телефона на блокнот.

С чего, вдруг, этот товарищ спросил, уверена ли я, что хочу встретиться с тем, чей номер запросила? Был ли в этом какой-то намек? А если да, то на что? И стоило ли мне потратиться на дополнительную информацию, которую я так скороспешно решила пропустить?

Мда-а-а. Загадка.

Я пожала плечами. Чего мне бояться? Если Халк говорил, что они все — друзья, тогда, значит, поймет этот преследователь, что я звоню ему по делу. Это встречи с Дрейком я боялась до дрожи в коленях, а в этот раз я буду звонить союзнику, а не как в прошлый раз, почти что врагу.

Придя к такому выводу, я решила выкинуть из головы странный вопрос и побыстрее перейти к дальнейшим действиям.

Собрав вещи, которые еще три месяца назад скопились в ванной, я, наконец-то, сподобилась отнести их в химчистку, затем зашла пообедать в кафе на углу, после чего на какое-то время растворилась в собственном магазине, помогая Линде разобраться с бумагами. Поспешно выдав ей серию советов и комплементов, я уже в три часа дня снова была на улице.

День выдался теплым, по-августовски приятным.

Кружили туда-сюда легко и пестро одетые пешеходы, терпеливо дожидались зеленого сигнала светофора машины, торговец мороженым радовался наплыву покупателей — спрос на его товар быстро спадет, когда начнутся холода, но сегодня теплое солнце выстроило целую очередь у его

фургончика.

Я посмотрела на облизывающих рожки с разноцветными шариками людей и улыбнулась. На душе было хорошо. Может быть, впервые с тех пор, как я вернулась в Клэндон-сити.

Плавнo разминувшись с несколькими пешеходами, я перешла на другую сторону улицы и направилась в парк.

Пришло время позвонить.

Страничка с телефоном, вырванная из блокнота, лежала в сумочке, я дважды проверила это, прежде чем выйти из дома.

Сегодня парк был полон посетителей — звенели веселые фонтаны, на траве всюду были разбросанные цветные одеяла, на которых вальяжно лежали мужские и женские тела тех, кто в пятницу рано освободился от работы.

Я снова улыбнулась.

Несмотря на количество загорающих, едущих на велосипедах и бегающих трусцой по парку, на мое счастье нашлась одна пустая скамейка под одним из раскидистых деревьев, на которую я тут же взгромоздилась, радуясь тому, что мне досталось место в тени.

Секундой позже из сумочки был извлечен телефон и листок из блокнота. Так-так.... Не перепутать бы цифры.

Я воодушевленно, но аккуратно, запикала кнопками. Продолжая разглядывать загорающих на лужайке, рассеянно вслушалась в раздавшиеся в трубке длинные гудки. Хорошо бы осведомитель ничего не напутал, и хорошо бы, если бы этот парень, которому я сейчас звоню, оказался не слишком занят.

— Я слушаю. — Еще через два гудка раздался низкий мужской голос, и мое сердце обрадовано подскочило. По-крайней мере абонент оказался на месте. И у Дрейка он, что ли, научился так отвечать? «Я слушаю» — тоже мне приветствие крутых парней....

— Здравствуйте. — Бесстрашно начала я. — Меня зовут Шерин, я знаю, что мы не знакомы, но мне очень нужно с вами поговорить.

Пауза. Затем еще две секунды молчания. Почему он молчит? Занят?

Наконец, собеседник ответил:

— Я не знаю, где ты взяла мой телефон, но знаю, что, скорее всего, пристрелю того, кто тебе его дал. Признаться, я совершенно не ожидала такой реакции, а посему только нервно сглотнула.

— Пожалуйста, подождите. Не нужно никого стрелять. Мне действительно очень нужно с вами поговорить.

Холод на том конце ощущался даже через трубку.

И это было совсем не тем сценарием, который радужно грезился мне в утренних планах. Я-то думала, в отличие от Дрейка, этот парень окажется, ну.... если не душкой, то хотя бы «нормальным», но с каждой секундой мнение мое стремительно менялось. Что-то с ним было не так. И вообще, мне почему-то стало холодно и неприятно внутри, хотя видимых причин для этого не находилось.

— Вы меня слышите? — Сделала еще одну попытку я, начиная нервничать.

Мужчина, по-видимому, слышал. Потому что ответил.

— У тебя есть несколько секунд, чтобы объяснить причину своего звонка, и если она мне не понравится, то последствия не понравятся тебе.

По моей спине в середине жаркого дня прошел холодок.

Вот черт.... Что с ними со всеми такое? Один хлеще другого, ни на шаг не подступиться.

В какой-то момент я начала осознавать, что имел в виду осведомитель, когда спрашивал, действительно ли мне хочется позвонить этому субъекту. Потому что мне все меньше нравился этот разговор. И этот субъект. И вообще, настроение стремительно портилось.

Но выделенные мне несколько секунд нужно было использовать.

— У меня есть информация о Халке Конраде. — Пошла я ва-банк. Если это имя ничего не изменит для собеседника, то и встречаться мне с ним незачем. Просто извинюсь и попробую найти кого-нибудь другого.

«Конечно, если мне дадут так просто уйти» — взялась откуда-то пугающая мысль.

«Черт, надо же из всех было выбрать именно этого психа». Оставалось надеяться, что мысли он читать не умел. Радостный солнечный день теперь резко контрастировал с голосом из трубки, и, думая об этом, я действительно жалела, что набрала этот злосчастный номер.

Но, как оказалось, имя Халка значение имело, потому что неласковый собеседник произнес:

— Встретимся через тридцать минут.

Не успела я спросить, где именно, как в трубке раздались короткие гудки.

Это начинало злить.

Они вообще договаривать, дослушивать и отвечать на вопросы не умеют — эти чертовы люди? Куда подевалась обычная вежливость, не научили их, что ли там, на полигонах Комиссии? Хотя, такие как Дрейк, научат.... Плохому, разве что и научат.

Удивляясь окончательно испортившемуся настроению, я еще раз бросила взгляд на нежащихся на солнце людей, не подозревающих в эту сладкую минуту о каких бы то ни было проблемах, и потонула в своих мыслях.

Где этот «друг» хочет встретиться? Почему не сказал ничего? Что, мне его на лавке в парке так и дожидаться?

Я достала брошенный в сумку телефон и посмотрела на часы.

15:21.

Разговор закончился минуту назад, значит, максимум просидеть здесь мне придется до 15:50 — ведь встреча была обещана через тридцать минут. Я вздохнула и подумала о том, что зря забыла купить бутылку воды — день действительно был жарким, и я основательно вспотела даже в тени.

Но мысли о воде вылетели из моей головы тогда, когда в желудке вдруг, откуда не возьмись, образовался неприятный комок, который незаметно перерос в слабую пульсирующую боль.

Продержавшись с несколько секунд, боль, так же неожиданно, как и возникла, стихла.

Я приложила руку к животу и удивленно прислушалась к внутренним ощущениям. Отродясь у меня не было проблем с желудком. Что такого я ела сегодня в кафе за обедом? Вроде ничего необычного — салат с сыром, стакан сока и какое-то пирожное....

Мысль о еде снова прервалась короткой вспышкой боли, но на этот раз ближе к сердцу.

Я заволновалась.

Что твориться с моими внутренностями? Неужели мне нездоровиться от жары? Расстроившись, я вспомнила, что никаких таблеток в моей сумке не имелось, но даже если бы и имелись, то я все равно не знала, какие именно мне могли бы помочь.

Боль стихла, оставив меня сидеть в полном раздрае.

Мне все это совершенно не нравилось.

Не нравилось мне так же и то, что парк, несмотря на сияющее солнце и людей вокруг, вдруг показался каким-то странно пустынным и даже зловещим. Будто грозящим какой-то опасностью. Я нервно огляделась вокруг, продолжая прижимать руку к животу. Вокруг все было привычным и знакомым — бегали одетые в майки и шорты спортсмены, катались велосипедисты — поодиночке и парами, кто-то рассекал бетонные дорожки на роликах или же просто неторопливо прогуливался держась за руки и болтая.

Но, несмотря на обилие людей, нехорошее предчувствие усилилось. Мне отчего-то спешно захотелось покинуть это место. Лавка будто жалилась, люди выглядели притворяющимися и лежа на своих одеялах, словно втихаря следили за мной из-под кепок и соломенных шляп.

Я тряхнула головой, когда поняла, что медленно схожу с ума. Прямо в середине дня и прямо в парке. Ну, кто бы стал за мной следить? И зачем? Что за бредовые мысли в голове?

Но когда я поняла, что паника от солнечного света не рассеивается, а лишь усиливается, я, несмотря на разумные доводы, резко поднялась со скамейки.

Все. Я иду домой. Там тихо и безопасно. И там есть таблетки от желудка. И к черту этого гостя, все равно он не сказал, где именно хочет встретиться.

Подозрительно глядя на прохожих, я быстро зашагала к выходу из парка. Никто не обращал на меня внимания, однако я все же шарахалась от всего, что двигалось от меня слишком близко. Какая-то мания преследования, ей-Богу! Не иначе, как со мной случился тепловой удар.

Однако размышлять не хотелось. И даже воды больше не хотелось. А хотелось только одного — бежать. Бежать к черту из этого сумасшедшего парка, подальше от подозрительных разглядывающих меня исподтишка людей, от машин, каждая из которых могла в любой момент остановиться и....

Что «и»? — задала я себе логический вопрос.

«И какие-нибудь маньяки обязательно заташат меня внутрь, чтобы мучить....» — ответил перепуганный внутренний голос, окончательно убедив меня, что я схожу с ума.

Уже на перекрестке меня вдруг снова настигла вспышка боли в груди, и я на секунду, охнув, остановилась. А когда все же сумела перевести дыхание, то на мою одиноко стоящую на зебре фигуру сигналили по-крайней мере три машины, призывая убраться с проезжей части.

Я, перепуганной рысью, кинулась к тротуару.

Дом уже близко. Уже совсем рядом.

Серые бетонные стены зданий давили тяжестью. Увитые плющом заборы недобро взирали на бегущую меня и пытались цепляться листьями за рукава, витрины скрывали за стеклами недобрые глаза незнакомцев, город дышал в спину холодно и зло. И это окончательно выбило меня из колеи. Никогда еще до этого я не воспринимала это место подобным образом. Никогда оно еще не пугало меня так, как сейчас.

Стараясь не смотреть по сторонам, я бежала вперед, едва разбирая дорогу. Прижатая к груди сумочка жалобно позвякивала металлической пряжкой, будто говоря «Эй, хозяйка! Ты куда несешься, трясет ведь!»

Когда впереди показалась знакомая стеклянная дверь, я резко надавила на нее и почти ввалилась в вестибюль. Бросилась к лифтам, едва дождавшись раскрытия дверей, заскочила в один и нажала на

кнопку пятого этажа.

Сердце колотилось, как сумасшедшее.

Я стояла, привалившись спиной к обшитой мягким войлоком стене, и все никак не могла отдышаться.

«Дома. Дома. Наконец-то, дома...» — Билась одинокая и отчаянная мысль.

Но зачем мне понадобилось домой? От кого я пыталась убежать и почему?

Выйдя из лифта, я пробежала по коридору до квартиры и щелкнула замком.

Все. Дверь заперта.

«В безопасности. Пока...»

Последняя мысль заставила снова меня содрогнуться.

Пройдя в квартиру, я приказала себе отдышаться, бросила сумку на диван, а сама уселась рядом с ней.

Что за чертовщина со мной творится? С чего мне вдруг понадобилась бежать из парка, да еще и так отчаянно, будто за мной гнались? Да и теперь ощущение ловушки не пропадало.

Почему день так внезапно изменился? Ведь все же было хорошо — утро так вообще задалось на ура, в магазине все было в порядке и только после этого чертова звонка все резко переменялось.

Чуть погодя детали головоломки начали постепенно складываться в определенную картинку.

Халк говорил, что этот товарищ, которому я позвонила из парка, может преследовать людей на расстоянии. В этом и заключалась его спецификация. Значит, ему не требовалось знать мое физическое местонахождение. Он мог его чувствовать. Пусть даже это звучит по-дурацки, но, видимо, он действительно мог....

Я медленно кивнула самой себе.

Именно поэтому мой собеседник не назначил конкретного места — оно было ему не важно. И, скорее всего, все эти болезненные симптомы, были каким-то мистическим образом связаны с тем, как именно он отслеживал людей.

Зная Халка, слушая его рассказы обо всей этой организации и вообще об устройстве Городов, я теперь вполне могла предположить, что некоторые люди обладают какими-то редкими умениями, о которых простые смертные и не догадывались.

И мой визитер, был, конечно же, одним из них.

В том, что совсем скоро он окажется в моей квартире, я даже не сомневалась. Скорее всего, это было делом нескольких минут, прежде чем раздастся звонок в квартиру. И именно благодаря этому гостю, я чувствовала себя так, слово ведь город принялся преследовать и в чем-то подозревать меня.

Нервно рассмеявшись своему поведению, я мысленно отдала салют осведомителю, который спросил, действительно ли я хочу встретиться с тем, чей номер запросила.

«Прав ты был, что сказать.... В следующий раз лучше заплачу за прояснения наперед, чем так разведывать все на своей шкуре».

Теперь, неаккуратно и наспех, разложив все для себя по полкам и осознав откуда у меня взялось такое поведение и сопутствующие болевые симптомы, я немного успокоилась. Что ж, посмотрим, какой ты в реальной жизни — преследователь. Наверное, не многие знают тебя в лицо, а для кого-то твое лицо однозначно было тем последним, что они видели в своей жизни.

Поднявшись с дивана, я прошла на кухню.

Было все еще жарко. И очень хотелось пить. И очень, ну просто очень хотелось, чтобы ощущение загнанности пропало. А то даже в собственной квартире я чувствовала себя так, словно задом сидела на радиоуправляемой бомбе с часовым механизмом. Оставалось надеяться, что когда этот тип появится на пороге, ситуация хоть как-то исправиться в лучшую сторону. И город снова станет теплым и радостным.

А то его новая версия мне как-то совершенно не нравилась.

Звонок в дверь несколько минут спустя не стал неожиданностью.

Проходя из кухни в коридор, я чувствовала, как, несмотря на всю моральную подготовку, которую я успела провести сама с собой перед приходом гостя, мои внутренности сжались в единый комок.

Кого я увижу там, за дверью?

«Это друг. Это друг....» — Напоминала я себе, открывая дверь, но ничто не смогло подготовить меня к тому, что я увидела. А точнее сказать, кого.

Мужчина, стоявший по ту сторону двери, был очень высоким. И веяло от него чем-то чрезмерно опасным.

Нет, на самом деле, как я заметила уже гораздо позже, веяло, а точнее пахло от него весьма приятно, но в тот самый момент, когда я впервые посмотрела в его лицо, мне показалось, что настал мой судный день.

«Черт, неужели.... этот.... действительно может быть другом Халка?»

Стоявший на пороге был не только высок, но и очень широк в плечах. Я впервые недоуменно посмотрела на свой дверной проем, удивляясь его узости. Наверное, строители тоже не видели таких особей, а посему недорассчитали архитектурный проект.

Глаза у мужчины были непонятного зелено-коричневого оттенка, но не теплого, как это обычно бывает, а совершенно холодного. Темные волосы зачесаны назад, скульптурные красивые губы сжаты. Если бы можно было согласно известной фразе «стечь в сапоги», то клянусь, если бы они были на мне в тот момент обуты, то я бы точно в них стекла.

Гость, ничего не спрашивая, просто шагнул внутрь квартиры, заставив меня попятиться назад. А когда он оказался в квартире, то закрыл за собой дверь и просто и коротко приказал:
— Садись.

Теперь я точно знала, что осведомитель был прав. Если я когда-то боялась встречи с Дрейком, то кто же тогда был сейчас напротив меня? И был ли на планете хоть один человек, который находясь в твердом уме и трезвой памяти, захотел бы встретиться с тем, кто был в моей квартире. Если да, то не иначе как для суицида.

Гостиная, куда я «отпятилась» задом, стала какой-то тесной и маленькой, темной и очень неудобной. Теперь она напоминала мне клетку, куда только что вошел голодный хищник.

«Это друг. Это друг. Это друг....» — Словно мантру продолжала повторять я, хотя это нисколько не помогало уменьшить страх.

Чтобы напрасно не злить незнакомца, я быстро уместила свой зад на диване и затихла. Отчего-то возникло ощущение, что торопить события и открывать рот раньше, чем следовало, было очень нежелательно. Точнее, крайне нежелательно. Это было странным ощущением, ранее незнакомым. Но оно как будто разливалось в воздухе, приказывая без слов хозяина, и отчего-то хотелось скулить и повиноваться.

Я внутренне взбрыкнула и взбунтовалась. Не хватало еще этого....

Прибывший мужчина медленно огляделся вокруг — глаза его прошлись по находящимся в комнате предметам, дверным проемам, ведущим в спальню и на кухню, скользнули по окну, а после он к чему-то прислушался.

За это время я успела как следует рассмотреть его.

Одет он был в черную куртку и черные джинсы — казалось этого типа не смущал жаркий день (вспотевшим он по-крайней мере не выглядел), вокруг его мощного торса проходил широкий мишень, на котором был прикреплен чехол для ножа и две кобуры по бокам, почти полностью скрытые курткой. На ногах были застегнуты высокие ботинки на удобной и толстой подошве — такие, как я однажды видела по телевизору, делали на заказ для военных, чтобы при ходьбе скрадывались звуки. Широкие ладони, очень мощные ноги, невероятные плечи, легкая щетина и спокойный, но недобрый взгляд, все это заставило меня внутренне сжаться и мысленно простонать. Еще я зачем-то автоматически отметила, что ни браслетов, ни цепочек, ни колец этот мужчина не носил. Только черные с серебристым часы.

И если один из друзей Халка выглядел вот так, то как тогда могли выглядеть остальные? И была ли я уверена теперь, что хочу это знать? Неужели Дрейк был способен тренировать таких вот зверей? Они же были настолько сильными и дикими, что только идиот мог бы попробовать их укротить. А Дрейк идиотом не был.... Тогда каким по силе был сам Дрейк?

«Шерин, брось эту тему, ты все равно ничего не знаешь.....»

Не успела я додумать свою мысль, как «друг», завершив осмотр, взял один из стоящих неподалеку стульев, развернул его спинкой вперед и сел напротив меня.

Если можно было еще плотнее вжаться в спинку дивана, то я это сделала.

Мужчина с квадратным подбородком, долго и внимательно глядя на меня, пожевал обломанную спичку, которую держал в губах. Переместил ее из одного уголка рта в другой. Потом спросил: — Ты ведь не зря тратишь мое время, правда?

Я почувствовала, что лицо мое стало глупым-глупым, как у собачки, который хотелось сказать и «тяв» и «гав», и дать лапу, лишь бы отстали. Но, подавив дрожь, я лишь кивнула. Потом добавила: — Правда.

Мужчина кивнул. Будто удовлетворенно.

Но мне все казалось, что разыгрывается какой-то спектакль, в котором вместо обещанной хорошей концовки будет очень и очень плохая.... Я насильно подавила приступ паники.

— Вы.... — Выдавила я, силясь избавиться от страха. — Вы меня пугаете.

У собеседника едва заметно приподнялись брови.

— Правда?

Вопрос был задан ласково, почти играючи. Было видно, что ответ его на самом деле тоже мало интересует.

Я тряхнула головой. Нужно было во что бы то ни стало избавиться от оцепенения перед этим вот.... как бы там его ни звали.

— Правда. Но я действительно позвонила вам по важной причине.

— Я надеюсь на это. Тебе тоже стоит.

Мда-а-а-а. Говорить с этим типом однозначно было нелегко.

— У меня есть информация о Халке Конраде.

Глаза сидящего мужчины едва заметно прищурились, видно было, что эта тема ему интересна.

— Он жив?

— Да.

— Ты знаешь, где он?

— Знаю.

Собеседник откинулся назад и сложил руки на груди. На этот раз лицо его было более чем серьезным.

— Что ты хочешь за эту информацию?

Я облегченно выдохнула. Значит, информатор не ошибся с телефонным номером, и этот человек на самом деле являлся другом Халка. Впервые за все это время я немного расслабилась.

— Я не продаю вам эту информацию, и деньги за нее мне не нужны. Но мне нужна ваша помощь. Взгляд зеленовато-коричневых глаз был приморожен на мне.

— Какая?

— Я хочу, чтобы вы помогли вытащить его оттуда, где он есть.

Вместо ответа, я подверглась долгому и пристальному изучению. Но потом все же дождалась и слов.

— А ты действительно уверена, что знаешь, где он есть?

— Да.

Красивые губы сложились в немного ироничную усмешку.

— Ну, хорошо.

Он достал из кармана телефон и, не отрывая от меня взгляда, нажал несколько кнопок. Приложил телефон к уху, какое-то время подождал.

На том конце ответили.

— Дэлл? Встретимся у меня через двадцать минут. Это срочно.

Дождавшись короткого ответа, по-видимому, положительного, мужчина дал отбой, поднялся со стула и кинул:

— Ты едешь со мной.

Еще один приказ. О просьбах этот мужчина, вероятно, даже не слышал.

Я быстро кивнула, снова напомнив себе дрессированную собачку.

«Он что, правда, сказал «Дэлл»?» Я не ослышалась? Тот самый Дэлл, про которого рассказывал Халк? События принимали все более неожиданный поворот.

Сгребя трясущимися руками с дивана сумку, я поднялась и взяла с комода ключи от квартиры. Человек в черной куртке уже вышел за дверь.

Никогда еще я не видела такой машины.

И будто не машины даже, а космического корабля, принявшего форму черного обтекаемого автомобиля. Казалось, дотронешься обшивки, и задрожит она под пальцами — сотканная из высоких технологий и самой ночи. После взгляда на это творение — все остальное, что передвигалось по дорогам, начинало казаться детскими деревянными игрушками — потрескавшимися, угловатыми и плохо выкрашенными.

Почему-то меня совсем не удивило, что этот мужчина выбрал такой автомобиль (я могла побиться об заклад — единственный в своем роде) Если спецификация водителя — преследование, то какие

скорости должен развивать его «верный конь», чтобы каждая миссия закачивалась успехом? А провалов, как я уже поняла, этот товарищ в черной куртке совсем не любил.

— Садись.

Он уже держал для меня заднюю дверцу открытой.

Я безропотно скользнула внутрь, стараясь не выказывать, насколько сильно меня впечатлил экстерьер его транспортного средства, и надеясь, что когда увижу интерьер, то не испытаю внепланового оргазма.

Но я все-таки испытала. Если не оргазм, то полнейшее благоговение от того, как все выглядело внутри. Каждая деталь, каждая мелочь, обшивка салона, кожа на сиденьях, приборная панель, даже дверные ручки — все было идеальным, отточенным и дорогим. Эта машина, чувствовалось, была одновременно и в какой-то мере домом и рабочим местом, и люксовым средством передвижения, которое приятно водить просто так, для души.

Как только я оказалась на сиденье, дверца захлопнулась, а водитель уселся на свое законное место. Кинул быстрый взгляд на меня через зеркало, но ничего не сказал. А я не стала спрашивать о конечном пункте назначения, итак было понятно, что едем куда-то туда, где ему удобно будет говорить.

Машина тронулась. Плавно и почти бесшумно. А через секунду меня вдавило в спинку от ускорения. Я медленно стекла на пол от неуместной эйфории. Стараясь, чтобы мое глупое и счастливое без причины лицо не отражалось в зеркале, я лишь, спрятавшись за водительским креслом, наслаждалась поездкой.

Интересно, сколько людей удостоивалось чести сидеть внутри это машины? И не тех, кто впоследствии поплатился за это жизнью, а таких как я, способных получить «free ride» в качестве подарка

И все же сминающая все на своем пути сила, исходящая от водителя, чувствовалась даже теперь. Хотя его внимание было отвлечено от моей персоны.

Набравшись храбрости, я высунулась из-за сиденья и осторожно спросила:

— Ты — Чейзер?

Мужчина бросил короткий взгляд в зеркало. Думала, не ответит. Но он ответил.

— Да.

И он снова сосредоточился на дороге.

А я спряталась за высокую спинку и тихонько, как фанат бейсбольной команды, только что получивший автограф от самого капитана, выдохнула.

Они были здоровыми, хорошо сложенными парнями — один брюнет, тот, что назвался Чейзером и второй — блондин с серо-голубыми глазами, что присоединился к нам по дороге. Дэлл.

Когда он сел в машину, рядом с водителем, то едва удостоил меня взглядом.

На его вопросительный кивок, Чейзер ничего не ответил, лишь покачал головой, мол, объясню позже.

Я разглядывала их украдкой. Большие парни — такие вполне могли бы быть чемпионами в каком-нибудь атлетическом виде спорта, их легко можно было представить метаящими диски или борющимися на арене, но об этом я догадывалась и раньше. Удивляло другое. Что при всей их звериной привлекательности и силе, от которой наверняка иссохлись до мумий сотни поклонниц,

единственным чувством, что приходило ко мне при взгляде на них — это еще более сильная тоска по Халку.

Да, они были brutальными моделями, способными украсить обложку журналов «Герой месяца» или «Военная мода», они были идеальными, крутыми, супер...., но они не были Халком. И это обо всем говорило.

Я тихонько вздохнула. Оставалось надеяться, что его друзья помогут мне. Ведь до Халка теперь почти уже можно было дотянуться рукой, потрогать, сказать, и он услышит.

Комната, в которой мы находились, была кабинетом Чейзера. Стол, компьютер, множество электронных девайсов и каких-то бумаг. Простая с виду, но дорогая мебель, несколько кресел, софа и кофейный столик, за которым удобно вести переговоры. И две пары внимательных глаз, сосредоточенных на мне последние двадцать минут.

Сигарета в пальцах Чейзера дымилась, в пепельнице уже лежала другая, выкуренная им раньше. Белесый дымок вытягивался в приоткрытое окно, за которым город медленно погружался в затянутый газовой дымкой вечер.

Дэлл сидел в одном из кресел напротив меня, его локти лежали на подлокотниках, а пальцы были сцеплены замок на пряжке ремня. Чейзер сидел в другом.

Ни тот ни другой почти ни разу не перебили мой несколько скомканный, но достаточно детальный рассказ о событиях за последние три месяца. Лишь несколько раз были заданы уточняющие вопросы. Коротко, точно, со смыслом.

Когда я закончила, и в комнате повисла тишина, мужчины обменялись долгим взглядом. Первым рот раскрыл Дэлл (мне нравилась его спокойная манера говорить, менее агрессивная, чем у Чейзера, но оттого не менее проникновенная)

— Ты можешь показать это место на карте?

— Могу. Но оно не обозначено на картах. — Я поерзала в кресле. Ни тот ни другой до сих пор не спросили моего имени, что немного обижало, но, в конце концов, было не так уж важно.

— Смотря, на каких картах. — Лаконично ответил за друга хозяин квартиры и поднялся с кресла. «Логично. У вас наверняка карты особенные....» — успела подумать я, прежде чем голос Дэлла прервал мои мысли.

— Мак, мне позвать остальных?

Впервые я услышала имя Чейзера и от неожиданности моргнула.

«Так вот ты кто, оказывается, преследователь. Мак....»

Тот остановился на полпути, повернулся, на несколько секунд задумался, потом кивнул.

— Зови. По-крайней мере, Рена и Дэйна. Думаю, нам понадобится снайпер....

Вот теперь это напоминало настоящий фильм!

Бывший до этого просторный кабинет теперь напоминал крохотную комнатку и все потому, что до отказа был забит людьми.

Нет, их было всего четверо — немного и немало, но этого с лихвой хватало для того, чтобы мне захотелось отодвинуться куда-нибудь в угол, что я с успехом и сделала.

Всю нужную информацию они от меня получили, а посему оставили в полном покое, практически забыв о моем бесполезном, по их мнению, существовании. Я не расстраивалась, а вместо этого откатила один из кожаных стульев поближе к окну и принялась наблюдать за разворачивающейся

картиной.

Было бы неплохо перекусить, но об этом я заикаться не стала. Было видно, что всем и без меня хватало забот.

Первым прибыл некто по имени Рен — субъект, одетый во все черное. Кожаную куртку, джинсы и обтягивающую его мощный торс как вторая кожа футболку. Он оказался шатеном с пронзительным взглядом и пружинистой, грациозной, как у пантеры походкой. Отточенность его движений не оставляла сомнений в том, что этот тип полностью контролирует каждый мускул своего отлично натренированного тела. И, скорее всего, мозга. Еще один из тех, о существовании которого простому смертному лучше не знать, уж слишком нехорошее чувство посещало меня всякий раз, глядя на количество ножей, притаившихся за голенищами и на поясе.

Но тот, что прибыл следом за ним, заставил мою челюсть стать ковшом от экскаватора.

Если бы можно было воплотить в кровь героя комикса, то этот был тот самый случай. С одной лишь разницей, что смеяться при виде вошедшего в комнату не хотелось.

Белый, абсолютно белый (не желтый от перекиси и не седой) цвет его короткого ежика на голове заставил бы обзавидоваться всех девиц, которые когда-либо хотели стать блондинками. Не знаю как, но этот тип их точно обставил.

И все бы ничего, если бы этот ежик не превращался в точно такую же белую косу на затылке, подвязанную веревочкой с двумя бусинами на самом конце. Она меня почему-то удивила даже больше невероятной белизны его волосяного покрова. Смеем заметить, что брови и ресницы при этом оставались темными, подчеркивая светлые, непонятного издалека оттенка, глаза.

Плюс к этому, гость был едва ли не на полголовы выше всех присутствующих, что значит выше тех мужчин, что до этого казались мне атлетами. А еще он носил плащ. Черный. До пола.

Вот теперь я точно порадовалась, что сижу в углу, и его внимание пока обходит меня стороной.

Пусть даже до поры до времени. Из разговоров я поняла, что звали «беловолосого» красиво и звучно — Дэйном Эльконто. Он и был тем самым снайпером, который, по мнению Чейзера, мог им понадобиться.

Теперь я пожалела, что у меня нет не еды, а чего-нибудь выпить. И еще хотелось выйти подышать, не важно где, лишь бы прочь из комнаты, в которой бурлило так много энергии.

Но только я успела порадоваться, как неожиданно внимание всех присутствующих сконцентрировалось на мне. А произошло это после фразы хозяина квартиры о том, что позвал он присутствующих исключительно потому, что появилась новая информация о местонахождении Халка, и жестом указал на меня.

Я растерянно моргнула.

В комнате воцарилась тишина. Четыре пары глаз изучающе уставились на меня.

— Кто она? — Спросил Дэлл тот, кто был (если я ничего не напутала) Реном.

За Дэллу ответила я сама, решительно настроенная искоренить вопросы, связанные с моей персоной.

— Меня зовут Шерин Мур. И да, я знаю, где находится Халк Конрад, и именно поэтому связалась с ним, — я кивнула в сторону Чейзера, сидящего на подлокотнике кресла, — чтобы попросить о помощи. Халк находится в заточении в зоне номер тридцать три, и если бы вы согласились помочь, он смог бы выбраться оттуда в нормальный мир.

Первым хмыкнул Дэйн.

— Давненько о нем ничего не было известно.

Рен кивнул.

А затем снова наступил момент тишины. И мне показалось, что я знаю, о чем они все одновременно задумались. И почти слово в слово мою мысль секунду спустя высказал Чейзер.

— Таким образом, господа, нам нужно решить, поможем ли мы другу.

Он не стал озвучивать то, что итак было известно каждому из них — такая помощь могла обернуться наказанием для каждого из них, ведь ссылали Халка в Тали не просто так, а за проступок. И решение об этом принимал сам Дрейк. А о том, что он днем раньше его отменил, я по какой-то странной причине, решила умолчать. Я и сама не знала почему. Но так, как ни странно, подсказывала сделать интуиция.

И теперь, все стоящие в этой комнате, думали о том, согласны ли они переступить закон, чтобы помочь товарищу выбраться из переделки. Пусть даже это будет стоить риска.

И, может быть, это было грубо с моей стороны, но мне невероятно любопытно было увидеть их реакцию. Поэтому я не стала раскрывать карты, а просто молчала, ожидая их решения. В конце концов, никогда не поздно озвучить хорошие новости, а вот их отсутствие могло помочь настоящему выявить «кто есть кто».

Первым откликнулся Дэлл.

— Я — за. Я пойду ему на помощь, даже если мне потом за эту свернут шею.

Чейзер недобро сверкнул глазами.

— Ну, если свернут тебе, тогда придется и мне тоже. Рен?

Он вопросительно глянул на одетого во все черное мужчину, стоявшего слева от дивана.

— Сомневаешься? — Тот саркастически приподнял брови, лениво поигрывая чем-то в кармане куртки. — Естественно, я в деле.

— Дэйн? — Чейзер повернулся к последнему, не ответившему на вопрос представителю боевой группы.

Мужчина с белым ежиком на голове, рассеявшийся к тому времени на диване и занявший добрую его половину, хрипло рассмеялся.

— Открутит он вам всем яйца за это, но пока он доберется до ваших, ему придется повозиться с моими стальными шарами!

Остальные прыснули. И как-то расслабились. В комнате воцарилась атмосфера единства и силы.

Решение это не было для них простым, но никто не стал колебаться.

«Халк, как же ты был прав, когда говорил, что если хоть один из человек из твоей команды узнает, то узнают все. А, значит, придут на помощь. Как в воду глядел... По праву ты гордился такими друзьями» — Провела я мысленный монолог с любимым, который пока находился в сотнях километрах от меня.

И едва я только приготовилась расслабиться и попросить чего-нибудь выпить, как «ежик» повернулся ко мне и спросил:

— А ты ему, собственно, кто? Халку.

Все мужчины в комнате вдруг снова моментально переключились на меня. А я лишь сжала зубы.

Кем бы я ни была Халку — это только мое и его дело. И ничье больше. Может быть, мы станем жить долго и счастливо, а, может, обстоятельства разлучат нас через месяц, но это все будет позже. Время

все расставит по местам и все покажет. Я, конечно, надеялась, что я и Халк — это теперь от начала и до конца одно целое, но озвучивать эти мысли вслух не хотелось. Поэтому ответ мой прозвучал сдержанно.

— Я просто хочу, чтобы он вышел на свободу. Остальное не важно.

Показалось или нет, но сидящий на диване Дэйн, едва заметно улыбнулся. И обменялся задумчивым взглядом с Реном. И если бы в тот момент я видела лица Дэлла и Чейзера, то заметила бы на них то же самое непонятное выражение.

Однако я его не заметила. И мне это было не важно.

— Найдется ли у хозяина дома что-нибудь выпить? — Вежливо адресовала я свой вопрос Маку.

— Найдется. — Просто ответил тот, и отправился к вмонтированному в стену бару, который я не заметила раньше, потому как дверца его полностью сливалась со стеной, и лишь нажатие на какую-то панель, выявило скрытый алкогольный тайник. — Вино, мартини, бренди, виски?

— Бренди будет в самый раз, спасибо. — Отозвалась я, останавливая выбор на чем-нибудь покрепче. Нахождение среди этих самцов быстро выкачивало силы, и мне срочно требовалось немного расслабиться.

Получив в руки вожаденный напиток, я отправилась в дальний конец комнаты, где за шторкой притаилась дверь, ведущая на балкон, который я увидела из окна. Бросив вопросительный взгляд на Чейзера, и получив утвердительный кивок, я шагнула в свежий, пахнущий машинами и цветами, вечерний воздух.

Стоя там, на балконе на третьем этаже, я все никак не могла взять в толк, почему же я ничего не упомянула про встречу с Дрейком. Что заставило меня промолчать?

Бренди медленно стекал в желудок, принося такое нужное в этот момент облегчение и легкую, почти пустую голову. Пространство сада и насаждение высоких деревьев скрывало дорогу, и гул машин отсюда почти не был слышен. Удобно, тихо, хорошо.

Там, в комнате, обсуждалось распределение обязанностей — кто и что должен сделать в течение следующих двадцати четырех часов, чтобы операцию не затягивалась во времени. Над столом Мака уже откуда-то появились два больших экрана, которых раньше там не было (я не стала удивляться технической составляющей этого дома — один только бар заставил задуматься, сколько еще скрытых кнопок и панелек приходится на квадратный метр любой комнаты. Наверняка, десятки, если не сотни). Они рассматривали снимки с каких-то камер — я отдаленно узнала подъездные ворота Тали, которые когда-то, везя своих несчастных пассажиров, проезжал скрипучий автобус. Сразу за воротами был КПП.

Вспомнился усатый служивый Броцки, который так радел за меня — умелого хакера, предлагая жилье получше. Где-то там, так и была комната, которую я занимала так недолго, в жилом комплексе с названием Бэль-Оук парк. В соседней тогда жила Янка. Еще до ранчо, до поджога....

Где-то там, так и стоит жара, которую лишь изредка смывают короткие, никогда не виденные мной дожди.

А здесь, в комнате, вокруг экрана сгрудились мужчины. Дэлл указывал кончиком карандаша на какую-то деталь на снимке, остальные кивали. На балкон долетали слова «электрический забор», «вышки», «место подхода». А еще что-то про растительность, отвлечение, расстановку и куча прочих слов, о которых я не задумывалась.

Это теперь их работа. И я знала, что они сделают ее хорошо. А мои усилия где-то здесь и заканчивались. Все было передано в руки профессионалов, и это было делом уже даже не дней, а часов, когда Халк сможет покинуть опостылевшую за долгие четыре года территорию.

Халк.... Вспомнились его серебристые глаза и выгоревшие от солнца волосы. Закатанные до локтей рукава белой рубашки, золотая цепочка на шее и знакомый до боли запах. Я покачала стакан с бренди в руках и вдруг точно поняла, почему ничего не сказала про Дрейка.

Дело было не в том, чтобы получить восхищенные взгляды этих парней у меня за спиной — мол «Ну, надо же какая смелая! И туда сходила, и с этим поговорила» (хотя, это, без сомнения, было бы приятно) И не в том, что это могло, возможно, облегчить им задачу или хотя бы совесть. Ведь признайся я в согласии Дрейка, им не пришлось бы волноваться о последствиях. Но для меня все это было не важно. Ведь им все равно придется туда идти, применять силу, проходить ворота — иначе никак.... Других вариантов все равно нет.

А вот что меня по-настоящему волновало, так это — что скажет сам Халк, когда поймет, что я пошла, ну если и не прямо, то косвенно, против его воли. Ведь он поначалу подумает, что теперь они все — из-за него, из-за меня — нарушили закон.

Какой будет тогда его реакция на мою «ошибку»? Ощетинится он? Отстранится? Разозлится?

Я редко видела злого Халка, и никогда на себя. Представлять это было неприятно.... почти болезненно, но мне отчаянно нужно было видеть его реакцию на «неидеальную» меня.

Способен ли он будет так же осознанно и логично подойти к этому, как подходил к другим вещам?

Пока я думала об этом, из комнаты послышалась фраза Рена:

— Действовать на воротах придется тихо, и, по возможности, без смертей. Не нужно привлекать к себе внимание до того, как закончим. Мы войдем и выйдем оттуда до того, как кто-либо предположит, что мы так вообще были....

Я кивнула.

Вот и именно.

Скажи я им, что Дрейк уже разрешил большой «бадабум», то тут и начнется веселье больших мальчиков с гранатометами, взрывами и прочими спецэффектами. А так, глядишь, еще и все живы останутся.

Я усмехнулась. Чему-то непонятному. Чему-то своему.

Может быть, тому, что скоро все закончится. Закончится эта странная и по-своему захватывающая эпопея и огромный кусок моей личной истории. Моего прошлого, принесшего сколько трудного, столько и нового в мою жизнь.

Отчаянно хотелось увидеть Халка.

И чем ближе приближался этот момент, тем глупее появлялись мысли «А любит ли?», «Будет ли так же рад мне на свободе, как был рад в Тали»? Изменится ли что-нибудь?

Все эти парни, эти пушки, эти задачи и стратегические планирования — все это было миром Халка. Теперь я понимала, что он принадлежал ему целиком и полностью. Даже когда был в заточении. Он был их командой, их сенсором.... И мысленно никогда не разлучался ни с той профессией, которую избрал, ни с друзьями, которые теперь тщательно и детально планировали его освобождение.

Найдется ли во всем этом место для меня?

Странные мысли, почти отступнические.

Все плотнее сгущались сумерки, все больше огоньков загоралось вдалеке. Бренди приносил временную апатию и фальшивый покой.

Среди этих космических автомобилей, кожаных курток, острых ножей и логических голов.... Где окажусь я, когда этот мир примет обратно своего блудного сына? Вмещает ли мир этих больших и сильных мужчин обыкновенных женщин, таких как я?

Я корила себя за слабость, но ничего не могла с ней поделать. Не хорошо было обо всем этом думать. И вообще сомневаться. Но я прошла такой длинный путь, выложились на последние 99.9 процента, и теперь могла позволить себе кроху отчаяния.

И это тоже было правильно. Это добавляло густоты и перца в жизнь. Не живо то сердце, что не болит. А если болит, то, значит, любит. И лишь любовь дарит настоящую жизнь.

Я сделала еще один глоток, наслаждаясь хорошим вкусом и этим странным моментом — здесь и сейчас.

Нет, этот момент не был лучшим или худшим в моей жизни, но был таким, каким был. Часы, оставшиеся до того, когда все будет понятно. Часы до того, как все будет окончательно спланировано, а ворота пройдены. Может быть, сутки, до того, как я снова увижу Халка.

Как просто и как странно. Когда идешь-идешь, долго ли коротко ли.... А потом раз — и вот он уже конец путешествия. И не надо больше бороться, а надо просто жить.

Окончательно утопнув в философских размышлениях, я не сразу заметила, что на балкон вышел кто-то еще.

Обернувшись. Рядом со мной, слева, опершись на перила, встал Дэлл. Закурил сигарету. Его присутствие не нарушило моего настроения, а будто усилило сюрреалистическую меланхолию. Он молчал. Я тоже.

А потом, будто старого знакомого, я спросила его:

— Скажи, а что стало с тем ножом?

Вот так просто «Ни здравствуй, ни до свидания». Взяла и спросила то, что интересовало меня уже долгое время.

Он повернул голову — светлые волосы казались темнее в сумерках, но глаза смотрели внимательно. Серо-голубые, красивые, под широкими бровями.

Дэлл не стал спрашивать «откуда». Отвернулся. Посмотрел куда-то на сад. Страхнул пепел. Он был таким большим, по сравнению со мной — герой рассказов Халка, увиденный мной наяву.

— Я получил его назад, этот нож.

Я кивнула и почувствовала облегчение. Наверное, есть в мире справедливость. И не каждый хотел быть эгоистичной скотиной, владеющей рабом. Нашелся кто-то и совестный. А когда это произошло, и кто же стал этим благодетелем, я спрашивать уже не стала.

Не настолько мы были близки, чтобы вот так сразу семимильными шагами сокращать дистанцию.

— Кто-то отдал его тебе.... Хорошо.

Я сказала это больше риторически, не ожидая никакой реакции. Дэлл промолчал.

Бренди заканчивался, но еще не заканчивался этот вечер, наполненный покоем и запахом ночного города.

— Он много говорил о тебе. — Добавила я. — Больше, чем о ком-либо другом.

Дэлл снова посмотрел на меня. Как-то иначе. Задумчиво. Будто размышлял, сказать ли что-то, но

промолчал. И вновь поплыл в воздухе полупрозрачный дым от сигареты.

Да, он был похож на Халка. Не внешне, но больше внутренне. Они все были чем-то похожи — эти мужчины. Так тяжело было пробиться к ним снаружи, но так много тайл каждый из них внутри.

Может быть, поэтому не было более сплоченной команды на Уровнях, нежели эта.

— Скажи мне одну вещь, Дэлл.... — Впервые обратилась я к нему по имени, допив последний глоток из стакана. Волнения не было, было спокойно. — А есть ли в вашем мире — мире сильных мужчин, место женщинам? Не тем, что на одну ночь, а....

Не успела я закончить фразу, как Дэйн позвал его, приоткрыв балконную дверцу.

— Нам нужно твоё мнение, старик.

Дэлл сделал знак, что уже идет.

Я медленно вздохнула и отвернулась. Стала смотреть на притихший сад и опускающуюся ночь.

Пусть идет, не буду обижаться. Жизнь сама ответит на мои вопросы. Негоже это, трусить в последний момент....

Но мой случайный спутник не ушел. Дверь закрылась, а Дэлл все так и стоял рядом со мной.

Сигарета его была потушена. Я робко повернулась, улыбкой давая понять, что не задерживаю, что все в порядке, но два прищуренных в темноте глаза смотрели на меня — прямо и ровно.

Я запнулась об этот взгляд, не умея расшифровать его. В нем была глубина и тайна. И какое-то странное утешение.

— Не надо бояться. — Сказал он. — Уже скоро.

И ушел обратно в кабинет. Дверь снова закрылась, скрадывая мужские голоса, оставляя меня стоять в тишине уходящего лета.

А на меня вдруг снизошел покой. Теперь настоящий. Такой всеобъемлющий и полный, что казалось, я слышала вокруг себя целый мир. Потому что ушли страхи. Потому что ушли мысли.

Он прав. Не надо бояться. Никогда ничего не надо бояться. Пусть все идет, как идет.... Так или иначе, все будет хорошо.

Все, кроме Чейзера, ушли.

Распределили какие-то задания, посоветовались еще около часа и разъехались. Я молчаливо дожидалась, пока он разложит по стопкам бумаги, закроет экраны и, наконец, обратит на меня внимание. Нужно было ехать домой и мне тоже. Поест, выспаться.

Но торопить хозяина дома не было необходимости, я знала — он помнил обо мне.

За окном уже совсем стемнело, электронные часы на столе показывали начало одиннадцатого.

Когда Мак закончил раскладывать вещи по местам, он посмотрел на меня, и я почти не удивилась тому, что на его лице не было ни следа от усталости, в то время как я уже почти свешивалась со стула, как переваренная сосиска, которую вытащили из кастрюли и забыли съесть.

А он, нет — все такой же свежий, бодрый и сосредоточенный. Вот, что значит — годы тренировок. Куда уж мне....

— Я отвезу тебя домой.

Я кивнула.

Немного приободрила мысль о том, что через минуту я снова увижу его автомобиль, но не настолько, чтобы придать мне полный энергии цветущий вид. Бросив взгляд в окно, я вспомнила сегодняшний инцидент в парке во время обеда.

— Спасибо, что.... город перестал меня пугать....

Чейзер на мгновение нахмурился, пытаясь понять, о чем идет речь, но потом едва заметно улыбнулся. Эта улыбка подтопила уголок вечных ледников в его глазах и невероятно преобразила лицо. Не улыбка даже, край ее.

— Могу все вернуть на место.

А теперь еще и отголосок шутки.

Невероятно, но мне тут же захотелось признаться ему во всем — сделанном и нет, выплакаться в сильное плечо, зарыться на коврик возле его кровати и счастливо защищено сопеть.

Что за чертовщина творилась со мной? Или с ним? Что за сила крылась в этом субъекте? Немного подумав, я решила, что путаница в моих ощущениях — это все же вина Чейзера, нежели мое сумасбродство.

Потому как если он хмурился, то хотелось повеситься быстрее, чем уголки его рта успеют опуститься, а если уж улыбнулся, так тут же начинался обратный отсчет до стартового взлета на седьмое небо.

— Нет, спасибо. Хотелось бы сегодня выспаться, а не сидеть в темной квартире и дрожать от страха, что за мной кто-то придет.

— Никогда не знаешь.... — Философски заметил Мак, взявшись проглядывать стопку каких-то распечаток.

«Это большая редкость — иметь такого человека в друзьях. — Подумала я. — И есть ли кто-нибудь, кто способен будет тягаться с этой силой, что постоянно кружит вокруг него и оказывает давление? (У меня, лично, выходило, сомнительно) Есть ли такая девушка?»

Колеч на его пальце не было. Значит, не было и девушки. И это тоже не удивляло. Хотя почему-то отзывалась грустью внутри — он бы мог сделать избранницу очень счастливой. Вот только ей придется обладать недюжей силой, чтобы наслаждаться отношениями с таким человеком.

— Поехали. — Отложив бумаги, сказал Мак и взял со стола ключи от машины.

Я покорно поднялась со стула.

На этот раз мне досталось место рядом с водителем.

Плыли мимо освещенные и темные улицы, шоссе и аллеи, редкие пассажиры и их полное отсутствие. В салон почти не проникали звуки, поэтому в тишину вплетался только мягкий и ровный звук мотора. Дорогу, которую выбрал Чейзер, шла не через освещенный шумный центр, а все больше по притихшим сонным кварталам. И с той скоростью, с которой ехал автомобиль, домой, по моим расчетам, я должна была прибыть минут через тридцать, не раньше.

Меня это вполне устраивало. Торопиться было некуда, а с таким водителем было хорошо и спокойно просто сидеть и молчать.

Мысли снова переключились на Халка. Уже скоро, совсем скоро. И я первой нарушила тишину, спросив:

— А когда вы планируете поехать в Тали?

Глаза Чейзера не отрывались от дороги.

— Если все будет готово, то завтра вечером.

Мое сердце стукнуло. Значит, действительно скоро.

— Можно.... мне... с вами? — Осторожно спросила я, почти заранее уверенная в отказе.

— Нет.

Я тихо вздохнула. Все верно. Зачем бы им тащить кого-то непригодного для задачи, да еще и следить за ним, пока все не завершится. Наверняка, в таких ситуациях что-нибудь может пойти не так, придется что-то передумывать, менять планы, импровизировать, а сидящая на задворках в чьей-нибудь машине девушка, может нежелательно привлечь внимание случайного караула. Или чего-нибудь еще.... В рисках я была не сильна. Но моей логики хватало, чтобы осознать, проси — не проси, а меня все равно не возьмут.

Жаль, что я не увижу выходящего из ворот Халка. Жаль, что не увижу триумфальной улыбки на его лице. Воображение тут же нарисовало картину горящего позади забора со смотровыми вышками, огромную черную дыру в воротах, лежащих повсюду охранников, и оранжевые блики на светлых волосах Халка от бушующего повсюду пламени. Дым, укутывающий его фигуру, победно сверкающий взгляд.....

Я покачала головой, прерывая нарисовавшуюся в воображении яркую картину.

Наверное, будет совсем не так. Не так, как в фильмах. Они, наверное, сделают все по своему — быстро, эффективно и тихо. А эффективно, не всегда — эффектно. Это — не фильм, это — жизнь. И главное, получить правильный результат, а не впечатлить зрителей.

Интересно, а знай они про Дрейка, поменялись ли бы какие-то детали в их прорабатываемом плане наступления? Сделали бы они тогда что-то иначе? И не навредит ли мое желание припасти что-то на «потом», всему процессу и его результату?

Где-то внутри неприятно кольнуло.

Конечно, я всегда могу сказать «Но ведь я же припасла напоследок не бомбу в корзине, а праздничный торт на сладкое!», но вместо похвалы вдруг представились укоризненные взгляды этой четверки — качающий головой Мак, смотрящий в сторону Дэлл, саркастически улыбающийся Дэйн и молчащий Рен.

Последняя мысль мне совсем не понравилась. Совсем.

А ведь было еще не поздно.... И тогда я отбросила амбиции.

— Я кое-что не сказала тебе. — Прозвучал мой голос в тишине салона, и я посмотрела на водителя.

— Что? — Чейзер был спокоен. Но внимателен. Все, как обычно.

Я помолчала, молча надеясь, что «уже поздно» еще не настало.

— Я виделась вчера с Дрейком.....

Наверное, мало что могло хоть немного выбить Мака из колеи, но секундой позже после произнесенной мной фразы, черный автомобиль резко вильнул к обочине и остановился.

Я сглотнула. Видимо, это все-таки было для них важно.

«Да, конечно, было! Кому я тут сижу заливаю....»

Он смотрел на меня. Все теми же зеленовато-коричневыми глазами. На этот раз ровно, почти холодно. Мотор притих.

— Я хотела оставить это на потом.... Сама не знаю почему. — Попыталась оправдаться я, едва вынося давление этих прохладного оттенка глаз напротив. — Может быть, хотела, чтобы Халк не знал сначала.... А потом подумала, что это может вам навредить, что вы, может быть, сделаете что-то не так, если будете знать....

— Тихо. — Брошенная команда тут же обрubiла мой словесный поток. Чейзер дождался, пока я

захлопну рот, и посижу в тишине несколько секунд. Потом произнес. — А теперь медленно, четко и по порядку.

Только я собралась говорить, как он, четко выговаривая слова, добавил:

— И ничего — ничего не пропуская. Поняла?

Я согласно потрясла головой.

— Начинай.

Медленный вдох. Выдох.

Какой же он все-таки — этот преследователь. Малейшее изменение в голосе шпилит к стене похлеще цирковых ножей. Беда тому, кто его по-настоящему разозлит.

— Халк предупреждал меня, чтобы я ни в коем случае не обращалась к вам за помощью.

— Почему?

Темные брови нахмурились.

— Потому что он предвидел то, что вы попытаетесь ему помочь, и не хотел, чтобы вы рисковали. Не хотел, чтобы кто-то еще оказался наказан....

Он понимал — все понимал, сидящий напротив мужчина. Губы его поджались, а взгляд на секунду переместился с меня куда-то за окно. А в голове, наверняка, скользнула пара ласковых слов. Уж не знаю, кому именно адресованная.

Мгновеньем позже, взгляд вернулся на меня, молча приказывая продолжать.

Я снова заговорила.

— Халк был уверен, что выйди он на свободу без согласия Дрейка, то это привело бы к беде не только для него, но и я для тех, кто посодействовал бы его освобождению. Именно поэтому он столько времени ждал и не давал о себе знать.

Мимо машины прошел одинокий пешеход, встревожено поглядывая на нас. Вскоре он скрылся за поворотом, и улица вновь притихла.

Я посмотрела на Мака.

— Когда я вернулась в Клэндон-сити, точнее, когда Халк отправил меня сюда, я долго думала, как же помочь ему. Даже пошла в Корпорацию, чтобы попробовать купить его свободу. Но они отказали мне. Деньги не помогли. А я очень на них надеялась.

Я вздохнула, вновь переживая в памяти тот день.

— И после долгих размышлений я пришла к выводу, что так или иначе, все сойдется на Дрейке. Без него, мне было не обратиться к вам, ни как-то еще помочь Халку. И тогда я решилась....

— Решилась на что?

— На встречу. С Дрейком.

В воздухе повисла удивленная тишина.

— Как ты нашла его? — Спросил Мак, и я знала, что этот вопрос задал бы мне любой, кто имел хоть малейшее представление о тех трудностях, с которыми предстоит столкнуться, если захочешь найти Комиссию.

Я рассказала про звонок осведомителю. И про его ответ. А потом и про тот стыд, который испытала, когда посреди поля выкрикивала в небо имя того, кого никогда в жизни не видела.

— И он приехал. — Усмехнулась я. — Не знаю, как он услышал, не знаю, откуда появился тот автомобиль, до сих пор не понимаю. Но он приехал. Я для меня будто настал судный день — так

тяжело было говорить с ним.

Теперь на лице Чейзера застыло непонятное выражение. Будто неверие смешалось с тем, что он так редко испытывал.... желанием услышать продолжение, может быть?

Я не стала томить слушателя.

— У меня была только одна попытка, каким-то образом я поняла это. И решилась быть до конца честной, хотя в голове и крутились тысячи вариантов развития разговора. Сотни диалогов, сотни разных слов, сотни возможных из этого исходов. Я сказала Дрейку, что Халк уже давно осознал все. И что.... может быть, пора уже что-то пересмотреть....

На этот раз брови Чейзера заметно поползли вверх.

Я поторопилась объяснить.

— Я знаю, знаю.... Наверное, это было очень грубо и нагло с моей стороны. Но это было честно. Я очень хотела дать ему знать, что Халк выполнил свои обязательства, за все четыре года ни ногой не переступив черту этой чертовой зоны. Хотя, Дрейк, вероятно, и сам об этом знал....

— Что было дальше? Каким был ответ Дрейка?

Я усмехнулась и помотала головой, словно до сих пор не веря в то, что произошло дальше на том поле, в предгрозовом вечере.

— Дальше? — Я помолчала. — Он подкинул монету. И время для меня застыло. Казалось, она вращалась очень долго, а потом упала к нему на ладонь. И он сказал: «Это твой день. Можешь передать Халку, что он свободен».

Только сейчас я заметила, насколько напряженными выглядели пальцы Чейзера, лежащие на руле. И как они медленно расслабились после моих слов.

— А потом он сел в машину и уехал. Бросив еще одну фразу «Пусть Халк зайдет ко мне, когда будет поблизости».

Я закончила рассказ, не упоминая, что Дрейк на прощание подмигнул мне. Это было уже как-то слишком, да и мне уже и самой не особо верилось, что это произошло.

После рассказала, я расслабилась, потерла ладошки, и посмотрела на Мака. Посмотрела и открыла рот.

Он улыбался. Сидел, смотрел куда-то мимо капота, в темную улицу и улыбался. По-настоящему, радостно, глядя куда-то вдаль.

Это было так необычно и так неожиданно, что мне показалось, что я в кинотеатре. Смотрю фильм про то, чего не может быть, потому что не может быть никогда (ведь мы всегда смотрим фильмы по большей части про то, чего с нами в жизни не случается). И я вновь, как собачка, которая целиком и полностью зависит от настроения хозяина, почувствовала, как поднимается во мне волна радости.

Я все верно сделала. Все правильно. И не поздно.

Стало невероятно тепло изнутри.

После молчания, он посмотрел на меня. И покачал головой. Но теперь как-то по-другому. Как другу?

— Хорошо, что ты рассказала. Спасибо.

Я едва не зажмурилась от удовольствия, полученного при этих словах.

А потом уточнила для пущего душевного спокойствия.

— Ведь не поздно? Скажи, я не поздно рассказала?

— Нет. — Мак отрицательно покачал головой. — Не поздно. Мы успеем кое-что перепланировать.

Раз уж получили согласие Дрейка....

— Хорошо.

Теперь у меня внутри было спокойно.

Чейзер еще раз удивленно качнул головой, будто перебирая в памяти мой рассказ, потом завел машину. Мы снова поехали.

Уже у самого дома, когда черная машина вновь притихла на этот раз у моего подъезда, он задумчиво спросил меня:

— Почему ты не хотела, чтобы Халк знал?

Я замялась. Притихла, смущенно разглядывая горящие в вестибюле лампочки за окном. Как сказать о своих сомнениях? Как вывернуть душу наизнанку так, чтобы стало понятно? Да к тому же почти незнакомому человеку, встреченному только сегодня.

— Я бы сказала. Позже.... — Вывернулась я.

Но, как оказалось, не совсем «вывернулась».

Не тем человеком был мой собеседник, чтобы что-то упустить из вида. Был таким же дотошным, как и сам Халк.

— Почему не сразу?

Я поморщилась, надеясь, что в темноте машины этого будет не видно, чувствуя, как отвечать все равно придется, хоть и не хочется. Ведь не отстанет же.... Еще глубже смутилась, помолчала.

— Я подумала..... что хочу видеть его реакцию, когда он поймет, что я позвала вас. Хоть он и предупреждал этого не делать. Хотела посмотреть, разозлится ли он? Отдалится?.... А если так, то, может, и вообще.....

Продолжить фразу, сил не было. Но это за меня сделал Чейзер.

— То не любит?

Я смутилась. На этот раз сильно. Отвернулась к окну, чтобы моей слабости никто не разглядел.

Какие точные слова, и как хорошо попали в цель. В то самое болезненное место, которое скрывается под всеми бравадными слоями прикидывающегося сильным сердца.

Как объяснить ему, что там были другие обстоятельства, другая жизнь, все казалось не таким, как может оказаться здесь? Чувствуя, что нервы сдают, я повернулась к водителю, чтобы попрощаться и уйти домой, но застыла, наткнувшись в полумраке на его улыбку. Мягкую.... Ласковую.

— Халк не полюбил бы неправильную женщину. Не его вторую половину. Он бы даже понять тебе не дал, что ты ему нравишься, если бы он сомневался в своем выборе. Ты еще не осознала, какие мы? Так ведь?

После этих слов он мягко провел пальцами по моей щеке.

Так доверительно. Так нежно. И очень медленно.

Я застыла.

Сердце билось, как сумасшедшее — слова принесли необычайное облегчение, а прикосновение опьянило помимо всякой воли.

В глазах Чейзера сверкнули искорки.

— Ведь он пока не здесь.... И не видит....

Он отнял пальцы, но не сразу, а после паузы. И улыбнулся одной стороной рта — немного саркастично, немного по-дьявольски.

— Завтра, если все пройдет хорошо, а оно обязательно пройдет хорошо, ты его увидишь. И перестанешь сомневаться. Потому что все поймешь.

Это был тот самый момент, когда нужно было уходить. И не тратя ни секунды, я почти что выпала из машины.

Чертовы искушители! Такие всегда в самый неподходящий момент ловят на слабостях и проявляют характер....

«Он пока не здесь.... Не видит.... Что он....? Черт.... Что он этим пытался?.... А, ну их всем к дьяволу!»

У меня почти подкосились ноги, когда я пыталась преодолеть несчастные три ступеньки крыльца, ведущие к парадной двери. А за спиной снова тихо и знакомо зарокотал мотор. Обернувшись, чтобы посмотреть, как скроется на дороге черная машина, я вместо этого наткнулась на глаза водителя, скрытые тенью.

И его улыбку.

А через секунду, машина скрылась за поворотом.

Глава 15

Все было готово.

Розовый закат, дрожащие в вечернем мареве красные горы — на все это Халк смотрел в последний раз, стараясь не думать о том, что будет дальше. С тех пор, как он остался на ранчо один, казалось, прошли годы, и что-то будто постарело в душе. Пора было отсюда уходить.

Табита сегодня утром была посажена в скрипучий автобус, идущий в сторону Клэндон-сити, со всем ее багажом и новыми документами. Ругалась, упиралась, но, в конце концов, согласилась.

Халк не стал искать хитрых путей — просто заплатил нескольким людям и водителю автобуса. Это, конечно же, когда-нибудь выплывет на поверхность, и кое-кто будет очень недоволен, но к тому времени, Халка уже и след простынет. Поэтому в последний раз сделать что-нибудь по-глупому, было вполне простительно.

Весь оружейный арсенал был вычищен и подготовлен — все, что можно и нужно взять с собой, было аккуратно рассортировано в подвале и теперь лишь дожидалось своего часа. Этого же часа дожидался и Халк, неторопливо куря одну из нескольких оставшихся в деревянном ящике сигар.

Новых он не заказывал. Незачем. Скоро он купит совсем другие, те, что всегда любил.

Тридцатью минутами раньше, в кабинет осторожно постучал доктор и сообщил, что пациентка, долгое время лежащая в коме, пришла в сознание. Халк лишь кивнул в ответ. Конечно, пришла. Ведь до этого в изоляторе побывал сам Халк, чей визит рассеянный доктор, вышедший попить чаю в столовой доктор, даже не заметил.

Пять минут работы — несколько касаний нужных областей мозга, и вот тот снова включен.

Прекрасно работает, даже лучше чем прежде, учитывая изменения, которые он туда внес. Больше никаких вредительств, накладывания лап на чужого, постоянной тяги к злости и разрушению. Нет, глаза открыла пай-девочка, а совсем не та стерва, что когда-то пыталась пролезть через дыру в заборе.

Зачем он это сделал? Да просто за тем, чтобы мысленно никогда не возвращаться к тому, что могло осесть в голове с пометкой «незакончено». А теперь все, можно было забыть....

Халк давно не испытывал этого чувства — отключенной от эмоций, почти пустой головы. Все это

включится позже, когда придет время, а сейчас, как терпеливый хищник, выжидающий нужную минуту в засаде, он просто ждал. Практически убивал время, лениво перебирая в уме детали предстоящих действий. Волнения не было. Возбуждения тоже. Тихо и ровно, впрочем, как и всегда, когда нужно было выполнить работу.

Сигара ровно тлела в пальцах — пересушенная и немного дерущая горло. В этом климате никакой увлажнитель не помогал сохранить табак в нормально состоянии, тот неизменно пересыхал всего лишь за каких-нибудь пару-тройку дней. Да ну и черт с ним....

Парнишка, которого Халк выбрал на роль нового «заведующего» ранчо, подавал большие надежды — был сдержанным и не глупым. И еще амбициозным. Если будет все делать верно, то через некоторое время воляется в нужные круги, получит новые преимущества, а если понравится мэру Тали, то и добьется нового статуса — статуса полноправного «оунера». Счастье-то какое.... Халк едва не сплюнул на ковер от наполнившего рот сарказма.

Нет, все. Для него — это закрытый период жизни. Пора перевернуть страницу и забыть о прошедших четырех годах, в них не было ничего, что стоило бы помнить, сидя дома со стаканом коньяка, подсовывая памяти пищу для сентиментального времяпровождения.

Ну, конечно, кроме нее....

И чтобы она тоже не превратилась в «воспоминание», Халк сегодня сделает то, чего не делала ни разу за последние годы — выйдет наружу. Если потребуется, лбом пробьет эти ржавые ворота и окажется на той стороне забора. И, может быть, закона.

Серые глаза неподвижно смотрели на горизонт. Плыл в воздухе, подхватываемый сухим ветром, дым, колыхалась прозрачная белая занавеска.

Четыре часа до заката. Четыре часа бездействия. И четыре часа до новой жизни.

Ехали на двух машинах. Молча.

Дэлл в автомобиле Чейзера, Рен в джипе Дэйна. Часы на приборной панели показывали почти полночь. Ничего не обсуждалось, потому как все было сказано, распределено и закреплено еще до поездки. Теперь настало время действовать.

Дэйн Эльконто — непревзойденный снайпер, должен был позаботиться о тех, кто стоял на вышках. Дэлл займется детонацией ворот — не полностью, а только замка — было решено, что этого будет достаточно. Мак отключит электрификацию забора. Но все трое преступят к своим задачам только после того, как Рен удаленно подключится к секьюрити-центру Тали и подменит передаваемое камерами изображение на заранее подготовленную картинку.

Каждый знал, что именно нужно делать и когда. Слишком часто они вместе выполняли работу и слишком давно научились делать ее хорошо.

Две машины, словно бескрылые тени, неслись по узкой дороге, серпантинном уползающей вверх. Где-то там были горы. Учитывая, что Клэндон-сити лежал на равнине, тянувшейся во всех направлениях еще на несколько сотен километров, горы в этой местности выглядели неуместно. Даже странно. Но только не для тех, кто знал, что это место было создано многим позже, чем сам Уровень. А когда Комиссии нужно было что-то воздвигнуть, она не особенно заботилась о сочетаниях и гармонии ландшафта. Если нужны были горы, значит, просто вырастали горы.

Лучи фар выхватывали шероховатое и неровное полотно дороги, на которое медленно оседал туман. По сторонам росли пучки зеленовато-коричневой травы, дикая полынь и вереск — вся

растительность в эту минуту казалось темной и бурой, лишь иногда выстреливали яркие краски цветков, когда ни них попадал свет, льющийся из глаз автомобиля.

— Никогда здесь раньше не был. — Прервал тишину Мак, не отрывая глаз от дороги. — Даже не знал, что это место существует.

— Угу. — Подтвердил Дэлл, чьи размышления в эту минуту шли примерно в том же направлении.

— А, знаешь, я ведь несколько раз пытался найти Халка внутренним чутьем. — Продолжил Мак. — Но каждый раз натыкался на тишину. Думал, он мертв.

— Этот город, похоже, блокирует сигналы от тех, кто находится внутри. — Поделится мыслями Дэлл. — Я раньше о таком не слышал, но, по-видимому, все может быть. Если эта девушка говорит, что Халк жив, значит, будем надеяться.

Мак кивнул.

— Надеюсь, помимо блокировки сигналов, никаких сюрпризов здесь больше не найдется.

— Вроде бы все проверили.

И они снова замолчали.

До конечного пункта назначения оставалось восемнадцать километров. Об этом поведала отнюдь не табличка на обочине, которых, по понятным причинам, не было ни одной, а встроенные в приборную панель автомобиля GPS.

Чейзер плавно сбросил скорость.

— 10 минут до готовности. — Проговорил он в рацию для тех, кто следовал позади.

Раздался шорох и короткий ответ Дэйна «Понял».

— А как ты думаешь, в этом городе есть красивые дамы? — Сидя на высоком кресле джипа, следя глазами за следующей впереди тенью машины Чейзера, спросил Дэйн друга, который в тот момент что-то читал на телефоне.

Ассассин только пожал плечами.

Эльконто любил женщин. Особенно тех, что его не боялись (коих, к сожалению, находилось не так уж много) и когда не проводил время на специализированном Уровне, которым руководил.

— Среди заключенных-то? Может и есть. Но я сомневаюсь.

— Ты бы хоть от телефона оторвался! Понятное дело, тебе все равно — сам, вон, нашел себе красавицу и сразу забыл, что есть другие. — Шутливо ворчал Дэйн от нечего делать.

— Да я, ты знаешь, и раньше о них не особенно помнил. — Автоматически отозвался Рен безо всякого раздражения.

— А нам, серым — ушастым, — будто не слыша слов друга, продолжил водитель, — приходится влачить жалкое существование в тщетных попытках вырвать хоть минутку счастья и утешения в нежных объятьях.

Рен хмыкнул.

Этот «серый и ушастый» во-первых, был нисколько не серым и вовсе не «ушастым», о чем он сам прекрасно знал. А во-вторых, он был начальником одного из самых сложных и серьезных мест в Городах — Уровня: Война, где простой смертный не смог бы продержаться и часа. А такая должность отнюдь не способствовала большому количеству женщин в ближайших окрестностях. Хотя, даже если бы и способствовала, Рен прекрасно знал, что друг по-хорошему завидовал тем, кому счастливилось найти свою вторую половину, хотя сам не особенно верил, что создатель

позаботился о таковой для него самого, а посему вечно брюзжал на тему недостатка женского внимания. Это уже никого не раздражало, а больше напоминало прилипшую жвачку, отскрести которую не представлялось возможным.

Удивительным было то, что, сколько бы Дэйн ни говорил о женщинах, а в объятья первой встречной он, так или иначе, не падал. Да и вообще, вел себя крайне разборчиво, а порой и аскетично. Поэтому привычное монотонное бубнение о слабой половине человечества, больше успокаивало Рена, нежели отвлекало.

— Найдешь ты еще свою мадам. — Уже, наверное, в сотый раз привычно ответил он.

— Да уж.... — Глубокомысленно отозвался Дэйн. — С моим-то характером....

Тема эта, возможно, так и продолжалась бы, если бы из рации не донесся голос Чейзера, предупреждая о близкой готовности. Рен тут же принялся готовить оборудование: достал компьютер, приготовил флэш-карту с данными для загрузки, проверил, что сканеры местности включены.

Дэйн больше не стал его отвлекать, поэтому остаток дороге в джипе тоже прошел в тишине.

Как только обе машины были надежно спрятаны, все пошло по плану. Чисто, четко и тихо.

После того, как Рен уладил проблему с камерами по периметру ворот и немного вглубь территории, Дэйн быстро и точно снял обоих смотровых с вышек.

Криков не поднялось, тревогу никто не забил.

Пока Чейзер разбирался с электричеством, Дэлл планомерно готовил взрывчатку для ворот. Начиная с этого момента, действовать нужно было быстро, потому что потерю напряжения на электрической сетке, так или иначе, заметят очень скоро.

Но об этом изначально было известно, и поэтому никто не волновался. Все действовали без суеты.

И только один человек, притаившийся в кустах по ту сторону забора, был не на шутку встревожен.

Его машина, чтобы не привлекать внимания, была оставлена далеко от ворот, два тяжелых автомата давили на плечи, в руках был пистолет с глушителем, которым он собирался воспользоваться, чтобы тихо и незаметно убрать смотровых.

Но едва лишь он приготовился сделать это, как что-то пошло не так. Совсем не по плану.

Не успел Халк прицелиться, как охранники один за другим повалились на пол. Один с тихим стоном, а второй вообще бесшумно. Только глухо ударилось об пол тело, будто мешок с картошкой, завалился на бок и затих.

Халк тут же спрятался за кустом и прислушался.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что кто-то другой только что снял их.

Причем издалека, снайперской винтовкой и сделал это очень профессионально.

Халк почувствовал, как волнение и адреналин начинает бурлить в крови.

Что за черт здесь происходит? Он несколько дней к ряду следил за этим местом, подключившись к системе городского наблюдения, и еще ни разу не видел ничего подобного. Конечно, чтобы статистика дала более точные данные, наблюдение нужно было вести не несколько дней, а, желательно, несколько месяцев, но таким временным запасом он не располагал.

А теперь кто-то или что-то вмешалось извне, грозя целиком и полностью нарушить планы на побег.

Словно большой и гибкий кот, Халк настороженно застыл, наблюдая за тем, что будет происходить дальше. К лучшему это все или к худшему?

Кто бы ни появился в воротах, он должен будет позаботиться о нем, если вдруг окажется замеченным.

Но без прибора ночного видения его самого не разглядеть, поэтому Халк выжидал. Сейчас идти вперед было и рискованно и глупо. Нужно было срочно переоценивать ситуацию, потому как добавился один неучтенный фактор — по ту сторону ворот кто-то был. Один или несколько. И этот кто-то, во что бы то ни стало, хотел попасть внутрь Тали. Причем, судя по тому, что суматохи не поднялось, позаботился гость не только об охранниках на вышках, но еще и о системе наблюдения. Иначе здесь бы уже находились не менее трех отрядов полиции.

А если система наблюдения не работает, значит.....

Чтобы подтвердить секунду назад возникшую теорию, Халк быстро и бесшумно двинулся в сторону забора. Достал прикрепленную к поясу отвертку-индикатор и поднес к железу. Коснулся.

Наконечник не засветился.

Все верно....

Халк тихо выругался. Значит, кто-то только что отключил и электричество.

Благо, отключить нужно было лишь двести двадцать вольт, и для кого-то справиться с этим не составило труда. Вот если бы охрана поднимала ночью напряжение до десяти тысяч вольт, как это происходило в некоторых других местах с заключенными или важными стратегическими объектами внутри, тогда проблем бы возникло гораздо больше, как у Халка, так и гостя с другой стороны. Но в Тали этого не происходило, потому что заключенных пугали встроенные в браслеты детонаторы.

А у «оунеров» браслетов не было. Да и зачем? Ведь никто не думал, что одному из них по какой-то причине захочется бежать.... А Халк бежать собирался, во что бы то ни стало. И именно сегодня. И никакие гости по ту сторону забора не смогут его остановить.

Чтобы избежать ненужного риска, Халк быстро двинулся в обратном направлении, прочь от ворот, не забывая, впрочем, внимательно следить за ними. Нужно подыскать более надежное укрытие, пока гости еще не появились.

Впервые темнота не была его другом. Она хорошо скрывала его самого, но так же и скрывала тех, кого ему больше всего теперь нужно было разглядеть. И почему мэр Тали позаботился осветить внешнюю территорию за забором, но не здесь, изнутри?

Здание КПП, куда привозили новых заключенных, пустовало ночью. Темные окна безжизненно поблескивали в неверном свете луны и нескольких далеких ламп, что были прикреплены к воротам. Но фонарей поблизости не было. Не успел Халк скользнуть за бетонную стену пропускного пункта, как раздался негромкий хлопок — разлетелся от взрывчатки замок, скрепляющий внешние створки. Халк чертыхнулся и напряг зрение. Все идет точно так, как он и предполагал....

Кто же теперь войдет внутрь? И почему именно сегодня? Какого черта диверсия гостей совпала с таким важным для него самого днем? Ну, не проделки ли это шутника, что сидел свыше....

Притаившись за кустом, что рос у самой стены одноэтажного дома, Халк до того внимательно всматривался в темноту, что вспотел. Наконец, показалось, что ворота отворились. Приоткрылись совсем немного и лишь для того, чтобы впустить одетого во все черное человека. Судя по силуэту, вооруженного.

Субъект, вошедший на территорию, быстро юркнул в сторону, а следом за ним показался следующий. То тоже был в камуфляже и тоже с ног до головы вооружен. И он тут же скрылся в другой стороне.

Ни черта не разглядеть!

Конрад пожевал губами. Подождал, не появился ли кто-то еще, но несколько секунд все было тихо. Дело было плохо. Эти двое действовали быстро и слаженно. Профессиональная группа захвата, тут Халк не мог ошибиться, хотя темнота не позволяла уловить деталей — одежды или вида оружия. И дай бог, если они просто пройдут мимо и дадут ему беспрепятственно выйти в ворота. Хотя там, наверняка, есть кто-то еще, следящий издалека. И снайпер.... О котором забыть — равносильно добровольному подписанию документа об увольнении из жизни. Как только он увидит человека, выходящего из ворот, и не признает в нем «своего», то тут же сделает то же самое, что сделал с двумя бедолагами на вышках.

Халк едва зло не сплюнул на землю.

Получается, что побег практически сорван. Вся тщательная подготовка шла в задницу, и кто знает, когда представится следующий шанс осуществить задуманное? О возвращении на ранчо даже думать не хотелось. Пусть даже только для отсидки.

И без разницы, какая причина заставила эту группу вломиться в ворота именно сегодня, но из-за них, так или иначе, все сорвалось. Халк по-настоящему разозлился. На гостей, на судьбу, на неправильно выбранное время.

Мозг работал в непривычно быстром темпе. Нужно было срочно планировать отступление. Он уже собрался, было, обогнуть здание, чтобы двигаться к дороге, где оставил машину, когда тихий шорох подошв по грунту, смешанному с песком, заставил его застыть.

Шаги определенно приближались. И, к сожалению, приближались быстро. Один из диверсантов точно шел в его сторону.

Размышления Халка молниеносно отключились — остались одни инстинкты.

Нужно выжить. Это был единственный оставшийся в эту секунду приоритет. Если удастся уложить приближающегося тихо, тогда есть шанс на то, что удастся самому скрыться отсюда незамеченным. Хотелось чертыхнуться, но вместо этого Халк задержал дыхание, чтобы ничем не выдать себя. За мгновение до этого, он положил пистолет на землю и достал из-за пояса нож.

Слушая равномерные удары собственного сердца, он считал секунды — четыре, три, две, одна....

Как только тень человека обогнула угол, Халк прыгнул на нее, зажал сзади рукой за шею и приготовился полоснуть лезвием незащищенную плоть, как не тут-то было — пленник оказался ничуть не слабее его самого, и уже через долю секунды, ловко вывернувшись из захвата, заносил руку для ответного удара. Все это Халк уловил только краем глаза — все происходило молниеносно, но в то же время, невыносимо медленно, потому как все физиологические реакции обострились до предела, выдавая бьющий через край адреналин.

Первый удар удалось заблокировать, а вот второй почти достиг челюсти, но все же Халк сумел вовремя уйти в сторону, пнув противника чуть ниже колена, отчего последний на секунду подался назад.

Давно вызубренный, отточенный и хорошо исполненный прием — если бы было время для похвал, то Халк обязательно посмаковал бы маленькую победу. Но времени не было. Собственный кулак с зажатым ножом уже снова летел в корпус мужчины, чтобы решить исход ненужной и вовсе незапланированной битвы, но на деле все оказалось гораздо сложнее, нежели в теории. Оппонент ушел от ножа — ушел красиво, почти играючи, и уже метил неизвестно откуда взявшимся стилетом в его собственное горло.

Удар, блокировка, контр-атака, еще удар.... Снова отбит. В конце концов, мужчины повалились на землю. Неужели он потерял форму? Или противник оказался действительно хорошо натренирован? Халк смотрел на дрожащий кончик лезвия, зависший в нескольких сантиметрах от глаз, изо всех сил стараясь изменить положение в свою пользу. Пот заливал веки, запястья стали скользкими и покрылись пылью, дыхание стало хриплым и прерывистым, тело ощущало несколько пропущенных ударов где-то в районе печени и бедер.

Но и врагу, должно быть, досталось. И нисколько не меньше — Халк мог бы поклясться, что несколько раз выложился по полной, отыгрываясь на всех частях тела, до которых смог дотянуться. И вот уже начало казаться, что еще секунда — и сил, на то, чтобы сдерживать нож не останется, как давление вдруг резко пропало. Халк даже не успел сориентироваться, что произошло, и почему его перестали атаковать, когда понял, что лежащий сверху застыл, всматриваясь в его лицо.

Глаза распахнулись сами собой, когда образ кого-то знакомого всплыл из памяти, заставляя тело на мгновение оторопеть. Такое мгновение легко могло стать роковым, но Конрад не волновался. Он впервые по-настоящему разрешил себе взглянуть в лицо противника, и был настолько удивлен, что не мог поверить тому, что видел. А когда все же смог начать говорить, то изо рта вырвалась только одна фраза:

— Твою мать.... Дэлл?

Одновременно с этим прозвучал знакомый, но не менее удивленный голос:

— Халк, чтоб тебя....

Даже если бы существовали привидения, Халк бы не настолько удивлен увидеть одного из них, как оказался удивлен встретить на территории Тали одного из лучших друзей. А потом и другого.

Не успели они подняться с земли, как подоспел второй «диверсант». Им оказался не кто иной, как сам Чейзер.

Заговорили одновременно.

— Как вы здесь оказались?....

— Быстро ты его нашел....

— Этот черт чуть не прирезал меня за углом!

А потом так же резко замолчали. Ночной воздух наполнился скрытым ощущением радости от встречи. После секундного замешательства, Мак подошел и крепко обнял друга, которого не видел четыре долгих года.

— Я думал, мы потеряли тебя. Рад, что ты жив.

Халк похлопал затянутого в камуфляж мужчину по плечу, не способный выразить словами чувство, которое испытывал в этот момент.

— Но как?

Ответил Дэлл:

— Все по дороге. Надо уходить отсюда. Давай поговорим в машине.

Халк коротко кивнул, вопросов больше не звучало. Все верно, поговорить они могли и позже, после того, как покинут ненавистную территорию.

Короткими перебежками, один за другим, они добрались до ворот и выскользнули наружу. И только после этого Дэлл хохотнул, прижал голову Халка к груди и растрепал его волосы:

— Черт! Ты едва не прирезал меня! Я уж начал думать, что если все охранники в Тали такие, то пора

нам бить тревогу. А вообще, я рад. Очень рад....

— Что, правда что ли? Вы сцепились там? — Снова переходя на бег, спросил Чейзер.

— А то! — Ответил Халк. — Помял он мне кости....

Мак хрюкнул, пытаясь не расхохотаться в голос, и снова, предупреждая расспросы друга, витающие в воздухе, сказал:

— Все потом. Сначала до машин.

И на полной скорости они рванули прочь от забора в темный лес, где ждала свобода, друзья и две черные машины.

Халк все еще не мог поверить. Много чему.

Тому, что сидел в машине, которая неслась по темной дороге по направлению к городу, которого он не видел несколько лет — сверкающему огнями городу, в котором высотные здания перемешались с маленькими уютными коттеджами, где из ночных баров лилась музыка, и каждый мог найти себе занятие по душе в любое время дня и ночи. Городу, где на долгих четыре года остался пустовать его собственный дом. Следил ли кто-нибудь за ним? А машины в гараже....

Халк усмехнулся в темноту. Целых четыре машины.

Не мог поверить он и тому, что несколько минут назад встретил и еще двоих друзей — Рена и Дэйна, которые пришли сюда за тем же, чтобы помочь ему выйти наружу. Именно Дэйн оказался тем снайпером, которого по незнанию, искренне опасался Халк. Теперь же он только улыбался, думая об этом.

Не мог поверить тому, что в этой бледной ночи, где тусклый свет луны выхватывал черную крышу и шуршащие колеса, он уносился прочь от опостылевших гор и жары, куда-то в свое новое будущее. Уносился прочь от ранчо, от нелепых законов, от идиотских клубов и еще более идиотских правил. Уносился от лиц, перекошенных страданием и глаз, полных горечи. Как же все это надоело....

Теперь вся его амуниция покоилась в багажнике машины, а за рулем сидел человек, которому он без раздумий доверил бы собственную жизнь.

Халк провел в темноте саднящими пальцами по прохладной коже заднего сиденья, будто пытаясь убедиться, что она настоящая. А этими пальцами он едва не открутил голову еще одному из своих товарищей.... Нет, ну надо же было так....

Снова незаметная улыбка в темноте. И множество чувств. Слишком много, чтобы можно было выделить их по именам. Но от этого сгустка щипало глаза. И хорошо, что ночь, и ничего не видно.

— Расскажите мне.... — Хрипло попросил Халк.

Дэлл повернулся и посмотрел на Мака.

— Лучше ты. С тебя все началось.

Чейзер кивнул.

— Мы не знали, где ты был, иначе бы раньше пришли.... — Начал он.

— Я знаю.

— И мы бы и дальше не знали, если бы мне не позвонила одна мадам, назвавшаяся Шерин. Тебе знакомо это имя.

Теплая мягкая волна прошла вниз по позвоночнику при упоминании этого имени. Конечно, не было других вариантов. Кто же еще кроме нее....

— Да, Мак, знакомо.

Тот удовлетворенно кивнул.

— Так вот она позвонила мне, и сказала, что знает, где ты есть. Живой и здоровый. И что ей срочно нужна помощь в твоём освобождении и денег она за эту информацию не хочет.

Теперь Халк улыбался широко, открыто. Его заливала долго сдерживаемые внутри чувства — нежность, желание обнять, пожурить, растрепать волосы, завалить на кровать и целовать смеющиеся губы. А, может быть, просто почувствовать, что все — наконец-то, она просто рядом.... Все это мимолетным образом пронеслось в голове, но пришлось отодвинуть пьянящие радостью мысли, чтобы спросить:

— Что было дальше?

— А почти ничего. Я приехал к ней... Честно сказать, поначалу я вообще скептически отнесся к звонку, но потом понял, что все серьезно. Тогда я привез ее к себе, собрал команду, и дал ей все рассказать в деталях. После чего мы в течение двадцати четырех часов выдвинулись в тридцать третью зону, о которой я, признаться, никогда не слышал....

Халк воочию представил, чего стоило Шерин столкнуться с Чейзером в первый раз, особенно если тот бы скептически настроен. Этот субъект пугал до смерти бывалых мужиков, не говоря уже о женщинах. А еще и остальные.... Рен, Дэлл, Дэйн. Она, конечно, слышала о них, но только вскользь, и наверняка не представляла себе, с кем придется столкнуться. Человек из робкого десятка не пошел бы на такую встречу, но его Шерин в этом десятке не числилась.

Кончики его пальцев снова потеряли кожу на сиденье. Скоро.

Дэлл повернул голову и улыбнулся.

— Ну, а ты-то как у ворот оказался? Не нас ведь ждал?

Халк хмыкнул.

— Вас я там ждал в последнюю очередь. — Он помолчал, снова погружаясь в размышления последних нескольких дней о побеге и в сегодняшнее утро (теперь уже вчерашнее), которое теперь, казалось, отдалилось на десятки лет во времени. — Я собирался бежать оттуда. Сам. До смерти надоело находиться в заточении в этой зоне. Кто бы только знал....

Халк снова помолчал, а друзья не прерывали тишину, зная, что другу потребуется какое-то время, чтобы отпустить от себя тяжелые воспоминания, пережить их и двинуться дальше.

— Да.... В какой-то момент стало все равно, что за этим последует. Находится там стало тяжелее, чем нарушить еще один чертов приказ.

Они все знали, о чем шла речь. О чем и о ком. Тишина сгустилась, сделалась тяжелой и вязкой. И только Чейзер, знавший чуть больше, чем другие, оставался спокоен и хранил молчание.

— Дэлл, что стало с твоим ножом? — Наконец, настало время Халка утолить любопытство.

— Ты не поверишь.... — Улыбнулся, глядя куда-то вперед, тот. — Но нашлась одна девушка, которая мне его подарила.

— Да что ты?! И ты теперь с ней встречаешься?

Дэлл замялся.

— Я бы так не сказал....

— Он, похоже, втихаря сам сохнет по ней, а потому так рьяно отпирается. — Вставил Мак, вызвав угрожающее выражение на лице соседа.

А Халк лишь улыбнулся. Они разберутся. Теперь он просто знал, что когда любовь приходит, нет

возможности оставить двери закрытыми, даже если логика использует все имеющиеся в наличии замки. Чему войти в жизнь, то обязательно войдет.

Пересилив себя, он все же вернулся к той теме, разговор о которой хотел так отчаянно отложить на «потом».

— Вы знаете, что ради меня, вы нарушили приказ?

— Знаем. — Ответил Дэлл, посерьезнев. — И как-нибудь с этим разберемся. Теперь, если он захочет наказать, то придется рассортировывать всю команду.

Мак молчал. Халк, потеряв подбородок, спросил его.

— А где она взяла твой номер телефона?

— Вот ты сам у нее и спросишь. — Улыбнулся водитель, сверкнув в зеркале глазами. Но Халк улыбку не вернул.

— Я могу и не успеть.... — Он подумал о том, что в любую минуту может быть задержан.

— Успеешь. — Уверенно ответил Чейзер, прервав тяжелые мысли. — Все ты успеешь.

И он снова, глядя на дорогу, загадочно улыбнулся, чего Халк в темноте не увидел.

Его руки обнимали и дарили столько тепла, что казалось, несмотря на осень за окном, в душе вдруг расцвело лето, а я все никак не могла поверить, что он здесь, рядом. Этот до боли знакомый и родной запах, эти нежные пальцы, перебирающие волосы — казалось, стисни он меня еще хоть немного, и кости треснут.... А мой подбородок, прижавшийся к его мойке дрожал, глаза щипало от слез.

Халк был здесь. У меня в прихожей. Это было столь же реально, сколь и невероятно.

Да, я видела въезжающие во двор машины, видела, как они остановились у подъезда, потому что несколько часов к ряду стояла у окна, будто пришипленная, не имея ни возможности, ни желания сдвинуться с места. Словно боялась — отойди я, и что-то хорошее не произойдет, что счастье вдруг не заметит меня в окне и пролетит куда-нибудь мимо.

Волновалась ли я? Наверное, больше, чем когда-либо. Никакие жизненные передрыжки не могли заставить мои внутренности дрожать так же сильно, как эти долгие минуты, полные предвкушения встречи. Казалось, потребуются годы, чтобы распутать все образовавшиеся внутри нервные узлы.

Я знала, что они приедут, знала, что привезут Халка, но все равно оказалось не готова увидеть его на пороге собственной квартиры, сколько бы ни пыжилась притворяться, что происходящее не имеет такого уж сильного значение. Конечно, оно имело. И еще как.

Уже некоторое время, он просто сжимал меня в объятьях, почти душил, а я хотела, чтобы это мгновенье растянулось на целую вечность.

Его пальцы требовательно и нежно приподняли мой подбородок, и я утонула в расплавленном серебре его глаз, полном ласки и обожания. Секунда, и горячие губы накрыли мои, язык требовательно и жадно ворвался в мой рот, будто не сделай он этого, и хозяин больше не смог бы существовать на свете. Казалось, этим поцелуем Халк пил мою любовь, впитывал ее в себя, смешивал со своими чувствами и возвращал обратно ударной волной страсти и какого-то внутреннего отчаяния, которое не давало ему надеяться, что он вновь когда-либо увидит меня.

— Поверить не могу, что ты здесь.... — Прошептала я, стараясь не всхлипнуть.

Он медленно потерся носом о мою щеку, будто наслаждаясь каждым миллиметром кожи, будто пропитываясь осознанием, что, наконец, здесь.

Халк ничего не говорил, а в глазах его была невероятная глубина, которая была красноречивее

любых слов.

Он рассматривал мое лицо — лоб, брови, глаза, губы, медленно касался их подушечками пальцев, а затем снова целовал меня — ласково и нежно или же жарко, требовательно, будто клеймил, будто доказывал что-то самому себе и миру вокруг. Ладони его до боли сжимали волосы на моем затылке, а я плавила от собственной любви и осознания, что он со мной.

— Скажи, что любишь меня. Произнеси это! Хочу слышать.... — Было первым, что он, наконец, вымолвил. Хрипло, жадно, еще не откинув воинственное настроение, не расслабившись.

Его напор оттеснил меня к стене, спина прижалась к прохладной извеске, но я едва чувствовала это.

— Конечно, люблю! Больше, чем когда-либо любила что угодно. Я так ждала тебя...

Мои пальцы сжимали и растягивали ткань его футболки, так им хотелось коснуться кожи, погладить самую его душу, приласкать и успокоить то, что сомневалось или же просто не могло поверить в происходящее.

Услышав это, Халк шумно выдохнул, прижался своим лбом к моему и закрыл глаза. Чувствуя, что он медленно расслабляется, но все же что-то продолжает терзать его, я ласково погладила его щеки, покрытые щетиной.

Сказал ему Чейзер или нет? Про Дрейка, про свободу. Почему мне казалось, что что-то до сих пор терзало его? Нужно было срочно проверить и убедиться.

— Халк, я....

Он мягко улыбнулся, не открывая глаз, и приложил свой палец к моим губам.

— Потом. Ни о чем не волнуйся. Ты все сделала правильно....

После этих слов я поняла, что Мак промолчал. По какой-то одному ему ведомой причине, он дал мне шанс самой во всем признаться. Может быть, понял, что для меня было это важно, а, может быть, просто не успел. Хотя, в последнем я сомневалась. Так или иначе, Чейзер дал мне шанс самой увидеть, что обожание Халка, несмотря на его «незнание» о разговоре с Дрейком, несколько не уменьшилось.

От этого осознания в моей душе поднялась такая волна нежности, что стало ясно — я ни за что и никогда не оставлю этого мужчину. Он был слишком дорог для меня и до этого, а уж после этой встречи и подавно.

— Ты не сердишься, что я позвала твоих друзей?

Халк открыл глаза — серые, глубокие, серьезные. И очень теплые.

— Сержусь? Да я уже дня без тебя не мог. Так что, какая разница... — Он усмехнулся, что-то вспоминая, затем улыбнулся. Немного горько, но уверенно. — Мы справимся. Что бы ни случилось. Обязательно справимся, верь мне.

Мои пальцы неугомонно продолжали ощупывать его плечи, гладить спину, руки, затылок. Я и забыла, какой он большой. И он был моим. Целиком и полностью. Я пьянела от этого чувства.

И, конечно, я верила. Даже если бы не знала про Дрейка, если бы вообще никогда не встречалась с ним, все равно бы верила Халку до конца, ни на секунду не усомнившись в том, что если он говорит «справимся», значит, так и будет.

Но сказать обо всем нужно было, и как можно быстрее. Ведь все «реакции», которые мне хотелось увидеть, я уже увидела, и было бы нечестно и жестоко и дальше держать его в неведении.

Я уже приготовилась было открыть рот, предвкушая еще один из самых лучших моментов в моей

жизни, который впоследствии превратится в бесценное воспоминание, но не успела я вымолвить и слова, как в кармане его джинсов запищал мобильный.

— Да, понял. — Коротко ответил он кому-то, и я вдруг напряглась и застыла. Как-то внутреннее сжалась.

Практически забыла все, о чем ему хотела сказать, когда в голове пронеслась глупая, но ужасная мысль.

«Он сейчас уйдет...»

Я сглотнула. Пусть только не это.... Вдруг он просто возьмет и уйдет? Скажет что-нибудь наподобие «Мне нужно бежать, позвоню тебе завтра» или еще хуже «Увидимся на недельке» и растворится.

Я понимала — головой, логикой, задом, чем угодно, что так случиться не должно, но все равно пережила почти что шок, от не вовремя подкинутой воображением картинки. Случается ли, что красивые истории заканчиваются банально? Бывает ли так, что принц, преодолев трудности на пути к башне принцессы, вдруг решает, что принцесса на самом деле не так уж важна, как ему все это время казалось, и остановка в ближайшем баре на пути никак не помешает путешествию. Ведь ждала же эта дама у окна десятки лет, так почему бы ей еще не подождать?

Реальная жизнь — это не сказка, где обещан красивый конец. Здесь все может быть по-другому — жестко или глупо или бессмысленно и не всегда понятно, где логика одного может быть неподвластна пониманию логикой другого.

Я, затаив дыхание, ждала, что будет дальше.

«Пожалуйста, только не говори, что тебе пора....»

И пока в моей голове разворачивался этот секундный фильм ужасов, Халк смотрел мне в глаза и улыбался. Мягко, понимающе. Укоризненно качая головой.

А я, грош мне цена, и забыла, что он — сенсор.....

— Неужели ты правда думаешь, что я мог бы так сделать? — В его голосе проскользнул ласковый упрек. — Просто уйти и оставить тебя? Неужели думаешь, что я за этим шел к тебе? Просил первым делом показать мне, где ты есть, чтобы найти и не отпускать то, что для меня важнее всего в жизни? От его слов нахлынуло такое облегчение, что стало трудно стоять. Ничего не отвечая, я просто прижалась к нему. Как объяснить, что я не такая умная, и что, бывает, я боюсь совершенно напрасно, безо всяких на то причин? Что во мне живет просто маленькая девочка, которая только и хочет, чтобы ее обняли сильные надежные руки и никогда-никогда больше от себя не отпускали? Чтобы было тепло и надежно, безопасно и тихо, безо всяких тревог.

— Пойдем, нужно поговорить с ребятами и дать им разойтись. А потом поедем домой.

— Домой? — Осторожно и с непонятным мне самой трепетом спросила я и почувствовала, как и глаза и сердце вдруг неожиданно наполнились необъяснимой надеждой. На что-то хорошее и светлое, на то, чего никогда еще в моей жизни не было.

— Домой. — Кивнул Халк и нежно провел губами по моей щеке. — Ты ведь хочешь посмотреть на наш новый дом?

Я застыла на мгновение, чувствуя, как внутри разливается что-то теплое, тягучее и невероятное приятное, а затем кивнула с таким энтузиазмом, что Халк засмеялся.

— Пойдем, прелесть моя. — Он нежно поцеловал кончик носа, один уголок губ, затем другой. Потом переплел свои пальцы с моими, и мы направились к двери.

Их снова было много. Даже слишком много для одной комнаты — вместо четверых, теперь стало пятеро. И атмосфера изменилась до неузнаваемости. Они что-то обсуждали, делились впечатлениями — больше отрывочными, радостными и взволнованными, нежели последовательными — сказывалась долгая, полная событий напряженная ночь. Было ясно, что понадобится еще не одна встреча — с виски, закусками, где-нибудь в уютной атмосфере, чтобы поделиться всем накопленным за те отрезки жизни, что они провели врозь, чтобы построить новые планы, унять возбуждение от того, что они снова — одна команда. На этот раз полная.

Я же просто блаженствовала, наблюдая за мужчинами, словно за наигравшимися за день щенками, которые что-то жестикулировали руками, что-то показывали, хлопали друг друга по плечу и смеялись. Они все еще были бодры, в то время как меня неумолимо клонило в сон. Сказались нервы и напряженное ожидание. Теперь, когда я знала, что с Халком все в порядке, все вернулись домой живые и здоровые, можно было расслабиться. Аппетитно зевнув и убедившись, что на меня никто не смотрит, я аккуратно примостила голову на уголке дивана и тут же блаженно соскользнула в сон. Где на задворках промелькнула мысль, что нужно найти момент и сказать про Дрейка, разлепить глаза и расставить все точки над *i*, но сил на то, чтобы это осуществить, уже не было. Глаза не разлеплялись, и никакие мужские голоса не мешали мне мирно спать прямо посреди комнаты.

А проснулась я уже в машине.

Ненадолго выскользнула из дремы только для того, чтобы увидеть темный салон, почувствовать теплое плечо и ласковые руки, обнимающие меня. Увидев, что я зашевелилась, Халк осторожно погладил меня по голове и прошептал.

— Мы едем домой, все хорошо. Спи пока.

И я снова заснула.

А Халк мысленно вернулся к тому разговору, который случился вскоре у Мака в кабинете сразу после того, как они обнаружили спящую на диване Шерин. Точнее, обнаружил ее Дэлл — похлопал по пчелу Чейзера, и все они обернулись посмотреть на уютно свернувшуюся в углу дивана девушку. Голоса в комнате сразу же стихли. Забыты были поднятые темы, мужчины молча любовались ей, как котенком, сладко посапывающем на уютной куче из одеял.

Халк нежно улыбнулся. У него защемило сердце от того, какой беззащитной и уязвимой она казалась в этот момент, с разметавшимися вокруг головы каштановыми кудрями.

— Это твоя вторая половина? — Тихо спросил Чейзер.

Халк кивнул.

— Я так и подумал. Иначе с чего бы ей ради тебя было проходить огонь и воду.

— Что ты имеешь в виду?

— Так она тебе не сказала? — Удивленно посмотрел тот, и все находящиеся в комнате заинтересовано взглянули на него. — Я уверен, что она сама хотела тебе сказать, но, видимо, не успела. Или ты ей не дал. В любом случае, тебе надо кое-что услышать.

Он откашлялся.

— Перед тем, как мы отправились за тобой, я подвез ее до дома, и знаешь, в чем эта мадам мне призналась?

Халк вмиг стал серьезным и сосредоточенным. Интересно, что имеет в виду его друг? Ведь неспроста он поднял этот разговор. Да и вообще, все, что касалось Шерин, касалось и его самого, а

потому каждая деталь, каждая мелочь была важна.

— Не тяни уже.... — Заинтригованный тоном Чейзера поторопил его сидевший на спинке кресла Рен. — В чем таком она тебе призналась?

— Уж, не в том ли, что ты ей понравился больше нашего старины Конрада? — Хохотнул Дэйн, потягивая вторую банку пива, но тут же был награжден тычком от Рена, что едва не окончилось пивом, разлитым по ковру и шипением «Чувство юмора бы тебе поправить, а не физическую форму....»

— Нет, не в том. — Сверкнул глазами Мак. — Хотя я, по-моему, был бы не прочь.

Поймав прищуренный взгляд Халка, он тут же усмехнулся.

— Не нагревайся. Даже если бы я запер ее в подвале собственного дома и неделями не кормил, она все равно бы никогда не променяла тебя ни на кого другого. Это каждому ясно.

Халк мгновенно оттаял, а Чейзер посерьезнел.

— Нет, она сказала мне, что за день до того, как позвонила мне, она встречалась с Дрейком.

Потребовалось мгновение, чтобы новая информация проникла в головы.

— Что!? — Раздался в комнате удивленный хор голосов. — Ты шутишь?

А Халк замер на месте, боясь самостоятельно предположить продолжение. Лицо его под бронзовым загаром слегка побледнело, а губы сжались в решительную линию. Линия подбородка сделалась упрямой, очертив квадратную челюсть.

— Зачем она это делала? — Слова давались ему с трудом. Нет, он совсем не боялся плохих новостей о собственной участи, он был отчасти готов к ним, но вот представить, как Дрейк мог отреагировать на незнакомую особу, пытающуюся завести разговор о том, чего ей даже знать не полагалось, Халк покрылся испариной.

— Как зачем? Чтобы поговорить о тебе, конечно. Поверь мне, — покачал головой Мак, — когда я об этом услышал, отреагировал примерно как ты. Почти в ступор впал, мягко говоря.

Дэлл смотрел с недоверием, Рен с мерцавшим в глубине глаз непонятым выражением, а Дэйн нервно провел пятерней по коротко стриженному ежику.

— Ну и дела. — Сказал белоголовый. — Она что, вообще того?

— По-видимому, нет. Просто еще раз доказала, что он ей очень дорог. — Рассказчик посмотрел на Халка. — По-хорошему завидую тебе. Так вот эта красавица нашла осведомителя и спросила, как ей связаться с Комиссией, тот посоветовал «позвать» Дрейка, что она и сделала, предварительно выйдя в чисто поле.

Напряжение и интерес в комнате возрос до такой степени, что стало жарко. Халк понял, что его собственное сердце, чего давно не случалось, стало отбивать непрошено быстрый ритм, и успокоить его оказалось чертовски трудно.

— Она выкрикнула имя Дрейка прямо в небо, по-крайней мере, так она сказала. И он приехала.

Машина появилась прямо в поле. И как ты думаешь, что она сказала, когда он предстал перед ней?

— Даже предположить не могу. — Ошарашено отозвался Халк.

Остальные не нарушали тишину, затаив дыхание, ожидая продолжения. Ведь это касалось не только Конрада, это касалось их всех.

— У меня сейчас зад от волнения взмокнет! — Пожаловался Дэйн. — Ты уже скажи, насколько глубоко то дерьмо, куда мы влезли?

А Чейзер посмотрел на Шерин и покачал головой, вспоминая всего несколько часов назад случившийся в машине разговор.

— Она сказала ему, что ты все давно уже понял. И что тебя нужно отпустить или хотя бы подумать об этом. Вот так вот она ему и сказала. Я бы сам не поверил, но факт остается фактом.....

Он прервался, потому что спящая девушка в этот момент пошевелилась, будто ощущая сгустившуюся в комнате атмосферу, потерла ладошкой щеку, устроилась поудобнее и снова мирно засопела.

Чейзер убедился, что она не проснулась, затем продолжил:

— Так вот, Дрейк, выслушав ее, сначала припугнул. Спросил, мол, знала ли она о возможных последствиях такого разговора? Понимала ли, что он мог ее в порошок стереть и прочее. И ведь не испугалась — дама твоя, а заявила ему, что ты того стоишь. Хоть в порошок быть стертой, хоть на край света закинутой. Тогда, ты не поверишь.... Дрейк подкинул монетку, поймал ее, сказал «Сегодня твой день. Скажи ему, что он свободен» и был таков. Оставил ее стоять там, в поле, а сам растворился, как и не было.

Халк вздохнуть не мог. Воздух просто не шел ни внутрь, ни наружу. Судя по вытянувшимся лицам друзей, они испытывали нечто схожее.

— Скажи, что ты не шутишь, старик? — Спросил Дэлл, вглядываясь в глаза друга. — Уж больно все это.... невероятно, что ли.

— Да, не говори.... — Мак потер шею, будто та затекла. — Рассказываю и сам не верю, что такое могло быть. Говорит (он кивнул в сторону Шерин), что прежде чем уехать, Дрейк остановился и сказал «Пусть заглянет ко мне, когда будет поблизости», после чего скрылся. Так что вот....

Никакого дерьма нам не светит, мы легально имели право тебе помочь, ну а ты, по всему выходит — свободен.

Последняя фраза была обращена, конечно, к Халку. А тот, со странным выражением в глазах, смотрел на Шерин. И никто не знал, как сильно щемило в этот момент у него внутри.

Он осознает все сказанное позже.... Что нет больше боязни перед будущим, что все уже разрешилось без его участия и разрешилось хорошо, но это все будет позже. А сейчас он смотрел на нее, спокойно спящую на диване, и чувствовал, как любовь, нежность, благодарность, забота и желание защищать и оберегать, сплелись в одно сильное чувство, названия которому не было. Но его крепкие корни уже проросли сквозь каждую клетку, оно разлилось по всему телу от макушки до пяток, заполнив собой все.

Вот она — его Шерин, которая смело прибыла на его ранчо, чтобы скрести полы, которая крала еду для рабочих и на свои деньги покупала им лекарства. Вот она — его Шерин, которая не побоялась сунуться в самое пекло, лишь бы вытащить того, кто был ей дорог. В этом она вся..... Она всегда была такой. И он не мог, просто не имел права отпустить ее от себя. Он должен был дать ей все, чего она заслуживала иметь и много, много больше....

Кто-то потрогал его за рукав. Халк с трудом оторвал взгляд о той, на которой был так сосредоточен последние минуты.

— Ты не теряй ее. — Шепнул Мак.

— Ага. — Подтвердил Рен, а Дэлл только кивнул.

И только Дэйн досадливо вздохнул, но досадливо не на Шерин, а на злодейку-судьбу, которая все

никак не хотела сделать и ему такой вот пушистый «подарочек».

А Халк опустился прямо на ковер. Четыре года он носил в себе отчаяние и незнание того, что будет дальше. Четыре года он сдерживался от того, чтобы не завывать волком, запертый в клетке, без возможности реабилитации. Четыре года связанные руки саднили и ныли от боли бездействия. И вот впервые он мог отложить невидимый топор и желание отвоевать назад свою жизнь, свое счастье и право на свободу, потому что ничего из этого больше не нужно было отвоевывать.

Она взяла и все отвоевала за него. Вот так легко и просто....

Нет, наверное, не легко и совсем не просто, но так неожиданно, ничего не спросив, просто собралась силами и пошла в бой. А он стал свободен. Без страха скорой расплаты за новую ошибку, без страха, что снова придется разлучиться.

Нет, не придется. Эта мирно спящая кудрявая «игрушка» уже обо всем позаботилась. Он поверить не мог, не мог поверить, что она все сделала. Смотрел на ее отдающие рыжиной локоны, на длинные ресницы, скрывающие большие наивно смотрящие на мир зеленые глаза, смотрел на надувшиеся во сне, как у ребенка губки, сидел на ковре и качал головой....

Наверное, если бы я просыпалась в самом раю, мое мировосприятие не было бы лучше, чем оно было в ту минуту, когда я, пробудившись ото сна и нежась на мягчайших простынях, раздумывала, открыть ли мне глаза сейчас или потратить еще минуту-другую на рассматривание ярких солнечных бликов, что пробивались сквозь закрытые веки. Откуда-то долетал теплый ветерок, шуршала ткань занавески, играющая в прятки с солнечным днем, а птицы вовсю распевали радостные трели, будто и не ранняя осень стояла в этот день на дворе, а цветущая весна.

Рай, да и только.

Я улыбнулась и медленно открыла глаза.

В первую секунду меня постигло легкое разочарование от того, что кровать, на которой я, по всей видимости, проспала всю ночь, оказалась пустой. Как и комната.

Я огляделась по сторонам, разглядывая незнакомый интерьер уютного помещения, оказавшегося просторной спальней, выдержанной в бежевых тонах — обнаружила то самое окно, украшенную затейливым узором занавеску, ковер, залитый светом, прикроватные тумбы и еще несколько предметов фурнитуры, но, к сожалению, ни живой души вокруг.

Не успев подумать о том, куда делся мой ненаглядный, я обнаружила прикрепленную к соседней с моей подушке записку, которая гласила:

«Любовь, я не стал тебя будить, потому что знал, как сильно ты устала прошлой ночью, а мои страстные порывы могут подождать до вечера (но не дольше) Х.»

Все мои волнения тут же растворились, а на щеках тут же выступил румянец. Я облегченно вздохнула и счастливо улыбнулась — главное, все было в порядке, а если у Халка нашлись какие-то дела на утро, то значит, мы встретимся чуть попозже, когда он вернется.

Вернувшись к записке, я обнаружила постскрипtum, приписанный мелкими буквами, который гласил, что ванная комната находится сразу за дверью, слева от стенного шкафа.

Я машинально повернула голову и нашла глазами указанную дверь. Отлично! Есть время принять душ и освежиться. Конечно, ни косметики, ни туалетных принадлежностей у меня с собой не было, но я не стала переживать. Да и глупо это было, после стольких дней, проведенных в Тали, где Халк видел меня в наивысшей степени оборванки и замарашки. Но освежиться все равно надо было.

Поэтому я бодро откинула одеяло и коснулась босыми ступнями пушистого ковра. Поискала глазами одежду. Не нашла. Задумалась.

Судя по тому, что на мне было одето только нижнее белье — некто (известное дело «кто») раздел меня, перед тем, как уложить в кровать. Вспомнив, что вчера вечером я прикорнула прямо посреди комнаты на диване у Чейзера, я на мгновение смутилась, но тут же вернула бодрость духа. Ну, что с того, что нет у меня той фантастической выдержки, присущей этим парням — зато я маленькая и пушистая, и миссия у меня совсем другая, а посему стоит ли переживать, что мы разные? Ну, подумаешь, заснула....

Я хихикнула.

И все-таки, куда же делась одежда? После секундного осмотра, вместо одежды мной был обнаружен пушистый белый халат, лежащий на краешке кровати, с очередной приколотой к отвороту запиской. Я улыбнулась и потянулась, чтобы достать ее.

«Халат раньше никому не принадлежал. Он был доставлен сюда сегодня утром специально по моей просьбе. Так что никаких домыслов»

Я улыбнулась, прочитав это. Если честно, додумывать бы я все равно не стала. Та уверенность, которая поселилась во мне, стоило мне оказаться в объятиях Халка вчера вечером — уверенность в том, что он целиком и полностью принадлежал мне, а я ему, теперь была моей постоянной спутницей. Я просто знала это. Ощущала ее всем сердцем и радовалась.

Скользнув в белоснежный халат, мягкий, как пух и пахнущий новизной, я, напевая, направилась в ванную, где плескаясь и намыливаясь всем подряд, до чего смогла дотянуться, я провела добрую половину утра.

После ванной, я наткнулась на еще одну записку — это стало уже игрой «найди следующий указатель и следуй ему», висящую на двери спальни, извещавшую о том, что где-то на веранде для меня сервирован завтрак.

Я хмыкнула, когда поняла, что представления о том, где находилась та самая веранда у меня не было совершенно, поэтому просто решила положиться на удачу и направилась в следующую комнату.

Свой завтрак я все-таки нашла. Но спустя некоторое время, потому что осмотр великолепного особняка полностью захватил мое внимание на добрых минут тридцать. Комнат было необычайное множество. Одна сменяла другую, и считать их не было смысла. Гостиные, спальни, кабинеты, столовая, тренажерный зал, библиотека, какие-то подсобки, комнаты для чтения и снова гостиные....

И это все нашлось притом, что открывала я далеко не каждую дверь. Ну и размер! Размах у владельца, конечно, был воистину королевский.

Вид из окна подсказал мне, что особняк расположен где-то в восточной части города, потому как вдалеке был виден пейзаж из уходящих в синеву небоскребов, но виден он был под другим углом, нежели из моей квартиры на Вест-Бартон авеню.

Веранда, в конце концов, найденная мной, утопала в зелени. С белой плетеной мебелью она плавно переходила в газон, а дальше в сад, буйно заросший цветами. Шумели деревья, слегка пригибалась от легкого бриза короткая травка, в отдалении, ближе к углу дома я заметила сверкающий водной гладью под солнцем бассейн.

И ни звука.

По всей видимости дом в эту минуту был пуст. И кто бы ни следил здесь за садом и бассейном (если

кто-то следил), в эту минуту они, словно сговорившись, решили моего уединения не нарушать. Оглядевшись по сторонам, я вдохнула чистый утренний воздух, распустила пятерней мокрые волосы, чтобы быстрее просохли, и уселась на один из плетеных стульев, позавтракать.

Жаль, что Халка все еще не было. Но я не столько грустила по этому поводу, сколько ерзала от нетерпения его еще раз поскорее обнять. Вчерашнего вечера было далеко недостаточно, чтобы «надержаться», «наобниматься» и вообще всячески насладиться вновь обретенным присутствием в жизни друг друга.

На столе, накрытые сверкающими крышками, стояли блюда с сыром, ветчиной, джемом, стаканчики с йогуртами (что вызвало во мне волну воспоминаний), стоял графин с соком, а прямо передо мной оказался слегка остывший, но оттого не менее вкусный омлет.

А под вилкой с ножом притаилась еще одна записка:

«Надеюсь, ванная комната тебе понравилась. Наслаждайся завтраком, а когда закончишь, то просто позвони в колокольчик, что в центре стола, тогда тебе принесут одежду и через пятнадцать минут подадут машину. У тебя есть время до шести часов вечера, за которое тебе будет необходимо пройти по магазинам и подыскать туалет для нашего вечернего свидания, что состоится в ресторане «Плаза». О деньгах не беспокойся, шофер обеспечит тебя кредиткой, и, пожалуйста, трать столько, сколько захочешь. Машина будет с тобой весь день, чтобы ты смогла свободно перемещаться по городу, а вечером она доставит тебя в ресторан, где с нетерпением тебя буду ждать я.

До встречи, Халк.

P.S. Да, рядом с колокольчиком лежат твои ключи от дома»

Перечитав написанное несколько раз, я медленно отложила записку и отыскивала глазами ключи.

От переизбытка чувств, внутри образовался комок. Мои ключи от дома.... Мой Халк.... Моя новая жизнь. Он обо всем позаботился. О каждой мелочи. И наконец-то мне стало понятно, почему он не проснулся со мной в одной постели, почему исчез куда-то еще до того, как я открыла глаза.

Что-то подсказало мне, что мой избранник принадлежит к тому типу мужчин, которые всегда стремятся сохранить в отношениях (не важно как долго они уже делятся) нотку новизны, интереса, страсти, загадки, и всегда стараются сделать так, чтобы каждый день нашел в себе время для сюрприза, приятного подарка или же просто знака внимания.

Халк не захотел сделать все «обычно». Он захотел настоящего свидания. Захотел, чтобы я томилась и скучала перед встречей. Предвкушала и изнывала, плавилась от ожидания и волновалась, словно все происходило впервые. Что в какой-то степени так и было.

Что ж.... Судя по тому, как неровно стучало мое сердце, Халку задуманное удалось. Я еще раз посмотрела на записку, потом на омлет, потом на колокольчик. Глубоко вдохнула. Выдохнула. Затем хитро улыбнулась.

Начинающийся день обещал быть очень интересным.

Я смотрела на него вот уже несколько секунд, и все никак не могла поверить, что это — Халк.

Человек, сидящий за столиком, был изысканно, безукоризненно одет, подстрижен, излучал спокойную ауру уверенного в себе человека, вокруг которого крутится мир. Сшитый на заказ пиджак, словно литой, обтягивал мощные плечи, воротничок белой рубашки с точностью до миллиметра обхватывал шею, на загорелом запястье поблескивали часы, а чисто выбритый подбородок лишь подчеркивал

квадратные углы красивой челюсти.

— Это, правда, ты? — Пролепетала я, и, по-видимому, покраснела.

Как только я подошла к столику, он тут же поднялся и на мгновение застыл, оглядывая меня с ног до головы. А посмотреть было на что — несколько часов шопинга и салонов не прошли безрезультатно, теперь к галантному кавалеру подошла одетая в вечернее платье дама с безукоризненной прической и макияжем.

Он улыбнулся, нежно коснулся поцелуем моего запястья, после чего вежливо отодвинул стул, убедился, что я комфортно устроилась за столом и сел напротив.

А я, и смех и грех, боялась взглянуть перед собой. Трудно поверить, но я смущалась. Он был, вроде бы, таким же, и в то же время, каким-то новым, незнакомым. В Тали Халк выглядел гораздо проще, не настолько вышколенным и лощеным, как теперь, и это заставило меня растеряться.

Сколько вещей я не знала о нем? Каким он был на самом деле? И был ли он действительно тем Халком, которого я знала, или же безукоризненно выглядящий и пахнущий мужчина напротив меня, был в действительности кем-то другим? Я вдруг испугалась. Что не подхожу ему, что совсем не знаю его, что все совсем не так, как мне столько времени думалось.

— Шерин? — Позвал он. — Что с тобой?

Я заставила себя встретить взгляд серебристых глаз, прервав непонятно откуда взявшийся мысленный поток бессвязных страхов.

— Я просто не ожидала.... что ты.... Такой.

Его губы улыбнулись. Такие знакомые, родные. Неужели это они вчера целовали меня с такой страстью?

— Какой? — В его глазах мелькнуло беспокойство. — Что-то не так?

— Нет-нет.... Просто ты.... слишком идеальный, что ли.

Он на секунду застыл, переваривая услышанное, а потом вдруг рассмеялся. Несколько чопорных пар, ужинавших за соседними столиками, недоброжелательно повернули головы, но Халк не обратил на это никакого внимания.

— Так вот в чем дело! А я уж начал думать бог знает что.... Когда ты вошла в ресторан, я тоже дышать перестал, хотя всегда знал, что ты невероятно красива. И все равно оказался не готов к тому, что увидел. Ты — великолепна!

Я зарделась. Не столько от смущения, сколько от удовольствия. Мир возвращался назад, все снова становилось привычным и знакомым, облегчение вытеснило недавние страхи, а последующие слова и вовсе растворили их.

— Извини, если смутил тебя. Я просто все хотел сделать «правильно».

— В каком смысле?

Его глаза смотрели тепло, будто обнимали.

— «Правильно» — это сделать то, чего у нас никогда не было. Пригласить тебя на настоящее свидание, привезти в самый лучший ресторан, уделить тебе столько внимания, сколько ты заслуживаешь....

— Но ты всегда уделял мне внимание....

— Да, но никогда не имел возможности позаботиться о тебе.

— О чем ты говоришь?

Но как следует возмутиться, мне не удалось, потому что подошел официант, и пришлось прерваться на изучение меню и сделать заказ. Как только он удалился, Халк взял мою ладошку в свои руки, придвинулся вперед и поцеловал кончики пальцев.

— Тихо, тихо, кудряшка (От этого прозвища мои брови насмешливо взлетели вверх, отчего Халк улыбнулся). Просто послушай меня, хорошо? В Тали мои руки были связаны во многих отношениях, и я не мог позаботиться о тебе так, как хотел. Со мной рядом была самая красивая женщина, а я даже не мог приобрести для него хорошей одежды, потому что таких магазинов просто не было. Не мог взять тебя на свидание, потому что там не существовало ресторанов, куда бы ходили влюбленные пары. Я не мог выразить тебе, насколько сильно ты мне дорога, не мог подкрепить свою любовь действиями....

— Глупый.... — Только и удалось выдохнуть мне.

— ... А теперь я могу, Шерин. И именно это я и собираюсь делать. Водить тебя на свидания, баловать, одевать, заботиться, выражать тебе свою любовь всеми способами, которыми только мужчина может выразить свою любовь к женщине.

Он на мгновение замолчал, сжав мои пальцы. А я смотрела на него, и мне так хотелось покачать головой. Какой же он все-таки «глупый». Неужели не понял до сих пор, что полюбила я в нем не его возможности или невозможности «выражать свою любовь», а его характер, темперамент, все те черты, что делали его Халком, а не кем-то иным. Мне было плевать на одежду, на дом, практически на все. Я была уверена, что как-нибудь мы все равно выправили бы наше финансовое положение, даже если бы оно было шатким. А вот что для меня было по-настоящему важным, так это то, что он теперь был рядом. Он был тем самым Халком, которого я по позволению судьбы встретила и полюбила. И не важно, что случилось это в Тали, а не где-то еще. И какая разница, мог он мне покупать там красивую одежду или не мог. Мне хватало мороженого на лавочке в парке, чтобы понять, как сильно он меня любил.

Халк смотрел на меня. Долго, глубоко...

— Ты позволишь мне?

— Позволишь что?

— Заботиться о тебе. Любить тебя.

— Конечно. — Тепло ответила я и улыбнулась. — Это единственное чего я хочу. Чтобы ты просто был рядом. Неужели это так трудно понять. И ну тебя с твоими подарками!...

Я рассмеялась и погладила его кончиками пальцев по лицу. А он, не отрывая от меня взгляда, достал из внутреннего кармана пиджака маленькую коробочку. Открыл ее. Мягко оторвал мою ладошку от своей щеки, и, не спрашивая моего разрешения, надел мне на палец кольцо. Поцеловал тот самый палец, на котором теперь красовался его «подарок» и протянул мне обратно, будто говоря «смотри». Я перевела взгляд на свою руку. И теплая волна разлилась от сердца в мир. Та самая нить, что все это время соединяла меня и Халка, будто под пение небесных голосов вдруг превратилась в золотую цепь — прочную и негибкую, вечную и неделимую. Она смешала в своем сиянии двоих, сделав их одним целым, став завершающим элементом в идеальной картине любви.

На том кольце, чтобы теперь плотно сидело на пальце, не было ни бриллиантов, ни каких-то других камней. Но на нем из золота переплетались две заглавные буквы «ХК», будто провозглашая миру, кто теперь является законным владельцем моего сердца.

Я даже сказать ничего не смогла. Не удержалась, поднялась с места, обошла стол и села к Халку на колени, обняла его за шею и уткнулась носом в белый воротничок рубашки.

— Я тебя люблю. — Прошептала я. И было все равно, что на нас смотрят — кто-то укоризненно, кто-то с улыбкой, кто-то с сентиментальной ностальгией в глазах. — Я очень тебя люблю.

— И я тебя, Шерин. — Его пальцы гладили тщательно завитые в крупные локоны волосы. — И я теперь тот, к тому ты всегда будешь приходить — поплакаться, посмеяться, прося защиты или новый дом.

Я не удержалась и хихикнула. Затем отняла лицо от воротничка и посмотрела в его смеющиеся глаза. — И я никогда не оставлю тебя. — Тихо добавил он. — Что бы ни случилось, я буду рядом с тобой, для тебя, всегда тем, кто поможет, поддержит и будет любить тебя больше, чем кто-либо другой на свете.

Да, несмотря на костюм и белоснежную рубашку, он был тем же самым Халком. Моим Халком. Единственным мужчиной, рядом с которым я всегда хотела быть.

— Обожаю тебя! — Я потерлась носом о его щеку. — И всегда буду приходить к тебе поплакаться и за новым домом. И иногда за мороженым.

Мы рассмеялись. А рядом, не сдерживая улыбки, но и не прерывая нашего общения, тактично ждал официант, привезший на тележке ранее заказанные яства.

Стоило мне увидеть его, как я тут же соскользнула с коленей и заняла законное место за столом.

А дальше начался прекрасный вечер, наполненный любовью, взаимной нежностью и кучей вопросов и ответов.

— Халк, а что стало с Янкой?

— Я ее оживил. Пришел в изолятор и поработал с ее головой.... А как ты додумалась искать Дрейка?

— Ой, ты не поверишь! Так страшно было!.. Я ведь сначала продала те камни, что мне подарили каменоломы. Я тебе о них не говорила.... Продала, чтобы попробовать выкупить твою свободу в Корпорации.

— Да что ты? Ты снова туда ходила!?

— Ходила, да. Только мне отказали. Сказали, нам все равно, сколько у вас денег, мы с Комиссией не связываемся. И тогда я решила, что надо искать Дрейка и пошла к нему....

Какое-то время занял мой рассказ в деталях. Про звонки осведомителю, про поле, про то, как странно и страшно было стоять там. А когда мы с Халком обменялись тонной комментариев по этому поводу, то снова перешли к сторонним темам:

— Халк, а что стало с Табитой?

— Я нашел ей новый дом. Мы обязательно ходим к ней, она теперь при новом деле, чувствует себя нужной и полезной.... А тебе понравился наш новый дом?

— О-о-о! Он чудесный! Столько много комнат. Кто-нибудь следил за ним?

— Иногда приходила уборщица и садовник, которого я нанимал много лет назад. Нужно будет заплатить им за добровольный труд. А ты видела бассейн?

— Ага! Ты в нем плаваешь?

— А то! Если хочешь переехать под себя комнаты, мы пригласим дизайнера....

— Здорово! А кто теперь управляет ранчо?

— Парнишка один. Неплохой и не злобный. А как тебе Мак? Дэлл? Страшно было к ним идти?

— Ну, если только чуть-чуть.... А в Тали пошел дождь после того, как я уехала?

— Нет, так и не было. А где находится твой магазин. Покажешь мне?

— Конечно!

Вопросы текли бесконечно. Так много хотелось узнать, спросить, поделиться, почувствовать. Мы наслаждались обстановкой и друг другом. Этой новой свободой и тем комфортом, который испытывали, будучи вдвоем. Невероятным было так же представлять, что после ужина мы поедем «домой». Вместе. По-настоящему домой. Изысканность Халка теперь не смущала, а впечатляла. Я не могла дождаться, когда сниму с него этот пиджак и обнаружу под ним то, по чему так долго скучала одинокими ночами.

Но самое главное я уже получила. Оно было во всем — в касании его пальцев, в том, как смотрели его глаза, как нежно улыбались его губы, как текла между нами волна тепла. А все остальное было не так уж и важно. Сниму ли я с него этот пиджак сейчас или позже, когда именно он увидит мой магазин, захочу ли я отделять под себя комнаты. Кого заботят детали, когда главное уже есть, оно вот оно?

Время совсем не изменило его, да и с чего бы, если на Уровнях времени не существовало.

Все те же резкие черты лица, хищный нос, упрямый подбородок.... Вот только одежда была штатская, обычная. Потому как одежда на нем могла меняться в считанные секунды — с серебристой формы на такие вот обычные полинялые джинсы и неприметного цвета легкую куртку. Именно такой вид предпочел иметь Дрейк в этот день. И это было почти странно. И непривычно. Как и прогуливаться с ним по парковой дорожке с утра, глядя на затянутое серыми тучами небо. Хотя для Халка мало что теперь казалось странным. Все изменилось. Если раньше было привычно и по расписанию — все вещи на своих местах, действия по плану, а будущее предопределено, то теперь ничего привычного не осталось. И за четыре года все когда-то выстроенные планы разрушились.

— Я должен был так поступить. — Сказал Дрейк, разбив неприятное тяжелое молчание. Не то оправдываясь, не то вспоминая что-то свое.

Халк не стал возражать. Он знал, что Дрейк прав. Начальник должен наказывать неподчинившихся, должен учить наглядными примерами остальных, должен держать слово и следовать собственным правилам. Но Халк так же знал, что в той ситуации он не мог поступить иначе, и тоже был по-своему прав. Однако последствий это не изменило, и четыре года заточения болезненным грузом легли на плечи.

Дрейк молчал. Его кожаные туфли с острыми носками ступали по пыльному асфальту и редким листьям на нем. День выдался на редкость осенним. Не по времени года, а больше по ощущениям. В воздухе висела морось.

— Я удивился, когда она пришла. — Снова нарушил затянувшееся молчание Дрейк. — Не ожидал. Им обоим было известно о ком шла речь, и Халк промолчал. Он подумал о Шерин. О том как она после утренних ласк, запахнувшись в пушистый халат, пила на кухне кофе, просматривала журнал, собираясь в свой магазин. Так уютно и по-домашнему.

— Я не посылал ее к тебе и не просил ни о чем.

— Я знаю. — Дрейк посмотрел на Халка. — А ты изменился. Нет, не физически. Внутри.

И снова Халк не нашелся, что ответить. Да и что тут скажешь? Все под давлением обстоятельств

меняются. Когда-то он был более вспыльчивым, более резким, но вода сглаживает углы даже у камней. И та злость, что когда-то накатывала на него из-за такого решения, почти сошла на нет. Были времена, когда он думал, что никогда больше даже не заговорит с Дрейком — так сильна была скопившаяся обида, но то была мальчишечность. И после стало ясно, что только разговор может изменить ситуацию. Не молчание.

— Зачем ты хотел меня увидеть, Дрейк? — Это была первая произнесенная за утро Халком фраза. Но продолжил он не сразу. — За твое решение — спасибо. Теперь я свободен делать все, что пожелаю.

— Твоя правда. — Согласился начальник, прищурено поглядывая на бывшего бойца, будто пытаясь понять, что у того на уме, и как именно повернуть разговор, чтобы результат понравился обоим. — А ты уже придумал, чем хотел бы заняться?

Халк эмоций не выдал. Шел спокойно, как и прежде. Даже плечами пожимать не стал.

Признаваться в том, что скучал по друзьям и по прежней жизни, он не хотел. Хоть и скучал. Незачем давать дополнительные ниточки для дерганья. У Дрейка итак их много.

А вот чем он хотел бы заняться, Халк думал. И спокойный, пусть даже денежный бизнес его не привлекал. Он любил свою прежнюю жизнь не за спокойствие и не за сытость. А за то единство, что ощущал со своей командой. За тот адреналин, что бурлил в крови. За то ощущение, когда после удачно выполненного рейда, он мог сказать себе «Я смог. У меня получилось». Получилось то, что мало у кого другого бы вышло. Он не был просто тренированным бойцов. Он был воином от рождения.

И больше, чем по чему-либо другому, он скучал по тем вечерам, когда после удачно выполненных заданий, они собирались с друзьями — суматошные и сильные, просто чтобы поговорить, выпить, похлопать друг друга по плечу. Скучал по сумасшедшим и изнуряющим тренировкам в команде, которые выкачивали последние силы, но почему-то приносили ни с чем несравнимое моральное удовлетворение.

Скучал по тем моментам, когда знал, что прикрывает чью-то спину и сам прикрыт кем-то. Когда нужно было работать, словно единое целое, чувствовать один другого так же хорошо, как чувствовали друг друга сиамские близнецы.

Но он не будет частью команды, если уйдет из нее. Если займется другим делом.

Нет, конечно, друзья никогда не скажут и слова. И видом не покажут, что он стал чужаком, а вот ощущение единства пропадет. И пусть Халк будет приходить на посиделки, будет слышать о новых заданиях, но он уже не будет тем, кто непосредственно принимал в них участие. А, значит, будет испытывать дискомфорт и липовую радость, находясь в рядах тех, в чьих рядах он на самом деле уже не был.

И таких компромиссов Халк не хотел. Полуфабрикатов. Недоделок. Полумерных притворств, что он все еще «свой».

Поэтому он либо «в деле», либо нет. Других вариантов здесь не было. Халк впервые пожалел, что так и спросил, кто у них новый сенсор. Ведь не работали же они четыре года вообще без него?

Но Дрейка он в свои мысли посвящать не стал. Тридцать третья зона хорошо учила молчать там, где надо, и говорить только в тех случаях, когда необходимо.

— Нет, пока не придумал. — Коротко ответил он Дрейку, чтобы что-то ответить. Чтобы молчание не

было принято за грубость.

Они прошли еще несколько поворотов, свернули на одну из боковых дорожек. Здесь было так же пусто, как и во всем парке.

— Тогда я вот, что хочу тебе сказать. — Вдруг остановился Дрейк. Довольно резко и неожиданно. Халк тоже встал. — Я так и не нашел тебе замены. Плохо это или хорошо. Искал, но не нашел. Кандидаты были, но в команду не влились и хороших результатов не показали. Поэтому, если захочешь вернуться, двери для тебя открыты.

И в этот раз Халк постарался сдержать эмоции. Лишь сердце гулко стукнуло где-то в груди от проснувшейся надежды. Только вот раненая гордость занозой сидела на старом месте, привычно и глубоко, не позволяя наброситься на вновь появившийся в жизни шанс. Такая организация на Уровнях одна. И такая команда тоже. А Халк, как ни хотел открыть рот и просто сказать «да», а так и не мог. За что сам себя почти ненавидел в эту минуту.

А Дрейк будто почувствовал. Пристально взгляделся тому в глаза, а потом как-то резко изменился. Из непробиваемого Дрейка вдруг стал почти человеком.

— Возвращайся. — Сказал он. Как-то непривычно тихо и будто даже прося. — Я буду рад. И ребята будут рады. Они тебя ждали. А с меня, если позволишь, поздравительный торт вам с Шерин и прибавка к твоей зарплате.

Он не стал дожидаться ответа. Просто развернулся и пошел прочь.

Халк видел, как на нем по пути менялась одежда. Как полинялые джинсы уступили место серебристым штанам с белой полосой сбоку, и как невзрачная куртка через секунду гармонично дополнила костюм. И куда только подевалась штатское тряпье?

За поворотом начиналась ограда, у которой Дрейка уже поджидал автомобиль. Тот сел в него не оборачиваясь. Хлопнула дверца, взревел мотор.

А Халк так и стоял на опустевшей дорожке, вдыхая наполненный моросью воздух полной грудью. Из которой вдруг куда-то неожиданно пропала старая заноза. И гордость, будто новый медный чан посверкивала в лучах навалившегося облегчения от исцеления.

«А Шерин порадуетя тарту — глупо, но как-то легко и счастливо подумалось Халку. — И прибавка к зарплате — всегда вещь хорошая».

И с улыбкой на лице он зашагал к выходу из парка. Пружинистой, радостной походкой. Торопиться было некуда, но от хорошего настроения вдруг захотелось бежать, и Халк не стал сдерживать себя, а на полной скорости понесся вперед. Как когда-то давно, когда в жизни вообще ничего не тяготило, а было легко и свободно.

И бежать было здорово, просто так, не особенно выбирая направления, а просто поддаваясь рвущейся наружу, неизвестно откуда взявшейся энергии.

Жизнь все-таки дала второй шанс. И дала его красиво, не прося ничего взамен.

Теперь Халк знал, что Дрейк будет его ждать. И он так же знал, тот его дождется.

Всего неделю спустя, я висела у Халка на шее, радостно вереща.

— Это правда? Ты решил вернуться?!

— И не просто решил, а уже получил обратно весь боекомплект и пакет документов о том, что полноценно в должности, еще и на новой зарплате.

Халк сиял пуще солнечного дня. Этим утром он побывал у Дрейка в офисе, и вернулся домой всего

лишь несколько минут назад. Невероятно довольный, пышущий силой и уверенностью.

— Тренировки начнутся через две недели. А сегодня у нас дома будет большущий банкет. Придут ребята. А Рен даже прихватит свою девушку, так что у тебя будет женская компания.

Я радостно вздохнула и вновь посмотрела на счастливое лицо своего мужчины. Как же здорово было видеть его таким — цельным, вернувшим былую бодрость, избавившимся от глубокой усталости в глазах. Теперь он будто светился изнутри, и свет этот был ярче того, что через оконные проемы заливал особняк.

— А у тебя как дела в магазине? Уже освоила новую территорию?

Он говорил о том месте, что без моего ведома вдруг взял и выкупил в моле «Сомерсет» — невероятно дорогом шопинг центре, куда я, бывало, заходила после работы. Там находились одни из самых дорогих престижных бутиков и тысячи покупателей в день. Однажды вечером Халк просто взял и принес бумажку о том, что там теперь может располагаться мой новый магазин, если я того захочу.

Не буду упоминать о том количестве восторгов, которые вызвал во мне этот документ. К тому времени я уже давно подумывала о расширении, а приобретенное Халком помещение как нельзя лучше соответствовало всем требованиям. Вот только в заплаченной цене этот озорник так и не сознался, сколько я ни пыталась ее выпытать. Поэтому я просто бросила бесполезные попытки и начала радостно разрабатывать новый бизнес-план. И Линда оказалась вторым человеком, едва не плачущим от счастья, когда узнала о том, что мне край как требуется директор на новое место. Так что дел было невпроворот, но все они были волнующе приятными и вдохновляющими.

— Там работает бригада отделочников. Они закончат не раньше понедельника, так что мне там появляться нет необходимости. Линда, как волшебной палкой, машет руками налево и направо, и у тех все спорится лучше некуда.

— Вот здорово. Думаешь, успеем сегодня все подготовить к приходу ребят?

Моему энтузиазму не было предела. Я хитро блеснула глазами и кивнула.

— Я знаю, кто нам поможет быстро и вкусно приготовить на тонну народа. Не догадываешься? Халк хохотнул.

— У тебя есть ее телефон?

— Конечно!

Через минуту я уже названивала одному из самых лучших приобретенных друзей.

— Табита? Здравствуй! Как думаешь, ты смогла бы мне сегодня помочь на кухне? Тут такая толпа собирается прожорливая....

На том конце ответил радостный женский голос.

А через час после того, как она — бурлящая энергией и помолодевшая приехала в особняк, в дверь снова позвонили.

На этот раз доставили торт. Огромный, многоярусный, декорированный белой глазурью и цветами, какие я видела только в каталогах и на заказ. Потянувшись к записке, я с удивлением прочитала вслух «От Дрейка».

Халк, стоящий позади меня в вестибюле, стоило ему увидеть мое вытянувшееся удивленно-восторженное лицо, улыбнулся и подмигнул.

Эпилог.

Неделей позже.

Халк всюду наслаждался этим летним жарким вечером, сидя на одной из лавочек, недалеко от прогуливающих по морскому побережью людей.

Море было спокойным, почти ленивым, позволяя отдыхающим до поздней ночи наслаждаться купанием в теплой, как парное молоко, соленой воде. Шумели и поскрипывали тугими стволами пальмы, из прибрежных баров играла музыка. Лились рекой коктейли, повсюду пестрели короткие юбки и разноцветные купальники. Загорелые парни провожали своих не менее загорелых дам, кто до дому, кто до ближайшего дорогого автомобиля, чтобы продолжить отдых где-то в другом месте. Рай, да и только. Прекрасный тропический рай для тех, кто любил купаться не только в море, но и в деньгах.

В этом месте не было плохих домов. Были только дорогие или очень дорогие. И еще очень-очень дорогие.

Халк улыбнулся. Почти ласково. Довольно и расслабленно. Достал из кармана специально купленную для этого случая сигару, раскурил ее, равномерно запалив табак зажигалкой, и выпустил облако дыма в тропический влажный воздух. Еще раз осмотрелся по сторонам.

В этом месте было действительно хорошо. Климат позволял наслаждаться летом круглый год, а температура воды в море даже в самые холодные времена не опускалась ниже отметки в двадцать три градуса.

И именно в этом рае уже три месяца жил Алекс Вивер. Тот самый Алекс из-за которого произошла вся эта история с Шерин, приведшая в результате к выходу на свободу для Халка.

И он был этому рад. Но в то время как его несравненная лучшая половина считала, что опускаться до мести — дело неблагородное, сам же Халк считал делом неблагородным оставлять безнаказанными тех, кто любил жить вот в таких вот замечательных местах за чужие деньги.

Он считал, что такие вещи следует исправлять. Причем желательно самым «изысканным» способом. И способ этот был готов уже давно, а сегодня просто воплотился в реальность.

Халк проводил взглядом еще одну парочку, — даму на высоченных шпильках, выгуливающую крохотную собачку и ее мускулистого спутника и усмехнулся. Как показательно и как дешево здесь было на самом деле все то, что скрывало внешняя мишура. Даже удивительно, что кому-то это могло нравиться.

До самолета оставалось еще два часа, и он вполне мог позволить себе полюбоваться морским закатом, чувствуя, как пропитанный солью бриз колышет рукава легкой ситцевой рубашки, разукрашенной яхтами.

Все прошло просто великолепно. Даже более чем.

Всего лишь завтра, драгоценный Алекс узнает, что жизнь его навсегда и бесповоротно изменилась. Вот как-то так — rrr-а-а-аз! — и сделала крутой вираж в совершенно ненужном направлении. А начнется светопреставление с того, что Алекс застанет свою новую подругу, барахтающуюся в кровати его собственной спальни с фитнес-тренером.

Халк давно уже выяснил, что у Лилиан (новой девушки Алекса, той, что он когда-то показал Шерин на фотографиях) медленно и текуче развивался роман на стороне с накачанным и довольно привлекательным инструктором по имени Клаудио. То ли Алекс был недостаточно хорош в постели, то ли Лилиан была дешевой и падкой на каждого встречного дамочкой — Халка это не волновало —

но здесь даже трудиться не пришлось.

Короткий разговор с Клаудио прошел весьма успешно. Привлекательный парень очень нуждался в деньгах, а потому очень быстро согласился провести следующую встречу с Лилиан у нее дома, как только осознал, что сделай он это, и в его кармане тут же появится лишняя сотня долларов.

Ну и конечно не без стараний со стороны Халка, произойдет так, что Алекс вернется домой с работы рано и застанет любовников в самом разгаре телесного «торжества», что неизменно повлечет за собой душевную травму последнего.

Ах, как приятно!

А домой вернется Алекс потому, что ему на работу сообщат об угоне любимой машины — его ненаглядного Мазератти, приобретенного на деньги Шерин. И машины этой Алекс, увы, уже никогда не увидит. Какая потеря!

Халк неторопливо стряхнул пепел с сигары.

И все это лишь начало настоящего действия.

Задолго до этого, Халк выяснил, что приехав на остров, Алекс благополучно устроился работать по прежней профессии — инженера-проектировщика оружия — в одну из самых крупных военных компаний на трех уровнях. Действительно серьезный размах, множество офисов, крупные линии разработок и огромны партии поставок. И зарплата у Алекса, была, соответственно, очень существенная.

Все это было Халку только на руку.

Достать чертеж дизайна одного из автоматов, спроектированного Алексом, для их команды оказалось делом плевым. Рен быстро выудил его с защищенных серверов компании. После чего Халк слегка изменил рисунок — благо знаний в этой области у него было побольше, чем у Вивера, благополучно запечатал измененный дизайн в конверт, отнес на почту и отправил на собственный адрес, предварительно договорившись с работником почты о том, чтобы штемпель на конверте указывал не текущую дату, а годичной давности.

Таким образом у Халка имелось неоспоримое доказательство того, что дизайн автомата, вот уже более полугода успешно выпускаемого компанией, был украден у него, у Халка Конрада неким Алексом Вивером. И сама компании уже узнала об этом. Не далее как сегодня.

Директор и несколько других высокопоставленных лиц даже не стали спорить, только позвали экспертов для оценки схожести дизайнов, и через несколько часов, несколько бледные и вспотевшие уверили Халка, что автомат будет снят с производства, изъят из продажи на всех Уровнях, а виновник, то есть Алекс Вивер, будет наказан по закону и со всей строгостью.

А это Халка устраивало, да. Даже очень. Потому что «со всей строгостью» означало следующее:

Алекс будет лишен всех когда-либо выданных ему премий и зарплат, начиная с самого начала работы. Так же на него будет наложен штраф за тот ущерб, который его «воровство» принесло компании (а это все те прибыли, которые она уже получила и должна была получить в будущем за продажу изделия). Халк предположил, что такой штраф будет означать долг Алекса компании в размере примерно двенадцати — четырнадцати миллионов долларов.

Отсюда вытекало, что уже через сутки у Алекса будет изъят дом, мебель и абсолютно все личное имущество, представляющее хоть какую-то ценность. И если Вивер не выплатит долг в течение трех месяцев, то будет полноправно осужден Комиссией по просьбе собственных нанимателей.

Халк усмехнулся, представив себе эту картину.

А ведь чувство юмора у Комиссии странное. Она обычные тюрьмы не признает. И для таких, как Алекс, у нее найдется что-нибудь поизощренней.

Надо же, как круто, однако, может повернуться жизнь. И никогда не знаешь, где тебе повезет. Или не повезет.

И если Алекс захочет избежать суда, то, может быть, ему придет в голову обратиться в Корпорацию «Исполнение желаний», чьи рекламные плакаты Халк уже с удовольствием приметил вдоль побережья?

Кто знает.... Кто знает....

Корпорация может даже согласиться предоставить такие деньги Алексу, чтобы у того была возможность погасить долг. Вот только что Корпорация попросит взамен?

А вот этого уже не знает никто.

В глазах Халка блеснули серебристые льдинки, а губы сложились в недобрую усмешку.

И что бы ни придумал Алекс, а деньги от его пожизненных выплат будут перечисляться на счет Халка и Шерин, обустроявая их благополучную жизнь еще долгие и долгие годы. Ну, не иронично ли?

Заметив, что засиделся, Халк с удовольствием поднялся с лавочки, потянулся и еще раз вдохнул свежий морской воздух.

Хорошо здесь, все-таки.... Может быть, купить им здесь летний домик, ведь к тому времени, когда Шерин посетит это место, Алекс уже навсегда исчезнет из него. В любом случае, стоило подумать над этим вопросом.

Взглянув часы, Халк вышел на тротуар и подозвал окрашенную в розовый закатным светом машину такси.

Нужно было ехать в аэропорт. Потому что, несмотря на всю красоту тропиков, нестерпимо хотелось домой. Туда, где листая журнал мод перед вечерним телевизором, его ждала Шерин.

А она так не любила засыпать без кольца его рук и капризничала, если не могла уткнуться ночью носом в его шею. Посему не стоило ее расстраивать, его Кудряшку.

Халк улыбнулся, подумав об этом. Назвал водителю точку назначения — аэропорт, и откинул голову на заднем сиденье.

Как же это хорошо — возвращаться назад. И не просто в особняк, не просто в Клэндон-сити, а домой. Он никогда раньше не называл так ни одно место на земле, а теперь вот был счастливчиком. Тем, кому было куда возвращаться.

И всего лишь через три часа белесый след от самолета поглотит вечернее небо, а он уже войдет в прихожую, где его встретит счастливый возглас и запах самых мягких волос на земле, вкупе с самыми красивыми зелеными смеющимися глазами.

Посмотрев в зеркало заднего вида, водитель такси не удержался и спросил:

— Вы домой, наверное, летите?

Халк удивленно приподнял брови и улыбнулся.

— Почему вы так думаете?

— Потому что только когда нас где-то ждут, мы вот так улыбаемся.

Халк усмехнулся и посмотрел в окно, где в море медленно опускался розовый диск солнца.

Конец